

Александр Иосифович Немировский

Мифы и легенды народов мира. Т. 1. Древняя Греция

Координаты мифа

Если верить мифам, ни один из воителей, как ахейских, так и троянских, не имел такого великолепного щита, каким обладал Ахилл, сын Фетиды. Его не было даже у небожителей, которые порой сходили со своего многоснежного Олимпа на землю, чтобы встретиться с полюбившимися им людьми или вступить в битву, защищая своих любимцев. Для описания этого щита Гомеру потребовалось сто двадцать пять строк, тогда как для всего остального оружия, выкованного Гефестом по просьбе Фетиды, хватило и шести.

Щит из пяти составил листов и на круге обширном
Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.
Там представил он землю, представил и небо и море.
Солнце в пути неистомное, полный серебряный месяц,
Все прекрасные звезды, какими венчается небо;
Видны в их сонме Плеяды, Гиადы и мощь Ориона,
Арктос, сынами земными еще Колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана... [1]

Почему Гефесту пришло в голову изобразить на щите всю землю, небо и звезды, не говоря уже о многочисленных эпизодах сельской и городской жизни? Ведь воину, каким был Ахилл, важно было не то, как разрисован щит, а крепок ли он и сумеет ли противостоять ударам вражеских копий, дротиков и стрел!

Недоумение рассеется, если мы вспомним, что Фетида была не смертной женщиной, а богиней, и не просто богиней, а приближенной к прародителю богов Океану, первенцу Геи и Урана, рожденному задолго до Крона, – к быстротечному глубокому Океану, окружавшему землю и море. Она знала не из вторых рук, как устроен мир, и попросила бога-кователя запечатлеть на щите карту космоса и обитаемой земли – ойкумены. По ней Ахилл мог бы отыскать не только землю мирмидонян, где правил его смертный отец Пелей, но и Трою, куда он прибыл во главе отряда, чтобы вместе с другими ахейцами отстоять честь Менелая и наказать его оскорбителей.

Как щит Ахилла (подобно любому другому щиту) имел центр с небольшим возвышением, так и земля, имевшая форму щита, обладала в представлениях древних народов срединной горой, которую называли «пупом земли». В силу слабо развитых географических представлений и уверенности каждого народа в его превосходстве над другими народами греки искали «пуп земли» в своей собственной стране. Они поместили его на месте знаменитейшего храма Аполлона в Дельфах, посещавшегося не только греками, но и чужеземцами. Оставалось только объяснить с помощью мифа, что центральное положение храма – не людская выдумка, а факт, установленный самими богами. За этим дело не стало! Появился миф, будто Зевс послал с востока и запада двух орлов, которые встретились в воздухе прямо над Дельфами. В знак того, что Дельфы являются «пупом земли», там позднее, когда уже землю представляли в форме шара, был установлен мраморный шар с двумя золотыми орлами по сторонам.

Через срединную гору, или «пуп земли», у греков, как и у многих других народов, была мысленно проведена мировая ось, верх которой упирался в Полярную звезду, а нижняя часть уходила под землю, где располагалось царство мертвых – аид, а еще глубже – тартар, находящийся на таком же расстоянии от земли, как сама земля от небесной дали. В многосумрачном тартаре злегали корни земли и моря – все начала и все концы, и именно туда были низвергнуты побежденные Зевсом титаны.

Щит Ахилла помогает нам разобраться в казалось бы хаотических представлениях древних греков о том, что мы называем миром, а они именовали «космосом». Мы уже на пороге нашего путешествия в страну мифов узнаем, каким было пространство, где разворачивалось великое мифологическое действо, великая трагедия, участниками которой были богини и боги, титаны, гиганты, смертные мужчины и женщины, иногда удостоенные встречаться с небожителями, вступать с ними в брак и рождать от них героев. Вскоре мы убедимся, что действо развивалось не только в пространстве, но и во времени, что мир богов, построенный по образу и подобию мира людей, знал свою историю.

Спартанки, провожая своих сыновей на войну, напутствовали их: «Со щитом или на щите». Конечно же мы отправимся со щитом, чтобы с ним вернуться в наш современный, столь не похожий на древний космос мир. Щит Ахилла будет для нас не только пропуском в страну мифов, но своего рода компасом, который не даст заблудиться среди сложных и запутанных лабиринтов древних сказаний. И с самого начала он поможет нам усвоить, что миф – не сказка, а донаучное объяснение мира, соответствующее тому времени, когда возможности человека понять природу и историю были ограничены. С его помощью мы поймем, что миф сориентирован не только по странам света, а теснейшим образом привязан к местности,

острову, городу, и без этой привязки он теряет почву, лишается своеобразия.

Итак, перед нами не мифы Эллады вообще, а мифы отдельных ее этнических групп, городов-государств (полисов), хотя и имевшие повсеместное хождение. Возвращение богов и героев на породившую их географическую, этническую, общественную почву – едва ли не единственный путь для выявления исторической основы мифа.

Зевс Олимпийский работы Фидия (реконструкция)

Космос. Земля. Человечество

Миф о происхождении мира (космоса) из первобытного хаоса, рассказанный Гесиодом, относится к типу космогонических мифов, согласно которым мир постепенно развился из некоего первоначального бесформенного состояния, но в него вплетены теологические и антропологические сюжеты. На формирование этого греческого мифа, как установлено современной наукой, повлияли более древние религиозные системы (вавилонская, хеттская) с их учениями о поколениях богов и борьбе между ними, о закреплении за богами отдельных стихий, о различии между богами и людьми. Космогония Гесиода не была единственной в греческом мире. Одновременно складывалась и завоевывала признание в низах населения орфическая космогония, связанная с культами Деметры и Диониса. В ней было немало общего с космогонией Гесиода: «Орфей пел и рассказывал, что некогда небо, и земля, и море были соединены в одно, но потом рассорились и разделились». Но в этой космогонии Зевс побеждает не Кроноса, а Фаиеса (Свет или Любовь), а люди мыслятся состоящими из двух начал – дионисийского и титанического (благого и злого).

Для орфизма характерно нетрадиционное толкование происхождения богов. В этом отношении орфики выступают как критики гесиодовской «Теогонии». Эпименид признавал за начала Воздух и Ночь, из брака между которыми возникли Тартар и пара богов, породивших мировое яйцо. У Гесиода нет ни слова о мировом яйце, но в ходячей греческой мифологии мировое яйцо присутствует. Оно связано с мифом о Леде, к которой явился Зевс в облике лебедя, и она снесла после связи с ним два яйца, из которых вылупились Елена и Диоскуры.

Другой орфик – Ферекид (V в. до н. э.) – начинал свою «Теогонию» словами: «Зевс и Хронос (время) и Хтония, также ей имя Земля». Здесь появляется неизвестная Гесиоду троица богов, среди которых Хронос – переосмысление гесиодовского Кроноса (этимологически Кронос и Хронос не связаны). Появление времени как безначальной категории вместо Кроноса, этапа в истории космоса у Гесиода, – явление знаменательное в плане развития греческой мысли. Но значение этого открытия для античной историографии не следует преувеличивать. Влияние категории времени в орфическом истолковании мы находим лишь у Гелланика, который знал об Орфее и относил его к более раннему времени, чем Гомера и Гесиода, а также обозначал Геракла как «время». Но с этой концепцией спорил Геродот, и она не оказала влияния на других греческих историков.

Главное в орфизме – это подчеркивание центральной роли Диониса, с гибелью которого от рук титанов связывается начало истории человечества. В мифическом образе расчленения Диониса на части с последующим его воображаемым соединением воплощается орфическое представление о судьбе человечества, повторяющего судьбу Диониса. В этом пункте орфизм смыкается с христианским вероучением.

Орфики не только полемизировали с олимпийской мифологией, но выступали как исследователи мифа. Эпимениду, который, если верить Платону, ок. 500 г. находился в Афинах и произвел очищение города от Килоновой скверны, приписывали ряд сочинений, касающихся вопросов мифологии: это «Происхождение куретов и корибантов», «Теогония» (500 строк), «Аргонавтика» (6500 строк), «О Миносе и Радаманте» (4000 строк), «О жертвоприношениях в критском государстве». Судя по высказываниям Максима Тирского и других поздних авторов, писавших об Эпимениде, Минос и Радамант интересовали его в плане мистического учения о жизни как сновидении. Очевидно, Эпименид во время воображаемого сна вступал в общение с Миносом и Радамантом, и они истолковывали ему свои законы в духе орфических представлений. Точно так же и «Аргонавтика» Эпименида была не традиционным изложением мифа, а рассказом об участии в походе аргонавтов Орфея и изложением орфических представлений о смерти и о странствиях души.

Остановись, смертный!

Не иди путями бессмертных, если в тебе
бьется смертное сердце и течет в жилах человеческая кровь.
Не дозволи т Немесида увидеть то, что сокрыто от взгляда смертных.
Не пройти тебе мимо Горгон, при одном виде которых каменеет
тело и ты превращаешься в памятник собственного неразумия,
не проплывь мимо Сирен, заманивавших в воды смерти сладостным
пением. Остановись!
Если же у тебя в груди тлеет уголь лю бознания, вложенный
человеколюбивым титаном Прометеем, насыть его песнями
Гомера и Гесиода, которые им напели легкокрылые музы .

В начале всего был бесформенный, неопределенный в своих размерах Хаос, затем появились широкохолмая Гейя (Земля), глубоко залегающий в ее недрах сумрачный Тартар и извечная, существовавшая еще до них сила влечения – Эрос. Этим же словом греки называли божка любви, сопровождавшего богиню любви Афродиту, но Эрос, стоявший в начале мироздания, исключает то, что понимается самим Гесиодом под словом «любовь»: «Девичий шепот любовный, улыбки и смех и обманы, сладкая нега любви и пьянящая радость объятий». Он исключает какое бы то ни было чувство – было бы странным представить себе, что метеорит, летящий к земле, направляется силой любви. Эрос – это то, что мы назвали бы силой тяготения, существующей в мировом пространстве как закон. И эта сила приводит в движение и Хаос и Землю. Хаос производит женское начало – Ночь и мужское начало – Мрак (Эреб). Порождения Ночи – и мрачные, беспощадные божества смерти Кереры, и Танат (Смерть), и Сон (Гипнос), и целая толпа сновидений, и бесстрастные Мойры, в чьих руках с появлением человеческого рода сосредоточится людская судьба, и грозная богиня возмездия Немесида, и Обман, и Старость, и воплотившая в себе соперничество и раздоры Эрида, которая принесла еще не возникшему человечеству свое недоброе потомство – Изнурительный труд, Голод, Скорби, Битвы, Убийства, Лживые слова, Судебные тяжбы и Беззакония, но принесла и непреклонно справедливую Орку, карающего всякого, кто дает лживую клятву. А из соединения Ночи с Эребом рождаются легкий прозрачный Эфир и сияющий День. Свет из Тьмы! Этот образ известен и восточной мудрости: «И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил свет от тьмы, и назвал Бог свет днем, а тьму назвал ночью». Но в греческой картине сотворения мира в отличие от библейской нет Бога, который творит, испытывая от этого радость. Эрос, занимающий место творца, соединяет и разъединяет, но сам не ощущает ни красоты, ни безобразия. В мире еще нет чувств, но уже существует Закон.

Селена выходит из моря (ропись на сосуде)

Пробуждается и широкохолмая Гейя. Сначала ею рожден был Уран (Небо), чтобы дать богам прочное и вечное жилище, затем поднялись из недр ее Горы, чтобы могли найти там бессмертные временный приют, заполнили лесистые их склоны рожденные ею нимфы, разлилось по равнинам возлюбленное ею детище Море (Понт).

Уран – олицетворение мужского начала («небо» в греческом языке мужского рода). Породила его Гейя равным себе по величине, и Уран, по словам Гесиода, «точно покрыл землю» – мифологический образ, вызванный иллюзией, будто чаша неба точно накрывает лежащее под ней плоское блюдо земли.

Покрытие Небом Земли, понимавшееся как соединение Мужчины и Женщины, привело к появлению богов первого поколения – их было двенадцать: шесть братьев и шесть сестер, могучих и прекрасных. Не единственными они были детьми от союза Геи и Урана. Производит Гея на свет также трех огромных уродливых Круглоглазых (киклопов) с большим оком посреди лба, а вслед за ними еще трех надменных великанов – Сторуких. Но лишь титаны, взяв в жены своих сестер, заполнили просторы Матери-Земли и Отца-Неба своим потомством: они дали начало великому племени богов самого древнего поколения.

У старшего из них, могучего Океана, которого поэты называли «началом всего», было три тысячи дочерей, прекрасноволосых океанид, и столько же пронизавших всю сушу звонких речных потоков. Смертным никогда не запомнить их имен, как не вычерпать их вод, питаемых Океаном. Об истоках потоков-братьев Нила, Эридана и Истра знают лишь живущие на краю света суровые киммерийцы, блаженные эфиопы и черные человечки пигмеи, неустанно ведущие войну с журавлями. Какой смельчак найдет к ним пути? А если найдет, сумеет ли вернуться назад? Дано это лишь Гелиосу (Солнцу), порожденному вместе с Селеной (Луной), Эос (Зарей) и многочисленными Звездами другой парой титанов, занявшей высоты мироздания, да, может быть, быстролетным ветрам Борею, Ноту и Зефиру – крылатым внукам третьей их пары.

Рея дает Крону вместо сына Зевса завернутый в пеленки камень (роспись на сосуде)

Титан Иапет не мог похвастать столь же обильным потомством, как его старшие братья, но стал он славен немногими, зато великими сынами: Атлантом, взявшим на свои плечи тяжелую ношу небесного свода, и Прометеем, самым благородным из титанов.

Младшим сыном Геи и Урана был Крон, дерзкий и нетерпеливый. Не захотел он выносить не только высокомерного покровительства старших братьев, но и власти собственного отца. Может быть, и не решился бы он поднять на него руку и посягнуть на верховную власть, если бы не мать Гея. Поделилась она с возмужавшим сыном давней обидой на супруга: возненавидел Уран за уродство сыновей – Сторуких великанов и заточил, опутав цепями, в ее не знающие солнечного света глубины. Встретив в сыне поддержку, выбросила Гея из своих недр твердый сплав железа адамант, превратила его сильными руками в острый серп и передала Крону, чтобы навсегда лишил он отца возможности иметь потомство, раз тот не умел любить своих детей, какими бы они ни являлись на свет.

Подкравшись к Урану под покровом Никты, недрогнувшей рукой оскотил его Крон и захватил отцовскую власть.

Взяв в жены сестру свою Рею, Крон положил начало новому племени, которому люди дали имя богов. Но, поднявший руку на отца, опасался коварный Крон своего потомства и, чтобы никто не лишил его власти, стал проглатывать собственных детей, едва они рождались.

Горько жаловалась Рея на свою печальную участь Матери-Земле и получила от нее совет, как спасти очередного младенца. Как только ребенок появился на свет, Гея сама укрыла его в одной из тех недоступных пещер, которых так много в ее необъятных недрах, а Рея передала супругу запеленатый камень.

Тем временем Зевс – так назвала счастливая мать спасенного младенца – стал расти в скрытой от глаз глубокой пещере на склонах лесистой Иды, самой высокой горы острова Крита, лежащего посреди виноцветного моря. Там охраняли его юноши куреты и корибанты, заглушая детский плач ударами медных щитов и бряцанием оружия, а благороднейшая из коз Амалфея кормила его своим молоком. За это Зевс, заняв впоследствии подобающее место на Олимпе, постоянно заботился о ней, а после смерти вознес ее на небо, чтобы вечно сияла она в созвездии Возничего. Впрочем, шкуру своей кормилицы Зевс решил оставить себе, изготовив из нее щит – знак высшей власти. Этот щит так и называли «эгидой», от греческого слова

«коза». По нему Зевс получил один из самых своих распространенных эпитетов – эгидодержавный. А рог, который Амалфея как-то раз по неосторожности сломала еще во время своей земной жизни, владыка богов превратил в рог изобилия и отдал своей дочери Эйрене, покровительнице мира.

Возмужав, Зевс стал сильнее отца и не хитростью, как Крон, а силой поборол его и заставил извергнуть из чрева проглоченных братьев и сестер. Это были Аид, Посейдон, Гера, Деметра и Гестия.

Приближался конец эры титанов, которые заполнили к этому времени несколькими своими поколениями небесные и земные просторы. Начиналась эра богов, но им предстояло еще победить своих могучих предшественников.

Схватка богов и титанов

Дай разделить певцу твой быстротечный бег!

То Прометеев вопль или брань воздушных станов?

Где я! Вкруг туч пожар – мрак бездн – и крыльев снег,

И мышцы гордые напрягших мощь титанов...

Вячеслав Иванов

Успели уже у богов родиться и возмужать сыновья и созреть дочери, когда пришло, наконец, время решающей схватки. Равны были ярость и сила идущих друг на друга богов и титанов, и не было видно конца их сражению, пока не стало Зевсу известно, что, лишь освободив из заточения скрытых в недрах земли Сторуких, одержат боги победу.

Присоединились к богам также киклопы и кое-кто из титанов. С новой силой разгорелась жестокая битва, когда ринулись в бой Сторукие. Опыленные полученной свободой, они вырывали из тела Земли скалы и с силой обрушивали их на головы титанов. Зевс же без устали метал огненные молнии, которые едва успевали выковывать и подносить ему киклопы.

Гея поднимается из пропасти, чтобы спасти гиганта Полибота, своего сына от Урана, от гнева Посейдона (роспись на сосуде)

Застонала Земля, обжигаемая пламенем горящих лесов. Ничем не могла она помочь своим сыновьям. И побежденные титаны были низринуты в такую глубь Матери-Земли, что наковальня, если бы кто бросил ее вниз, лететь должна была бы девять дней и ночей. Там, в сумрачном тартаре, за охраняемой Сторукими медной дверью, навсегда должны были остаться бессмертные титаны, за исключением тех немногих, кто в начале сражения откликнулся на призыв Зевса и перешел на сторону богов, занявших многовершинный Олимп. Среди них – и сын Иапета Прометей, и старший из титанов Океан: хотя и не смог он поднять своего текучего тела на снежную вершину Олимпа, зато убедил это сделать суровую Стикс, старшую из океанид, и она первой явилась на Олимп вместе со своими детьми Никой (Победой), Силой и Мощью, чтобы вместе с олимпийцами обрушиться на титанов. Зевс не забыл этой услуги – он навсегда оставил при себе ее детей, а самой Стикс оказал небывалую честь – предназначил ей быть нерушимой клятвой бессмертных. С тех пор и клянутся ее водами подвластные Зевсу небожители, когда хотят скрепить договор самой верной из клятв.

Завершилось время Крона.

Боги и гиганты

Движением льдов вся долина обнажена.

Разломы скалы как клочья кровавые мяса,

И словно бы здесь орлом пробужденный от сна,

Владыка небес с земли сыновьями сражался.

Он выиграл бой и на свой удалился Олимп,

Они же, титаны, спустились в глубинные недра,

И здесь, под обрывом, среди перевернутых глыб,

Как нимб, распустился кровавый цветок рододендрон.

Но рано было радоваться олимпийцам. Не могла простить Гея надругательства над ее сыновьями-титанами, а также и того, что новые боги, вознесшись в небо, относились к ней с пренебрежением. И возрастила она в своих недрах из капель крови Урана, которые впитала, когда оскотил его Крон, еще одно поколение сыновей.

Ничего не подозревавшие боги, проснувшись, беспечно обратили взоры к наступающему дню и наслаждались бессмертием, как вдруг из внезапно образовавшихся на поверхности земли трещин потянулись ядовитые испарения – дыхание зашевелившихся в толще белотелых гигантов. Гелиос покрылся дымкой и стал похож на чем-то удивленное око. В обволокнушем все пространство молочном тумане змееногие чудовища казались еще огромнее и страшнее, чем были на самом деле. Из глоток, разверстых, как огненные кратеры вулканов, вырывался грозный рев. И было в нем столько надрыва, ярости и угрозы, что Олимп содрогнулся до самых оснований.

Не в силах дотянуться до обиталища бессмертных, земнородные стали швырять в небо все что попадется. Они выхватывали из земной тверди скалы и беспорядочно метали их ввысь. Именно тогда моря, заполняя образовавшиеся впадины и углубления, вторглись в сушу, и возникли новые бухты, проливы и острова.

Один из гигантов, вращая над головой земную ось, как дубину, оторвал прикрывавший ее островок Делос, и тот поплыл, гонимый ветром, как лист водяного растения. Боги, оправившись от пережитого потрясения, поспешили вступить в бой. Все небо прорезала карающая молния Зевса. На месте ее падения вспыхнул пожар, и впервые стали видны искаженные страхом и злобой лица гигантов, каждый вздувшийся от напряжения мускул их необожженных солнцем тел.

Зевс, поражающий молнией гигантов (резьба по камню)

Одну за другой метали молнии и другие боги. Но не остановило это натиска штурмовавших небо гигантов, ибо судил Рок, что лишь с помощью смертного боги смогут взять верх. И послал тогда Зевс Афины за своим сыном Гераклом. Узнав об этом, стала Гея шарить во мраке по своему телу в поисках растения, которое могло бы спасти сыновей. Но Зевс успел сколотить этот чудодейственный цветок до наступления дня.

Тем временем прибыл Геракл, вооруженный луком и не дающими промаха напоенными ядом

стрелами. Первая их туча обрушилась на гиганта Алкионея. Но на него не действовал яд. Он швырнул в Геракла скалу. Подхватив ее в воздухе, Геракл нанес гиганту той же скалой смертельный удар. С особой яростью сражался гигант Порфирион, и Геракл его одолел лишь с помощью Зевса. Гиганта Эфиальта Геракл убил при поддержке Аполлона. Гиганту Эвриту нанес смертельный удар Дионис. Гигант Энкелад обратился в бегство, но его догнала и прикончила могучая дочь Зевса Афина. Та же участь постигла и Миманта, с которым первоначально вступил в схватку Арес, ранивший его копьем, но гигант выхватил из моря остров Лемнос и швырнул в бога. Мимант пытался спастись морем, но владыка морей Посейдон отколол трезубцем часть острова Коса и, метнув в беглеца, убил его наповал. Лишь немногим гигантам удалось избежать гибели. Но, уstraшенные, они больше не угрожали победителям.

Тифон

Не давала покоя Гее горькая участь ее сыновей, и породила она в Киликии, соединившись с Тартаром, ужасного Тифона. Само его имя греки производили от глагола «тифоо» – дымить, чадить, испускать пар. Был Тифон выше всех гор. Головой задевал он звезды, простирая руки, одной касался востока, другой – запада. Вместо пальцев у него сто драконьих голов. Ниже пояса – извивающиеся, переплетающиеся друг с другом змеи, выше – колоссальное человеческое туловище, покрытое перьями. Вращающиеся глаза выбрасывали снопы пламени. Драконьи головы то изрыгали проклятия на языке богов, то рычали, как львы, то ревели, как быки, то лаяли, как собаки.

Дрогнули боги при виде Тифона и пустились наутек. Пробегая Египтом, они приняли облик обитавших там животных, надеясь таким образом обмануть чудовище. Аполлон обернулся коршуном, Гермес – ибисом, Арес – рыбой, Дионис – козлом, Гефест – быком. Только Зевс и Афина не стали прятаться от Тифона, а вступили с ним в бой.

Содрогнулась земля, и вместе с нею задрожали в тартаре титаны. Закипели от невыносимой жары моря и реки. Бросил Зевс в Тифона последнюю, самую мощную молнию. Расплавился Тифон и потек, как течет расплавленная руда, превращаясь в металл.

Впрочем, рассказывали, что Тифон сначала победил Зевса и, вырезав у него сухожилия, спрятал их в Корикийской пещере на территории Киликии. Выманив сухожилия у Тифона хитростью, Гермес вживил их в неподвижное тело отца богов. И битва возобновилась. Местами сражений были и гора Касий в Сирии, с которой хеттские мифы связывали победу бога-громовержца над змееголовым чудовищем Иллуянки, и гора Гем во Фракии, и, наконец, восточное побережье Сицилии, где Зевс навалил на Тифона огромную гору Этну. И поныне не может освободиться от этой тяжести Тифон, но в ярости извергает ядовитые пары и выплевывает огненную лаву.

Так завершилась последняя из битв богов с сыновьями Геи. Теперь боги могли владеть миром, не опасаясь за свою власть. На земле, на небе, в подземных глубинах был установлен угодный богам порядок. Сами неукоснительно соблюдая законы мироустройства, они неусыпно следили за тем, чтобы их не нарушил никто из смертных.

Гелиос и Фазтон

И там, где взоры обратив к деннице,

Мы только шар бездушный видим в ней, Там Гелиос в блестящей колеснице Сиял, сверкал и гнал своих коней.

Фридрих Шиллер (пер. В. Жуковского)

Гелиос, в самом имени которого – сияние, блеск, полыхание солнечного огня, принадлежал поколению титанов, считаясь сыном титана Гипериона и титаниды Тени, братом Эос (Зари) и Селены (Луны), и был древнее олимпийских богов. Поэты и художники представляли его красавцем с могучим телом, облаченным в тонкое, колеблемое ветром одеяние, со сверкающими глазами, с развевающимися волосами, прикрытыми либо лучистой короной, либо сверкающим шлемом. Каждое утро он появлялся на солнечной колеснице, запряженной четверкой белых как снег, крылатых и извергающих огонь коней (их имена – Свет, Блеск, Гром и Молния), и к вечеру опускался в Океан на западе, чтобы пересечь в огромную круглую, по форме его тела, барку. Ночной путь Гелиоса считался короче дневного, но времени этого хватало для отдыха.

Народы, которых первыми и последними касались лучи Гелиоса, назывались эфиопами. Они круглый год пользовались благосклонностью Гелиоса и поэтому считались счастливейшими из смертных. Их тела таили в себе солнечный блеск. У них пребывали боги в то время года, когда остальные части земли страдали от холода, и наслаждались там теплом, пышной растительностью и зрелищем вечно зеленых полей.

От дочери Океана Персеиды Гелиос имел дочерей Кирку и Пасифаю (жену царя Крита Миноса) и сыновей Ээта и Перса. Имелись две солнечные страны Эйи, куда были поселены дети Гелиоса: восточной страной правил Ээт, к западу от Греции – волшебница Кирка. Впоследствии восточная Эйя была отождествлена с Колхидой. Нельзя было попасть в эти страны ни морем, ни воздухом, так как плавающие ворота, которые в них вели, захлопывались, расплющивая любой корабль, морское животное и даже птицу, если, конечно, это не орел Зевса.

Еще у Гелиоса было семь дочерей Гелиад от нимфы Роды. А Климена, сестра Персеиды, родила ему также семь дочерей и сына Фазтона. Именно он нарушил установленный богами порядок.

Земля была еще окутана мраком, когда Гелиос направился в конюшню, где храпели и били копытами его горячие, не выносившие замкнутого пространства кони. Привычными движениями он подкатил колесницу и впряг их в нее. В это мгновение за спиной послышались торопливые шаги, и перед светлыми очами Гелиоса предстал Фазтон. И стал взгляд Гелиоса еще светлей, ибо у могучего бога была единственная слабость – он любил сына от Климены больше, чем других детей, и не мог ни в чем ему отказать.

– Отец! – воскликнул Фазтон. – Дозволь мне прокатиться на твоей колеснице. К утру завтрашнего дня я тебе ее возвращу.

Несколько мгновений Гелиос молчал, пораженный необычностью просьбы.

– Что это тебе вздумалось?! – наконец проговорил он. – Ведь то, что я делаю уже мириады лет, – не забава.

– Дозволь, отец! – настойчиво повторил юноша, и слезы блеснули у него на глазах. – Мои товарищи насмеялись надо мной! Иначе они не поверят, что ты мой отец. А твою работу я сделаю не хуже тебя.

– Подумай, сын! – проговорил Гелиос с тревогой в голосе. – Усидеть ли смертному в моей колеснице, если ни один из богов не берет ее управлять. Мои крылатые кони несутся как вихрь, преодолевая за один день такое расстояние, какое самый быстрый корабль не пройдет и за год. К тому же ты не знаешь дороги. Стоит от нее отклониться, как нарушится заведенный в мире порядок.

– Но ведь ты сам говорил, – возразил Фазтон, – что по небу проложена колея и кони к ней привыкли.

– Привыкли, – согласился Гелиос. – Но они норовисты. Сможешь ли ты удержать их?

– Удержу! – самонадеянно воскликнул юноша. – Ты считаешь меня мальчиком, а я...

Фаэтон обнял отца, сколько было сил.

Затрещали кости Гелиоса, и он с трудом освободился из сыновних объятий.

– Я вижу, ты силен! – с гордостью произнес отец. – Наклони голову, я надену на тебя венец. Возьми поводья и, что бы ни случилось, их не отпускай.

Фаэтон быстро вскочил на колесницу. В это же мгновение распахнулись ворота, и колесница вылетела в открытое пространство, как медный диск, брошенный рукою атлета.

Новое, еще не испытанное чувство полета наполнило сердце юноши гордыней. «Я, – с ликованием думал он, – правлю солнечной колесницей, и весь мир взирает на меня».

Кони неслись бесшумно, и об огромной скорости можно было судить лишь по тому, с какой стремительностью летели навстречу и скрывались за горизонтом звезды, как быстро бледнела и растворялась в утреннем тумане Селена, и сама колесница из ярко-красной становилась белой, меняя цвет, как металл под сильным огнем.

Все быстрее и быстрее мчались кони, из оси потянуло дымом, но Фаэтон этого не почувствовал. Забыв обо всем, он гнал коней бичом. Внезапно колесница накренилась, Фаэтон испугался, поняв, что колеса выскочили из наезженной колеи. Вспомнив последние слова отца, он крепче натянул поводья, но было уже поздно.

Охваченная пламенем солнечная колесница металась по небу, то взмывая вверх, то падая вниз. Край неба потемнел, и выступили звезды, каких еще не видели смертные. Можно было подумать, что их привлекло необыкновенное зрелище взбесившегося Солнца. Совсем в другом краю горизонта показалась Селена. Но бледный лик ее так исказился, словно это была совсем другая царица ночи.

Гелиос (слева внизу) правит квадригой, двигаясь вверх. Справа еще видна задняя часть коня Селены, тогда как сама богиня уже исчезла. На закат уходит едущая на колеснице крылатая Никта (ропись на сосуде)

Хуже всего пришлось Земле. Задымились покрытые лесами горы, и каждая из них стала огнедышащим вулканом. В реках и озерах закипела вода. Море вышло из берегов и обрушило на скалы кипящие валы. Населявшие тогда мир чудовищные драконы сгорали от невыносимой жары. Уцелели лишь те, которые забились в глубокие пещеры, чтобы через многие тысячи лет героям было на ком проверять свою доблесть.

И стала бы мертвой земля, если бы не Зевс. Он выхватил из колчана одну из самых разрушительных молний и метнул в Фаэтона. Разбежались бессмертные кони Гелиоса, а обломки колесницы разлетелись по всему свету, и еще теперь на земле кое-где можно отыскать ее остатки – сплавившиеся бесформенные куски небесного металла.

Долго искала морская богиня прах сына, пока не обнаружила его на берегу Эридана, сказочной западной реки. Она, захоронив юношу, вернулась к себе на дно, а ее дочери Гелиады остались на берегу реки, ибо скорбь их была безутешна. Горестный плач в конце

концов надоел Зевсу, и он превратил сестер Фазтона в плакучие ивы и тополя.

Жизнь вошла в свою колею. Только на огромном зеленом теле Геи-Земли появились желтые плечи пустынь, да в небе остался дымный Млечный Путь, след легкомыслия Гелиоса и безрассудства его несчастного сына. И еще появился янтарь – застывшие слезы Гелиад.

Селена

Ее оскорбляет хитрец и святой,

Когда середине верны золотой.

Но мы, неразумные, ищем ее В далеких краях, где жилище ее...

Мы грезим, придя к неприступной скале, О белом ее прокаженном челе,

Глазах голубых и вишневых губах, Медовых – до бедер – ее волосах.

Роберт Грейвс (пер. И. Озеровой)

Когда смуглянка Никта (Ночь) сменяла уходящего на покой бледнолицего брата Гемера (День), на радость природе из-за горизонта появлялась серебряная колесница, влекомая неторопливыми быками. Ими управляла Селена в длинном одеянии цвета шафрана, с лунным серпом на белом лбу.

Рождаемые ее затуманенным взором лучи, ниспадая на землю, сплетались между собой в сказочные узоры и образовывали какие-то фантастические строения. При появлении Селены море, охваченное беспокойством, с шумом катило волны на берег. И не было на земле смертного, не испытавшего с появлением Селены неясного томления и грусти. По воле Аполлона в часы Селены к людям с тонкой душой приходило вдохновение, и они прославляли полуночное царство, рассеивающееся с первыми лучами Гелиоса. Этим людям казалось, что и сама Селена подвластна чувствам, которые она пробуждает у смертных, и они поведали историю, в которую не поверит ни один здравомыслящий человек.

В Элиде жил юноша Эндимион. Сам Зевс взял его за красоту на Олимп. Эндимион был так прекрасен, что и Гера не осталась к нему равнодушной. Заметив это, Зевс обрек Эндимиона на вечный сон в одной из пещер. Однажды, случайно бросив лучи под свод пещеры, увидела Селена Эндимиона и, пораженная его умиротворяющей красотой, потеряла покой. С тех пор в часы, когда ее не видно из-за туч, богиня, остановив колесницу, спускалась в пещеру, нежно склонялась над спящим юношей, целовала смежившиеся очи и произносила те слова, которые поэты дарят своим возлюбленным. Слышит их Эндимион, но, зачарованный Гипносом, не в силах приподнять век и ответить на ласки. Поэтому всегда тоскует Селена, и ее тоска порождает среди всего живого такую же тоску. Воют, закинув головы, псы и волки. Люди, охваченные непонятным беспокойством, не находят себе места и подчас совершают такое, о чем сами забывают с приходом Гелиоса.

Эос

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.

Гомер (пер. В. Жуковского)

Сестра Гелиоса, розоперстая Эос, предшествует его восходу на горизонте. Предупреждая появление солнечной колесницы, она омывает землю росой, и капли ее горят на травах и листьях, как драгоценные камни. Как всякая женщина, Эос подвластна силе Эроса. Увидев со своей небесной высоты Титона, сына троянского царя Лаомедонта, она его полюбила и унесла в свой розовый терем на краю неба и земли. Желая делить с Титоном счастье вечно, Эос упростила Зевса даровать ему бессмертие, но по рассеянности, свойственной всем влюбленным, позабыла попросить о вечной молодости.

Шло время, измеряемое месячным ростом Селены и годовыми обращениями Гелиоса, и увядала красота Титона. На его лбу оно, словно резцом, прочертило глубокие морщины. Сморщились когда-то прекрасные щеки. Звонкий голос стал хриплым и дребезжащим. Не могла больше любить Титона Эос. Она сохраняла к нему лишь жалость. Поэтому она не сбросила его на землю, как поступила бы иная жестокосердная красавица, а держала в своем тереме за занавеской, стараясь видеть как можно реже, чтобы не страдать от горьких воспоминаний.

Однажды терем посетили боги, и, услышав из-за занавески хриплое старческое дыхание, устыдился Зевс, что выпрошенный Эос дар стал источником страданий и для нее самой, и для несчастного Титона. Отнял он у старца человеческий облик и превратил его в сверчка. С тех пор обитает сверчок в старых деревянных домах и напевает свою унылую дребезжащую песенку.

От Титона родила Эос прекрасного сына и дала ему египетское имя Мемнон. Он стал царем солнцелюбивых эфиопов – людей с пылающими лицами, обитавших на южной оконечности земли. Мемнон любил свои знойные пустыни и вознесшиеся к небу горы, где берет начало кормилец Египта Нил, и поэтому редко посещал чужие земли. Но, услышав, что троянцы терпят поражения и что им не смогли помочь пришедшие с севера амазонки, решил оказать поддержку своему дяде Приаму. Под стенами Трои Мемнон убил многих недругов троянцев, но и сам пал от руки могучего Ахилла. За поединком героев затаив дыхание следили не только смертные, но и божественные матери сражающихся. Эос сделала все, чтобы ее Мемнон остался жив. Она дала ему два ветра, которые могли бы его унести в случае смертельной опасности. Но золотое копье Ахилла не дало промаха.

Обратилась Эос с мольбой к отцу богов, чтобы тот разрешил похоронить сына на его родине. Смиловатился Зевс, и ветры унесли тело Мемнона в Эфиопию, где мать устроила ему пышные похороны. По другой легенде, Мемнон был похоронен неподалеку от Трои. Черный дым, вырвавшийся из погребального костра, принял облик птиц, и замелькали в воздухе подобия острых крыльев, кривых клювов и когтей. Обретя плоть, птицы трижды облетели костер и, разделившись на два стана, вступили между собой в бой. Закружился над землей черный пух, словно бы принесенный ветром из страны эфиопов, и раздались резкие крики, напоминающие чужую, гортанную речь. И каждый год, сколько бы ни прошло с той поры лет, прилетают эти черные птицы, чтобы отметить кровавым сражением смерть Мемнона.

Неутешная Эос и поныне в час своего появления на небе продолжает проливать слезы-росинки, не в силах забыть о своем кратковечном сыне. Не забыли о Мемноне и люди. А поскольку никто не знал толком, где на южном краю обитаемого мира лежит земля управляемых Мемноном эфиопов, следы его искали и в персидских Сузах, и в Сирии, и, конечно же, у истоков полноводного Нила в Эфиопии, пока не нашли их в Египте. Там во время землетрясения в 27 г. до н. э. от двадцатиметровой статуи фараона Аменхотепа III отвалился камень, и с тех пор на заре стали слышаться странные протяжные звуки. Греки, ничего не слышавшие ни о каком Аменхотепе, сразу поняли, что это и есть Мемнон, который стонет, жалуясь своей матери Эос, как только она поднимается на утреннем небе. Многие специально приезжали в Фивы, чтобы послушать чудесный голос. Греческий писатель Филострат так описывает эту статую, названную «колоссом Мемнона»: «Мемнон изображен безбородым юношей с ликом, обращенным к восходу, а изваян он из черного камня со сдвинутыми ступнями... И с руками, упертыми в трон так, что он словно бы еще сидит, но уже порывается подняться... От прикосновения луча тотчас уста Мемнона разверзаются, а очи словно зажигаются блеском в ответ восходу, как это бывает у солнцелюбивых людей».

Звезды

Окидывая невооруженным взглядом звездное небо, грек, вскормленный мифами, видел не скопления светил разной яркости и удаленности от земли и друг от друга, а развернутый свиток черной ночи с запечатленными на нем огненными знаками – судьбами птиц, животных, людей, сумевших услужить богам или тронуть их сердца избытком своих бед, поднятых на небо из чувства благодарности или из желания преподать урок живым. Не зная о звездном мире и сотой доли того, что теперь известно каждому школьнику, древние люди вычитывали по звездам историю человечества, полную жестокости и страданий, самоотверженности и любви, гордого порыва и жалкого падения. Они находили на небе полюбившихся им героев – Геракла, Персея, Андромеду и даже целый корабль со звездными героями «Арго». Взглянем и мы глазами греков на несколько самых известных созвездий, по которым древние ориентировались в пространстве или определяли время сельскохозяйственных работ.

Как и большинство народов, живущих в северном полушарии, греки, находясь в море, искали созвездие в форме ковша. В отличие от нас, которым его имя ничего не говорит, они вспоминали трогательную и поучительную историю.

Среди красавиц Аркадии выделялась одна, недаром носившая имя Каллисто («Прекраснейшая»). Ее, конечно, заметил Зевс и стал посещать втайне от Геры. Вскоре Каллисто родила сына Аркада, ставшего, как все обитатели гор, пастухом и охотником. Но как ни прятался Зевс со своей возлюбленной в пещерах и лесной глуши, усмотрела их Гера и превратила красавицу в неуклюжую медведицу. С ревом помчалась Каллисто по горам, призывая на помощь Зевса. Но первым услышал медвежий рев Аркад. Увидев матерого зверя, он выхватил стрелу и уже наложил ее на лук. К счастью, подоспевший вовремя Зевс успел остановить руку юноши. Но понял бог, что не удастся ему каждый раз спасти возлюбленную от Геры и охотников, и перенес ее на самый край неба, а чтобы не преследовали Каллисто звездные звери, забросил туда и Аркада, дав ему имя Волопас. Держит Волопас на цепи рвущихся к матери Гончих Псов, оберегает и от других хищников.

Редко обращала Гера взор на звездное небо. Следила она за землей, куда зачастил ее супруг. Но однажды, случайно подняв голову, богиня увидела два новых созвездия и по расположению звезд сразу узнала соперницу и ее сына.

Ярость охватила ревнивое сердце Геры, и, покинув Олимп, она спустилась к седому Океану и его сестре-супруге Тефиде.

– Смотрите! – вскрикнула она, показывая на небо. – Как жестоко оскорбил меня Зевс, подняв над миром блудницу и ее щенка. Я превратила ее в медведицу, он сделал ее созвездием. Видите, она улыбается, обратив ко мне свою мерзкую пасть. Я бессильна этому помешать. Так пусть она, по крайней мере, не опустится в ваши воды и останется косматой и грязной.

Сжалились супруги Океан и Тефида над Герой и с тех пор не дают Медведице и Волопасу погрузиться в море, как другим звездам. Успокоилась Гера, а мореходы обрадовались. Они всегда по Медведице находят север и путь к родной гавани.

Необъятно небо, и сколько бы ни изменял Зевс своей супруге, всегда отыщется на нем безопасное место для возлюбленных, преследуемых ревнивой Герой. И не один Зевс, но и другие боги поднимали смертных на небо – и в награду и в знак наказания.

Попал туда и болтливый ворон, став созвездием с этим именем. А случилось это так. Был у Аполлона на службе ворон, такой же белый, как он сам, сияющий, как лебедь или снег в стране гипербореев. Но погубил его язык. Услышал ворон, что одна из возлюбленных Аполлона, собиравшаяся родить сына, ему изменяет, и поспешил оповестить об этом бога. Скор на расправу Аполлон, стрелы его не дают промаха. Когда же несчастная упала, обливаясь кровью, узнал Аполлон от умирающей, что она невиновна. И вознегодовал Сребролукий на не в меру услужливую птицу. Стал ворон темнеть на глазах, ибо свершил он черное дело. Жесток Аполлон, но справедлив – не терпит доносчиков. И зашвырнул он ворона подальше от себя на небо.

Так же внимательно, как за Большой Медведицей, наблюдали мореходы и земледельцы за созвездиями Гиад и Плеяд, поскольку они указывали на изменения погоды и начало сельскохозяйственных сезонов. Появление на небе Гиад совпадало с наступлением дождей, откуда и их название: по-гречески Гиады – «дождливые». Но миф, естественно, по-другому объясняет и это название, и дожди, сопутствующие восхождению Гиад. Греки рассказывали, что у дочерей Атланта сестер Гиад был брат – страстный охотник. Однажды он не вернулся домой. Его проглотил Лев, дракон или какой-либо другой из небесных хищников. По нему,

недолговечному, и лили безутешные сестры слезы, заливая всю землю.

Дочерями Атланта считались также и Плеяды. В отличие от Гиад, которых в древности никто не мог сосчитать, так как их было много и они перемещались по небу с большой скоростью, Плеяд греки насчитывали ровно семь и эту цифру никогда не меняли.

Жили все семеро до того, как подняться на небо, в Беотии. Почти все имели божественных супругов, только скромная Мeroпа не привлекла внимания никого из богов, и пришлось ей выйти замуж за смертного. Появились сыновья, у каждой из сестер – своя жизнь, свои заботы.

А почему оказались сестры на небе все вместе, рассказывали по-разному. Одни говорили, что горе, охватившее Плеяд при вести о гибели сестер Гиад, было так велико, что Зевс решил поместить их на небе неподалеку. Другие уверяли, что все дело в великане-охотнике Орионе. Он преследовал прекрасных Плеяд столь неотступно, что те взмолились богам о спасении, и Зевс превратил их в нежных голубиц. Но Орион не успокоился. Могучий охотник, которому бы в пору ходить на львов и медведей, не гнушался такой мелкой добычей, как голуби. И не было на него управы, так что Зевсу пришлось перенести Плеяд на небо, где они составили созвездие. Впрочем, и это не избавило их от Ориона – со временем он тоже оказался на небе, совсем рядом с созвездием Плеяд.

Гордо появляются Плеяды на майском небе, зажигаясь яркими огнями. Только Мeroпа среди них почти незаметна – стыдится, что была женой смертного, и прячется за своих сиятельных сестер.

Ветры

Ты догадался – я Борей,
Родившийся под небом серым.
Дыханье северных морей
Я принесу к тебе в пещеру.
Помолодеешь в сквозняке,
Я затхлость всю твою развею.
А надоем тебе – в мешке
Отдай скитальцу Одиссею.

От титана Астрей (Звездного) родилось у розоперстой Эос три обвевающих землю ветра: западный – Зефир, северный – Борей, южный – Нот. Только они были отнесены к роду богов и получали от смертных жертвы. Остальные ветры, сколько бы их ни дуло на земле, Гесиод считает бесполезными:

Ветры же прочие все – пустовеи и без толку дуют. Сверху они налетают на мгlisto-туманное море, Вихрями злыми крутятся, на великую пагубу людям. Дуют туда и сюда, корабли во все стороны гонят... И разоряют прелестные нивы людей земнородных, Пылью обильной их заполняя и тяжким смятеньем.

Эти ветры – порождения чудовищного сына Геи и Тартара Тифона, сброшенного богами в мрачное царство его собственного отца и страдающего там от невероятной жары: она-то и вызывает губительную для людей влагу этих ветров. Другие недобрые ветры поэт связывает с потомством одной из океанид – «тремя кудрявыми гарпиями»:

Как дуновение ветра, как птицы, на крыльях проворных, Носятся гарпии эти, паря высоко над землею.

Ветры приобретают облик хищных, парящих в воздухе птиц, подобно ястребам, сающимся на землю и уничтожающим труды людей, оставляя их без пищи.

Из ветров полезных более всего приятен смертным Зефир, дующий из Гесперии, страны Запада, и приносящий теплые дожди. Страдая от холодного Борея и иссушающего Нота, греки верили, что эти ветры неизвестны на западной оконечности мира, на островах Блаженных, населенных особо отмеченными богами душами мертвых. Вместе с Зефиром на лугах Океана греки помещали быстроногую кобылицу, родившую от него чудесных коней, обладавших даром речи. Эти кони были подарены герою Ахиллу и выкормлены им.

Борей наделяли непостоянным, буйным нравом. Он мыслился с двумя бородатыми лицами – свидетельство того, что обитал на полюсе, где богам естественно смотреть в разные стороны. К человеческому туловищу Борей древние художники пририсовывали хвост, ибо удары Борея словно бы хлестали. Борей, в представлении греков, любил смертных дев и, пользуясь своей неуловимостью, нагло их похищал. Его изображали одетым в короткий хитон с мелкими складками.

Атлант из храма Зевса в Акраганте

Местом обитания Борея считалась прежде всего северная часть Балканского полуострова – Фракия. Там находил пристанище не только Борей, но и Зефир. Гомер в «Одиссее» поместил

полезные и вредные людям ветры на небольшой скалистый островок близ берегов Сицилии, где во дворце, обнесённом медной стеной, правил владыка ветров Эол. Греки приносили ветрам, как и другим силам природы, жертвы. Во многих городах материковой и островной Греции обнаружены воздвигавшиеся ветрам алтари. На глиняной табличке, недавно найденной на острове Крите, обнаружен текст середины II тысячелетия до н. э., упоминающий «жрицу ветров». В «Илиаде» Ахилл призывает себе на помощь Борея и Зефира, обещая им богатые жертвы.

Облака

Облака дали название одной из самых загадочных комедий афинского поэта Аристофана. Они выведены как «новые богини» у философа Сократа, ставящего их выше главы олимпийских богов Зевса. На самом же деле почитание облаков, как и других атмосферных явлений, древнее олимпийской религии. Сократ не ввел почитания облаков, а переосмыслил их, соединив образы народной религии с новыми взглядами на мир.

Представление о божественной природе облаков впервые появилось в предании о правителе Орхомена (Беотия) Афаманте. Была у Афаманта божественная супруга Нефела (Облако), которая родила ему детей редкой красоты – Фрикса и Геллу. Но облачная природа Нефелы не давала ей долго оставаться на одном месте. Однажды ночью, проснувшись от сильного порыва ветра, Афамант не обнаружил на ложе Нефелы. Утром он отправился на ее поиски, но не смог узнать супругу среди плывущих по небу облаков. Нефела объявилась сама, когда вторая жена Афаманта коварная Ино, возненавидев ее детей, попыталась их погубить. Вернувшись на землю, богиня спасла несчастных, посадив на златошерстого барана, который должен был перенести их по воздуху в далекую Колхиду.

Отрывая взгляд от земли, почаще наблюдайте за облаками. Иногда вам удастся рассмотреть в них исполинов, стелющихся по земле широкие тени. Но, возможно, вы увидите силеноподобного Сократа, широколобого, курносого, с расплывающейся улыбкой, и тогда вспомните молитву облакам, которую вложил в уста философу его великий противник Аристофан:

Облаков многотимых божественный род, Поднимайтесь! Взлетите! Мне лик свой явите! Даже если Олимп вас на праздник к себе позовет, Вы к молитве моей, громоносные, снизойдите! Даже если отрадней средь нимф, ваших милых сестер Легконогих, кружиться на берегах Океана, Покоритесь тому, кто к вам руки в молитве простер, Для кого вы, кормилицы, трижды желанны! Даже если спешите в Египет, чтоб всем разнести Влагу Нила в своих золоченых сосудах, Иль в болотах меотов затеряны ваши пути, Где бы ни были вы, нас услышьте оттуда!

Человечество и его века

Создали прежде всего поколение людей золотое

Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских...

Гесиод (пер. В. Вересаева)

Нашлось в Космосе место и человечеству. Но вело оно свое происхождение не от Крона. Творцом рода человеческого большинство поэтов считало Прометея, сына титана Иапета и одной из океанид. Именно он взял мягкую глину из тела Земли, давшей жизнь поколению титанов, замешал ее с водой речных потоков, быстротечных сынов Океана, и вылепил людей как земное подобие богов, ибо общая с бессмертными у них Мать-Земля. Первые люди не знали ни изнурительного труда, ни иссушающих забот, ни горестей: неистощенная земля, не терзаемая ни плугом, ни мотыгой, давала им все в изобилии. Стоило протянуть руку, чтобы в ней оказался сладчайший плод. Хлеб родился без пахоты и посева. Животные не боялись человека и давали ему свое молоко. Свирепые хищники, может быть, где-то и жили, но они не беспокоили людей. Не знали люди старости и недугов. Смерть, наступавшая после долгой жизни, была безболезненна, как сон. Время жизни первых людей называли золотым веком.

Исчезло это поколение, когда низвержен был в тартар Крон. Но Зевс не изгнал людей золотого века вместе с титанами с лица Матери-Земли. Превратились они волей могучего бога в невидимых покровителей новых людских поколений, сколько их ни будет рождено, в безмолвных свидетелей правых и неправых дел.

Второму человеческому поколению, названному серебряным, жилось намного хуже, чем первому. Но оно не ведало об этом, ибо не дали ему боги разума. Сто лет люди росли несмышлениками в домах своих матерей и тешили себя детскими забавами. Едва достигнув зрелости и набравшись кое-какого ума, они вскоре умирали, так и не успев насладиться полноценной жизнью. Не видя от этого поколения ни послушания, ни почестей, не находя в нем какой-либо пользы, Зевс упрятал его глубоко под землю.

Третье людское поколение, созданное Зевсом, называли медным. Люди с малолетства были вооружены копьями с медными наконечниками, носили медные доспехи, обитали в домах с медной кровлей и непробиваемыми медными стенами. Были они могучи телом и свирепы духом. Питались же мясом животных, не ведая вкуса хлеба. Каждый видел в соседе врага. Они вели бесконечные войны, и никто из них не мог объяснить из-за чего. Зевс побаивался этих людей и спустил их в самую глубокую и страшную область подземного мира, чтобы никто о них не слышал и не знал их имен.

Четвертое поколение обитателей земли оказалось справедливее и лучше первых трех. Это были герои, или полубоги, потому что происходили от богов или богинь, вступивших в связь со смертными людьми. Многие герои погибли в сражениях под стенами Фив или Трои, перебив друг друга, или погибли при возвращении на родину. Уцелевших Зевс переселил на острова, омываемые Океаном, и дал им блаженную жизнь людей золотого века.

Пятое поколение, появившееся после Троянской войны, греки называли железным и описывали его жизнь в самых мрачных тонах, предрекая при этом еще более суровое будущее:

Дети с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут. Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю – хозяину. Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то, Старых родителей скоро совсем почитать перестанут... Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью... Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые. Живыми станут вредить показаньями, ложно кляняся... Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый, Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело, К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных, Совесть и стыд. Лишь одни жесточайшие тяжкие беды Останутся людям... .

Здесь в миф вторгается современность, социальный и личный опыт поэта, противопоставившего свое злое время мифологическому прошлому. О бедах людей железного века, однако, говорится в будущем времени, которое наступит, если люди не остановятся в своих злодеяниях и не восстановится утрачиваемое почитание родителей детьми, товарищество, братство.

Подобное пророчество появляется в греческой литературе впервые у Гесиода. Оно имеет в качестве источника мощную струю древневосточной, прежде всего шумеро-вавилонской и иудейской литературы, использовавшей задолго до Гесиода ту же формулу критики современных социальных и моральных устоев.

Прометей

О, искра огня Прометея,
К Олимпу из мрака прорыв!
Но, ею бездумно владея,
Мы вызвали атомный взрыв.
Не горький ли опыт Икара,
Нарушивший Зевса закон,
Навлек олимпийскую кару,
Прорвав над Землею озон?
Мы знаем, что мир наш беспечен
И наши не вечны тела,
Но слава подставившим печень
Под когти кривые орла.

Тогда еще люди не знали Огня. Они бродили стадами по лесам и долам, собирая случайную пищу или нападая на диких животных. Если охота была удачной, они разрывали зверя на части и съедали мясо сырым. С наступлением темноты они валились на землю, зарываясь с головой в листву. Убежищами им служили пещеры, во мраке которых они жили вместе с летучими мышами и откуда убегали без оглядки, если пещеру облюбовал какой-нибудь опасный хищник.

Миром правили боги, жившие на многовершинном Олимпе, сильные и красивые, всеведущие и всемогущие. Всего у них было в достатке. Сытые и веселые, они считали, что все блага должны принадлежать им одним. И не было у олимпийцев соперников, кроме более древних властителей – титанов, порожденных Землей и Небом. Посланцем мира между богами и еще не поверженными тогда титанами был юный Прометей, сын вольнолюбивого титана Иапета. Прометей был наделен чутким сердцем и храброй душой. Не раз по дороге на Олимп он встречал людей, дрожащих от холода, страдающих от болезней и невежества. И хотя люди никому не жаловались, Прометей их пожалел и не побоялся облегчить им жизнь вопреки воле богов.

Как вестник мира Прометей поднимался на Олимп с жезлом в руке. Боги к этому привыкли, не заметив, что однажды Прометей пришел к ним с похожим на жезл полым тростником. Незаметно положил Прометей в тростник тлеющий уголек из очага богов. Спустившись на землю, он засыпал его у людского становища золой.

Нашли люди огонь и взяли его к себе. Они кормили его сухими ветками, защищали от сильных порывов ветра. Они делились друг с другом его теплом. С помощью огня человек изгнал из пещер хищников, научился жарить на углях мясо, обжигать горшки, варить пищу, плавить руду и изобрел многое другое, необходимое для жизни.

Прометей стоит перед Герой, которая приветствует его на Олимпе (роспись на сосуде)

Взглянул однажды отец богов Зевс на землю и удивился. Люди больше не бродили стадами, а жили семьями в хижинах и домах. Они определяли время по небесным светилам, овладели

искусствами, и если бы не смерть, против которой они были бессильны, их можно было принять за богов. И стал Кронид в ярости громыхать и швырять куда попало стрелы молний, когда же опустел его колчан, он вызвал к себе послушных слуг Силу и Власть, приказал им отвести Прометея в холодную землю скифов и приковать его там к скале. Вместе с ними он отрядил бога-кователя Гефеста с огромным молотом и толстыми железными цепями.

Был долог и медлен скорбный путь. В страхе перед идущими скрывались люди, звери и птицы. Смолкали цикады, сгорали травы, переставали звенеть по камням ручьи. Наконец, показались осыпи камней и уродливые, словно застывшие в судороге, морщинистые скалы. С ледяных вершин Кавказа повеяло вечным холодом.

– Остановитесь, – сказал Гефест своим спутникам, но от одного взгляда на непреклонные лица Силы и Власти осекся, поняв, что жестокая воля Зевса для них закон.

– Здесь! – молвила Власть, указывая на плоский утес. – Вот вечное место его мук. Приступай к делу, Гефест!

Гефест медлил, с содроганием глядя на свой молот, который по воле Зевса должен стать орудием казни.

– Поторапливайся! – приказала Сила. – И помни, что бывает с ослушниками.

Тяжко вздохнув, Гефест повалил Прометея на утес и прикрепил последние звенья цепей острыми клиньями.

Отведя взгляд, чтобы не видеть пылающих, как угли, глаз Прометея, Гефест остановил его на ладони титана. «Нет, это не рука вора, похитившего огонь, – подумал он. – Рука мастерового, и обречена она на тысячелетия бездействия! Какого бы прекрасного помощника обрел я в кузнице, не приди ему в голову отдать огонь людишкам».

– Возьми! – послышался резкий голос Власти, и Гефест ощутил холодное прикосновение металла. – Возьми и пробей ему этим грудь.

Гефест закрыл глаза и не глядя вбил острие в грудь титана.

Дрогнув Прометей, но ни один стон не вырвался из его уст. И только когда удалились мучители, он закричал – и так громко, что его мог услышать на противоположном краю земли его брат Атлант, поддерживающий небесный свод.

– Я не жалею, что принес людям Огонь. А Зевс пусть знает, что власть его не вечна. Будет он свергнут с Олимпа, и ведомо лишь мне одному, как мог бы он избежать падения, но не вырвать ему из моих уст этой тайны!

Донеслись гордые слова на многовершинный Олимп. И послал встревоженный Зевс быстролетного вестника богов Гермеса, угрожая узнику небывалыми карами, если не захочет он раскрыть своей тайны. Но не испугали титана угрозы, непоколебим он в гордом презрении к владыке богов и его покорному прислужнику.

Снова стал Зевс в ярости громыхать и метать молнии. Но захохотал в ответ Прометей, и лишь эхо разнеслось по земле. Тогда обрушилась по воле Зевса скала с титаном на долгие столетия в вечную тьму, а когда был возвращен Прометей на землю, ждали его новые муки. Отправил громовержец на Кавказ своего орла, приказав, чтобы хищник раздирал когтями тело титана и клевал его печень. За ночь страшная рана затягивалась и печень отрастала. На заре же над Кавказом вновь слышался плеск гигантских крыльев, заслонявших солнце. Орел опускался на грудь Прометея, и его муки возобновлялись.

Веками длились страдания Прометея. Но столь же долгой была людская благодарность. Гончары и люди других огненных профессий почитали Прометея как бога. Поэты всех времен и поколений прославляли в своих творениях Прометея как борца с несправедливостью и освободителя человечества.

Пандора

Человечеству приходится расплачиваться не только за собственные ошибки и преступления, но и за оказанные ему благодеяния, которые приближают его к богам. Так может быть осмыслен миф о Пандоре.

Узнав о передаче людям божественного огня, Зевс не ограничился страшным наказанием Прометея, но продумал план мести и людям, поднятым титаном из мрака.

Гефест, узнав, что его требует Зевс, бросив молот и наковальню, полетел на Олимп. Его поразила куча земли, возвышавшаяся у трона, и он вспомнил, что гнев отца был вызван забавами несчастного Прометея над этим грязным и непрочным материалом.

– Вот, – сказал Зевс, показывая на глину. – Возьми и вылепи прекрасную деву, чтобы она ни в чем не уступала богиням.

Гефест поскреб пятерней затылок.

– Тебе что-нибудь неясно? – нахмурил брови Зевс.

– Видишь ли, отец, у меня от молота огрубели пальцы, а это тонкая работа, и еще...

– Что еще? – перебил Зевс.

– Ты говоришь – не хуже богинь? Но они не похожи друг на друга. С кого лепить? Ведь если с моей супруги, Гера и Афина обидятся.

– Это верно! – кивнул Зевс. – Чтобы избежать ссоры, возьми у Афродиты губы, у Афины – руки, а у Геры... Впрочем, у Геры ничего не бери.

Через день Гефест явился со своей работой. Богини и боги откуда-то узнали, что Гефест лепит прекраснейшую из дев, и уже ожидали его появления. Обступив статую, они внимательно рассматривали ее.

– Какие у нее чудесные губы! – произнесла Афродита. – Эта глиняная девушка создана для любви.

– А я думаю, – возразила Афина, – что самое лучшее у нее – руки. Прекрасная будет работница.

– Ты права, Афина! – сказала Гера. – Именно руки! Зачем ей красивые губы? И так на свете слишком много дев, умеющих завлекать мужей.

– Почему она молчит? – спросил Гермес. – Служанка должна говорить, хотя бы немного.

– Это верно! – прогудел Гефест. – Но о голосе мне не было сказано, а сам я не решаю.

– Ничего страшного! – отозвался Гермес. – Я поделюсь своим голосом. Меня ведь слышно издали.

– Зачем красивой деве грубый голос глашатая? Ей нужен голос музы! – вмешался Аполлон. – Я об этом позабочусь.

Дождавшись, когда каждый из богов вручил глиняной девушке свой дар, Зевс пододвинул к себе плоское блюдо, на котором скрючившись, как раки, лежали какие-то существа, и сказал, обращаясь к богам и богиням:

– Каждый из вас одарил эту девушку всем, чем счел нужным. Теперь моя пора.

Всовывая в мягкую глину груди первого рачка, он сказал:

– Это хитрость!

Вставляя остальные, он приговаривал:

– Это коварство! Это завистливость! Это заносчивость! Это предательство!

– Зачем же такому чудовищу красивая внешность? – возмутилась Афродита.

– Тем вернее она привлечет смертных! – сказал Зевс после короткого раздумья. – Ведь их

взгляд поверхностен. Красота для них – как яркий свет для мотыльков. Они летят на нее и гибнут.

Сказав это, он обнял глиняную девушку, приложил к ее губам свои божественные уста и выдохнул воздух из могучей груди.

Глиняная дева открыла глаза и, улыбнувшись, прошлась между богинями, вызывая их зависть юной красотой.

– Иди ко мне, Пандора! – сказал Зевс.

Догадавшись, что зовут ее, дева обернулась.

– А что это значит – Пандора? – спросила она. Голос у нее был удивительной красоты и мелодичности.

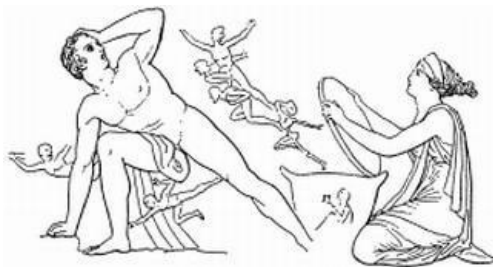
– Одаренная всеми! – отозвался Зевс. – Каждый из нас вложил в тебя свой дар. Но я приготовил для тебя еще это.

Зевс поднял сосуд, закрытый крышкой, и когда та прижала его к груди, пояснил:

– Это твое приданое.

– А что такое приданое? – спросила Пандора.

– Отец и мать на земле, – проговорил Зевс, – готовя девушку к семейной жизни, собирают дары для того, кто станет ее супругом. Поскольку я задумал тебя, приданое даю я.

Пандора открывает роковой сосуд (работа Флаксмена)

– А кто мой будущий муж? – с любопытством поинтересовалась Пандора. – Он такой же бог, как ты?

Зевс яростно повел плечами.

– Он сын могучего титана. Его зовут Эпиметей. Найди его и вручи этот сосуд неприкосновенным.

Пандора так и сделала. Она нашла Эпиметея. Он был так восхищен ее красотой, что согласился бы взять в жены и без даров. Сосуд, который ему вручила Пандора, стал для Эпиметея неожиданностью.

– Откуда он у тебя? – встревоженно спросил титан.

– Его передал мне Зевс.

Лицо Эпиметея испуганно вытянулось. Он вспомнил, что Прометей умолял его не принимать от Зевса никаких даров.

Взяв сосуд, он отнес его в кладовую, решив, что посоветуется с Прометеем, как быть. Но любовь не оставила для этого времени. Пандора же все время помнила о своем приданом. Улучив момент, когда супруг уснул, она проникла в кладовую и открыла сосуд. Оттуда роем вылетели несчастья и беды, которые Зевс загодя приготовил для человечества. На дне осталась одна надежда.

Девкалионов потоп

В ярости возвратился Зевс на Олимп. Боги, опасаясь его гнева, старались не попадаться ему на глаза, и только супруга Гера осмелилась спросить, что произошло на земле.

– Ты спрашиваешь, что произошло? – начал Зевс, кипя от возмущения. – Я спустился в Аркадию, где над смертными правит один из сыновей Пеласга Ликаон. И хотя я сменил свой облик и одеяние, он меня сразу узнал и пригласил на пиршество. И знаешь, чем он меня угостил? Человечиной! Конечно же я опрокинул оскверненный стол и перебил всех, кто попался мне под руку, а самого Ликаона превратил в волка. С диким воем он умчался в лес.

– Достойная участь нечестивца! – удовлетворенно произнесла Гера.

– Но и другие люди ничем не лучше Ликаона! – не успокаивался Зевс. – С тех пор как Прометей украл для них огонь, они стали невыносимы. И я истреблю их всех до одного!

– Но кто же будет приносить нам жертвы? – испуганно заверещали богини.

Но Зевс, уже принявший решение, ничего не слышал. Он летел на землю к острову владыки ветров Эола. Повинуясь приказу, Эол запер все ветры в пещерах, а пещеру южного ветра Нота открыл. И обрушился Нот на землю, повергнув ее во мглу. На леса и поля, на города и селения хлынули потоки воды, стирая границу между небом и морем. Пытались захваченные бедствием люди скрыться в горах, но Зевс попросил брата своего Посейдона сорвать все запоры, сдерживающие подземные воды. Поднял Посейдон свой трезубец и с колоссальной силой обрушил его на скалу. Разверзлись земные глубины, и наружу из каменных конюшен выскочили тысячи бешеных коней, потрясая белыми гривами пены.

Море стало беспредельным. И кажется, ни один клочок земли уже не возвышался над кипящим пространством. Только хрупкий плот качался на волнах, и на нем, прижавшись друг к другу, не смея поднять глаз на грозное небо, лежали двое пожилых людей. Это был сын Прометея Девкалион, загоя предупрежденный отцом о готовящемся потопе, и его супруга Пирра. Долго их носило в непроглядном мраке, пока плот не уткнулся во что-то твердое. Это была не затопленная водой вершина горы Парнас.

Вышли Девкалион и Пирра на сушу и заплакали...

Вода постепенно стала спадать, и взору двух одиноких и беспомощных старцев предстала страшная картина. Бесследно исчезли селения. Земля была завалена огромными вырванными стволами деревьев. Даже на вершину горы доносился смрад раздувшихся тел людей и животных.

– Лучше бы нам погибнуть со всеми, чем видеть это! – воскликнул Девкалион.

– А после нас, – добавила Пирра, – земля вовсе опустеет. Мы слишком стары, чтобы иметь детей. Не попросить ли нам потомства у Фетиды?

– Попроси! – отозвался Девкалион. – Богам все доступно!

Запрокинула Пирра голову, вскинула вверх обе руки и воззвала к богине:

– Скажи мне, Фетида, каким искусством мы смогли бы вернуть земле людей?

И тут же послышалось:

– Распояштесь, закройте головы и бросьте через них кости вашей праматери.

– Делай как хочешь, – возмущенно проговорила Пирра. – Но я не согласна на святотатство. Я дорожу памятью бабушки.

– Не горячись! – воскликнул Девкалион. – Не думаю, что богиня советует нам разрывать могилу. Речения богов нельзя понимать дословно. Не имеет ли в виду Фетида нашу всеобщую Матерь – плодоносную Землю?

– Что ты хочешь этим сказать? – недоумевала Пирра.

– Видишь камень, – продолжал Девкалион, наклонившись. – Согласись, что камни – это кости Земли, так же как почва – ее мякоть.

И они стали подбирать камни, большие и маленькие, складывая их в кучу. Когда куча выросла

им до груди, Девкалион и Пирра распоясались, закрыли головы краями одежды и не оглядываясь начали метать камни за спину.

И тут произошло чудо. Камни, касаясь Земли, теряли жесткость и неподвижность. Они становились мягкими, как глина, и, словно бы подчиняясь руке невидимого ваятеля, приобретали человеческий облик. Камни, бросаемые Девкалионом, становились юношами, а Пиррой – девушками. Соединяясь в пары, они расходились по земле. Так было возрождено новое поколение людей. Жизнь возрожденных из камней была тяжела и сурова, и они никогда не забывали, из какого материала созданы.

До Олимпа

Еще час откровений Гомера не пробил,
Европейской гармонии ставших зачатием,
И был космос как свернутый свиток в утробе,
Запечатанный темною критской печатью.
И бросалась царица в объятия бычьи,
От соития со зверем не ведая срама,
И царил над людьми не закон, а обычай,
И боги в пещерах рождались – не в храмах.
И Олимп зарождался Сатурнов, без буден,
И горячую землю топтали кентавры,
И державно тряслись обнаженные груди
Над распростертым в пыли Минотавром.

До того как сложились представления о высших богах, занявших подзвездный Олимп, у предков греков, как и у других обитателей земли, живших родами и племенами, существовала вера в земные существа, порожденные Небом, Морем, Землей и делившиеся на отдельные родовые группы. Эти создания на первоначальной стадии не имели определенного облика и представлялись бесплотными, но очень опасными и влиятельными существами. Затем, когда боги в сознании людей приобрели человеческий облик, духи (или демоны, как их называли греки) заимели женский и мужской пол, облик, приятный или отталкивающий, в зависимости от той среды, в которой они обитали, разделились по родам «братьев» или «сестер». Новое религиозно-мифологическое сознание с его представлениями о высших и низших: царях и подданных, господах и рабах – превратило порождения природы в слуг или свиту высших богов. Эти высшие боги разрушали их первоначальное единство, выхватывая одно или другое женское существо и делая его матерью других богов и героев, а некоторых перенося на Олимп.

В этой греческой путанице ученым было бы очень трудно разобраться, если бы в подобных существ не верили и другие народы, независимо от того, существовал у них свой собственный Олимп или он еще не сложился. В римской мифологии это лары, пенаты, лемуры, фавны и другие безликие «множества», о большей части которых римляне даже не знали, мужчины они или женщины, и, благочестиво принося им жертвы, спешили пояснить, чтобы не обидеть никого из демонов: богу или богине, мужчине или женщине. В славянской мифологии такого рода демонам соответствовали лешие, домовые, русалки; в германо-скандинавской – дисы, альвы, асы, ваны; в литовской – кауки, раганы, мани; в тибетской одним из подобных демонов был йеху, «снежный человек», встречи с которым безрезультатно ищут современные фантазеры (попробуйте найти в лесу лешего!).

Демоны природы считались дружественными или враждебными людям, как сама природа, частью которой они являлись. Эти существа виделись лукавыми и мудрыми, игривыми и коварными, добрыми и жестокими. Они могли то выручать людей из беды, то их преследовать, даже воевать друг с другом, как кентавры и лапифы в греческой мифологии, боги и асуры в древнеиндийской или асы и ваны в германской.

С разрушением родоплеменного общества, ростом богатства и вместе с ним индивидуализма из множества демонов стали выделяться такие, чей облик становился не менее определенным, чем у олимпийских богов. Так, из силенов выделился один Силен, нереиды обрели отца Нерея, продолжая оставаться «множеством» морских дев.

Таков в самых общих чертах процесс развития воображаемого мира демонов до их подчинения высшим божествам. Этими высшими божествами первоначально были еще не олимпийские богини, а богини природы, прежде всего Земля, которую никто не поднимал на Олимп. Она была, как мы помним, враждебна ему, посылая против олимпийцев титанов и гигантов. В текстах слогового линейного письма II тысячелетия до н. э. она известна под именами Диктина, Илифия, Атана, Потния. Последнее означало – «владычица» и могло относиться к любой из этих богинь. Археологически следы почитания этой богини-владычицы уводят в VII тысячелетие до н. э. Такой же глубокой уверенностью обладала древность, что у богини-

матери был находящийся на вторых ролях супруг, но им был не Зевс, а сначала Уран, затем Посейдон, объявленный впоследствии братом Зевса. Ныне мы с уверенностью можем сказать, что это был «старший брат», родившийся задолго до того, как возникло представление об Олимпе.

Нимфы

Летучих нимф был полон пруд лазурный,
Дриадами одушевлен был сад,
И светлый водный ключ бил искрами из урны
Смеющихся наяд.

Фридрих Шиллер (пер. В. Жуковского)

Необозрим был род нимф, олицетворяющих все движущееся и растущее в природе, все дающее жизнь растениям, рыбам, животным, – реки, моря, рощи, деревья. Главные из них – дриады (древесные), рождающиеся и гибнущие вместе с деревом, наяды (водные) – духи источников и ручьев, всего, что живет в воде, сестры славянских русалок, и ореады (горные нимфы). Своих нимф имели также долины и острова. Нимфы, живущие в ясенях, составляли особый вид – мелиады.

Нимфы обитают в глубоких, гулких пещерах, в чей загадочный мрак решится вступить не всякий. Там начинают свой бег ручьи. Нимфы склоняются над новорожденными водами. Вместе с ними они выходят из недр, пробивая земную толщу, и никому не остановить их движения.

Радуюсь солнечному свету, они искрятся, как бы пляшут. Места их выхода к людям священны. Там воздвигаются святилища – нимфеумы, где нимфам приносят жертвы.

Замеченные людьми целебные свойства выходящих из земли источников превратили нимф в спутниц бога-целителя Асклепия, в целительниц, дарующих здоровье.

Как частица природы, дающей людям радость, они стали харитами, т. е. милостивыми, благосклонными, и одновременно воплощением изящества, прелести, красоты. С превращением Зевса в верховное божество всей природы из «множества» харит выделилось три. Они были объявлены его дочерьми, то ли от одной из океанид, то ли от самой Геры, и эпитеты, которыми люди наделяли расцветающую природу, превратились в их имена, означающие в переводе на наш язык – Сияющая, Радостная, Цветущая.

С давних пор ручьи и реки служили местами гаданий. Туда бросали соплеменников или соплеменниц, подозреваемых в нарушении законов социума. Вынырнет испытуемый (испытываемая) – вины нет, нимфы оправдали. Пойдет ко дну – осудили, и нет у родственников ни к кому претензий, ибо нимфы, в отличие от судей, неподкупны и справедливы.

Были и другие способы вопрошать нимф, приобщенных к тайнам природы, что ожидает людей. Можно было бросить в водоворот таблички с какими-либо насечками (впоследствии – надписями) и наблюдать, потонет ли табличка, поплывет по поверхности или будет выброшена за пределы источника.

В качестве предсказательниц, нередко обученных искусству гадания самим Аполлоном, нимфы становились родительницами гадателей. Так, матерью прорицателя Тиресия, часто появляющегося в греческих преданиях, называли одну из нимф.

Нимфы могли наказывать тех, кто совершил преступление или не проявил к ним должного уважения. Они насылали безумие, и это наказание было страшнее многих других. Но вместе с тем в несвязных выкриках и словах безумного соплеменники стали искать частички тайной мудрости, которую нимфы вынесли из земных недр. Безумные стали рассматриваться как носители знания, скрытого от остальных людей. Так появились прорицатели и прорицательницы, пользовавшиеся величайшим уважением, безумие которых могло быть временным, как у пифии, надышавшейся паров, вырывавшихся из земных глубин.

Способность находить для выражения чувств и мыслей те вдохновенные движения, слова и звуки, которые недоступны человеку, находящемуся в спокойном состоянии, также воспринималась как своего рода безумие – одержимость. Человек, охваченный этим безумием, мог плясать так же исступленно, как нимфы, или обретал их знание жизни – и казалось, что он видит сквозь землю, обладает их зрением и слухом, понимает язык растений и птиц. Когда эти способности получили более высокое развитие, их стали приписывать покровительству сестер нимф – муз.

Как духи ручьев и рек нимфы отвечали за плодородие полей, лугов, за обилие пчел, за рост стад, так что древний грек, выходя из городской тесноты, слышал голоса нимф и в звучании ручьев, и в шуме деревьев, и в жужжании пчел, и даже в мычании коров. В произведениях греческих поэтов мы не находим восторженных описаний природы, свойственных современной литературе, потому что сама природа не была чем-то абстрактным – она имела облик нимф и их голоса. Культ нимф, которым было пронизано все сознание древнего грека, вся греческая литература, был культом одушевленной природы.

Нимфы долговечны, но в отличие от богов смертны. Источник может иссякнуть, дерево засохнуть. Нимфы хрупки, как сама природа, и требуют к себе бережного отношения. Древнему греку, ощущавшему не на словах свою близость с природой, испытывавшему страх и благоговение перед ее силами, не пришло бы в голову осквернить ручей нечистотами, без крайней необходимости срубить дерево, засыпать землю пруд, не говоря уже о том, чтобы направить течение рек в другое место.

Впрочем, случилось однажды смертному нарушить неписанный закон, и долго еще рассказывали греки в назидание потомству его поучительную историю.

В земле фессалийской, еще в ту пору, когда ее заселяли пеласги, жил некий Эрисихтон. И дом его был крепок, и стада обильны, но не знало меры ненасытное сердце. Прослышав, что где-то за морем дворцы владык подпирают кровлями небо, замыслил он вступить с ними в состязание. Приказал Эрисихтон рабам наточить топоры и повел их к вольно раскинувшейся дубраве, равной которой не было во всей земле пеласгийской. Отовсюду стекались туда люди молиться дриадам и оставляли там пестрые ленты на память. В центре рощи высился дуб вековой, особенно чтимый людьми и любимый дриадами. В полуденный зной, когда люди покидали рощу, боясь потревожить чуткий сон Пана, или ночью, при свете Селены, выходя из стволов, дриады водили под ним хороводы, славя великую владычицу дубравы.

С этого дуба и приказал начинать Эрисихтон. Не в силах поднять рук на святыню, уронили рабы топоры. Тогда сам господин, подняв секиру, нанес по стволу первый удар.

Медь вонзилась в кору, и древесная кровь заструилась из раны.

– Остановись, господин! – в ужасе закричал один из рабов. – Не испытывай гнева Деметры, хранящей дубраву!

Злодей повернулся к тому, кто осмелился перечить, и одним ударом снес ему голову. В страхе перед смертью подобрали топоры остальные рабы и принялись за работу.

Содрогнулся дуб от града ударов, и застонала живущая в нем дриада, которую все в округе почитали царицей дриад.

– Дом свой растила я столько веков, сколько всходит на небе Селена. Твои предки еще не родились, когда, соки земные вбирая корнями, я к Солнцу тянулась. Счастья не будет тому, кто дом свой воздвигнет, другие порушив...

Не успела закончить речи царица, ибо рухнуло древо, под собой подминая дубраву.

Напуганные и потрясенные горем, заменили дриады свой зеленый шелестящий наряд на темный, завядший и поспешили к Деметре. Знали они, что богиня, которая растит и лелеет все живое, не останется к их беде безучастной. И не ошиблись. Яростью наполнилось сердце богини, когда она услышала рассказ несчастных. И ответила Деметра нараспев:

– Есть в безотрадной стране, ей Скифия имя, дальний предел, где нет благодатных деревьев. Там выдувает тепло жестокий Борей и гонит холодным дыханьем снег по равнине бесплодной, вихрем его завивая. Над всем там властвует Никта, чудовищ рождая ужасных. Есть среди них одно, тощее, с пастью разверстой. Может едва ли не всех смертных оно проглотить, если они

мои благие законы нарушат. Имя Голод ему. Дам я свою колесницу драконам крылатым. Мигом туда вас домчат. Голоду волю мою передайте. Пусть он с вами немедля летит и вселится в тело того, чье имя звучит как удар топора по зеленой дубраве.

– Эрисихтон! Его зовут Эрисихтон! – хором пропели дриады и закружились в яростной пляске.

Между тем, вернувшись домой, отдыхал Эрисихтон. В мыслях он уже не только возвел дворец, но и пригласил в него многочисленных гостей и уже объяснял им, что стены – из вечного дуба, равного которому не было в пределах ойкумены. И долго бы еще он предавался мечтам, если бы с невидимой колесницы не скатился камнем невидимый смертному Голод. Нечестивец, его ощутив, завопил, поднимая на ноги весь дом:

– Где же вы, слуги! Голоден я, как тысяча псов! Открывайте все кладовые, несите как можно больше еды и питья!

Наполнился дом топотом ног. Выполняя приказ, спешат слуги доставить все, что было приготовлено к обеду.

Но чем больше пищи и вина поглощает Эрисихтон, тем мучительней терзает его неутолимый скиф. Не может дожидаться губитель дубравы, пока повара приготовят ему очередного быка или барана. И он уже пожирает целиком туши быков и коров, коз, баранов, свиней. Быстро уничтожил Эрисихтон все свои стада, а голод ничуть не притупился. Даже во сне не отпускает его, и, как жернова, работают челюсти, перетирая мнимую пищу.

Вот уже съедены выючные животные, за ними в пищу идут быстроногие кони, а когда опустели скотные дворы и конюшни, дело дошло до собак – и собственная свора, которой так гордился Эрисихтон как заядлый охотник, и бродячие псы, подвернувшиеся под руку слуг, а за ними и крысы. Но как огонь распаляется от новых поленьев, так и новая пища делала голод внутри нечестивца все ненасытней.

Эрисихтон требует новой пищи, не успев проглотить принесенной. А где ее взять, если проел он все свое состояние, скопленное его предками не за одно поколение. Рабы разбежались. И никто не стал их ловить, ибо боялись пеласги, что, выполняя приказы обезумевшего от голода соседа, его рабы перережут и их стада, передушат кур и гусей.

Выбежав на перекресток, стал просить Эрисихтон дать ему любые объедки, но и корки сухой никто не вынес, зная, за что он наказан. Стал нечестивец худеть. Глаза его провалились. Кожа высохла настолько, что сквозь нее проступили кости. Ноги стали тоньше тростинок. Уже не мог он кричать, требуя пищи, и кривыми зубами начал грызть свое тело.

Эхо

С развитием человеческого общества менялись его представления о природе и ее силах. Нимфы начали приобретать индивидуальные имена, стали больше походить на прекрасных дев, и человеческая дерзость, сестра неверия, соединила их с людьми, а когда появилось представление о небожителях, то и с ними.

Невозможно перечислить все личные имена нимф, часто совпадающие с названиями источников и ручьев (ведь каждый источник был обиталищем какой-нибудь нимфы). Не рассказать всех известных грекам историй любви или отвращения нимф к смертным и богам. Для этого потребовалась бы еще одна книга, такая же, как эта. В других разделах мы расскажем несколько таких историй – о пугливой Сиринге, ставшей тростником, чтобы избежать объятий козлоногого Пана, о прекрасной Дафне, превратившейся в лавровое дерево под жадной рукой преследовавшего ее Аполлона, об обительнице пустынного острова Калипсо, узнавшей краткое счастье со смертным. Здесь же рассказ пойдет о несчастной отвергнутой Эхо.

Пересмешницу Эхо мало кто видел даже тогда, когда она ничем не отличалась от своих сестер, но многие слышали.

И шутки ее не всегда безобидны. Попадет человек в беду, в горах или в лесу, подвернет ногу, упадет или просто заблудится, кричит, зовет на помощь, а ему отвечает Эхо. Была Эхо старше любого из олимпийских богов, и они, спускаясь на землю, узнали об ее существовании. Кличет разгневанная Гера своего супруга, заигравшегося с нимфами:

– Зевс! Зевс!

И Эхо откликается издевательски:

– Зевс! Зевс!

Надоели эти шутки Гере, и она укоротила нимфе язык так, что та могла лишь повторять последний слог:

– Е-е-евс! Е-е-евс!

И кажется, та же Гера (или Пан, оскорбленный невниманием нимфы) придумала, как усилить наказание Эхо. Она с помощью Афродиты лишила ее покоя, заставив полюбить прекрасного юношу Нарцисса. Раньше Эхо гоняла несчастных по лесу, теперь сама, гонимая любовью, бежала за Нарциссом. И однажды он уловил ее легкие шаги.

– Здесь кто-то есть? – крикнул он.

– Е-е-есть! – протяжно отозвалась нимфа.

– Так иди же скорее сюда! – воскликнул юноша.

– Да-а-а! – прошептала нимфа, показываясь между деревьями.

– Кто же ты? Почему не идешь ко мне?

– Не-е-е, – единственное, что могла ответить несчастная.

– Ты еще издеваешься надо мной! – рассердился юноша и быстро зашагал прочь.

– О-о-ой! – простонала ему вслед Эхо.

Отчаяние охватило ее от одной мысли, что никогда она не сможет найти общего языка с любимым и не попытается ее понять гордый, самоуверенный юноша, не раз отвергавший нежность даже тех нимф, которые могли вступить с ним в разговор. Не утешило Эхо и суровое наказание Нарцисса, обреченного богами на безнадежную любовь к собственному отражению в прозрачных водах ручья и превращение в цветок, вечно любующийся самим собой.

Тоскуя, бродила нимфа среди своих сестер, пока не потеряла прекрасный девичий облик, – остался от нее один только голос, который по-прежнему вторит крикам путников в лесах или горах.

Сатиры и силены

Древнегреческие леса и горы, кроме нимф, наполняли также многочисленные демоны плодородия – сатиры и силены, настолько близкие по своему облику низшие лесные божества, что сами греки часто путали их друг с другом, а потом и вовсе перестали различать. Их неразрывная связь с живой природой проявлялась в козлиных или лошадиных копытцах и хвостах, острых торчащих ушах, а иногда и задорно поднимавшихся козлиных рожках. Буйные, неукротимые, неумные в любви, вине и веселье, они с заселением Олимпа богами превратились в спутников бога вина и виноделия Диониса.

Впоследствии из массы силенов выделился один, обладавший явной индивидуальностью Силен, мудрый и музыкальный, но в то же время не способный устоять перед лишней чашей вина. Дионис, в свите которого он состоял, относился к нему с высочайшим почтением.

Однажды, когда во время продвижения через Фригию Силен пропал, Дионис посылает на его поиски сатиров. Прошло несколько дней, пока одному из сатиров удалось отыскать осла, на котором привык ездить Силен. Осел мирно пощипывал траву у ручья. Он, наверное, знал, куда делся хозяин, но, будучи бессловесным животным, не мог об этом рассказать, а только протяжно и возбужденно заревел, увидев существо, похожее на его господина. След к поискам пропавшего дал ручей. Когда сатир перед тем, как продолжить путь, решил напиться, он обнаружил, что вода ручья имеет вкус вина.

Узнав об этом, Дионис сразу понял, что кто-то влил в ручей много вина, чтобы напоить, а может быть, и поймать Силена. На это не мог решиться какой-нибудь пастух или земледelec. Но даже если бы у них хватило дерзости, откуда им взять столько вина? Так Дионис догадался, что Силена надо искать у Мидаса, и направился к городу Гордию, где находился царский дворец.

Дионис не ошибся. Мидас напоил заблудившегося Силена и увел его в свой дворец, чтобы узнать о том, что было неведомо никому из смертных. Силен рассказывал ему, что кроме Европы, Азии и Ливии (Африки), омываемых Океаном, имеется еще один материк, находящийся за пределами всем известного мира. По его словам, этот четвертый материк населен крупными животными и людьми-великанами, построившими множество городов с золотыми домами и золотой мебелью.

У Мидаса, слушавшего эти удивительные рассказы, от жадности загорелись глаза, и он лихорадочно начал думать, как бы добыть столько золота, чтобы возвести золотой дом, спать и есть на золоте.

Дионис, ворвавшись со своей свитой во дворец, увидел, что Силен находится в добром здравии, хорошем настроении и окружен подобающим почетом. Бог сразу же успокоился и даже обещал Мидасу выполнить любое желание.

Ни мгновения не раздумывая, Мидас воскликнул:

– Вот если бы ты мог сделать так, чтобы все, к чему бы я ни прикоснулся, становилось золотом!

Дионис удивленно посмотрел на Мидаса. Но, встретившись с его взглядом, в котором застыло напряженное ожидание и мольба, понял, что отговаривать царя бесполезно, и с жалостью произнес:

– Что ж! Пусть будет по-твоему.

С трудом дождался Мидас ухода Диониса и Силена. И как только они удалились, схватил он амфору, только что опустошенную гостем. Она на его глазах заблестела золотом. Облокотившись на стол, он с радостью увидел, что стол тут же стал золотым. Возбужденно заметался Мидас по дому, оставляя за собой золотые стены, золотые двери, золотую мебель и утварь. Теперь дворец его уже был недалеко от тех, которые, если верить Силену, возводили на четвертом материке великаны.

Выбившись из сил, ошарашенный царь приказал принести фруктов и ключевой воды. Но не успел он поднести наполненную до краев чашу к губам, как превратилась она в удивительной красоты золотой слиток, с которого, подобно ожерелью, свисали золотые капли. Потянулся он к виноградной кисти, и она тотчас же застыла в его руках золотой драгоценностью; хотел откусить от спелого яблока, не дотрагиваясь до него, но едва коснулся губами кожуры, как ощутил твердый металл.

И пришел в отчаяние Мидас, поняв, что ему суждено погибнуть от своей жадности.

– Прости меня, Дионис! – крикнул Мидас что было сил. – Возьми свой дар и передай его кому хочешь!

Услышал Дионис эту мольбу и, возвратившись во дворец, сказал царю:

– Иди к верховьям быстрого Пактола и окунись в его воды.

Немедля отправился Мидас к истокам горной реки и, раздевшись, погрузился в ледяную воду. Вспыхнули ее струи золотым блеском, и Мидас стал как все люди. С тех пор река получила название Золотоносной, и в ней стали добывать золотой песок.

Пан

В зеленых зарослях, убежище дриад,
Где сходят сети троп в таинственные логи,
Гроза нагих богинь, охотник козлоногий,
Неслышно крадется, завесив жаркий взгляд.
И нимфа слушает в смятении сторожкой,
Как с ли стьев каплют в мох росинки по дорожкам,
И в девственную грудь пьянящий льется зной.
Вдруг шорох... бог... скачок, – и к ней из-за оливы...
Хлестнуло хохотом, сверкнуло бели зной -
И нет...
И чащи вновь темны и молчаливы...

Жозе-Мариа де Эредиа (пер. Д. Олерона)

Подобно Силену, выделившемуся из множества силенов, населявших лесные чащи, особое место среди демонов леса занял Пан.

Обросший курчавой шерстью с прицепившимися к ней колючками от кустов, через которые ему приходилось продираться, с козлиными копытцами и уморительными рожками на голове, он издали мог быть принят, как любой сатир, за одного из тех животных, которых пас, если бы не две ноги и свирель, с которой он никогда не расставался.

Рожденный от связи нимфы то ли с Гермесом, то ли с Зевсом, он был ею брошен, едва появившись на свет, ибо внушал своим видом матери ужас, но был подобран отцом и отнесен на Олимп, где при виде его все боги покатались со смеху. Так наиболее распространенная поэтическая легенда рисовала происхождение имени Пана, объясняя его от греческого слова «все». Между тем Пан еще задолго до появления на Балканском полуострове греков почитался его древнейшими обитателями пеласгами, и, скорее всего, его имя происходит от пеласгийского слова со значением «пасти».

Пан – пастырь овец и коз. Пастухи считали его своим покровителем и приносили в дар молоко и мед диких пчел. Но он покровительствует также и охотникам и рыбакам – всем, кто общается с дикой природой и пользуется ее благами. Он охраняет неприкосновенность природы, ее мирный покой. Ему внушают отвращение все голоса и звуки войны – ржанье и топот коней, дребезжание боевых колесниц, бряцание мечей, свист стрел. Защищая свои владения от безжалостных пришельцев, он может испустить такой крик, что они побегут в ужасе, бросая бесполезное оружие, наталкиваясь друг на друга, падая со скал. Однажды, как рассказывали, он внушил страх целому войску, обратив персов в бегство под Марафоном, и за это афиняне воздвигли ему храм на северном склоне акрополя. Такой же страх наводил Пан на людей, если они тревожили его покой, когда в жаркое полуденное время он отдыхал где-нибудь в чаще или тенистом овраге. В эти посвященные Пану обеденные часы пастухи старались не шуметь, и даже их сторожевые псы остерегались лаять. Горе было тому, кто нарушал в «часы Пана» молчание. Выбегая из своего укрытия, Пан наводил тот безотчетный страх, который стали называть паническим.

Родиной Пана считалась гористая Аркадия, внутренняя часть Пелопоннеса. Ее первоначально называли «страной Пана» – Панией. Но почитали Пана повсюду, где пасли коз и овец, где сохранились не тронутые городской культурой уголки природы, главным образом в местах древнего расселения пеласгов.

Постоянными спутниками Пана были светловолосые голубоглазые нимфы. Часто они призывали его к себе, и он становился участником их хороводов, выходил на середину круга и плясал, неуклюже топая копытцами. Он – брат нимф, они – его сестры. Но никого не минуют стрелы Эроса. Раненный одной из них, полюбил Пан строгую и недоступную, а поэтому трижды прекрасную нимфу Сирингу, отвергающую, подобно Артемиде, мужскую любовь. Напрасно пытался Пан объясниться с Сирингой. Когда же он захотел ее обнять, она бросилась

бежать. Погнался за нею Пан. Не догнать бы Пану быстроногой беглянки. Но впереди река. Заметалась нимфа. Сзади слышится горячее дыхание Пана, острый запах его козлиной шерсти. И взмолилась Сиринга богу реки:

– Спаси меня! Погибаю!

Внял речной бог мольбе и обратил нимфу в тростник. Ослепленный любовью Пан не заметил этого превращения и свел свои волосатые руки. Но вместо девушки он обнял стройный, колеблющийся от каждого порыва ветра, щекочущий своим нежным прикосновением кожу тростник. Поняв, что больше никогда не увидит любимую, Пан откусил тростинку своими острыми зубами, проткнул отверстия камнем и, поднеся к губам сирингу – так он назвал свирель, – извлек из нее полные грусти звуки.

Сбежались на них отовсюду сестры-нимфы. Сиринга пела в губах Пана, словно бы обретя неведомую ей при жизни радость любви. По белым щекам нимф потоком катились слезы, такие же светлые и незамутненные, как это даруемое Афродитой чувство.

Возгордившись своим умением, Пан вызвал на состязание самого Аполлона, и тот, приняв вызов, явился в горы Тмола с золотой кифарой. Умение встретилось с божественным искусством. Бог Тмола присудил Аполлону победу. Но царь тех мест Мидас хвалил бесхитростную игру Пана. Разгневался Аполлон и, в ярости схватив Мидаса за уши, потянул, сколько хватило сил. Вытянулись у царя уши, стали напоминать ослиные. Закрыв их Мидас высокой шапкой, и знал о них лишь царский цирюльник, которому было приказано молчать под страхом смерти. Но не в силах был носить в себе эту тайну цирюльник. Он отправился к реке, где росли новые сестры Сиринги, и, поднеся ладони к губам, стал нашептывать, уверенный, что никто его не услышит:

– У царя Мидаса ослиные уши! У царя Мидаса ослиные уши!

Зашуршали на ветру тростники и разнесли эту весть по всему свету:

– У царя Мидаса ослиные уши!

Но не услышал этой новости Пан. Обиженный, он удалился в чащу лесов и никогда уже не вступал в соперничество с олимпийскими богами. Лишь с Дионисом ему было по-прежнему легко и приятно. Поэтому он присоединился к нему и вместе с его свитой обошел весь свет, предаваясь буйному веселью.

Согласно мифу, первым из богов исчез Пан. Это произошло во времена, когда по Римской империи распространялись восточные верования и новая религия – христианство, старым богам почти не приносили жертв. Их храмы рушились, и никто их не восстанавливал. Рассказывали, что, когда один корабль плыл из Греции в Италию, внезапно наступил штиль. Опустились паруса, и в безмолвии могучий голос призвал кормчего. Когда тот отозвался, ему было приказано плыть к лесистому мысу и там известить, что великий Пан умер. Как только кормчий ответил согласием, паруса наполнились ветром, и корабль побежал к указанному месту. Выйдя на нос, кормчий прислонил ладони ко рту и крикнул что было сил: «Умер великий Пан!» И тотчас же в ответ послышались рев, уханье, стоны. С шумом раскачивались верхушки деревьев. Птицы камнем падали в море. Вся природа скорбила о кончине первого из богов, предчувствуя гибель всех других.

Киклопы

Сыновьями Геи и Урана (Земли и Неба) были одноглазые великаны-киклопы Бронт, Стероп (или Астероп) и Арг. Заточенные отцом за буйство в Тартар, они были освобождены сыном Урана Кроном, но вновь оказались в Тартаре, пока их не вызволил Зевс, чтобы воспользоваться их помощью в борьбе с титанами. Они снабдили Зевса громовыми стрелами, изготовили Посейдону трезубец, Аиду же – шлем, делавший его невидимым. Согласно одной из версий мифа, представлявшей киклопов смертными созданиями, они были уничтожены Аполлоном за нападение на его сына Асклепия – не имея возможности отомстить Зевсу, Аполлон убил его помощников киклопов. По другой версии, киклопы стали рабами богов и героев. Их считали строителями древних городов Микен и Тиринфа, называя огромные блоки, из которых были сложены их стены, киклопическими. Известно, что до позднего времени им приносились жертвы в Коринфе.

В произведениях александрийских поэтов (III-I вв. до н. э.) киклопы превратились в ремесленников, изготовителей оружия для всех богов. Местами их обитания считали районы вулканической активности – Эолийские острова, склоны Этны, Флегрийские поля на западном побережье Италии. Они изображались пастухами, чуждыми городской жизни, не знающими вкуса вина, людоедами. Этот образ киклопов сложился под влиянием гомеровского Полифема, сына Посейдона, чудовищного великана, превосходящего дикостью всех остальных киклопов.

Божества вод

Стихия моря, до того как мифы отдали ее Посейдону, не была подчинена никому. Но море мыслилось населенным многочисленными божествами мужского и женского пола – морскими старцами, nereидами, тритонами.

Гомер и Гесиод сообщают о трех морских старцах – Протее, Нерее и Форкисе. У более поздних авторов появляется еще один старец – Главк (от слова «glaukos» – «лазурный, зеленоватый» и вместе с тем – «светлый, сверкающий»).

Греческая монета с изображением Посейдона

Рассказывали, что когда-то Главк был рыбаком. Однажды он заметил, что рыбы, выброшенные морем, через некоторое время вновь обретают силы и уходят в глубину. Присмотревшись, он заметил, что рыбы поедают прибрежные водоросли. Главк решил их отведать. И немедленно его охватило неодолимое желание броситься в море и остаться там навсегда. Руки его посинели, ноги срослись в рыбий хвост, чешуя покрыла все тело, а внезапно выросшая до колен борода приобрела зеленовато-бурый оттенок. Так, смертный от рождения, обрел Главк бессмертие, но не принесло оно ему счастья. Однажды увидел он морскую нимфу Сциллу. Она сидела на утесе, расчесывая золотые волосы. Главк полюбил ее и просил стать его женой. Но нимфа отвернулась, не желая даже вступать с Главком в разговор. Понял Главк, что причина отказа – его уродство, приобретенное вместе с бессмертием, и направился к волшебнице Кирке, чтобы вымолить у нее волшебный напиток и приворожить им Сциллу.

Но Кирка полюбила его и делала все, чтобы Главк забыл прекрасную Сциллу.

А когда он надоел коварной волшебнице своими просьбами, она вручила ему сосуд с зельем и посоветовала вылить в источник, где обычно купалась нимфа. Как только Сцилла вошла в прозрачную воду, ее окружили морские чудовища. В страхе выбежала она на берег и, спасаясь, бросилась в море, но уйти от вызванных волшебством чудовищ не смогла. Они присосались к ее телу, а затем накрепко приросли к нему. И стала Сцилла морским чудовищем с двенадцатью когтистыми лапами, шестью омерзительными головами на тонких шеях. Поселилась она на скале над проливом, отделяющим Сицилию от Италии. Возненавидев весь мир, она нападала на проплывавшие мимо корабли, выхватывая с палубы мореходов. Но особенно ненавидела она рыбаков и безжалостно топила их лодки.

Главк же, увидев, какой стала по его вине красавица нимфа, в ужасе опустился на дно и с тех пор лишь изредка выплывал на поверхность, чтобы предсказать будущее морякам, добившимся его благосклонности.

Раскрывать богам и людям их судьбу мог также Протей, но в отличие от Главка он никогда не делал этого по доброй воле. Его нужно было поймать и крепко держать, не пугаясь, когда он меняет свой облик, превращаясь то во льва, то в тигра, то в дракона, то растекаясь водой или становясь деревом, скалой и даже огнем. Смелчак, не разжавший рук, может покорить Протея и добиться от него предсказаний.

Даром пророчества обладал и Нерей, который тоже изменял свой облик, как меняет его непостоянная морская стихия. Правда, в отличие от Протея его превращения ограничивались живыми существами.

Помимо склонности к превращениям и проникновения в будущее всех трех старцев отличала справедливость.

Понять происхождение этих образов удалось после того, как были выявлены их параллели у других народов индоевропейского происхождения. Древние индийцы и персы почитали

«потомков воды» (апам напат), древние кельты – Нехтана, этруски – Нетунса, римляне – Нептуна, демонов вод с чертами морских старцев. В славянской мифологии им соответствует Водяной.

Такая черта морских старцев, как справедливость, стала понятной из существовавшей у тех же и многих других народов практики решать, виноват ли обвиняемый в том или ином преступлении, бросая его в воду со связанными руками. Поможет выплыть морское божество – значит, признало его невиновным.

Нереиды

В греческой мифологии наибольшее значение имел Нерей. Недаром в отличие от Главка и Протея, не получивших постоянных мест обитания, и даже своего брата Форкиса, любившего устраиваться на песчаном берегу или в скалистых бухтах, он имел в морских глубинах собственный дворец с золотым тронem, где жил со своей женой, вечно юной океанидой, и считался отцом множества дев, которым дал свое отчество – Нереиды. Впрочем, были у них и личные имена (у Гомера их 33, у Гесиода – 51), а у некоторых (Амфитриты, Фетиды, Галатеи, Орифии) – и мифические биографии.

Имена их интересны сами по себе. В переводе они означают – Спасающая, Дарующая добро, Правдивая, Заботливая, Вдохновляющая, Выполняющая, Печальная, Бушующая, Приносящая затишье, Успокаивающая волны, Живущая в морской зелени, Береговая, Песчаная, Красноречивая, Плавающая, Островная, Быстрая, как кобылица, Оплывающая моря, Первая и т. п.

В центре изображена борьба Геракла с Тритоном, сопровождаемая пляской легких, как морские волны, нереид

Эти имена более, чем любые связанные с нереидами сюжеты, характеризуют такую же справедливую и благую, как у их отца, природу морских дев и одновременно утерянную современным человечеством особенность видеть мир моря во всем его единстве и разнообразии. Нереиды, воплощающие бесчисленные морские волны, – сестры, но не близнецы. У каждой свой характер, зависящий от глубины моря, быстроты течения, силы ветра, особенностей берега и даже от освещения. Эти названия – свидетельства более интимной близости людей к природе и большей зависимости от нее. Ведь греки плавали не на громадинах, с грохотом раздвигающих волны носом и рассекающих их стальными винтами, а на маленьких суденышках. Они различали волны по силе, по цвету, даже на ощупь и давали каждой свое имя.

Нереиды могли дремать в морской глубине или, мирно окружив золотой трон своего отца Нерей, сидеть за ткацким станком в его подводном дворце. И тогда спокойно было плыть кораблям, спешившим перебраться от берега к берегу, не теряя из виду земли. Порой они выбегали в своих длинных светлых одеждах на берег, чтобы поиграть с белокрылыми чайками и высушить свои зеленые косы. Но могли они предаваться и диким забавам – плясать, высоко выбрасывая брызги, выпрыгивать на морские утесы, неумно водить хороводы. Горе было мореходам, если в игры нереид включались тритоны – юноши с рыбьими хвостами. Исступленно трубя в морские раковины, они возбуждали небывалое буйство стихии, успокоить которое могли, сменив рев своих раковин-труб на тихую мелодию спокойного прибоя.

Не бессмертны долговечные и всегда юные нереиды, но в их власти даровать бессмертие людям. Однажды нереиды, резвившиеся под высокой скалой, услышали пронзительный женский крик. Сверху мелькнула тень, и, подставив свои белые руки, они подхватили женщину, прижимавшую к груди ребенка. Вынесенная в голубой грот, женщина поведала свою историю:

– Меня зовут Ино. Я дочь Кадма и супруга царя семивратных Фив. Я родила ему двух сыновей. Все было бы хорошо, если бы владычица Гера не наслала на мужа безумие. Выхватив лук, он застрелил нашего первенца. Спасаясь от смерти, я бросилась в море. Что теперь со мной будет?

Никто не знает, почему решили нереиды, чтобы судьба Ино сложилась не так, как у многих других несчастных, избравших морскую пучину для сведения счетов с жизнью.

– Ты будешь жить с нами, – сказала старшая из нереид. – Бросившись в нашу стихию, ты

перестала быть прежней Ино. Теперь твое имя Левкофея (Белая богиня). Забудь обо всем, что тебя волновало и мучило в той жизни.

И стала Левкофея морской богиней. Морская соль выела из ее памяти то, что она рассказала nereидам, и то, в чем не захотела признаться, – как преследовала детей своего супруга от первого брака Фрикса и Геллу. Забыла Левкофея о том, что была нежной матерью и злобной мачехой. Сохранилось лишь смутное воспоминание о верхнем мире и любовь к нему. Она переносила ее на всех, кто терпел в море бедствие, и если ей удавалось, сама или с помощью дельфинов выносила обессиленных мореходов на берег.

Не всегда неразлучны nereиды. Иногда они отделяются от сестер и становятся женами и подругами богов или их земных сыновей. Амфитрита, с тех пор как стала супругой Посейдона, проводила большую часть времени в его подводных покоях. Навсегда оставила любимых сестер Орифия. Она была похищена богом северного ветра Бореем и родила ему могучих сыновей Зета и Калаида. Впрочем, по другим рассказам, Орифия была не nereидой, а дочерью афинского царя Эрехтея, первоначально мыслившегося как морское божество. С некоторых пор не резвилась вместе с сестрами и Галатей. Горячо полюбила она сына владыки лесов Пана, прекрасного Акиса, но влюбленный в нее сицилийский киклоп Полифем, сын самого Посейдона, погубил прекрасного юношу, обрушив на него тяжелую скалу. Сжалились боги над неутешным горем Галатеи и превратили кровь Акиса в бурливый речной поток, устремившийся к морю, чтобы слиться со стихией Галатеи и с нею самой в вечной любви.

Брак Пелея с Фетидой (роспись на сосуде)

Даже Фетида, хотя она и считалась «госпожой пятидесяти nereид», стала часто покидать морские просторы, чтобы встречаться с царем фессалийского Иолка Пелеем. Не стремилась Фетида к этому браку. Но такова была непреклонная воля Зевса. Узнал Зевс от Прометея предначертанную Фетиде судьбу родить сына более могучего, чем супруг, и поспешил подыскать ей смертного мужа. Долго сопротивлялась Фетида чуждому ей существу иного мира. Используя зыбкую морскую природу, она превращалась то в воду, то в огонь, то в скользкую змею. Но воли Зевса не избежать. Одолел Фетиду Пелей, не без помощи, конечно, своего друга кентавра Хирона. После этого в пещере Хирона была отпразднована свадьба, на которую явились небожители с богатыми дарами. Тогда-то подарил Хирон Пелею знаменитое копье с древком из ясеня, боги – другое оружие и породистого коня. Аполлон и музы принесли весть, что у новобрачных родится сын, и песню, восхваляющую великое будущее героя.

Не была приглашена на торжество одна богиня раздора Эрида – кому в семейной жизни нужен раздор? Но кто догадывался, что это отольется распрей между божественными гостями новобрачных, ибо подбросит обиженная Эрида на свадебный стол золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». И тем более не дано было знать ни смертным, ни бессмертным, что спор трех богинь, каждая из которых считала себя прекраснейшей, отзовется кровавой войной.

Сирены, горгоны и грайи

Условно к морским существам могут быть причислены сирены, обитавшие, согласно Гомеру, на скалах небольшого островка. Дочери речного бога Асопа, они долгое время не хотели выходить замуж и были превращены в полудев-полуптиц. Заняв нависающие над морем скалы, они заманивали на свой остров мореходов сладостным пением. Услышав его, люди бросались в волны и плыли навстречу чарующим звукам, пока не разбивались об острые камни. Остров сирен был усеян костями их бесчисленных жертв. Избежать гибели удалось аргонавтам, так как божественный голос Орфея заглушил пенье сирен. Услышать же это пенье, оставшись живым, смог лишь один Одиссей. Он приказал своим спутникам залепить уши воском, а себя крепко-накрепко привязать к мачте.

Ближе плыви, Одиссей, о великая слава ахейцев, Свой корабль придержи, чтобы пение было слышнее. Здесь ни один никогда не промчался корабль чернобокий, Наш сладкозвучный, медовый напев не услышав. Тот, кто услышал, стал много умнее, чем прежде.

Яснее всего даст представление о роли сирен в мифологической картине мира этрусская люстра V в. до н. э., найденная в одной из гробниц этрусского города Кортон. Центральное место в глубине люстры занимает голова Горгоны с выпученными глазами и высунутым языком, воплощение царицы загробного мира. Далее идут изображения животных, охраняющих вход в подземный мир: лев и грифон, львица и самка пантеры, терзающие быка, оленя и кабана. Животные отделены от следующей полосы волнистой линией, обозначающей Океан. Над волнами на одинаковом расстоянии друг от друга парят восемь дельфинов. Ближе к кромке, символизирующей грань между миром живых и царством мертвых, имеется еще одна полоса изображений – восемь фигурок силенов, дующих в двойные флейты, и столько же женских демонических существ с птичьими ножками и широко раскрытыми ртами. Это и есть сирены, музы подземного мира, возвещающие смерть. Рядом с сиренами и силенами изображены речные божки ахелой с рожками на голове.

Это удивительно точная иллюстрация представлений о входе в загробный мир как греков, так и негреческих народов Эгеиды и Малой Азии, совпадающая с мифами о происхождении сирен. Отцом сирен миф называет Ахелоя, речного бога, считавшегося владыкой всех пресных вод и поэтому отцом всех нимф. Это позволяет видеть в сиренах не морских демонов, а специфических нимф тех рек, которые находятся на границе подземного мира. Древние авторы говорят об их близости с владыками царства мертвых Аидом и Персефоной.

Согласно мифам, если смертным удавалось проплыть благополучно мимо сирен, то их самих ждала смерть. В этом их сходство со Сфинксом – полуженщиной-полульвицей, которой суждено было броситься с утеса, как только кто-нибудь разгадает ее загадку. Сиренам также было предначертано разбиться о камни, как только их искусство перестанет служить смерти.

Монета с изображением головы Горгоны

Но вернемся к горгонам. В литературной версии мифа их три, внешне неотличимых друг от друга: бессмертные Сфено, Эвриала и мыслившаяся смертной Медуза. Они считались дочерьми морских божеств Форкиса и Кето. Местом их обитания был дальний Запад, страна смерти, соседняя с владениями Гесперид и Гериона. Их взгляд обладал свойством превращать в камень каждого, кто с ним встречался. Поэтому на эгиде Зевса и Афины помещалась голова горгоны. Изображения горгон были часты на антефиксах этруских храмов и у входа в ворота этруских городов – считалось, что они отвращают всякого рода нечисть, защищая дом или город.

К горгонам близки их младшие сестры грайи. Как и горгоны, они находились на рубеже Океана и мира мертвых. Их помещали на островке, лежащем на далекой западной границе мира, где покидает землю солнечная колесница. Дочери морского старца Форкиса (с ним греки иногда связывали и происхождение сирен), грайи в отличие от сирен не имели в своем облике звериных черт, но не обладали юной привлекательностью сирен. Их видели отвратительными дряхлыми старухами с одним глазом и одним зубом на всех трех, которыми они пользовались по очереди. Отрезанные от всего живого морской стихией, они не вмешивались в человеческие дела.

Мойры

Скрыв под рекой самоцветной, под чистою влагой хрустальной

От утомленных стихий ярость их древней борьбы,

Ткут неподвижные парки, владычицы тьмы изначальной,

Людам, титанам, богам – ткань непреложной судьбы.

Михаил Зенкевич

В процессе развития человеческого общества выделилось «множество», ответственное за судьбу рода и каждого человека в отдельности, – мойры (у римлян – парки). Первоначально эта судьба находила воплощение в каком-либо материальном предмете – камне, головне, оставшейся от жертвенного костра, животном. Впоследствии магическая сила судьбы нашла выражение в образах мойр, старших и младших. Старшие мойры считались дочерьми Никты (Ночи), младшие – Зевса и Фемиды, богини правопорядка и предсказаний. Зевс – верховное божество неба и супруг Фемиды – стал рассматриваться как «водитель мойр» и в этом качестве почитался в Дельфах наряду с Аполлоном, пророком Зевса и защитником установленного им порядка.

С распространением ткачества у многих народов (хеттов, греков, римлян) мойры получают облик прядильщиц. Так впервые в греческой литературе их называет Гомер. Они мыслились в виде старух, прядущих нити судьбы. Разрыв нити – смерть. Платон, преобразуя народные верования, рисует мойр силами высшего небесного правопорядка, женщинами в белых одеяниях, с венками на головах, вершащими под музыку небесных сфер прошлое, настоящее и будущее.

Мойры приобретают личные имена – Лахесис еще до рождения дает человеку определяющий его участь жребий, Клото прядет нить его жизни, Атропа неотвратимо приближает будущее. Такое «разделение труда», разумеется, стало необходимым лишь тогда, когда вместо мойры каждого человека в отдельности выделилась тройка беспощадных властительниц судеб, не принимающих апелляций от людей и неподвластных богам.

Оры

Сестрами мойр от одной с ними матери Фемиды считались оры. Как и другие «множества», оры первоначально не имели определенного числа и личных имен. Затем «множество» было выражено числом три, и оры, мыслившиеся судьями судеб, получили имена Эвномия (Благозаконие), Дике (Справедливость), Эйрене (Мир). У афинян они имели имена Фалло (цветущая), Ауксо (приумножающая), Карпо (плодоносящая), выражающие идею произрастания, плодородия. Таким образом, природа ор двойственна. Они охранительницы порядка как в природе, так и в обществе, но также богини плодородия и времен года. Связь с природой сохранялась во внешнем облике ор: они изображались жизнерадостными девами с цветами и растениями в руках.

Перенесенные на Олимп, оры были отданы в услужение Гере, которая первоначально мыслилась как богиня Земли и считалась строгой охранительницей неизменного порядка в природе и человеческих отношениях. Им поручалось открывать и закрывать врата небес и также скрывать обиталище богов от посторонних глаз. Оры оказывали услуги Гелиосу, отворяя двери небесной конюшни, помогая ему впрягать в солнечную колесницу нетерпеливых коней. Их можно было видеть в свите Афродиты и среди спутниц Персефоны. Так же как хариты, они были участницами пышного и шумного шествия Диониса. В поздних легендах одна из ор, получившая имя Хлорида, была отдана в жены благодатному западному ветру Зефиру и стала рассматриваться как олицетворение весны.

Хариты

К орам близки по облику и предназначению хариты, но считались они дочерьми Зевса и Геры, Гелиоса и Эглы или, по более распространенной версии, океаниды Эвриномы. В Фигалии (Пелопоннес) в святилище харит посетителям даже показывали скованную цепями женскую статую с рыбьим хвостом, называя ее Эвриномой.

Еще задолго до приобретения такой родословной хариты почитались и в Спарте, и в Афинах, и в Орхомене, и в других местах древнейшего обитания греков. В частности, культ их засвидетельствован на острове Парос еще во времена Миноса. Первоначально они почитались в виде упавших с неба камней – метеоритов.

Гомеру известно множество безымянных харит. У более поздних авторов их то две, то три, но имен их греки называли, по крайней мере, с десятков – в зависимости от места почитания.

Они стали божествами природы, но не порядка в ней, а радости, которую она приносит всему живому своей цветущей красотой. Вместе с орами и музами они были поселены на Олимпе. Войдя в окружение Зевса, Геры, Аполлона, Диониса, Афродиты, Афины, чаще всего они тешили богов и смертных плясками, но могли и участвовать в женских работах, например ткали свадебное одеяние Гармонии.

Обычно хариты изображались обнаженными. Однако у входа на акрополь Афин находились фигуры трех харит, будто бы работы Сократа, в длинных одеяниях. Видимо, скульптор представил харит в их древнем облике.

Музы

На каменных отрогах Пиерии

Водили музы первый хоровод,

Чтобы, как пчелы, лирники слепые

Нам подарили ионийский мед.

Осип Мандельштам

Девять муз с их именами и функциями покровительниц искусств – Каллиопа, Клио, Мельпомена, Эвтерпа, Терпсихора, Талия, Полигимния, Урания, Эрато – результат длительного религиозно-мифологического развития.

Первоначально, как и другие боги-множества, музы не имели ни индивидуального облика, ни личного имени, являясь абстрактными понятиями. Лишь постепенно в отдельных уголках Греции стали выделяться более ограниченные группы муз, мало похожих на тех, к которым мы привыкли, и имевших совсем другие имена. Древние поэты называют их «старшими», «доолимпийскими». Так, на Геликоне почитались Мелета, Мнема и Аэда, в Дельфах – Нета, Меса и Гипата, в Сикионе – несколько муз (от одной из них дошло имя – Полиматия), на Делосе существовал культ семи муз, чьи имена не сохранились.

Девять муз появляются впервые в «Одиссее», а Гесиод уже называет их имена. В это время они – обитательницы Олимпа, что не мешало им и на земле сохранить за собой излюбленные местности – гору Парнас в Дельфах и гору Геликон в Беотии. В начале поэмы «Теогония» («Происхождение богов») Гесиод обращается к музам Геликона, предстающим не как абстрактные, безликие вдохновительницы поэта, а как очаровательные быстроногие девы, кружащиеся в хороводе на склоне горы вокруг алтаря Зевса. Поэт любит их нежными ступнями, чистой кожей, омытой в роднике Гиппокрены, и слышит их голоса, обращенные к пастухам, пасущим овец на том же Геликоне.

Матерью муз Гесиод называет Мнемосину, богиню Воспоминания, а отцом – Зевса с его царским девятилетним циклом власти:

Девять ночей сопрягался с богинею Зевс промыслитель, К ней далеко от богов восходя на священное ложе.

Очередная ночь давала одну из муз, и можно думать, что первоначально муза воспринималась как покровительница каждого года, дарованного верховным богом царям, которые, подобно критскому Миносу, были обязаны, согласно Гомеру, «в девятилетие раз общаться с великим Зевесом». Если наше предположение верно, то концепция олимпийских муз оформилась в эгейском мире во II тыс. до н. э., когда избранниками муз могли становиться лишь цари:

Если увидят, что родом от Зевсом вскормленных царей он, То орошают счастливцу язык многосладкой росой, Речи приятные с уст его льются тогда .

По наиболее вероятному значению греческого слова «муса», или «муза», – это «размышляющая, помышляющая, мыслящая», что, видимо, объясняет, почему в качестве матери муз фигурирует Мнемосина (Память) – необходимый элемент размышления.

На Парнасе с музами был связан Кастальский источник, в котором черпали вдохновение поэты. Это способствовало тому, что музам придали облик нимф и постепенно переориентировали их из сферы мысли в сферу искусства.

Специализация муз как покровительниц отдельных видов искусства стала возможной лишь с появлением этих искусств: Мельпомена могла стать покровительницей трагедии, Талия – комедии, Терпсихора – танца, Клио – истории, Урания – астрономии, Эрато – любовной поэзии, Эвтерпа – лирической поэзии, а старшая из девяти Каллиопа – эпоса, лишь после того как эти искусства сформировались. Во времена же Гесиода еще не было утрачено восприятие муз как «мыслящих», «вспоминающих»: ведь именно музы вместе с богинями поют те мудрые песни о мироздании, которые поэт будто бы услышал на склонах Геликона и пересказал в «Теогонии» – поэме о происхождении богов.

Дух греческого мифа, так же как и бытия, – агон (состязание). И у муз были соперницы – девять дочерей македонского царя Пиероса. В то время как музы воспевали в своих песнях победы богов над титанами, Пиериды высмеивали трусость небожителей, превратившихся из страха перед Тифоном в зверей. Судьи состязания нимфы, избранные музами, присудили им победу. Пиериды, не признав этого решения, набросились на Муз, пытаясь оскорбить их действием, и тотчас были превращены в сорок. С тех пор они оглашают леса и поля резкими криками, не дают покоя ни птицам, ни людям.

Немесида, эринии, керы

Словно ропот моря в час тревожный,
Словно плач потока, что стеснен,
Там звучит протяжный, безнадежный,
Болью вымученный стон.
Мукой исказили сь лица.
В их глазницах нет очей. Разверстый рот
Изрыгает брань, мольбы, угрозы.
С ужасом глядят они сквозь слезы
В черный Стикс, в пучину страшных вод.
Фридрих Шиллер (пер. В. Жуковского)

Среди порождений извечной Ночи (Никты) была великая ее дочь Немесида (Божественное возмездие), карающая каждого, кто нарушает установленный богами порядок, за неумеренность желаний, чрезмерное счастье или богатство. Она могла принимать тысячи самых различных обликов. Обычно ее мыслили с крыльями – признаком быстроты наказания, с весами, определяющими меру вины, с уздечкой и мечом или плетью. На статуях Немесиды изображалась с согнутой в локте рукой. Локоть был у греков единицей меры, и изображение, таким образом, указывало, что меру не следует превышать. Немесиде принадлежала колесница, запряженная грифонами – чудовищами с львиным туловищем и орлиными головами.

Сестры Немесиды эринии, называвшиеся также эвменидами (благодарными), семнами (досточтимыми), потниями (могущественными), относились к числу древнейших, доолимпийских божеств. Число их было первоначально неопределенным. Позднее их свели к трем и дали имена Алекто, Тисифона, Мегера, наделили обликом крылатых демонов со змеями в волосах, с бичами или орудиями пыток в руках. Их голоса напоминали и рев скота, и собачий лай. Обнаружив преступника, они его преследовали неотступно, как гончие псы.

Досточтимыми, благодарными эринии выступают применительно к герою раннего поколения Эдипу, убившему, того не ведая, родного отца и женившемуся на родной матери. Они дают ему успокоение в своей священной роще. Здесь эринии осуществляют справедливость. Чаша мучений Эдипа переполнилась через край. Он уже сам ослепил себя за невольное преступление, а оказавшись в изгнании, страдал от эгоизма сыновей.

Как защитницы справедливости и правопорядка, эринии гневно прерывают пророчества коней Ахилла, вещающих о его скорой гибели, ибо не лошадиное это дело заниматься вещанием. Когда Солнце выходит за свою колею и грозит миру гибелью, эринии заставляют его вернуться на свое место.

Они карают за неумеренность, заносчивость, персонифицированную в абстрактном понятии «гордыни», когда человек берет на себя чересчур много: он чрезмерно богат, не в меру счастлив, слишком много знает. Рожденные этикой родового общества, эринии в своих деяниях выражают присущие ему уравниательные тенденции. В позднюю эпоху, когда распространяется рабство и возникает государство, эринии загоняются в подземный мир, превращаются в его обитательниц и исполнительниц назначенных душам мук. На земле им больше нет места.

К эриниям были близки керы, демонические существа, дети богини Никты, снующие среди битвы, волокущие и приканчивающие раненых, увлекающие окровавленные трупы. Так же как эринии, керы связаны с судьбой. Именно их, согласно Гомеру, Зевс взвешивает на золотых весах, определяя судьбу троянцев и их противников данайцев (ахейцев).

Зевс распростер, промыслитель, весы золотые: на них он бросил два жребия смерти, в сон погружающих долгий, – Жребий троян конеборных и меднооружных данайцев.

Призрак друга Ахилла Патрокла, явившийся к нему во сне, объясняет, что он был поглощен своей собственной керой, которая получила его в миг рождения. Таким образом, кера

мыслится демоническим существом, которому вручается нарождающаяся жизнь, и Зевс, взвешивая кер, по их тяжести определяет, кому суждена жизнь и кому смерть.

У трагических поэтов на смену керам как «множеству» приходит демон смерти Танат (дословно: смерть), исполняющий волю божеств судьбы.

Геката

К поколению древнейших, доолимпийских богов относилась и загадочная Геката. В предложенной Гесиодом генеалогии она – дочь титана Перса и титаниды Астерии и, таким образом, не связана с олимпийским кругом богов, но пользуется привилегиями древней богини.

В первоначальном восприятии Геката – богиня, доброжелательная к людям. Она – подательница материнского благополучия, помогает рождению и воспитанию детей, множит стада и улов рыбаков и вместе с тем дает участникам народных сходок красноречие, атлетам – успех в состязаниях, воинам – победу, путникам – легкую дорогу. Полномочия ее, таким образом, распространялись когда-то на все те области человеческой деятельности, которые впоследствии ей пришлось уступить Аполлону, Артемиде, Гермесу.

По мере распространения культов этих богов Геката утрачивает свой привлекательный облик и притягательные черты. Она покидает верхний мир и, поселившись по воле Зевса на берегах Ахеронта, сближается с Персефоной и неразрывно связывается с царством теней. Теперь это зловещая змееволосая и трехликая богиня, появляющаяся на поверхности земли лишь при лунном, а не солнечном свете, с двумя пылающими факелами в руках, в сопровождении черных, как ночь, собак и чудовищ подземного мира, среди которых ее постоянной спутницей считали ослоногую Эмпусу, способную менять облик, устроящая запоздалых путников. Именно такой представлена Геката на памятниках изобразительного искусства начиная с V в. до н. э.

Как повелительница населяющей царство Аида нечисти, Геката становится колдуньей и покровительницей волшебства, совершающегося под покровом ночи. Миф превращает ее в дочь Гелиоса и устанавливает тем самым родство с Киркой, Пасифаей и Медеей, которая пользуется особым покровительством богини.

Почитать ее теперь начинают на перекрестках дорог, где, выкопав глубокой ночью яму, приносят в жертву щенков, или в мрачных пещерах, не доступных для солнечного света.

Военные братства

Эта пляска – порожденье бреда.

Взгляд Селены отражает медь.

Бьют в щиты кудрявые куреты,

Чтоб прогнать крадущуюся смерть.

Ей в пещеру не найти дорогу,

И запляшет, старая, сама.

А младенец, если станет богом,

Перельет гудящий этот рокот

В гулкие небесные грома.

Реликтами доолимпийской религии древнейших обитателей восточной части Средиземноморья, наряду с множествами нимф, nereид, демонов, соединяющих животные и человеческие черты, являются группы юношей, совершающих пляски с оружием и часто охраняющих новорожденных царевичей и будущих богов. Они, так же как нимфы, обладали родовыми именами, характерными для того или иного города или региона. В Милете это молпы («поющие»), на Кипре – анаки («защитники»), в Элевсине – керикки («отвращающие») и эвмолпиды («сладкопоющие»), в Фивах – спарты («посеянные»), на Крите и на Самофракии – дактили («юноши-пальчики»), на Лемносе – кабирь.

Наибольшей известностью среди этих групп пользовались куреты и корибанты, первоначально свита малоазийских богинь-матерей, которая с распространением олимпийской религии была связана с могущественными богами Зевсом и Аполлоном. Согласно мифам, куретам на Крите поручают воспитание и охрану Зевса, которому угрожает его родитель Крон. Чтобы заглушить детский плач Зевса, куреты устраивают шумную пляску с воинственными выкриками и ударами копий о медные щиты. Сказания о куретах сохраняют также легенды Пелопоннеса, Этолии, островов Самофракии и Кипра. Сообщается, что их видели в далекой Испании, куда их, видимо, занесли крито-микенские колонисты. При этом им приписывались не только сопровождение и охрана богов, но покровительство охоте, скотоводству, пчеловодству и обработке металлов.

Все это позволяет видеть в куретах демонов-множеств отдаленного времени, предшествующего появлению веры в олимпийских богов. Когда же эта вера в индивидуальных богов стала вытеснять древние представления о коллективах духов, покровительствующих людям и их хозяйственной деятельности, куреты были низведены до положения свиты великого бога или богини.

Особняком стоит рассказ о куретах Этолии, выставляющий куретов как особое племя, с которым ведут борьбу этолийцы во главе с Мелеагром и одерживают над ним победу. Вряд ли на основании этой легенды можно говорить об особом народе куретов. Но она определенно указывает на то, что куреты принадлежали догреческому религиозному миру и были богами-демонами древнейшего населения Балканского полуострова и Эгеиды. Об архаическом характере этих персонажей свидетельствует также то, что им приписывалось принесение детей в жертву Крону. Мы имеем дело с древнейшим религиозно-мифологическим реликтом, значение которого, может быть, станет понятно после раскрытия тайны минойского письма.

Уже в древности с куретами отождествляли корибантов. О их глубочайшей древности говорит предание, что корибанты, поднявшись из земли в виде деревьев, первыми увидели солнце. Аполлон, в котором явственны черты солнечного божества, относился к младшему поколению корибантов. В некоторых мифах Аполлон даже сын Корибанта. Рассказывали о герое города Мегары Коребе, связанном также с городом Аргосом. Дочь аргосского царя родила от Аполлона сына, но в страхе перед гневом отца выбросила младенца, которого растерзали собаки царских пастухов. В гневе на мегарцев Аполлон наслал на город чудовище, которое похищало у матерей младенцев, мстя за гибель сына Аполлона. Могучий герой Кореб убил чудовище, но гнев богов на мегарцев не прекратился. Зевс послал на город чуму. Не в силах с ней справиться, Кореб отправился в Дельфы, чтобы узнать о причине гнева богов. Жрица-пифия не дала ему ответа, но запретила возвращаться в Аргос, направляя его в Мегары, где Кореб воздвиг великолепное святилище Аполлона. В благодарность за это мегарцы похоронили героя на агоре своего города, и еще во II в. греческий путешественник по заповедным местам видел этот героон и на нем древнейшую в Элладе каменную скульптурную группу с изображением схватки Кореба с чудовищем, посланным Аполлоном на Аргос. Таким образом, герой Кореб, имя которого указывает на какую-то связь с корибантами, был охранителем младенцев, но покровителем его был не Зевс, а Аполлон.

Коллективным множеством богов, мужских и женских, были кабиры, о которых имеется масса сведений в источниках, но их характер вызывает много споров. Кабиры считались детьми Гефеста и нимфы Кабиры – дочери Протея. Исходя из отцовства Гефеста, некоторые ученые объясняют негреческое слово «кабиры» как «медные, бронзовые». Однако, скорее всего, оно восходит к семитскому слову в значении «великие боги». Под этим эпитетом кабиры известны и греческим знатокам древности. Лемнос, родина Гефеста, был одним из главных мест почитания кабиридов. Связь с металлом и его обработкой, а также грохотом металлических щитов и доспехов объясняет, почему кабиридов нередко отождествляли с куретами и корибантами, полагая, что и они присутствовали при рождении Зевса.

Кабиры рассматривались как боги-спасители, оберегавшие людей от бурь и иных бедствий, но в то же время считались громовыми божествами, карающими за прегрешения и проступки. Клятва кабирами считалась самой страшной как у эллинов, так и у других народов, к которым перешел культ кабиридов.

В то же время кабиры входили в окружение великой матери Реи и рассматривались как божества подземного мира. Скорее всего, теоним восходит к семитскому слову со значением «великий воин». Не исключено, что культ кабиридов сближался с мистериями орфиков, допуская к участию в нем лишь посвященных. Он также был распространен и на некоторых других островах Эгейского моря, а также в Фивах – городе, основанном, по преданию, финикийцем Кадмом. От имени Кадм происходит этрусское Кадмил (лат. Камилл), юный жрец (термин, превратившийся впоследствии в личное имя).

Боги Олимпа

Вступая по следам Гомера и других греческих поэтов в созданный их воображением Олимп, мы сталкиваемся с богами, образы которых разительно отличаются от всего того, что входит в наше понятие «бог». Богам Олимпа не чуждо ничто человеческое. Они никого и ничему не учат и не наставляют, ибо у них нет твердых нравственных понятий, подобных тем, которые выражены в священных книгах современных религий. Напротив, их поведение – самый яркий пример «семи смертных грехов». И не случайно само понятие «грех» отсутствует в их языке. Боги лишены авторитета, без которого немыслима ни одна религиозная система. Они бессмертны, но не всемогущи, ибо над ними, как над людьми, стоит судьба.

Местом вечного обитания богов считался Олимп на границе между Фессалией и Македонией. Но это же название относилось еще к 16 горам в Малой Азии, на островах Эгеиды и в южной части Балканского полуострова. Имеются основания думать, что резиденция богов перемещалась от одного Олимпа к другому по мере того, как Балканская Греция начинала играть все большую роль в судьбах эллинов. Помимо того, Олимпы как бы пунктиром обозначают путь эллинского этноса из Малой Азии на Балканы.

Кроме Олимпа каждый из небожителей имел, согласно мифам, свой удел, свою малую земную родину, вполне конкретную местность, остров, гору. Впоследствии, когда местом почитания богов становились не пещеры и священные рощи, а искусственные сооружения – храмы, именно они мыслились земными дворцами богов и богинь, наряду с особым, принадлежащим каждому богу помещением в небесных чертогах. Родиной Зевса называли гору Иду на острове Крит, местом рождения Аполлона и Артемиды – каменистый островок Делос. Гефест, родившийся на Олимпе, получил вторую родину на острове Лемнос, куда он был сброшен матерью. Нетрудно понять, что стоит за этими представлениями: место первоначального почитания бесчисленных божков до их превращения в великих богов и богинь и перенесения на Олимп. С богами были соединены определенные растения, птицы, пресмыкающиеся, млекопитающие. Орел, вестник Зевса, постоянно находившийся у его ног на Олимпе, очевидно, приобрел это положение потому, что еще до Зевса воспринимался как владыка неба. Священными животными Афины были змея и сова, у многих народов рассматривавшиеся как носители мудрости. Трагически окончившееся ухаживание Аполлона за прекрасной Дафной – свидетельство роли, которую играло лавровое дерево в культе Аполлона. Равным образом с Зевсом был связан патриарх лесов дуб, с Дионисом – виноградная лоза и плющ, с Персефой – тополь, с Аполлоном – мышь, разносчица моровой язвы, отсюда его прозвище «Мышиный». Все это информация о том времени, когда сверхъестественные силы еще не мыслились в человеческом облике. Выделение растительной или животной основы в образах олимпийцев раскрывает их сущность далеко не полностью. Каждый бог или богиня – сложный комплекс представлений, сложившийся в ходе многовекового развития греческого народа и его столкновений с другими народами на территории Балканского полуострова и за его пределами. Греки прекрасно это понимали, приписывая происхождение образов и имен своих богов то первоначальному населению Балканского полуострова, то выходцам из Египта и Передней Азии. Открытие в XIX-XX вв. огромного количества памятников древневосточной литературы и искусства, значительно более древних, чем древнейшие греческие изложения мифов, позволило проследить до самой глубины олимпийских богов и обнаружить в них черты вавилонских, хеттских, финикийских богов. Особенно очевидны следы восточного происхождения в такой богине, как Афродита. Не случайно ее земным «уделом» стал заселенный финикийцами остров Кипр, географически близкий к сирийско-палестинскому побережью, где почитались Астарта с Адонисом, Атаргатис и другие богини любви. Такие черты Афродиты, как страстность, изнеженность, бесспорно, восходят к ее восточным предшественницам.

Чуждым богом для греков, современников Гомера, был и Аполлон. Недаром, согласно мифам, в конфликте между ахейцами и троянцами он выступал на стороне последних. Восточное происхождение Аполлона явствует из сходства его культовых статуэток с изображениями бога-воителя в сирийско-палестинском регионе. Но в образ этого пришельца с востока, бесспорно, вошли черты местного племенного бога-волка. Гермес был первоначально божеством догреческого населения Балканского полуострова и западного побережья Малой Азии – пеласгов. Помимо влияния других, более древних религий на формировании образов олимпийских богов сказались также особенности общественно-политической истории Греции. Зависимость облика того или иного бога от общественно-экономического бытия наиболее

очевидна на примерах таких богов, как Аполлон и Дионис. Аполлон в гомеровской религии – страж созданного богами порядка в природе и человеческом коллективе, охранитель достигнутого аристократией господствующего положения в обществе, покровитель меры во всем, в том числе и в искусстве.

Напротив, Дионис – бог вина, освобождающего от скованности и общепринятых правил, бог буйного веселья, дарующий радость тем, кто был ее лишен, и прежде всего людям физического труда, бог крестьянства гористой Греции, где землями, пригодными для земледелия, обладали одни аристократы, а на мелких неудобных участках можно было разводить оливы и виноград, бог-страдалец, рожденный смертной женщиной и испытавший уже в младенчестве муки и погибший в муках, чтобы возродиться в человеке. Родственные отношения между богами, обрисовываемые мифом, могли объясняться не только их общим происхождением и совместным вхождением в греческий пантеон, но и близостью социальных функций. Аполлон и Артемида, считавшиеся единоутробными близнецами, объединены присущей аристократии воинственностью. Война и охота (в период утраты последней хозяйственного значения) были привилегией аристократов.

Монета с изображением Диониса

Об олимпийских богах мы узнаем от эпических поэтов, создателей «гомеровских» и иных гимнов, историков, драматургов, систематизаторов мифов (мифографов): образы богов и богинь переплавляются в горниле творческих талантов и приобретают черты господствовавших в разные эпохи древнего мира философских представлений. Зевс Гомера – это далеко не то же самое, что Зевс Гесиода, Пиндара, Геродота, не говоря уже о Зевсе Платона, сознательно стремившегося к философской модернизации образов олимпийцев. Таким образом, неизменность и разграниченность функций богов не более чем условность.

Образы олимпийских богов зыбки и неуловимы, как Протей. Они живут вместе со своими почитателями, обогащаясь их фантазией и интеллектом. Живут и умирают, вопреки вере в их бессмертие. Появившийся в I в. н. э. миф о гибели великого Пана поразительным образом донес до нас предчувствие неизбежности крушения Олимпа как средоточия духовных ценностей средиземноморской цивилизации. Олимпийские боги на заре своей истории справились с титанами и гигантами, упрятав их в земные недра; они устояли в соперничестве с богами восточного происхождения, потеснившись и уделив им место на Олимпе. Но в век зарождения христианства им угрожала совершенно иная система отношений человека и бога. Боги Олимпа привыкли властвовать над людьми, вмешиваться в их жизнь и пользоваться их дарами, приносимыми перед храмами и домашними алтарями.

Христианство открыло для себя и для всего человечества новый Олимп не где-то в небесных сферах, а в глубине каждой души, преобразовав ее в огнедышащий вулкан веры. Бога стали носить в себе. Это был один Бог на всех, лишенный олимпийской красоты и разнообразия, умерший на кресте позорной рабской смертью, но возродившийся, сильный человеческими страстями и слабостями. И он, бросив вызов империи и ее бездушным владыкам, объединил смертных в их ненависти ко всему, что было связано с ней, в том числе и к Олимпу, который был забросан комьями грязи, злобы и презрения. И покинули боги Олимп так тихо, что этого никто не заметил. И даже место, где они обитали, было забыто. Храмы обезобразили, превратив в церкви, в ярости разбили великолепные статуи, сбили резцом посвятельные надписи. Если и вспоминали их имена, то только для того, чтобы предать анафеме как демонов. Гибли древние библиотеки – последние прибежища муз. Горели рукописи, погружая обитаемый мир во мрак невежества и нетерпимости, предвещая, что пламя дойдет и до людей.

Но богиня памяти Мнемосина, мать муз, бессмертна, потому что жила она не на Олимпе, а среди людей, и не позволила она забыть Гомера, Гесиода, Эсхила, Пиндара. И настало время, когда из их полуизъеденных мышами манускриптов открылась запретная красота греческих преданий о богах. Ее восприняло общество, официально провозглашенным идеалом которого было страдание, воздержание плоти во имя Духа Святого. Возрожденные в сознании образованных европейцев, олимпийские боги стали духами радости, красоты, полноты чувств. Они были очищены от культа, не имели храмов и жрецов, не требовали материальных жертв, но им воздвигали невидимые храмы, жертвовали лучшие порывы души. Яркостью красок и совершенством форм на картинах художников XV-XVI вв. олимпийские боги открывали новый мир, оказавшийся хорошо забытым античным миром. Так олимпийские боги вернулись в

современный мир и продолжают в нем жить, ни в чем не препятствуя людям и обогащая их красотой, доблестью, душевной свободой, любовью к жизни.

Олимп

С тех пор как люди вообразили, что, кроме духов, живущих по соседству – в очаге, деревьях, реках и могилах предков, над ними властвуют могущественные боги, они стали подыскивать для богов достойное обиталище. Египтяне, населявшие плоскую, как ладонь, долину Нила, так и не нашли для своих богов общего жилища и говорили о месте их обитания очень неопределенно. Жителям горных стран было в этом отношении легче. Они предоставляли богам самую высокую гору. Так поступили древние индийцы, поместившие своих богов на крутохолмную гору Меру, не доступную для смертных даже в мыслях.

Греки отдали своим богам Олимп, названный Гомером «многовершинным». Можно было бы понимать этот эпитет в том смысле, что Олимп мыслился состоящим из двух или нескольких вершин. Но на современной фотографии Олимп производит впечатление нагромождения скал, и, очевидно, такая же картина предстала и древним наблюдателям. Возможно, разгадку эпитета «многовершинный» дает наличие в разных частях Балканского полуострова, в Малой Азии и на острове Лесбосе шестнадцати гор, имеющих название Олимп.

Первоначально Олимп (неизвестно какой) занимали змееподобный титан Офион и его супруга океанида Эвринома. Место это полюбили Крону и Рее, и они его заняли, выдворив Офиона и Эвриному, нашедших убежище в океане. Крона и Рею изгнал с Олимпа Зевс.

Жилось богам беззаботно и весело. Врата Олимпа охраняли девственные богини времени оры. Ни зверь, ни человек не могли туда забрести. Собираясь вместе, боги и богини беспечно пировали, наслаждаясь амброзией, возвращавшей силы и дающей бессмертие. Жажду они утоляли благовонным нектаром. Нектар и амброзию разносил богам и богиням юный красавец Ганимед. Не было на Олимпе недостатка и в развлечениях. Чтобы усладить слух и зрение небожителей, белоногие хариты, богини вечной радости, взявшись за руки, вели хороводы. Иногда за кифару брался сам Аполлон, и ему согласно подпевали все девять муз.

Если надоедали музыка, песни и танцы, можно было с высоты Олимпа взглянуть на землю. Самым увлекательным зрелищем была для богов война, разгоравшаяся то здесь, то там. У обитателей Олимпа были свои любимцы. Одни сочувствовали грекам, другие троянцам. Иногда, видя, что подопечных теснят, то один, то другой бог покидал место наблюдения и, спустившись на землю, вступал в бой. Входя в раж, сражающиеся не видели разницы между смертными и небожителями. И порой приходилось богам пускаться в бегство, зажимая ладонями льющуюся потоками бесцветную благоуханную кровь.

Впоследствии, когда люди античного мира узнали больше о вселенной, под Олимпом они стали понимать не одну гору, а все небо. Считалось, что Олимп охватывает землю, подобно своду, и по нему странствуют Солнце, Луна и Звезды. Когда Солнце находилось в зените, говорили, что оно – на вершине Олимпа. Думали, что вечером, когда оно проходит через западные ворота, Олимп, т. е. небо, закрывается, а утром его открывает богиня зари Эос.

Посейдон

Быстролетящих и меднокопытых коней златогривых

Впряг в колесницу, одетый в доспехи свои золотые,

Гикнул, и кони помчались, как вихрь, над волнами морскими.

Чудища, всплыв из пучин, в нем охотно владыку признали .

Гомер (пер. В. Жуковского)

Каждого, кто во времена расцвета греческих городов-государств посещал храм Зевса в Додоне, встречала надпись: «Зевс был, Зевс есть, Зевс будет». Между тем, согласно рассказу Гесиода, Зевс был богом третьего поколения, и до него миром правили другие боги. Но даже если считать предшественников Зевса ненастоящими богами, то и в поколении сыновей Крона Зевс не был первым. Первым был Посейдон, как это явствует из самих мифов и из недавно прочтенных памятников греческой письменности II тыс. до н. э.

Во времена Троянской войны и более ранней войны «Семерых против Фив» главным богом был По-се-да-о, в котором мы без труда узнаем Посейдона. Следовательно, не Зевс, а Посейдон был первым небесным супругом Земли и ее владыкой. О связи с Землей свидетельствуют и эпитеты Фитальмий (Производящий), Эпогисей и Гееох (Землеколебатель). И если первый из них практически рано ушел в прошлое, то и в новой ипостаси Посейдона продолжали называть Землеколебателем.

Бог этот почитался предками греков и других индоевропейских народов, когда они жили в степях и море было для них враждебной стихией. От той отдаленной эпохи Посейдон сохранил особую близость к коню, четвероногую другу кочевника. Возможно, Посейдон первоначально мыслился в образе коня, на что указывает и один из его эпитетов – Гипний (Конный). В древнейшем своем облике Посейдон связан с демоном плодородия, которого почитатели как на Балканском полуострове, так и в Малой Азии представляли себе в облике белого коня. Впоследствии, когда он уже стал богом морей, ему приносили в жертву белых коней.

В легенде о преследовании Посейдоном Деметры, морской владыка овладел ею, приняв облик жеребца, когда она, увидев табун лошадей, превратилась в кобылицу. Он считался отцом белого небесного коня Пегаса, унаследовавшего дар высекать из земли источники. Посейдона называли родителем и других фантастических существ, имеющих конский облик, – от пасущихся на лугах кентавров до коня Арейона, рожденного от связи Посейдона с Деметрой.

Как бог-конь Посейдон считался покровителем бега коней. В его честь на Истмийском перешейке и в Немее (Пелопоннес) устраивались общегреческие конные состязания – знаменитые Истмийские и немейские игры. Перед их началом, сдерживая нетерпеливых коней, возницы призывали Посейдона и молили его об успехе.

Оттеснение Посейдона в море и вооружение его трезубцем может быть прослежено по ряду мифов, прежде всего по мифу о соперничестве между Посейдоном и Афиной за обладание Аттикой. Афина выиграла спор, поскольку дала Аттике оливковое дерево, а Посейдон смог лишь выбить бесполезный соленый источник. Состязание бессмысленно, если Посейдон был уже к тому времени владыкой соленых вод. Если это был источник пресной воды, что вполне естественно для владыки земли и неба с его подземными водами и дождями, то, вероятно, существовал другой вариант мифа, в котором Посейдон давал Аттике столь необходимую ей пресную воду, как это было в Арголиде.

Но оставим «археологию» Олимпа и остановимся на том Посейдоне, который известен Гомеру как «синекудрий» и властвует над одними солеными водами. Ему мало дела до Олимпа, и обитает он на дне моря в великолепном дворце вместе с супругой Амфитритой, также, под стать ему, синеокой и вечношумящей. Амфитрита известна Гесиоду как одна из пятидесяти дочерей Нерейя, однако по другой версии она океанида, дочь Океана и Тефиды, что по рангу более соответствует высокому положению Посейдона, которому не к лицу иметь тестем какого-то старца и целую кучу бедных родственников.

Посейдон в сакральной позе с трезубцем в руке (роспись на сосуде)

Увидел Посейдон Амфитриту плещущейся вместе с подругами у острова Наксоса и долго любовался ею, пока не решил объясниться. Стыдливая морская дева, уйдя на глубину, поплыла к Атланту, стерегущему вход в Океан. Долго искал беглянку посланный за нею дельфин, а отыскав, доставил на спине к своему владыке. И стала Амфитрита для бога морей тем же, что Гера для Зевса и Персефона для Аида.

Превратившись в бога морей, Посейдон оттесняет его прежних владык – морских старцев. Протею доверяется пасти принадлежащие Посейдону несметные стада тюленей. Главк одним из вариантов мифа превращен в сына нового повелителя морей, nereиды вместе с тритонами составили его торжественную свиту, а тот Тритон, который успел отделиться от собратьев и обосноваться в Капаидском озере в Беотии, был отнесен к числу сыновей Посейдона и получил во владение озеро Тритониду в Ливии.

В рассказах Гомера о Посейдоне как владыке морей сохранились следы его бывшего господствующего положения как бога Неба и супруга Земли. Он считает себя равным Зевсу:

Нет, не хожу по уставам Зевесовым, как он ни мощен. С миром пусть остается на собственном третьем уделе; Силою рук меня, как ничтожного, пусть не страшает!

Посейдон участвует в мятеже против Зевса, не признает решения олимпийцев о возвращении на родину скитальца Одиссея и губит других героев, угодных олимпийским богам.

Как и Зевс, Посейдон имеет наряду с законной супругой множество возлюбленных – морских и земных дев и считается божественным отцом целого ряда героев, не уступая в этом брату. Среди них герой Афин Тесей, фессалийский герой Пелий и его брат-близнец Нелей, ставший героем Элиды и отцом мудрого Нестора, жестокий царь бебриков Амик, царь лестригонов Ламос, отец Паламеда Навплий, коринфские герои Скирон, превращенный афинской мифологической традицией в разбойника, и Беллерофонт, которого, впрочем, часто считали внуком, а не сыном Посейдона. Обилие порожденных им существ со звериными чертами и просто чудовищ и их необузданность дополняют архаический облик Посейдона. Наиболее известны среди первых – кони Арейон, Пегас и его брат Хрисаор, также мыслившийся крылатым, – отец трехглавого Гериона и, согласно некоторым мифографам, Ехидны, среди чудовищ и великанов – охотник Орион, киклоп Полифем.

Зевс

Зевс со скипетром и перуном в руках (роспись на сосуде)

Одолев титанов, гигантов и Тифона, оттеснив брата Посейдона, Зевс обрел власть над землей и небом. Ему подчинились боги и люди, признав «дарователем жизни», защитником и спасителем, основателем городов, помощником воинов. Но он не всемогущ, ибо выше его судьба, и ему приходилось узнавать ее приговоры, обращаясь к жребию или помощи других богов. Так, по совету Геи он проглатывает свою первую супругу, мудрую Метиду, опасаясь, что от нее родится сын, превосходящий его по силе и уму. Полюбившуюся ему Фетиду Зевс отдал в жены смертному герою Пелею, поскольку ей было предназначено родить сына, более могущественного, чем отец.

Когда женой Зевса становится Фемида, в мире устанавливается неизменный порядок, поддерживаемый их дочерьми орами, богинями времен года. Хариты, шесть дочерей Зевса от океаниды Эвриномы, вносят в мир радость и изящество. Своим сестрам, рожденным, как и он, от брачного союза Крона и Реи, Зевс дает различные поручения. Старшей, Гестии, доверяет охранять неугасимый огонь во всяком очаге, который не должен никогда гаснуть. Деметре вручает плодородие полей и садов. Младшую из сестер, Геру, он берет в жены, поручив ей покровительство супружеству и семье. Распределяет он обязанности и среди своего рожденного от богинь потомства, и об устройстве жизни на Олимпе проявляет заботу. Узрев однажды с высоты красоту Ганимеда, юного сына троянского царя Троса, он то ли посылает за ним своего орла, то ли сам принимает облик этой царственной птицы, чтобы унести Ганимеда на Олимп, где тот становится виночерпием, Тросу же в возмещение за утрату дарит упряжку бессмертных коней.

Казалось бы, Зевс предусмотрел все, чтобы установленный им порядок был вечен и незыблем. Но то и дело появляются недовольные и соперники. Зевсу приходится постоянно прибегать к старому и испытанному оружию всех небесных властителей мира – громам и молниям, карая ими непокорных. Немало забот доставляет владыке Олимпа род человеческий, постоянно нарушающий его установления. Людей, чрезмерно расплодившихся и занявших всю землю, уже не усмирить молниями, и Зевс прибегает к более суровым мерам – к массовым истреблениям.

Зевс и Европа

Если верить мифам, могущественному Зевсу не сидится на Олимпе. И он постоянно спускается на землю, чтобы встретиться с приглянувшимися ему нимфами и смертными женами. Честолюбивые земные правители, желая пользоваться уважением своих подданных, сочинили множество историй, будто их бабушек и прабабушек тайно посещал сам Зевс. Наиболее известная из этих историй сделала возлюбленной Зевса прекрасную финикиянку Европу.

Однажды, когда Европа, дочь царя Сидона Агенора, гуляла со своими подругами на берегу моря, играя и собирая цветы, неведомо откуда появился ослепительно белый бык с рогами, загнутыми в виде полумесяца. Кажется, его привлекли забавы девушек, и он сам готов с ними поиграть. Мирно помахивая хвостом, он подходит к Европе и подставляет ей свою широкую спину. Ничего не подозревая, дева усаживается на спину мирного животного. Но бык внезапно становится бешеным. Его ласковые, любопытные глаза наливаются кровью, и он стремительно бросается в волны. Европе не остается ничего другого, как крепко держаться за рога.

В открытом море, с появлением дельфинов и других морских тварей, поднявшихся со дна, чтобы приветствовать и сопровождать быка, у Европы не осталось ни малейшего сомнения, что облик ее похитителя принял бог. Но какой?

Пхищение Европы (резьба по камню)

В отцовском доме она видела множество гостей из заморских стран, посещавших Сидон по торговым делам, и научилась различать по одеждам ассирийца от египтянина, египтянина от ливийца, ливийца от обитателя богатого острова Кефтиу (Крита). «Очевидно, и боги одеваются так, как их почитатели? – думала девушка. – И не потому ли этот хитрый бог принял облик быка, чтобы отец, узнав от подруг, кто меня похитил, не догадался, где искать?»

Она с силой схватила клочок шерсти, надеясь, что под ним скрывается какая-нибудь из знакомых ей одежд. Но шерсть была плотной, и в ладони осталось лишь несколько волосков, золотившихся на солнце. Бык повернул голову, и Европа не уловила в его огромных, светлых от морской синевы глазах ярости. Они стали почти человеческими и напомнили ей глаза юноши-простолюдина, приходившего на берег моря и издали молча смотревшего на нее долгим взглядом.

Вдали показался гористый берег. Бык стал плыть быстрее, словно чувствуя за спиной погоню. Но море опустело. Морские твари отстали, не в силах плыть с быком наравне.

«Нет, это не Египет, – думала девушка. – Отец рассказывал, что берег у места впадения Нила в море плоский, как ладонь, поросший во многих местах камышом. Значит, это остров? Но какой? Мало ли в море, простирающемся до столпов Мелькарта, островов, к которым захотел бы пристать бык?»

Бык выбрался на берег и, дав Европе спуститься, отряхнулся. Ослепленная градом холодных брызг, девушка стала вытирать лицо ладонями, когда же отняла их, то увидела, что на месте быка стоит юноша с узкой, осиной талией и широкими плечами. На голове у него диадема, которую носят только на Кефтиу.

«Бог Кефтиу!» – сообразила она в то мгновение, когда юноша подхватил ее и с быстротой молнии повлек в видневшееся в скалах черное отверстие пещеры.

О ненасытности и изобретательности этого критского божка, ставшего верховным богом Олимпа, знали отцы всех дочерей на берегах Внутреннего моря. Какие бы они ни применяли

уловки, чтобы уберечь от него своих дев, Зевс все равно добивался своего. Один отец запрятал свою дочь в башню, а окно занавесил такой тонкой решеткой, что через нее не пролететь и комару. А Зевс прошел золотым дождем!

Филемон и Бавкида

И еще много раз спускался Зевс на землю, чтобы встретиться со смертными девами и пополнить число героев. Но оставлял он и иные следы. На одном из холмов, окруженных болотом, на родине царя Мидаса, во Фригии, путникам показывали липу и дуб, протянувшие друг к другу ветви, уверяя, что эти деревья появились после того, как эту местность посетил Зевс.

Вот эта история, как ее пересказал римский поэт Овидий. В далекие времена, как будто еще до Мидаса, на холме весной паслись овцы, а летом он выгорал от жаркого в этой местности солнца. Болота же не было. Большую часть низины занимала деревня из многих десятков домов. На ее пыльную улицу и опустились Зевс и его вестник, принявшие человеческий облик. Время было позднее, и надо было подумать о ночлеге. Боги обошли всю деревню, но перед ними не открылась ни одна дверь, словно обитатели домов вымерли. Отчаявшись, Зевс и его вестник постучали в дверь хижины с покосившейся соломенной кровлей, которую ранее прошли, полагая, что им там не поместиться. На стук отозвался дребезжащий старческий голос:

– Входите! Да поможет вам Зевс!

Переступив порог, Зевс увидел старца и старушку, сидевших рядом на грубой деревянной скамейке. Приветливо улыбаясь, они назвали себя Филемоном и Бавкидой. Даже не спросив чужестранцев, какого те рода и племени, как их зовут, они пригласили гостей за стол, предложив скромное угощение в простых деревянных и глиняных чашах – овощи и яйца – и поставив невысокий кувшин с вином.

Впервые Зевс вместо амброзии насыщался людской пищей, вместо нектара пил вино. Это было ему приятно, потому что старички угощали от души и все время подливали им вина из кувшина. Но вскоре у хозяев хижины глаза расширились от удивления. Вино в кувшине не убывало. И поняли Филемон и Бавкида, что их посетили боги, а поняв, засуетились. Им стало совестно, что они не предложили посетителям достойной их пищи, какой считали свою единственную живность – гуся. Гусь, находившийся ночью в той же хижине, разгадав намерения стариков, не давался им в руки. Когда же они загородили выход, птица бросилась к Зевсу, словно ища у него защиты.

– Не трогайте ее! – сказал Зевс. – Идемте со мной на новое место, достойное вашей доброты.

Зевс и его вестник стали подниматься в гору. Старики побрели за ними, а позади всех важно шагал гусь. Когда вершина горы была уже близка, старики оглянулись, и их взору открылось болото, заросшее тростником.

– А где же наша хижина? – спросила Бавкида у супруга.

– Она здесь! – ответил Зевс.

Обернувшись на голос, старики увидели на вершине холма свою жалкую хижину, которую недавно покинули. Не успели они к ней подойти, как вдруг прогнившие бревна, подпиравшие соломенную кровлю, стали превращаться в сверкающие на солнце мраморные колонны, а соломенная труха – в золото. Земляной пол покрылся прилаженными друг к другу плитами. И вот перед ними храм, прекраснее которого не приходилось лицезреть ни одному смертному.

Дождавшись, пока старики придут в себя от удивления, Зевс обратился к ним с вопросом:

– Есть ли у вас желание, которое я мог бы выполнить, добрые люди?

Старики переглянулись, и Филемон ответил за себя и за Бавкиду:

– Нам ничего не нужно, кроме того, чтобы быть служителями этого прекрасного храма и уйти из жизни в один день и час.

На небе внезапно вспыхнула радуга в знак того, что скромное пожелание принято, и тотчас же боги исчезли. Старики прожили немало лет. Однажды они почувствовали, что не могут двинуться с места. Повернув друг к другу головы, они увидели, как над ними вырастает листва.

– Прощай, Филемон! – произнесла Бавкида.

– Прощай, Бавкида! – успел сказать Филемон в последний момент перед тем, как его покрытое

морщинами лицо превратилось в кору дуба. И зашумел ветер в кронах обращенных друг к другу дуба и липы.

Гера

Страшен богов без меры

Гнев и зоркая сила,

Но меж бессмертных Геры

Небо грозней не носило.

Иннокентий Анненский

Гера, сестра Зевса, вызволенная вместе с братьями из чрева Крона, стала его супругой. Их «священный брак», отмечавшийся греками каждой весной, рассматривался как связь неба с землей, оплодотворяемой благодатным весенним дождем. Вестником этого дождя была кукушка, слышавшая священной птицей Геры. В дни праздников Геры женихи приближались к алтарю богини в масках кукушки. Священной птицей Геры считался и павлин, блистающий красотой своего оперения. Из животных Гере посвящалась корова. Как и прозвище богини «волоокая», это пережиток того времени, когда Зевса мыслили в образе быка, а его супругу – в облике коровы.

Главными местами почитания Геры были города Пелопоннеса – Аргос, Микены, Тиринф, Коринф, Спарта и священный участок Олимпии, родины Олимпийских игр. Одно из имен Геры – Аргиея (Аргосская) – позволяет видеть в ней богиню-покровительницу царской власти в микенскую эпоху. Из островов Эгейского моря ранее всех стал местом почитания Геры остров Самос, считавшийся ее земной родиной.

В мифах, впервые переданных Гомером и Гесиодом, Гера – олимпийская богиня, образец супружеской верности. В знак этого ее изображали в брачном одеянии. Гера на Олимпе – защитница собственного семейного очага, которому бесконечно угрожает влюбчивость Зевса. Казалось, ему мало того, что он отец богов, ему хотелось стать родителем едва ли не всех героев. Поэтому жизнь Геры полна тревог, она готова считать каждое удаление божественного супруга свидетельством его измены. Чувство жгучей обиды не раз заставляло Геру скрываться от насмешливых глаз богинь, прежде всего от Афродиты, пособницы похождения Зевса.

Однажды, когда Гера находилась на успокаивающей ее ревнивое сердце горе Киферон, Зевс решил над нею подшутить. Он приказал вырезать из любимого им дуба грубую человеческую фигуру и обрядить ее в свадебный наряд. После этого он собрал быстроногих нимф, пригласил гостей, музыкантов и отправился в Беотию.

Мысль о предстоящей свадьбе Зевса, как все новости подобного рода, распространилась с невиданной быстротой. Застигнутая ею Гера, сбежав с Киферона, бросилась навстречу супругу. Вид свадебной процессии привел несчастную в смятение. Но по неудержимому хохоту Зевса она догадалась, что это шутка. Набросившись на раздетую куклу, она стала топтать ее ногами, а затем приказала сжечь. С тех пор в Платее, где Гера встретила свадебную процессию, отмечался «праздник кукол», завершавшийся их всенародным сожжением.

Кто знает, может быть, Зевс не просто шутил, но надеялся излечить свою супругу от недостойной обительницы Олимпа женской ревности. Но это не возымело действия, ибо Гера с ужасом узнавала, что у Зевса на земле то там, то здесь рождаются младенцы, и конечно же не от кукол. Бессильная остановить супруга таким же путем, как это сделала ее мать Рея, она переносила гнев на жертвы увлечений Зевса, преследуя их со всей страстью оскорбленного женского самолюбия. Как-то раз за чрезмерную жестокость к Гераклу супруг даже подвесил ее к небесному своду, прикрепив к ногам тяжелые наковальни. Но и это помогло ненадолго.

Зевс чувствовал ответственность за судьбы своих возлюбленных, но далеко не всегда ему удавалось их уберечь. Так, он превратил прекрасную аргосскую царевну Ио в телку, видимо полагая, что эта порода животных может вызвать у «волоокой» Геры некоторое сочувствие. Но не тут-то было. Гера потребовала белоснежную телку себе в дар и приставила к ней стражем одетого в бычью шкуру пастуха Аргуса. Все тело его было испещрено бесчисленным множеством глаз. Когда одни глаза спали, другие бодрствовали.

Жалобное мычание Ио донеслось до Олимпа, и Зевс в порыве сострадания немедленно отправил Гермеса на выручку возлюбленной. Аргус, шагавший вокруг дерева, к которому была

привязана телка, внушил посланнику Зевса ужас. У Гермеса не было никакой охоты сражаться с великаном, и он воспользовался не жезлом вестника – какой от него был прок? – а свирелью. Сладкая мелодия усыпила чудовище. Гермес разрезал веревку, и Ио бросилась бежать во всю прыть.

Тонкий слух мстительной Геры уловил стук копыт, и она послала чудовищного овода, который жалил телку в самые нежные места. Обезумев от боли, Ио мчалась из страны в страну, но нигде не находила покоя. Наконец она достигла Кавказа, где томился прикованный к скале Прометей. Сжалившись над страдальцей, благородный титан предсказал, что конец ее мучениям наступит в Египте. Так и случилось! В Египте к Ио вернулся человеческий облик, и она родила зачатого Зевсом сына Эпафа, основателя династии египетских царей и многих городов долины Нила, в том числе древней столицы египетских царей – прославленного Мемфиса.

Историю мучений и странствий Ио рассказывали на протяжении всей античности, и каждый из рассказчиков давал легенде новое толкование. По мере расширения географических названий увеличивался перечень посещенных Ио земель. Она превращалась то в финикийскую царевну, то в египетскую богиню Исиду, то в лунное божество. Но первоначальное ядро мифа – это соперничество одной из многочисленных жен бога-быка в облике коровы с «волоокой» Герой.

Брак Геры с Зевсом, оберегаемый ею с такой страстью, не был счастливым. Поговаривали, что Ареса она родила не от Зевса, а от прикосновения к цветку, Гефеста – от самой себя. Дочь Геба играла на Олимпе роль служанки – она подносила небожителям нектар и амброзию. Другая дочь божественных супругов, Илифия, стала родовспомогательницей.

Аид и его дом

Долина альбиносов кипарисов,
Деревьев, что растут наоборот,
И каждого, кто на земле родился,
Здесь страсти ожидает антипод.
И словно бы показывает знаки
Вершиною серябряною вниз
Всю жизнь мою тоскующий во мраке
По блеску солнца белый кипарис.

Третьему сыну Крона Аиду досталось подземное царство мертвых, кажется, по жребию, ибо кто добровольно согласился бы им управлять? Впрочем, его характер был настолько мрачным, что он не мог бы ужиться где-либо в другом месте, кроме преисподней.

Во времена Гомера, вместо того чтобы сказать «умереть», говорили «уйти в дом Аида». Воображение, рисовавшее это жилище мертвых, питалось впечатлениями прекрасного верхнего мира, в котором имеется немало несправедливого, устрашающе мрачного и бесполезного. Дом Аида мыслился окруженным крепкими воротами, самого Аида называли Пилартом (Запирающим ворота) и на рисунках изображали с большим ключом. За воротами, как и в домах богатых людей, опасаящихся за свое добро, появился злобный сторожевой пес, от которого на земле пострадало немало путников. Оставалось увеличить его в размерах, насадить на шею вместо одной головы целых три, заставить вилять хвостом перед входящими и набрасываться на выходящих – и вот уже страж дома Аида Кербер собственной персоной!

У каждого хозяина такого крепкого дома на земле были владения. Ими обладал и Аид. И конечно же там не наливалась золотая пшеница, не радовали прячущиеся в зелени ветвей алые яблоки и синеватые сливы. Там росли грустные на вид, бесполезные деревья. Одно из них до сих пор сохраняет восходящую к гомеровским временам ассоциацию со смертью и разлукой – плакучая ива. Другое дерево – серебристый тополь. Не увидеть душе-скиталице ни травы-муравы, которую жадно щиплют овцы, ни нежных и ярких луговых цветов, из которых плелись венки для людских пиров и для жертв небесным богам. Куда ни кинь взгляд – сильно разросшиеся асфодели, бесполезный сорняк, высасывающий из скудной земли все соки, чтобы поднять жесткий, длинный стебель и синевато-бледные цветы, напоминающие щеки лежащего на смертном одре. По этим безрадостным, бесцветным лугам бога смерти ледяной, колючий ветер гонит туда и сюда бесплотные тени мертвых, издающие легкий шелест, наподобие стога замерзающих птиц. Ни один луч света не проникает оттуда, где протекала озаренная солнцем, сиянием луны и мерцанием звезд верхняя земная жизнь.

Аид на ложе со своей супругой Персефой (ропись на сосуде)

Если верить мифам, лишь единицам удавалось ненадолго вырваться из рук Аида и когтей Кербера (Сизиф, Протесилай) или при жизни проникнуть в царство Аида и благополучно его покинуть (Орфей, Тесей, Геракл). Поэтому представления об устройстве подземного мира были неясными и порой противоречивыми. Одни уверяли, что попадали в царство Аида морским путем и что находилось оно где-то там, куда опускается Гелиос, совершив свой дневной путь. Другие же, напротив, утверждали, что туда не плыли, а спускались в глубокие щели тут же, рядом с городами, где протекала земная жизнь. Эти спуски в царство Аида в древности показывали любопытствующим как достопримечательность, но мало кто торопился

воспользоваться ими.

Чем больше людей уходило в небытие, тем более определенными становились сведения о царстве Аида. Сообщали, что оно девять раз опоясывалось рекой Стиксом и что Стикс соединялся с Коцитом, рекой плача, вливавшейся, в свою очередь, в Лету – реку забвения. Обитатель греческих гор и долин при жизни не видел таких рек, какие открывались его несчастной душе в аиде. Это были настоящие могучие реки, какие текут на равнинах, где-нибудь за Рифейскими горами, а не жалкие, пересыхающие знойным летом ручьи его каменистой родины. Их не перейти вброд, не перепрыгнуть с камня на камень.

Чтобы попасть в царство Аида, надо было терпеливо дожидаться лодки, которой управлял демон Харон – безобразный старец, весь седой, с всклокоченной бородой. Переезд из одного царства в другое следовало оплатить мелкой монеткой, которую покойнику в момент погребения клали под язык. Безмонетных и живых – попадались и такие – Харон беспощадно отталкивал веслом, остальных сажал в челн, и они должны были сами грести.

Обитатели мрачного подземного мира подчинялись строгим правилам, кажется установленным самим Аидом. Но нет правил без исключений, даже под землей. Тех, кто обладал золотой ветвью, не мог оттолкнуть Харон и облаять Кербер. Но на каком дереве растет эта ветвь и как ее сорвать, никто в точности не знал.

Деметра и Персефона

Радуйся, мать Деметра, обильная кормом и хлебом!

Как четыре коня с зерном провозят повозку,

Белые мастью, так нам царящая мощно богиня

Белую пусть ниспошлет весну и белое лето,

Также осень и зиму, блюдя обращение года...

Орфический гимн (пер. О. В. Смыки)

Как дочь Крона и Реи, Деметра была сестрой Посейдона, Зевса и Аида. В ее владении находилась земля, и само ее имя означало «Мать-Земля». Она не терпела Аида, была равнодушна к Посейдону, но с должным почтением относилась к Зевсу, оплодотворявшему ее небесной влагой. Рассказывали, что одно время Деметра была замужем за критским богом земледелия Иасионом, и от этого брачного союза, заключенного на трижды вспаханном поле, родился Плутос, дарующий людям обилие хлеба и других плодов земли. Но истинную радость материнства принес Деметре Зевс. У них родилась прекрасная Персефона, в которой Деметра не чаяла души. Персефона была нежной дочерью и так же, как мать, любила все, что растет.

Однажды, неосторожно удалившись от Деметры, Персефона собирала цветы на весеннем лугу. Ее привлекало видом и запахом каждое растение, и она не могла нарадоваться их свежести и разнообразию. Неожиданно взгляд девушки упал на прекрасный цветок, не похожий на знакомые и любимые ею фиалки, розы, лилии. От одного мощного стебля выходило сто головок, пылающих неугасимым огнем. Их благоухание было таким могучим, что казалось, будто оно наполнило все небо, землю и соленые воды моря. Даже Гелиос придержал на мгновение колесницу, чтобы вобрать в грудь божественный аромат.

Обеими руками стала срывать удивленная и обрадованная девушка цветок за цветком, не замечая, что рядом с нею оседает почва и образуется зияющий провал. Оттуда, на колеснице, запряженной угольно-черными конями, вылетел сын Крона, владыка подземного мира, бог с множеством имен. Он подхватил деву, и тотчас же колесница опустилась в провал, и над нею сомкнулась земля.

Персефона едва успела вскрикнуть, призывая на помощь мать. Но победный вопль Аида, ликовавшего, что уносит драгоценную добычу, заглушил слабый девичий голосок. Ахнули от этого крика подземная бездна, моря и вершины гор. Услышала его и Деметра. Рванулась она на луг, где оставила дочь. Девушки нигде не было. Распрямились помятые ею цветы. Загудели над ними пчелы и осы. Ничто не напоминало о случившемся.

Безмерное горе пронзило сердце матери. Сорвала она со своих волос цвета спелого колоса венок, накинула темный плат, облеклась в длинный черный хитон и устремилась по суше и морю на поиски родного птенца. Ни боги, ни люди, ни птицы небесные ничем не могли ей помочь. Девять дней металась повсюду несчастная мать. Она обходила леса, спускалась в овраги, с двумя факелами в руках обшаривала пещеры. Ни разу за все время не присела отдохнуть, не омыла разгоряченного лица, не вкусила божественной амброзии, не выпила нектара. И только поняв, что самой ей ничего не узнать, поднялась она на небо, чтобы обратиться с мольбой к Гелиосу:

– Ты, пронизывающий своими лучами землю и море, сжался надо мной и скажи, кто из богов или смертных похитил мое дитя?

– Это твой брат Аид унес ее к себе! – отозвался Гелиос, не останавливая коней.

Опустилась Деметра на землю, даже не взглянув в сторону Олимпа. «Не иначе, – думала она, – Зевс уступил Аиду свою дочь, не подумав обо мне. И никто из богов этому не помешал!»

Изменив внешность, побрела она, безутешная, по земле. Оказавшись в Аттике, у родника, где элевсинские девушки черпали кувшинами воду, Деметра бессильно опустилась на камень – впоследствии его назовут «камнем скорби». Здесь ее, всю в слезах, увидели дочери элевсинского царя. Проникшись сочувствием к незнакомке, они участливо спросили:

– Кто ты и в чем твое горе?

Не открылась богиня, сказала, будто она родом с Крита и была похищена разбойниками, от

которых ей удалось скрыться. Спросила она девушек, нет ли поблизости дома, где можно отыскать кров и где бы ей дали ухаживать за ребенком или исполнять другую работу, приличествующую ее возрасту.

Девушки отвели незнакомку в дом своего отца Келея. Переступив через порог мегарона, Деметра задела головой притолоку двери, и по дому распространилось сияние. Царица, сидевшая с младенцем на руках у столба, подпирающего кровлю, сразу поняла, что дочери привели не простую смертную. Поклонившись чужестранке, она предложила ей свое кресло. Но Деметра отказалась от этой почести, пристроившись на деревянном сиденье у края царского стола, продолжала предаваться печали. Не коснулась она ни еды, ни вина, поставленных перед нею, и сидела безучастная ко всему. Лишь острая шутка одной из служанок, Ямбы, вызвала на лице богини невольную улыбку (по имени этой служанки получил название стихотворным размер ямба, которым греки писали те стихи, которые хотели приблизить к разговорной речи).

Такой добротой осветилось измученное лицо незнакомки, что передала ей царица своего ребенка и попросила взять на себя заботу о нем. И отдала богиня сыну царицы всю не востребованную любовь. Она прижимала детское тельце к груди, согревала божественным дыханием, натирала амброзией. Ночью, когда царский дом затихал, погружаясь в сон, богиня заворачивала младенца в пеленки и клала в пылающую печь.

Младенец за несколько ночей вырос как за год, взгляд его стал осмысленным, и заговорил он, на удивление всем, как взрослый. Захотела царица узнать, как достигнуто это чудо. Незаметно она проникла в детскую и, увидев ребенка в огне, закричала:

– Что ты делаешь! Отдай мне сына!

Деметра вынула ребенка из печи и, положив его на землю, проговорила:

– Бери! Вам, людям, неизвестно, где добро, где зло. Если бы не твоя глупость, я бы вернула его тебе бессмертным.

При этих словах весь дом наполнился ароматом зерна и запахом спелых плодов. Перед царской четой вместо жалкой нищенки предстала величественная и прекрасная богиня.

– Деметра! – в один голос вскрикнули родители и упали перед богиней на колени.

Трип толем, сидя на крылатой колеснице, смотрит на Персефону, в руках у которой факел и ойнохоя для возлияний. За Триптолемом Деметра с факелом и колосьями в руках (ропись на сосуде)

– Да, я Деметра, дарующая радость бессмертным и смертным! – подтвердила богиня. – Пусть народ Элевсина, оказавший мне гостеприимство, воздвигнет в городе великий храм, а за городской стеной, у колодца, где я встретила дев, поставит алтарь. Я же останусь с вами и научу священным обычаям, чтобы вы и те, кто будет за вами, прославляли меня и мои дары.

А на земле, с тех пор как Деметра отправилась на поиски Персефоны, прекратились рождение и рост. Напрасно земледельцы шли за волами, бросая зерна в иссохшую землю. Ни одно из них не взшло. Стоны умирающих от голода и болезней доносились до Олимпа. Перестали дымиться алтари. Никто не приносил жертв богам, обитающим в олимпийских чертогах. Тогда отправил встревоженный Зевс вестника на поиски Деметры. Тот отыскал ее во вновь сооруженном элевсинском храме, сидящей одиноко в своем черном одеянии, и пригласил на Олимп. Не тронулась она со своего места, ничего не видя и не слыша. Зевс отправил в Элевсин за Деметрой других богов и богинь. Они, явившись, сулили ей почести, обещали богатые дары, но не шелохнулась Деметра.

Тогда Зевс послал вестника за Персефой. Аид не посмел отказать брату. Но, отпуская супругу, он дал ей проглотить несколько зернышек священного граната. Поэтому Персефона должна была каждый год возвращаться к мужу на три зимних месяца.

Когда Персефона появилась перед матерью, Деметра вышла из оцепенения, скинула траурное одеяние, облеклась во все белое и украсила прекрасную голову венком из васильков. Заключив дочь в объятия, она не расставалась с нею до тех пор, пока поднявшиеся на стеблях колосья не вскинули пригоршни зерен, словно бы жертвенную дань небу, дающему свет и тепло. Вместе с зернами, роняемыми на землю и погребаемыми ею, уходила от матери Персефона, чтобы вернуться к ней вместе с зеленью первых всходов ячменя, пшеницы и овса.

Памятником страданий Деметры и радости ее встреч с дочерью стал храм в Элевсине. На протяжении девяти дней месяца, соответствующего нашему сентябрю, на священной территории храма совершались инсценировки мифа о Деметре и Персефоне. Участники процессии переживали скорбь материнской утраты и радость обретения дочери, возвращенной к жизни в верхнем мире на большую часть года. Участники таинства (мистерии) были уверены, что воспроизведение «страстей» Деметры обеспечивает возвращение Персефоны, а следовательно, и урожай, даруемый кормилицей-землей.

Триптолем

По своей борозде,
Пропахавшей все поле,
Он уходит к звезде
И к богам на застолье,
И приносит он в дар
Им, властителям неба,
Не бессмертья нектар -
Ломоть смертного хлеба.

Благодарная людям за сочувствие, которым ее окружили в Элевсине, Деметра решила обучить их искусству земледелия. Она поручила Триптолему, брату девушек, введших ее в царский дом, рассеять свое божественное зерно по всем землям, чтобы оно повсюду стало главной пищей людей, где бы они ни жили. Для этого она вручила юноше двух крылатых быков и колесницу с плугом. Объезжая весь мир, Триптолем вспахивал целину и засеивал борозды полновесными зёрнами Деметры.

Радовались смертные новой сытной пище, которая привязала их к земле и позволяла делать запасы на зимнее бесплодное время. Они с ликованием славили богиню и ее драгоценные дары. Некоторые же сами захотели попробовать засеять землю. Когда, утомившись после дневного труда, сеятель уснул, один из царей Пелопоннеса запряг драконов и взобрался на колесницу. Разъяренные этой наглостью драконы сбросили его на землю, и он разбился.

Бывало и другое. Где-то между Истром (Дунаем) и Тирасом (Днестром) вольно бродили по ковыльным степям вместе со своими стадами дикие геты. При виде того, как чужеземец терзает медью их пастбища, они, неразумные, подняли вопль. Взялся царь гетов за лук и меткой стрелой поразил одного из драконов. Он уже натянул тетиву, чтобы убить Триптолема, как возникла Деметра. Лишив варвара жизни, она в назидание человечеству перенесла его и убитого дракона на небесный свод. И появились там созвездия Стрельца и Дракона. Триптолему же Деметра дала другого дракона, чтобы он продолжил свой труд сеятеля и кормильца.

Вскоре после того оказался Триптолем во владениях соседнего с гетами скифского царя Линка. Встретил он пришельца распростертыми объятьями, постелил мягкое ложе. Когда же Триптолем уснул, царь подкрался к нему с кинжалом и уже занес его над головой спящего. Но тотчас же пальцы его превратились в острые когти, туловище уменьшилось, покрылось пестрой шкурой, над верхней губой выросли кисточки усов. Так, по воле Деметры, царь, преступивший законы гостеприимства, был превращен в рысь и удален из мира людей. С тех пор этот зверь, обозленный на всех, живет в непроходимых чащах, прячется в ветвях деревьев, чтобы иногда броситься на шею охотнику или лесорубу.

Гефест

Большая часть обитателей Олимпа правила миром, судила-рядила людей, ведала войной, охотой, искусством, но был среди них бог, которого можно назвать тружеником. Это Гефест, сын Зевса и Геры, покровитель огня и обработки металлов.

Божественной матери, как это было принято и на земле, показали новорожденного первой. Увидев хилое тельце Гефеста, роженица утратила пресловутое олимпийское спокойствие и, схватив свое дитя за ножку, швырнула вниз. Долго летел младенец, кинутый матерью, пока не упал в океан. Ему повезло. Неподалеку в волнах резвились Фетида, дочь морского старца Нерея, и ее подруга Эвринома, дочь Океана. Они подхватили несчастного ребенка и унесли в подводный лазурный грот, где девять лет тайком его выкармливали и пытались дать подобающее его природе воспитание. Но юный Гефест не любил ни музыки, ни танцев, в которых подруги знали толк. Не тянуло его и к войне – сказывалась хромота, полученная во время падения. Гефесту нравилось мастерить. Уже в детстве он научился превращать бесформенные куски золота и серебра в прекрасные ожерелья, браслеты, серьги, и его воспитательницы вскоре щеголяли в таких драгоценностях, каких не ведали ни земля, ни Олимп. Олимпийские богини, разумеется, сразу приметили, как похорошели обе обитательницы морских глубин. Вот когда Гера впервые пожалела, что так обошлась со своим сыном.

Вскоре ей пришлось пожалеть об этом еще раз. Гефест прислал в подарок матери чудесное золотое кресло. Богини окружили его, наперебой расхваливая работу. Гера же, подобрав длинные одеяния, величественно опустилась в него. И тут из поручней и ножек выскочили какие-то пружины и приковали Геру к сиденью и спинке прочными невидимыми путами. Испуганно заверещали богини. На помощь поспешили боги. Но даже сам Зевс не смог освободить супругу из золотого плена.

Пришлось отрядить на землю Гермеса. Явившись в кузницу на остров Лемнос, посланец богов застал Гефеста у горна. Его помощники дружно колотили молотами по металлу. Было шумно. И Гермесу никак не удавалось втолковать Гефесту, что Гере надо помочь.

– Какая мера? Какая ночь? – спрашивал притворщик, делая вид, что не понимает, чего от него хотят.

– Не мера, а Гера, – кричал Гермес изо всех сил, – твоя мать, ее надо освободить!

– Не понимаю, – упрямо твердил Гефест, продолжая работу.

Пришлось вызвать на помощь Диониса, который явился с мехом, полным неразбавленного вина. Дионис ничего не просил у Гефеста, а, напротив, предложил кузнецу полную чашу. Разгоряченный жаром, Гефест всегда испытывал жажду и пил воду целыми пифосами. Вино же ему особенно понравилось, и он, войдя во вкус, потребовал еще. Вскоре божественный кузнец настолько опьянел, что его можно было взвалить на осла и везти хоть в Тартар.

На Олимпе Гефеста подвели к креслу, и умелец, придя в себя, в одно мгновение освободил Геру. Отплатив за обиду, он больше не держал на мать зла и всегда принимал ее сторону, за что однажды поплатился: Зевс сбросил его на землю. Да и Гера поняла, как плохо она обошлась с сыном, и, чтобы искупить свою вину, упросила Зевса отдать в жены Гефесту появившуюся в то время на Олимпе красавицу Афродиту.

И Гефест зачастил на Олимп. Богам пригодилось его мастерство. Построил он для них золотые палаты. И о себе не забыл. Небесный дворец Гефеста был из трех металлов – золота, серебра и бронзы. Имелась в нем кузница с чудесными мехами, располагавшаяся, согласно одному из мифов, внутри Этны. По одному лишь слову Гефеста они сами раздували пламя, и ему оставалось лишь бросить в него руду, а потом перенести плавку клещами на наковальню. Чего только ни выковывалось чудодейственным молотом Гефеста – и эгида Зевса, и колесница Гелиоса, и чаши для амброзии и нектара, и украшения для обительниц Олимпа, которые больше не смели потешаться над чумазым и хромым Гефестом.

Гефест вручает Фетиде оружие, изготовленное им для Ахилла (роспись на сосуде)

Сохранил Гефест и кузницу на Лемносе, где прошло его детство. Он работал там с кабирами, местными богами, которых миф превратил в помощников или даже сыновей Гефеста, и с карликом Кедалионом.

На Западе Гефесту принадлежали кузницы в Сицилии (под Этной) и на прилегающих к ней вулканических Эолийских островах. Эти мастерские, по преданию, сообщались между собой подземным ходом.

Всегда занятый любимым трудом, Гефест мало бывал дома, и Афродита в его отсутствие предавалась любви с Аресом. Узнав об этом от всевидящего Гелиоса, Гефест решил по-свойски наказать неверную. Он смастерил волшебную невидимую сеть и приладил ее к ложу. Как только Афродита и Арес возлегли, они оказались в ловушке. И тут появился Гефест и при виде барахтавшихся в сети любовников начал хохотать. Раскаты его хохота были слышны на земле, и смертные могли принять их за гром. Сбежались боги.

– Смотри, Зевс! – гаркнул Гефест. – Вот как я наказываю за неверность.

Богини захихикали, показывая пальцами на пойманных. Но Зевс грозно нахмурил брови. «Конечно же Афродита и Арес заслуживают осуждения, но кто дал этому чумазому право быть судьей?»

Пришлось Гефесту распустить сеть. Афродита скрылась от позора на своем острове Кипре. Арес утешился тем, что разжег еще одну кровопролитную бойню. Гефест же вернулся к своим мехам, молоту и наковальне. Работы у него прибавилось. Он стал обучать своему искусству людей. Обитавшие ранее в пещерах, они стали сооружать дома, наполнять их мебелью и всем, что необходимо для полного счастья. Поэтому они всегда помнили о боге-кузнеце и обращались к нему с мольбой:

– Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!

Афина

Ты, о Афина бессмертная
С неумирающим Эросом!
Бог бесконечного творчества
С вечно творящей богинею!
О, золотые родители
Все вдохновенных детей!
Ты, без болезни рождённое,
Ты, вдохновенно-духовное,
Мудро-любовное детище,
Умо-сердечное – ты!
Эроса мудро-блаженного,
Мудрой Афины божественной,
В вечном общенье недремлющих,
Ты – золотое дитя!

Александр Блок

Все в ней, начиная с появления на свет, было удивительным. Другие богини имели божественных матерей, Афина – одного отца, Зевса.

Как-то у Зевса нестерпимо разболелась голова. Помрачнел он, и, видя это, боги поспешили удалиться, ибо они знали по опыту, каков Зевс, когда у него дурное настроение. Боль не проходила. Владыка Олимпа не находил себе места и едва не кричал. Тогда еще у Аполлона не родился сын Асклепий, который мог бы справиться с любой болезнью.

Поэтому Зевс послал Ганимеда за Гефестом, приказав, чтобы тот явился немедленно. Божественный кузнец прибежал так, как был, – весь в саже и с молотом в руке.

– Сын мой, – обратился к нему Зевс. – Что-то стало с моей головой. Ударь меня своим медным молотом по затылку и посильней.

Услышав эти слова, Гефест в ужасе отступил назад.

– Но как? – пролепетал он. – Не могу...

– Можешь! – сурово приказал Зевс. – Так, как бьешь по наковальне.

И ударил Гефест, как ему было сказано. Череп Зевса раскололся, и из него выпрыгнула дева в полном вооружении и стала рядом с родителем, воинственно потрясая копьем.

От мощного прыжка заколебался Олимп, застонали лежащие вокруг земли, дрогнуло и закипело волнами море, на далеком же Родосе выпал снег, покрывший вершины гор. Боги долго не могли прийти в себя. Гефест от удивления даже выронил молот.

Зевс был изумлен не меньше других, но, не желая показать, что он не всеведущ, как ни в чем не бывало обратился к Гефесту:

– Это твоя сестрица Афина. Поскольку выйти на свет ей помог удар твоего молота, она будет, как и ты, владеть мастерством.

Лицо Гефеста недовольно вытянулось. Привык он быть на Олимпе единственным мастерским.

– Твой молот останется у тебя, – успокоил его Зевс. – Афина получит веретено. Она будет прясть и ткать.

Рождение Афины из головы Зевса (роспись на сосуде)

Так появилась еще одна великая богиня, отличавшаяся благоразумием и целомудрием. Была она мастерицей и воительницей, проводила время, не жалея сил, за работой, чтобы одеть и обуть весь Олимп. Когда же до ее чуткого слуха доходил свист стрел или звон мечей, она бросала веретено, облачалась в доспехи и с мечом в руке безоглядно бросалась в сечу.

Родившись из головы Зевса, Афина была мудрее всех других богов и богинь. Зная это, Зевс сажал Афины рядом и советовался с ней, прежде чем что-либо предпринять.

И люди, желая обустроить свою жизнь, обращались к Афине за помощью и советом. Это она научила дев вытягивать из шерсти нити, сплетать их в плотную ткань и украшать ее узорами. Одним юношам она показала, как очищать шкуры, как смягчать грубую кожу в котлах и изготавливать из нее мягкую и удобную обувь, другим дала в руки острые топоры, обучив их плотничать и вырезать мебель, третьим вручила узду для усмирения диких коней, которые стали служить людям, четвертым показала, как строить корабли. Это она водила руками ревностных ваятелей и художников, украсивших жизнь и сохранивших все достойное памяти. И все они, ткачихи, скорняки, сапожники, плотники, гончары и многие другие, кто стал создавать все нужное для людей и кормиться от рук своих, славили богиню-деву, называя ее Работницей (Эрганой); называли ее также Полиадой (от слова «полис», обозначающего у греков город-государство), потому что она приучила человечество к городской жизни.

Но забывчив и неблагодарен род человеческий. Всегда кто-нибудь вообразит, что сумеет обойтись без помощи олимпийцев или в состоянии превзойти их в мастерстве. Рассказывали о лидийской деве Арахне, уверявшей, будто она может вышивать не хуже, чем богиня. Услышала это ревнивая Афина и немедленно спустилась на землю.

Появившись в образе старицы, Афина напомнила Арахне, как негодуют боги на людскую гордыню, и посоветовала молить великую богиню о прощении за дерзкие слова. Но грубо оборвала самонадеянная Арахна пытавшуюся ее образумить незнакомку.

– Старость отняла у тебя соображение! – выкрикнула она. – Афина же просто боится вступить со мной в честное состязание!

– Я здесь, неразумная! – воскликнула Афина, принимая свой божественный облик. – И готова явить свое мастерство.

Афина изобразила в центре своего полотна двенадцать олимпийских богов во всем их величии, а по углам разместила четыре эпизода, демонстрирующих поражения смертных, дерзнувших бросить вызов богам, словно в последний раз призывая одуматься свою соперницу. Милостива богиня к признающим свою вину, и еще не поздно было Арахне остановиться и молить о прощении.

Но самонадеянная лидианка с презрением взглянула на работу богини и, приступив к своему полотну, выткала на нем несколько сцен с любовными похождениями богов. Фигуры богов и их смертных возлюбленных были совершенно живыми, казалось – вот-вот заговорят. Но оскорбительно для богов напоминание об их слабостях. И Афина, охваченная яростью, ударила Арахну челноком.

Не вынесла обиды царевна и повесилась. Но это было уже слишком! Афина спустилась на землю, чтобы вразумить хвастунью, а не лишить ее жизни, и не дала она ей умереть,

превратив в паука. С тех пор Арахна и все ее потомство висят в углах и между деревьями и ткнут тонкую серебряную сеть.

Особым покровительством Афины пользовался главный город Аттики, получивший ее имя. Афиняне считали, что они обязаны Афине своим благосостоянием, ибо она дала им масличное дерево. Согласно преданию, культ Афины в ее городе укрепил сын Земли Эрехтей. Афина воспитала его в своей священной роще, а когда он вырос, даровала ему царскую власть. Эрехтей установил праздник в честь Афины – Панафинеи, отмечающийся первоначально в древнейшем храме акрополя Эрехтейоне.

Афине была посвящена ночная хищница – сова, птица с выпуклыми, загадочными и, как можно судить по ее поведению, разумными глазами. Этот образ уводит в древнейшую эпоху, ибо сова совместно со змеей охраняла на Крите царский дворец. Впоследствии изображение совы чеканилось на серебряных афинских монетах, и каждый, кто принимал «сову» в обмен на свои товары, словно бы отдавал почести самой Афине.

Арес

Одно имя Ареса вызывало у греков ужас, хотя во внешнем облике бога, его носившего, не было ничего внушающего отвращение. Отвратительным было то, что Арес ненавидел Эйрену, богиню мира, и был неразлучен с Эридой, злостной богиней раздора, в ярости отвергая ту, другую Эриду, чтимую людьми, которая заставляла их состязаться не в битвах, а в мирном труде. Боги и люди презирали этого жестокого и неистового бога брани. И он был так не похож на других небожителей, мудрых и рассудительных, что его происхождение вызывало споры, а местом рождения считалась Фракия, страна с суровым климатом и не менее суровыми людьми.

Богам нравилось тешить взгляд, наблюдая за сражениями смертных. Иногда они спускались на землю, чтобы помочь своим любимцам. Для Ареса же война была смыслом существования, и он никогда не задумывался над тем, справедлива она или нет. Обезумев при виде крови, Арес убивал всех без разбора, правых и виноватых.

Иногда Арес, смешавшись на поле боя со сражающимися, издавал вопль, подобный крику десяти тысяч мужей. Слыша это, воины приходили в неистовство. И убивали всех, кто попадался им на пути: стариков, женщин, детей. Они даже забывали о том, что жизнь врагов, их жен и детей имеет цену, что их можно продать в рабство или сделать своими рабами. Попадался боевой конь или домашнее животное – осел или собака, не давали пощады и им. Услышавшие вопль Ареса сражающиеся переставали быть воинами, становились убийцами.

Как нарушитель установлений Арес был первым привлечен к суду остальных олимпийских богов, состоявшемуся на одном из афинских холмов. Его обвинили в убийстве Галлирофия, сына Посейдона. Но Галлирофий сам был хорош: он совершил насилие над дочерью Ареса. Боги сочли убийство насильника наказанием, достойным примера. И Арес на первом из когда-либо состоявшихся судебных процессов был оправдан, а холм с тех пор стал называться Ареопагом.

Неудивительно, что смертные считали Ареса виновником всех своих бед, и им пришла в голову мысль, что от них не избавиться, пока не будет усмирен Арес. Но как справиться с могущественным да к тому же еще невидимым богом? Людям это было не под силу, и они обратились к двум великанам. Те не без труда схватили Ареса, скрутили его и бросили в темницу. Тринадцать месяцев пробыл Арес в плену, – и это время (несмотря на символику числа) стало самым счастливым для народа, ибо люди постигли в своих мирных трудах больше, чем за предыдущие семь лет. Виной новых несчастий людей опять оказалась женщина, на этот раз не вылепленная богами кукла, а мачеха великанов. Она выдала место заточения Ареса, и Гермес вызволил бога войны.

Арес в полном вооружении (роспись на сосуде)

На Олимпе Арес стал тайным соперником трудолюбивого Гефеста, возлюбленным его законной жены Афродиты. Буйство войны соединилось с безумием любви, и от этого нельзя было ждать ничего хорошего. Родились Деймос (Ужас) и Фобос (Страх), вечные спутники войн. К порождениям Ареса относили одну из эриний, богинь кровавой мести, и дракона, с которым сражался фиванский герой Кадм. От связи со смертными женщинами у Ареса родились герои, в характере которых проявились черты дикости и необузданности отца. Своим родоначальником считали Ареса амазонки, женщины-воительницы, убивавшие рождавшихся мальчиков и воспитывавшие девочек в воинственном духе. Ареса считали отцом таких кровожадных и коварных героев, как Кикн, Диомед, Ликаон, Эномай. Но вместе с тем его

сыном был Мелеагр, прославившийся не грубой силой, а мужеством, а дочерью от Афродиты – отнюдь не воинственная Гармония, которую он отдал в жены Кадму, и поэтому жители Фив воздавали ему особые почести, учредив культ бога, чья кровь текла в жилах потомков основателя их города.

Более всех ненавидела Ареса Афина, богиня честной и справедливой войны. Однажды она искусно направила против него копье ахейского героя Диомеда, которое отыскало не защищенное броней место и пробило Аресу живот. С диким воем покинул Арес поле боя и прилетел на Олимп с жалобой на Афины. Зевс же даже не захотел выслушать объяснения Ареса, заявив, что он наказан по справедливости и заслуживает того, чтобы находиться не на Олимпе, а в Тартаре.

Аполлон

Музы – это мысли Аполлона

В хороводе бешеном времен.

В космосе, пустом и опаленном,

Был он красотою упоен.

И когда призвала Пиерия

Бога на иссохшие поля,

Музыку услышала впрямые

Разума ли шенная земля.

И вновь скиталась по земле пышнокудрая Латона, не зная, где найти пристанище. Ни один ручей, ни одна река не давали ей напиться, и она утоляла жажду из луж, оставшихся после дождя. Ни одно дерево не защищало ее от палящих лучей, отступая, как только она к нему приближалась. Люди еще издали при виде темно-синего плаща Латоны удалялись и замыкали за собой двери. Ибо страшна была Гера в своем яростном гневе на ту, которую полюбил ее супруг, и на тех, кто осмелился бы ей помочь.

Так добралась страдальца до исхлестанного волнами морского берега и разглядела гонимый ветрами скалистый островок.

– Ортигия! – обратилась она к нему. – Ты так же скитаешься, как и я. Тебя гонят ветры, меня преследует гнев Геры. Только ты, одинокая, сможешь меня понять и дать убежище в своих скалах. Чувствую я, что скоро дам жизнь тому, кто сможет меня защитить.

Взглянула Ортигия на уже распоясанную Латону и спросила нерешительно:

– А не причинит ли мне зла тот, о ком ты говоришь?

– Не бойся! – выдохнула Латона. – Он будет тебе опорой. Он даст тебе славу, какой не имеет ни один из островов беспредельного моря.

И причалила Ортигия к материку. Когда же Латона с трудом перебралась на нее, понеслась, как корабль, принявший драгоценную добычу.

Бесприютен был остров, как дерево, у которого нет корней, как бродяга без роду и племени. Даже птицы пролетали мимо него, выводя птенцов на других островах. На оголенных ветром и обожженных солнцем камнях Ортигии не росло ни кустика, ни травинки. Лишь у подножия горы Кинеф, куда с вершины сбегал ручеек, одиноко зеленела пальма. Направила туда Латона свои стопы, тяжело опустилась на землю и, схватившись обеими руками за ствол, издала вопль, который всегда сопровождает рождение новой жизни.

Услышали крик Латоны земля, море и небо. Зашелестели деревья листвою, передавая ошеломляющую весть: «Родился Аполлон!» Лебеди, возвращавшиеся в ту сторону, что лежит за Бореом, северным ветром, опустились на волны и, оплыв остров семь раз, пропели «Слава Аполлону!». Дельфины высунулись из воды и разинули пасти, увидев, что Ортигия уже не плывет, а, остановившись, испускает чудесный свет. С тех пор остров называется Делосом («Сверкающим»).

Аполлон – а сияние исходило от него, недаром его прозвали Фебом («Пламенеющим») – улыбался матери так, как могут улыбаться только боги. Он не требовал молока, как дети смертных. В его лепете Латона услышала явственное: «Амброзии!» На этот зов отозвалась Фемида, справедливейшая из богинь. И вкусил Аполлон из ее рук сладостной амброзии – пищи, достойной одних небожителей. И сразу же он отбросил пеленки и встал.

И сделал Аполлон первый шаг, и тотчас же скалистый Делос покрылся цветами и травами. Их аромат наполнил все вокруг. Легко ступая, шел Аполлон к горе, под которой родился, ибо ему были милы все горы, все уходящие в облака вершины, все башни и высоты.

Поднявшись, он выхватил взглядом изгиб неба, похожий на лук, открытый для неисчислимых стрел – солнечных лучей. Но тотчас же его воображение превратило тот же край неба в

кифару, а те же лучи-стрелы стали струнами. И эти два наложившихся один на другой образа определили противоречивую сущность Аполлона: бога, несущего миру гибель, и бога, открывшего в том же мире меру, гармонию форм и звуков. С тех пор лук и лира сопровождали Аполлона, хотя в них не было ничего общего, кроме округлости форм.

Аполлон с луком и колчаном за спиной настраивает лиру, путешествуя по морю на пророческом треножнике, который изображен здесь с крыльями (роспись на сосуде)

В облике юного бога такая завораживающая красота, что никто не мог отвести от него глаз. Но было в ней что-то вызывающее тревогу и внушающее страх. Прекрасный, как один из белых лебедей, оплывавших Делос в день освобождения матери от бремени, Аполлон мог быть жестоким и губительным, как волк. Поэтому его называли «Волчьим» и приносили ему в жертву тех животных, которых предпочитают эти четвероногие губители стад. В одном из храмов сына Латоны стояло отлитое из меди изображение Аполлона в виде волка. Аполлон – и волк и волкодав. И вместе с тем он мыслился как пастух с ягненком на плечах.

Как лучезарный бог, Аполлон пронизывает своим взглядом мрак, освещает прошлое и будущее. И в этом своем значении он прорицатель, пророк. Ему посвящены оракулы, где вдохновленные им жрицы дают богомольцам советы, отвечая на их вопросы.

Еще юношей отправился Аполлон в поход против Пифона, порожденного злобой Герой. Силой Пифон был не слабее Зевса и имел облик чудовищного змея. Томимый местью чудовищу, причинившему много зла матери, опустился Сребролукий у входа в мрачную пещеру, ставшую жилищем Пифона.

Заслышав воинственный клич Аполлона, дракон выполз на свет, изрыгая из пасти огонь. Но как ни ярился, не мог он причинить зла Сребролукому. Улыбаясь, Аполлон посылал стрелу за стрелой в пасть чудовища. Зверь захрипел, терзаемый тяжелой болью. Хвост его бил по земле, сметая вековые деревья. Такого шума еще не слышало небо. Но вот все затихло. Мглой покрылись огромные выпученные глаза, и дракон испустил дух.

Наступив ногой на убитого, Аполлон прокричал победный гимн:

– Вот твой достойный конец! Изгнивай на земле, кормилице смертных. Больше не будешь ты ужас внушать и нести им погибель. Здесь, на склоне Парнаса, твоею кровью омытом, в самом центре земли, будет выситься храм. Здесь будут жертвы мне возносить и испрашивать судьбы у пифий-девы.

Все было так, как предсказал победитель. Храм возник сначала воздушный – из перьев и пуха лебедей Аполлона, и парил он в воздухе, такой же легкий, как пух. Потом, опустившись на землю, перья и пух стали мрамором, сверкающим под взглядом Гелиоса. Но было святилище пустым, не имевшим названия, пока Аполлон не спустился на палубу проплывавшего поблизости критского судна.

– Кто ты, чужеземец? – спросил кормчий. – Не ты ли нас кружишь по морю, и не можем мы пристать к песчаному берегу и найти город Пилос?

– Я Аполлон, сын великого Зевса, – отвечал Сребролукий. – Я кружу вас по морю, но зла не имею. Вам во владенье я храм отдаю. Туда приведет вас дельфин, скиталец морей, и храм имя Дельфы получит.

Едва он это сказал, как дельфин показал свою черную спину. И понесся за ним быстроходный корабль. Недолго был путь. Вступив в узкий пролив, судно причалило к берегу. Моряки, подчиняясь воле Аполлона, развязали ремни, державшие мачту, и опустили ее на палубу, подняли весла и сбежали по сходням. Они двинулись за богом, игравшим на лире, а когда оглянулись, залив был пуст. Корабль исчез, словно его и не было.

– Вот ваш новый корабль! – показал Аполлон на храм. – В нем вы будете плыть в веках, не

ведая бури, не страшась подводных камней. Смертные сюда приведут столько овец и баранов, что в мясе не будете знать вы нужды. Вашим богатствам завидовать будут цари. И достанутся вам они за то, что будете здесь вы службу нести мне, Аполлону!

Переглянулись критяне, не веря свалившемуся на них с неба счастьем. Кормчий же запел песню. И моряки подтянули ее хриплыми голосами, славя щедрость того, кто назвал себя Аполлоном.

Как у всех богов, были у Аполлона любимые народы, среди них прежде всего обитатели той северной страны, откуда прилетели лебеди приветствовать его рождение, – гиперборей. В страну гипербореев нет доступа ни сушей, ни морем, и никто не мешает Аполлону уединяться среди людей, живущих за северным ветром, и радоваться их веселью и благочестивым молитвам. В описаниях древних авторов гиперборей такой же счастливый и благочестивый народ, как живущие на южной оконечности Океана эфиопы. Их земля необычайно плодородна, реки несут золотой песок. Они живут, не зная ни болезней, ни губительной старости, ни иных несчастий, которые принесла людям Пандора, и умирают без страданий, достигнув тысячелетия.

Казалось бы, кроме гнездования там лебедей, страна гипербореев не обладает ни одним признаком северной страны. Но есть еще деталь, которая свидетельствует о том, что в легенду о гипербореях вплелось реальное знание: принесение гипербореями в жертву ослов, чьим поведением удивлялся Аполлон, наблюдая, как они свирепо встают на дыбы. Ощущение необычности для Аполлона этого зрелища позволяет думать, что тот, чей рассказ вдохновил создателей мифа, наблюдал не ослов (более чем обычных для грека), а каких-то иных животных, похожих на ослов. Ими могли быть только северные олени, которые сбрасывают рога как раз в ту пору, когда на север прилетают лебеди и весна открывает суровый край гипербореев для посещений Аполлона.

Была мила Аполлону Троя. Вместе с Посейдоном он воздвиг ее неприступные стены, а в Троянской войне помогал троянцам отражать ахейцев, неся своими стрелами в их лагерь чуму и убивая их героев.

Разумеется, не только среди гипербореев и троянцев легко и свободно чувствовал себя Аполлон. И в других землях находил он любимцев среди смертных, с которыми охотно проводил время, играя на лире или состязаясь в ловкости и силе. Особенно дороги были богу прекрасные юноши Гиацинт и Кипарис. И оба они стали для него источником горя. Первого он по оплошности убил, соревнуясь в метании диска, и пришлось, чтобы сохранить память о Гиацинте, превратить его в нежный цветок. Кипарис же, случайно поразивший насмерть своего любимого ручного оленя, испытывал такую смертную тоску и так молил отнять у него ставшую ненавистной жизнь, что Аполлон, сжалившись, превратил его в это стройное мрачное дерево, которое с тех пор греки стали сажать на кладбищах.

Нравнодушен был Аполлон, как и его отец Зевс, к смертным девам и нимфам, и они обычно с радостью отвечали на его любовь, увеличивая на земле число героев. Среди возлюбленных Аполлона называли нимфу Кирену, родившую от него в Ливии, куда он ее переселил, полубога Аристея, охранителя посевов от засухи и града, покровителя пастухов, зачинателя пчеловодства, виноградарства, оливководства.

В отличие от Зевса приходилось вечно юному богу знать и поражения. Так, отвергла его любовь дочь троянского царя Кассандра, но особенные страдания принесла ему Дафна, дочь речного бога Пенея. Аполлон, домогавшийся любви прекрасной нимфы, вызвал у нее ужас. Словно бы она увидела в нем сквозь ослепляющую красоту свирепость волка.

*Аполлон играет на кифаре, стоя между своей матерью Латоной и сестрой Артемидой
(роспись на сосуде)*

Но в душе бога, разгоряченного отказом, все более и более разгоралось чувство.

– Что же ты бежишь от меня, нимфа? – кричал он, пытаясь ее догнать. – Не разбойник я! Не дикий пастух! Я – Аполлон, сын Зевса! Остановись!

Дафна продолжала бежать что было сил. Все ближе погоня, девушка уже ощущает за спиной жаркое дыхание Аполлона. Не уйти! И она взмолилась отцу Пенею:

– Отец! Помоги дочери! Спрячь меня или измени мой облик, чтобы меня не коснулся этот зверь!

Едва прозвучали эти слова, как Дафна почувствовала, что ноги ее деревенеют и уходят в землю по лодыжки. Складки влажной от пота одежды превращаются в кору, руки вытягиваются в ветви. Стала Дафна лавром (по-гречески *daphne* – лавр), и с тех пор это дерево посвящено Аполлону. Украсил он в память о Дафне голову венком, сплетенным из лавровых ветвей. И такие же венки стали получать победители в состязаниях в честь Аполлона.

Как бог музыки и поэзии Аполлон считался владыкой Парнаса, где он ведал играми муз. Его оракулы имели стихотворную форму. Он считался вдохновителем поэтов, так же как Дионис. Но вдохновение, посылаемое Аполлоном, было иным, чем у Диониса. В нем дышали гармония и разум, а не неистовство хмеля.

Артемида

Упала ткань на недозрелость груди,
Предчувствием грядущего полна.
Какой она в тебе порыв разбудит?
Рванешься ли ты, сердцем холодна,
Высокоподпоясанная, в чашу
С собаками и нимфами своими,
Налаживая ст релы на ходу?
Иль зов людской тебя у гор отнимет,
Ты спустишься к роженице кричащей,
Чтоб отогнать страданья и беду?

Райнер Мария Ри льке

Дочь Латоны (по другой версии – Деметры) и Зевса Артемида была богиней гор и лесов. Об ее почитании греками уже во II тыс. до н. э. свидетельствуют имя A-li-mi-le, написанное слоговым письмом на одной из кносских глиняных табличек, и данные о малоазийской богине Артемиде Эфесской, характеризующие ее как владычицу природы и госпожу зверей. В олимпийской религии Гомера она – вооруженная луком охотница и богиня смерти, сохранившая от своей малоазийской предшественницы приверженность к троянцам и функции покровительницы рожениц.

Оставаясь всю свою жизнь незамужней и вечно юной девой, Артемида не отличалась девичьей мягкостью и сердобольностью. В ней много общего с амазонками, которым приписывается основание древнейшего и самого знаменитого храма Артемиды в малоазийском Эфесе. Главные ее черты – энергичность, непреклонность и беспощадность. Ей были любы кровь и мучения. В древнейшие времена на алтарях Артемиды совершались человеческие жертвоприношения. После их отмены в Спарте в дни празднества Артемиды ивовыми прутьями секли юных спартанцев, и их кровь орошала ее алтарь. Жрица, наблюдавшая за истязанием, держала в руках статуэтку Артемиды и наклоном или подъемом ее указывала, что нужно усиливать или ослаблять удары.

Храм Артемиды в Спарте находился на поросшем ивами берегу Эвроты. Согласно легенде, там нашли древнейшее изображение богини. Но, скорее всего, это быстрорастущее дерево было посвящено богине, и первое ее изображение было сплетено из ивовых прутьев таким же образом, как из них сплетали щиты и корзины. Древнее неувядающее искусство! Древняя богиня произрастания! Богиня-охотница, которой поручалось воспитание юных охотников и воинов. Богиня – владычица зверей.

Артемида не только убивала кабанов, оленей, но и заботилась о них, брала на руки их детенышей, защищала от хищников. Но это было проявлением не доброты, а божественной предусмотрительности. Артемида охраняла дикую природу от бессмысленного уничтожения. Ей был мил целинный, не вытоптанный стадами луг, где только пчелы и шмели, собирая пыльцу, жужжали хвалу природе. Она устраивалась на отдых в самых отдаленных местах гор и лесов, обычно в пещерах близ источника. Горе было тому, кто нарушит ее покой.

Неумолима и жестока Артемида. Вот что рассказывали о судьбе неразумного Актеона. В жаркий полдень, покинув других охотников, Актеон, сопровождаемый охотничьими собаками, забрался в непроходимую чашу. С трудом выбравшись из нее, он увидел ручей и рядом с ним тенистый грот. Ему бы бежать без оглядки! А им овладело любопытство, не раз уже губившее смертных. Неслышными шагами он подошел к гроту и заглянул внутрь. Его взору предстали красавицы нимфы. С криком они окружили Артемиду, уже раздевшуюся для омовения. Лицо богини покрылось румянцем, глаза зажглись гневом.

С головы Актеона внезапно упал петас, хотя было безветренно. Бросив взгляд на запруду для купания, охотник с ужасом увидел, что у него выросли ветвистые рога. «О боги! Что со мною делается?» – подумал он. Лук выпал из его руки, ибо пальцы срослись, превратившись в копыта, и он уже не мог держаться прямо, а стал на четыре ноги. Пятнистая шкура покрыла

тело. Уже ему не подвластен язык. Вместо мольбы из уст вырвалось мычание.

Артемиде со смехом вышла из пещеры. Ей нечего было скрываться. Перед нею уже не человек, а дрожащий от ужаса олень. Хотя он сохранил человеческий разум, ему не рассказать, как выглядит Артемиде. Но люди узнают, как она наказывает за дерзость!

Вдоволь насмеявшись, богиня подняла с земли тугой лук и оттянула тетиву. Напуганный Актеон бросился бежать. Лучше бы он остался на месте и принял смерть от руки той, которая так бессердечно изменила его облик.

Бежит прекрасный олень по ущельям Киферона, и за ним несется неудержимая свора псов. Все ближе и ближе их лай. Актеон понимает, что ему не уйти. Остановившись, он обращается к каждой из собак:

– Не прыгай так, Ниса! Вспомни, как я поднял тебя на ноги, когда тебя поразил кабан. Ларк! Как ты смеешь бросаться на своего хозяина? Ведь я всегда отличал тебя в своре.

Но не различают собаки в мычании человеческого голоса. Не могут они учуять нюхом, что перед ними в шкуре оленя их хозяин, их бог. Ниса впиалась в горло. Ларк вцепился в бедро.

Актеон упал на колени. В его огромных выпуклых глазах застыло такое горе, что если бы сама Артемиде оказалась на этой поляне, растаяло бы ее каменное сердце!

Подоспевшие охотники, отогнав собак, с удивлением разглядывали прекрасного оленя.

– Ну и добычу послала псам Актеона милостивая Артемиде! – воскликнул старший охотник.

– За это она получит заднюю ногу, – отозвался другой, доставая нож.

– Куда это запропастился сам Актеон? – проговорил третий охотник. – Вот обрадуется, когда узнает, какого оленя загнала его свора!

Так и пряталась в чащах и пещерах Артемиде, не подпуская к себе ни одного мужчину. Но однажды она услышала об Орионе, сыне Посейдона и Эвриалы, дочери царя Миноса. Слава о его мощи, красоте и охотничьих успехах наполнила весь мир. И более всего боги и смертные удивлялись тому, что Орион переходил с острова на остров по воде. Дар хождения по волнам был от Посейдона, выделявшего Ориона среди других сыновей. Пользуясь им, он быстро добрался до острова Хиоса и перебил своей медной дубиной множество расплодившихся и нападавших на островитян зверей. Орион обладал такой силой, что ему ничего не стоило передвинуть горы, чтобы создать гавань или воздвигнуть на понравившемся ему месте храм Посейдону.

Артемиде поражает стрелами Актеона (роспись на сосуде)

И решила Артемиде охотиться с Орионом. У великана была жена Сиде («плод граната»), родившая ему 50 сыновей и двух дочерей. Долго уговаривала она супруга, чтобы тот держался подальше от богини, погубившей множество смертных. Но ему не терпелось показать Артемиде, что не уступает он ей ни в силе, ни в ловкости.

Так Артемиде и Орион стали охотиться вместе, преследуя зверей по всему свету. Их сопровождал верный пес Ориона Сириус, обладавший невероятной неутомимостью и остротой нюха.

Все чаще и чаще заглядывалась Артемиде на своего спутника. Она, враждебная Афродите и ее дарам, впервые ощутила ранее непонятное ей желание быть ближе к существу другого пола, прикоснуться к его лицу, ощутить его дыхание. Кто знает, к чему бы это привело, если бы они не вышли на широкий луг, словно приспособленный для метания камня или диска.

Взяли Орион и Артемиде в ладони медные диски.

– Бросай первая! – предложил Орион.

Он всегда уступал Артемиде как женщине и богине.

Артемиде занесла руку назад, и диск, вырвавшись со свистом, описал огромную дугу. На месте падения образовалась видная издалика яма.

Орион кинул свой диск дальше. Не выдержала богиня того, что смертный оказался победителем, и поразила Ориона стрелой. Опомнившись, она зарыдала и стала рвать свои прекрасные волосы. Ринувшись к Зевсу на Олимп, она взмолилась, чтобы он вернул Ориону жизнь.

– Это не в моих силах, дочь моя, – объяснил ей Зевс. – Лучше бы ты научилась сдерживать свой гнев.

– Тогда сделай так, чтобы я могла любоваться красотой Ориона! – не унималась Артемиде.

– Это я могу! – проговорил Зевс.

И вскоре на небе появилось новое созвездие – Орион. Оно до сих пор сияет в небе Эллады с начала лета и до наступления зимы.

Рядом с Орионом звезда Сириус. Верного пса Зевс также вознес на небо, чтобы небесному охотнику не было скучно одному в небесных дебрях.

Формированию образа Артемиды как девственницы, лишенной женских страстей и слабостей, способствовало ее сопоставление с Афродитой. Стрелы Артемиды направлены против зверей. Стрелы Афродиты – против людей, и они порождают чувство, не отличимое от безумия. Мифы не сталкивают обеих обительниц Олимпа, у каждой из них свой круг персонажей. Но сравнение их напрашивалось само собой, и впервые Еврипид, изображая юношу Ипполита страстным последователем Артемиды, делает его ненавистным Афродите. Вспыхнувшая на почве этих различных подходов к жизни трагедия приводит к всеобщей катастрофе и гибели всех участников действия.

Это дает возможность понять жестокость Артемиды к Актеону. Она покарала его не за то, что нарушил ее уединение, а за то, что, увидев обнаженной, усмотрел в ней женщину. Наказание Актеона – это самооборона девы, которая не приемлет брака. Подобно тому как амазонки убивали своих супругов, Артемиде уничтожала каждого, кто даже мысленно покушался на ее девственность. И в силу этого она покровительница и воспитательница юношей и девушек, не достигших брачного возраста, и тех, кто, дав обет служения ей, отказывается от брака и связанных с ним обязательств.

Гермес

В самом сердце центральной части Пелопоннеса Аркадии, которую греки называли «счастливой», высилась поросшая лесом гора Киллена. В пещере этой горы жила горная нимфа Майя, одна из дочерей титана Атланта. Заприметил с высоты своего Олимпа Зевс юную красоту Майи и тайком от своей пышнотелой Геры зачастил в пещеру горы Киллены. В назначенное время родила Майя младенца, да такого смышленного, какого и свет не видывал. Было в маленьком тельце Гермеса (так называли новорожденного) столько ума и изворотливости, что ему ничего не стоило обмануть взрослого, умудренного бога.

И аппетит был у него не по возрасту. Однажды ветер донес в пещеру дразнящий запах мяса: пастухи жарили на вертеле барана. У Гермеса потекли слюнки. Заворочался он в своей колыбельке, но матери ничего не сказал. Когда она вышла, оставив его спящим, он тотчас же сбросил одеяльце и выскочил наружу.

Солнце уже закатилось, но на небе сияла Селена, и бледный свет ее освещал далекий луг и пасущихся на нем четвероногих животных. Это было большое стадо священных коров, находящихся под покровительством олимпийских богов.

В одно мгновение малютка оказался на лугу. Среди животных отличались статью и красотой пятьдесят коров, принадлежавших грозному Аполлону. Никто их не охранял, ибо все знали, что Аполлон скор на расправу. Гермес отделил этих животных и стал думать, как их увести, чтобы на него не пало подозрение. Он сломал несколько гибких прутьев тамариска и мирта, связал ими две охапки древесных ветвей и всунул в них ножки. Теперь он сам не будет оставлять следов. А как быть с коровами? Ведь животным не нацепишь на копыта таких ветвей. Даже если удастся это сделать, долго они не удержатся. Тогда Гермес развернул коров задом наперед и погнал их таким образом, что следы вели не с луга, а на луг.

Обнаружив близ реки Алфея просторный хлев, Гермес загнал туда животных и задал им вдоволь корма, чтобы они не мычали. Только после этого он насытил свой аппетит, поджарив на костре пару коров. Тщательно уничтожив следы своего пиршества, Гермес закрыл хлев и отправился домой.

Мраморная статуя Гермеса (Пракситель, ок. 340 г. до н. э., Олимпия)

Когда Гелиос, выйдя из своего ночного убежища, заглянул в пещеру, Гермес как ни в чем не бывало дремал в своей колыбельке. Об его отсутствии ничего не узнала и Майя, так как уходя малютка свернул одеяло таким образом, словно это было его тельце.

Как раз в это время Аполлон обнаружил пропажу пятидесяти коров. Ярости его не было предела! Особенно удивляло то, что грузные животные не оставили на мокрой земле никаких следов. Все следы вели на священный луг. Ни один не вел с луга! Не иначе кто-то приставил к бедрам коров крылья!

Долго бы терялся Сребролукий в догадках, если бы ему не встретился старец, шедший за плугом. От него узнал Аполлон о бессовестном младенце, гнавшем коров задом наперед.

«Не иначе это еще один отпрыск Зевса!» – со злобой подумал Аполлон и отправился на его поиски. Так он оказался у входа в пещеру горы Киллены. Увидев Майю, сидевшую на камне, он сразу понял, что находится на верном пути. «Не мог же мой отец пропустить такую красавицу! – подумал он. – Конечно же, вот и колыбелька! Кто же там под одеяльцем притворяется, что не слышит моей поступи? Не глух же он от рождения?»

– Негодный! Возврати мне коров! – заорал Аполлон во всю мочь. – Иначе я возьму тебя за

ножку, и ты окажешься там, где тебя никто не отыщет! В Тартаре!

– Коров! – слышался младенческий лепет. – А что такое коров? Мать! Что от меня хочет этот смертный?

– Смертный! – рассвирепел Аполлон. – Ты называешь меня смертным и делаешь вид, что не знаешь, что такое корова. Но мне известно, что ты гнал моих коров.

– Как я их мог гнать! Не мешай мне спать!

– Не притворяйся! – загромыхал Аполлон. – Сейчас ты у меня узнаешь, что такое корова!

С этими словами он стащил одеяльце и на мгновение застыл.

– Это ты похитил у меня коров! – расхохотался Аполлон при виде младенца. – Ха! Ха! Ну и далеко же ты пойдешь, разбойник, если в таком нежном возрасте... Ха! Ха!

– Не смейся надо мной! – хныкал Гермес. – Я такой слабый и маленький. Я буду жаловаться Зевсу...

– Зевсу! – грозно повторил Аполлон. – Ты будешь жаловаться! Да я сам отнесу тебя на Олимп, чтобы Зевс увидел, какую мерзость он породил.

Сказано – сделано! Но, увидев Зевса восседающим рядом с Герой, Аполлон сразу же понял, что не стоит говорить о происхождении наглого младенца. Ведь и Латона была в положении Майи!

– Зачем ты притащил этого сосунка? – первым проговорил Зевс. – Чем он провинился?

– Он украл моих коров и съел их!

– Съел? – расхохотался Зевс. – Послушай, Аполлон! Твои слова кажутся мне странными! Разве может он съесть хотя бы одну корову?

– Если смог украсть, значит, может и съесть! А если он спрятал, пускай вернет!

– Каких коров? – оправдывался младенец. – Я спал, а он ворвался в пещеру, схватил меня и потащил...

При слове «пещера» Зевс догадался, что видит своего сына. Опасаясь, что тот проговорится о матери, он перебил младенческий лепет:

– Отнеси, Аполлон, его туда, откуда взял. А я позабочусь, чтобы тебе вернули украденное.

Когда братья удалились, Зевс взял Геру за руку и сказал:

– Не правда ли, удивительный случай? Маленький и уже такой ловкий.

Быстрота и расторопность, характеризующие Гермеса-младенца, определили изменения, которые претерпел его образ в греческой поэзии. В «Илиаде» волю Зевса возвещала Ирида (Радуга). В «Одиссее» самые деликатные его поручения выполняет Гермес. В дальнейшем Гермес по преимуществу гонец, и его атрибутами становятся широкополая дорожная шляпа петас, жезл кадуцей и крылатые сандалии. Он превращается в бога гонцов, вестника войны и мира, но также разносчика информации, без которой немыслима торговля. Последняя функция преобразует Гермеса в бога торговли и одновременно в покровителя воров, ибо кто лучше, чем Гермес, знает, где и что плохо лежит и как наилучшим образом укрыть похищенное.

Гермес в «кинее» и крылатых сандалиях держит в левой руке канфар с кадуцеем, а в правой – ойнохою (ропсх на сосуде)

На этом метаморфозы Гермеса не завершаются. Живой, быстроногий бог делается вестником смерти и проводником душ в аид, и эта роль многоликого бога становится одной из главных. Частое посещение потустороннего мира привносит еще одну черту в облик Гермеса. Он знаток тайн аида, не доступных людям и богам верхнего мира.

Вся эта кипучая деятельность оставила Гермесу мало времени для любовных походов. И все же у него были встречи с нимфами, увеличившие число героев. Он имел длительную связь с двумя дочерьми афинского царя Кекропа и стал отцом Керикса, родоначальника элевсинцев.

Среди гомеровских героев хитрее всех был Одиссей, которому удалось выйти невредимым из столкновений с чудовищами и людоедами, преодолеть злобу враждебных богов и возвратиться на родину. Близость характеров Гермеса и Одиссея объясняли тем, что Одиссей – правнук Гермеса по материнской линии, внук его сына Автолика, разбойника, проживавшего на Парнасе, «самого вороватого из людей».

Рассказ о первых днях Гермеса обрисовывает и другую черту этого многоликого бога. Гермес был покровителем пастушества, охранителем и умножителем стад. Поэтому его часто изображали с ягненок на плечах. Когда пропадало животное, обращались к Гермесу, веря, что он укажет место, куда оно забрело, или назовет похитителя.

Обычно пастухи были музыкантами. Используя свободное время, они играли на свирели или других самодельных инструментах. Это послужило основанием приписать именно Гермесу изготовление из панциря черепахи семиструнной лиры. Согласно мифу, он отдал ее вместе с пастушеской свирелью Аполлону и получил взамен золотой кадуцей и дар предсказания будущего.

Гермесу посвящались каменные столбы дверей и ворот, что делало его покровителем входа и выхода, а также всех тех, кто покидает дом, – путников. Считалось, что их сопровождает Гермес, и на бортах повозок обычно изображали его силуэт. Воплощением Гермеса считалась куча камней, впоследствии одиночный камень с головой юного бога – герма. Такие гермы ставились обычно на перекрестках и скрещении дорог.

Афродита

Вначале Хаос был и облакал светила;
Пространства и века без меры мчались в нем;
Потом большой груди обильным молоком
Земля, благая мать, титанов напоила.
Титаны пали. Стикс их принял, как могила.
И никогда весна под неумолчный гром
Не зажигала солнц сияющим огнем.
И осень щедрая полей не золотила.
Не знающий забав и радостей, суров,
Сидел на снеговом Олимпе сонм богов.
Но небо изошло божественной росой;
Разверзся Океан, и, девственно светла,
Восстав из пены вод, вскипающих грядой,
В Урановой крови Киприда расцвела.
Жозе-Мария де Эредиа (пер. Е. Малкиной)

Афродита (римская копия с греческого оригинала Праксителя (350-340 гг. до н. э.), Париж, Лувр)

Когда Крон искалечил своего отца Урана, кровь, упавшая в море, образовала пену. Из нее родилась Афродита, самая пленительная из богинь. Увидев красавицу, грациозные оры набросили на ее прекрасное тело нетленное одеяние, украсили благоуханные волосы тонко сработанной золотой диадемой, продели в ушные проколы жемчужные серьги, обвили смуглую шею золотым ожерельем и только после того повели на Олимп, к бессмертным богам.

Склонились небожители перед красотой Афродиты, и только трое остались безучастны к Пеннорожденной, Фиалковенчанной, Улыбколюбивой богине:

Афина, чье сердце было отдано брани и ремеслам, Артемида, любящая охоту на диких зверей и хороводы, а также скромная и трудолюбивая богиня очага Гестия. Среди смертных же не оказалось никого, кто мог устоять перед Афродитой. Как только они увидели ее, что-то шевельнулось в их душах. Бродившие поодиночке, как попало, они соединялись в семьи, ибо пока не было власти Афродиты, не было любви и привязанности людей друг к другу.

Афродита возымела власть над самим Зевсом и, к великому неудовольствию Геры, не раз вселяла в него страсть к смертным женщинам. Зависимость от Афродиты была неприятна отцу богов, и он решил наказать богиню, воспользовавшись ее же даром. Ему удалось влюбить Пеннорожденную в смертного мужа Анхиза, пасшего стада на Иде, самой высокой горе Троады.

Введенная в число олимпийских богов, Фиалковенчанная была выдана замуж за Гефеста, но никогда не испытывала с ним тех чувств, какие познала во время встречи с Анхизом. Брак на Олимпе был не только несчастлив, но и неравным, соединив красавицу с калекой. К тому же Гефест не имел особого влечения к супруге, находя истинное удовлетворение в работе с молотом у наковальни и пылающего горна.

Афродита и Адонис

Удивительна история любви богини к прекрасному смертному юноше Адонису. Греки считали его то сыном нимфы Алфесибей от героя с финикийским именем Феникс, то производили от ассирийского царя Тианта и его дочери Смирны, то от кипрского царя Кинира и его дочери Мирры. Эти различия говорят о том, что в разных азиатских странах происхождение Адониса объясняли по-разному с целью привязать его к своей почве. Общим для двух последних вариантов является то, что Адонис – плод преступной связи отца и дочери. В кипрском варианте любовь к отцу девушке внушает сама Афродита в наказание за то, что она не чтит богиню. Обманув отца, Мирра вступает с ним в связь, после чего отец обрушивает на дочь проклятие и выгоняет ее из дома. Во время блужданий в Аравии перед самыми родами отверженная превращается в мирровое деревце, из треснувшего ствола которого выходит прекрасный младенец.

Афродита, сурово покаравшая мать Адониса, к нему самому проявляет доброжелательность и передает его в ларце на воспитание Персефоне. Выросший из младенца юноша был так прекрасен, что царица подземного мира не хотела возвращать его Афродите. Вынужденная его отпустить, Персефона не без помощи Артемиды насылает на Адониса во время охоты разъяренного кабана, от клыков которого он погибает. Теперь юноша должен навсегда уйти в царство мертвых.

Афродита, беседующая с Эротом. Рядом стоят Эвномия и Педия

Однако Зевс, вняв мольбам обезумевшей от горя Афродиты, делит время пребывания Адониса в верхнем и нижнем мирах на два срока, разрешив ему две трети года проводить на земле.

Остальное же время Афродите остается утешаться видом благоуханных роз – цветка, в который она превратила тело погибшего возлюбленного, и печальных анемонов, выросших из ее слез. С тех пор эти два цветка стали растениями Афродиты, и влюбленные часто украшали себя венками из них.

В рассказе о любви Афродиты к Адонису она – типично восточная богиня плодородия, подобная финикийской Астарте, вавилонской Иштар, египетской Исиде. Проникновение ее в Грецию, словно пунктиром, обозначено двумя островами – Кипром и Киферой (островом к юго-востоку от Пелопоннеса). На материке первым центром ее почитания становится древняя Эфира, впоследствии получившая название Коринф, – там находился древнейший храм Афродиты. Тысяча его жриц одаривала там любовью мореходов и купцов, так же как это делалось в храмах Астарты в Финикии.

Пигмалион

Афродита покровительствовала всем, чья любовь была сильна и постоянна. Примером исключительного благоволения Киприды к одному из любящих является история, происшедшая с царем Кипра юным Пигмалионом, искусным в ваянии. Однажды Пигмалиону удалось вырезать из драгоценной слоновой кости статую молодой женщины удивительной красоты. Чем чаще любовался Пигмалион своим творением, тем больше находил в нем достоинств. Ему стало казаться, что ни одна из смертных женщин не превосходит его статую красотой и благородством. Ревнуя к каждому, кто мог бы ее увидеть, Пигмалион никого не пускал в мастерскую. В одиночестве – днем в лучах Гелиоса, ночью при свете лампад – восхищался юный царь статуей, шептал ей нежные слова, одаривал цветами и драгоценностями, как это делают влюбленные. Он одел ее в пурпур и посадил рядом с собой на трон.

Во время праздника Афродиты, отмечавшегося всеми островитянами, Пигмалион в загородном святилище богини принес ей жертвы с мольбой:

– О, если бы у меня была жена, похожая на мое творение!

Много жарких молитв услышала богиня в свой день, но снизошла к одному Пигмалиону, ибо знала, что нет на всем Кипре человека, любившего так горячо и искренне, как Пигмалион.

И трижды вспыхнул в алтаре жертвенный огонь в знак того, что Афродита услышала Пигмалиона и вняла его мольбе.

Не чуя под собой ног, помчался царь во дворец. И вот он в мастерской, рядом со своей рукотворной возлюбленной.

– Ну что же ты еще спишь! – обратился он к ней с ласковым упреком. – Открой глаза, и ты увидишь, что уже взошла солнечная колесница Гелиоса, и он сообщит тебе добрую весть.

Лучи легли на лицо из слоновой кости, и Пигмалиону показалось, что оно немного порозовело. Схватив свою подругу за кисть руки, он почувствовал, что кость уступает давлению пальцев, увидел, что кожа на лице становится белее и на щеках проступает румянец. Грудь расширилась, наполнившись воздухом. И Пигмалион услышал спокойное и ровное дыхание спящей. Вот приподнялись веки, и глаза блеснули той ослепительной голубизной, какой блещет море, омывающее остров Афродиты.

Весть о том, что силой любви оживлена кость и родился не слон, которому она принадлежала, а прекрасная дева, за короткое время облетела весь остров. Огромные толпы стекались на площадь перед дворцом. Счастливый Пигмалион уже не боялся завистливых взглядов и пересудов. Он вывел новорожденную, и, увидев ее красоту, люди упали на колени и громогласно вознесли хвалу владычице Афродите, дарующей любовь всему, что живет, и могущей оживлять камень и кость во имя любви и для любви.

Тут же на глазах у всех Пигмалион провозгласил девушку царицей Кипра и покрыл ее благоуханные волосы царской короной. В пурпурном одеянии, с сияющим от обретенного счастья лицом она была прекрасна, как сама Афродита.

Тиумф Диониса

Лежал сын Зевса под пятой титана,
Пробивши шлем, копье ушло в висок.

Из рваной раны вырвался фонтаном,
Уйдя под землю, амброзийный сок.

Но день настал, желанный, лучезарный,
И лозы над камнями поднялись.

Созвездием очей своих янтарных

На нас глядит бессмертный Дионис.

Было время, когда греки, утолявшие жажду ключевой водой и молоком домашних животных, ничего не знали о золотящихся на солнце гроздьях винограда. Придя в каменистую Грецию с востока, виноградная лоза завоевала и ее, как до того Египет и Финикию. Подобно другим открытиям, распространение виноградарства и виноделия греки связывали с одним из богов – Дионисом. Желая приобщить это почитавшееся в Малой Азии божество к миру своих богов, они объявили его сыном Зевса, а богиню земли Семелу, с которой Дионис был связан в Малой Азии как бог растительности, превратили в смертную женщину, дочь фиванского царя Кадма.

Рассказывали, что Зевс полюбил прекрасную Семелу, дочь царя Кадма. Прослышав о новом увлечении супруга, Гера явилась к царевне в облике старицы и внушила сопернице сомнение, действительно ли тот, кто является к ней под покровом темноты, сам Зевс. Она посоветовала Семеле попросить его предстать во всем своем божественном величии.

Когда Семела ночью изложила свою просьбу, Зевс догадался, кто дал этот губительный совет. Но не мог он отказать возлюбленной, ибо заранее поклялся водами Стикса выполнить любое ее желание.

Как только Семела увидела бога в сверкании молний, она воспламенилась и сгорела, но успел Зевс выхватить из пламени младенца Диониса, не достигшего еще того возраста, когда новорожденные могут жить самостоятельно. Охладил он его тельце листовой плющью и сам доносил, зашив в бедро. Когда младенец окреп, Зевс выпустил Диониса на свет. Гермесу было поручено отнести нового бога на воспитание сестре его матери Ино, бывшей замужем за царем Орхомена Афантом. Узнав об этом, Гера наслала на царственную чету безумие. И снова пришлось Гермесу отправиться в Орхомен. Превратив младенца в козленка, чтобы его не узнала Гера, он отнес Диониса на далекие Нисейские луга, находившиеся где-то в Азии или в Эфиопии, и поручил его воспитание нимфам.

Выросший среди игр прекрасных нимф, юный бог и сам приобрел женственный облик и никогда впоследствии не проявлял интереса к физическим упражнениям и войне. От матери Дионис сохранил любовь ко всему, рожденному землей. Бродя по холмам, он отыскал виноградную лозу и, выжав сок спелых гроздей, превратил его в вино.

И решил Дионис просветить людей, научив их изготавливать этот возбуждающий желания и приносящий забвение напиток. Явился он к царю Икарию и преподнес ему мех с вином.

– Пусть люди узнают его вкус, – сказал он Икарию и исчез.

Погрузил Икарий мех в повозку, простился с любимой дочерью и, свистнув верной собаке, отправился в путь. Первыми ему встретились пастухи Аттики. Расположившись у ручья в тени тополей, они утоляли жажду прохладной водой.

– Отдохни с нами! – крикнул один из них проезжавшему Икарию. – Во всей Аттике нет слаще воды.

– Попробуйте и вы этого божественного питья, – предложил Икарий.

Развязав мех, он стал разливать вино по грубым глиняным кружкам. Напиток понравился пастухам. Они стали его шумно хвалить и наперебой рассказывать невероятные происшествия. Куда девалось спокойствие! В глазах их зажглось бешенство. Они перестали узнавать друг друга. Кто-то бросился плясать, нелепо дрыгая ногами! Двое схватились в драке,

обвиняя друг друга в каком-то давнем преступлении. Один же бросился к чужеземцу с криком «Ты отравил нас!» – и нанес ему смертельный удар.

Такова была первая встреча эллинов с вином. Никогда не забывая о ее трагических последствиях, они научились разумно пользоваться даром Диониса, разбавляя вино на две трети, а то и на три четверти водой. Те же, кто не знал о гибели Икария, – скифы, галлы и другие варвары, – пили цельное вино и теряли разум.

Итак, Икарий погиб, а его собака поняла, что с ним случилось что-то недоброе, и побежала за помощью домой. Увидев ее, догадалась дочь несчастного, что лишь беда могла разлучить верного пса с хозяином, и в волнении устремилась вслед за животным. И вот они уже на месте разыгравшейся трагедии. Не выдержало дочернее сердце – повесилась юная дочь Икария над трупом отца. Собака же долго еще сидела без пищи и воды возле тела любимого хозяина, не решаясь отойти ни на миг, чтобы не стало оно добычей хищных птиц и зверей. И долго до слуха обитателей Олимпа доносился жалобный протяжный вой. А когда, наконец, наступила тишина, взглянул Зевс на землю и увидел труп верного пса на самом дне глубокого колодца.

Растроганный Зевс взял собаку Икария на небо, а заодно с ней самого Икария и его дочь – ведь погибли они по вине его сына. И стали они звездами в созвездии Девы. Самая известная из них звезда Собачка (по-латински «Каникула») восходила на небе в самое жаркое время, которое греки называли «собачьей жарой» (сравните с русским «собачьим холодом»). Именно тогда в школах прекращались занятия, и время школьного отдыха до сих пор называют каникулами.

Дионис (римская копия с греческого оригинала, Капитолий, Рим)

Между тем всевидящая Гера, не пропускавшая ничего, что делалось на земле, увидела, что люди пьют какой-то странный напиток. Она сразу догадалась, что это дело рук сына ненавистной ей Семелы, и вселила в него безумие. Дионис стал скитаться по земле, словно в поисках утраченного разума. Он посетил Египет, а оттуда направился в Финикию. Обойдя эту прекрасную страну, он двинулся в Малую Азию, которую мог считать своей родиной, ибо там почиталась Семела и там он провел детство. Родственная Семеле владычица гор, лесов и зверей Кибела вернула Дионису разум и обучила его действиям, дающим земле неиссякаемое плодородие.

Дионис, однако, не прекращал своих испытаний.

Он отправился во Фракию, в ее покрытых лесами горах, изобилующих медведями, волками, рысями (рысь наряду с пантерой, козлом, ослом, быком, дельфином стала священным животным Диониса), он чувствовал себя как дома. Да и фракийцы настолько хорошо усвоили науку Диониса, что стали считать его своим богом.

Впрочем, Ликург, царь фракийцев, зная о пристрастии своих подданных к напитку Диониса и его пагубных последствиях, приказал вырубить виноградники и заключил под стражу спутников и спутниц Диониса. Этим он навлек на себя гнев богов. Фракийцы лишили безумца власти и, привязав его на вершине горы к изуродованным лозам, растоптали конями. Освобожденные вакханки и сатиры посвятили фракийцев во все обряды и тайны культа Диониса.

Из Фракии Дионис совершил самое длительное из своих путешествий – в Индию, о которой греки до походов Александра Македонского знали понаслышке. Диониса сопровождали в этих

странствиях сатиры и усмиренные им дикие звери: львы, пантеры, леопарды. Само шествие его мыслилось как триумф, и ему сопутствовало множество чудесных деяний, перед которыми меркли чудеса Востока. По мановению его руки на ровном месте вырастали виноградные лозы, как змеи, обвивавшие тела царей, вода же превращалась в вино. Гимны Дионису – дифирамбы – облетели всю землю и возвратились на его родину, возвещая о небывалом торжестве юного бога.

Утверждение Диониса в олимпийской религии было победой земного бога (ведь Семела была богиней Земли) и его земных спутников, людей земли, ищущих утешения от земных невзгод в вине и буйных плясках. Человек во хмелю мог свободно высказаться о том, о чем в трезвом состоянии опасался и думать. Одно из прозвищ Диониса – Лиэй (Освободитель) могло пониматься расширительно, как освободитель от угнетения и рабства. В культе Диониса нашло выражение мироощущение мятежных элементов греческих городов-государств, требовавших возвращения утраченного в ходе развития частнособственнических отношений равенства.

Идеи дионисийства противостояли созданному богами порядку в космосе и соответствующему ему в государстве, согласно которому народ должен подчиняться аристократам, считающим себя потомками богов. Принятие Диониса на Олимп было выражением компромисса, на который вынуждены пойти аристократы, чьим главным богом был Аполлон, бог меры и соразмерности, охранитель незыблемости установленного Зевсом порядка.

Рассказывали, что, возвращаясь из Индии в Грецию, Дионис столкнулся с морскими разбойниками-тирренами. Не только греческим поэтам, но и авторам священной книги древних евреев Библии были известны эти свирепые пираты, нападавшие на людей, захватывавшие их и продававшие затем в рабство.

Стоял Дионис на скале и смотрел вдаль. Колыхавшийся на волнах корабль показался ему частью моря, ласкового и спокойного. Разбойники же, увидев прекрасного юношу, смекнули, что за него удастся получить хорошие деньги. Высадившись на берег, они схватили Диониса и привязали к мачте, как обычно поступали с пленниками. Один лишь кормчий по благородному облику юноши догадался, что перед ними не человек, а неведомый бог. Напрасно призывал он товарищей, чтобы они отпустили юношу. Ослепленные жаждой наживы, пираты и слышать не хотели об его освобождении. Расположившись на палубе, они шумно подсчитывали барыши, как вдруг над головой пленника вознеслась виноградная ветвь, закрыв юную грудь кружевной листвой и янтарными гроздьями. В страхе прыгнули пираты за борт, но не скрылись в пучине, а, превратившись в дельфинов, поплыли, раздвигая волны, то погружаясь, то выныривая из них. Одному кормчему сохранил Дионис человеческий облик, чтобы тот поведал, что ждет бесчестных людей, нападающих на незащищенных путников. Да и сами дельфины напоминают об этом, веками провожая корабли и высывая из воды блестящие спины.

Праздник Диониса (рельеф аттического саркофага)

Кроме названных имен, Дионис имел много других, в которых выявляется его сущность бога растительности и производительных сил природы. Его называли Дендреем (Древесным), что свидетельствует о его первоначальном облике в виде дерева, Эвием (Плющом), Сикитом (Фиговым) – от обильно плодоносящей смоковницы. Бурные празднества дали Дионису прозвище Никтила (Ночного) и Бромия (Шумного). Празднества Диониса сопровождались выкриками: «Иахх! Эвоэ!» От первого из них возникло имя Вакх, под которым Дионис почитался у римлян, и Паха – у этрусков.

Дионисийские процессии можно представить, ознакомившись с посвященными Дионису гимнами с их буйством звуков, напоминающих ликование южной природы. Но их можно увидеть и в рельефах на камне в виде пляшущих менад (безумствующих) в шкурах пятнистых оленей, со спутанными волосами. Чувственные позы опровергают представление о

гармоничности и сдержанности эллинов. Перед нами зрелище, которое лучше всего выражает слово «карнавал», выводящее на свет дремавшую под гнетом обыденности страстную земную человеческую природу. Олимпийская религия всем своим ритуалом, своими играми в честь Зевса и Аполлона, статуями богов и героев веками воспитывала культ соразмерного человеческого тела. Ей было чуждо безумие «варварского» мира, где пили без меры чистое, не смешанное с водой вино. Вместе с Дионисом и его свитой в Элладу вторгаются амазонки, скифы, фракийцы – все те народы, над которыми одерживали победы Геракл, Тесей и другие герои.

Но что принесло это вторжение? Гибель античной культуры и вместе с нею ее стержня – мифа? Напротив, их небывалый расцвет, ибо в свиту Диониса вошли его детища – Театр, Трагедия и Комедия. Ряженные участники процессий в подражание спутникам Диониса сатирам напяливали на себя вывороченные козлиные шкуры, прикрепляли к голове рога, а к обуви – копытца. Они, приплясывая, двигались веселым, шумным хороводом и распевали песни, славящие Диониса и рассказывающие о его горькой и веселой судьбе.

Так Дионис стал богом театра, богом в маске. Маска была непременным атрибутом Диониса, бога вечных превращений. Театр давал мифу новую жизнь, беспредельно расширяя возможности истолкования древних преданий. Театр, выросший из праздника Диониса, соединил эти древние предания с постоянно изменяющейся жизненной реальностью, объединил Олимп и землю, богов и гигантов, небо и подземный мир. Театр и трагедия – это триумф и бессмертие мифа.

Герои и героика

Слова «герой», «героика», равно как и обобщающее понятие «миф», в нашем сознании связаны преимущественно с Грецией. Но «герои» – не специфическая принадлежность греческого мира. Они присутствуют под другими терминами едва ли не в каждой из древних мифологий. Гомеровский герой Эней, попав в Этрурию, стал ларсом Энеем. Если бы он оказался на Северном Кавказе, его отнесли бы к нартам. «Илиада» и «Одиссея» – сестры героических поэм «Махабхарата», «Рамайна», «Калевала», «Манас» и многих других.

Но вернемся к прославленным классическим героям Греции, оставив до поры в стороне их «братьев». Далеко не каждый человек, совершающий подвиги и выделяющийся отвагой, – герой в греческом понимании. Мало ли героических подвигов совершили спутники Одиссея во время плаваний в неведомых морях! Но единственным героем на корабле или островах, куда высаживалась команда, был Одиссей. Герой в понимании древнего грека – это прежде всего царь или другое лицо высокого общественного положения, которое считает своим предком кого-либо из богов. Героем не может быть «худородный». Вместе с тем в понятие «герой» в греческом эпосе вкладывалось не только высокое общественное положение, но и воплощение всех воинских доблестей – храбрости, неустрашимости, а также ярости и даже вероломства. Герой силой почти что равен богам, он может вступить с ними в бой, ранить и обратить в бегство. Героизм – это качество времен боевых колесниц, поединков, подобных рыцарским, войн, победу в которых одерживают не сомкнутые ряды закованных в железо воинов, а героические одиночки.

Герой должен оставить после себя могильный холм, монументальную гробницу – свидетельство своей посмертной славы и место культа. Эти погребения героев – герооны – сохранялись многие столетия после смены героического времени медного вооружения и доспехов веком оружия и орудий труда из железа. Удивительным образом герооны одного и того же героя засвидетельствованы в разных, подчас далеко отстоящих друг от друга местностях и городах. Это связано с тщеславием аристократических родов, нуждавшихся в общественном подтверждении своего полубожественного происхождения. Если в этом была необходимость, герооны могли появляться через много столетий после предполагаемой кончины героя. Так произошло с герооном Тесея, возникшим в Афинах после того, как на одном островке были выкопаны чьи-то кости, будто бы принадлежавшие герою, умершему в изгнании. Этот пример объясняет широкое распространение культа некоторых героев. Дорийцы, считавшие себя потомками Геракла, явились на Пелопоннес, заселенный ахейцами, как завоеватели. В оправдание завоеваний им служили многочисленные монументальные гробницы на Пелопоннесе, которые они тотчас же объявили захоронениями своего предка Геракла. Спорить с ними было трудно, так как на их стороне была сила. Более того, в процессе колонизации греческие переселенцы, обнаруживая различные гробницы или следы гигантских ступней какого-либо ископаемого животного, также объявляли их следами захоронений или пребывания в этих местах Геракла, Иолая или других героев.

Рассказы о героях в совокупности производят впечатление необъяснимой игры фантазии, соединяющей судьбы персонажей родством или любовью либо разъединяющей их ненавистью. Тщательное изучение и сопоставление различных версий мифов, а также сведений о культе тех или иных героев выявило то, что принято называть историко-религиозной логикой мифа. По некоторым чертам, рисующим характер героя или героини, по их отношению к богам удается понять, что многие из героев были первоначально богами, а затем оказались низведенными на уровень героев. Например, исключительная свирепость прославившегося в Троянской войне аргосца Диомеда, нападавшего даже на богов, объясняется тем, что он был первоначально богом войны, которому приносились человеческие жертвы. Такой же свирепостью отличался фракийский царь Диомед, противник Геракла, скармливавший чужеземцев своим коням-людоедам. Таким образом, можно думать, что речь идет об одном и том же боге, который приобрел в разных регионах Эллады различные черты и «биографию». В мифах о подвигах героев и их плаваниях изложена не реальная, а вымышленная история. Но она отражает определенные процессы времени возникновения аристократических родов с их политическими претензиями, переселения народов и их столкновения, изменение верований и многое другое. Для историка, изучающего мифы, не имеет значения, был ли герой

историческим лицом или вымышленным персонажем. В любом случае он черпает из мифа о героях ценную историческую информацию, нередко относящуюся не ко времени формирования мифов (II тыс. до н. э.), а к полисному периоду, когда рассказчики мифов их переориентируют в интересах Афин или Спарты, демократии или аристократии.

Острова, острова, острова...
Стадо белых коней Посейдона.
От земных вас корней оторвав,
Он свои навязал вам законы.
Возвращает преданий прибой
Чудеса, что ушли безвозвратно,
И как будто ведет за собой
В лабиринты времен Ариадна.

Рассматривая мифы об олимпийцах, мы узнали, что многие острова Восточного Средиземноморья фигурируют как места рождения или воспитания небожителей: Зевса, Аполлона и Артемиды, Гефеста, Афродиты, Посейдона, Гелиоса. Это бесспорное свидетельство древности островных культур, интенсивности этнических и культурных связей с Балканским и Малоазиатским полуостровами, а также сирийско-финикийским побережьем. Мифы о героях Крита, Кипра, Эгины, Родоса, Феры, Эвбеи, Лесбоса, Саламина дополняют картину этих связей, давая немало материала для лучшего понимания этнических и культурных перемен во всем регионе применительно ко II тыс. до н. э. Многие народы, на материке давно исчезнувшие, в полисную эпоху проживали на островах, представлявших собой этнические заповедники.

Ко всему этому можно прибавить географическую и историческую близость Крита к Египту и Ближнему Востоку, наложившую отпечаток на его культуру и религию и нашедшую отражение в таком мифе, как похищение Европы, а также господство критян на морях, отразившееся в мифах о Тесее и Дедале.

Необычайное разнообразие и богатство мифического наследия Крита стало в какой-то мере понятно лишь после того, как археология освободила некоторые из неполной сотни критских городов от поздних наслоений. Такие Тесеи археологии, как А. Эванс, Дж. Пендлбери и Н. Платон, сделали для понимания критских мифов всего лишь за полвека больше, чем все их древние и современные толкователи за две тысячи лет. Крит, как незадолго до него Троя и Микены, стал почвой священного брака Мифа с Наукой, плодом которого явилась прекрасная ясноглазая Алетея – Истина. И если еще в первой половине нашего века она, представшая в одеянии критской жрицы, молча показывала владения древних критских царей, то во второй его половине она заговорила на языке ахейян, и – о чудо! – уже начала произносить отдельные слова на языке «первоплеменной породы воинственных критян», или минойском языке, как его впервые условно назвал А. Эванс, по имени главного героя критских мифов.

Главным героем Крита был Минос, сын Зевса и Европы. Рассказами о его подвигах и злодеяниях переполнены произведения древних поэтов и историков. Уже в древности понимали, что одному герою не под силу столько свершить, и выделили двух Миносов: одного, владевшего островом до Девкалионова потопа, и другого – ахейского Миноса, пришельца с материка, считая их дедом и внуком. Но деяний этих Миносов не разграничивали. Мифы о Миносе (или Миносах) прошли в полисную эпоху через основательную переработку, в результате которой противником Крита стал афинянин Тесей, которому приписали уничтожение морской державы Миноса. Миф о другом афинянине, Дедале, бежавшем на Крит и ставшем там строителем лабиринта и пленником Миноса, отражает сложные религиозные и мифологические представления, на самом деле не имеющие никакого отношения к Афинам. Дедал – типичный критский бог лабиринта, подземного погребально-храмового сооружения. Приписанное ему изобретение воздухоплавания, очевидно, отражает его функции наделенного крыльями проводника душ мертвых, критского Гермеса. В образах Европы и Пасифаи нашли отражение религиозные представления древних критян о великой богине-матери как супруге бога Неба в образе быка. Древняя церемония священного брака богини (или ее заместительницы – жрицы) преобразилась в мифы о похищении богом-быком девушки и о противоестественной любви к быку, принадлежащему богу.

Остров Лесбос, прославленный именами его уроженцев – поэтов Алкея, Сапфо, историка Гелланика, философа Феофраста, – имел историю, уходящую в глубокое мифологическое прошлое. Предания о Ксанфе и Макарее отражают ранние этапы колонизации острова, а также появление первых писанных законов. Как законодатель Макарей – фигура, параллельная Миносу и Радаманту, царям Крита.

Мифы Кипра, третьего по величине острова Средиземноморья, характеризуют древние культурные, этнические и религиозные связи его обитателей с Передней Азией и Египтом. В середине II тыс. до н. э. киприоты пользовались линейным письмом, сходным с критским. На Кипре вплоть до полисной эпохи сохранялись города с финикийским населением.

Маленький островок Фера занимает в мифологии место, не соответствующее его величине. Раскопки Феры в 60-х годах прошлого столетия дали этому объяснение. Выявлено городское поселение бронзового века, уничтоженное гигантским взрывом вулкана, находившегося на Фере. Установлено, что это извержение вызвало гигантскую приливную волну, затопившую Крит и уничтожившую его древнейшую культуру, которую принято называть по имени царя Миноса минойской. Самым удивительным свидетельством древности островных мифов являются обнаруженные на Фере рисунки «допотопного» периода с изображением кораблей, входящих в гавань, и большой реки, на берегах которой растут пальмы. Это, бесспорно, Ливия. Не случайно миф объясняет возникновение Феры милостью ливийского Посейдона.

Покинув пещеру, Европа побрела по еле заметной тропе, которую ей указал тот, кто сменил облик быка и назвался Зевсом. На ней оставалось ее девичье одеяние, пахнущее морской солью, шею же холодило ожерелье из драгоценных камней как знак чего-то нового, неведомого. Европе еще не приходилось носить украшения, ибо мать, видя, как загораются у девушки глаза при виде содержимого шкатулки, наставляла:

– Царевну украшают не золото и драгоценности, а скромность.

Европа нащупала почти квадратный камушек и вслух повторила ранее неведомое ей название – «сарпедон». Ибо ей нравилась не только игра этого камня, но и его название, означающее на ее языке «утес спасения». Что имел в виду Зевс, выделяя этот камень среди других? Утес, где они вышли на берег после страшного плаванья среди морских чудовищ? Или холм, на котором возвышается дворец невиданной на ее родине формы? Возлюбленный, прощаясь, велел ей идти туда, объяснив, что ее ожидает Астерий и что она станет его законной супругой и царицей острова, имя которому Крит.

Военный танец аттических юношей

Случилось так, как было решено и предсказано Зевсом. Астерий действительно ждал Европу много лет. Цари восьмидесяти девяти городов острова конечно же были счастливы отдать за юношу с сияющими, как звезды, глазами любую из своих дочерей. Но оракул Зевса на горе Иде поведал, что к царю явится с моря девушка в восточном одеянии с прекрасным ожерельем на шее и, став его женой, родит ему трех могучих и мудрых сыновей. Благочестивый Астерий покинул свой город Кносс и, поселившись на восточной оконечности Крита, терпеливо ждал.

Увидев Европу, он упал перед нею на колени и объяснился в любви. Затем, увезя чужестранку в Кносс, он никогда не спрашивал, из какого она рода и как попала на Крит, ибо оракул объяснил, что как только он проявит несвойственное мужу любопытство, супруга покинет его навсегда.

Завершили свой круг девять полнолуний, и у супругов родился первенец, которому отец дал имя Минос. Одновременно с этим все восемьдесят девять городов признали Астерия своим владыкой и принесли ему дары как царю. Не догадывался Астерий, что не случайно такое совпадение. Но Европа понимала, что это Зевс не забыл о своем сыне, которому суждено стать наследником Астерия. Второго мальчика, вскоре появившегося в царской семье, Астерий назвал Радамантом, по имени своего покойного отца. Могла ли возразить Европа и попросить назвать новорожденного в честь своего отца Агенором? Когда же родился третий сын, она сразу объявила, что его имя будет Сарпедон.

Настойчивость показалась Астерию странной, и он сразу же спросил, что означает это имя.

Европа имела неосторожность объяснить, что это название драгоценного камня, и даже показать, как он выглядит. С тех пор в душе царя зародились подозрения. Он вспомнил, что в тот день, когда к нему пришла Европа, к берегу не причаливал ни один корабль. Если бы дева каким-то чудом добралась вплавь, на ней не могло быть ожерелья: оно бы смылось волнами. Следовательно, кто-то подарил его уже на Крите. Кто же был этот человек или бог, сделавший такой подарок? И чем его заслужила чужестранка, назвавшаяся Европой?

И стал Астерий, забыв предостережение оракула, засыпать супругу вопросами. Европа ничего не знала об оракуле, но, как любая женщина, она имела свои тайны и не хотела ими делиться.

Однажды, когда Астерий вернулся домой после битвы с нападшими на Крит пиратами, он не застал ни Европы, ни младшего сына. Напрасно он разослал по всему морю корабли, чтобы вернуть беглянку. Она исчезла бесследно. Привратник, которого обвинили в пособничестве похитителю, уверял, оправдываясь, что видел, как Зевс поднимал на небо Европу с мальчиком на руках. И когда уже все в это поверили, критский купец, вернувшийся из Ликии, явился во дворец с вестью, что видел Европу вместе с юношей, охранявшим любимую мать не только от бесчисленных женихов, но и от злых помыслов. Ликийцы называли юношу Сарпедоном.

Незадолго до кончины Астерий назначил своим наследником Миноса. Пожелав убедиться в правильности выбора, престарелый царь вышел на берег и обратился к владыке тяжелобремящего моря с мольбой, чтобы дал он в качестве знака одобрения жертвенного быка. И выкинул Посейдон из морской глубины быка невиданной красоты, который вплавь добрался до берега и вышел на землю Крита.

Так стал Минос царем, оставив Радаманта не у дел. При нем Кносс стал столицей всего Крита. Только два города отказались подчиниться Миносу.

Начал новый царь свое правление с того, что удалился на гору Иду, где Зевс продиктовал законы для его народа. Таким образом, Минос считался греками первым законодателем. О законах восточных царей в эпоху формирования мифов греки представления не имели.

В Миносе видели также первого обладателя военного флота, установившего владычество Крита на морях. Как обратили внимание ученые нового времени, мифы о завоеваниях Миноса приурочены к тем местам, которые назывались «Миной». Такое место имелось и в Мегарах.

Рассказывали, что в Мегарах правил царь Нис, сын Ареса. У него на макушке имелась прядь волос того же пурпурного цвета, как и его царская мантия. Всем было известно, что царь умрет, как только лишится удивительной пряди. Знал об этом и Минос, мечтавший о завоевании Мегар. У Ниса не было сыновей, и после его смерти город легко было захватить.

Минос послал к берегам Аттики, с которой граничили Мегары, флот и вступил в переговоры с дочерью Ниса Скиллой, обещав ей великолепное золотое ожерелье, если она срежет у отца пурпурную прядь. Жадная Скилла ночью пробралась в спальню отца и, срезав у него волосы на макушке, поспешила к Миносу, чтобы обменять их на ожерелье. После этого она сняла массивную цепь, которой запирался вход в гавань. В гавань вошли корабли, и, захватив город, воины перебили его жителей. Скилла получила обещанную награду. Но недолго радовалась она своему приобретению. Минос счел справедливым, чтобы получила она воздаяние не только за помощь, но и за предательство. Привязав к корме своего корабля канат, он закрепил другой его конец вокруг пояса предательницы и бросил ее за борт. Недолго барахталась Скилла в волнах – тяжелое ожерелье быстро увлекло ее на дно в назидание всем, кто ради блеска золота готов забыть о верности и чести.

Захвачен был Миносом и Кеос. Прибыв туда на пятидесяти кораблях, Минос обнаружил на острове всего трех девушек, царских дочерей. Оказалось, что за три дня до этого Зевс ударами молний истребил остальных островитян-тельхинов вместе с их царем за то, что они своим злым взглядом заколдовывали посеvy. Минос поселил на Кеосе половину своего отряда. Оставил там наследника и он сам. Ведь его полюбила одна из царевен и родила ему сына.

Завоеванные земли управлялись многочисленными сыновьями Миноса, основывавшими там города. Беспрепятственно плавали корабли Миноса по всем морям и заходили в любой порт, как в свой собственный: к Криту же не мог пристать ни один корабль. За этим следил исполин Талос, несокрушимый, как все существа медного поколения, к которому он принадлежал. В его огромном теле текла кровь, подобная расплавленному свинцу. Трижды в день обходил он Крит побережьем по протоптанной медными стопами тропе и швырял в пришельцев огромные камни.

Была у Миноса и сухопутная армия, делившаяся на отряды в два-три десятка хорошо вооруженных воинов. Ими командовали его сыновья.

Участвуя в походах или проверяя свои многочисленные владения, Минос был редким гостем в собственном дворце, и его супруга Пасифая, дочь Гелиоса, полюбила то ли одного из могучих быков из стада своего отца, то ли быка, присланного Миносу Посейдоном. Во всяком случае, все сходились на том, что это был бык, а не человек.

Вернувшись после очередного отсутствия во дворец, Минос услышал о рождении сына и поспешил в покой царицы. Каковы же были его удивление и ярость, когда он увидел, что у новорожденного тело ребенка, а головка молодого бычка. Первым помыслом Миноса было убить уродца, но, подумав, что бык, вступивший в связь с его женой, мог принадлежать Посейдону, он не решился ссориться с владыкой морей. Минос стал искать мастера, который сумеет соорудить подземелье для подрастающего чудовища, получившего имя Минотавр.

К счастью, мастер появился сам. Это был афинянин Дедал, прославившийся как строитель у себя на родине, но вынужденный ее покинуть за совершенное преступление. Показав Миносу изобретенные им в Афинах гончарный круг и циркуль, Дедал убедил царя в том, что с помощью многочисленных рабов он сумеет прославить Крит в веках.

Дедал знал, что никто лучше египтян не умеет строить дворцы и храмы из вечного камня. Его память хранила как самое удивительное из чудес сооружение с двенадцатью дворами и тремя тысячами покоев, которое он видел в городе крокодилов, что выше озера Мерида. Там в подземной половине находились гробницы жрецов и священных крокодилов, превращенных в мумии и завернутых в благоуханные полотна. Это сооружение египтяне называли лабиринтом, и Дедал решил, что построит для Миноса если не такое величественное, то все же подобное здание.

Кносская монета с изображением Минотавра и лабиринта

И возвел он в Кноссе лабиринт с подземельями, имеющими бесчисленное множество проходов и коридоров. Такого не было ни в Микенах, ни в Фивах. Всего лишь один вход в лабиринт сделал Дедал, и не выбраться было из путаницы коридоров тому, кто оказался бы в его глубине. Минос приказал немедленно завести Минотавра как можно глубже.

Теперь он был спокоен за свою столицу и мог осуществить давний замысел порабощения всей Греции. Нашелся и повод для войны. Сын Миноса Андрогей, победивший в Панафинейских играх, вызвал чью-то зависть и был убит.

Весть о гибели сына застала Миноса на Паросе, где он приносил жертвы харитам вместе со своими четырьмя сыновьями, которым отдал остров во владение. Сбросив с головы венок, оборвав игру флейтистов, рванулся Минос к кораблям. Вскоре огромный флот окружил Аттику, обложив ее цепью кораблей, как вепря. В осажденной стране начались голод и мор потому, что, как были уверены все, Минос призвал своего отца Зевса покарать убийц Андрогей. Обратились афиняне к дельфийскому оракулу, и тот повелел подчиниться Миносу, приняв все его условия. Минос пожелал, чтобы афиняне присылали каждое четырехлетие на съедение Минотавру семь юношей и столько же девушек. От той позорной дани впоследствии освободил Афины Тесей.

Радетели пошлого сыты,

Их доля светла и легка,

А крылья Икара разбиты

За дерзость обнять облака.

Шарль Бодлер (пер. В. Брюсова)

Под небесными пловцами уже синело море, когда Дедал оглянулся и увидел остров, напоминавший дельфина, обращенного носом к Азии, а широким хвостом – к Гесперии. На глазах у мастера невольно выступили слезы. Ведь он оставлял навсегда не только деспота и насильника Миноса, но и счастье творчества, достигавшего тем больших высот, чем большим стеснениям подвергался творец. Там внизу, уже неразличимые глазом, но живущие в памяти, были творения, которые прославят его имя. Но ведь и эти несущие его над землю крылья порождены несвободой. Столетия спустя мудрецы будут рассуждать о причинах того странного явления, что человек, вступивший в соперничество с птицами, оттолкнулся не от земли свободных Афин или златообильных Микен, а от враждебной и ненавистной всем обитателям материка земли минойского Крита. И этим человеком оказался он, Дедал.

Как это случилось? Прошло пятнадцать лет с тех пор, как во время родов скончалась супруга Дедала, мать Икара. Он выкормил и воспитал Икара, но сын вынужден был делить с ним заточение. Минос, к которому обратился Дедал с просьбой отпустить мальчика в большой мир, сказал:

– Твой сын жил с тобой и знает секреты твоего мастерства. Он родился на Крите, на Крите и умрет.

«Секреты мастерства! – с горечью подумал Дедал. – Кому они нужны? Захотят ли ахейцы соорудить еще один лабиринт после египетского и критского? Им хочется иметь своего медного Талоса, но это не мой секрет. Для того чтобы его открыть, надо опуститься на дно моря, где лежат обломки медного исполина. К тому же, Икара никогда не интересовало мое ремесло, а если он был свидетелем моих трудов, то они вызывали негодование. "Отец, зачем ты строишь тюрьму?" – спросил он меня, когда я сооружал лабиринт.

Я пытался объяснить ему сложность плана лабиринта, над которым ломал голову долгие годы, прежде чем приступить к его сооружению. Но он пожимал плечами: "Зачем? В природе нет лабиринта, не нужен он и человеку". Ему тогда было двенадцать лет. Но еще раньше, в восьмилетнем возрасте, он протестовал против моей медной коровы, не оценивая трудностей, какие мне пришлось преодолеть при ее отливке. Он кидал в мой шедевр камнями. Пустотелая медь гудела, как корабельный колокол во время бури, и со всех сторон сбегались перепуганные царские воины. Мне пришлось поскорее покрыть медную фигуру коровьей шкурой. Площадка для плясок, построенная мною для дочерей Миноса, вызвала у Икара пренебрежительный смех: "Стоило три года трудиться, чтобы критские дуры могли прыгать и визжать, как резаные!"

Есть ли что-нибудь, могущее заставить переменить его мнение о мастерстве? Я вспомнил его слова: "В природе нет лабиринта, зачем он человеку?" – и решил подражать природе. Я стал наблюдать за полетом орлов и морских ворон, проводя целые часы с задранной кверху головой. Критяне надо мной потешались, думая, что я сошел с ума. Но Икар, узнав о моих намерениях, обнял меня и поцеловал. "Наконец ты занялся делом, старик!" – сказал он. И я гордился этой похвалой. Ведь мы живем не для чужих, а для своих сыновей. И мы должны, смилив гордыню, добиваться их похвалы.

Так мы начали сооружать крылья нашей свободы. Мы оба собирали перья, объясняя критянам, что это для подушки. Вместе тайком их склеивали воском и смолой. Он работал с воодушевлением. Помогая мне, помогал и себе.

Когда крылья были готовы и мы могли уже закрепить их на руках, я, зная характер Икара, усадил его рядом с собой и показал на воск, которым были склеены перья.

"Воск и смола не выдержат жгучего взгляда Гелиоса! – сказал я ему. – Ты должен лететь рядом. Сыновнее послушание всегда приводило к беде. Вспомни Фаэтона, выпросившего отцовскую колесницу".

"Отец! – прервал он меня. – Я давно уже знаю эту нравоучительную басню. Вместо того чтобы поучать, возьмись за дело. Нам дорого каждое мгновение".

Я закрепил крылья на его руках, а потом он помог мне надеть крылья. Мы плавно поднялись в воздух и несколько мгновений летели рядом. Когда же я оглянулся, чтобы проститься с Критом, Икар взмыл вверх. Напрасно я кричал: "Остановись, Икар!" Он меня не слушал, пренебрегая моими советами в воздухе, как он поступал на земле. Он кувыркался в небе, как ласточка, то взлетая вверх, то стремительно падая вниз. Крылья словно приросли к его рукам, как будто он родился птицей.

Обретя свободу, о которой он, сын узника, мог только мечтать, Икар поднимался все выше и выше и вскоре стал едва заметной точкой в небе. Но вдруг эта точка стала увеличиваться. Икар падал. Будь я Зевсом, а не Дедалом, я смог бы его удержать.

"Икар!" – кричал я, раздирая горло. Птицы, напуганные моим воплем, улетали прочь. А только они могли бы поддержать в воздухе моего мальчика, как дельфины поддерживают в море тонущих пловцов».

Сицилия, куда опустился Дедал, была в это время заселена несколькими народами. Первыми на пути беглеца оказались сиканы, управляемые царем Кокалом. Радостно принял Кокал великого мастера, и тот в благодарность создал немало различных сооружений, возвеличивших ранее мало кому известного царя. Прежде всего он построил для него неприступную крепость Камик. В нее, расположенную на высокой горе, вел единственный путь. Был он таким узким и извилистым, что его легко могли охранять два-три воина. Кокал сделал Камик столицей и перенес туда свою казну.

И не только о безопасности давшего ему приют царя подумал Дедал. Он соорудил под землей возле горячих источников своеобразные паровые бани: находящийся в них нежилась в клубах заполнявшего пещеру пара, не страдая от жары и духоты. Украсил мастер и великолепными золотыми изваяниями храм Афродиты, располагавшийся на горе Эрикс.

Минос же тем временем, не желая примириться с бегством Дедала, которого считал своей собственностью, начал его поиски. Зная, что никто из царей ни за какие деньги не расскажет о таком великом мастере, он не стал назначать награды за его выдачу, а применил хитрость. Разосланные им по всей ойкумене гонцы предлагали небывалую награду за решение сложной задачи: необходимо продеть нить через все ходы раковины. Минос понимал, что справиться с этой головоломкой под силу только такому мастеру, как Дедал.

Долго никто не приходил за наградой. Наконец, явился посланец сицилийского царя Кокала и предъявил раковину с продетой ниткой. Вручив посланцу назначенное золото, Минос спросил как бы невзначай:

– Как же удалось твоему повелителю продеть через раковину нить?

– Очень просто! – ответил сицилиец. – Он привязал к муравью нитку, и тот проволокал ее по всем проходам.

Отпустив сицилийца, Минос стал готовить флот к походу на Сицилию. Высадившись близ владений Кокала, Минос отправился к нему со свитой. Предложив царю огромное вознаграждение за выдачу Дедала, он был уверен, что мастер уже в его руках. Кокал же, ценивший Дедала как строителя, подговорил дочерей убить Миноса. Поэтому, когда Минос захотел принять после дороги ванну, они вылили на него кипяток. Так могучий критский царь нашел свою кончину на Сицилии.

Было у Миноса множество возлюбленных. Так, он делил ложе с нимфой Пиреей, от связи с которой родились сыновья, поселившиеся на Самосе, где они были убиты Гераклом. Дольше других Минос преследовал дочь Латоны Бритомартис. Убегая от него, она бросилась в море, где ее тело было выловлено в рыбачьих сетях. По настоянию подруги, богини Артемиды, она была обожествлена под именем Диктина, но на острове Эгине ей поклонялись как Афайе.

Пасифая родила Миносу четырех сыновей и столько же дочерей. Самые известные из них – Андрогей и Ариадна. Остальные дети Миноса не были так знамениты, но без них представление о Крите и его обитателях будет неполным.

Сын Миноса Главк, будучи ребенком, гонялся за мышью и угодил в пифос с медом. Никто не мог понять, куда делся Главк. Одни говорили, что он играл мячом и, когда мяч попал в море, бросился за ним и утонул; другие уверяли, что видели, как его унесла в когтях огромная птица. Не нашли Главка и куреты, но они сообщили, что отыскать его сможет лишь тот, кто подыщет наилучшее сравнение для бродящей среди царских стад коровы, становящейся из белой красной, из красной – черной. Созвали гадателей, и Полиид, правнук Мелампода, сравнил изменение окраски коровы с изменением цвета ягоды ежевики. Тогда Минос

потребовал у Полиида, чтобы он отыскал Главка. Отправился Полиид на берег моря, где на его зов спустился с неба орел и поведал, что мальчик не утонул и не похищен какой-либо птицей. Возвратившись во дворец, предсказатель взглянул на кровлю кладовой и увидел нахохлившуюся сову и выющийся над нею рой пчел, которых она спугнула. Это навело его на мысль, что мальчика надо искать в кладовой, и он нашел его мертвым в пифосе с медом.

– А теперь оживи моего Главка, если хочешь жить сам! – приказал Минос, распорядившись, чтобы Полиида отвели в погребальный склеп.

Полииду никогда еще не приходилось заниматься оживлением мертвых, и он не знал, как это делается. Вдруг в склеп вползла змея, а когда он убил ее камнем, появилась другая и обвила неподвижного самца. Полиид заметил возле ее жала какую-то траву и понял, что она пытается вернуть убитую змею к жизни. Вырвав из змеиной пасти зеленый пучок, Полиид разжевал растение и натер им холодное тельце ребенка. Главк вздохнул и заплакал. И тотчас страж, приставленный к склепу, распахнул двери.

Кто-либо другой немедленно отпустил бы кудесника, одарив его по-царски. Но не таков Минос! Он приказал Полииду обучить мальчика своему тайному знанию. И только когда Главк овладел всеми секретами нелегкого мастерства, Минос разрешил Полииду покинуть остров. Однако Полиид наказал неблагодарного царя: прощаясь с Главком, он попросил его дунуть себе в рот, и тот сразу же забыл все, чему научился. Так что не стало у критян своего предсказателя.

После смерти отца Главк отправился в Италию. Там на юге осели критяне. Они попали туда из Сицилии, где три года осаждали Камик, в котором был предательски убит их царь Минос. Не взяв неприступной крепости, построенной Дедалом, они сели на корабли, чтобы вернуться на родину. Но буря выбросила их на итальянский берег. Пришлось критянам остаться на чужбине и построить город Гирию.

Другой сын Миноса, Катрей, прославился больше потомством, чем собственными деяниями. Дочерей своих Аэропу и Климену он велел мореходам утопить в открытом море или продать в рабство куда-нибудь подальше от Крита не потому, что был жестоким отцом, а чтобы избежать предсказанной оракулом гибели от руки одного из своих детей. Но оказавшийся на корабле царь Эвбеи Навплий взял приглянувшуюся ему Климену в жены и увез к себе на остров, где она стала матерью известного героя Паламеда. Аэропа же попала в Аргос и, взятая в жены царем, родила ему не менее знаменитых сыновей – Агамемнона и Менелая.

И оказалось, зря спешил неразумный отец избавиться от дочерей: еще никому не удавалось уйти от судьбы. Напрасно и сын Катрея Алфемен, узнав о предсказании, бежал на остров Родос, чтобы не на него пал страшный жребий отцеубийства. Тосковал Алфемен в добровольном изгнании, часто поднимался на гору Атабирий, откуда среди разбросанных в море островов был виден и радовал взгляд Крит. Чтобы быть ближе к родине, он соорудил на самой вершине горы алтарь Зевсу Атабирийскому и вместе с ним оракул.

Но не помог Зевс избежать предначертанной судьбы. Когда Катрея стала угнетать старость, он решил передать власть Алфемену и отправился на Родос. Ночью корабли пристали к пустынному берегу, и пастухи, приняв пришельцев за грабителей, стали забрасывать их камнями. Напрасно Катрей пытался объяснить цель своего появления. Слова заглушались лаем сторожевых собак. Вскоре к пастухам присоединился Алфемен, метнувший дротик в того, кого принял за главаря разбойников. Утром по этому дротику он понял, что убил собственного отца.

Горе, охватившее невольного отцеубийцу, было настолько невыносимо, что он не смог оставаться среди людей. Вняли боги его мольбам, и он был поглощен землей, а основанный им оракул предписал оказывать ему почести как герою.

Более счастливой оказалась судьба Девкалиона (тезки сына Прометея), сына Миноса от Пасифаи, унаследовавшего отцовское царство. По одному из преданий, именно он примирился с Афинами и даже отдал в жены Тесею свою дочь Федру. Правда, по другой версии, отношения между героями были отнюдь не мирными: рассказывали, что Девкалион потребовал у Тесея скрывшегося в Афинах Дедала, но Тесей, быстро собрав корабли, высадился на Крите и, застигнув Девкалиона у входа в лабиринт, убил его и лишь тогда при посредничестве Ариадны заключил с критянами мир и дружественный союз.

Сыном этого Девкалиона был Идомей, претендовавший на руку Елены, один из наиболее прославленных героев Троянской войны, по словам Гомера, «отважный», «дерзостный», «могучий, как вепрь». Он принадлежал к числу девяти героев, из которых Гектор мог выбрать себе одного как равного на поединок. В битве у кораблей Идомей поразил многих троянцев,

отличился в сражении за тело Патрокла, вместе с другими смельчаками был внесен в Трою в чреве деревянного коня и ночью участвовал в штурме троянской твердыни.

Благополучно возвратившись в Кносс, Идоменей не застаёт дома своей жены Меды. Она была убита своим любовником Левком, захватившим власть над десятью критскими городами. Возможно, из огорчения Идоменей покидает родину и отправляется в Италию, где на земле племени саллентинов (Калабрия) воздвигает храм Афины. Одно из преданий сделало Идоменея судьей в споре между Фетидой и Медеей, кто из них красивее. Признав более красивой Фетиду, Идоменей был проклят Медеей, и с тех пор ни он, ни его потомки больше никогда не говорили правды. «Критянин» стало для греков синонимом слова «лжец».

К северу от Крита, в самом центре Эгейского моря раскинулись небольшие острова, образующие подобие круга. Отсюда их название Киклады (Круговые). В центре круга находился наименьший из островов архипелага – Делос, почитавшийся как место рождения Аполлона и Артемиды. Мифы вопреки геологии объясняли, что остров был выведен со дна морского трезубцем Посейдона и превращен в своего рода плавучее судно, пока не был укреплен на предназначенном ему месте Аполлоном.

Поминальное жертвоприношение

Другой из Кикладских островов, Кеос, по занимаемой площади был намного больше Делоса (20 км в длину, 10 – в ширину), но менее знаменит. Однако и у кеосцев был герой, которого они могли называть своим, хотя с не меньшим основанием на него могли претендовать жители ливийской Кирены, беотийцы и обитатели Сицилии и Сардинии. Это был Аристей, сын Аполлона и нимфы Кирены. Гея дала ему бессмертие, нимфы, кентавр Хирон, музы научили его многим необходимым человечеству навыкам и знаниям: заквашивать молоко и изготавливать сыр, сооружать ульи, облагораживать маслину.

Однажды остров Кеос поразила страшная эпидемия, грозившая не только уничтожить население острова, но и перенестись на все остальные земли, заселенные эллинами и неэллинами. Вот тогда и послал дельфийский оракул на остров сына Аполлона, бога, в силах которого было распространять, а следовательно, и останавливать моровую язву. Уже по пути на Кеос Аристей понял, что эпидемия вызвана нестерпимым светом звезды Пса. Но почему ее жертвой оказались жители одного лишь острова? Оказалось, что кеосцы предоставили убежище подлым убийцам Икария.

Прибыв на Кеос, Аристей приказал казнить убийц, а на самом высоком холме воздвигнуть алтарь и принести на нем жертву Зевсу и звезде Псу. Сразу же подули пассатные ветры. Моровая язва прекратилась, и кеосцы с тех пор приносят жертвы и чтят Аристеев как своего бога-героя.

На благословенном богами острове Лемнос проживал Эвфем, сын Посейдона и смертной женщины, наделенный отцовской способностью ходить по волнам не замачивая ног. Наслаждался он дарами земли, пока на остров не прибыли владыки морей тиррены. Заняв Лемнос, они стали принуждать островитян работать на себя, а также давать им в жены своих дочерей. Не выдержал Эвфем рабской доли и, сев вместе с семьей на пятидесятивесельный корабль, поплыл на поиски новой родины.

Борей надул паруса и погнал судно на юг. За три дня плавания скитальцы достигли плоского берега, покрытого странными деревьями со спускающимися вниз веерами длинных узких листьев. Сойдя на прибрежный песок, Эвфем увидел исполина, шагающего за плугом. Это был сам Посейдон, владыка пустынной Ливии, но выдал он себя за смертного, назвавшись Еврипилом.

Расспросив странника, кто он родом и откуда плывет, бог предложил ему и его спутникам поселиться в Ливии, где места хватит всем.

– Благодарю тебя за доброе слово, Еврипил! – проговорил Эвфем. – Но я родился на острове, и предки мои жили на нем всегда. И привык я к тому, чтобы со всех сторон шумело море.

Выслушал Посейдон Эвфема и, наклонившись, поднял глыбу земли. Протягивая его

собеседнику, он сказал:

– Вот тебе и островок!

Эвфем принял дар и, поблагодарив незнакомца, спросил:

– Как же нам уместиться на нем?

– Брось его в открытом море, – ответил Еврипил, – и вырастет остров не хуже твоего Лемноса.

Простился Эвфем со своим доброжелателем и пошел к кораблю по волнам, не замочив ног.

Ветер, все время дувший с севера, переменился и понес судно с юга на север. Через два дня, когда был пройден Крит, Эвфем дал знак гребцам поднять весла и бросил дарованную ему Посейдоном глыбу за борт.

И тут же из глубины поднялся остров, заросший лесом, обильный ручьями, изрезанный глубокими бухтами, которые могли дать приют множеству кораблей.

– Прекраснейшая земля! – воскликнул Эвфем. – Мнится мне, что тот, кто назвал себя Еврипилом, был моим отцом, земледержцем и землеколебателем Посейдоном. Ибо кто, как не он, смог бы поднять остров из морских глубин.

Высадились скитальцы на остров, который по первому слову, произнесенному Эвфемом, стал называться Каллиста (Прекраснейшая). Именовали его и «матерью городов», ибо суждено было потомкам Эвфема основать города на многих островах, а затем семнадцать поколений спустя заселить и Ливию.

Сама же Каллиста была залита Девкалионовым потоком, причинившим много бед и другим островам. Через несколько столетий Каллисту заняли дорийцы во главе с Фером, и остров получил его имя.

Когда Зевс и другие олимпийские боги делили между собой острова и материки, среди них не было Гелиоса. Честнейший и справедливейший из богов оказался обделенным.

Поднял как-то Зевс голову и, увидев несущуюся солнечную колесницу, вспомнил, что у Гелиоса нет собственного удела. Созвал Зевс небожителей, чтобы исправить свою оплошность и перераспределить владения. Узнав об этом, Гелиос удержал отца богов от передела, всегда вызывающего обиды и недовольство.

– Вижу я с высоты, – сказал Гелиос, – что поднимается из глубин вечношумящего моря суша. Призови, Зевс, украшенную золотом Лахесис, чтобы она утвердила мою власть над этой новорожденной землею.

Вскоре увидели и боги с Олимпа, что из пучины появилась земля. Была она так прекрасна, что боги единодушно назвали ее Родой (Родосом, Розой).

Гелиос не воспользовался своим владением. Остров захватили тельхины, скорые на руку и дерзкие сыновья богини моря Талассы. Вместе с Кафирой, дочерью могучего Океана, они выкормили на острове Посейдона, которого еще младенцем передала им Рея, подобно тому, как она поручила младенца Зевса заботам куретов Крита. Вместе с тельхинами жила на Родосе их сестра Галия. Ее полюбил возмужавший Посейдон и имел от нее шестерых сыновей и дочь Роду.

В это время Афродита, покинув остров Киферу, направлялась на Кипр. На Родосе она была оскорблена сыновьями Посейдона и наслала на них безумие, вследствие чего они изнасиловали собственную мать. В отчаянии Галия бросилась в море и стала почитаться как Левкофея, отец же насильников Посейдон запрятал их подальше от собственных и людских глаз в земные глубины, и с тех пор они зовутся восточными демонами.

Тогда же и Зевс, одержавший победу над титанами, посетил восточную часть острова, заселенную гигантами. Встретив здесь нимфу Гималию, он ее полюбил, и она родила ему трех сыновей – Спартея, Крония и Кита.

За годы своего господства на острове тельхины принесли неоценимую пользу богам и людям. Они снабдили выросшего на Родосе Посейдона трезубцем, без которого он никогда не покидал подводного дворца, а его отцу Крону выковали серп. Людей, растиравших зерна между плоскими камнями, они научили пользоваться мельничными жерновами, а также добывать медь и железо. Они же стали первыми изготавливать золотые украшения и высекать из камня

изображения богов. Усовершенствованные ими корабли бороздили моря, разнося славу об их мудрости по всему миру.

И поскольку до них всего этого никто не умел делать, их стали считать колдунами и магами, способными на любое преступление и будто бы губившими ядами все живое. Но остров они покинули не из-за людской зависти и клевет. Им, изучившим движение звезд и установившим деление времени на годы и месяцы, было ведомо и будущее. Предвидя скорый потоп, они покинули Родос и рассеялись по всему миру. На ближайшем к Родосу материке тельхин Лик стал родоначальником народа ликийцев и на берегу реки Ксанф воздвиг храм Аполлону Ликийскому. Большинство же тельхинов бесследно исчезло.

В годы потопа ливни затопили низины острова, и лишь немногим, в том числе сыновьям Зевса, удалось спастись на высотах. И все же Рода была прекрасна, и Гелиос обратил на нее свой пылающий взор. Из оплодотворенной земли вышло семеро братьев, названных Гелиадами: Охим, Керкаф, Макаей, Канда, Аксиом, Триопас и Тенаг. Самым способным из них показал себя Тенаг. И именно его Гелиады принесли в жертву Афине, рассчитывая на ее благоволение. Одна из наиболее древних версий мифа о Гелиосе и его дочерях отождествляет Тенага с Фазтоном, и это позволяет думать, что под падением Фазтона следует понимать его жертвоприношение (возможно, Тенаг – личное имя принесенного в жертву). После того как жертва юноши была принята богиней, царем Родоса стал Охим, женившийся на местной нимфе Эгетории, родившей ему дочь Кидиппу. Ее взял в жены Керкаф, наследовавший брату. От этого брака родились три сына – Ялис, Линд и Камир, ставшие основателями трех городов острова, которым дали свои имена.

В греческом сознании Кипр был островом, неразрывно слитым с именем Афродиты. У его берегов она вышла из морской пены, его царям оказывала особое покровительство.

Кроме известного нам уже Пигмалиона, мифы называют также Кинира, иногда считая его первым царем Кипра. Он не был уроженцем острова, а прибыл на корабле из расположенного напротив Кипра финикийского города Библа. Одни считали его сыном Аполлона и нимфы Пафы, другие – Эвримедона и нимфы из области Пафоса, третьи – потомком Кефала, возлюбленного Эос.

Высадившись на острове, Кинир женился на местной женщине и имел от нее двух сыновей и трех дочерей. Дочери стали отдаваться за серебро чужеземцам, чем вызвали ярость Афродиты, которая сослала негодниц в Египет. Так миф объясняет распространенный на Востоке обычай храмовой проституции.

Впрочем, о дочерях Кинира рассказывали и по-другому: одна из них своим пренебрежением к дарам Афродиты вызвала такой ее гнев, что богиня внушила девушке преступную страсть к отцу. Родившийся от этой связи Адонис был столь прекрасен, что им увлеклась сама Афродита.

Все эти предания, группировавшиеся вокруг Афродиты, скорее всего, возникли потому, что учредителем культа Афродиты на острове греки считали Кинира. В благодарность за это богиня дала Киниру все, о чем только может мечтать смертный: красоту, здоровье, богатство. Был он также наделен даром предвидения и славился как музыкант. Его имя легло в финикийское название музыкального инструмента – киниор.

Кинир приобщил остров к благам цивилизации. Он открыл в недрах острова медную руду и организовал ее добычу и выплавку. Слитки меди в виде бычьей шкуры, как показывают недавние их находки в трюмах потонувших кораблей, расходились по всему свету. Поэтому неудивительно, что некоторые народы производили слово «медь» от названия острова («сиргум»).

Герою эпохи Троянской войны, в образе которого воплощены трудолюбие и предприимчивость финикийцев, были чужды войны. Это явствует из мифа, согласно которому к Киниру, получившему от Афродиты долголетие и дожившему до Троянской войны, в качестве посла Агамемнона прибыл Одиссей с просьбой прислать пятьдесят кораблей. Из своих судов, рыскавших в поисках наживы по всем морям, Кинир смог выделить только одно судно, а остальные сорок девять вылепил из глины, да так искусно, что их нельзя было отличить от настоящих. Но, выведенные в море, они сразу пошли ко дну, и на помощь ахейцам пришел лишь один кипрский корабль. Так Кинир не нарушил слова, данного Одиссею, но в бесполезной для него войне принял лишь символическое участие.

Ближе других городов примыкал к Малой Азии Самос. В древности он был заселен пелегами, одним из пеласгийских племен, затем, но еще до того, как родился Гомер, остров заняли изгнанные из Пелопоннеса ионийцы. Эпический поэт Асий, сын Амфиптолема, младший

современник Гомера, пересказал мифы и легенды ионийцев и пеласгов в не дошедшей до нас поэме. Древние авторы, ее читавшие и сохранившие отдельные строки, отмечали, что Асий излагал мифы иначе, чем Гомер, Гесиод и Ивик.

К Асию, бесспорно, восходит не известный никому другому миф о нимфе или океаниде Окиррое. Под этим именем автору гимна о Деметре известна одна из дочерей Океана:

Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли. Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра, Также Мелита и Яхе, Родеия и Каллироя, Тиха, Мелобосис и цветколикая с ней Окироя.

Самосская Окирроя была дочерью местной реки Имброса, и ее полюбил Аполлон. До Аполлона Окиррою почитал и любил самосский мореход или рыбак Пампил. Зная, как опасна любовь Аполлона, отец усадил дочь на корабль Пампила и благословил молодых на дальнейшее плавание. Это не укрылось от огненного взора всевидящего и жестокого Аполлона. Корабль был разбит о скалы, Пампил превращен в рыбу, а Окирроя увезена в соседний малоазийский город Милет, где у Аполлона был храм.

В конце VI в. до н. э. Самос, ставший при тиране Поликрате центром великой морской державы, был захвачен персами. Многие самосцы покинули родину. Часть из них поселилась в Италии во владениях этрусков. Здесь, близ города Канун, на морском берегу появилась самосская колония Дикеархия (будущий знаменитый римский порт Путеолы), и вскоре изображение Окиррои появляется на этруских бронзовых гравированных зеркалах, одно из которых сохранилось до нашего времени. Окирроя изображена под колесницей Эос (этрусской богини Тесан), и имя ее написано по-этрусски. Внизу в сцене характерного для этрусков гадания по печени присутствует похититель Аполлон, который носит этруское имя Ратх.

Посейдон, Аполлон и Артемида (детали восточного фриз Парфенона, Фидий и его ученики)

Увидел Зевс с высоты Олимпа юную красоту Эгины, дочери речного бога Асопа, и, приняв образ орла, нетерпеливо спустился к ней. Напуганная тенью огромных крыльев, девушка пыталась спастись бегством, но нет быстрее орла среди пернатых. Настиг он Эгину и, схватив кривыми когтями, прижал к земле.

И стала несчастная ждать ребенка. В страхе перед гневом отца она обратилась с мольбой к своему насильнику Зевсу, чтобы тот спрятал ее от людей. И Зевс, снова в облике орла, спустившись, схватил Эгину и перенес на необитаемый остров Ойнону, где она родила сына Эака и вскоре умерла от горя и слез.

Дал мальчик острову имя своей матери и стал жить один, построив себе жилище из камней. Не было на острове никого, кто бы мог научить его злу, и он вырос трудолюбивым, справедливым и благочестивым юношей. Однажды ему стало тоскливо, и он обратился с просьбой к Зевсу населить остров такими же, как он. Не отказал Зевс сыну и превратил ползавших по Эгине муравьев в людей, и были они так же трудолюбивы и незлобивы, как муравьи, и носили их имя – мирмидоняне (от греч. *myrmecēs* – «муравьи»).

Так как остров не мог прокормить массу людей так же легко, как муравьев, Эак переселил некоторую их часть на материк, во Фтию, где они выделялись среди буйных соседей трудолюбием и сплоченностью.

От мирмидонян и узнали минийцы, пеласги и ахейцы о справедливом Эаке. Когда все земли стала терзать засуха, цари сели в челны и направились на Эгину. Уговорили они Эака

обратиться с мольбой к Громовержцу ниспослать дождь. Не отказал Зевс сыну и на этот раз. Благодатный дождь напоил растения, зверей и людей.

Как-то царь Трои Лаомедонт упросил Посейдона и Аполлона воздвигнуть неприступные стены для своего города. Долго думали боги, кого взять третьим, ибо счастливо число три. Выбор их пал на Эака, ибо он был трудолюбивее и справедливее всех смертных. И строил Эак стену Трои бок о бок с богами, и они еще больше возлюбили его. Согласно позднему мифу, после постройки трех участков стены на них вползли три змеи, но перебралась через стену только одна на участке Эака. Это было истолковано как предсказание, что Троию завоюют потомки Эака. И в самом деле Троей в числе других героев овладел Аякс, внук Эака.

Вернувшись на Эгину, Эак воздвиг на самом высоком месте острова храм Зевсу, ставший наиболее почитаемым, ибо, зная о справедливости строителя, люди верили, что жертвы, принесенные на алтарях Эгины, будут восприняты Зевсом с большей радостью.

Эак взял в жены дочь царя Мегары Эндейду, и она родила ему двух сыновей – Теламона и Пелей. От дочери морского старца Нерея Псамафы Эак имел сына Фока (Тюленя). Это имя он получил потому, что nereida, красотой которой был пленен царь, желая спастись от преследователя, приняла облик тюленя. Они жили все вместе на острове. Фок постоянно одерживал победы на атлетических играх и завоевал сердце отца. Это вызвало недовольство сводных братьев, считавших себя законными наследниками Эака. Чтобы сохранить в семье мир, Фок бросил клич и, собрав эгинцев, повел их на материк. За короткое время эгинцы овладели районом вокруг будущих Дельф, который получил название Фокида.

По возвращении на Эгину Фок был убит братьями, завидовавшими его силе и ловкости. За это Пелей и Теламон были изгнаны отцом. Пелей переселился в Фессалию, где морская богиня Фетида родила ему величайшего из героев Ахилла, а Теламон поселился на соседнем острове Саламине. Он надеялся, что Эак когда-нибудь его простит или, по крайней мере, выслушает, и он сможет доказать, что во всем виноват Пелей. Но отец гонимых не принимал. Тогда Теламон набросал в море камни таким образом, что к Эгине протянулась дамба. Пройдя по ней до Эгины, Теламон произнес искусную речь в свою защиту. Но Эак был неумолим.

Согласно позднему преданию, Эак вместе с Миносом и Радамантом стал судьей в царстве мертвых. Ему было оказано богами такое доверие, поскольку при жизни он был неумолим даже к собственным детям.

Славна была Эвбея, второй по величине остров Эгейского моря. Не раз эвбейцы нападали на Аттику и Беотию, увозя оттуда богатую добычу. Гордились островитяне тем, что у них скрывалась Гера, жестоко обиженная Зевсом. Но более всего хвастались они подвигами своих героев, которые еще до Троянской войны плавали по всем морям.

Эвбейцем был Навплий, участник похода аргонавтов. Навплия знали все цари, ибо не было гавани, которую бы он не посетил.

Сын Навплия Паламед, как Геракл, Ахилл и Ясон, тоже прошел школу Хирона. Его считали изобретателем знаков письма, очевидно имея в виду письмена микенского времени, дошедшие до нас на глиняных табличках Пилоса, Микен, Фив и Кносса. Приписывали ему также введение греческих мер веса и длины и деление времени на часы, месяцы и годы.

Паламед, разоблачивший хитрость Одиссея, пытавшегося уклониться от участия в походе на Троию, был предательски оклеветан злопамятным Одиссеем и побит камнями своими же товарищами.

Узнав о позорной смерти сына, Навплий отправился в лагерь ахейцев, чтобы оправдать Паламеда и получить удовлетворение за его убийство. Ничего не добившись, находчивый мореход избрал своеобразный способ возмездия. Отправившись по всем городам, пославшим отряды в Троию, он стал подговаривать жен героев к измене.

Самую благоприятную почву козни Навплия нашли в Микенах. Клитемнестра не могла простить Агамемнону принесения в жертву их дочери Ифигении и, охотно приняв совет чужеземца, сошлась с родственником мужа Эгисфом. Труднее всего пришлось Навплию на Итаке, хотя именно Одиссею хотел бы он отомстить больше всего. Пенелопа не могла понять, как можно изменить супругу, и объявила, что останется верна Одиссею даже после его смерти. Потерпев неудачу, Навплий подговорил молодых людей, обитателей Итаки и соседних островов, добиваться руки Пенелопы. Это принесло Одиссею много бед.

Возвратившись на Эвбею, Навплий стал терпеливо ожидать возвращения ахейских кораблей. Ночью, когда суда проходили мимо Эвбеи, разразилась буря. И вот тогда кормчие увидели

горящие огни. Приняв их за маяки, указывающие безопасный путь в бухту, они направили суда к берегу и разбились их о скалы. Это Навплий послал своих рабов с факелами на высоты острова, чтобы погубить ненавистных ахейцев. Так многие из тех, кто бросал камни в Паламеда, сами погибли на камнях.

Лесбос, третий по величине из греческих островов, считался первым по плодородию и климату. До разрушительного Девкалионова потопа Лесбос, тогда еще называвшийся Иссой, был заселен пеласгами. Их царь Ксанф, переселявшийся с частью своего народа из Арголиды в Малую Азию, прельстился красотой острова и обосновался на нем, назвав его Пеласгией.

В результате потопа остров обезлюдел, и пришлось его заселять заново. Новых поселенцев привел Макарей, по отцовской линии внук не то Посейдона, не то Зевса, а по материнской – Эола, родоначальника племени эолийцев. К первым поселенцам охотно присоединились ионийцы и выходцы из других племен, которым Макарей выделил участки земли для возделывания винограда и оливковых деревьев.

Сообщают, что Макарей дал острову, который при нем стал называться Лесбосом, законы, отличавшиеся суровостью и царственной справедливостью. Может быть, поэтому островитяне называли их «львом». А возможно, потому, что законодатель, как думали некоторые, использовал полую фигуру льва, изготовленную Гефестом, как вместилище текстов законов.

В своей семье Макарей был деспотом, сурово обращался с супругой и дочерьми, хотя и дал городам острова их имена. Добившись могущества, Макарей захватил острова Хиос, Кос и Родос, послав туда правителями трех своих сыновей. Наконец одна из дочерей нашла способ обуздания отцовского гнева и придиричivosti. Купив семь мизийских невольниц, искусных в музыке и пении, она приказывала им напевать под звуки кифары старинные предания, как только у отца начинало портиться настроение. После смерти Макарея изображения этих семейных избавительниц были помещены в храме, получив название муз.

Имелся совершенно отличный от этого рассказ о Макарее, принадлежащий Еврипиду. В его несохранившейся трагедии «Эол» Макарей назван сыном владыки ветров Эола, и, таким образом, действие мифа из Восточного Средиземноморья перенесено в Западное, где странствовал Одиссей. Развивая гомеровский мотив о шести сыновьях и шести дочерях Эола, Еврипид делает Макарея супругом собственной сестры Канаки, полюбившей брата не сестринской любовью. Осознав после рождения младенца преступность этой любви, Канака пронзает себя мечом, Макарей же бежит с проклятого острова на родной Лесбос.

В городе Колоны, расположенном в той части Трояды, которая смотрит на соседний остров Левкофрис, жил Кикн, сын Посейдона и Скамандродики. Были у него от Проклеи, дочери Лаомедонта, двое детей – дочь Гемифия и сын Теннес. После смерти Проклеи взял Кикн в жены девушку Филоному, дочь Трагаса. Влюбилась она в пасынка и, не находя на свое чувство ответа, оклеветала юношу, будто тот посягал на ее честь. И мало того, отыскала мнимого свидетеля преступления, некоего флейтиста Эвмолпа. Поверив навету, приказал Кикн посадить Теннеса и Гемифию в ларь и, закрыв, бросить его в море. Волны не без участия Посейдона вынесли ларь на берег Левкофриса. Стал там Теннес по воле островитян царем, и остров стал именоваться Тенедосом.

Сколько ни длился обман, все равно он не вечен. Узнав правду, Кикн приказал закопать свою жену живой в землю, а лжесвидетеля Эвмолпа побить камнями. Снарядив корабль, он отправился на остров, чтобы принести сыну извинения. Но обида Теннеса была так велика, что он приказал обрубить топором канаты, которые связывали этот корабль со скалой или деревом. С тех пор выражение «тенедосский топор» стало синонимом непримиримости.

Когда ахейцы пошли походом на Трою, Кикн вспомнил о том, что его родина – Трояда, и приказал забросать их корабли камнями. Ахейцы высадились на острове, и Ахилл убил Теннеса. Согласно другой версии, Теннес погиб от руки Ахилла, защищая честь своей сестры от Аполлона. Как бы то ни было, на месте погребения Теннеса был воздвигнут храм Аполлона, где никогда не звучала флейта, якобы потому, что флейтист был виновником несчастья всей семьи.

Героем прилегающего к Аттике прекрасного острова Саламина считался переселившийся туда с Эвбеи Теламон, прославленный участием в Калидонской охоте, походе аргонавтов и дружбой с Гераклом. Во время посещения острова Геракл разостлал львиную шкуру и, став на нее, обратился к своему отцу Зевсу с мольбой даровать другу такого сына, который обладал бы силой и мужеством царя зверей. И едва были произнесены эти слова, как в небе показался вестник Зевса орел. Вскоре родившегося мальчика назвали Аяксом (по-гречески «орел»).

Однако, несмотря на дружбу, Теламон чуть не погиб от руки Геракла во время похода против

царя Трои Лаомедонта. Теламон первым разрушил участок городских стен, чем вызвал ярость Геракла, взявшегося за меч. Не растерявшись, Теламон стал быстро собирать камни сокрушенной им стены.

– Что ты делаешь? – удивился Геракл, опуская меч.

– Воздвигаю тебе алтарь! – отозвался Теламон. – Я не отыскал для этого других камней.

Геракл, не лишенный честолюбия, радостно обнял Теламона. В благодарность он отдал ему Гесиону, дочь троянского царя Лаомедонта, спасенную от морского зверя.

От Гесионы Теламон имел сына Тевкра, участвовавшего в Троянской войне на стороне ахейцев, несмотря на то, что Приам приходился ему дядей. После окончания войны, в которой Тевкр прославился как лучник, он вернулся на Саламин, но не был принят престарелым отцом, который не мог простить ему того, что он не отомстил за гибель сводного брата Аякса.

Пришлось Тевкру отправиться в изгнание. Странствуя вместе с захваченными им троянскими пленниками, он прибыл на Кипр. Царствовавший там Кинир выделил изгнаннику землю, на которой тот основал новый Саламин (Саламин Кипрский). Население города составили троянские пленники. Вскоре Тевкр породнился с Киниром и имел от его дочери многочисленное потомство. Первенец супружеской четы Аякс Младший основал город Ольвию в Киликии.

Перед сражением с персидским флотом у острова Саламина в 480 г. до н. э. афиняне обратились к Теламону и Аяксу, почитавшимся на острове как герои, и, воодушевленные ими, одержали величайшую морскую победу.

МАТЕРИКОВАЯ ГРЕЦИЯ

В гористой Греции имеется лишь одна обширная равнина, с трех сторон замыкаемая горами, а с четвертой, восточной, омываемая морем. В I тыс. до н. э. ее называли Фессалией, по племени фессалов, переселившемуся сюда из Эпира. Во II тыс. до н. э., к которому относится действие мифов, Фессалия фигурирует в источниках как «пеласгийский Аргос», «ахейская Фтиотида», «Фтия». В качестве ее обитателей называются пеласги, ахейцы, мирмидоняне, минийцы. Последним принадлежал один из древнейших центров микенского времени Орхомен, находившийся на северном берегу беотийского озера Копайды. Именно поэтому логично объединить в этой главе мифы Фессалии и Северной Беотии.

Первым героем пеласгийского Аргоса был Иксион, считавшийся родоначальником кентавров и смертным отцом царя лапифов Пирифоя. Наказание Иксиона, который был прикован к крылатому огненному колесу, вращавшемуся в эфире, рисует его как солнечного бога: колесо у многих народов от Индии до Прибалтики рассматривалось как символ солнца. В пользу этого предположения свидетельствуют такие детали мифа, как приглашение Иксиона на Олимп и его попытка обнять облако, которому Зевс придал облик Геры.

В кентаврах, рожденных от соединения Иксиона с облаком, логично видеть горных духов. Лапифы, изгнавшие кентавров в Пелопоннес, не могут быть отождествлены с каким-либо из исторических народов. Это сказочный народ, локализованный в Северной Фессалии, на южных отрогах Олимпа, по обоим берегам Пеней. Царь лапифов Пирифой выступает в мифах не только как победитель кентавров, но и как ближайший друг Тесея.

Фессалия, граничащая с Олимпом, считалась местом битвы богов и гигантов, а также почвой дерзких подвигов Ота и Эфиальта, которые сковали цепями Ареса и, чтобы забраться на Олимп, взгромоздили друг на друга горы Оссу и Пелион. Здесь же были локализованы некоторые из любовных походов Аполлона и его служба пастухом у царя Адмета. Фессалию считали родиной многих героев Пелопоннеса. Так, от фессалийки Тиро и Посейдона вел происхождение Нелей, родоначальник героев Мессении, родной брат Пелия. Фессалийцами считались герои той же Мессении Мелампод и Биант. Эти генеалогические связи отражают этническую близость Фессалии (пеласгийского Аргоса) и Пелопоннеса.

В мифах Фессалии и Северной Беотии упоминаются города Иолк, откуда отправился знаменитый корабль «Аргос», Орхомен, богатство которого вошло в поговорку, а также Фера и Филака. Иолк и Орхомен выявлены археологически как микенские центры, и это указывает на существование исторической основы связанных с этими городами мифов. В изложенной нами версии мифа Трофоний и Агамед – сыновья царя Орхомена Эргина, прославленные строители. В другой версии Трофоний – сын Аполлона и Эпикасты, основатель знаменитого оракула в Беотии.

В том обруче волшебном будешь ты

Кататься по эфиру, раскаляясь.

Иннокентий Анненский

В незапамятные времена жил под Олимпом Иксион, царь лапифов. Никто не знал в точности имени его отца, но матерью его была Перимела. Полюбил Иксион прекрасную Дию, дочь Дейонея, и обещал отцу за невесту богатые дары.

Но жадность оказалась сильнее любви. Вырыл он яму и, наполнив ее пылающими углями, прикрыл сверху тонкими досками и землей. И когда отец отправился смотреть на золото, он провалился в оказавшуюся на его пути ловушку и умер в муках от страшных ожогов.

Иксион первым на земле убил существо себе подобное, и потому боги и люди, к которым он обратился с просьбой очистить его от пролитой крови, единодушно ему в этом отказали. Но Зевс, сжалившись над Иксионом, совершил обряд очищения и, более того, пригласил его по соседски на Олимп. Неблагодарный, он обмочил губы в амброзии – напитке бессмертных, поднял глаза на супругу Зевса прекрасную Геру.

Чтобы испытать гостя, Зевс придал облаку подобие Геры и удалился. Иксион тотчас бросился на облако, полагая, что это Гера. От оплодотворенного царем облака вскоре родилась и упала на землю надменная порода существ, названных кентаврами. Были этим полулюдям-полуконям чужды музы и хариты, не умели они петь и танцевать. Радовала их лишь одна пища.

В наказание за оба преступления Зевс приказал распять Иксиона на огромном медном колесе таким образом, чтобы его руки и ноги образовали спицы, привязанные змеями к ободу, и пустил это колесо в эфир. Вечна эта кара, как вечен Иксион, глотнувший амброзию и посягнувший на божественную красоту.

За грань фессалийского мифа,
Во мглу пеласгийских времен,
В звериное царство Лапифа
Бросает лучи Аполлон.
Сливаются рокот литавров
С ударами гулких копыт.
Дымящейся кровью кентавра
Был свадебный праздник залит.
Из млечной дороги небесной
Кровавая всходит луна.
И горько рыдает невеста
Над черною лужей вина.

Конелюбивое племя лапифов испокон веков населяло обильную водами равнину под вершинами Олимпа и Пинда, по обоим берегам Пеней. После Иксиона лапифами правил его сын Пирифой, друг аттического героя Тесея. Вместе они совершали великие подвиги.

На горе Пелион, что на юге Фессалии, жили и кормились братья лапифов кентавры, с четырьмя лошадиными ногами, двумя руками и человеческой головой. Им хватало горных пастбищ, и они никогда не вытаптывали угодий, принадлежавших их равнинным братьям. Лапифы же никогда не вторгались во владения кентавров. Были праздники, которые отмечались ими вместе. Кентавры, отличавшиеся дикостью, обычно вели себя чинно, и поэтому царь Пирифой не побоялся пригласить на свою свадьбу четвероногих соседей.

Кентавры прискакали целым табуном, но для всех нашлось место за столом, уставленным яствами. Радовалось сердце Пирифоя при виде стольких гостей, и он решил предложить им вина, давно уже припасенного в кожаных мехах.

Элидские монеты с изображением Зевса

От каждого глотка величиной в добрый пифос разгорались у кентавров глаза, и они стали задевать невесту и других благородных лапифянок. И вот уже один из них, самый наглый, вообразив, что он у себя на пастбище, задрал лошадиную ногу. Не стерпели лапифы нанесенного им оскорбления. Навалившись на кентавра, они повалили его и обрезали ему столовыми ножами уши и нос. Кентавры возбужденно заржали: «Не по-братски! Не по-братски!» – и опрокинули стол. Разъяренный Пирифой выхватил из ножен кинжал, нанес удар кентавру, находившемуся поблизости. На помощь прискакали другие кентавры. И полилась кровь, смешиваясь с вином, и веселая свадьба превратилась в кровавую сечу. Не было у кентавров оружия, кроме копыт. Не захватили они с собой камней, какими оборонялись от волков и медведей. Взяли они с собой лишь подарки невесте: цветы с горных круч, мед в дубовых корягах и пучки целебных трав. Поэтому битва была неравной. Бросились кентавры бежать, а лапифы пустились за ними следом, посылая вдогонку стрелы.

Немногим удалось уйти от кары, которую не назовешь справедливой.

Стало тихо на горе Пелион, и больше оттуда не доносилось веселое ржание кобылиц. Уцелевшие кентавры ушли в глухомань, забрались в недоступные пещеры. Затаили они гнев на двуногих, и худо было тому, кто попадался им на пути. Они забивали его копытами или, налетев, разом сталкивали в пропасть.

Сорвавшись с дальних гор гудящею лавиной,
Бегут в бреду борьбы, в безумье мятежа.
Над ними ужасы проносятся, кружа,
Бичами хлещет смерть, им слышен запах львиный...
Порой один из них задержит бег свой звонкий,
Вдруг остановится, и ловит запах тонкий,
И снова мчится вслед родного табуна.
Вдали, по руслу рек, где влага вся иссякла,
Где тени бросила блестящая луна -
Гигантским ужасом несется тень Геракла...
Жозе-Мариа де Эредиа (пер. М. Волошина)

И только мудрый кентавр Хирон не таил зла на людей. Ибо он, сын Крона, брат олимпийских богов, был кентавром только по виду. У него были четыре ноги с крепкими копытами, пышный хвост, его лошадиный круп плавно переходил в человеческое туловище с двумя сильными руками, как у других кентавров, но его прекрасная голова была головой мыслителя. Не утратив связи с животным миром, Хирон обладал способностью осмысливать его сокровенные знания. И если люди хотели припомнить язык растений, речь птиц, познать гармонию природы, им приходилось обращаться к Хирону, в духовном облике которого переданы черты воспитателя и учителя в лучшем смысле этих слов.

Как-то раз высунув из пещеры голову и руки, Хирон играл на лире. Уйдя в звуки, он не заметил прижавшуюся к дереву nereиду в одеянии из зеленых водорослей. Устремив на музыканта глаза цвета морской волны, Фетида внимала игре, и по ее белым щекам скатывались слезы. Рожденная в море, она полюбила человека земли и познала с ним счастье. Но ее сыновья оставались смертными. Напрасно Фетида пыталась ввести их, пока они были младенцами, в свою текучую стихию. Малыши тонули один за другим.

Окончив игру, Хирон бережно положил лиру на траву перед собой и, скользнув взглядом, увидел nereиду.

- Это ты, Фетида, - молвил Хирон и, заметив на глазах nereиды слезы, устремился к ней. - Ты плачешь? Тебя расстроила моя музыка?

- Она заставила меня заново пережить мои горести, - отозвалась nereида. - Я не стала приучать моего любимца Ахилла к морю, я погрузила его в огонь, чтобы даровать бессмертие. Но его неразумный отец, испугавшись, выхватил мальчика из пламени. Теперь он, кратковечный, должен умереть, совершив великие подвиги. Но как подготовить Ахилла к этим подвигам? Как наполнить его жизнь радостью?

- Полноту жизни и радость смертным дает знание, - проговорил Хирон. - Где твой сын, Фетида? Я готов ввести его в мир знания...

- Ахилла приведет его отец Пелей, - сказала Фетида. - Мне же пора спускаться на морское дно к сестрам.

- Пелей! - радостно воскликнул Хирон. - Мой любимый ученик. Я спас его от свирепых кентавров.

- Я знаю! - проговорила Фетида. - Мы часто вспоминаем об этом благодеянии, поэтому нам пришла мысль отдать Ахилла на воспитание именно тебе.

Так Ахилл попал к Хирону. Мудрый кентавр обучил его всему, что должен знать и уметь воин: метанию копья, стрельбе из лука, верховой езде. От Хирона мальчик узнал о повадках зверей. У него он научился выманивать хищников из их убежищ. Уже в шестилетнем возрасте он уложил дротиком льва, а стрелой - кабана и сам притаился добычу в пещеру Хирона, вызывая удивление богов, наблюдавших за охотой мальчика с высоты Олимпа.

Ни одно застолье в те времена не обходилось без величания предков. Устроитель пира и его

гости с удовольствием слушали песни о подвигах героев, сочиненные задолго до Гомера. Певцы-аэды подыгрывали себе на струнных инструментах – кифаре и лире. Иногда сам хозяин дома или кто-либо из знатных гостей мог взять инструмент в руки. На этот случай Хирон обучил Ахилла игре на лире. Впоследствии в минуты душевных тревог герой успокаивал себя ее звуками.

Другим учеником Хирона был Асклепий. Его привел сам Аполлон, родитель Асклепия, вырезавший младенца из чрева его матери-нимфы. Сначала Хирон поручил наблюдение за воспитанником своей собаке, ставшей для Асклепия кормилицей и нянькой. Когда же младенец возрос настолько, что мог понимать человеческую речь, взялся за его воспитание сам. Посадив Асклепия на спину, он возил его по горным склонам. Немало времени провели они в Пелефренской долине, прославленной целебными растениями. Там кентавр взрывал острым копытом землю и, освободив растение, объяснял малышу, какими свойствами обладают его плоды, листья и корень. Асклепий по длине стебля и форме листьев научился различать черную чемерицу, губящую лошадей и скот, от благотворной белой чемерицы. Он узнал, в какие дни и время суток надо выкапывать корни, чтобы они приносили пользу. Ему стали известны растения-отравители и растения-противоядия. Названия трав и цветов, поначалу чуждые его духу, наполнялись смыслом и все вместе складывались в удивительное повествование о всемогуществе матери-земли, дающей исцеление и продляющей жизнь.

Однажды, когда под наблюдением Хирона Асклепий выкапывал корешки, послышался легкий шелест. Мальчик с ужасом увидел ползущую к нему змею.

– Не бойся! – успокоил его учитель. – Змея ближе нас всех к матери-земле и посвящена в ее скрытые для смертных тайны. Змеиный яд может приносить не только смерть, но и исцеление.

Так змея стала спутницей Асклепия, и много веков спустя люди изображали отца медицины с выкормившей его собакой и со змеей.

С помощью Хирона Асклепий стал великим целителем людских страданий. К нему за помощью шли изъязвленные, пораженные медью и камнем, укушенные змеями и скорпионами, обожженные морозом и иссушенные зноем. Асклепий научился изгонять жгучую боль и отпугивать недуги, выпущенные из ларца неразумной Пандорой. Но не смог Хирон вложить в душу ученика присущего ему самому бескорыстия. Асклепий как-то прельстился золотом и вернул к жизни умершего. Зевса возмутило не лихоимство целителя – это зло он стерпел, но им овладел страх, что Асклепий даст людям бессмертие и сделает их равными богам. Он метнул с неба молнию и испепелил Асклепия.

Всеми, чему Хирон научил Ахилла и Асклепия, он обучил и Ясона, сына царя Иолка Эсона. Но у мальчика не было никакого пристрастия ни к воинскому делу, ни к врачеванию. С большим интересом он воспринимал лишь рассказы Хирона о звездном небе и поэтому очень быстро научился отличать одно созвездие от другого, а узнав, что мореходы определяют курс своих кораблей по Большому и Малому Семизвездиям, а также по Плеядам и Гиадам, стал расспрашивать о кораблях и странах, куда они плывут. Хирон поведал мальчику об Океане, который в четырех местах вливается в землю, образуя Гирканское, Персидское, Арабское, Красное и огромное Внутреннее море, соединенное проливом с Понтом Эвксинским. Он рассказал о народах, живущих по берегам этих морей, и об их удивительных обычаях. Так Ясон узнал и о колхах, обитавших в низине реки Фасиса, и о Фриксе, доставленном в эту страну бараном с золотой шерстью.

– И никто не добыл шкуру этого барана? – спросил мальчик.

– Никто! – ответил Хирон. – Многие об этом думали, но еще не построили такого корабля, который мог бы проделать столь далекий и опасный путь.

На попечении Хирона оказался и юный Геракл. Кентавр учил мальчика конной езде, стрельбе из лука, игре на лире, сбору целебных растений. Смышленный и сильный, Геракл послушно выполнял наставления учителя. Но с музыкой у него не ладилось. Однажды, слишком крепко сжав лиру, он ее раздавил. С трудом также юный ученик отличал целебные растения от ядовитых. Однако везде, где требовались сила и ловкость, Гераклу не было равных. При этом он не кичился своей силой и не растрачивал ее попусту. Так же как Хирон, будущий герой отличался щедростью, справедливостью и готовностью оказать помощь слабому. Но случилось так, что этот самый близкий Хирону ученик стал виновником гибели кентавров и самого Хирона.

Однажды посетил Геракл пещеру кентавра Фолы, рожденного от наяды и Силена. Это было вскоре после того, как герой напился свои стрелы ядом убитой им гидры. Незадолго до того принес Силен своему зятю несколько сосудов с вином. Открыл Фол один из сосудов, чтобы

попотчевать гостя даром Диониса. И вдруг слышались снаружи храп и удары копыт. Это, почуяв запах вина, отовсюду сбежались лесные кентавры.

Рвутся они, тесня друг друга, в пещеру. Перепуганный Фол закрыл сосуд с вином, Геракл схватился за головню. Крутясь, полетела она к выходу, и оттуда раздался вой и запах горячей шерсти. Рев усиливался, и вдруг Геракла охватило безумие. Он выбежал из пещеры и, натянув лук, стал выпускать одну стрелу за другой. Всю поляну заполнили трупы. Бросились кентавры в бегство. Остановиться бы Гераклу, но его охватила не раз губившая его бессмысленная ярость. Как вихрь, он мчался за кентаврами. Напрасно его пытался остановить Фол, нашлась стрела и для него. Два кентавра ринулись в пещеру Хирона, но это не остановило Геракла. Убил он несчастных на глазах учителя.

И тут безумие покинуло Геракла. Упав на землю, он зарыдал, моля учителя о прощении. Успокоил его Хирон, и Геракл впал в глубокий сон. Наутро, прощаясь с учителем, он не заметил, как выронил из колчана стрелу. Она впилась в лошадиную ногу кентавра. Хирон ощутил страшную боль, но не проронил ни звука. Он вытянул стрелу из ноги, сделав вид, что она вонзилась в землю. Взял Геракл стрелу и, всунув ее в колчан, покинул пещеру.

Мучения Хирона становились невыносимыми, и он решил добровольно уйти из жизни. В последние свои мгновения он вспоминал учеников, радуясь, что ему удалось воспитать таких героев.

Так умер Хирон. Зевс, узнав об этом, назвал его именем одно из созвездий. Но бессмертие учителя не на небе, а на земле, в подвигах его учеников.

И еще один мифический народ был связан с Фессалией – флегии, обитавшие близ Копайдского озера. Это был воинственный народ. Не случайно эпоним и царь этого народа Флегий считался сыном бога войны Ареса. Была у Флегия дочь Коронида, которую полюбил Аполлон. Но она предпочла ему смертного и была убита богом. Произошло это в то время, когда Флегий находился в Пелопоннесе, разведывая, как напасть на его царей. Возвратившись, он узнал о несчастье и повел свой народ на дельфийский оракул Аполлона. С факелами в руках Флегий попытался обратить в пепел это гнездо Аполлона. Но молнии сильнее факелов. Нападение флегиев было отбито и их царь отправлен на вечные муки в аид. Наследовал Флегию его племянник Хрис, сын Посейдона и Хрисогенеи, чьи имена говорят об их богатстве.

Вы, что живете

В крае прекрасных коней над водами Кефиса,

О, Хариты, воспетые в песнях

Владычицы светлого Орхомена.

Пиндар (пер. М. Гаспарова)

На севере области, которая впоследствии стала называться Беотией, на западном берегу ныне не существующего Копайдского озера, у подножия горы Аконтия, находился один из самых древних городов Греции – Орхомен, богатство которого вошло в греческую поговорку. Археологические раскопки Орхомена подтвердили глубокую древность этого поселения, существовавшего на протяжении нескольких тысячелетий с эпохи неолита. По керамическим находкам и формам жилищ ученые выделили четыре периода древнейшей истории Орхомена (Орхомен, I-IV). Памятником IV, микенского Орхомена была раскопанная Генрихом Шлиманом купольная гробница, по размерам немногим уступавшая знаменитой гробнице Атрея в Микенах.

Первым обитателем этих мест считался Этеокл, сын речного бога Кефиса, впервые установивший культ харит. Знамением послужило падение с неба трех камней. Почитание трех харит распространилось по всем землям, населенным пеласгами и ахейцами.

После смерти Этеокла власть в этих местах перешла к сыну Сизифа Альму. У одной из его дочерей родился от бога Ареса такой же буйный, как отец, сын Флегий.

Внучатым племянником Флегия был Миний, оставивший свое имя минийцам, народу, расселившемуся по всей равнине от Олимпа до Пинда. Орхомен называли городом минийцев. Когда в Орхомене правил Эргин, сын Клемена, он с братьями начал войну против семивратных Фив и одержал в ней внушительную победу. Фиванцам пришлось заключить позорный мир – выдать победителям оружие и ежегодно доставлять в Орхомен по сто бычков.

Занятый войной, Эргин не успел вовремя устроить личную жизнь и оставался холостым до седой бороды. Когда же положение Орхомена упрочилось, он отправился в Дельфы, чтобы узнать, стоит ли ему вступать в брак и будут ли у него наследники. Пифия дала уклончивый ответ:

*Поздно пришел ты сюда и жаждешь потомства, но все же Пробуй на старое дышло
накинуть новую петлю .*

Без особой надежды на успех Эргин взял в дом молодую жену. Она родила ему двух сыновей – Трофония и Агамеда, ставших в зрелые годы прославленными строителями. Они, на удивление всем, соорудили в Фивах брачные покои для матери Геракла Алкмены, воздвигли храм Посейдона в Аркадии и несколько сокровищниц в Элиде и Беотии.

Более всего известен рассказ о сооружении беотийской сокровищницы в Орхомене для богача Гириея, превративший знаменитых архитекторов в заурядных грабителей. Если ему верить, братья оставили в сокровищнице Гириея несколько незакрепленных камней. Это позволяло им проникать внутрь здания и обирать богача. Гирией не мог понять, каким образом при целых печатях и нетронутых замках у него пропадает золото и серебро. Кто-то надоумил его приделать к сундукам и сосудам капканы, какие ставят на хищников. Когда братья-разбойники в очередной раз проникли в сокровищницу, Агамед просунул руку в сосуд, и ловушка захлопнулась. Трофоний, чтобы не было открыто его участие в преступлении, отрубил брату голову и унес с собой. Золота Гириея Трофонию с лихвой хватило на сооружение подземного дворца для самого себя.

В долине полноводного Гальмира, по низким берегам которого паслись необозримые стада овец и коров, находился в древности небольшой город Филака, носивший имя своего основателя. От Климены, дочери царя Миния, Филак имел сына Ификла. Однажды отец взял мальчика с собой на луг, где обычно стриг овец. Ификл, распалившись, мешал Филаку работать. Несколько раз отец грозил шалуна ножом, но тот не унимался. Тогда, чтобы напугать сорванца, он кинул нож с такой силой, что тот ушел по рукоятку в растущий неподалеку священный дуб. Как ни старался Филак, нож он не вытащил. Пришлось идти домой за другим.

С этого дня стал мальчик чахнуть и вскоре вообще перестал ходить. Предсказатель Мелампод, к которому обратились родители, вызвался им помочь. Он отправился на берег Гальмира,

отыскал священный дуб, извлек из ствола нож, уже заросший корой, соскреб с лезвия ржавчину и наказал пить ее десять дней, смешав с вином. После этого Ификл избавился от хвори, став самым сильным и быстрым среди сверстников. Он мог бежать по пашне, не приминая колосьев, мчаться по волнам, не замачивая ног.

У Ификла, когда он возмужал, родился сын Протесилай. К тому времени, когда Менелай собирал воинов для похода в Трою, Протесилай был уже юношей, недавно взявшим в дом прекрасную Лаодамию, дочь Акаста. Протесилай стал первым, кто спустился с корабля на враждебную землю Трои, и первым, кто пал от руки врага.

Велико было горе Лаодамии, узнавшей, что Протесилай не вернется. Напрасно Акаст пытался найти ей нового супруга. Лаодамия заперлась в своих покоях и никого не хотела видеть. Но однажды к Акасту прибежал слуга с вестью, что в покоях дочери находится мужчина. Отец взломал дверь и увидел Лаодамию, обнимавшую восковое изображение Протесилая. Захотел отец бросить его в пылающий очаг, но Лаодамия, сжав восковую фигуру в объятиях, умоляла, чтобы он бросил в пламя и ее.

О необыкновенной любви Лаодамии стало известно на Олимпе. Послал Зевс к Аиду Гермеса с просьбой вернуть в верхний мир Протесилая. Аид скрепя сердце дал на это согласие, но назначил для свидания супругов очень короткий срок.

Гермес привел Протесилая к дверям покоев Лаодамии и удалился. С ликованием бросилась страдалница в объятия мужа. Целуя его, она шептала сквозь слезы:

– Я никогда не верила, что ты погиб, что бы мне ни говорили! Я знала – ты вернешься.

У Протесилая не хватило решимости объяснить любимой, откуда он пришел. Но когда за дверями послышался нетерпеливый свист Гермеса, он признался во всем.

Как только за Протесилаем закрылась дверь, Лаодамия схватила кинжал и с возгласом «Иду за тобой!» вонзила его себе в грудь.

Фивы

О, где вы, луга Пиерии,
Высокое пастбище слов?
Герои поднялись какие
Из белых драконьих зубов?
От Кадма, посланца Востока,
До Пиндара трепетных од
Такая змеится дорога,
Какую Геракл не пройдет.
Когда ж пред неправым законом
Трусливо склонятся мужи,
Свой подвиг свершит Антигона,
И царство рассеется лжи.

В нашей вскормленной экономной школьной мудростью памяти Греция представлена двумя городами-соперниками – Афинами и Спартой. В своей яркой контрастности они составляют как бы два полюса, отодвигающие в тень все, что находилось между ними. Но мифы вносят поправку в привычные представления о главном и второстепенном. Был еще один город, столь же древний, как Афины, и продолжающий вместе с ними жить и после того, как такие древние центры, как Микены, Пилос, Аргос, Тиринф, ушли в небытие. Ведь именно Фивы после победы Спарты над Афинами стали соперником могущественного Лакедемона и нанесли ему страшное поражение. Вспомним также, чем завершилась победа Македонии над восставшей Грецией: разрушением Фив.

Глубина историко-мифологической почвы, над которой возвышались классические города-государства (полисы), играла в их истории не менее значительную роль, чем географическое положение, политическое устройство и военная организация. Подобно сыновьям Геи Алкионею и Антею, мифологическая традиция давала даже слабым центрам второе дыхание, защищая их от удушья в неостановимом беге времен. Так и Фивы сумели занять свое место в истории I тыс. до н. э., хотя их древняя слава связана с эпохой, предшествующей Троянской войне.

В рассказах о героических временах Фив этот город возникает как детище выходца из Финикии Кадма, основателя цитадели Кадмеи. Из посеянных им зубов дракона вышли вооруженные «спарты», помощники во всех начинаниях финикийского героя и первоначально аристократических родов. Кадм в рассказах древних авторов не только основатель великого города, но и герой, обучивший всех греков письму и рудному делу.

Восточное происхождение Кадма и его потомков долгое время считалось в европейской науке вымыслом, ибо господствовало представление, что восточная культура, пусть и более древняя, чем греческая, не могла быть органически воспринята греками и всегда оставалась чужеродным телом.

Историческая основа мифа о Кадме была установлена с помощью матери-земли, когда в нее углубились археологи. Еще в 1909 г. греческий ученый А. Керампулос обнаружил на месте древней Кадмеи остатки здания, в котором распознал дворец финикийца Кадма. Однако это мнение было бездоказательным, поскольку найденные в развалинах вещи ничем не отличались от материалов Тиринфа и других микенских дворцов. Можно было лишь утверждать, что в XIV в. до н. э. Фивы являлись микенским поселением. Возобновление раскопок в Кадмее в 60-х гг. прошлого века дало сенсационные результаты. Был обнаружен дворец микенской эпохи, превосходящий другие дворцы материковой Греции. Его стены были украшены фресками. Найденны обломки сосудов, орудия, изделия из золота. Особый интерес представляют цилиндрические печати из лазурита, нередко с клинописными надписями. Обитатели Кадмеи, как их современники в Микенах и Пилосе, пользовались линейным письмом Б. Все это раскрывает историческую подоплеку легенды о Кадме – переселенце с Востока.

Миф об Эдипе в изложенном нами варианте представлен в произведениях трагиков V в. до н. э. По первоначальной версии мифа, Эдип считался сыном богини Земли (Иокасты, Эврикасты, Эвриганией, Астимедузы). Местом действия мифа была Беотия. «Одиссее» известна мать Эдипа Иокаста, наложившая на себя руки от отчаяния, после того как она прокляла сына. Согласно Гесиоду, Эдип царствовал в Фивах во время ужасной войны из-за стад. Очевидно, имелась в виду война с соседями – флегийцами или минийцами, стремившимися овладеть фиванскими богатствами.

Тенденции последующей переработки мифа достаточно очевидны. Повествуя о старине, рассказчики имели в виду соперничество между городами Средней Греции (Фивами, Афинами) и городами Пелопоннеса. Заметно стремление ввести в мифическую историю Фив афинских героев (не без Тесея!). На примерах древней истории Фив разрабатывается проблема тиранической власти, несущей гибель всем, кто с нею связан. К этому можно добавить и постановку вопроса о месте в обществе женщины (Антигона и Исмена), вопроса, который непредставим для бронзового века, но отражал споры эпохи расцвета демократии в Афинах.

В доме правителя Тира Агенора царило горе. Подружки Европы, плача и перебивая друг друга, поведали, что неведомо откуда появившийся бык похитил севшую на его спину царевну и исчез. Европа была на выданье, и многие цари из соседних городов сватались к ней, предлагая свои богатства. И тут какой-то грубый бык, опередив достойных женихов, нахрапом увез милую и нежную Европу.

«Конечно же, – думал Агенор, – это хитрость какого-нибудь нищего заморского царька, рассчитывающего на приданое. Не видать ему его!»

Призвав трех сынов – Кадма, Килика и Фойника, а также супругу Телефасу, Агенор повелел, чтобы они немедленно отправились за море на поиски Европы и без нее не возвращались. Но море не оставляет следов, и к кому бы ни обращались посланцы Агенора, никто не слышал о девушке, похищенной быком. Братья не только не нашли Европу, но порастеряли друг друга, а мать, не вынося горя и страданий, умерла на чужбине. В поисках Европы Кадм посетил Дельфы, дабы узнать у оракула, где ему искать сестру. Ответ пифии, переведенный жрецами, был странным:

– Отыщи корову с двумя лунными пятнами на боках и следуй за нею, пока она не ляжет. На том месте воздвигни город.

Не зная порядков оракула, чужестранец возмутился:

– Я принес в дар вашему богу отборных овец. Я подарил все золото, которое у меня осталось, не для того, чтобы искать какую-то корову. Скажите мне, где моя сестра Европа?

Жрецы вытолкали Кадма из храма, объяснив ему, что устами пифии вещает сам Аполлон и его не принято вопрошать об одном и том же дважды.

Спустившись в низину, Кадм пребывал в горестном раздумье, как вдруг узрел белую корову с двумя лунными пятнами на боках и машинально последовал за нею. Корова упорно шла в одном направлении, лишь иногда останавливаясь пощипать траву. Казалось, ее вел какой-то невидимый пастух. Обойдя холм, животное вошло на него и разлеглось на траве.

Все это произвело на Кадма впечатление, и он поверил в могущество бога, которого жрецы называли Аполлоном. «Первая часть предсказания исполнилась, – думал Кадм. – Но как быть со второй? Легко сказать «воздвигни город». Как это осуществить в чужой стране с несколькими слугами?»

Пока Кадм размышлял, слуги отправились к ближайшему источнику, давшему о себе знать журчанием струй. Но едва они погрузили кувшины в быструю воду, как послышалось громкое шипение. Из пещеры, извиваясь кольцами, выползал огромный змей, хранитель источника. При виде его слуги онемели, и Кадм не услышал их предсмертных стонов. Прошло немало времени, пока он двинулся на поиски своих спутников и увидел растерзанные тела и лежащего с ними рядом змея.

Кадм поднял копье, и битва началась. Длилась она бесконечно долго, и много раз герою казалось, что у него иссякают силы. Но каким-то чудом руки вновь обретали мощь, а взгляд зоркость. Змей бешено мотал чешуйчатым хвостом, сметая, как тростники, вековые деревья, но ни разу ему не удалось задеть Кадма. Отбегая в сторону, герой отыскивал в теле чудовища уязвимые места и без промаха поражал их копьем. Последний, смертельный удар был нанесен мечом. Вложив в него все силы, Кадм свалился в беспамятстве.

Он пробудился от властного женского голоса, доносившегося с неба:

– Вырви зубы дракона и посей их, как семена, на вспаханном поле.

Только занявшись зубами, Кадм до конца понял, какое чудовище одолел. Зубы были вдвое, если не втрое, крупнее волчьих и сидели в гнездах так крепко, что приходилось действовать мечом, обнажая корни, а затем тащить с помощью веревки. Несколько раз Кадм ранил себе руки, а когда завершил работу, подумал, что убить змея было легче, чем вырвать у него зубы.

Кадм с камнем в руке собирается убить дракона. По краям стоят покровительница Кадма Афина и отец дракона Арес. Сидящая женщина, возможно, Гармония (роспись на сосуде)

А еще предстояло самому вспахать поле и засеять его зубами змея. И мало трудов! Сколько пришлось пережить страха, когда из брошенного зуба сразу вырастал закованный в медь и вооруженный до зубов воин. К счастью, воины не обращали на сеятеля никакого внимания, а вступали в сражение между собой. Вся местность наполнилась боевыми выкриками и звоном мечей. Вскоре поле было устлано трупам павших. И тут один из сражающихся бросил на землю оружие в знак примирения. Остальные последовали его примеру и подали друг другу руки. Оставшихся в живых было пятеро. Это были «спарты» («посеянные»). С ними Кадм заложил крепость нового города Фивы, впоследствии получившую название Кадмея. Страна же, в которой все это происходило, по корове, за которой следовал Кадм, стала называться Беотией.

За убийство дракона, насланного Аресом, Кадм должен был служить свирепому богу войны долгие годы. По окончании срока службы он породнился с богом: Арес дал ему в жены прекрасную Гармонию, матерью которой была сама Афродита.

Великолепен был свадебный пир, собравший в Фивах всех олимпийцев. Они принесли новобрачным богатые дары, среди которых выделялись расшитый золотом пеплос, работа харит, и ожерелье, изготовленное божественным кузнецом Гефестом.

Соорудив крепость Фив, Кадм стал одним из наиболее могущественных царей Эллады. Но в памяти потомков он сохранился как человек, принесший эллинам знания и искусство. Кадма считали зачинателем рудного дела и добычи камня. С его именем также связано изобретение письма, которое получило название «кадмейского».

И заняли Кадм с Гармонией царский дворец. Одна за другой рождались у них дочери – Автоноя, Агава, Семела, Ино, а затем и сын Полидор. Но не дали боги царской чете и семейству счастья. Причиной бед стало золотое ожерелье, которое Кадм по просьбе Гармонии добыл в пещере под скелетом чудовищного змея. Клад этот был проклят и сулил гибель каждому, кто его коснется.

Входя во дворец с драгоценной добычей, услышал Кадм рыдание – оплакивали его единственного сына Полидора, сраженного на охоте клыком свирепого вепря.

Не захотела несчастная мать носить ожерелье и передала его дочери Семеле, в то время бывшей возлюбленной Зевса. Но вскоре Семела была испепелена молнией Зевса, не дожив в своем чреве сына его Диониса. Ожерелье досталось Агаве, полагавшей, что это золото к лицу ей, породившей Пенфея, которому вскоре достанется царская власть и дворец Кадмеи.

И в самом деле престарелый Кадм передал корону Пенфею, хотя ею должен был обладать другой внук – Дионис, сын Зевса и Семелы. Цепляясь за положение царицы-матери, Агава уверяла, что нет никакого Диониса и что ее покойная сестра пострадала за выдумку, будто бы

Зевс находился с ней в супружеской связи.

За честь Семелы вступился слепой прорицатель Тиресий, ставший проповедником Диониса, но Агава стояла на своем. И тогда за мать и себя самого выступил Дионис. Приняв облик молодого жреца, он явился в Фивы и там привел в исступление Агаву, ее сестер и всех других женщин. Покинув город, они ринулись к Киферону и стали там оглашать леса и поляны воплями в честь Диониса. Дионис явился к царю и обещал ему вернуть вакханок, если тот добровольно откажется от того, что ему не принадлежит.

– Я верну их сам! – выкрикнул Пенфей.

Зная, что одержимые женщины убивают мужчин и зверей, Пенфей облачился в женский наряд и направился к Киферону. Вакханки, утомленные от бега, отдыхали на Священной поляне. Увидев незнакомку, они приняли ее за льва и всей толпой бросились на переодетого царя. В один миг он был растерзан. Агава подобрала окровавленную голову сына и, вонзив в нее тирс, вернулась в Фивы, похваляясь, что убила льва.

И только Кадм, с плачем упав к ее ногам, дал понять, какое страшное преступление она совершила. После этого дочери Кадма вынуждены были бежать. Агава и Автоноя умерли в изгнании. Ино отправилась в соседний Орхомен, где стала женой царя Афаманта. Кадм и Гармония также оставили основанный ими город. Беглецы побывали в Троаде, на острове Самофраке, обошли Ливию. После долгих скитаний они посетили Иллирию, где поселились на земле племени энхилеев. Дикие иллирийцы хотели убить чужестранцев, но оракул обещал им победу над недругами, если они сохраняют жизнь пришельцам. Одержав победу, иллирийцы избрали Кадма царем. Но недолго царствовал Кадм. Он и Гармония превратились в чудовищных драконов, подобных тому, какого убил Кадм, и были переселены на Острова Блаженных.

Вскоре в Фивах стал править царь Лик, брат же его Никтей владел соседним с Фивами Кифероном. У Никтея была дочь Антиопа. Ее красота привлекла Зевса, и вскоре отец заметил, что незамужняя дочь ожидает ребенка. От позора царь тяжело заболел. Призвав брата, он перед смертью попросил его строго наказать Антиопу.

Узнав об этом, Антиопа бежала в Сикион, царь которого Эпопей давно добивался ее руки. На пути через Киферон беглянка разрешилась двумя мальчиками, которых оставила в лесу в надежде, что о них позаботится их божественный отец. Достигнув Сикиона, женщина получила там убежище и стала женой царя.

Но недолгим было это супружество. Лик, выполняя волю покойного брата, снарядил войско, взял Сикион, убил Эпопея, а Антиопу привел в Фивы, где заточил в темницу. Дирка, ревнивая супруга Лика, не верила, что муж совершил поход на Сикион только для того, чтобы наказать племянницу. Ей казалось, будто Лик имеет на Антиопу виды, поэтому она наложила на руки и ноги несчастной тяжелые медные оковы.

Все это время, пока Антиопа жила в Сикионе и томила в заточении в Фивах, младенцы, подобранные пастухом, росли и крепили в горах Киферона. Похожи они были друг на друга, как две капли молока, которым питались, охраняя царские стада, но отличались характерами. Амфион рос сильным и ловким. Никто лучше его не мог защитить животных от хищников. Зет же был кротким и мечтательным. Его радовали лишь игра на кифаре и общение с природой.

К тому времени, когда юноши выросли, оковы внезапно упали с ног и рук Антиопы, сама отворилась дверь, словно бы приглашая страдальцу на волю. Женщина не стала медлить и вскоре оказалась на Кифероне в хижине пастуха, воспитавшего ее сыновей.

Тогда же Дирка, справляя с другими фиванками праздник Диониса, блуждала по горам. Она набрела на убежище Антиопы и, решив, что соперницу освободил Лик, чтобы сделать своей возлюбленной, замыслила ей страшную казнь. Она спустилась в низину, где пасли царские стада Зет и Амфион, и повела им, будто в их хижине поселилась ее рабыня, страшная колдунья, погубившая многих младенцев. Сказала она, что колдунью казнили уже много раз, но она каждый раз оживала, и только одна казнь ей опасна – если ее растерзает дикий бык.

Поймали близнецы дикого быка, схватили Антиопу, собираясь привязать к его рогам. Не почувствовали сердца юношей, что они казнят свою мать. Но Зевс вовремя предупредил старого пастуха, и тот, прибежав, закричал:

– Что вы делаете, безумцы! Это же ваша мать.

Вдоволь насладившись беседой с матерью, узнав о ее злоключениях и преследованиях

царицей, близнецы привязали Дирку к рогам быка и отпустили его. Погибла коварная женщина мучительной смертью. После этого юноши вместе с матерью отправились в Фивы, где схватили Лика, чтобы покарать его. Но тут появился Гермес, передавший приказ Зевса сохранить жизнь Лику и отпустить на все четыре стороны, останки же его супруги подобрать, сжечь и пепел бросить в ручей, текущий близ Фив. С тех пор он носит имя Дирка. У него черные, зловонные воды, образующие болота.

Прощаясь с братьями, Гермес подарил Амфиону кифару с золотыми струнами, звуки которой могли сдвигать с места камни, бревна и другие тяжести. Воспользовавшись подарком, братья без труда окружили Фивы крепкой стеной.

И стали царствовать Зет и Амфион в Фивах, но не дали им боги счастья. Амфион взял в жены Ниобу, дочь Тантала, которая родила ему шестерых сыновей и столько же дочерей. Зет женился на милетянке, царской дочери Эдоне, родившей ему сына. Но имела Эдона завистливую душу, и не давала ей покоя многодетность Ниобы. Задумала она убить старшего из ее сыновей. Дети спали в одной постели, поэтому она накрыла головку сына Ниобы шапочкой. Во сне племянник скинул шапочку, а ее сын Итил надел. Так Эдона убила единственное свое дитя. В отчаянии стала звать она к богам, чтобы взяли ее из мира людей. Боги превратили ее в соловья, и с тех пор она вечно зовет Итилу.

Ниоба (римская копия греческого оригинала, Уффици, Флоренция)

Не уберегла свое многочисленное потомство и Ниоба. Возгордившись, стала она хвастаться, что плодотворнее Латоны, и отказалась участвовать в празднике, прославлявшем богиню. Не выдержало обиды сердце Латоны, и призвала она своих быстрых на расправу близнецов. Одна за другой настигали не знающие промаха стрелы Аполлона несчастных сыновей неразумной матери, а стрелы Артемиды – ее дочерей. Опомнившись, взмолилась нечестивица Латона, прося пощадить хотя бы младшего из сыновей. Но поздно – уже свистела, рассекая воздух, стрела, несущая смерть. Убило горе Ниобу. Перенесенная в Ликию, превратилась она в скалу, вечно льющую слезы.

Эдип почти бежал, обгоняя путников, вышедших из Дельф два или даже три дня назад. Ведь все они не торопились, останавливаясь на отдых в тени деревьев и обмениваясь мнениями о данных им предсказаниях. Они вопрошали Аполлона о пустяках, добываясь у него имени вора, укравшего подушку или уведшего овцу. А у него, Эдипа, похищены спокойствие и уверенность в себе. Тем, что он услышал от пифии, нельзя было поделиться ни с кем. Поэтому Эдип шел днем и ночью, на ходу утоляя жажду в горных ручьях.

А начался этот кошмар еще в Коринфе, во время состязаний. Не было равных Эдипу в ловкости и силе. Один из побежденных, сетуя на свое поражение, обозвал его, сына царя Полиба, «найденным». Потрясенный, Эдип бросился к родителям, требуя объяснить, сын он им или нет.

Родители переглянулись, а потом отец ответил твердо, слишком твердо:

– Первое слово, которое ты произнес, было обращено к моей супруге, я же помог сделать тебе первый шаг, Эдип!

Ощущая в этих словах недоговоренность, Эдип отправился в Дельфы и там обратился с тем же вопросом к оракулу. Пифия, забившись в судороге, закричала:

– Мне страшно! Мне страшно! Ты, Эдип, убьешь своего отца и женишься на своей матери.

Выйдя из святилища, Эдип поклялся никогда не возвращаться в Коринф и не переступить

порога родительского дома. Таким образом он надеялся избежать предсказанного, не веря в своей юношеской самоуверенности во всемогущество судьбы. Эдип решил направиться в Фивы, в город Кадма, о богатстве которого много слышал. Принять это решение было нелегко. Уйти, не простившись с любимыми родителями? Жить на чужбине среди незнакомых людей? Сумеет ли он там обрести спокойствие и начать новую жизнь?

Занятый своими мыслями, Эдип не услышал стука колес. Выехавшая из-за поворота дороги колесница едва не наскочила на него, сама чуть не свалившись в пропасть. Возничий, остановив коней, ударил Эдипа бичом по плечу. Почувствовав жгучую боль, юноша вскочил на подножку и сильным ударом столкнул дерзкого раба на землю. Лежа в пыли, тот осыпал его проклятиями. И в это время восседавший на колеснице старец ударил Эдипа посохом. Выватив палку, Эдип нанес ответный удар и не оборачиваясь пошел своей дорогой. Этому дорожному происшествию он не придал никакого значения и не чувствовал себя виноватым: ведь его оскорбили первого и он защищался.

Через некоторое время Эдип увидел ту же колесницу, мчавшуюся в противоположном направлении. Он продолжил свой путь и шел всю ночь. Когда же показалась заря нового дня, Эдип увидел, что дорога запружена огромной толпой. Остановившись около кучки людей, рассуждавших, размахивая руками, из обрывков фраз он понял, что в окрестностях Фив появилось чудовище, не пускавшее путников в город, пока кто-нибудь не разгадает его загадку. Если верить этим людям, уже четверо пытались это сделать, но погибли в объятиях чудовища, которое называли Сфинксом, и никто больше не желал испытывать судьбу.

При слове «судьба» Эдип принял решение.

– Где этот Сфинкс? – спросил он, обращаясь к фиванцам.

Все обернулись, обратив на чужеземца испуганные и удивленные глаза. «Неужели этот смельчак, зная о судьбе предшественников, решится на поединок с коварным чудовищем? Ведь нам всем надо попасть домой, к родителям, женам и детям! А что заставляет рисковать жизнью его? Как будто нет других городов, где и не слышали о любознательном чудовище!»

– Где этот Сфинкс? – повторил Эдип.

Протянулась чья-то рука, и послышался дрожащий голос:

– Вон там...

Если бы фиванцы знали о предсказании, данном чужеземцу в Дельфах, он бы не казался им ни безрассудным смельчаком, ни безумцем. Эдип рассудил, что ему ничего не угрожает, поскольку гибель в объятиях сфинкса противоречит предсказанию оракула. «Погубленный чудовищем не сможет стать убийцей отца и мужем матери», – рассуждал он. И вообще смерть не пугала Эдипа, потому что он был никому не нужен и ни в ком не нуждался.

Чудовище, к удивлению Эдипа, оказалось не змеем, а существом с миловидным женским личиком на туловище львицы. «И вовсе ты не Сфинкс, а Сфинга, – думал Эдип. – Тебя одолело женское любопытство? Или, может быть, ты явилась в наш мир не по своей воле? Кому-то там под землей необходимо, чтобы у смертных возникали загадки и на них давались ответы. Чего же тебя пугает, полудевица-полульвица? Почему ты дрожишь всем телом? Я не собираюсь на тебя напасть! Смотри, я безоружен. Меч пришлось оставить по дороге. Тебя волнует что-то другое...»

– Отвечай! – послышался не то девичий голосок, не то львиный рык. – Что утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех? Отвечай.

Если бы не свалившиеся на него беды, Эдип, может быть, никогда не разгадал бы этой загадки. Но в памяти его вспыхнули слова отца: «Я помог тебе сделать первый шаг». Он живо представил себе ползающего на четвереньках младенца и отца, протягивающего ему руку: «Пойдем, Эдип!» Он вспомнил старца с посохом. Голова еще немного болела от удара. И Мнемосина, соединив эти два воспоминания, безошибочно выдала разгадку:

– Человек! Человек! Человек!

При этих словах личико Сфинги мучительно перекосилось, чем-то напомнив лицо пифии, произносившей: «Мне страшно!» Повернувшись, чудовище кинулось вниз со своего утеса и разбилось о камни.

Эдип разгадывает загадку Сфинкса

«Человек, – думал Эдип, шагая к дороге. – В раннем детстве он ползает, затем ходит на двух ногах, презирая своих братьев четвероногих, в старости же опирается на посох. Человеку судьба дает загадки, и, хочет он этого или нет, на них надо отвечать. Не разгадаешь – пеняй на себя. Разгадаешь – погибнет Сфинкс. Конечно, она чувствовала, что я найду разгадку. Ей, бедняге, хотелось жить...»

Завидев Эдипа, неторопливо шагающего к дороге, толпа с ликованием кинулась ему навстречу. С криками «Царь! Царь!» его подхватили и понесли на руках.

– Что вы со мною делаете? – вопрошал Эдип, пытаясь вырваться. – Какой я вам царь? Я – Эдип.

– Эдип царь! Царь Эдип! – радостно подхватила толпа. Его опустили на землю, только когда внесли во дворец. Юноше объяснили, что согласно решению народа царем Фив становится тот, кто освободит город от Сфинкса. Он же станет супругом царицы-вдовы Иокасты.

Из царских покоев вышла женщина, вся в черном, с суровым, неподвижным от горя лицом.

Богато и счастливо жили фиванцы под властью Эдипа. Да и в царском доме господствовали мир и согласие. У супружеской пары родилось двое сыновей – Полиник и Этеокл и две дочери – Антигона и Исмена.

Тем страшнее и непонятнее показались обрушившиеся на город беды. Внезапно начавшаяся моровая язва косила людей. Фивы наполнялись стонами и дымом погребальных костров. В окрестностях города погибал скот и высыхали посевы.

Обеспокоенные граждане стеклись в Кадмею, призывая Эдипа спасти однажды уже благодетельствованный им город. Эдип сообщает, что меры уже приняты и в Дельфы послан брат Иокасты Креонт, чтобы выяснить причину гнева богов.

Не успевает царь закончить свою речь, как появляется Креонт с венком на голове – знаком успешно выполненного поручения. Оракул дан, и он совершенно ясен Креонту, но не Эдипу:

Заразу града, вскормленную соком Земли фиванской, истребить, не дав ей разрастись
неисцелимой язвой, Изгнанием иль кровью кровь смывая, Ту кровь, что град обуревают ваш.

– Какую кровь? – спрашивает Эдип.

Креонт объясняет, что речь идет об убийстве Лайя, первого супруга Иокасты.

Эдип слышал о Лайе, но ему было не известно, где и как тот погиб. Он возмущается, почему все эти годы никто не искал убийцу. Он обещает его отыскать, заверяя, что убийца Лайя – и его смертельный враг.

Однако расследование преступления заводит Эдипа в тупик, и он собирает старейшин, многие из которых помнили Лайя, чтобы они помогли поискам, обещая им награду за любую весточку, которая может навести на след. В бессильной ярости он обрушивает на голову неуловимого убийцы и весь его род проклятия.

Старцы не могут дать совета, как искать убийцу, но они уверены, что его имя известно слепцу Тиресию, которого Аполлон наградил вещей силой мысли.

Тиресий не торопится в Фивы, когда же его приводят, он ведет себя странно. Щадя Эдипа, он умоляет, чтобы его отпустили. Но Эдип, полный благородного негодования, призывает к гражданским чувствам прорицателя: раскрыв имя убийцы, он спасет Фивы. В конце концов он оскорбляет Тиресия, обвиняя его в пособничестве убийце.

Тиресий, порывающийся уйти, бросает в лицо оскорбителю:

– Страны родной бесчестный осквернитель – ты!

Имя преступника названо. Но, уверенный в своей невиновности, Эдип не верит Тиресию. «Откуда ему, слепцу, утратившему наполовину слух и, наверное, разум, известно, кто убил Лайя, если об этом не ведают ни один из зрячих?» – думает он. И внезапно его озаряет догадка: Креонт, принесший оракул, и Тиресий, назвавший имя убийцы, в заговоре. «Ведь Креонт, как брат Иокасты, в случае моей смерти или изгнания получит корону!»

Эдип обрушивается на мнимых заговорщиков, напоминая народу, что именно он, Эдип, а не Креонт и Тиресий, разгадал загадку Сфинкса. Где же тогда были эти вещуны?

Тиресий отвечает со спокойным достоинством:

– Ты – царь, не спорю. Но в свободном слове

И я властитель наравне с тобою. Слугою Феба, не твоим живу я, Опека мне Креонта не нужна. Ты слепотою попрекнул меня! Ты слепотою попрекнул меня! О да, ты зряч – и зол своих не видишь!

В действие вступает Иокаста. Любящая брата и супруга, она хочет их примирить.

– Моему первому супругу было дано пророчество о гибели от руки собственного сына. Этот страх заставил Лайя отнести нашего младенца, проколов ему ножки, в горы.

– И кто это сделал? Кто отнес младенца в горы? Сам Лай? – засыпает Эдип вопросами супругу.

– О нет! Корзинка была вручена пастуху. Кто знает, жив ли он теперь, – ответила Иокаста. – Но Лай был убит неведомыми разбойниками на пути в Дельфы. Вот и верь вещим гаданиям!

Догадка заставила Эдипа вздрогнуть, но Иокаста этого не замечает.

Развязка отодвигается. Тем более что из Коринфа, который Эдип продолжал считать своей родиной, прибыл гонец с вестью, что царь Полиб умер и коринфяне призвали на царство Эдипа.

И вновь ликует Эдип: «Права Иокаста! Нечего верить гаданиям! Мой отец умер своей смертью!»

Но остается вторая часть предсказания – брак с родной матерью. И Эдип говорит гонцу напрямик, что его заставил бежать из Коринфа страх убить отца и жениться на матери.

– Да не мать она тебе! – успокаивает гонец Эдипа. – Не сын ты ей. Тебя нашли в долине Киферона.

– Откуда тебе это известно? – вскрикнул Эдип. – Кто тебе это все рассказал?

– Я сам тебя спас! – обиженно ответил гонец. – Тогда я пас стада. И мог бы отказаться от корзинки с младенцем, которую мне предложил пастух.

– Какой пастух? Откуда он был?

– Из Фив! Он, кажется, был рабом царя Лайя.

Уже нет никакой надежды. Все нити сходятся. Иокасте все ясно. Она умоляет Эдипа прекратить розыски последнего свидетеля. Но Эдип по-прежнему слеп. Ему кажется, что супруга боится, как бы он не оказался сыном какой-нибудь рабыни, подкидышем. Он резко обрывает Иокасту, и та убегает с воплем: «О горе! Горе! О, злосчастный! Тебе последний мой привет!»

Эдип остается. Его не пугают страшные слова супруги. Ему кажется, будто ею руководит стыд, что он, Эдип, может оказаться не царским сыном, а безродным. Он нетерпеливо ожидает пастуха. Рядом с ним стоит посол из Коринфа.

Но вот ведут старого пастуха, и Эдип обращается к коринфянину:

– Вот этот человек передал тебе корзинку с младенцем?

– Он самый.

Старец, приблизившись к Эдипу, кланяется в ноги, кажется, потому, что боится взглянуть ему

в глаза. Это не остается незамеченным.

– Смотри мне прямо в очи, старик! – приказывает Эдип. – Отвечай, ты был рабом Лайя?

– Да, я родился в царском доме и был приставлен к стадам.

– И где ты их пас?

– На Кифероне или по соседству.

– Ас этим человеком ты знаком?

– Нет. Такого не припомню.

– Ах, врун! – восклицает коринфянин. – Ты забыл, как часто мы встречались. Тебе были поручены два стада, мне – одно. Теперь вспомнил?

– Как будто вспоминаю.

– Теперь припомни, давал ли ты младенца мне на воспитание?

– Зачем об этом вспоминать?

– А потому, что тот младенец пред тобой. Это ваш властитель Эдип!

Старец в ужасе трясется. И Эдип с огромным трудом добивается его признания, что младенца дала пастуху Иокаста. Эдипу уже все ясно, но все-таки он спрашивает:

– Зачем она тебе его вручила?

– Для истребления, чтоб не стал он, выросши, отцеубийцей. Но я сберег ребенка. Коль ты младенец тот, несчастней нет твоей судьбы.

Эдип вскидывает руки к солнцу:

– О свет! В последний раз тебя я вижу!

Так наступает прозрение Эдипа. Разгадав свою страшную тайну, он ослепляет себя у трупа Иокасты, покончившей с собой.

Но не завершились на этом страдания Эдипа. Он остается жить, чтобы испытать чашу мук до конца. Много лет он пребывает в своем доме слепцом, радуясь, что дети, рожденные от преступного брака, не отреклись от него.

Но внезапно народ принимает постановление об изгнании Эдипа, осквернившего город. Эдипу не страшно изгнание. Ужасно то, что сыновья, которые должны были последовать за ним, остаются в Фивах. Им царский трон милей отца! Эдип в ярости. Он проклинает сыновей. Да не насладятся они властью, да погибнут они из-за нее!

Эдип покидает Фивы. Вместе с ним его преданная дочь Антигона и невидимая утешительница Надежда. Еще давно было предсказано Эдипу, что он найдет покой в краю благостных богинь, и он, слепец, ищет это место.

Как-то на закате солнца они оказываются близ рощи. Вдали виден город. Антигона, ставшая глазами Эдипа, описывает ему красоту местности.

Странники не догадываются, что это чудесное место посвящено богиням ужаса и мрака эриниям. Это разъясняет им появившийся воин. Но Эдип не собирается покидать запретную для людей рощу, ибо эринии, как он уверен, – те благостные богини, которые должны дать ему успокоение.

Пока решается вопрос, как быть, появляется другая дочь Эдипа – Исмена с вестью, что в Фивах разгорелась предсказанная проклятьем Эдипа вражда между его сыновьями. Старший сын Полиник, пожелавший править единолично, был изгнан младшим, Этеоклом, и находит убежище в Аргосе, где женится на царской дочери и возглавляет враждебное его родине войско.

Казалось бы, Эдип сам далек от этой распри. Но оракул возвещает, что залогом победы будет тело царя Эдипа, живое или мертвое, и сыновья, изгнавшие отца, вступают из-за него в распрю. Эдип не достается никому из них. Он умирает на руках у любимой дочери, находит

успокоение в земле Афин и приносит счастье городу, даровавшему ему, изгнаннику, убежище.

Много в природе дивных сил,

Но сильнее человека нет...

Софокл (пер. Ф. Зелинского)

Аргосское войско, возглавляемое семью вождями, подходит к Фивам. Все, кто не в силах держать оружие, поднимаются на стены, чтобы увидеть, чем закончится сражение между защитниками Фив, возглавляемыми младшим сыном Эдипа Этеоклом, и аргивянами, которых привел его брат Полиник.

Перед схваткой обратились фиванцы к предсказателю Тиресию, чтобы узнать о ее исходе. Он ответил, что победа достанется фиванцам, если Креонт принесет в жертву богам своего сына Менетия. Узнав об этом, Менетий заколол себя перед городскими воротами на глазах у сограждан и врагов. После этого аргивяне, до того имевшие успех, были отогнаны от стен. И теперь судьба города зависит от поединка между Этеоклом и Полиником. Оба они гибнут, и аргивяне удаляются ни с чем.

Навстречу возвратившемуся в город войску и народу выходит Креонт. С гибелью мужской поросли рода Эдипа власть в Фивах принадлежит ему. Он обладает и моральным правом на золотую корону, сверкающую на седой голове. Ведь Фивы спасены жизнью его собственного сына. Казалось бы, пора предать забвению кровавую распрю и похоронить ее вместе с Этеоклом и Полиником в одной могиле. Но Креонт не обладает государственной мудростью и человеческой широтой. «Этеокл – защитник родины, – рассуждает царь, – а Полиник ее предатель и враг. Фиванцы должны извлечь из поведения братьев урок!» И он приказывает похоронить младшего сына Эдипа с почестями, а старшего лишает погребения:

Народу мой приказ: не хоронить, Не плачем почитать; непогребенный, Оставлен на позор и на ссуденье Он алчным псам и хищникам небес...

Этот бесчеловечный приказ, разглашенный по всему городу глашатаями, услышала сестра погибших Антигона и бросилась во дворец к сестре Исмене.

– Ты слышала, Исмена, какую новую беду обрушила судьба на наши слабые плечи? – проговорила Антигона, дрожа всем телом.

– Да! – отозвалась Исмена со вздохом. – Наши братья убили друг друга, и мы остались в мире одни.

– Но это лишь часть беды! – воскликнула Антигона. – Креонт своей властью оставил Полиника без погребения, и он лежит за стеной, сжигаемый солнцем. Его несчастная тень не найдет пути в аид. Ты пойдешь со мной, сестра?

– О чем ты, Антигона?

– Согласна ли ты вместе со мной предать труп брата земле?

– Но никто из мужей не оспорил приговора Креонта... Что же можем сделать мы, женщины?

– Тогда я сама похороню моего брата, но также и твоего, которого ты предаешь.

Так в разговоре с сестрой, смирившейся перед несправедливостью, осознала Антигона, что она одна должна идти против царя и его стражи, сражаться с безразличием и трусостью толпы, с собственной слабостью, с самой судьбой, которая сразила отца и братьев.

Воины, которым было поручено охранять труп изменника, приводят во дворец Антигону, тайком, вопреки царской воле, бросившую на тело брата горсть песка. Узнав в ослушнице свою племянницу, царь грозно спрашивает ее, как она решилась преступить закон. Девушка бесстрашно отвечает:

Затем решилась, что не Зевс с Олимпа Его издал и не святая Правда, Подземных сопредельница богов, А твой приказ – уж не такую силу За ним я признавала, чтобы он, Созданье человека, мог низвергнуть Неписанный, незыблемый закон Богов бессмертных...

Нет, это не просто девичья дерзость! Антигона посягает на прерогативы царской власти, указывает на ее предел, преступив который царь сам нарушает другой, высший закон человечности, установленный богами Олимпа. Ослепленный своей властью, Креонт не терпит никаких возражений. Он уверен в собственной правоте, тем более что окружающие его

старейшины не подают голоса в защиту девушки. Но Антигона по выражению их глаз видит, что они, поддерживая ее, осуждают Креонта и «страх лишь в неволе держит» их языки.

Антигону уводят, но конфликт между властью и человечностью перерос в новую, еще более острую фазу – в конфликт старшего и младшего поколений, отцов и детей. Появляется Гемон, единственный из оставшихся в живых сыновей Креонта, жених Антигоны. Креонт уверен, что он собирается защищать Антигону или просить о снисхождении. Но первые слова Гемона о сыновней любви и почтении обескураживают Креонта. Стремясь укрепить сына в верности сыновнему долгу, царь убеждает его отречься от Антигоны:

Отринь ее и ты, презренья полный, Она нам – враг. Пускай во тьме подземной Себе другого ищет жениха! Я уличил ее уликой явной В том, что она, одна из сонма граждан, Ослушалась приказа моего; Лжецом не стану перед сонмом граждан: Пойми меня, мой долг – ее казнить.

Ласково, но настойчиво пытается Гемон убедить отца, что он пришел не оправдывать Антигону, не просить за нее, а выполнить свой сыновний долг – остановить отца перед пропастью, в которую он влечет себя. Ведь решение о казни Антигоны вызвало единодушное осуждение народа, хотя он и не осмелился перечить царю. Но эти слова вызывают еще большую ярость Креонта. Он считает для себя зазорным учиться у молодости, народ же ему не указка. «Живой ее ты не получишь в жены!» – говорит отец сыну. «Она умрет, – отзывается Гемон. – Пусть так! Но не одна...»

В своей слепоте Креонт не догадывается, на что намекает Гемон. Ему кажется, что сын в небывалой дерзости угрожает смертью ему. Царь приказывает немедленно привести Антигону, чтобы казнить ее на глазах непокорного сына. Но Гемон убегает.

В последний раз на сцену выходит Антигона. Ее ведут на смерть, и она исполняет сама по себе погребальный гимн, вместо свадебного.

О терем обручальный! О склеп могильный! О вечный мрак обители подземной! Я к вам схожу – ко всем родным моим.

Антигона уходит в аид не одна. Бросается на меч Гемон. Узнав о его гибели, наложила на себя руки и супруга Креонта. Креонт побежден. В порыве раскаяния он умоляет друзей вонзить ему в грудь меч. Так наказаны самоуверенность и слепота власти. Так возвеличен подвиг Антигоны, женщины, не сломленной бедами и несправедливостью.

Аттика

Едва ли можно указать область Греции, которая внесла бы в историю человечества более весомый вклад, чем Аттика. Древний историк, имея в виду Афины, главный, а затем и единственный город Аттики, писал: «Один город Аттики на протяжении многих лет прославился таким числом мастеров слова и искусства, что можно подумать, будто все части тела греческого народа пришлось на все другие города, а его дух заперт за стенами Афин».

Греческая монета с изображением Зевса

Высокий расцвет духовной культуры Афин, в значительной мере обусловленный выдающейся ролью этого города-государства в отражении персидского нашествия (490-480 гг. до н. э.) и умелым использованием экономических и политических выгод этой победы, контрастировал с необычайной бедностью исторических преданий об отдаленном прошлом Афин и Аттики. Древнейшие персонажи аттических мифов, в отличие от героев соседних регионов (Беотии, Фессалии, Арголиды), не совершили таких деяний, какими могли бы гордиться их потомки эпохи греко-персидских войн и образования афинской морской державы. Это были цари, в облике которых явственны следы их происхождения из местных хтонических божеств, действовавших на ограниченной территории. В лучшем случае они рождали дочерей, которым удавалось спасти родные Афины, героически принося себя в жертву могущественным богам или вступая с ними в брак. Политическое тщеславие афинян требовало таких героев, которые, подобно Ясону, Гераклу, проявили бы себя за пределами Аттики в удивительных странствиях и схватках с чудовищами и великанами.

И такие герои появились, будучи заимствованы афинянами из мифологий древних городов, утративших в эпоху военно-политического могущества Афин свою былую мощь.

Так вошел в афинский героический мир Тесей, принадлежавший к кругу пелопоннесских божеств и мифологических образов. Первоначальная чуждость Тесея Афинам ясна из того, что родиной героя был назван город Арголиды Трезены, а родителями считались бог Посейдон и царевна Трезен Эфра. Афинскому царю Эгею пришлось взять на себя роль «третьего лишнего», смертного отца героя, сошедшегося с Эфрой в ту же ночь, что и Посейдон. Рассказы о подвигах, совершенных Тесеем на пути в Афины, переосмыслены афинянами таким образом, что благородные противники и родственники трезенского героя превращены в гнусных разбойников.

Решающим для выбора Тесея в афинские герои, очевидно, явилось упоминание в «Одиссее» Ариадны, которую он побудил бежать вместе с ним в Афины. Возможно, это «патриотическая» вставка в текст «Одиссеи», внесенная во время записи гомеровских поэм в Афинах при тиране Писистрате (середина VI в. до н. э.). Первоначально Тесей не имел никакого отношения ни к Афинам, ни к Ариадне – последняя была критским материнским божеством, связанным с богом растительности Дионисом. Тесей по отношению к Ариадне оказался таким же «третьим лишним», как его «отец» Эгей в браке Посейдона с женским божеством Трезен Эфрой. На формирование образа Тесея и набора его подвигов решающее влияние оказали подвиги дорийского героя Геракла, которому он в период политического соперничества Афин и Спарты не должен был ни в чем уступать. Тесей если не повторяет, то, во всяком случае, подхватывает некоторые из подвигов, якобы не завершенных Гераклом. Время окончательного переосмысления афинянами Тесея в качестве аттического героя – 478-477 гг. до н. э., когда афинский полководец Кимон, завоевав остров Скирос, раскопал там какую-то могилу и объявил найденные в ней кости «останками Тесея», после чего Тесей получил в городе, не имевшем к нему никакого отношения, героон и почитание.

В рассказах о начале Афин первым всплывает имя Кекропа, соотносившееся то с родоначальником всех обитателей полуострова, который стал впоследствии называться Аттикой, то с первым царем Афин, выведшим обитателей этого города из состояния дикости. Первопредок Кекроп мыслился в облике получеловека-полузмея, истинного сына Земли, получившего от нее власть вместе с жизнью. Кекроп – это дух-покровитель священного холма, на котором впоследствии появился акрополь. Место, куда первоначальные обитатели долины Илиса пеласги приносили Кекропу дары земли, было превращено народной фантазией в «могилу Кекропа», а сам он наделен человеческим обликом. Жрицы Кекропа, выбиравшиеся из двух древних аттических родов Аглавридов и Герсидов, были осмыслены как его дочери

(или сестры) Герса и Аглавра. Холм Пандросий дал имя третьей дочери – Пандросе.

Одновременно Кекроп и его дочери стали персонажами легенды о споре между Афиной и Посейдоном за обладание Аттикой, в котором верх взяла Афина, создательница оливкового дерева. В различных версиях этой легенды судьями состязания между Афиной и Посейдоном выступают либо древнейшие афиняне, либо олимпийские боги. Первая версия отражает становление афинской общины и общинного культа покровителя города, примитивной власти вождя-царя.

Первым царем Афин легенда называет Эрихтония, сына Гефеста от Геи или Афины. Последняя, таким образом, не всегда воспринималась как дева. Когда победили представления об Афине-деве, она была переосмыслена как охранительница царя-младенца. Рассказывали, будто Афина спрятала новорожденного Эрихтония в ларец вместе со змеями, которые должны были его кормить, плотно закрыла эту люльку крышкой и передала стеречь дочерям Кекропа, строго запретив открывать. Но девушки из любопытства нарушили предписание и увидели извивающихся вокруг младенца змей. Это повергло их в безумие, и они, бросившись со скалы акрополя, разбились насмерть.

Эрихтоний учредил главный праздник в честь Афины – Панафинеи, отмечавшийся каждые четыре года. Установление этого религиозного торжества совпадало с постройкой храма Афины (строителем его называли Эрихтония) и установкой в нем деревянной статуи богини. В благодарность за все это Афина научила царя впрягать в колесницу коней, так что он считался изобретателем квадриги. Само имя Эрихтоний и окружавшие его хтонические существа змеи – свидетельство того, что афиняне мыслили своих предков автохтонами, т. е. рожденными от своей же земли, не чужеземцами.

Согласно аттическим преданиям, Эрихтония, поскольку его сын Эрисихтон скончался юношей, сменил Кранай – выходящий из горы источник, осмысленный легендой как дух этой горы (или ее герой). Без воды нет жизни, и, втекая в бесплодную каменистую равнину Аттики – Педию, Кранай ее оплодотворяет. Так Педия превратилась в жену Краная, родившую от него трех дочерей: Крану, Кранихму и Аттиду. Основа «сгап» в имени первых двух дочерей – свидетельство того, что они сохранили отцовскую водную природу. Имя третьей дочери трудно объяснить, используя какие-либо греческие параллели, но это и есть Аттика, которая, таким образом, представлялась не просто географическим наименованием, а героиней, дочерью источника и равнины.

Кранай стал царем, поскольку в памяти обитателей Аттики не сохранились имена первых ее правителей. Имя его было извлечено из легенды о начале Аттики, когда ее обитатели назывались кранаями. Ко времени Краная афиняне относили Девкалионов потоп. Однако, сообщая о нем, никто не говорил об уничтожении первоначального населения полуострова бушующими водами потопа и заселении его какими-либо новыми людьми, ибо введение такого сюжета нарушало предание об исконности населения Аттики.

Пятым в ряду афинских царей считался Пандион, имевший двух дочерей: Прокну и Филомелу. Время тогда было суровое. Фиванский царь Лабдак из Кадмова рода тревожил Аттику набегами, разоряя селения и уводя скот. И решил Пандион заручиться поддержкой фракийского царя Терей, находившегося тогда с отрядом воинов в Афинах. В мегароне царского дворца, сидя у пылающего очага, они обговорили условия союза, который должен был быть подкреплён браком, и ударили по рукам.

Отправился Пандион в девичью и объявил старшей дочери, что она отдана в жены фракийскому царю и должна отправиться с ним во Фракию.

Зарыдала Прокна, которая не помышляла о замужестве, тем более с диким фракийцем, сыном кровавого Ареса, и бросилась в объятия любимой сестры.

На следующее утро Терей увез девушку. Через десять лун она родила очаровательного младенца, которому счастливый отец дал имя Итис. Сын был единственным утешением Прокны, но и он не мог заменить ей родины.

Лет через пять после рождения Итиса она обратилась к мужу с просьбой или отпустить ее на какое-то время в Афины, или привезти погостить Филомелу.

Терей выбрал второе и вскоре отплыл в Афины. Пандион пригласил гостя во дворец, где познакомил его с младшей дочерью. С первого взгляда на девушку фракиец вспыхнул к ней любовью. Излагая просьбу Прокны, он вложил в нее такую страстную убежденность, что тесть не мог отказать зятю, тем более что и Филомела, тосковавшая по сестре, также просила отца отпустить ее.

Оказавшись во Фракии, Терей повел Филомелу не во дворец, а в покрытые лесом горы, где поселил ее в хижине пастуха, которая стала для девушки темницей. Там же он силой и угрозами сделал Филомелу возлюбленной. Никто в лесу не услышал крика и стонов обесчещенной девушки. Но она верила, что боги услышат ее мольбу, и продолжала к ним звать, призывая наказать негодяя. Тогда варвар связал Филомелу и, вырезав у нее язык, крикнул:

– Теперь можешь сколько хочешь жаловаться своим богам.

Вернувшись во дворец, он объяснил Прокне, что не смог выполнить ее просьбу, так как Филомела умерла. Прокна от горя потеряла сознание. Очнувшись же, не могла найти себе покоя.

Между тем Филомела, жившая мечтой о мести, стала думать, как известить сестру о случившемся. Сделав вид, будто смирилась со своей судьбой, она знаками показала насильнику, что хочет заняться рукоделием. Терей, ничего не подозревая, принес в хижину ткацкий станок и шерсть.

Филомела принялась за привычную ей работу. В Афинах они вместе с сестрой ткали и славились как лучшие мастерицы. Она изобразила на ткани гавань Фалерона с видневшимися вдали очертаниями акрополя, отплывающий корабль и на его палубе себя в радостном оживлении. Далее она вышила гористый берег Фракии, тропинку, ведущую в лес, и Теря, тащившего ее за руку. На третьем изображении девушка выткала себя связанную и Теря, отрезающего ей язык.

Когда поблизости слышались блеянье овец и лай сторожевых собак, Филомела выбросила покрывало через решетку, закрывавшую окошко хижины.

Покрывало подобрал царский пастух и, увидев, как оно прекрасно, решил отнести в дар царице, которую видел много раз в слезах.

Приняв из рук пастуха подарок, Прокна с первого взгляда догадалась, что случилось с Филомелой. Она спросила пастуха, где он нашел покрывало, и тот, выведя ее во двор, показал направление, в котором находилась избушка.

Оставшись одна, царица дала волю слезам и горю. Когда же слезы иссякли, ее сердце наполнилось холодным гневом. Она возненавидела супруга и готова была на все, чтобы покарать его невиданной карой. Искусно скрывая от Теря ярость под притворной нежностью, она дождалась времени, когда фракийцы отмечали праздник Диониса.

– Разрешите мне присоединиться к вакханкам, – обратилась она к супругу. – Если я покажу свою преданность великому богу Фракии, он даст нам еще детей.

Эти соображения показались Терю разумными, и он не заподозрил, что присоединение к праздничному шествию – это лишь способ удалиться из дома.

Подражая вакханкам, раздирающим на себе одежды и испускающим вопли, Прокна вбежала в лес. Там она внезапно крикнула: «Кабан! Кабан!» – и бросилась в сторону. Это не удивило женщин, ибо каждая из них, узрев какого-нибудь зверя, устремлялась за ним в погоню и, настигая, разрывала на части. Правда, большей частью доставалось оленям. «Никто еще не гнался за кабаном!» – мелькнуло в разгоряченном вином мозгу вакханок. – Но она царица и поэтому храбрее нас». Вскоре вакханки напали на след оленя и в яростной погоне за ним забыли о Прокне.

Она же отыскиала избушку, в которой томилась Филомела, и отбила тугой наружный засов.

Сестры бросились друг другу в объятия и долго рыдали.

– Перестань! – молвила наконец Прокна, и глаза ее загорелись гневом. – Пусть теперь Терей поплачет кровавыми слезами.

Поведав свой план мести, Прокна незаметно от слуг провела сестру во дворец. К счастью, Терей был на охоте. К матери, ласкаясь, бросился Итис.

Из глаз Филомелы, видевшей племянника впервые, полились слезы. Но сестра строго посмотрела на нее, и Филомела, дрожа от страха, последовала в женскую половину дома. Здесь мать безжалостно лишила мальчика жизни и приготовила из его тельца трапезу, как это она делала всегда, ожидая возвращения супруга.

Услышав тяжелые шаги Терей, она бросилась ему навстречу и сама стала угощать жарким. Проголодавшийся Терей ел с аппетитом.

Насытившись, он отодвинул блюдо и спросил, где Итис.

– В тебе! – ответила Прокна.

Не понял фракиец, что имеет в виду супруга, но по самому тону, каким были произнесены эти слова, почувствовал недоброе.

– Немедленно приведи Итиса! – крикнул он, побледнев.

Из-за занавеси вышла Филомела и швырнула на стол окровавленную голову ребенка.

Несколько мгновений царь был неподвижен. Затем, оттолкнув от себя стол, он бросился за обратившимися в бегство сестрами, но не смог их догнать. Не допустили этого справедливые боги, всегда сочувствовавшие слабым и обиженным. Однако боги не выносили ни в чем чрезмерности. Жестокая месть сестер вызвала у них отвращение, и они решили наказать всех троих.

На бегу у Прокны и Филомелы выросли крылья, и они превратились в птичек – ласточку и соловья. Терей тоже покрылся перьями. Фракийский шлем на его голове превратился в большой гребень, нос вытянулся в длинный острый клюв. Стал Терей удоном и с тех пор живет в лесу и, заглядывая в самые темные его углы, кричит, словно призывая сына:

– Итис! Итис!

А чей это чудный голос? Прислушайтесь! Это поет Филомела. В ее голосе такая тоска.

Узнав о гибели дочерей, Пандион умер от горя, проклиная себя, что отдал дочь ради увеличения своей власти за чужеземца, жившего по варварским законам. Могила Пандиона показывали в Мегаре, которая тогда была частью Аттики, на берегу моря, волнам которого он доверил своих дочерей.

Правил там царь Эрехтей, рожденный землею,
Хлеб дарующей смертным, и вскормлен самою Афиной.
Ею ж потом поселен в Афинах, где в храме богатом
Юноши в жертву быков и баранов приносят.

Гомер (пер. Н. Гнедина)

Не была тогда Аттика единой. Враждовали между собой ее города-соседи Афины и Элевсин. Пользуясь этим, безнаказанно совершали на страну набеги эвбейцы, переплывая узкий пролив, отделяющий их остров от Аттики. В царском же доме не было сыновей-воителей. Благо еще боги не обидели царскую чету дочерьми. Но одно дело родить, а другое сохранить.

Любимицей родителей была старшая дочь Орифия. Но не уберегли они ее. Девушку похитил шумевший над Атикой ветер Борей, когда она собирала на берегу речки Илисс цветы. Взял он ее в свои объятия и понес. Кричала Орифия что было сил, но никто не услышал ее – ни смертные, ни бессмертные боги, ибо Борей заглушил девичий голос своим диким воем.

С высоты все казалось Орифии игрушечным – и дома Афин, и деревья на склонах Киферона. Огромные волны в бушующем море виделись маленькими кудрявыми барашками, разбегающимися при виде волка. Закинула Орифия голову и увидела, что Гелиос смотрит на нее, как ей показалось, с жалостью и сочувствием. И взмолилась она ему:

– Всевидящий и справедливый титан! Полюбилась я нечестивому Борей, и он куда-то уносит меня, не известив моих несчастных родителей и не договорившись о приданом.

Спаси меня, Гелиос! Порази бесчестного похитителя своими золотыми стрелами!

Не успела Орифия объяснить Гелиосу, что она лучше погибнет, чем станет возлюбленной насильника, как Борей взвился таким бешеным вихрем, что девушка потеряла сознание и не заметила, как они влетели в глубокую пещеру, куда никогда не заходили лучи Гелиоса.

Когда Орифия пришла в себя, то поняла, что Борей овладел ею и улетел неведомо куда. Одиночество в мрачной пещере царевне было приятнее соседства с Бореем. Она с ужасом вспоминала его цепкие руки и длинный волочащийся хвост. Поднявшись, девушка коснулась ладонью бугристой неровности стены и побрела, нащупывая дорогу.

Никто не знает, сколько времени она бродила во мраке, пока увидела вдали белую точку. Рванувшись к ней, Орифия оказалась у выхода из пещеры. И в это время ее тело пронзила боль. На глазах у Гелиоса она родила двух мальчиков. Не обнаружив на спинках младенцев крылышек, молодая мать успокоилась. «Какое счастье, – думала она, – что новорожденные похожи на меня!»

Но радоваться или огорчаться было рано. Откуда ей было знать, что крылья у мальчиков вырастут позднее и они смогут летать, как их нечестивый отец.

Не скоро узнали в Афинах, что Орифия жива. Не смогла этому порадоваться ее несчастная мать – вскоре после исчезновения девушки она умерла от горя. Зато у честолюбивого Эрехтея было две радости сразу: дочь жива и он стал тестем самого Борей. «Пусть завидуют соседи! – думал царь. – Пожалуюсь зятю, и он сдует обидчиков вместе с их домами в море».

Эрехтей действительно призывал Борей на помощь, но тот не услышал мольбы, а может быть, не захотел помочь, поскольку брак был незаконным. Кто знает? Во всяком случае, от нового родственника не было никакой помощи, а враги эвбейцы заключили союз с фракийским царем Имморатом, и тот уже двигался на Атику. Не зная, как справиться с противником, решил Эрехтей обратиться за советом к дельфийскому оракулу. Пифия ответила, что царь одолеет Иммората, если принесет в жертву одну из своих дочерей.

Пошатнулся любящий отец и, вернувшись в Афины, не стал никому говорить о предсказании оракула. Но каким-то образом об этом узнала младшая, Хтония. Явилась она к отцу и воскликнула:

– Я готова умереть, чтобы спасти Афины!

Замахал Эрехтей руками и, обняв дочь, сказал:

– Лучше нам всем погибнуть, чем отдать тебя подземным богам.

– Нет, отец, – возразила Хтония, – ты должен думать не обо мне, а о своем долге перед городом, власть над которым тебе вручила Афина.

Долго еще отговаривал Эрехтей Хтонию, но она была непреклонна, и царь, горько рыдая, уступил.

Похоронив дочь, Эрехтей смело выступил навстречу Иммораду. Того это немало удивило, ведь до сих пор афиняне отсиживались за высокими городскими стенами, не мешая ему грабить и убивать. Знал Имморад, что афинский царь вдвое старше его, и, будучи уверен в победе, предложил Эрехтею поединок, который решит, кому править Аттикой.

Эрехтей не колеблясь согласился, и схватка показала, что жертва Хтонии была не напрасна. Унося тело своего царя, враги отступили и многие годы не тревожили Аттику.

У Эрехтея оставалась еще одна дочь – Креуса. И ее судьбой он решил воспользоваться, чтобы укрепить положение Афин. Он обещал выдать девушку за того, кто разгромит враждебных афинянам эвбейцев. Этот подвиг совершил фессалиец Ксуф, сын Эллина и нимфы Орсеиды. Так Креуса стала супругой Ксуфа, сделавшегося наследником Эрехтея.

Прошло несколько лет, и старый Эрехтей внезапно исчез. Прошел слух, что его взял под землю и умертвил Посейдон. Царем стал Ксуф. Афиняне видели в нем чужака и терпели только потому, что надеялись на рождение у Креусы сына. Однако брак оставался бездетным, и граждане с тревогой думали о том, что вскоре древний род афинских царей угаснет.

Пытаясь узнать о причине бездетности брака царской четы, афиняне без конца приносили жертвы богам и вопрошали местных прорицателей. Боги давали невразумительные и бессодержательные ответы. Все настойчивее требовали граждане, чтобы сама царица обратилась в храм Аполлона и узнала о причине бесплодия. Но одно имя Аполлона вызывало у Креусы ужас.

Однажды во дворец явились жрицы и от имени народа настояли, чтобы Креуса немедленно отправилась в Дельфы, ибо Афинами не может всегда править чужеземец. Креуса вынуждена была подчиниться. Явившись в Дельфы, она купила у входа в священный участок жертвенного барана и смешалась с толпой просителей и просительниц. Вышел жрец и, приняв дары Аполлону, произвел среди пришедших жеребьевку.

Томительным было ожидание. Со страхом думала Креуса о том, как отнесется Аполлон к ее дерзкому вопросу. Ведь не кто иной, как Сребролукий, когда Креуса, будучи девушкой, собирала цветы под Долгими скалами, затащил ее в пещеру и силой сделал своей возлюбленной. Когда же через десять лун родился младенец, Креуса отнесла его в ту же пещеру под Долгими скалами и больше о нем ничего не слыхала. Не гневается ли Аполлон за то, что она погубила его сына? Не потому ли брак с Ксуфом бездетен, что Сребролукий не хочет ее простить?

Тем временем из храма с метелкой в руках вышел служитель, юноша небесной красоты. Креуса, почувствовав к нему симпатию, решила довериться незнакомцу.

– Не знаю, как начать, – молвила она, потупившись. – Я пришла по просьбе подруги. В юности ее тайно полюбил Аполлон, и она родила от него младенца. Опасаясь позора, девушка положила младенца в корзину и...

– Старая история! – перебил юноша. – Твоя подруга не первая и не последняя. Сколько раз согрешившие девы сваливали вину или оплошность на бога.

– Не знаю, как другие, – сурово возразила Креуса, – но моя подруга не лгунья! Я ей верю, как самой себе. Если тебя не затруднит, передай этот складень пифии.

– Я охотно помогу твоей подруге, если она сама боится гнева Аполлона.

Взяв складень, юноша исчез в храме, но пробыл там совсем недолго. По его бледному лицу Креуса сразу поняла, что случилось ужасное. Складень был выжжен, словно через него прошла молния.

В это же мгновение появился жрец, до того принявший у Креусы барана.

– Убирайся отсюда, нечестивица, вместе со своим бараном! – бросил он ей сурово. – Бог отверг твою жертву.

Просители и просительницы набросились на Креусу, но юноша защитил ее и вывел из

святилища.

– Как твое имя? – спросила Креуса, прощаясь с ним. – Я хочу за тебя молиться.

– Молись Аполлону, ведь я его раб, – ответил юноша.

Возвратившись в Афины, Креуса со слезами на глазах

объяснила супругу, что ее жертва не принята.

– Что ж! – решил царь. – Придется мне отправиться в Дельфы самому. Народ ждет и требует.

Ксуф вернулся через несколько дней и не один. С ним был юноша, в котором Креуса сразу же признала своего спасителя.

– Ты – царица! – вырвалось из его уст. – Что же в Дельфах ты не назвала своего имени?

– Теперь я понимаю, почему твоя жертва не была принята! – воскликнул Ксуф. – Ты не назвала своего имени! Я же назвал себя и получил ответ...

– Какой? – вскрикнула Креуса.

– Благоприятный, – ответил Ксуф, замявшись. – В свое время он станет тебе известен. А пока мне надо готовиться к походу. Мой юный друг Ион останется с тобой. Позаботься о нем, как мать.

– Так у тебя есть имя, раб Аполлона, – удивилась Креуса. – Почему же и ты его не назвал?

– Ион – имя, которое мне дал твой супруг, – ответил юноша. – Это было в тот день, когда он меня впервые увидел в Дельфах.

Креуса задумалась. «Почему Ксуф не сообщил об ответе оракула? Зачем я должна заботиться об Ионе, как о сыне? Каким образом юноша согласился принять имя от человека, которого видел впервые?»

Странное появление в Афинах Иона удивило не одну Креусу. Через некоторое время в царский дворец пожаловал старый афинянин, друг покойного отца Креусы, и, оставшись с нею наедине, поделился своими подозрениями: юноша, которого Ксуф привел в Афины, его сын, рожденный от какой-то рабыни и отведенный в Дельфы до совершеннолетия.

Сопоставив рассказ старого афинянина с отказом Ксуфа сообщить ответ оракула, а также с его необыкновенной заботой об Ионе, Креуса приняла подозрения за истину. С горечью вспомнила царица о бедах своей семьи – о похищении Орифии, смерти матери, добровольном принесении себя в жертву Хтонией, о том, что и она вышла замуж не по любви. «Почему, – думала она, – жертвовать должны только мы, а чужаки будут этим пользоваться?»

Сиракузская декадрахма с изображением Аретузы

– Пусть этот юноша умрет! – проговорила она в ярости и передала старцу яд.

Через несколько дней в храме состоялся пир. Старец, пытавшийся отравить Иона, был пойман на месте преступления. Напуганный, он признался, что губительное зелье ему вручила Креуса.

Предупрежденная служанками, царица бежит в Дельфы и там припадает к алтарю Аполлона. Ион, догоняя ее, врывается в храм с намерением убить отравительницу. Но его останавливает пифия, решившая именно в это время открыть юноше тайну его рождения. Она передает Иону корзинку, в которой его принесли в Дельфы.

Креуса сразу узнает корзинку и безошибочно указывает, что в ней находилось. Теперь и она сама, и Ион, и все присутствующие понимают, что младенец, рожденный от Аполлона, не погиб, а воспитан в храме своего отца. Креуса и Ион бросаются друг другу в объятия.

Выясняется также, какое предсказание было дано в Дельфах Ксуфу: он получил оракул, что первый, кто ему встретится при выходе из храма, – его сын. И дал он ему имя Ион, что по-гречески означает «идуший».

Так Ион по воле Аполлона оказался в Афинах и после смерти приемного отца стал царствовать. Афиняне придавали этому мифу большое значение. Имя «ионийцы» получили те жители Афин и Пелопоннеса, которые переселились в Малую Азию и основали на ее побережье великие города Милет, Эфес, Колофон и другие. Возник особый ионийский диалект греческого языка. Время переселения предков ионийцев в Малую Азию недостаточно ясно. Оно могло происходить в то время, к которому греки относили жизнь Иона, то есть еще до Троянской войны или вскоре после нее. Во всяком, случае афиняне считали ионийцев своими родственниками, и, когда в 500 г. до н. э. Милет поднял восстание против персов, они послали ему на помощь свои корабли. Это послужило поводом для греко-персидских войн.

Я знаю, еще не воспета
Аттической сказки заря.
Богиня несет над Гиметом
В свой розовый терем царя.
Но верен земной он подруге,
И сходит на землю он вновь -
Изведавший смертного муки
Лишь смертную ищет любовь.

Когда-то на покрытом лесами Гимете жила счастливая чета охотников – Кефал, сын Дейона, и Прокрида. Был Кефал божественно красив, но сам об этом не догадывался до тех пор, пока им, поднявшимся на утес, не залюбовалась богиня Эос. Подхватила она юношу, завернула в свое росистое покрывало и унесла в розовый терем, на край света. Эос была прекраснее всех богинь, кроме Афродиты, и любила она Кефала так, как ни одного из богов и смертных. Но юноша не был счастлив и все время умолял Эос отпустить его в Аттику, к верной Прокриде.

– Знаю я этих верных! – засмеялась богиня. – Много раз видела я, как, дрожа от утренней прохлады, любовники торопливо покидали жен, чьи мужья в море или в лесу, на охоте. Приходилось мне также видеть, как эти же жены встречали своих мужей и клялись им в любви.

– Есть и такие! – согласился Кефал. – Но ты не знаешь мою Прокриду. Она будет верна мне всю жизнь, а я, несчастный, изменяю ей не по своей воле.

– Что ж, неблагодарный, испытай верность своей жены! – воскликнула Эос. – Я изменю твою внешность. Прокрида тебя не узнает, и ты сможешь сам удостовериться, как жены обманывают мужей.

Вручила Эос Кефалу богатые дары и доставила его к дому на Гимете, изменив внешность. Прокрида неохотно отозвалась на стук, но, услышав, что чужеземец заблудился и повредил ногу, впустила в дом, дала поест и удалилась. Уже в первую ночь Кефал слышал, как супруга в соседней комнате всхлипывала, повторяя его имя. Хотел он открыться, но победило любопытство, не раз губившее смертных жен и мужей. Кефал восторгался Прокридой, уверяя, что в мире нет ее прекраснее. Он убеждал ее, что красота быстротечна и если супруг вернется через несколько лет, то уже не будет любить как прежде. Он доказывал, что охотник, знающий лес как свои пять пальцев, не мог исчезнуть бесследно.

Но Прокрида и слушать не хотела соблазнителя, твердя одно и то же:

– Я люблю Кефала и останусь ему верна, жив он или мертв.

Тут бы раскрыться Кефалу и заключить подругу в объятия, но он решил испытать последнюю приманку. Развернув свой мешок, Кефал выложил перед нею на стол дары Эос – ожерелье, сверкающее драгоценными камнями Востока, витые золотые браслеты, чеканные серебряные кольца.

Загорелись у юной охотницы глаза. Она сорвала со своей прекрасной шеи ожерелье из желудей священного дуба и потянулась к драгоценностям.

Тут-то Кефал, приняв свой настоящий облик, и воскликнул:

– Вот как ты мне верна, Прокрида!

Лицо Прокриды стало алее, чем у Эос. Она пошатнулась, но, овладев собой, выбежала из дому, оставив Кефала, не ожидавшего такого развития событий. Сев в Фалероне на торговое судно, Прокрида через день оказалась на Крите. В это время царь Минос, проклятый супругой своей Пасифаей, серьезно заболел, и придворные спрашивали всех приезжающих, не знают ли они снадобий. Прокрида, выросшая на Гимете, славившемся целебными травами, предложила царю зелье, принесшее ему исцеление. Минос по-царски отблагодарил чужестранку, подарив ей охотничьего пса Лайлапа, быстрее которого не было во всей ойкумене, и волшебное копье, не дающее промаха.

Вернувшись в Аттику, Прокрида остригла свои прекрасные волосы, оделась в мужскую одежду. Вскоре на Гимете распространился слух о юном охотнике, его удивительной собаке и метком копье. Кефал захотел посмотреть на эти чудеса. При виде Лайлапа глаза у него загорелись, и он стал умолять юношу отдать собаку за любую цену.

– Лайлап не продается! – коротко ответил юнец.

– Что же я могу сделать, чтобы получить твою собаку? – не унимался Кефал.

– Что сделать? – усмехнулся тот. – Жениться на мне, мужчине, и представить всем соседям как жену.

– Что за дикая фантазия! – воскликнул Кефал. – Что обо мне скажут охотники? Ведь они еще помнят о моей любимой Прокриде, которую я потерял по собственной глупости.

– Я назвал условие. Твое дело соглашаться или нет.

Еще раз взглянул Кефал на Лайлапа, на его узкое, дрожащее от нетерпения тело, на острые уши, вытянутую морду и проговорил:

– Согласен!

Через несколько дней в доме Кефала состоялся свадебный пир. Охотники пришли со своими женами и собаками, и псы радостно визжали возле мисок с едой во дворе. Пока готовили угощения, гости без умолку болтали, рассказывая об удивительных приключениях. Когда же стол был накрыт, в чем Кефалу помогал уже знакомый всем юноша, приглашенные спохватились:

– А где же твоя невеста, Кефал? Мы хотим ее видеть.

– Что... Невеста?... – смущенно пробормотал хозяин. – Лучше взгляните на приданое.

Повернув головы, все увидели сидящего в углу мегарона Лайлапа, всем своим видом показывающего, что он не одобряет бессмысленного скопления людей, и рядом с ним копье.

Обратившись к юноше, гости спросили:

– Ты выдаешь за Кефала сестру? Где же она?

– Невеста – это я! – проговорил юноша, срывая мужскую одежду.

– Моя Прокрида! – радостно вскрикнул Кефал, бросаясь к супруге.

Несколько лет жили они душа в душу. Прокрида хлопотала по хозяйству, с нетерпением ожидала Кефала с охоты. А он возвращался весь увешанный дичью, не переставая удивляться прыткости Лайлапа и меткости копья, которое само находило зверя.

После этого остальным охотникам на Гимете нечего было делать. Они разошлись по другим угольям – Аттика в те далекие времена была покрыта густыми лесами, изобиловавшими дичью. А один из них попросился к Кефалу в помощники – ведь нелегко было тому справляться со своей добычей. Будучи завистливым от природы, он ждал только случая, как бы навредить удачливому охотнику.

Однажды он заметил, что, проходя в жаркий полдень по открытому месту, Кефал каждый раз напевает:

– *Жарок день, где же ты, тень?*

Явись, дорогая, облачком в небе.

Улучив момент, когда Прокрида была одна, негодяй нашептал ей, что у Кефала появилась возлюбленная, являющаяся к нему на зов.

Прокрида решила проверить, так ли это. Притаившись в кустах возле дороги, она терпеливо ждала, когда появится супруг. Вот и он, увешанный дичью, а по пятам тащится Лайлап с высунутым языком.

– Жарок день, где же ты, тень... – запел Кефал. В кустах что-то треснуло. Кефал обернулся. Собака не повела ухом. «Показалось», – подумал охотник и запел еще громче:

– Явись, дорогая...

Внизу кто-то продирался сквозь кусты. Кефал метнул копье, и сразу же послышался крик Прокриды. Он бросился в заросли и нашел супругу истекающею кровью. Собрав последние силы, она сказала:

– Кефал, умоляю тебя, не вводи в дом ту, кого звал...

Торопился Кефал объяснить с Прокридой, но не успел.

Похоронив ее, он отправился на суд в Афины, где был осужден ареопагом на изгнание. За подвиги в войне с пиратами- тафийцами он получил в награду остров, названный в его честь Кефалления. Там, говорят, он бросился в море с утеса Левкады и унес с собой на дно копье, принесшее смерть любимой. Лайлап же, догнавший неуловимую тевмесскую лисицу (ту самую, что была послана богами фиванцам в наказание за изгнание потомков Кадма), вместе с нею был превращен богами в камень. И теперь в горах Киферона можно видеть два камня, напоминающие лису и вцепившегося ей в горло пса.

Тесей

Вставай, кто не спал,

Вставай, кто, как дух бродячий,

Очей не смыкал!

Вставайте, настал День плача!

Встань, матери стон,

Над морем! Земля умылась.

Корабль оснащен.

Афинам закон -

Царь Минос.

Марина Цветаева

У афинского царя Эгея, сына Пандиона, не было детей, пока, оказавшись в Пелопоннесе, он не встретился с Эфрой, дочерью царя Трезен. Поняв, что она ожидает ребенка, Эгей подвел ее к большому камню, своротил его с места, положил туда свой меч и сандалии и, снова установив камень, сказал:

- Если родится сын, пусть возьмет это и явится в Афины.

Через десять новолуний у Эфры родился сын. Его назвали Тесеем. Подлинным отцом новорожденного считали Посейдона, с которым, как уверял отец Эфры, она сблизилась в ту же ночь, когда к ней пришел Эгей. И это давало право считать его героем.

Мальчик вырос в царском доме, не догадываясь, кто его смертный отец. Вместе с другими юными трезенцами он укреплял силы бегом и другими физическими упражнениями. Был у него и наставник, афинянин Коннидас, обучивший его грамоте и поведавший о подвигах героев. Так узнал Тесей о Геракле. В положенное время юноша посетил Дельфы, где ему остригли вихор надо лбом, посвятив волосы Аполлону. С тех пор он стал считать Сребролукого своим покровителем.

Когда мать увидела, что сын может постоять за себя, она подвела его к камню и объяснила, что под ним находятся знаки, по которым он отыщет в Афинах отца. О том, что отец царь, Эфра не говорила из опасения, что сына убьют враги, претендующие на царскую власть в Афинах.

Тесей легко приподнял камень и отнес его в сторону. Затем, надев сандалии и прикрепив меч к поясу, он сказал:

- Я иду в Афины!

Эфра всплеснула руками:

- Как же ты пойдешь, когда на каждом шагу разбойники? Отправляйся морем. Так советовал твой отец.

Подумав, Тесей ответил:

- Геракл прошел - пройду и я.

По пути в Афины Тесей совершил ряд прославивших его подвигов. Близ Истма он столкнулся с разбойником Синисом, которого называли Сгибателем сосен.

Тесей сражается с Синисом

Негодяй привязывал путников к согнутым верхушкам двух сосен и затем их отпускал. Схватив его, Тесей заставил его погибнуть той же смертью, на которую обрекал свои жертвы. В честь этой победы якобы были учреждены Истмийские игры.

В дальнейшем своем пути Тесей заколол огромную кромионскую свинью, не только опустошавшую посевы, но и нападавшую на людей. А затем, достигнув Скиронеих утесов близ Мегар, он убил разбойника Скирона, заставлявшего путников мыть ему ноги и сбрасывавшего несчастных в море, как только они наклонялись.

По дороге из Мегар Тесей встречает еще одного разбойника, Прокруста, обладавшего двумя кроватями – короткой и длинной. Если ноги схваченного им путника выходили за край короткой кровати, он их обрубал, если не доставали края длинной – растягивал. Прокруст, как и другие разбойники, разделил участь своих жертв.

Вблизи Афин путников встречал силач Керкион, заставлявший вступать с ним в сражение и убивавший побежденных. Тесей прикончил Керкиона, победив его в кулачном бою.

Тесей поражает секирой Прокруста

В Афинах, где Тесей надеялся отыскать отца, в то время царили раздоры. Племянники Эгея, не дожидаясь, пока он умрет, воевали за его наследство. Старый царь взял в дом волшебницу Медею, обещавшую родить ему сына.

Тесей, узнав о войнах между племянниками, решил стать на защиту афинского царя, не догадываясь, что это его отец. Стражи, охранявшие вход на акрополь, убедившись, что с чужеземцем всего двое слуг, открыли ворота и показали, как пройти к дворцу.

Тесею пришлось пройти мимо строящегося храма. Рабочие, настилавшие кровлю, при виде юноши загоготали:

– Эй! Дева! Не ищешь ли жениха?

Тесей и впрямь был похож на девушку. Безбородое лицо, спускающиеся до плеч волосы, длинный пурпурный хитон, а поверх его расшитая золотом фессалийская хламида.

Тесей молча снял хламиду и, передав ее одному из слуг, подошел к быкам, привезшим на повозке черепицу, распряг их и молча перебросил через здание.

Старый царь принял посетителя в мегароне, где он, несмотря на летнее время, грел руки у пылающего очага. Сидевшая поодаль на высоком сиденье красивая женщина лет сорока – это была Медея – бросила на юношу пронизывающий взгляд.

Тесей изложил свою просьбу, не забыв сказать, что он родом из Трезен. Но Эгей был глуховат и, поняв общий смысл речи, не уловил названия города. Медея же слышала все и сразу догадалась, что перед нею сын царя. Кроме того, она видела, какой силой обладает юноша, кидаящийся быками, как мячиками. Поэтому она сказала царю:

– Это достойный гость. Почему бы тебе не пригласить его к обеду и за чашей вина не услышать о его приключениях по пути в Афины?

Как только юноша удалился, Медея убедила царя, что этого чужестранца, обладающего необыкновенной силой, подослали племянники и для предотвращения беды нужно его отравить во время обеда. Эгей, зная, что племянники готовы на любое преступление, согласился с планом коварной Медеи.

Когда после полудня Тесей вновь пришел во дворец, его ждал стол с царскими яствами. Подкрепившись, юноша стал рассказывать о дорожных приключениях. Поняв, что царь плохо слышит, он встал с ложа, чтобы показать, как расправился с одним наглым и жестоким разбойником. И в этот момент взгляд старца упал на сандалии незнакомца. Ни слова не говоря, он поднялся и швырнул стоявший против гостя кубок на пол.

Это вызвало замешательство Медеи, ничего не знавшей о сандалиях и мече, спрятанных под скалой.

– Сын мой! – крикнул старец. – Я едва не стал твоим убийцей!

В тот же день Медея была с позором изгнана из дворца и города. Этому радовались все афиняне, кроме племянников Эгея, которые, зная о неприязни сограждан к чужестранке, были уверены, что они не допустят воцарения сына Медеи. Появление у Эгея сына было для вражеской партии полной неожиданностью, и она объединилась, чтобы сообща погубить героя. Но Тесей, раскрыв заговор, истребил заговорщиков и заодно изгнал их приверженцев.

Радоваться бы старому Эгею и его могучему сыну-наследнику, что им больше никто не угрожает, но в Фалерон, гавань Афин, вошел военный корабль с гонцами владыки морей, царя Крита Миноса. Послы были пропущены в акрополь, и тогда-то узнал юный трезенец о том, что было известно всем в Аттике. Много лет назад Минос приплыл к Аттике на кораблях, высадив сухопутное войско во главе с сыном Андрогеем на берег. Кто-то убил Андрогеев, и Минос в гневе наложил на Аттику кару: каждые девять лет должны были афиняне посылать семь юношей и столько же девушек в Кнос на съедение чудовищу Минотавру, обитавшему в специально построенном для него Дедалом лабиринте. Уже три раза афиняне посылали на Крит жертвенный корабль с черными парусами.

Тесей мгновенно принял решение: «А если померяться с Минотавром силой?» И тут же, при послах, он заявил, что готов войти в число семерых афинских юношей.

Можно представить чувства отца, узнавшего, что он теряет недавно обретенного сына. Но как ни упрасивал Эгей Тесея, какие он ни приводил доводы против его решения, юноша был непоколебим. Он уверял отца, что убьет чудовище и освободит Афины от позорной дани.

Эгею пришлось согласиться. Прощаясь с сыном, он сказал:

– Я буду тебя ждать. Не забудь только, возвращаясь с победой, убрать черные паруса.

Через несколько дней афинский корабль бросил якоря в гавани Крита. Юноши и девушки во главе с Тесеем высадились на берег и отправились к царскому дворцу. По дороге, из беседы со встречными, Тесей узнал о новой грозившей ему опасности: из-за множества коридоров и ходов вошедшему в лабиринт не найти дороги назад.

Во время беседы Тесея с Миносом его увидела царская дочь Ариадна. Красота пришельца поразила девушку, и она решила помочь Тесеем выйти из лабиринта, если он победит Минотавра, ее сводного брата. Тайком от всех Ариадна вручила юноше острый меч и клубок ниток. Когда Тесей и его спутников, обреченных на смерть, привели к подземелью, он незаметно привязал конец клубка к ветке дерева у входа и пошел по запутанным переходам, все время разматывая клубок.

Чудовище с человеческим туловищем и головой быка, почуяв долгожданную добычу, рванулось навстречу жертвам. Тесей остановился и, вынув из-под плаща спрятанный меч, выставил его перед собой. И началась схватка, какой еще не знала земля древнего Крита! Минотавр, привыкший истреблять беззащитных, остановился, почувствовав рану в плече. Но затем он ринулся на героя с еще большей яростью и, наверное, смял бы Тесея, если бы тот не успел прижаться к холодной стене лабиринта. Когда чудовище проскочило, Тесей сзади прыгнул ему на спину и нанес несколько коротких ударов в шею. Минотавр упал, обливаясь кровью.

Тесей выносит из лабиринта убитого им Минотавра. Слева покровительствующая ему богиня Афина (ропись на сосуде)

Сойдя с туши, Тесей вытер меч и вернулся к ожидавшим его юношам и девушкам. Сматывая клубок, они добрались к выходу из лабиринта, где их ожидала Ариадна. Не было конца ликованию спасенных афинян. Взявшись за руки, они стали отплясывать. Никто лучше Гомера не сумел об этом поведать:

Юноши в хоре и девы, для многих желанные в жены, За руки взявши друг друга, на этой площадке плясали. Девушки были одеты в легчайшие платья, мужчины в тканые прочно хитоны, блестящие слабо от масла... Быстро они на проворных ногах в хороводе кружились. Так же легко, как в станке колесо под рукою привычной, Если горшечник захочет проверить, легко ли вертится. Или плясали рядами, один на других надвигаясь.

Счастлива была Ариадна, видя ликование тех, кому она помогла сохранить жизнь, и не горевала она о Минотавре, которого убил пришелец.

Тесей, обняв свою спасительницу, сказал:

– Тебе здесь нельзя оставаться! Поедем с нами, и я введу тебя супругой в дом моего отца Эгея.

Дождавшись ночи, афиняне пробрались на ожидавший Тесея в гавани афинский корабль и с попутным ветром отправились в Аттику. Обнаружив исчезновение дочери, Минос бросился в лабиринт. Увидев там залитую кровью тушу Минотавра, он понял, что Ариадна помогла его врагам и бежала вместе с ними. По тревоге устремились военные моряки в гавань к быстроходным критским кораблям и увидели, что они погрузились по мачты в воду. Тесей предусмотрительно продырявил их днища.

На пустынном острове Наксосе, где высадились беглецы, чтобы пополнить запасы воды, Тесей вынужден был оставить Ариадну, когда она заснула счастливым сном, ибо к нему на корабль явился бог Дионис и заявил на критскую царевну свои права. Отчалил герой от Наксоса. Против бога не пойдешь!

По пути в Афины Тесей решил посетить островок Делос, чтобы принести жертвы Аполлону, своему покровителю. Он и спасенные им юноши исполнили у жертвенника Аполлона в виде больших бычьих рогов пляску, известную под названием «журавль», воспроизводя фигуру лабиринта.

Подплывая к Аттике, Тесей, удрученный потерей невесты, которую успел горячо полюбить, забыл поставить на мачты белые паруса, как было уговорено. И когда Эгей, многие дни наблюдавший за морем, увидел черные полотнища, то в отчаянии бросился в море, которое носит с тех пор его имя.

Высадившись в Фалерской гавани, Тесей остался, чтобы принести жертвы отеческим богам. В Афины он послал гонца сообщить отцу о благоприятном возвращении и освобождении Афин от позорной дани. Гонец застал афинян оплакивающими Эгея и вернулся в Фалеры с ужасной вестью.

С плачем и воплем Тесей и его спутники отправились в город и приняли участие в похоронах Эгея.

Став царем Афин, Тесей решил сделать всех жителей Аттики, ранее враждовавших и даже воевавших друг с другом, единым народом. Распустив всюду местные советы и власти, он объявил афинянами всех свободных людей, независимо от того, жили они в Афинах, Элевсине или в любом другом месте Аттики. Впоследствии Тесея стали считать истинным основателем демократии и защитником угнетенных не только в Аттике, но и во всей Греции.

Другое предание, сделав Тесея участником похода Геракла за поясом царицы амазонок Антиопы (или Ипполиты), дало ему в жены эту царицу. Не был брак афинского героя с дикаркой счастливым. Решив отбить свою царицу, амазонки всем народом совершили поход на Аттику. Афины были осаждены воинственными девами, разбившими лагерь на холме Ареса. Афиняне страдали от голода. Многие погибли во время вылазок. В решительной битве на холме Ареса погибла и Антиопа, сражавшаяся плечом к плечу с Тесеем против амазонок.

Гибель Антиопы, закрывшей Тесея грудью от брошенного в него копья, примирила воинственных дев с афинянами. После совместной трапезы по Антиопе амазонки удалились к себе на родину.

Храм Тесея в Афинах

От брака Тесея с Антиопой остался Ипполит, заботливо выращенный своей бабушкой Эфрой в Трезенах. Подобно матери, Ипполит проводил все время на охоте, чуждаясь даров Афродиты. А между тем Тесей ввел во дворец молодую жену – сестру Ариадны критянку Федру, надеясь, что она заменит юноше мать. Но Афродита, не прощавшая пренебрежения со стороны смертных, рассудила иначе. Она вселила в сердце мачехи любовь к пасынку, на которую свободолюбивый юноша ответил отказом. Тогда Федра в предсмертной записке оклеветала Ипполита перед отцом, обвинив его в попытке взять ее любовь силой, и покончила с собой.

Тесей поверил навету и взмолился своему божественному отцу Посейдону, чтобы тот наказал осквернителя супружеского ложа. И когда поднятое Посейдоном из морской пучины чудовище пугает коней Ипполита, юноша гибнет, сброшенный на землю.

Всем этим судьба ясно указывала Тесею, что боги враждебны его бракам: пропала Ариадна, погибли Антиопа и Федра. Но престарелый царь был слеп в своих помыслах и желаниях. Он решил похитить юную спартанскую царевну Елену, слава о красоте которой обошла все земли вокруг Эгейского моря. Мысль о женитьбе на Елене лелеял и царь лапифов Перифой, старый приятель Тесея.

Друзья сговорились похитить Елену сообща, чтобы затем по жребию решить, кто из них станет обладателем юной красавицы. Согласно уговору счастливец должен был помочь отвергнутому жребием добыть другую жену.

В Спарте друзья обнаружили Елену не во дворце Тиндарея, ее отца, а в храме у алтаря, с венком на голове, рядом со жрецом, уже занесшим нож, чтобы принести ее в жертву Артемиде. Выхватив девушку, Тесей и Перифой пробились мечами сквозь толпу не успевших опомниться от удивления спартанцев, поначалу принявших спасителей за богов.

Оказавшись в недосыгаемости, друзья бросили жребий. Елена досталась Тесею. Афинянин был на вершине счастья, когда лапиф назвал ему имя своей избранницы – Персефона.

Знал Тесей, что Орфей уже побывал в царстве мертвых и вернулся оттуда живым. Но одно дело – прийти с мольбой о возвращении своей возлюбленной, а другое – лишить Аиду горячо любимой им супруги, которую он ждет не дождетсся каждый год.

Однако слово героя тверже меди. Оставив Елену на попечении матери, Тесей присоединился к Перифою, ожидавшему у входа в аид. Переправившись через Стикс на лодке Харона, пройдя мимо приветливо вилявшего хвостом Кербера, друзья оказались перед грозным владыкой царства мертвых.

– Зачем явились? Кто вас сюда звал?... – грозно рявкнул Аид.

Лапиф, не прошедший школы Хирона и не обученный тонкости обращения, сказал напрямик:

– Мы за Персефой. В жены я хочу ее взять. А это мой друг Тесей. Я помог ему, он помогает мне.

Блеснули глаза Аиды яростным блеском. Искусно смирив его, он представился радушным и

гостеприимным хозяином.

– Что ж, поговорим, если явились. Присаживайтесь. Наверное, устали с дороги.

Он указал на каменное сиденье.

Почувствовали герои, что за дружелюбием Аида кроется что-то недоброе. Но не осмелились слушаться и присели.

Геракл пытается поднять Тесея с трона, к которому приковал его вместе с Перифоем Аид

– Итак, вам нужна моя Персефона, – продолжал Аид. – Могу ли я отказать гостям, оказавшим мне честь своим посещением? Берите!

Рванулись герои, но не смогли и пошевелиться. Аид сковал их невидимыми цепями. Десять лет находились они в каменном плену, пока не появился в аиде Геракл.

Он освободил Тесея и попытался вызволить Перифоя. Но тотчас дрогнула земля, и Геракл понял, что боги решили оставить Перифоя в царстве мертвых, а против возвращения Тесея в верхний мир они не возражали.

Прибыв в Афины, Тесей узнал, что мать и Елена захвачены спартамцами, а афиняне не хотят признавать его царем. Потеряв надежду вернуть себе трон, Тесей тайно отправил своих детей на Эвбею, к царю этого острова, а сам сел на корабль, надеясь найти убежище на Крите, у своей царственной родни. Но внезапно разразившаяся буря отнесла судно к берегам Скироса, где правил царь долопов Ликомед. На острове часть земель принадлежала Эгею. Опасаясь, что Тесей будет претендовать на них, Ликомед повел гостя на самую высокую гору острова, будто бы для того, чтоб показать, какой оттуда открывается великолепный вид, и предательски сбросил его вниз.

Тогда в Афинах царствовал Менефей, ставленник братьев Елены Диоскуров, сыновья же Тесея Акамонт и Демофонт были слишком малы, чтобы добиваться отцовской власти. Ко времени их возмужания началась Троянская война, и братья приняли в ней участие, чтобы освободить свою бабушку Эфру, ставшую рабыней Елены и увезенную в Трою. После окончания войны они вернулись в Афины, где к тому времени умер Менефей, и стали царствовать в порядке старшинства.

Этолия, западная часть Средней Греции, представлена мифами о царе Ойнее и двух его сыновьях, Мелеагре и Тидее, правивших там еще до вторжения северных варваров, которое изменило судьбу всей Эллады.

С Мелеагром связан миф о Калидонской охоте, относящийся к числу рассказов о совместных предприятиях, в которых участвуют многочисленные герои, объединенные общей целью. В данном случае это истребление чудовищного кабана, насланного на земли этолийского города Калидона за преступное пренебрежение его царя к культу Артемиды. Принимая участие в убийстве зверя, герои должны были тем самым навлечь на себя гнев мстительной богини. Но так как богиня карает одних этолийцев, можно заключить, что приглашение чужаков на знаменитую охоту – поздний мотив, введенный, чтобы не обидеть других героев неучастием в подвиге. В своей же основе Калидонская охота – местный этолийский миф. Первое из дошедших до нас изложений мифа сохранилось в IX песне «Илиады» в виде рассказа воспитателя Ахилла Феникса, уговаривающего своего питомца не следовать примеру Мелеагра, отказавшегося из-за обиды на мать защищать родной город. Главное у Гомера – это борьба за охотничьи трофеи между калидонцами и их соседями, которых он странным образом называет куретами. Гомеру неизвестно ни полено, в котором заключена жизнь Мелеагра, ни его гибель вследствие сожжения полена матерью. Гомер сообщает о том, что в охоте участвовали герои из окрестных городов, но не со всей Эллады. Аталанта, играющая у других авторов столь значительную роль в развитии сюжета, применительно к Калидонской охоте

поэту неизвестна.

Первый греческий историк Гекатей из Милета (конец VI в. до н. э.) сообщает предание о царе Калидона Ойнее, рассматривая его в соответствии с его именем («ойнос» по- гречески «вино») как героя, введшего культуру виноделия и изгнавшего из Этолии своих братьев Агрия (Дикого) и Тонпия (Охотника), не имевших непосредственного отношения к Калидонской охоте. Тем не менее этот сюжет важен для ее понимания.

Поэт первой половины V в. до н. э. Вакхилид вводит впервые мотив обгоревшей головни, в которой заключена жизнь Мелеагра, а также рассказывает о его любви к прибывшей на охоту Аталанте. Афинский драматург Фриних, современник Вакхилида, в не дошедшей до нас трагедии развивает мотив головни. В трагедии Софокла «Мелеагр» вводится дополнительный мотив плача неутешных сестер Мелеагра, перенесенных в Индию (или, у других авторов, на остров Лерос), и возникающего из их слез янтаря.

Трагедия Еврипида, от которой сохранились многочисленные отрывки, развивает мотив любви Мелеагра к Аталанте, явившейся источником распри между охотниками. Наряду с мотивом обгоревшего полена присутствует вражда Алфеи к невестке, которая разлучила мать с Мелеагром.

Используя произведения названных авторов, а также не дошедшее до нас описание мифа о Мелеагре каким-то александрийским поэтом, Овидий в «Метаморфозах» дает наиболее пространное и красочное изложение мифа. В нем исчезает соперничество между калидонцами и их соседями за обладание головой и шкурой кабана и на первое место выдвигается сама охота, в которой участвуют едва ли не все герои Эллады, современники Мелеагра. Каких-либо новых, неизвестных другим авторам мотивов у Овидия нет.

Миф о Калидонской охоте интересен рядом деталей, отражающих пережитки архаических общественных институтов. Проклятье матерью сына, убившего ее брата (или братьев), традиционно рассматривается как отражение матриархата, когда брат женщины считался более близким родичем по крови, чем сын.

Калидонская охота

Заплети этот ли вень, как волны холодных локтей

И как ли лий, атласных и властных бессильем ладоней!

Отбивай, ликование! На волю! Лови их, – ведь в бешеной этой лапте

Голошение лесов, захлебнувшихся эхом охот в Калидоне.

Борис Пастернак

Бедна и камениста земля Этолии. Испокон веков занимались этолийцы охотой, благо в горных дебрях на покрытых нерубленным лесом берегах Ахелоя и Эвена водилось множество зверей – стремительных косуль, свирепых волков, быстрых зайцев, осторожных лис, неповоротливых с виду, но грозных медведей. Славились обитатели этих мест как смелые ловчие. Охота кормила, одевала и тешила душу, и поэтому более других богов и богинь почитали этолийцы Артемиду, и никогда не пустовали алтари в ее храмах.

Но в некоторых частях страны на берегу моря стали сеять хлеб, сажать плодовые деревья, заниматься виноградарством. Цари, правившие Этолией из каменистого Калидона, покровительствовали пахарям, садоводам, виноградарям, ибо их труд приносил верный доход и позволял строить города, содержать войско.

Молва сохранила имя этолийского царя Ойнея. Оно означает в переводе «виноградарь». О том же, как появился виноград в Этолии, говорили по-разному. Охотники уверяли, что отросток винограда родила собака из царской своры. Виноградари же доказывали, что гостем Ойнея был сам Дионис. Он-то и подарил царю на прощание виноградную лозу.

Было у Ойнея и его супруги Алфеи трое дочерей и сын Мелеагр. Вырос юноша сильным, храбрым, благородным и более всего на свете любил охоту. Но каждый выход Мелеагра в лес доставлял его матери страшные муки. И не была она трусихой, какой казалась другим матерям. Были у Алфеи основания опасаться за жизнь сына. Она одна из всех смертных знала, что настоящим отцом Мелеагра был не Ойней, а сам бог Арес. Хранила она и другую тайну. На седьмой день после рождения сына пророчица, явившись в женскую половину дома, бросила в очаг ясеневое полено и сказала, что в нем заключена жизнь Мелеагра. Как только оно догорит, он уйдет в аид. Выхватила царица занявшееся полено голыми руками, затушила его в воде и спрятала подальше от глаз людских. С тех пор жила в страхе, ожидая беды не только от леса, но и от дома, от очага в нем.

В том году, когда, словно осы из горных пещер, роем на Этолию налетели беды, земли под злаками и виноградом дали невиданный урожай. И решил Ойней принести Деметре, Афине и Дионису благодарственные жертвы. Об Артемиде же он не вспомнил: от ее зверья и так не было прохода. Диким гневом загорелось сердце богини, когда она увидела, как Деметра и Дионис вдыхают доносящиеся из царства Ойнея запахи всесожжений, а ей пришлось обойтись одной амброзией.

Долго решала злопамятная дочь Латоны, какую придумать кару для Ойнея. И наконец, вспомнив, как милы ему пашни и виноградники, она наслала на Этолию кабана, ибо больше этого зверя никто не причинял вреда землепашеству и виноградарству.

А был этот кабан необычный, ростом с теленка, а силой с быка. Кровью у него были налиты глаза и сверкали пламенем, а клыки подобны слоновым бивням. Когда он неся по лесу, в ужасе разбегалось все живое. А если выбегал на пашню, все равно что огнедышащие воли вспахивали ее медным плугом. Он вытапывал виноградники и молодые насаждения, губил овец и коров. Ни пастух, ни собаки не могли их защитить.

Не помышляя о схватке с чудовищем, бежали земледельцы и пастухи с женами и детьми под защиту крепких стен Калидона и, собравшись кучками, с ужасом вслух размышляли о будущем, предвидя голод и болезни.

Молва о необыкновенном звере распространилась не только по всей Этолии, но и по окрестным землям. Слухи еще более преувеличили его величину и силу. Говорили, что он ростом со слона, что ломает клыками вековые дубы и что кожа у него из меди, не пробиваемая копьем.

Царь Ойней был растерян более всех. Он понимал, что сам стал причиной гнева Артемиды, и не знал, как помочь своему народу. Ведь выступив против насланного ею зверя, он может

вызвать еще большую ярость богини.

И тогда в царскую половину дома пришел бесстрашный Мелеагр. Поклонившись отцу и матери, он сказал:

– Дозвольте, родители, мне бросить клич по всем землям и собрать тех, у кого сильные руки и храброе сердце, на охоту, какой не видывал свет.

– Иди, сын мой, как велит тебе твое сердце! – сказал царь.

– Да будет с тобою могучий Арес! – молвила царица. – Почаще вспоминай его имя. И знай, что твоя мать спокойна за тебя.

И затрубил Мелеагр в свой охотничий рог. И услышали его призыв и в далеких Афинах, где правил могучий Тесей, и в Иолке, где царствовал Пелей, и в Спарте, где прославились силой близнецы Диоскуры, и в Аркадии, где лучшей охотницей была юная Аталанта.

И отозвались на призыв Мелеагра десятки рогов тех, кто готов был поднять оружие против чудовищного кабана. По суше, дорогам и горным тропам, а кто и по морю на кораблях и лодках, шли и плыли в Калидон охотники, и вся Эллада от Олимпа на севере до мыса Тенара на юге наполнилась гулом голосов и собачьим лаем.

И открылись медные западные врата Калидона, чтобы впустить смельчаков. Мелеагр, приветствовавший героев, впервые увидел могучего Тесея и его ближайшего друга, царя лапифов Перифоя; сыновей Тиндарея, спартанских близнецов Кастора и Полидевка; аргосца Левкея; прославленного своим копьем Акаста, сына Пелия; аркадянина Анкея, считавшегося по силе вторым после Геракла; неодолимого бегуна Эхиона; рожденного Аминтором Феникса; юного Нестора, сына Нелея; умудренного опытом добытчика золотого руна Ясона.

Но не было предела восторгу Мелеагра, когда в город вступила Аталанта, в коротком до колен хитоне, со светлыми волосами, убранными в узел на затылке, с колчаном из слоновой кости, оправленным чеканным серебром. Когда же она пришла и влилась в группу охотников, Мелеагр проговорил:

– Счастлив тот, кого она удостоит назвать своим супругом.

Ойней устроил героям пир в своем дворце. Длился он девять дней и ночей. Лилось в кубки вино из царских подвалов. Лилась и непринужденная речь. Вспоминали герои о предках, прославившихся в сражениях и морских походах, и о своих собственных великих деяниях. Аталанта внимала рассказам, но в кубке ее была лишь вода. Диониса дар, как и дары Афродиты, она презирала.

На десятый день, перед выходом в лес, охотники единодушно одобрили условия состязания: кабанья шкура и голова с клыками достанутся тому, кто сразит зверя.

И вновь запели рога, возвещая начало охоты. Калидон наполнился нетерпеливым лаем собак. Герои прорезали толпу, провожаемые благодарными и восторженными взглядами. Никогда и нигде не было такого ликования. Ведь шли они не на забаву. Народ Этолии видел в них спасителей.

Напасть на след чудовищного вепря было нетрудно. В тех местах, где он отлеживался днем, трава была примята так, словно отдыхало стадо слонов. Но, почуяв след зверя, собаки начали пятиться. Их тащили, пока Аталанта не посоветовала:

– Отпустите этих тварей с телами волков, но с сердцами оленей.

Стыдно стало собакам, и они вырвались вперед, но далеко от охотников не отходили, словно надеясь на их защиту. И это ускорило встречу с кабаном, ибо он, издав издали почуяв ненавистный ему собачий дух, ринулся навстречу охотникам.

Мелеагр и Аталанта нападают с копьями на вепря

О близости зверя предупреждали громовое хрюканье и треск падающих деревьев. Охотники застыли, сжимая в руках кто копье, кто дротик, кто рогатину. Зверь, всем своим видом внушавший ужас, показался из-за деревьев. Яростью горели его глаза, из пасти хлопьями падала пена. Сначала он кинулся на собак, подняв нескольких на клыки, а остальных разогнав. Первым метнул свой дротик Эхион, но он угодил в ствол клена, содрав кору. Дротик Ясона был брошен с огромной силой, но пролетел над головой зверя, не причинив ему вреда. Один из охотников взмолился Аполлону, прося дать его руке меткость. Услышал Аполлон мольбу, и копье не дало промаха, но в полете слетел железный наконечник, – не иначе это козни сестры Аполлона Артемиды, – и кабан, едва ощутив удар тупым древком, повел огромным ухом.

И вот он уже несется на охотников, сбивая их с ног и нанося смертельные раны.

Еще немного, и погиб бы юноша Нестор родом из Пилоса. Но, опершись на копье, взметнул он свое гибкое тело вверх и зацепился руками за ветки ближайшего дерева.

Тогда-то и кинулся к зверю храбрый Анкей, чья секира не давала промаха. Но едва успел он занести секиру, как кабан вонзил ему клыки в живот, и герой упал, обливаясь кровью.

Вскипело сердце Аталанты, увидевшей гибель земляка. Она натянула лук, и стрела пронзила загривок животного, задев также ухо.

Почувствовав боль, зверь на мгновение оторопел, и этим воспользовался Мелеагр, метнувший в кабана копье. И только тогда зверь зашатался. Сразу же и другие герои стали кидать свои копья и дротики, и вскоре вепрь рухнул на землю, и его труп стал напоминать колючего ежа.

Герои не без усилий вытащили из туши копья и дротики. Мелеагр же, наступив ногой на гигантскую голову, сказал, обращаясь к Аталанте:

– По праву эта добыча принадлежит тебе и мне. Разделим же ее любовно!

Последние слова потонули в разъяренном реве охотников. Наглее всех вел себя Плексипп, дядя Мелеагра по матери. Рванувшись к туше, он закричал:

– Эй, полегче, сосунок! Не пяль глаза на чужое! Смотри, как бы тебя не подвела твоя хваленая красота.

Не стерпел Мелеагр нанесенной ему обиды и ответил на нее ударом копья. Плексипп свалился замертво. Другие герои отступили в ужасе.

В тот же день в Калидон на двух носилках внесли кабана и Плексиппа, жертву распри. Ликование народа, узнавшего, что кабан уничтожен, сменилось плачем. Увидев тело любимого брата, царица ударила себя в грудь и заполнила город печальными воплями. Когда же имя убийцы было названо, не утих ее гнев, а еще более разгорелся. Упала она на землю и, ударяя по ней кулаками, стала призывать Аида и Персефону, чтобы они покарали сына смертью. Потом царица кинулась в покои, чтобы отыскать обгоревшее полено, сохранявшее жизнь Мелеагра. Заметалась она по дому в поисках огня, и угрозы, раздававшиеся из ее уст, позволили понять сестрам Мелеагра, что брату грозит гибель. И когда рабы, по приказу царицы, принесли щепки и лучины и подожгли их, девушки стали затапывать огонь, не подпуская к нему мать.

Тем временем к Калидону подступили вооруженные обитатели соседнего Плеврона, где царствовал Плексипп. Не ожидавшие натиска калидонцы уступили врагам, и те взобрались по лестницам на городские стены. Мелеагр же, смертельно обиженный матерью, заперся вместе

со своей супругой в покоях, отказавшись участвовать в защите города. Узрев врагов на городских стенах, к дому героя бросились старейшины и жрецы. Они умоляли его покинуть свое убежище и вступить за город, обещая отрезать надел земли в пятьдесят десятин, наполовину покрытый виноградником, наполовину оставшийся под паром. Но и эта неслыханная награда не смягчила сердце оскорбленного героя.

В запертую дверь покоев Мелеагра стал стучать его отец Ойней, умоляя выйти и спасти город. Явились и друзья героя, его соратники, убеждая не упрямиться. Но Мелеагр не откликнулся. Тем временем враги, спустившись со стен, рассыпались по городу, грабя и убивая всех встречающих.

Упав на колени, юная супруга стала умолять спасти ее, других дев и женщин от печального рабства. Лишь тогда уступил Мелеагр и согласился выйти наружу. Он покрылся пышноблестящим доспехом, взял в руки меч. Но именно в это мгновение Алфее удалось одолеть дочерей и бросить в огонь полуобгоревшее полено.

Появление героя на агоре вызвало панику неприятеля. Плевронцы знали, что сильнее Мелеагра нет никого в Этолии. В ужасе, бросая награбленное, кинулись они к городским воротам. И вдруг Мелеагр ощутил страшную боль. Грудь горела так, словно он проглотил горящие уголья. В ужасе зовет герой на помощь жену, старика отца, друзей. Но никто не может ему помочь, ибо догорало полено, брошенное матерью в огонь, а вместе с ним и его жизнь.

Невиданная скорбь охватила город. Ушел в аид его защитник, его спаситель. Бьют себя в грудь калидонские женщины. Старый Ойней посыпает голову дорожной пылью, проклиная долгий свой век, позволивший увидеть смерть юноши-сына. А виновница гибели сына, в ужасе от содеянного, ударом кинжала спасает себя от мук пробудившейся совести.

И кто знает, сколько бы еще бед обрушилось на Этолию, не догадайся Ойней смягчить гнев Артемиды великолепными празднествами, длившимися два дня. В первый день к ее храму, что у западных ворот, состоялось грандиозное шествие юношей и девушек с венками на головах и зелеными ветвями в руках. Процессию завершала колесница, влекомая ланями. На ней стояла юная жрица Артемиды в коротком хитоне, подпоясанном у самой груди. На следующий день был сооружен алтарь в виде огромного четырехугольника, заполненного в центре сухими поленьями и сучьями и обнесенного по краям свежесрубленными стволами молодых деревьев в два человеческих роста. Толпы жертвователей несли на алтарь клетки с птицами, живых волчат, кабанов, медвежат и других обитателей леса, попавших в заранее расставленные капканы. Последними за ограду втолкнули юношу и девушку, предназначенных жребием в жертву суровой богине, сердце которой пытались смягчить. Подобно пылающим кометам взлетели факелы, и вскоре из-за частокола вырвались языки пламени. Некоторые звери пытались выскочить за ограду, но их кольями загоняли назад в костер. Треск поленьев слился с криком и ревом заживо сжигаемых людей и животных.

Средь шума, и воя, и гуда,
Заполнивших весь Калидон,
Забылось великое чудо
В бегущем потоке времен.
И нет среди славных героев
Того, кого звали Корес,
Но вечно течет Каллироя
Сквозь кровью пропитанный лес.
Прислушайся к струям, звенящим
По камням, как струны кифар,
И сердцем воспримешь щемящий
Напев, как несслыханный дар.

К человеческим жертвоприношениям в ту пору в Этолии, как раньше во всех землях, населенных лелегами, пеласгами или ахейцами, прибегали не только во время регулярных празднеств богов, но и в случаях эпидемий или иных бедствий, чтобы умиловить наславших их богов. У этолийцев, более отсталых, чем их соседи, сохранилось немало мифов, связанных с этим варварским обычаем. Один из них по своему трагическому накалу напоминает шекспировскую повесть о Ромео и Джульетте.

Жил в Калидоне, когда он был еще обитаем, юный жрец Диониса Корес. Однажды во время праздника в честь сына Семелы он увидел девушку удивительной красоты по имени Каллироя и с тех пор потерял покой. Образ красавицы неотступно стоял перед Коресом, и он, шепча ее имя, обращался с мольбой и любовными клятвами, на какие только способно человеческое сердце: Каллироя! Каллироя! Каллироя!

Отыскав дом девушки, он стоял целыми днями возле него, чтобы увидеть, как она несет на голове кувшин с водой из источника или веселится с подругами. О необыкновенной любви Кореса к Каллирое вскоре узнал весь Калидон. Кто-то посоветовал отцу юноши слать сватов. Они вернулись ни с чем. Девушка сказала, что скорее утопится, чем станет женой отвратного юнца, который следует за нею, как вторая тень. И что бы ни предпринимал отец Кореса, какие бы ни обещал дары, Каллироя была непреклонна.

И обратился Корес к Дионису, которому служил, чтобы тот вдохнул в сердце девушки любовь, и бог внял мольбе своего жреца. Но равнодушие Каллирои было так велико, что стрелы Эрота, направленные по просьбе Диониса, отскакивали от нее, как от каменной скалы, поражая ничего не подозревавших калидонцев, следовавших по своим делам.

И вскоре весь Калидон был охвачен загадочной болезнью, напоминавшей опьянение, когда люди теряют над собой власть и совершают необъяснимые поступки. Нет! Это не было любовью, а скорее безумием, опасным подобием любви.

Как всегда в таких случаях, старцы решили обратиться к оракулу, но не к дельфийскому, где волю Аполлона передает людям пифия, надышавшись ядовитыми испарениями земли, а к додонскому, что в соседнем с Этолией Эпире, где жрецы, никогда не моющие ног и спящие на голой земле, толкуют волю Зевса по воркованию храмовых голубей и невнятному шелесту листьев священного дуба.

Страшен был ответ: виновницей охватившего город неистовства объявлялась Каллироя. И тот, кто ее полюбил, должен сам принести девушку в жертву.

Как удар молота, порастил Кореса этот ответ. Юноша понимал, что не Каллироя, а он – виновник несчастий Калидона. Ведь это он не смог справиться с охватившим его чувством! Он, а не кто другой, обратился к Дионису с преступной мольбой. Почему же должна погибнуть она? И почему именно ему назначено занести жертвенный нож? Что было наказание, назначенное богами душам Тантала и Данаид, перед тем, которое определено ему, живому, никого не обманувшему, никого не убившему? И можно ли возносить молитвы и приносить жертвы богам, карающим за любовь суровой, чем за убийство и обман, – думал он, жрец

Диониса. Юноша гнал от себя кошунственные мысли, а они неотступно преследовали его вновь и вновь. И в противоборстве с ними он не заметил, как на его плечи набросили одеяние, приличествующее торжеству, вложили ему в руку кривой жертвенный нож. Все было в тумане. Он не видел лиц жрецов и флейтистов, но все его существо заполнили выводимые флейтами звуки печального чужеземного лада.

И вдруг... Туман рассеялся, и возникло смертельно бледное лицо Каллирои с расширившимися от ужаса и недоумения глазами. Ее вели, как жертвенное животное. Она никогда не была от него так близко. Она всегда убегала от него. Но теперь ее поставили совсем рядом. Нет, не для поцелуя или объятия – для смертельного удара. А флейты звучали все громче и настойчивее, призывая свершить предназначенное богами.

Корес начал медленно поднимать нож, не отрывая взгляда от испуганного девичьего лица, и вдруг, стремительно вонзив клинок себе в грудь, упал к ногам Каллирои.

Оборвался мотив флейт. Наступила тишина, какая случается только в те редкие мгновения, когда смертных, запутавшихся в братоубийственных войнах или иных преступлениях, внезапно посещает разум. В тишине все услышали вздох Каллирои, словно бы каменное ее сердце дрогнуло перед силой любви. Лицо ее, внезапно осветившееся неведомым ей чувством, приобрело такую божественную красоту, что уже никто не мог и помыслить о совершении определенного богами обряда. Словно прозрев, девушка жадно всматривалась в умиротворенные смертью черты того, кто еще недавно внушал отвращение, и ее сердце пронзила такая нестерпимая боль, что унять ее могла только смерть. И, выхватив нож из еще мягкой руки Кореса, Каллироя нанесла себе смертельный удар прямо в сердце и бросилась в ручей, который с тех пор носит ее имя.

Фракия

Фракийский лес – поэзии начало,
Прибежище всех мифов и чудес.
Не здесь ли песнь Орфея прозвучала
Обычаям людским наперерез?
Не здесь ли собрала его кифара
Вокруг себя живущих всех окрест
И силою чарующего дара
Взметнула до небес?

Северная часть Балканского полуострова, населенная с незапамятных времен фракийскими племенами и прославленная подвигами греческих героев – Геракла, аргонавтов, Бореадов, сама являлась местом формирования мифов, известных главным образом по произведениям греческих авторов V-IV вв. до н. э. Фракийцы почитали богиню Бендиду, которую греки отождествляли то с Артемидой, то с Гекатой, то с Персефоной. Сохранившиеся фракийские изображения богини позволяют видеть в ней покровительницу охоты. Около 430 г. до н. э. культ Бендиды был распространен в Аттике поселившимися там фракийцами. В Афинах появился посвященный ей храм, ставший центром праздника, сопровождавшегося шествием верующих и культовым бегом с факелами. Соперницей Бендиды считалась богиня любви (фракийское имя ее неизвестно). Когда фракиянка Полифонта, по отцовской линии внучка Ареса, по материнской – речного бога Стримона, отвергла радости любви и стала спутницей Артемиды, фракийская Афродита жестоко наказала ее, заставив полюбить медведя. От этой связи родились двое буйных сыновей, которые стали заниматься людоедством. Тогда Зевс послал Гермеса с приказом отрубить им руки и ноги. Но Арес, дед Полифонты, превратил их вместе с матерью в хищных ночных птиц.

Широко почитался фракийцами бог Залмоксис, имевший облик медведя или человека в медвежьей шкуре. С ним были связаны представления о смерти и бессмертии. Последнего можно было с помощью Залмоксиса добиться, осуществляя человеческие жертвоприношения. Находя общие черты в верованиях фракийцев в Залмоксиса и представлениях Пифагора о праведной жизни, греки уверяли, что Залмоксис – раб Пифагора, отпущенный им на волю для распространения пифагореизма среди фракийцев.

Каждый из фракийских племенных вождей имел своего личного бога-покровителя, которого греки называли Гермесом. Согласно Эсхилу, племя эдонов почитало бога Нотиса, который позднее стал общефракийским божеством. Почитатели этого хтонического бога составляли религиозные сообщества и совершали жертвоприношения, напоминавшие дионисийские. Во время празднеств мужчины наряжались женщинами. Но особенно широко известен во Фракии и далеко за ее пределами миф об Орфее.

О дерево! Восстань до поднебесья!

Цвети, послушный слух! Орфей поет.

И все умолкло. Но в молчаньи песне

Был предназначен праздник и полет.

Райнер Мария Рильке

Жизнь была уже полна звуков. Над горными склонами Фракии гулко разносилось ржание коней, еще не знавших узды. Из зарослей выбегал черный ошестинившийся вепрь и, суетливо хрюкая, звал за собой кабаниху и дюжину полосатых поросят. Медведь под дуплом дуба ревел, отбиваясь лапой от гудящего роя пчел. Густо населенные зверьем, птицами и насекомыми, леса клокотали от нестройного хора голосов. Человек жил тут же рядом, внушая к себе уважение и вызывая страх. Однако его голос почти не выделялся из разноголосицы природы, частью которой он себя считал.

Но однажды – как рассказывает предание – на поляну вступил юноша. В руках его не было ни камня, ни палки, без которых тогда не осмеливался покинуть пещеру или землянку ни один смертный. Кажется, юноша никого не боялся и никому не угрожал. Он расположился на камне и снял с плеча предмет, незнакомый обитателям леса. Его можно было принять за лук, со свистом выпускающий жалящие и пронизывающие насквозь стрелы. Но на луке была одна тетива, а здесь семь, и укреплены они так, что для стрел не оставалось упора. Юноша ударил пальцами по натянутым нитям своего странного лука и исторг звуки, каких никогда наяву не слышал ни один зверь и ни один человек. Они напоминали что-то давно забытое или потерянное, что-то разлитое в самой природе, но еще никем не извлеченное. Словно бы пчелы вместо того, чтобы собирать сладость цветов, решили нанизывать все лучшее, что содержал мир звуков, и юноша услышал – и воспроизвел. И хотя это не напоминало знакомые голоса или шумы природы, но будило какой-то странный отзвук и властно тянуло к себе, заставляя презреть выработанные веками осторожность, страх и вражду.

Уйдя с головой в божественные звуки, юноша не замечал ничего вокруг. Он выливал из себя все, что его переполняло, не заботясь о слушателях. А их с каждым мгновением прибывало все больше и больше. Царственно прошагал лев и лег, склонив огромную голову на скрещенные лапы. Рядом с ним замер пугливый олень, закинув ветвистые рога. Тут же рядом с рысью пристроился заяц. Но что это? Деревья привстали и, казалось, вот-вот шагнут навстречу певцу.

Музыканта звали Орфеем. Он не мог похвастаться знатностью своего рода. Другие герои гордились своими отцами – Зевсом или Аполлоном. Отцом Орфея считался затерявшийся во фракийских дебрях горный поток Загр, а матерью – муза Каллиопа (Прекрасноголосая). Не совершал он подвигов, подобных тем, которые прославили Персея или Геракла. Но деяния его беспримерны, так же как беспримерна его слава.

Орфей любил юную дриаду Эвридику, и сила этой любви не имела себе равных. Однажды, гуляя с подружками нимфами по лугу, Эвридика нечаянно наступила на змею, которая ужалила ее в ногу. Вскрикнула Эвридика и упала на руки подбежавшим подругам. Лицо девушки побледнело. Ясный лоб покрылся испариной, закатились светлые очи.

На жалобный плач прибежал Орфей и увидел тело своей любимой. Ударил певец по струнам кифары, но не подняла она глаз, не потянулась к нему, как прежде. Долго оплакивал Орфей любимую. Песни его, ранее сдвигающие камни, могли бы теперь их разжалобить. Но, кажется, боги подземного царства, взявшие душу Эвридики, не слышали этих песен, или их сердца были тверже камня.

Орфей в окружении воинов (роспись на сосуде)

Чтобы развлечь горе, Орфей отправился в странствия. Он побывал в Египте и увидел его чудеса, поплыл вместе с аргонавтами в златообильную Колхиду. Но образ Эвридики всюду неотступно следовал за ним, исторгая слезы.

И отважился Орфей сойти в подземный мир, чтобы вернуть Эвридику и соединиться с нею. Ничего он не взял с собой, кроме кифары и нераспустившейся веточки вербы.

Через глубокую пещеру Тенара спустился Орфей к берегам священного Стикса, за которым простирался мир мертвых. Но где же перевозчик Харон со своей ладьей? Даже чуткий слух певца не уловил отдаленного плеска весла. Вдруг сзади что-то зашелестело. Оглянулся Орфей и увидел, что его окружают тени мертвых, ожидающие, как и он, переправы. А вот и Харон. Одна за другой вступали тени в ладью. Когда же Орфей сделал шаг, то натолкнулся на весло, поставленное поперек. Старый лодочник знал свое дело:

– Царство мертвых не для живых. Явишься, когда придет твое время!

Рванул Орфей струны кифары, и над царством вечного безмолвия зазвучала песня прекрасного верхнего мира. Опустил Харон весло и, опершись на него, прислушался к неведомым звукам. Не прекращая петь, вступил Орфей в ладью, и вот он уже на другом берегу. Навстречу песне мчались толпы теней, а за ними гнался ужасный подземный пес Кербер. Зияли пасти его трех голов, а на теле вместо шерсти топорщились сотни змей. Самая большая змея на хвосте исторгала яд. Услышав пение, Кербер замедлил свой бег и замер, как земная собака по знаку охотника. Опустились головки змей, и хвост змея мирно свернулся в клубок.

Закрыв нос ладонью, чтобы не чувствовать смрадного дыхания Кербера, Орфей прошел в то место, где терпели кару души преступников. Он миновал пруд, в котором по горло стоял Тантал, разгласивший тайны богов и наказанный неутолимой жаждой, увидел Сизифа, вкатывающего на гору свой огромный камень, и Иксиона на огненном колесе.

Вот и трон великих владык подземного мира Аида и Персефоны. Остановившись перед ними, запел Орфей лучшую из своих песен – песню о любви. И пока он пел, принесенная им веточка вербы распустилась. Из лопнувших почек показались зеленые листочки, напомнившие Персефоне луг под Энной, на котором она резвилась, не зная о предназначенной ей участи. Как упоителен запах свежей зелени, не ведающей смерти и глени! Слезы навернулись на глаза владычицы. Заплакали и мстительные эринии, не знающие пощады к преступившим божеские законы. Перестал Тантал искать иссохшим ртом убегающую от него воду. Неутомимый Сизиф остановил свой камень и, присев на него, прислушался.

Замерла песня, и наступило глубокое молчание. И прозвучал в нем голос Аида:

– Что ты просишь, пришелец?

– Я пришел ради моей возлюбленной Эвридики, пребывающей в мире теней. Танат похитил ее у меня на самой заре любви. Тебе ли не знать, что все мы сюда придем. Вернется она под твою власть, и я вместе с нею. На время прошу ее у тебя. Дай испытать Эвридике радость любви.

– Пусть будет по-твоему, – молвил Аид. – Веди Эвридику в верхний мир. Она пойдет за тобой, а ты за Гермесом. Только помни: оглянешься – дар будет отнят.

Тут же привел Гермес тень Эвридики. Слегка хромала она, но казалась такой же прекрасной. Бросился к ней певец, но бог, провожатый душ, его остановил:

– Имей терпение.

И двинулись они в путь. Харон их взял в ладью, и вот уже Стикс позади. Вверх поднималась крутая тропинка. Гермес шел впереди. Орфей за ним. Уже забрезжил свет. Волнение охватило Орфея. Не отстала ли Эвридика с больной ногой? Не осталась ли в царстве мертвых? Замедлил движение герой. Прислушался. Но тени ходят беззвучно. До верхнего мира оставалось несколько шагов, но не выдержал Орфей и оглянулся. Он ничего не увидел, но уловил легкое дуновение. Аид отнял свой дар. И сам Орфей был тому виной.

Снова к Стиксу спустился Орфей, надеясь вновь умолить подземных богов. Но милость дается однажды. Не тронула песня слуха Харона. Лодочник словно оглох. Обливаясь слезами, забыв о пище, провел Орфей семь дней и ночей у безмолвной реки. И, ничего не добившись, вернулся на землю.

Мир людей опротивел Орфею. Он ушел в дикие Родопы и пел там лишь для птиц и зверей. Не раз цари предлагали юноше в жены своих дочерей, но, безутешный, он отвергал их всех.

Однажды Родопы наполнились неистовым шумом праздника Диониса. Менады бежали по горам, славя сына Семелы, гремели тимпаны в их ладонях, слышались пьяные выкрики и смех. Одна из менад увидела Орфея и воскликнула:

– Вот он, ненавистник женщин!

Она бросила в певца острый тирс. Но обвивавший его плющ смягчил удар. Другая менада швырнула камень. Но он, очарованный пением, упал у ног Орфея с жалобным свистом. Тогда налетели на певца женщины, как стая коршунов. Они рвали и терзали его ногтями, вгрызались в его тело зубами. Упал Орфей, а они прыгали по его телу, исполняя пляску смерти.

И отлетела душа Орфея. Менады оторвали его безжизненную голову и вместе с кифарой бросили в Гебр. С тех пор – прислушайтесь – река звенит на камнях, словно перебирая струями струны. Ибо гармония неистребима, и ее не в силах заглушить дикое и яростное смешение звуков былых или новых времен. Голову певца унесло в море, и закачали ее nereиды и понесли от берега к берегу. Кифару же выбросило к острову Лесбосу, где ее подобрала песнелюбивая Сафо. Она запела, и мир вновь наполнился поэзией и музыкой. Когда же она отзвучала, боги перенесли кифару Орфея на небо, придав ей очертания звезд.

Миф об Орфее – один из наиболее сложных для понимания, поскольку в нем соединились ранние фракийские легенды с теологией орфизма, основателем которого считался Орфей. Каждый эпизод жизни и смерти Орфея обставлен множеством версий. Греческие авторы считали его царем фракийских племен: то басторнов, то одрисов, то даже македонян. В нем видели музыканта, игравшего на лире и кифаре, изобретателя этих инструментов или мастера, их усовершенствовавшего. Уже в VI в. до н. э., как свидетельствует рельеф на метопах сокровищницы Сиракуз в Дельфах, Орфей был введен в команду «Арго» и выступал в роли корабельного певца. И более того, он становится главным героем орфической «Аргонавтики», превращаясь там в духовного вождя похода за золотым руном, участника и победителя на состязании певцов. Волшебная мелодия его кифары устраняет все препятствия, возникающие на пути аргонавтов. В смерти певца обвиняли не фракиянок, участниц вакханалий, а Зевса, поразившего Орфея молнией за разглашение тайны мистерий. В дополнение к тому, что сообщалось о кифаре Орфея, прибитой волнами к Лесбосу, утверждали, что к острову приплыла и голова певца, дававшая предсказания, пока завистливый Аполлон не лишил ее пророческого дара. По другой версии, голову Орфея прибило к малоазийскому берегу, в устье реки Мелы, и там было сооружено святилище Орфея, куда не допускались женщины.

Согласно Эсхилу, музы собрали останки Орфея и доставили их на Пиерию, предали земле близ города Либетры. Существовало предание, что город будет уничтожен свиньей, если Гелиос увидит кости Орфея. Много лет спустя гробница Орфея была открыта пастухом, заснувшим на холме и услышавшим во сне сказочное пение. Проснувшись, пастух побежал в Либетры и привел горожан. На холм, из-под которого слышался чудесный голос, поднялось много людей, и своды гробницы обвалились. Тогда-то Гелиос и увидел кости Орфея. Это, однако, не испугало горожан, уверенных, что городские стены в состоянии устоять перед самой большой свиньей. Но на следующий день над Либетрами нависла гигантская туча, из которой хлынул ливень невиданной силы. Переполнились воды реки Сис (Свинья), и она смыла город.

Кифаред Фамира

Я умолю ть сумею. Спросишь чем?
Кошачьей лаской, цепкостью змеиной
И трепетом голубки, а возьму
У вышних счастье сына... Но сначала
Пусть будет ночь, и день за ней,
И ночь опять со мною... О, не медли!

Иннокентий Анненский

Фамиру, как и Орфея, греки считали фракийцем, но рисовали их людьми с противоположными характерами. Перед нами не благочестивый музыкант и песнопевец, друг муз, а гордый и надменный жрец искусства, поставивший собственное мастерство выше вдохновения, даруемого богами.

Фамира – сын фракийского певца Филаммона, родителями которого были Аполлон и прекрасная нимфа. Отличаясь редкой красотой, Филаммон привлек сердце пелопоннесской нимфы Аргиопы. Подвергаясь насмешкам подруг, имевших возлюбленными богов, а не смертных, Аргиопа покинула родную реку и переселилась в Аттику, где и родила Фамиру.

Мальчик вырос среди людей, не зная о том, что его мать – нимфа. В нем рано проявился унаследованный от родителей музыкальный талант. Вскоре он стал странствовать по разным странам, вызывая всеобщее восхищение. Скифы, чьи степи посетил Фамира, провозгласили юношу своим царем. Но ему не нужна была царская власть над одним народом. Он обладал властью над чувствами всех смертных.

Много раз Фамира одерживал победы над песнопевцами в Дельфах, на Пифийских играх. После одной из таких побед он вернулся во Фракию.

У порога дома его ждала мать-нимфа. Все эти годы она издали следила за сыном, радуясь его славе. Теперь она вернулась к нему, думая, что он страдает без материнской ласки. Прежде всего Аргиопа хотела открыть сыну тайну его рождения. Но Фамира не захотел ее выслушать. Он заявил, что в его судьбе, отданной музыке, нет места ни матери, ни сестрам, ни отцу. Обескураженная нимфа, надеясь найти что-либо общее с сыном, рассказывает ему о своем знакомстве с музами. Фамира пренебрежительно отзывается о них. Мать в ужасе убегает, предчувствуя трагический исход.

Вскоре Фамира осмелился бросить музам вызов на состязание, потребовав в случае победы стать возлюбленным каждой из них, а в случае поражения согласившись отдать им все, что они пожелают.

Не терпят боги человеческой гордыни и жестоко за нее карают. Музы, одержав победу над Фамирой, лишают его зрения, голоса и слуха. Побрел несчастный по земле, вызывая у встречных насмешки. В Аркадии, у города Мегалополя, показывали место, где Фамира, признав свое поражение, выбросил в реку Балиру свою лиру, ставшую бесполезной.

Миф поднимает проблему человеческих качеств художника. Талант не оправдывает презрения к близким. Отчуждение от людей подготовило неуважение к богам и возмездие.

Фракия славилась не только певцами и музыкантами, но и могучими воителями. Одним из них был Рес, сын реки Стримона и одной из муз. На десятом году войны троянцев с ахейцами он прибыл на помощь Трое с отрядом «чубатых», как называли греки фракийцев, потому что они оставляли на макушках чубы.

Еще на родине, обратившись к оракулу, Рес узнал, что он и его белые, как снег, и быстрые, как ветер, кони станут бессмертны, если погрузятся в воды реки Скамандр. Прибыв под Трою вечером, Рес разбил лагерь и решил выполнить предписание оракула утром.

О судьбе Реса знала покровительница ахейцев Афина. Приняв облик смертного, она вступила в ахейский лагерь и побудила Диомеда и Одиссея немедленно отправиться в троянский стан, чтобы Рес и его кони не успели обрести бессмертие. В это же время троянцы послали своего лазутчика, приказав пробраться в ахейский стан и выведать планы недругов.

Схватили Диомед и Одиссей лазутчика и силой заставили его выдать, где находится

фракийский лагерь. Незаметно пробрались туда герои и увидели объятых сном могучего Реса. Диомед убил его и еще двенадцать «чубатых». Одиссей тем временем отвязал коней Реса. Диомед вывел бы и колесницу с золотыми украшениями, если бы Афина не напомнила, что пора уходить.

Где-то во Фракии имелся курган, у которого происходили игры и состязания воинов. Рассказывали, что он насыпан над телом воинственной девы Гарпалики (Хищной волчицы).

Гарпалика была дочерью царя одного из фракийских племен. Когда умерла его супруга, он вскормил девочку молоком коров и кобылиц. Она стала пасти стада и, обучившись владению оружием, защищала животных от хищников. В беге она могла догнать любого человека или зверя. Однажды у хижины, где жили отец с дочерью, появились вооруженные люди. Это были ахейцы, возвращавшиеся из-под Трои. В столкновении с ними отец Гарпалики был ранен и едва не пленен, если бы не дочь. Бросившись вперед, Гарпалика спасла родителя и обратила в бегство целый отряд воинов.

Когда сородичи изгнали отца за жестокость, Гарпалика последовала за ним в лес, где занималась охотой или похищала скот у пастухов. Тех, кто пытался защитить стадо, дева приканчивала дубиной.

В конце концов пастухи потеряли терпение и расставили сети, в которые попала Гарпалика. Они безжалостно убили деву. После этого между убийцами разгорелась распря. Чтобы умиловить виновницу раздора, в честь Гарпалики был учрежден праздник, на котором юноши состязались в силе и ловкости. Игры происходили у кургана, насыпанного над телом воинственной девы.

Мифы Пелопоннеса

Пройдя Истм (Коринфский перешеек), афинянин или любой другой обитатель Средней Греции оказывался на полуострове Пелопоннес, который он мог бы с полным основанием назвать «метрополией мифов». Территория, вдвое меньшая, чем остальная Греция, насыщена таким количеством легенд и исторических преданий, что они перевешивают мифы Северной и Средней Греции и островов Эгейского моря и Малой Азии, вместе взятые.

Этот феномен мог вызывать удивление до тех пор, пока археологические раскопки не показали, что политические центры, с которыми связаны мифы Пелопоннеса, – историческая реальность, и если для Северной и Средней Греции можно назвать четыре-пять городов II тысячелетия (Афины, Фивы, Иолк, Фера, Калидон), то в одной только Арголиде, примыкающей к Истму, их более десятка. А ведь кроме Аргολиды имелись Лаконика, Мессения, Элида, Аркадия, Ахайя. Одним словом, Пелопоннес во II тыс. до н. э. был средоточием культуры, по сравнению с которым Аттика с Афинами были захолустьем.

Греческая монета с изображением дельфийского треножника и служения Аполлону

Миф о Троянской войне, рисующий Агамемнона предводителем всех ахейцев, одно время воспринимался как свидетельство существования микенской державы, охватывающей едва ли не весь Пелопоннес. Археологические раскопки и древнейшие тексты, современные Троянской войне и ей предшествующие, окончательно опровергли это предположение, показав отсутствие единого государства и единого центра. Пелопоннес второй половины II тыс. до н. э. – это десятки небольших царств в определенных естественно-географических границах. Цари занимали дворцы, являвшиеся военно-административными и экономическими центрами. Это, однако, не говорило о их культурной и религиозной обособленности. Археологические данные показывают распространение по всему полуострову общих керамических типов. Мифы, дополненные археологией, свидетельствуют о почитании в разных местах одних и тех же божеств. Из мифов видно, что герои Пелопоннеса совершают свои подвиги далеко за его пределами, так что создается впечатление, будто полуостров тесен для них. Они побеждают чудовищ по всему свету, расселяются за морями и являются родоначальниками царских домов на островах Эгеиды и в Малой Азии. Все это говорит о желании создателей мифов придать своим излюбленным героям наибольшую значимость. В ходе раскопок на островах Эгеиды, на берегах Малой Азии, на сирийско-финикийском побережье, на Эолийских островах, в Италии и Сицилии обнаружено великое множество обломков расписной микенской керамики и других предметов, произведенных на Пелопоннесе. Все это свидетельства микенской торговли или даже колонизации, следы реальных персонажей, деятельность которых была обобщена в образах Геракла, Персея, Беллерофонта, Диомеда, Одиссея и других «многостранствующих» героев.

Мифы Пелопоннеса, героями которых являются догреческие и греческие, ахейские правители, не ставили своей целью представить их автохтонами, хотя негреческий элемент на полуострове сильнее, чем где бы то ни было в материковой Греции. Мифы Пелопоннеса рисуют достаточно отчетливую этническую картину, согласно которой ахейцам на полуострове предшествовало местное население – пеласги, лелеги и кавконы. О том, смешалось ли оно с ахейцами или было ими поработщено, нам неизвестно, так же как мы не знаем в точности, каков был вклад догреческих обитателей Пелопоннеса в формирование религии и мифологии пришельцев. Нижним рубежом героической истории древнейших царств Пелопоннеса является катастрофа, которую сами греки называли «возвращением Гераклидов», а ученые нового времени – «дорийским завоеванием». Каковы бы ни были причины этого бедствия – вторжение одних дорийцев или переселение множества северных народов, вовлекших в свое неудержимое движение и дорийцев, вырубка лесов с последующим высыханием рек, эпидемии, восстания поработщенного населения, – результаты были плачевны: разрушение дворцов, обезлюдение Пелопоннеса, забвение письменности и других культурных достижений микенского времени. Три столетия, следующие за этой катастрофой, сопоставимой лишь с падением античной цивилизации тысячу семьсот лет спустя, называются «темными». Кажется, именно в это время знания греков о своем прошлом обволакиваются фантазиями, становятся мифами.

К северу от Мессении находилась широкая всхолмленная равнина с побережьем, почти лишенным гаваней. Уже Гомеру она известна под именем Элида. Изрезанная реками,

обладающая прекрасным климатом, Элида славилась земледелием и скотоводством. В микенскую эпоху здесь не было ни одного города – фигурирующая в мифах Пиза была сельским поселением и административным центром. Храмовым центром Пизы и всей Элиды была Олимпия, знаменитая в полисную эпоху общегреческими Олимпийскими играми. Все мифы Элиды в той или иной мере связаны с Олимпийскими играми, предшествовавшими классическим играм I тыс. до н. э. Миф о пришельце из Малой Азии Пелопсе (лидийце или фригийце), обосновавшемся в Пизе и ставшем царем Элиды, не может быть истолкован как свидетельство лидийской или фригийской колонизации Пелопоннеса. В Лидии у горы Сипила (близ будущей Смирны) существовал древнейший культ Пелопа, скорее всего, аргосского героя, почитавшегося выходцами из Арголитиды. Этого же Пелопа почитали в Элиде как одного из основателей древнейших Олимпийских игр. Так возникла легенда, перевернувшая направление колонизации: Пелопс был направлен из Малой Азии в Элиду, сменил там местного царя Эномаю, своего тестя, и устроил в его честь Олимпийские игры.

В пользу аргосского происхождения культа Пелопа в Малой Азии и Элиде свидетельствует то, что правители городов Арголитиды Трезен, Атрей, Фиест считались сыновьями Пелопа. Возможность того, что правителями городов Арголитиды могли быть сыновья царя из сельского поселения Пизы, совершенно невероятна. Об аргосском происхождении легенды о Пелопсе говорит и то, что маршрут конного «пробега» Эномаю и Пелопа проходил через всю Арголитиду, до ее крайнего города Эфиро.

Прислонившись к перилам, Пелопс с надеждой смотрел на приближающийся с каждым взмахом весел плоский песчаный берег. А память его возвращала в оставшийся за морем родной Сипил, где на его долю выпало столько невероятных страданий и бедствий. Последнее из них – нападение царя Ила, считавшего своим отцом речного бога Скамандра. Этот Ил обрушился на Фригию подобно потоку, переполненному весенними водами, и оставил после себя разоренные пашни и обезлюдившие деревни. Воины Ила увели скот, который, наверное, уже пасется на горе Иде или съеден прожорливыми обитателями вновь основанного Илом города Илиона.

«Может быть, здесь я буду счастливее? – размышлял Пелопс, направляясь к сходням. – Судьбам, неотступно преследующим смертных на одном месте, может надоесть гнаться за ними по всему свету».

Кормчий назвал этот большой остров, который они оплывали несколько дней, Анией, а местность, где путники высадились, Пизатидой. Первый встретившийся на берегу человек, судя по обрывку сети на плече – рыбак, оглядел Пелопа с головы до ног и почему-то спросил:

– Жених?

– Жених? – удивился Пелопс. – Разве я похож на влюбленного?

– Те тоже не были похожи, но все, как один, оказались женихами.

– Что, у вас много невест на выданье?

– В том-то и дело, что невеста одна, а женихов много. Гипподамией ее зовут. Ступай по этой дороге и к полудню дойдешь до дворца.

Дорога, указанная рыбаком, имела много развилок, а спросить, куда свернуть, было не у кого. Видимо, купцы и мореходы не очень жаловали эту Пизу. И вдруг показалась погребальная процессия. За прямоугольным ящиком (их называли «медовиками», так как на дальние расстояния трупы перевозили в меду), шло человек двадцать.

– Это дорога в Пизу? – спросил Пелопс у человека, судя по короткой тунике и грубым педилам – раба.

– Оттуда идем! Пусть ее поглотит Посейдон вместе с нечестивым царем Эномаем! Это он убил моего господина.

– Гипподамия – его дочь? – догадался Пелопс, но не получил ответа, так как раб, увидев, что отстал, бросился догонять процессию.

Вступив в город и отослав своих спутников, Пелопс спросил у первого встречного, где находится царский дворец.

– Жених? – поинтересовался прохожий, и в его глазах Пелопс уловил жалость. – Вчера одного увезли. Будешь четырнадцатым.

– Почему четырнадцатым? – удивился Пелопс.

– Потому что вчерашний был тринадцатым. Красавчик и совсем молоденький. Все в городе расстроились, когда узнали, что Эномай обогнал его колесницу и убил юношу. Но царствовать хочется и старым и молодым.

– Он, как я понял, был женихом.

– Женихом, – подтвердил словоохотливый прохожий. – Эномай ведь дает в приданое все царство. Он у нас такой, не мелочится – все царство. За кражу голову рубит, а не руку. Забор царского дворца головами увешан. И можно ли удивляться, если его отец – ненавистный богам и смертным Арес.

«Кажется, злая судьба и впрямь оставила меня в покое, – думал Пелопс. – На новом месте я получил уже три предупреждения и могу спокойно принять решение. Видимо, этот Эномай заставляет женихов состязаться в беге колесниц и, придя первым, убивает. Следовательно, сначала надо поговорить с царским конюхом».

Конюшню Эномая Пелопс легко отыскал по необычайно громкому ржанию. Оно напоминало рев падающей с высокого утеса воды, и сразу стало ясно, что у Эномая необычные кони.

Дверь в конюшню была открыта, но Пелопс не стал туда заходить, ибо все равно не услышать человеческой речи из-за шума. Но вот и конюх. Знаками Пелопс подозвал его к себе и, отведя в сторону, сказал:

– Я – Пелопс из Сипила. Говорит ли тебе что-нибудь мое имя?

– Имя – ничего, а твоя родина – многое. Тебе же, напротив, мое имя может сказать о моей родине. Меня зовут Миртилом.

– Имя Миртил встречается только у сыновей конелюбивого народа китийцев! – воскликнул Пелопс. – Ты умеешь обращаться с конями, а у меня есть золото. Я думаю, мы сможем понять друг друга?

– Ты хочешь обучиться искусству обращения с конями? – спросил назвавший себя Миртилом.

– Нет! – отозвался Пелопс. – Я хочу спасти свою жизнь и готов отдать тебе все золото, что имею. Ведь его с собой в аид не возьмешь.

– Не возьмешь, – согласился Миртил.

Он с первого взгляда понял, что имеет дело с женихом, добивающимся руки Гипподамии.

– Но если мы вступим в сделку, – продолжал китиец, – будет разумнее, если ты оставишь себе половину золота, а мне отдашь половину того, что получишь за победу в конном состязании.

– Согласен! После победы я передам тебе половину царства Эномая.

– И его дочь на полгода, – добавил Миртил.

Содрогнулся Пелопс, едва удержавшись, чтобы не ударить наглеца. Но, не подав виду, сказал:

– Пусть будет по-твоему.

Явившись во дворец, Пелопс представился Эномаю. Услышав, что гость прибыл из-за моря, царь вскрикнул:

– Нет от вас покоя. словно я разослал по всему миру гонцов.

– Молва о красоте твоей дочери, о царь, – произнес Пелопс выпендренно, – обошла мир быстрее, чем самые быстрые гонцы. И я приплыл, чтобы испытать свое счастье.

Эномай злобно усмехнулся.

– А не скрыла ли эта молва, что уже тринадцать человек испытывали счастье и что оно их обмануло?

– Об этом я узнал по пути во дворец и даже встретил похоронную процессию с телом моего предшественника, – молвил Пелопс, потупившись.

– И это тебя не остановило?

– Нет! Я не суеверен. Да и от судьбы все равно не уйдешь.

– Тогда слушай! Путь наш будет лежать через всю Апию, от моего дворца до алтаря Посейдона, близ Эфиры. Если придешь первым, получишь руку Гипподамии и мое царство. В противном же случае бесславным уйдешь в аид!

– Принимаю твои условия, – произнес Пелопс твердо.

Прошла ночь, и едва показалась на небе розоперстая Эос, как Пелопс первым взошел на колесницу и погнал коней во весь опор. В облаке пыли скрылась Пиза с ее строениями. Медные ободья колес гремели по камням, высекая огонь. Колесницу подбрасывало на ухабах, и стоявшего на ней трясло так, что он едва удерживался на ногах. Кони встряхивали гривами, и с их морд падали хлопья пены.

Прошло немало времени, когда сзади послышался грохот. Кони, подаренные Эномаю его отцом Аресом, неслись как вихрь. Ударил Пелопс своих коней хлыстом, но расстояние между колесницами продолжало сокращаться. Можно было уже видеть покрасневшее от напряжения лицо Эномая и копье, занесенное в его руке.

И вдруг задние колеса соскочили с оси, колесница опрокинулась, и Эномай вылетел вперед, как камень, брошенный из пращи.

Остановив коней, Пелопс сошел на землю и, качаясь как пьяный, подошел к трупам жестокого и коварного царя и поднял его на свою колесницу.

Горожане, увидев, что чужеземец возвращается живой, приветствовали его радостными возгласами. Эномай был ненавистен своему народу. Пелопс поспешил к покоям своей будущей супруги, которую он еще не видел. Однако его задержал поджидавший Миртил.

Поздравив победителя, Миртил поднес к его лицу кусок воска.

– Вот моя хитрость! – торжествующе произнес китиец. – Я закрепил оси колес воском, и они отлетели. Принеси жертву сыну Аполлона Аристею, давшему смертным воск и мед.

– Я принесу жертвы самому Аполлону и всем другим богам, сохранившим мне жизнь. Ты же отблагодари Ату, сброшенную Зевсом с Олимпа за обман.

Пелопс обращается к Посейдону с просьбой о помощи в состязании с Эномаем (ропись на сосуде)

В тоне, которым Пелопс произнес эти слова, звучало раздражение. Ведь часто те, кто готов воспользоваться предательством и обманом, самих предателей презирают.

– Ты прав! – отозвался Миртил невозмутимо. – Ата заслуживает гекатомбы. Ведь она сделала меня, простого конюха, владельцем половины Элиды, а вскоре, как мы договорились, я буду супругом Гипподамии. Сейчас ты с нею познакомишься.

С ненавистью взглянул Пелопс на Миртила и, отвернувшись, зашагал к покоям будущей супруги.

Глаза у Гипподамии покраснели от слез. Видимо, она уже знала о гибели отца, но ни единого укора не услышал Пелопс из уст девушки. Могла ли она оправдывать своего отца, губившего тех, кто хотел взять ее в жены. Только теперь, при виде супруги, Пелопс понял, что главной его наградой была не царская власть, а Гипподамия, девушка неземной красоты. И тем невыносимее была мысль, что он должен разделить ее с Миртилом. «Нет! Этого не будет! – решил Пелопс, и у него возник план, как избавиться от китийца. – Я отдам ему всю Элиду, а сам с Гипподамией вернусь в отцовский дом».

Однако Миртил от предложенного ему отказался.

– Это не по уговору, – возразил он. – Мы договорились на половину всего. Целое мне не нужно.

– Пусть будет так! – нашелся Пелопс. – Но сначала я должен вместе с невестой побывать у себя на родине, чтобы перенести ее через порог отцовского дома.

Миртил догадался, что, взяв с собой Гипподамию, Пелопс не вернется.

– Я отправлюсь с тобой! – сказал хитрец. – Ведь пока мы доберемся до твоего дома, придет мой срок, и я тоже перенесу Гипподамию через порог моего отцовского дома, он не так уж далеко от твоего.

Пелопс ничего не смог возразить и лишь с досады махнул рукой. Через несколько дней они отправились в путь. Пелопс вез Гипподамию на колеснице, давшей ему победу. Миртил скакал рядом на коне. Корабль, на котором Пелопс прибыл к берегам, стоял на том же месте, на якорях. Отправляясь в Пизу, Пелопс попросил кормчего подождать его десять дней на тот случай, если ему не удастся устроиться в этой стране.

– Ушел холостым, возвращаешься женатым! – пошутил по-дружески кормчий, приветствуя Пелопса. – И куда же поплывем теперь?

– Туда же, откуда отплыли! – ответил Пелопс, улыбаясь.

– А это кто с тобой? – спросил кормчий, показывая на поднимающегося по сходням Миртила. – Наверное, брат невесты?

Пелопс яростно хмыкнул что-то неопределенное.

На корабле Гипподамия уже не лила слез, с радостью приняв дар Афродиты, которого ее хотел лишиться отец. Из уст Гипподамии Пелопс услышал, что было причиной нечестивого обращения Эномая с женихами: оракул предупредил царя, что он погибнет от руки зятя. Теперь уже Пелопс не чувствовал себя виноватым в убийстве отца супруги: ведь так было предрешиено судьбой.

Свадебное путешествие можно было бы назвать прекрасным, если бы не Миртил. Он все время вертелся около новобрачных и вступал в разговоры, показывая свою причастность к их счастью. Все это раздражало Пелопса, и однажды, дождавшись, пока подойдет Миртил, он обратился к Гипподамии:

– Тебе, дорогая, тяжело переносить долгое плавание. Вскоре мы высадимся на острове. Пока мореходы будут набирать воду, мы с тобой пройдемся по суше.

Когда корабль пристал к каменистому островку, Пелопс и Гипподамия сбежали по сходням на берег. К ним присоединился Миртил.

– Пойдем сюда, – сказал Пелопс, показывая на скалистый утес, нависающий над морем. – Оттуда должен открыться прекрасный вид.

Тропинка была настолько узкой, что пришлось идти по одному. Первой шла Гипподамия, за нею Пелопс, последним, тяжело дыша, следовал Миртил. В том месте, где тропинка выходила на ровную площадку, Пелопс неожиданно обернулся и сильным ударом сбросил Миртила в море. Падая, тот успел выкрикнуть проклятие Пелопсу и его потомству.

Гипподамия стала бледна, как молоко.

– Наши дети! – простонала она. – Что с ними будет?

И понял Пелопс, что Гипподамию напугало не убийство Миртила – он был отвратен и ей, а то, что перед смертью негодяй успел проклясть их род.

Подавленные происшедшим, супруги возвратились на корабль. Веселый кормчий встретил их словами:

– Ушли втроем, пришли вдвоем.

– Все бывает! – отозвался Пелопс.

– А теперь куда поплывем? – спросил кормчий. – На восток или на запад?

– Сначала на восток и на север, как хотели, а потом назад, откуда отплыли.

Кормчий понимающе улыбнулся.

Через несколько дней показались покрытые лесом вершины Сипила. Высадившись, чтобы принести жертвы отеческим богам, Пелопс заодно обратился к прославленному на его родине предсказателю. Тот передал повеление богов: Пелопс должен с почетом похоронить своего тестя и учредить в его память состязания в Олимпии.

Стоя на палубе рядом с Гипподамией, Пелопс мысленно прощался со своей родиной. Он знал, что больше никогда не вернется на эту землю, где ему пришлось пережить столько горя. А что его ждет в Элиде? Предотвратят ли жертвоприношения в честь Эномая бедствия, какие предрек Миртил?

Так вот ты, земля Арголиды,
Суровый родительский дом,
Где стонет от давней обиды
Владыка воды Посейдон,
Где точат по воле Даная
У брачных постелей ножи, -
Земля, словно пепел, сухая,
Обитель измены и лжи.

Арголида была во II тыс. до н. э. наиболее развитой в экономическом отношении частью Пелопоннеса. Выгодное географическое положение ее городов, ведших торговлю морским путем с Востоком, Западом и Югом, дополнялось возможностями земледелия и скотоводства. Мотив добычи воды, занимающий особое место в мифах Арголиды, появился, когда ее реки высохли.

Арголида обладает преданиями, рисующими ее древнейшую историю. Первопредком аргосцев миф называет Форонея, сына реки Инаха. Будто бы уже тогда встал вопрос, кому владеть Арголидой, и права на нее предъявили Посейдон и Гера. В качестве судей спора были выбраны три реки – Инах, Кефис и Астерий, и они единодушно присудили страну Гере. Обиженный Посейдон жестоко наказал судей, лишив Арголиду пресной воды. О древности этого предания свидетельствует то, что Посейдон представлен как владыка пресных вод, тогда как в сходном мифе о соперничестве с Афиной за обладание Аттикой он уже владыка соленой морской влаги.

К последующему поколению героев Арголиды относились в Аргосе Акрисий и его внук Персей (последний был также героем-основателем Микен), в Тиринфе – Пройт, в Коринфе, находившемся в те времена под властью Тиринфа, – Сизиф и Беллерофонт. Первоначальным ядром мифа о Персее была легенда о победе над Медузой (хтоническим божеством, мыслившимся как возлюбленная бога-коня Посейдона), из головы которой появляется волшебный Пегас, сохранивший облик отца. Сначала действие мифа разворачивалось в Пелопоннесе, но затем ареал его расширился, охватывая берега и острова Океана, а также эгейский остров Сериф, куда младенец Персей вместе с матерью Даная был выброшен волнами. Мать Персея, судя по имени, отнесенная к потомству Даная, рассматривалась также как родоначальница данайцев – народа, участвовавшего в освоении Малой Азии. С Малой Азией связан и другой герой Арголиды – Беллерофонт, совершавший подвиги в Ликийи и овладевший Пегасом, которого высвободил Персей. Беллеронтона почитали некоторые малоазийские аристократические роды, потомки выходцев из Пелопоннеса.

Родоначальником поколения, сменившего в Аргосе и Микенах потомков Персея, считался герой Элиды Пелопс, которому приписывалось малоазийское происхождение. Традиционной версии о чужеземном происхождении Пелопса противоречит то, что полуостров получил его имя, а сыновья Пелопса Атрей и Фiest воцарились в Аргосе. Они совершали чудовищные преступления по отношению друг к другу, в которые были втянуты их сыновья и внуки.

Судьбы поколения счастливых и поколения преступных царей привлекли афинских драматургов V-IV вв. до н. э. и стали сюжетами ряда трагедий. В период правления преступных царей происходит удостоверенное археологическими раскопками крушение микенских царств и уничтожение блестящей микенской культуры. Не были ли эти внутренние раздоры причиной слабости микенских царств, неспособности оказать сопротивление вторгшимся с севера племенам? Или это стало результатом гигантской природной катастрофы?

Древнему путешественнику, оказавшемуся в храме Аполлона Ликийского, что в Аргосе, жрец с гордостью показывал горящий светильник, уверяя, что это огонь, ставший известным людям впервые.

– Огонь Прометея? – спрашивал удивленный чужеземец.

– Нет! Форонея, нашего земляка. Он был первым человеком на земле и первым земным царем. Он зажег этот светильник, и от его пламени пошли все домашние очаги. Это он первый соединил возле очагов людей, бродивших по лесам, как звери. Он, а не Прометей научил их мастерству и почитанию богов. Он передал в дар Гере оружие, изготовленное дактилями. За это он был вознагражден потомством. Конечно же тебе известно, что дочерью его была Ниоба,

мать всех живущих. Сыновья же его – Апис, Иас, Лик и Агенор.

Путешественник, побывавший в Фивах, слышал там, что Ниоба была дочерью Тантала, а Апис – сыном Тельфиса. Но с аргосцем спорить не стал, ибо понимал, что за давностью родословная древних царей и героев не может быть установлена с точностью, и в каждом эллинском городе старые предания рассказывают по-своему.

У сына беглянки Ио, ставшего владыкой Египта, от дочери Нила родились два могучих сына-близнеца, Данай и Эгипт. Они переняли чуждые эллинам обычаи. У Данаев был гарем из десяти жен, и у каждой из них родилось по пять дочерей. Не желая ни в чем уступать брату, Эгипт тоже взял десять жен, и они все вместе родили ему пятьдесят сыновей.

Когда они стали взрослыми, их сердца загорелись любовью к прекрасным двоюродным сестрам.

И тут стало ясно, что Данай, в отличие от Эгипта, не был египтянином до конца. Женильба не только на двоюродных, но и на единокровных сестрах в египетских царских домах считалась угодной богам, а Данай воспротивился этому браку и твердо решил: лучше отправиться в изгнание, возвратиться на неведомую родину, чем позволить дочерям вступить в преступный кровосмесительный брак.

Взмолился Данай владычице Афине, вечной деве, и она, умелая во всех ремеслах, помогла ему построить пятидесятивесельное судно для всей его большой семьи и слуг. Слуги сели за весла, Данай занял место у кормила, а дочери устроились на палубе, чтобы любоваться неведомым морем и возникающими из него островами.

Первой остановкой на пути в страну предков был возлюбленный Гелиосом остров Родос. Здесь отец и дочери с помощью слуг соорудили великолепное жилище для Афины, храм из вечного камня, и принесли на алтаре первые жертвы. Здесь же, по одной из версий мифа, умерли три Данаиды, и их имена получили города Иалис, Камир и Линд.

В Арголиде, куда благополучно прибыли Данай с дочерьми, тогда жили пеласги, и над ними правил царь Геланор. Народ, узнав, что пришелец – потомок древних правителей страны, стал думать, кто более достоин власти – Геланор или Данай.

Случилось так, что в один из этих дней на стадо царских коров напал Аполлон в облике волка и одолел быка, вожака стада. Аргосцы усмотрели в этом указание богов, кому править их городом. Поскольку бык был местным, а волк пришедшим из леса, они решили, что царем должен стать пришелец. И власть была передана Данаю. Он не оказался неблагодарным и воздвиг храм Аполлону-Волку, ибо был уверен, что в облике волка явился бог-стреловец. После этого аргосцы стали именоваться данайцами.

Данай, выросший на берегу Нила, никак не мог примириться с нехваткой пресной воды. Он разослал дочерей по стране, приказав отыскать подземные воды. Более других повезло Амимоне. Странствуя, она увидела красавца оленя. Метнув в него дротик, она, не будучи охотницей, угодила в спящего сатира. Тот, проснувшись, бросился к девушке. На ее крик прибежал Посейдон. Разделила с ним ложе Амимона, и в благодарность Посейдон открыл выход подземному источнику, дав ему имя возлюбленной. От этого источника родилась река, образовавшая Лернейское болото, ставшее местом рождения и обитания Гидры. От брака Посейдона и Амимоны родился Навплий, предок знаменитого героя с тем же именем. Он открыл искусство кораблевождения, используя для этого созвездие Большой Медведицы. Ему приписывалось основание города Навплия, первые обитатели которого стали мореходами.

А тем временем Эгиптиадам, сгоравшим от любви к двоюродным сестрам, удалось напасть на след Данаев и его дочерей. Прибыв в Аргос, они явились в царский дворец и потребовали Данаид себе в жены. Данай понял, что не справится с пятьюдесятью сильными юношами, и отпраздновал свадьбу. Но перед тем как отпустить дочерей к мужьям, он дал каждой из них по кинжалу, приказав убить мужей, чтобы не допустить кровосмешения.

Послушные дочери повиновались отцу, залив брачные постели кровью мужей-братьев. Только одна из них, Гипермestra, пощадила своего супруга Линкея и тем погубила сестер. Наутро Линкей отправил их в аид. По другой версии, Данаиды остались жить и получили других мужей, от которых пошли герои и простые смертные. В эллинистическую эпоху возник миф о наказании Данаид в аиде, где они должны были наполнять дырявый сосуд. Многим в древности это казалось суровым наказанием. Но те, кто находил поступок целомудренных сестер благочестивым, утверждали, что данаидам, правнучкам полноводного Нила, было дано вести в аиде привычный образ жизни.

Взвился крылатый конь, стремится полет свой рьяный,
Клубит горячий пар из яростных ноздрей,
Неся любовников все выше, все быстрее
Сквозь голубую ночь и сквозь эфир звездный.
И ветер порывистый вздувает гриву, хвост
И крылья-парусы, что, мчась от звезд до звезд,
Несут обнявшихся, баюкая, лелея.
И дева, и герой, откинувшись лицом,
Глядят, как, от Тельца лучась до Водолея,
Горят созвездья их во мраке голубом.
Жозе-Мариа де Эредиа (пер. Г. Шент ели)

У Абаса, царя Арголиды, было двое сыновей – Пройт и Акрий. После смерти отца братья повздорили. Акрий изгнал Пройта из Аргоса. В конце концов они сошлись на том, что разделили власть. Акрию достался Аргос, Пройту – Тиринф.

У Акрия от Аглаи родилась дочь Даная и выросла настоящей красавицей. Опасаясь, что после кончины его власть над Аргосом перейдет к Пройту, Акрий волновался, кто станет его зятем, и обратился за советом к оракулу. Вместо ответа на этот вопрос оракул объявил: «Найдешь ты смерть от руки внука». И встревоженный царь приказал заточить красавицу дочь в глубокое подземелье, чтобы она никогда не стала матерью. Но нет преград для всевидящего и всемогущего Зевса! Он проник сквозь решетку темницы звонким золотым дождем. Даная родила прекрасного младенца, назвав его Персеем.

Через десять лун Акрий, проходя мимо подземелья, услышал голос ребенка и догадался, что его предосторожности не помогли. Рассвирепев, он приказал слугам сбить деревянный ларь, сам усадил туда дочь с внуком и безжалостно столкнул их в бурное море.

Даная в подземных покоех; сверху на нее падают капли золотого дождя

Услышали nereиды детский плач, увидели сквозь щели в досках младенца и влюбались им. Прекратив свои буйные забавы, они понесли ящик, качая его на плечах, как люльку, к каменистому островку, чье имя Сериф. И задремал Персей на руках у Данаи, плывя навстречу своей великой судьбе.

В то утро у берегов Серифа промышлял один из рыбаков. Почувствовав, что сеть зацепила нечто тяжелое, он подтянул этот предмет багром и поднял на лодку. И развалился ларь. Из него вышла молодая женщина невиданной красоты со спящим младенцем. От удивления вскинул рыбак вверх руки и вознес молитву богам, пославшим такой необыкновенный улов.

Тем временем в бухточку, куда причалила лодка рыбака, собрались стар и млад. Явился и царь острова Полидект. Глядя с восхищением на Даная, он протянул ей руку.

– Меня не интересует, – сказал царь, – за что ты потерпела такую суровую кару. Я беру тебя в свой дом. А твою дочь накормят пастухи...

– Это не дочь! – гордо проговорила Даная, разворачивая младенца. – Это сын, сын Зевса.

Многие простые люди упали на колени или преклонили головы. Полидект же не шевельнулся.

По его губам скользнула недоверчивая улыбка.

Шли годы. Полидект не оставлял надежд сделать Данаю своей женой. Но гордая аргивянка отвечала на все его просьбы отказом. Ей ли, замеченной самим Зевсом, быть женой смертного! Любуясь сыном, она размышляла о его будущем. «Известно ли о нем Зевсу? Почему он не дает знака своей милости? Может быть, опасается мстительной Геры?»

Все меньше оставалось у Полидекта надежд на брак с чужестранкой. Теперь Персей сможет защитить мать, и царь решил от него избавиться. Вызвав юношу к себе, он сказал:

– Долго ли ты будешь нежиться под крылом матери? В твоём возрасте даже те, у кого отцы простые смертные, совершают великие подвиги.

– Я готов сделать все, что ты прикажешь, царь, – спокойно ответил Персей.

– Тогда принеси мне голову горгоны Медузы. Да поможет тебе в этом твой отец Зевс.

По тону, каким были сказаны эти слова, Персей догадался, что царь задумал недоброе. Но он еще не знал, где находится эта горгона Медуза и можно ли ее одолеть.

– Хорошо, – отозвался юноша. – Клянусь моим отцом Зевсом, что ты получишь эту голову.

В тот же день, простившись с матерью, Персей покинул остров, заменивший ему на ряд лет родину.

Нет! Не запамätовал Зевс среди всех своих забот и дел о сыне. Он отправил к нему своего вестника Гермеса, и тот ему объяснил, что горгон всего три, а одна из них, носящая имя Медуза, лишена бессмертия, но наделена страшной силой. Где скрывается она вместе со своими сестрами, бессмертными горгонами, Гермес не знал. Было ведомо о том только старшим сестрам горгон – грайям, тем самым, что жили на крайнем западе и имели на троих один глаз и один зуб. Пожелал Гермес Персею успеха и, вручив кривой острый меч, отправился выполнять другие поручения своего божественного повелителя. Вскоре появилась богиня Афина, одарившая юношу блестящим круглым щитом.

Акрисий дает распоряжения плотнику, который сооружает ковчег, куда царь поместит свою дочь Данаю и младенца Персея, которого держит на руках кормилица ((роспись на сосуде))

Далек и труден путь на край света, где завершается каждодневный путь Гелиоса. Много прошло времени, пока Персей добрался туда и увидел отвратительных старух грай. Они, к счастью, не заметили его, потому что он приблизился к ним в то мгновение, когда одна из грай, вынув из глазниц око, передавала его другой. Как молния бросился Персей вперед и, сжав трясущуюся руку старухи, выхватил у нее глаз. Заметались грайи, зашелестели своими седыми космами.

– Кто бы ты ни был, пришелец, – прошепелявила та из них, у которой изо рта высовывался большой желтый зуб, – отдай нам око и проси каких хочешь сокровищ.

– Мне не нужны богатства, – ответил Персей, сжимая в кулаке свою добычу. – Укажите дорогу к вашим младшим сестрам горгонам, и я верну то, что просите.

Завопили грайи дикими голосами, забились в испуге.

– Как хотите, – произнес Персей. – Я могу обойтись...

– Нет! Нет! Не уходи! – завопили старухи хором. – Отдай нам наше зрение, и мы откроем тебе тайну.

– Да будет так, – согласился Персей. – Как только вы мне покажете путь к горгонам, око будет ваше.

И снова Персей в пути. Грайи рассказали ему, что их младшие сестры живут на острове, и показали направление, в котором он находится. Но этот остров так далек, что добраться туда на веслах или парусах не удастся и за десяток лет. Сильны руки Персея, но и они стали уставать. А когда он уснул, лодку окружили стремительные nereиды, с жадностью и любопытством разглядывая юного красавца.

– Неужели это тот самый младенец, которого мы качали на своих плечах? – проворковала одна из nereид.

– Не для того мы его спасли, чтобы ему погибнуть, – проговорила другая. – Пока он доплывет до острова, у него иссякнут силы.

– А если останутся, то все равно ему не одолеть горгон, – добавила третья. – У грай одно око на троих, а у горгон их шесть, да каких зорких.

– Давайте ему поможем, – предложила старшая nereида.

Пробудившись, Персей обнаружил дары могущественных и благосклонных морских нимф: шлем-невидимку, сандалии с крыльями и сумку, принимавшую размеры и форму предмета, который в ней находился.

Надев сандалии, натянув шлем-невидимку, перекинув волшебную сумку через плечо, Персей взлетел в небо. Nereиды, закинув головы, смотрели вверх, пытаясь его разглядеть. Забыв, что невидим, он махал им руками. Но вскоре nereиды услышали из пустоты:

– Прощайте!

А он едва уловил:

– Доброго пути!

Еще в детстве, над островом Серифе, Персей наблюдал за птицами, пролетающими весной на север, а осенью на юг. Как ему хотелось иметь их крылья, чтобы облететь весь мир. Теперь он может парить, как птица, но путь его лежит туда, где находится мрачная страна мертвых. Ему даны крылья долга. Его ждет встреча со страшными чудовищами. С ними еще никто не сражался. И никто не рассказывал, как они выглядят, ибо каждый, кто встречался с горгонами взглядом, превращался в камень. Об этом ему говорил Гермес.

Далеко впереди показалась черная полоска. Еще быстрее полетел Персей, и вот он уже видит омываемый свинцовыми водами остров. Но что это на нем сверкает и слепит глаза? Юноша спустился ниже и разглядел скалу с тремя дремлющими горгонами. На солнце блестели их лениво распростертые медные руки. Мирно спали страшилища, не чуя опасности. Только змеи шевелились на их головах.

Персей быстро отвернулся, чтобы не увидеть лиц горгон, и взгляд его случайно упал на щит. Сердце героя возрадовалось. Он понял, как можно смотреть на горгон, не глядя на них. Теперь осталось догадаться, кто из них Медуза. Вглядываясь в щит, как в зеркало, он видел, что они похожи, как две капли молока: у всех троих широко открытые пасти с высунутыми языками, шевелящимися даже во сне, медные руки с острыми стальными когтями, тело в блестящей чешуе, крылья со сверкающими золотыми перьями.

Бешено кружился Персей над островом, не зная, как поступить. «Какая из них Медуза! Какая – Медуза?» – в отчаянье шептал он.

И его услышали на многовершинном Олимпе.

– Руби крайнюю, что к морю! – послышался знакомый Персею голос Гермеса.

Как ястреб, ринулся юноша вниз. Свист его падения почуяли змеи на голове Медузы и поднялись с шипением на невидимого врага. Сама же Медуза едва успела пошевелиться. Меч сверкнул в воздухе, и голова чудовища оказалась в руках Персея. Из шеи Медузы хлынул поток крови, а из него, о чудо, выскочил Пегас, крылатый конь ослепительной белизны. Персей попытался его схватить, но конь, расправив крылья, скрылся в небе. Герой швырнул

голову Медузы в сумку, и она приняла ее форму. И только тогда пробудились две бессмертные горгоны. Увидев, что рядом с ними корчится в судорогах смерти тело их сестры, они взлетели в воздух. Но ни над островом, ни далеко от него в море никого не было видно.

А Персей, унося свою ношу, уже парил над безжизненными песками знойной Ливии. Даже волшебная ткань, из которой была сделана его заплечная сумка, не могла удержать ядовитую кровь Медузы, и немало капель ее просочилось в пески. От них пошел род ядовитых змей, которыми с тех пор кишит Ливия. Если же капли падали в океан, там возникали кораллы.

В ликовании, придававшем полету невиданную скорость, не заметил Персей, что уже несколько раз пролетел одно и то же место. Но когда спустилась ночь, это ему показали звезды. Трижды он увидел клешни Рака. Опасаясь заблудиться, он опустился в Гесперии, крайней стране земли, отданной богами титану Атланту. Пробираясь сквозь бесчисленное стадо овец, добрался Персей к утру до каменной ограды и увидел за нею раскидистые деревья. Из-за зеленых листьев то там, то здесь высывались плавающие на солнце золотые плоды. Услышав злобное рычание, понял герой, что это сад, который титан Атлант огородил и поручил охранять огромному дракону. А вот и сам Атлант ростом с гору.

«Как он огромен! – подумал Персей. – Я перед ним муравей. Но разве ростом определяется величие подвига?!»

– Эй, господин горы! – крикнул он во всю мочь.

Но, кажется, Атлант его не услышал. А может быть, он не устаивал его своим вниманием.

– Эй! – повторил герой громче. – Может быть, по сравнению с тобой я мал, но мой отец – Зевс, и совершил я такое, что тебе и не снится.

Вздрогнул титан при слове «Зевс», и вместе с ним дрогнула земная ось. Помнил Атлант о предсказании Фемиды: «Время наступит, Атлант, и ограблено будет золото с твоего дерева, и лучшая часть достанется Зевсову сыну». Но этот хвастливый пигмей не похож на сына Зевса.

– Прочь отсюда! – крикнул титан громовым голосом. – Знай, что тебе не поможет слава сочиненных тобой подвигов, да и сам Зевс...

– Если ты мне не веришь, то взгляни на это! – воскликнул Персей.

Взглянул Атлант на лицо горгоны и окаменел. Стал титан горою, его плечи и руки преобразились в хребты, огромная голова превратилась в круглую голую вершину, а борода – в поднимающиеся по склону кустарники.

Впервые осознав свое могущество и сам им напуганный, Персей взметнулся ввысь. И снова за его спиной свистит воздух, а внизу один вид сменяет другой. Так он оказался на крайнем юге земли, над страной эфиопов. Сверху он видел и курчавые головы, слышал треск барабанов, в которые эфиопы колотили без усталости. А вот и Океан, с которым соприкасается страна возлюбленных Гелиосом людей.

Но что это? Персей увидел скалу и у ее уходящего в волны подножия что-то белое, напоминающее очертанием мраморную статую. Приблизившись, герой понял, что зрение его не обмануло. Там была прикована девушка необыкновенной красоты.

– Кто ты? – спросил Персей. – За что эта кара?

Ничего не ответила дева. По ее бледным щекам катились слезы. Персей опустился на скалу и увидел рядом одетых в траур мужчину в царской короне и женщину со следами красоты, почти уничтоженной горем.

– Спроси об этом меня! – закричала женщина, протягивая к Персею руки. – Это мой болтливый язык всему виной. Я, Кассиопея, гордилась красотой и хвасталась, что прекраснее Нереид и всех женщин. Мои безумные речи были переданы Посейдону, и он наслал на нашу страну чудовище, подобное исполинской рыбе. Стонами наполнилось царство моего супруга Кефея. И когда обратились к оракулу, он посоветовал, дабы умиловить Посейдона, отдать чудовищу мою ни в чем не повинную дочь, невесту нашего соседа Финея.

Не успела закончить Кассиопея свой рассказ, как из воды высунулась огромная пасть с двумя рядами острых зубов. Гоня хвостом волны, зверь двигался к скале, где висела ни жива ни мертва Андромеда.

Со скоростью камня, выпущенного из пращи, сорвался Персей со скалы и опустился на спину

чудовища. Увидев скользнувшую тень, зверь повернулся с удивительной быстротой и, подпрыгнув, сомкнул челюсти. Но Персей уже был в воздухе. Изловчившись, он нанес первый удар. Кривой меч вошел в бок чудовища до рукояти. Еще раз взметнулся зверь. Но герой, вновь избегнув его ярости, вонзил меч с другой стороны. Сандалии намочили в воде и держали юношу с трудом. Понесся Персей к скале и, ухватившись за ее вершину, поразил зверя в пространство между чудовищными ребрами.

Обмяк зверь и поплыл по воде, как огромный бурдюк с вином. Бросились к герою потрясенные пережитым царь и царица. Но Персей уже занят пленницей. Он вырывает из скалы вбитые туда медные клинья для оков и освобождает затекшие руки и ноги Андромеды.

– Вот ваша дочь! – сказал он родителям, протягивая пришедшую в чувство Андромеду.

– Ты ее спас, – произносит царь. – Она твоя, чужеземец. И пусть мои владения будут приданым.

В тот же день в царском дворце шумела свадьба, какой мир не видывал. Не было конца здравицам в честь героя с пожеланиями счастья молодым. Когда же было покончено с поздравлениями, с трапезой и с дарами щедрого Диониса, поднялся старший из гостей и спросил, откуда жених родом и как ему удалось одолеть чудовище.

Но не успел Персей поведать о своих приключениях. Раздался воинский клич, топот ног и звон оружия. В торжественный зал ворвался жених Андромеды Финей с вооруженными друзьями и слугами.

– Вот ты, похититель невест! – воскликнул он. – Тебе не поможет и сам Зевс, даже будь он твоим отцом!

И разгорелась битва. Многих врагов поразил меч Персея. Но Персей был один, врагов же множество. В сторону героя летели копья и дротики. Ему пришлось укрыться за колонной. И тут юноша вспомнил про голову Медузы. Вытащил он ее из сумки и, крикнув: «Кто мне друг, отвернитесь!» – выставил перед собой, как щит. При взгляде на голову Медузы наступающие оцепенели. Зал наполнился каменными статуями в самых разнообразных позах.

Ужас объял Финей при виде того, что стало с его друзьями и слугами. Он упал на колени, моля Персея о прощении. Но герой был беспощаден.

– Отныне ты будешь главным украшением этого зала! – крикнул он, направляя на него голову Медузы.

И застыл коленопреклоненный Финей, став памятником предательства и трусости. Ведь он не подумал спасти Андромеду, когда она оказалась в беде, а захотел отнять у человека, жертвовавшего ради ее спасения жизнью.

Пока Персей совершал свои подвиги и еще год находился в стране эфиопов, Полидект решил осуществить свое давнее намерение.

Однажды утром царь с толпой слуг решительно вошел в покой Данаи.

– Твой сын погиб! – прошипел он, подступая к испуганной женщине. – Разве дано смертному справиться с тремя горгонами?

– Его защищают боги! – твердо произнесла Данаи.

– Посмотрим, как они защитят тебя! – усмехнулся Полидект и дал знак слугам. Они потащили Данаю в темницу.

Как не похожа была эта темница на ту, озарявшуюся золотистым светом, куда проникал, лаская тело и радуя глаз, неукротимый поток золотых капель. Забыл непостоянный Зевс о своей бывшей возлюбленной, не увидел, как несколько дней ей не давали ничего, кроме воды. Появившись через несколько дней, царь спросил, не одумалась ли Данаи. Она безразлично ответила, что согласна на все.

Торжествуя, Полидект пригласил на свадьбу едва ли не всех обитателей острова. Гости не могли поместиться в мегароне, и столы были расставлены в просторном дворе.

Когда приглашенные заняли места, вошли Полидект и Данаи. Но не суждено было начаться свадебному пиру. Едва царь дал знак к началу торжества, как послышался конский топот, и почти в то же мгновение у входа выросла фигура Персея.

– Свадьба не состоится! – твердо произнес он. – Всем известно, что мою мать принудили к ней силой. Да если бы она и была согласна, не даю согласия я, ее сын.

Гости зашумели, то ли одобряя смелость юноши, то ли осуждая его дерзость. Но все затихло, когда, вскочив со своего места, Полидект рванулся навстречу неожиданному гостю:

– Сначала расскажи, трус, как ты выполнил мое поручение!

– Ты этого требуешь, царь?

– Да, требую!

– Тогда убедись!

Выватив из сумки голову Медузы, Персей направил ее на тирана, и тот немедленно превратился в каменное изваяние. Не дожидаясь, когда их постигнет та же участь, гости в ужасе разбежались.

Не захотел Персей оставаться на острове, принесшем столько страданий его матери. Передав власть рыбаку, который в свое время вытащил из моря плавучий ларь, он отправился с Андромедой и Данаей на родину, в Арголиду, уверенный, что слава его подвигов смягчит гнев сурового деда. Но Акрисий не пожелал увидеть героя! При известии о возвращении дочери и внука он бежал в далекую Фессалию.

Прибыв в Аргос, Персей возвратил нереидам сандалии, шапку-невидимку и чудесную сумку, Гермесу отдал его меч. Владычица Афина получила свой щит и в придачу к ней голову Медузы. Богиня прикрепила ее на своем сверкающем панцире и стала еще могущественнее.

Затем Персей отправляется на поиски деда. Он находит его в Ларисе, городе фессалийских пеласгов, и уговаривает вернуться на царство. Но как раз перед их отъездом царь Ларисы устроил погребальные игры в память своего отца. Во время соревнований неудачно брошенный Персеем диск насмерть сразил Акрисия.

Похоронил Персей деда у ворот Ларисы и, убитый горем, вернулся в Аргос. Но не смог он править городом, чей царь пал от его руки. Решил герой передать власть одному из родственников, а сам переселился в Тиринф, где и стал царем.

Как раз в это время совершал победное шествие по всем землям бог Дионис со своей свитой. Долгие годы между Персеем и Дионисом шла война. Много столетий спустя в Олимпии показывали могилы убитых героем менад. Об исходе же его борьбы с богом рассказывали по-разному. Одни говорили, что Персей примирился с Дионисом и дал ему в Арголиде землю, где умерла и была похоронена Ариадна. Другие утверждали, что герой убил Диониса и бросил его голову в Лернейское болото.

В знак ли одержанной победы или просто из желания оставить о себе память как о строителе городов Персей основал неподалеку от Тиринфа Микены, чтобы было где править его потомкам.

Первым царем в основанных Персеем Микенах стал его сын от Андромеды Электрион. Несчастливым было его правление – не давали стране покоя морские разбойники телебои, обосновавшиеся на островах Ионийского моря. Они грабили прибрежные города и уводили в плен жителей. Долгой и кровопролитной была война с телебоями. В морских и сухопутных сражениях погибли почти все сыновья Электриона. Сам же он перед началом очередного похода был по оплошности убит Амфитрионом, сыном Алкея, женатым на его дочери Алкмене.

Ошеломленные гибелью своего царя, микенцы изгнали Амфитриона, и тот бежал вместе с женой в Фивы, где тогда правил Креонт, его дядя по матери. Креонт не только очистил племянника от невольно пролитой родственной крови, но и оказал ему помощь в войне с телебоями.

Присоединились к возглавленному Амфитрионом фиванскому войску и другие герои: цари Аттики, Фокиды, Арголиты, так как разбойники нападали и на их земли. Нелегко далась Амфитриону победа, не скоро вернулся он в Фивы.

Между тем в отсутствие мужа к Алкмене явился Зевс, приняв облик Амфитриона. Придя в спальню, он стал рассказывать о сражениях с телебоями, и женщина приняла его за мужа. Пока длилась брачная ночь, Гелиос трое суток не всходил над землей, но не заметила этого Алкмена. Лишь когда в Фивы во главе войска победителей вступил Амфитрион, встретивший супругу так, словно не расстался с ней утром, поняла Алкмена, что возлежал с ней сам Зевс.

Рассказала она обо всем мужу, и тот простил супругу, так как не усмотрел ее вины.

Через десять лун родила Алкмена близнецов. И один из них был сыном Зевса. Полюбил Амфитрион обоих и воспитал как воинов.

Отец истории Геродот, побывавший по пути в Олимпию в соседнем с Коринфом Сикионе, был свидетелем сценических представлений, которыми чествовали героя Адраста, подобно тому как в Афинах – Диониса.

С Адрастом, сыном царя Талая, связан один из бурных периодов в истории Аргολиды. Его юность протекла в Аргосе, где в то время на царскую диадему кроме него было еще несколько претендентов и самый опасный из них – прорицатель Амфиарай, любимец сразу двух богов – Зевса и Аполлона. Пришлось Адрасту бежать в Сикион, где царствовал его дед по матери Полиб. После смерти Полиба Адраст стал царем Сикиона и прославился тем, что в долине Немей, близ священной рощи, учредил игры в честь древнего владыки Аргολиды Посейдона.

Между тем в Аргосе не утихали междоусобицы. И Адраст, умудренный годами и жизнью, нашел способ мирно соединить Сикион с Аргосом и успокоить волнения. Он породнился с главным из своих недругов Амфиараем, выдав за него свою красавицу сестру Эрифилу, и тот убедил сограждан призвать Адраста на царство. Эрифила же стала судьей в спорах между Адрастом и Амфиараем. Они беспрекословно выполняли ее волю.

Как-то ночью Адраст проснулся от мощного грохота. Зевс Громовержец показывал смертным свое могущество. Почти одновременно послышались сильные удары в дверь. Со светильником в руке царь вышел на стук и отодвинул засов. Перед ним стояли два незнакомых юнца, уже успевшие промокнуть от ливня. Один, низкорослый и широкоплечий, был в шкуре льва, приходившейся ему до лодыжек. На плечах другого, тонкого и стройного, красовалась шкура вепря. Первый назвался Тидеем, сыном царя Калидона Ойнея, другой – Полиником, сыном Эдипа, известного своими несчастьями. Оба, перебивая друг друга, рассказывали о несправедливости к ним и просили оказать им гостеприимство.

Адраст ввел их обоих в дом и тут же предложил им в жены своих дочерей. Юноши удивились такому напору. Они были бы рады породниться с царем могущественного Аргоса, но надо ведь сначала посмотреть на своих невест.

– Мои дочери – красавицы, – объяснил царь. – От женихов нет прохода. Но оракул посоветовал выдать их замуж за льва и кабана. Вот уже больше года я жду, чтобы ко мне явились гости с этими именами. Теперь я понял, что имел в виду бог.

С этими словами он погладил шкуру льва. Полиник пододвинулся ближе, чтобы царь коснулся и его колючего одеяния.

– Что ж! – заключил царь. – Вижу, все согласны. Я принимаю вас в свой дом и обещаю вернуть на родину. Вы будете царствовать, и в жилах ваших потомков в Калидоне и Фивах потечет и моя кровь.

– Почему ты начал с Калидона? – возмутился Полиник.

– Слово вырвалось, не вернешь! – вставил Тидей. – Сначала царем стану я, а потом ты.

Так начался спор, едва не оставивший дочерей Адраста старыми девами. Уже загремели мечи, ударяющие о щиты.

– Прекратите! – приказал строго Адраст. – Вы не у себя в доме. У нас в Арголиде споры решаются мирными состязаниями. Утром я познакомлю вас с вашими женами Аргией и Эгиалой, а когда состоятся учрежденные мною игры в Немее, вы будете бежать вдвоем по одной дорожке, и тот, кто окажется первым, будет первым восстановлен в царской власти.

Победителем в Немейских играх стал длинноногий Полиник. Сразу же, еще в венке из сельдерея на голове, он бросился к Адрасту:

– Отец! Когда же ты пошлешь войско, чтобы свергнуть моего нечестивого брата Этеокла?

– Не торопись, сынок, – улыбнулся Адраст. – Боги не любят торопливых. Прежде чем браться за оружие, надо употребить слово. Так меня учил мой дед Полиб, да будут к нему милостивы подземные боги. Надо послать к твоему брату посла. Ведь он, узнав, кто твой заступник, сам может отказаться от власти в твою пользу.

– Он не откажется, – вспыхнул Полиник.

– Надо попробовать, – ответил Адраст.

– Разреши пойти послом мне, – вмешался Тидей. – Ведь никто больше меня не заинтересован в том, чтобы Полиник скорее стал царем. А фиванцы могут прислушаться к моему голосу, ведь им неизвестно, что теперь я родственник Полиника.

Сказав это, он обнял Полиника.

– Твоими устами вещает сама мудрость! – похвалил царь.

Гомер так описывает посольство Тидея:

Вестником снова тогда снарядили ахейцы Тидея: Он же пошел и в пути многочисленных встретил фиванцев, Кадма детей, хоть и был среди них чужеземцем. Вызвал он всех на борьбу и легко победил в состязаньи.

Такая победа была возможна лишь благодаря покровительству Афины. На обратном пути в Аргос фиванцы устраивают герою засаду, но он перебивает их всех, кроме одного, которому сохраняет жизнь, повинувшись небесному знамению.

Главная черта характера Тидея – дикая свирепость. Еще на родине, в Этолии, он убил брата Ойнея Алкофоя и собственного брата Олепия. Это он заколол дочь Эдипа Исмену, встретив ее у колодца, очевидно, во время того же посольства.

Поскольку не удалось водворить Полиника на царствование словом, герои взялись за оружие. Было создано семь отрядов, по числу ворот в Фивах. Но боги отказывали героям в удаче. Это стало ясно сразу же, когда прорицатель Амфиарай, спросив богов, объявил, что они предрекают бедствия.

Но не таков был Адраст, чтобы отступить перед каким-либо препятствием, даже если это воля богов. Недаром ведь его имя означает «тот, которого нельзя отвратить». Помогло то, что женой Амфиарая была его сестра, женщина вздорная и корыстолюбивая. Адраст предлагает Полинику побеседовать с супругой Амфиарая, и та, прельщенная обещанием получить после захвата Фив сокровище Кадмидов – ожерелье Гармонии, берется уговорить мужа отправиться вместе с героями.

Силен был духом и могуч телом Амфиарай. Но у каждого героя была какая-нибудь слабость. Не мог Амфиарай устоять перед уговорами и слезами супруги. Зная заранее об ожидающих войско бедах, он отнес настойчивость жены за счет любви к брату, не заподозрив, что ею руководит корысть.

Монета с изображением Зевса

Так каждый из отрядов возглавил могучий герой. Герои стояли на сверкающих под взглядом Гелиоса колесницах.

Адраст же скакал на своем божественном, обладавшем даром речи коне, полученном им от самого Посейдона.

Первой остановкой героев была Немея, прославленная священной рощей Зевса. Здесь Зевс дал еще одно знамение, пытаясь отвратить неразумных от губительного решения. Выползшая из рощи огромная змея обвилась кольцами вокруг тельца малолетнего сына царя Немеи. Адраст приказал умилюстить Зевса пышными погребальными играми, но поход все-таки продолжить.

Подойдя к Фивам, семь отрядов расположились у семи ворот.

И вновь пытались боги воспрепятствовать кровопролитию, посоветовав предоставить решение судьбы Фив поединку между двумя братьями – Полиником и Этеоклом. Но и гибель обоих

братьев не остановила Адраста. Очень ему не терпелось привезти из Аргоса и поставить в Фивах царем своего внука – недавно родившегося сына Полиника.

В кровавой сече пали почти все герои, приведшие отряды к воротам древнего города. Лишь самого Адраста вынес из битвы его волшебный конь, да Амфиараю не дали боги погибнуть от меча – перед ним разверзлась земля, поглотив его вместе с колесницей.

Но и на этот раз не успокоился Адраст. Не мог он поверить, что ошибся оракул, предписав выдать дочерей за льва и кабана. Значит, думал царь, судьбой уготовано славное будущее родившимся от героев внукам, и с нетерпением ждал, когда они возмужают, чтобы отправиться в новый поход на Фивы.

Внуки выросли могучими юношами. С восхищением смотрел старик на сына Тидея, вспоминая о первой ночной встрече с его отцом. Тидей носил львиную шкуру, но был мал ростом, сын же вырос настоящим львом, выше отца едва ли не вдвое. Радовал взгляд Адраста и сын Полиника, хотя и огорчало честолюбца, что второй его дед, Эдип, не дожил до того, чтобы видеть, как он, Адраст, поставит на царство в Фивах их общего внука. И разумеется, на глазах у Адраста появлялись слезы умиления при виде собственного сына и наследника Эгиалея, который вместо него поведет отряд аргосцев против наследственных врагов.

И вот пришло время, состоялся второй поход на Фивы. Фиванцы во главе со своим царем, сыном Этеокла Лаодамантом, вышли навстречу врагам. В первой же битве Лаодамант поразил копьем прекрасного Эгиалея, но и сам не вышел живым из боя: мстя за гибель друга, нанес ему смертельный удар сын Амфиарая Алкмеон.

Адраст, сопровождавший войско, стал свидетелем гибели сына. «Так вот цена моего упрямства! – думал старик, рыдая. – Боги мне указывали: «Остановись!», а я шел и шел. К чему мне возвращаться в Аргос, который я лишил царя и защитника?»

Погруженный в горе, Адраст не последовал за войском. Он не узнал, что оставшиеся в живых фиванцы вступили в переговоры с победителями и им было разрешено покинуть многострадальные Фивы перед тем, как город был разрушен.

На обратном пути победители с трудом вырвали тело Эгиалея из объятий отца, чтобы предать его земле. Когда же разгорелся погребальный костер, обезумевший от горя старец бросился в него, и никто не смог его удержать. И не узнал Адраст, что его крови было суждено течь в жилах правителей, которые стали править в возрожденных из пепла Фивах. Ведь их первым царем стал его внук, сын Полиника и Аргии Ферсандр.

Так в тесный клубок страстей – непомерного честолюбия, звериной ярости, жестокости, отчаяния, человеколюбия и любви сплелись судьбы героев трех поколений из Фив, Аргоса, Этолии, Аркадии. Певцам-аэдам, авторам не дошедших до нас поэм, афинским трагическим поэтам оставалось лишь вытягивать отдельные нити и сплести такие великие произведения, как «Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Семеро против Фив», «Антигона». Трудно понять, что было истинной причиной многолетней войны между Фивами и коалицией союзников во главе с Аргосом, но в ее реальности у ученых нет никаких сомнений. Эти события в какой-то мере проливают свет на политическую историю микенского времени, объясняя, почему микенским царствам не удалось противостоять мощному вторжению северных народов в XII в. до н. э.

Преступные братья

Сами микенцы, если верить мифам, так рассказывали о начале своего прославленного города.

У речного бога Инаха, сына Океана и Тефиды, от брака с нимфой Мелией, кроме сыновей Фороней и Эгалея, была дочь Микена, родившая Аргоса. Имя Микены и получил соседний с Аргосом город, управляемый благочестивыми старцами. Их сменили чужеземцы, назвавшиеся Атреем и Фиестом, сыновьями Пелопса. О победе Пелопса над царем Элиды микенцы слышали, но о том, каким она достигнута путем, не знали. Видя, что братья – могучие воители, они поставили их во главе войска и сказали:

– Правьте нами, как хотите, оба сразу или по очереди.

Не знали они, что Атрей и Фиест были убийцами своего двоюродного брата Хрисиппа, в котором видели соперника. Ведь, согласно оракулу, в доме Пелопса, чьими сыновьями были Атрей и Фиест, царем должен стать тот, кому будет принадлежать животное с золотой шерстью. Братьев насторожило, что имя Хрисипп означало по-гречески «златоконный», и они решили от него избавиться. Когда Пелопс проклял убийц, они бежали в Микены.

Ответили братья народу, что будут править сообща до тех пор, пока кому-нибудь из них боги не пошлют в качестве знака царской власти животное с золотой шерстью.

Несколько лет в Микенах царили мир и благодать, и горожане не могли нарадоваться своему выбору. Желая вступить в союз с усилившимися Микенами, сам царь Крита отдал в жены Атрею свою дочь Аэропу. Микенцы преисполнились гордостью, ибо родство с критским царем обеспечивало городу богатство и спокойствие.

Но надо же было родиться в стаде Атрея барашку с золотой шерстью! Возликовал Атрей и приказал пастухам перенести овцу вместе с златошерстным ягненком в свои покои. Пастухам и слугам было приказано под страхом смерти молчать о знамении богов. Однако в ту же ночь Фиест узнал об этом от супруги Атрея Аэропы, с которой был в преступной связи.

А наутро, когда созвали народное собрание и Атрей зашел за золотым барашком, его не оказалось и лишь жалобно блеяла овца, словно умоляя вернуться сосунка.

С дурными предчувствиями бросился Атрей на агору, где всегда собирался народ. Он сразу же увидел коварного брата с золотым барашком на руках.

– Вор! – крикнул он ему в лицо. – Отдай украденное!

Но Фиест выглядел как сама невинность.

– Это мой барашек, – спокойно произнес он. – Мне его сегодня вручил при свидетелях пастух.

– Сколько ты заплатил своим свидетелям?! – рявкнул Атрей. – Но есть неподкупный судья, который отличит правду от кривды, честность от коварства!

– О великий Зевс! – воскликнул Атрей, вздымая к небу обе руки. – Молю тебя, дай знак моей правоты!

И тут на глазах у народа произошло чудо. Гелиос изменил свое направление и двинулся в обратную сторону.

Спасаясь от гнева брата, которому народ тут же передал царскую власть, Фиест бежал из Микен, прихватив не без помощи Аэропы малолетнего сына Атрея Плисфена. Как ни разыскивали беглеца посланцы Атрея, поиски ничего не дали, и несчастный отец решил, что его мальчик погиб!

Между тем, будучи недостижимым, Фиест воспитывал Плисфена в ненависти к микенскому тирану, который вынудил родителей скитаться на чужбине. Естественно, когда мальчик вырос, он захотел отомстить негодю, и Фиест вручил ему кинжал с именем «Пелопс». Отец в свое время дал Фиесту и Атрею два одинаковых кинжала и написал на них свое имя.

Юноша отправился в Микены и ночью, обманув бдительность стражей, проник во дворец. Но бодрствовавший Атрей заметил злоумышленника и поразил его кинжалом. Когда сбежались слуги с факелами, все увидели, что юноша, пытавшийся убить царя, удивительно на него похож. Да и кинжалы царя и злоумышленника имели одинаковую надпись.

И понял Атрей, что убил собственного сына. Горечь утраты вместе с яростью переполнили его сердце. Спокойствие пришло лишь тогда, когда он выработал план мести, которая была еще страшнее той, жертвой которой стал он сам. Разослав гонцов по материку и островам, Атрей открыл убежище Фиеста, а затем отправил ему послание, в котором лицемерно брал на себя вину за все, что случилось между братьями. Он призывал Фиеста вместе с супругой и детьми вернуться в Микены, обещая почет и богатство.

Надоело Фиесту скитаться на чужбине, и рискнул он, посоветовавшись с женой, вернуться в Микены – то ли ненависть вдохнула в лживые слова Атрея небывалую силу убеждения, то ли богиня обмана Ата овладела умом Фиеста.

Атрей устроил Фиесту торжественную встречу. Казалось, братья обнялись искренне и сердечно. Фиест даже прослезился. Но и не подозревая о коварных замыслах Атрея, он сразу же начал думать, как бы убить брата и занять его место. Фиест снова связался с Аэропой, рассчитывая на ее помощь.

Однако теперь Атрей знал, откуда ждать опасность, и не делился с супругой своими замыслами. Лицемерно высказывая ей радость по поводу примирения с братом и восхищаясь юными племянниками, он правильно рассчитал, что это сразу станет известно Фиесту и поможет в осуществлении небывалой мести.

Действительно, перестал Фиест опасаться брата и, выжидая подходящего момента для его убийства, предвкушал легкую победу. С радостью принял он приглашение брата на пир в честь их примирения, не зная, что для этого пира зарезаны его сыновья и по приказу Атрея приготовлено из их тел жаркое.

Содрогнулось небо при виде злодеяния Атрея. Но Фиест как ни в чем не бывало насыщался поставленными перед ним яствами из мяса собственных сыновей. Не заговорил в нем голос крови – заняты были мысли коварными планами устранения брата. Отсутствие же сыновей на пиру он заметил, только когда принесли десерт. Лишь тогда заинтересовался Фиест, где мальчики.

По знаку царя слуги показали отцу головы и ноги его сыновей.

Забился Фиест в рыданиях и стал умолять, чтобы ему отдали тела детей для погребения.

– Зачем? – расхохотался Атрей. – Они уже погребены в тебе.

Понял тогда Фиест, какой страшной трапезой отметил брат их мнимое примирение. С проклятиями выбежал он из дворца и поклялся не оставить безнаказанным небывалое преступление.

Недолго Атрей торжествовал победу над братом. Вскоре проник во дворец сын Фиеста Эгисф и, убив Атрея, освободил дедовский престол для отца и себя самого. Сыновьям же Атрея – Агамемнону и Менелая – удалось бежать в Спарту, где царь Тиндарей отдал им в жены своих дочерей – Клитемнестру и Елену.

Коринф

Где слава, где краса, источник зол твоих?

Где стогны шумные и граждане счастливы?

Где зданья пышные и храмы горделивы,

Мусия, золото, сияющие в них?

Увы! погиб навек Коринф ст олповенчанный!

И самый пепел твой развеян по полям.

Все пусто: мы одни взываем здесь к богам.

И стонет Алкион один в дали туманной!

Константин Батюшков

Семь могучих колонн... Это все, что осталось от великого города, зверски разрушенного римлянами в 146 г. до н. э. За 166 лет до меня этими колоннами любовался русский путешественник, соученик и друг Гоголя Константин Базили. В марте 1832 г. он сошел на берег с российского брига «Парис» с томиком Павсания в руках и отправился к руинам, чтобы увидеть то, что сохранилось от описанного Павсанием храма Посейдона-Нептуна: «В стороне от этого поля, по которому так безобразно рассыпались развалины турецкого Коринфа, стройно возвышаются семь колонн древнего храма, принятого путешественниками за храм Нептуна. Но колонны массивные, короткие, будто раздавленные дорическими капителями, не соответствуют ни описанию Павсания, ни легкости, присущей храмам морского бога: они имеют вышины не более четырех диаметров и, очевидно, принадлежат самой древней архитектурной эпохе Греции».

Современные исследователи поправили Павсания. Семь колонн, возвышающихся над руинами, – это остатки тридцатидвухколонного храма Аполлона, бога-покровителя Коринфа. Так же как за Аттику спорили Афина с Посейдоном, на Коринф и его территорию претендовали Аполлон и Гелиос. Судьей в их споре был сторукий великан Бриарей, тогда еще не брошенный в Тартар, что само по себе свидетельствует о глубочайшей древности мифа. Исход спора был необычаен: земля Эфиры (так в древности именовался Коринф) была разделена полюбовно – перешеек и соседние с ним низины Бриарей присудил Аполлону, а гору (Акрокоринф) отдал Гелиосу.

«Коринф в самой глубокой древности, – продолжает Базили, – создал себе целый мифологический мир и с почтением сохранил его памятники». Наш предшественник имел в виду поэму эпического поэта Эвмела «Коринфские дела», общее содержание которой сохранил Павсаний и другие древние авторы. Богатство коринфского мифологического мира обусловлено положением Коринфа на Истме, на скрещении морских путей, которыми на протяжении тысячелетий пользовались не только греки и их предшественники пеласги, но и обитатели всего Средиземноморья.

В храме Аполлона хранилась статуя богини морской стихии Талассы, дочери Океана, которой Коринф (во II тысячелетии он назывался Эфирой) был обязан своим богатством. В Коринфе, международном порте античного мира, почитались наряду с греческими и восточные боги – Астарта, Осирис, Исида.

Ты снова катишь камень, мой Сизиф,

И он опять срывается с пригорка.

В твоих руках не истина, а миф,

А на губах все тот же привкус горький.

Каждый из городов Арголиды имел свою историю и свои мифы. Имела их и Эфира.

В неприступную крепость Эфира была превращена Сизифом, сыном Эола. Одни считали его коварнейшим из смертных, другие – умнейшим. Соседом Сизифа был Автолик, сын Гермеса, унаследовавший от отца способность воровать и не попадаться на краже и обладавший умением придавать похищенному любой облик. Автолик постоянно воровал у Сизифа скот и превращал белых коров в черных или пестрых – так что его невозможно было различить. Тогда Сизиф выложил на копытах своих коров свинцовыми буквами «Автолик украл» и с помощью этого смог вернуть себе похищенных животных.

Город Сизифа страдал от безводия, а он сумел дать ему воду. Он подсмотрел, как Зевс похитил Эгину, одну из двенадцати дочерей речного бога Асопа. И когда Асоп стал искать свою дочь, он обещал ему назвать имя похитителя при условии, что Эфира получит воду. Чего не сделаешь ради родного города!

Разумеется, Зевс такого наущничества не одобрил и немедленно подослал к Сизифу бога смерти Таната. Любой другой смертный покорно последовал бы за Танатом в аид. Но Сизиф, предугадав решение царя богов, устроил капкан, куда попался Танат, не ожидавший от смертного такого подвоха. Пришлось Зевсу послать в Эфиру могучего Ареса. Выпустил он Таната, и тот сразу же потащил душу Сизифа в аид.

Но хитрец и это предусмотрел. Он предупредил жену Меропу, чтобы она не совершала установленных погребальных обрядов и не приносила жертв подземным богам. Изобразив негодование, Сизиф убедил Персефону отпустить его на землю, чтобы примерно наказать нечестивую супругу. Коварный замысел удался: вернулся Сизиф на землю в свой родной город на радость родным и удивление эфирцам.

Нет предела человеческой зависти. Вместо того чтобы радоваться возвращению основателя города из аида, многие вознегодовали: «А почему наши близкие не вернулись? Чем он лучше?» Вот тогда-то и пошла о Сизифе дурная слава.

В третий раз он уже не смог придумать никаких уловок, и боги, в назидание тем, кто будет уклоняться от предначертанной человеку смерти, решили сурово наказать Сизифа: в аиде его заставили вкатывать на гору тяжелый камень, который срывался вниз, когда вершина была уже почти рядом, и Сизиф начинал свой бессмысленный изнурительный труд сначала.

Кажется, Аид придумал такую кару, чтобы показать, что человеческая жизнь не имеет никакого смысла – основывая города или их разрушая, все равно конец один. Однако не удалось богам заставить людей ждать сложа руки, когда придет смерть. Сознание своей полезности остающимся жить и будущим поколениям заставляет их творить, искать, бороться.

Гнев богов обрушился и на потомков Сизифа. Сын его Главк, правивший в Эфире после Сизифа, был разорван собственными конями на погребальных играх в память Пелия. Несчастья долго преследовали и внука Сизифа Гиппоноя, сына Главка или, как считали некоторые, самого Посейдона.

Юный Гиппоной был наделен и силой, и необыкновенной красотой. Не было человека, который бы им не восхищался. Но однажды, когда он, выйдя из дворца, прогуливался по Эфире, к нему подошел известный всему городу шутник по имени Беллер. Показывая на царя пальцем, Беллер воскликнул:

– Смотрите, какой урод!

Вскипело сердце самолюбивого Гиппоноя. Он поднял могучий кулак и обрушил его на голову Беллера. Умирая, несчастный простонал:

– Напрасно боги наделили тебя красотой, раз не дали ума и не научили понимать шутки. Так пусть же эта красота станет источником твоих несчастий!

Услышали боги слова умирающего. Преступление, как клеймо, тяготело над юным царем.

Гиппоноя с позором изгнали из родного города, и само имя, данное ему отцом, вскоре было забыто и стали называть его «убийцей Беллера» – Беллерофонтом.

Скитаясь повсюду, прибыл Беллерофонт в крепостенный Тиринф, где правил тогда могучий воитель Пройт. Пожалел он юношу, залюбовавшись его красотой, и, поклявшись быть ему другом, поселил в своих покоях. Но красота стала для скитальца источником бедствий. Шаловливый Эрот ранил стрелой сердце супруги Пройта, и хотя Беллерофонт был чист перед гостеприимцем, отвергнутая царица возвела на него навет, будто он покушался на ее честь. Поверил Пройт клевете, но, не желая навлекать на себя гнев богов, чтущих клятвы и карающих их нарушителей, сдержал ярость и призвал к себе Беллерофонта.

– Друг мой, – объявил он ему, – мои стражи поймали человека из Эфиры и отняли у него кинжал, которым он помышлял тебя убить. Я думаю, будет лучше, если ты отправишься к моему тестю, царю Ликий Иобату. Там, за морем, ты будешь в безопасности. А это передай ему при встрече, – протянул он юноше складень.

В те годы тиринфяне, эфирцы и другие жители Пелопоннеса уже владели письмом, не похожим на позднейшее греческое. Писали не буквами, соответствующими звукам языка, а знаками, каждый из которых обозначал один слог. Так, для слова Бел-ле-ро-фонт потребовалось четыре знака. Начертал Пройт знаки на деревянной табличке, прикрыл ее другой и, прочно связав, передал гостю.

Взял юноша складень, поблагодарил Пройта за гостеприимство и добрый совет, не подозревая, что тот отправляет его на смерть.

Сев на быстrolетный корабль, Беллерофонт через несколько дней оказался в Ликии. Ее царя Иобата он покори́л с первого взгляда и попал сразу с корабля на пир. За вином, лившимся рекой, забыл Беллерофонт о данном ему поручении и вспомнил о нем лишь через девять дней, когда царские винные подвалы опустели.

Приняв из рук гостя складень, царь разрезал узлы, развернул деревянные дощечки и впился взглядом в гибельные знаки. Воля Пройта была ясна. «Наверное, этот несчастный совершил тяжкое злодеяние и достоин смерти, – подумал ликийец. – Но почему Пройт не наказал его сам, а поручил мне? И как убить человека, с которым пировал столько дней подряд?»

Стал думать Иобат: к кому еще отправить Беллерофонта с таким же посланием? Он вспомнил несколько знакомых ему правителей, которые, получив подобное послание, убили бы его предьявителя без колебаний. Да вот беда – они не смогли бы прочесть ни одного знака. Но ведь можно избавиться от Беллерофонта и без табличек!

– Царь Пройт пишет мне, что ты могучий герой, – сказал хитрый ликийец, сворачивая дощечки. – И я подумал, что только ты сможешь избавить мою страну от чудовища, поселившегося в горах.

– Я счастлив помочь! – с готовностью молвил Беллерофонт. – Если позволишь, завтра же отправлюсь в бой.

Наутро, облачившись в медные доспехи, юноша двинулся в горы. Ликийский царь смотрел ему вслед, мысленно навсегда прощаясь со своим гостем.

Долго шел Беллерофонт, пока у входа в одну из долин не услышал ни на что не похожий шум – соединение рыка, блеяния и змеиного шипения. Его издавало чудовище, соединившее в себе льва, козу и змею. Оно ярилось как лев, с легкостью дикой козы перепрыгивало со скалы на скалу и притягивало к себе неподвижным взглядом змеи.

Понял Беллерофонт, что такого зверя ему не одолеть, и взмолился богам о помощи. Услышали его боги Олимпа, но почти никто не захотел помочь внуку Сизифа. Только брат и соперник Зевса Посейдон внял мольбе Беллерофонта.

Держа за узду Пегаса, ничего не подозревающий Беллерофонт берет письмо, содержащее приговор ему, из рук Пройта, прощаясь с царем и его женой (ропись на сосуде)

Пожалела юношу и Афина, ибо усматривала в поведении Сизифа не коварство, а ум.

Не ведая, услышали ли его боги, отправился Беллерофонт к светлomu источнику, чтобы охладить перед битвой голову и укрепить силы земной влагой. Наклонился он над водой и увидел в ней колеблющееся отражение белого крылатого коня. Не поворачивая головы, тихо протянул герой руку, чтобы схватиться за гриву, но конь мгновенно взвился в воздух и стал небесным облаком.

Утолив жажду, Беллерофонт тут же уснул под кустом, уронив голову на камень. Явилась к нему во сне Афина Паллада и сказала, потрясая копьем:

«Сжалился над тобою Посейдон, колебатель земли. Он один из богов не таит злобы на Сизифа и шлет тебе золотую уздечку. Ею ты взнуздаешь Пегаса, рожденного из крови Медузы».

Сразу же проснувшись, юноша понял, что сон не обманчив. Золотая уздечка лежала рядом, сверкая на солнце. Взял ее Беллерофонт и повесил на куст, возблагодарив Посейдона.

Едва он произнес слова благодарности, как облачко в небе, приняв очертания коня, спустилось к источнику. Долго и жадно пил Пегас, не замечая героя. Когда же он поднял прекрасную голову, в его огромных выпуклых глазах появился золотой отсвет. Увидев уздечку, конь потянулся к ней и схватил зубами. Беллерофонту оставалось подхватить концы узды. Держа их, он взлетел на спину Пегаса, и тот, почувствовав седока, взвился под самое небо. Какие он ни совершал движения, чтобы сбросить нежданную ношу на землю! Но недаром герой был из Эфиры, славного города в славном коняи Аргосе, недаром отец его Главк успел обучить его своему искусству объезжать диких коней.

Крепко сжимал Беллерофонт конские бока ступнями, а руками натягивал золотую узду. Тогда понял Пегас, что наездника послали ему боги, и смирился с их волей.

Ощувив покорность чудо-коня, Беллерофонт направил его полет к Таврам, синеющим горам Ликийи. Опустившись в долину, где наелась Химера, он стал метать в нее одну стрелу за другой. Задрал пасть в небо, чудовище в ярости изрыгало огонь и яд. Но какой вред могло оно причинить Беллерофонту, легко взмывавшему к облакам?! Колчан героя еще не опустел, а Химера уже безжизненно распростерлась на камнях, заливая их своей ядовитой желчью.

Спустившись на землю, выпустил Беллерофонт из рук золотую узду, чтобы вернуть своему спасителю свободу. Но не захотел Пегас покидать смирившего его человека, с которым разделил радость совместной победы. Он подошел к нему ближе и недовольно заржал, словно побуждая к действию.

Отсек герой кинжалом три головы Химеры – львиную, козлиную, змеиную, нанизал их на веревку, вскочил на Пегаса и поскакал в царскую столицу. Не доезжая до нее, он спрятал Пегаса в рощице и, обещав ему скоро вернуться, поспешил к городским воротам.

Радовались высыпавшие на улицы ликийцы избавлению от вредоносного чудовища. Царь же, видя, что его поручение выполнено, лихорадочно перебирал в уме новые планы избавления от героя. Наконец он решил:

– Ты победил Химеру. Может быть, не откажешься помочь мне и в другой беде – укротить наших беспокойных соседей солимов.

Еще в Эфире слышал Беллерофонт о соседях ликийцев солимах, чей родоначальник Солим

был сыном Ареса. Они унаследовали от него воинственность и непредсказуемость. Слово «мир» им было ненавистно. Солимы не возделывали полей, не пасли скот, ибо жили за счет грабежа. И вот теперь Беллерофонту предстояло одному воевать с таким народом.

– Я готов! – ответил герой. – Только дай мне наполнить колчан стрелами.

Приказал Иобат выдать Беллерофонту из царских кладовых все, что ему нужно для битвы. В возможность спасения героя он не верил, ведь он ничего не знал о его верном друге – крылатом коне.

Заслышав шаги героя, Пегас заржал и поскакал ему навстречу. Беллерофонт не привязал коня, чтобы никто не смог завладеть его красавцем. Погладив животное по шее и прочтя в его глазах радость встречи и преданность, он оседлал Пегаса и взмыл в небо. С высоты птичьего полета герой увидел отряд солимов, направлявшихся к границам Ликии для очередного набега. Они также заметили летящего всадника и, задржав головы, показывали на него пальцами. Спустившись ниже, Беллерофонт засыпал разбойников стрелами. Когда же от вражеского отряда осталось в живых не более десятка человек, он прокричал, чтобы в течение трех дней они сдали Иобату все свое оружие и обязались приносить ему ежегодно дань скотом и зерном.

Все эти три дня герой, проверяя выполнение своего приказа, неутомимо летал над землей солимов и сам же наблюдал, как они собрали оружие и тащили его к границам Ликии. С этого времени исчезли солимы-разбойники и появились солимы земледельцы и пастухи.

Опустившись на площадь царского дворца на белоснежном коне, Беллерофонт, казалось бы, ясно показал, что он непобедим, однако Иобат все еще упорствовал не столько в желании выполнить во что бы то ни стало просьбу Пройта, сколько из любопытства, – хотелось узнать, есть ли что-либо недоступное для Беллерофонта.

Но когда Беллерофонт выполнил новое поручение, разбив воинственных амазонок, да еще перебил лучших мужей города, посланных Иобатом в засаду, чтобы убить его на пути в столицу, царь, наконец, понял, что имеет дело с человеком божественного происхождения, и отдал ему в жены дочь, а в приданое – полцарства.

Но не радовали Беллерофонта ни подаренные ему супругой сыновья, ни дочь, приглянувшаяся самому Зевсу и родившая от бога могучего героя. Не тешили его ни богатство, ни слава. Свою столицу он покинул, скитаясь по миру. Убивший Химеру Беллерофонт так поверил в свои силы, что молнией вознесся в небо на Пегасе, дабы проверить, есть ли там боги, властвующие над миром, а если есть, строго спросить у них, почему правят не по справедливости.

Сбросил Пегас внука Сизифа в долину Алейона, близ города Тарса. Там он и умер, не поверив в существование богов, сознавая, что прожил честную жизнь и был полезен смертным. А его скакуна удаётся с тех пор оседлать только великим поэтам, да и то лишь в мечтах.

С Эфирой, получившей новое имя Коринф, были связаны не только древние мифы, но и легенды. Героем одной из них стал лесбосский поэт Арион, живший до греко-персидских войн при дворе коринфского царя Пиранта и услаждавший его слух своими песнями. Пирант полюбил Ариона и с ним не расставался. Но слава певца была столь велика, что правители других городов упростили царя ненадолго отпустить к ним своего любимца.

И вот уже вскорости с состоянием, добытым песнями, Арион возвращался на свою вторую родину, в Коринф. И задумали слуги убить певца, чтобы завладеть его имуществом. В ночь перед тем, как должно было совершиться преступление, явился Ариону во сне сам Аполлон и посоветовал ему, чтобы он на заре показался в своем торжественном одеянии и венке на палубе и, пропев лучшую из своих песен, вручил себя тем, кто придет к нему на помощь.

Утром недоумевающий Арион вышел на палубу в том одеянии, в котором он всегда выступал на праздниках перед народом с впервые созданными им дифирамбами в честь Диониса. И тотчас его схватили злоумышленники. Море было пустым и бурным, и даже если бы где-нибудь поблизости и был другой корабль, все равно там ничего бы не услышали. Следуя данному ему совету, Арион упростил негодяев дать ему спеть перед кончиной последнюю песню.

Как только послышались ее звуки, из волн вынырнули дельфины и стали совершать вокруг судна круги. И тогда Арион бросился через борт и вручил себя им, пришедшим к нему на помощь.

Один из дельфинов подставил Ариону свою спину и вынес его к берегу близ портовой стоянки

Коринфа. Коринфяне, увидев Ариона, сразу подхватили его и торжествующе понесли к дворцу. В суматохе Арион не заметил, что его спаситель остался на суше, и на следующий день он узнал о его гибели. Пирант, увидев поэта в слезах, тотчас же приказал воздвигнуть на том месте, где он был спасен, пышный склеп и торжественно захоронить в нем дельфина.

Через некоторое время буря занесла к этим берегам корабль, который вез Ариона. Слуги сами явились к царю и сообщили, что певец скончался и они его похоронили с должными почестями.

– Завтра днем вы поклянетесь в этом у гробницы дельфина! – отозвался царь и приказал взять их под стражу, а Ариону повелел рано утром спрятаться в гробнице, одевшись так, как тогда, когда бросился в море.

Утром, услышав слова лживой клятвы, Арион приподнял камень и вышел из гробницы. Злоумышленники онемели от ужаса. И царь приказал их тут же казнить, словно принес в жертву благородному дельфину.

Аркадия

Нет, не аэд седовласый,
Блиставший у всех на виду,
Аркадии нищий подпасок
Прославил твою красоту.
Далекая от побережий,
Медвежья, глухая страна!
Какою же мощью безбрежной
Звучат нам твои имена!

Центральная гористая часть Пелопоннеса не имела выхода к морю. Ее обитатели издревле занимались охотой, а в более позднее время – скотоводством и земледелием. Богатство и связанное с ним моральное разложение не играли здесь столь значительной роли, как в Арголиде. Поэтому Аркадия воспринималась в древности как идиллическая страна пастухов и пастушек, сохранивших доброту, честность, непритязательность и другие канувшие в Лету качества людей Золотого века.

Аркадия была местом действия многих общегреческих мифов. Но здесь боги предстают иными, чем в общераспространенных версиях. Так, аркадяне рассказывали, что в их стране Рея родила Посейдона и спрятала среди пасущихся овец, а Крону, заглатывавшему своих детей, дала проглотить жеребенка. Не Зевс, а Посейдон выступает как бог-младенец, спасенный богиней-матерью. В том месте, где красивейшая из рек Ладон широко разливалась по равнине, аркадяне показывали луг, на котором Посейдон узрел скиталицу Деметру и загорелся желанием ею обладать. Чтобы спастись от настойчивости бога, Деметра приняла облик кобылицы. Но Посейдон отыскал ее, спрятавшуюся в табуне лошадей, и, приняв вид жеребца, добился своего. От этой связи родился чудо-конь Арейон, которого впоследствии смогли оседлать только Адраст и Геракл. Это предание, равно как и миф о замене младенца жеребенком, рисует архаический облик Посейдона – не владыки морей, а бога-коня. В Аркадии любил отдыхать от своей верной супруги Зевс, встречаясь с юной Каллисто. Здесь же эта соперница Геры была превращена ею в медведицу. Гере не стоило большого труда отыскать Каллисто в Аркадии, ибо эта страна была знакома ей не понаслышке. В Стимфале показывали место, где воспитывалась Гера, где она вышла замуж за Зевса и жила после развода с ним. Кстати, нигде, кроме Аркадии, ничего не знали о разводе Зевса и Геры.

Мифы подчас рисуют Аркадию страной дикарских, каннибальских обычаев, которые в других частях Балканского полуострова давно ушли в прошлое. И в этом их особый интерес для историка культуры и религии. Аркадские героини Аталанта, Каллисто, Авга, видимо, были первоначально самостоятельными богинями, превратившимися по мере распространения олимпийской религии в возлюбленных богов и матерей героев. Широко разрабатывался в древности миф о сыне Авги и Геракла Телефе, родившемся в Аркадии и вскормленном там ланью, но прославившемся в Мизии (Малая Азия), где ему было суждено узнать тайну своего происхождения и стать родоначальником выдающихся героев. Афинские поэты Эсхил, Софокл и Еврипид в не дошедших до нас трагедиях ввели ряд новых деталей, драматизировавших повествование о приключениях Телефа. Эллинистический поэт Ликофрон и римский историк Дионисий Галикарнасский перенесли сыновей Телефа в Италию, сделав их прародителями этрусков. Цари Пергама Атталиды считали себя потомками Телефа, и о его судьбе рассказывает малый фриз знаменитого Пергамского алтаря.

Первым царем Аркадии считался Пеласг, рожденный самой землею. Один древний поэт сказал о нем:

Богopodobный Пеласг на горах высоколесистых
Черной землею рожден...

Аркадяне не сомневались, что именно Пеласг научил людей строить жилища, защищающие от непогоды, а также изготавливать одежды из шкур. Кроме того, он отучил своих подданных от употребления в пищу листьев, коры, травы и корней, надуумив их есть желуди.

Сыну Пеласга от нимфы Мелибои Ликаону приписывалось основание древнейшего из городов Эллады и всей ойкумены Ликасуры. Первым этот город узрел Гелиос, пролетая по небу на солнечной колеснице, а затем люди стали воздвигать города по образцу Ликасуры и в других

местах.

Учрежденные в городе Ликейские игры были древнее всех других состязаний атлетов.

Ликаон запросто навещал богов и принимал их у себя дома. Но однажды, желая испытать всеведение Зевса, во время пира по случаю Ликейских игр он подал богу в качестве угощения жаркое из тела собственного сына. Зевс в негодовании опрокинул стол, испепелив Ликаона, а заодно и его сыновей, и наслал на человеческий род потоп. Впрочем, по другой версии, двоим из сыновей Ликаона, Ойнотру и Певкету, удалось избежать кары. Переселившись в Италию, они стали родоначальниками племен ойнотров и певкетов.

Само имя Ликаон образовано от греческой основы «lyk» – «волк», и это дало толчок к созданию мифа, согласно которому царь не погиб, а был превращен разгневанным Зевсом в волка.

Суровое наказание, обрушенное Зевсом на Ликаона, не помешало ему сойтись с его дочерью Каллисто и передать царство ее сыну Аркаду. Этому Аркаду, считавшемуся современником Триптолема, обучившего людей земледелию, приписывалось введение в стране пеласгов земледелия, хлебопечения и ткачества. А сама эта страна, ранее называвшаяся Пеласгией, стала в честь Аркада именоваться с тех пор Аркадией. Это была страна охотников и пастухов, чуждая городской жизни. Ее называли Счастливой Аркадией. Когда же возникли города, вместе с ними появились беды.

Однажды пастухи царя города Тегеи Корифа не досчитались нескольких овец. В поисках исчезнувших животных они забрели на покрытую лесом гору Парфений, и их взору предстало удивительное зрелище: лань кормила молоком совершенно нагого младенца, да такого прекрасного, какого еще не видывал сам Гелиос. Испугавшись людей, лань убежала, но ребенок не заплакал, а доверчиво протянул к ним ручонки.

Царь Кориф, к которому принесли найденыша, был восхищен его красотой, но происхождение младенца его смущало. Он попросил пастухов еще раз пойти в горы и поискать, нет ли поблизости детской одежды или украшений, по которым можно было отыскать родителей. Пастухи возвратились ни с чем. Кориф оставил ребенка у себя и дал ему имя Телеф (от греческого «elafos» – «лань»).

Прошли годы, и беззащитный младенец превратился в крепкого юношу, способного за себя постоять. Он ходил на львов и медведей, побеждал своих сверстников в беге, стрельбе из лука и метании копья. Кориф гордился приемным сыном и надеялся оставить ему царство, так как его брак был бездетен. Как-то царю во сне явился демон и приказал рассказать Телефу, что он был найден в лесу и вскормлен ланью. Кориф медлил, не желая лишаться того, в ком видел своего наследника. Демон стал являться каждую ночь и угрожать всяческими бедами, если повеление не будет выполнено.

Так Телеф узнал, что он не царский сын, а приемыш. Кто же его оторвал от материнской груди и унес в лес на съедение диким животным? Царю ничего не было известно, и Телеф отправился в Дельфы, чтобы узнать у оракула тайну своего рождения.

Пифия, прочтя запись, сделанную Телефом на табличке, произнесла несколько бессвязных слов, и жрецы соединили их в двустиишие:

Нечего делать тому, кто вскормлен Ладона ланью, В царстве Корифа. Пускай он мать в Тевфрании ищет.

Так понял Телеф, что ему надо покинуть Аркадию и переправиться через море в Мизию, ибо Тевфрания – главный город мизийских царей. Вернувшись на родину, юноша со слезами на глазах объявил о своем решении приемному отцу. Тяжело было Корифу расставаться с дорогим ему юношей, но он не стал его отговаривать и благословил на дальнейшее странствие и удачные поиски.

Проходя через земли, принадлежавшие соседнему царю Алею, Телеф встретил охотников, возвращавшихся из леса с богатой добычей. За спиной одного из них висела окровавленная лань с огромными неподвижными глазами.

– Эй вы! – возмущенно обратился Телеф к охотникам. – Разве в Аркадии мало волков и медведей, чтобы надо было убивать это беззащитное животное?

– А какое тебе дело, бездомный бродяга, на кого нам охотиться?! Ведь это наш лес и наши земли! – отозвался один из охотников.

При слове «бродяга» кровь ударила в голову Телефа. Решив, что охотники знают о его беде и издеваются над ним, юноша выхватил меч и в короткой схватке убил двух охотников. Рабы, сопровождавшие убитых, с воплем и слезами объяснили незнакомцу, что он отправил в аид сыновей царя Алея. Телеф, хотя и считал себя обиженным, пожалел о своей вспыльчивости.

Сев в Эфире на корабль, он через несколько дней высадился в устье быстрого Каика. Попастъ в Тевфранию, омываемую этой рекой, оказалось делом нелегким. Город, занимавший высокий холм, был осажден войском, во главе которого находился Идас, герой Мессении, сильнейший из смертных. Испытав себя в Калидонской охоте и походе аргонавтов, он решил отнять власть у царя Мизии. Не ведая, с кем вступает в бой, Телеф ворвался в ряды осаждающих и стал их крошить своим мечом. Идас предпочел не испытывать судьбу и отступил.

Вытерев меч о траву и вложив его в ножны, Телеф направился к городским воротам. При его приближении они отворились, и наружу высыпала ликующая толпа. Подхватив спасителя, горожане на руках внесли его во дворец.

Царь Тевфрант, склонив перед юношей седую голову, произнес такую речь:

– Я не знаю, чужеземец, ни твоего имени, ни рода. Мне неизвестно, как ты оказался в моей земле. Но я уверен, что тебя послали небожители. И мой долг вознаградить тебя за подвиг. И ты возьмешь в жены мою приемную дочь Авгу и вместе с нею полцарства.

– Мое имя Телеф, – отозвался юноша. – Я пришел в твою страну по совету оракула, чтобы узнать тайну своего происхождения. Не остановит ли тебя то, что пока мне ничего не известно о родителях?

– О нет! – воскликнул Тевфрант, не отводя полного восхищения взгляда. – Видя, как ты один справился с целым войском, я убежден, что твои родители – знатные люди. Я верен своему слову. Ты станешь супругом Авги и получишь то, что я обещал.

Не дано смертным знать, где и какая их подстерегает грозная опасность! Скольким героям, прошедшим через самые суровые испытания, одолевшим равновеликих или более сильных противников, пришлось встретить смерть у себя дома от рук коварной жены или негодного раба! Не ведал Телеф, что первая брачная ночь могла стать последней в его жизни. Отправляясь в брачные покои, Авга взяла с собой кинжал. Но когда она его вытащила, чтобы направить в сердце героя, откуда-то появился огромный змей и помешал ей выполнить задуманное.

– Что с тобою, женщина? – сурово спросил Телеф. – Может быть, я тебя чем-то невольно обидел?

– Нет, нет! Ты ни в чем не виноват! – зарыдала Авга. – Но я не могу быть твоей супругой, ибо надо мной тяготеет проклятие. Когда я жила в отцовском доме, оракул предсказал, что рожденный мною сын убьет моих же братьев. Поэтому отец заточил меня в храм и обрек на безбрачие. Но появившийся в то время в нашей стране могучий герой Геракл сделал меня своей возлюбленной, и я стала ждаться ребенка. Между тем Афина, которой я служила, наслала на отеческие земли моровую болезнь. От оракула отец узнал, что виновница несчастья – жрица, нарушившая обет безбрачия. Он бросился в храм и, поняв все, поручил своему другу утопить меня. На пути к морю я родила младенца и оставила его в горах. А тот человек не утопил меня, как наказал отец, а посадил в ларь и, закрыв его, бросил в море. Волны вынесли меня на берег Мизии. Царь взял во дворец. Пойми же! Я не могу разделить с тобой брачное ложе, потому что не хочу навлечь на царство моего благодетеля беду, как навлекла на Аркадию.

– Так ты аркадянка? – с дрожью в голосе произнес Телеф, догадываясь, с кем он оказался на ложе.

– Да, я дочь Алея и самая несчастная из женщин, я сама обрекла на смерть своего сына и доставила столько горя отцу...

– Не гневи богов! – радостно воскликнул юноша. – Ты самая счастливая из женщин. Тебя сохранил Посейдон, перенес в этот благословенный город. Дикие звери не сожрали твоего младенца. Его выкормила молоком лань, а пастухи отнесли к царю Корифу. Этот младенец, убивший твоих братьев и едва не ставший твоим супругом, – я.

Так мать и сын узнали друг друга. Ликовала вся Мизия, прославляя Телефа, сына Геракла. Царь Тевфрант дал ему в жены свою дочь Аргиопу и объявил своим наследником. Будущее героя казалось безоблачным, и в это время судьба послала Телефу новое жестокое испытание.

В устье Каика вошли десятки кораблей, и на берег высадились тысячи могучих воинов. Это были ахейцы, объявившие войну Трое, но по неведению попавшие вместо Фригии в Мизию. Дорого обошлось пришельцам это неведение. Многие пали от руки могучего Телефа. В то время, когда Телеф гнал пришельцев к морю, появился Ахилл. Один его вид привел защитников города в ужас. Телеф также обратился в бегство. Надеясь уйти от быстрого Ахилла, он кинулся к винограднику, чтобы скрыться за разросшимися виноградными лозами. Но нога зацепилась за изгиб лозы, и Телеф упал. Эту ногу и поразило копье Ахилла.

Узнав, что перед ними не Троя, а Тевфрания, ахейцы сели на корабли и удалились. Мизии больше никто не угрожал. Но нанесенная Телефу Ахиллом рана не заживала, ни один лекарь не мог помочь герою. Он решил обратиться к оракулу и получил ответ, что исцелить рану сможет лишь тот, кто ее нанес. Пришлось Телефу отправиться в Авлиду, где в то время находились ахейцы. Телеф обещает ахейцам показать морской путь в Трою, и в обмен за это Ахилл исцеляет его ногу, натерев рану ржавчиной своего копья.

В Троянской войне сам Телеф не участвовал, поскольку обещал не помогать троянцам, но послал на помощь троянскому царю Приаму отряд, возглавляемый сыном Еврипилом. Юноша пал от руки Неоптолема, сына Ахилла.

От одной из жен у Телефа было двое сыновей – Тархон и Тиррен. Они переселились в Италию, где Тархон основал города Тарквиний, Кортону и Мантую. По имени Тиррена переселенцы стали называться тирренами (этрусками). Была у Телефа и дочь Рома. Некоторые легенды делают ее женой троянца и связывают с ее именем название Рима.

Типичная героиня Аркадии – Аталанта. Ее родители с нетерпением ожидали сына-наследника, а вместо него появилась девочка. Еще одна девочка! Брошенная в лесную глушь, Аталанта была вскормлена сердобольной медведицей, подобрана и воспитана охотниками. Круглый год она жила в родном ей лесу, питаясь ягодами и занимаясь охотой. Дикие звери, изведав силу и ловкость Аталанты, обходили ее стороной. Как-то в лесу оказались два пришлых кентавра, бежавших в Аркадию от стрел Геракла. Прельстившись красотой Аталанты, они попытались ею овладеть. Девушка убила обоих.

Из Калидонской охоты Аталанта принесла вместе с головой и шкурой гигантского вепря славу великой охотницы. К тому же она была на диво хороша, и многие царские сыновья готовы были оставить отцовский дворец и жить с нею в лесу. Но она отвергала всех: молоко медведицы, зверя Артемиды, сделало ее холодной к мужской любви. Чтобы отделаться от неотвязных поклонников, быстрого Аталанта предлагала им состязаться в беге, обещая победителю руку и сердце. Одолевая всех в этом состязании, она безжалостно убивала побежденных. Однако один из женихов – Мелайнион перехитрил дикарку. Во время бега он бросал одно за другим три золотых яблока. Привлеченная их блеском, Аталанта замедляла бег, чтобы подобрать плоды. Так она была побеждена и стала супругой Мелайниона, хотя и ненадолго.

От мужа (или от Ареса, или от Мелеагра) Аталанта родила мальчика редкой красоты, которому дала имя Парфенопей. Родившись в лесу, он был, однако, воспитан в Аргосе, среди храбрых воинов. Когда аргосцы решили выступить против семивратных Фив, Парфенопей в знак своей готовности разделить с ними опасности и славу поднял над головой щит с изображением сфинкса с фиванкой в когтях. Напрасно Аталанта, зная заранее трагический исход сражения, уговаривала сына не идти на Фивы. Верный своему слову, юноша не уступил матери и стал во главе одного из семи аргосских отрядов. Незадолго до битвы перед ним явилась покровительница его матери Артемида и пыталась его остановить. Но он продолжал свой путь. У назначенных ему ворот Фив юноша был смертельно ранен брошенным со стены камнем. Его посланец доставил матери прядь волос, которую она предала огню вместо тела милого сына.

Храбрая охотница и спутница Артемиды, Аталанта, возможно, первоначально сама была

богиней с теми же функциями девственницы, покровительницы инициации юношей и пророчицы, знающей будущее. В мифах об Аталанте и Каллисто особую роль играла медведица, в образе которой угадывается священный зверь Аркадии.

Широкая долина реки Эвроты, ограниченная двумя хребтами – Тайгетом и Парноном, называлась в древности Лаконикой или Лакедемоном. В начале II тыс. до н. э. здесь, как и в других частях Пелопоннеса, обитал народ негреческого происхождения – лелеги. Древнее название этой страны – Лелегия. Замкнутость долины Эвроты, отсутствие удобного выхода к морю препятствовали развитию ремесел, торговли, городской жизни. Население занималось разведением скота и примитивным земледелием. В сельских поселениях господствовало общинное ведение хозяйства. Лелеги управлялись царями, жившими в Спарте – поселении, носившем то же название, что и знаменитая Спарта, основанная дорийцами в X или IX в. до н. э., но находившемся в другом месте Лаконики. Цари этой древнейшей Спарты, как это явствует из распространения в XVI в. до н. э. однотипных ювелирных изделий и оружия, поддерживали отношения с царскими домами Арголиты и Мессении. По мере проникновения в Пелопоннес ахейцев-греков происходило слияние пришельцев с первоначальными его обитателями пеласгами и лелегами. Мифы отразили это на примере царского дома Спарты.

В те времена, когда в Арголиты правил Персей, над пеласгами, обитавшими в Лаконике, властвовал царь Ойбал. И конечно же он захотел породниться с могущественным соседом, прославленным подвигами в далеких странах. Дочь Персея Горгофона стала его женой, и от этого брака родился сын, которому в честь бога пеласгов Тина дали имя Тиндарей («дар Тинии»). Дом Тиндарея, судя по имени – пеласга, осаждают женихи с типично греческими именами: Менелай, Агамемнон и другие.

Эпитет «прекрасная» («прекрасный») в греческих мифах достаточно часто сочетается с именами возлюбленных богов и героев. И в этой связи стоит вопрос о причинах, заставивших Гомера соединить спартанскую Елену с троянским Парисом. В образе гомеровского Париса, так же как в образе гомеровской Елены, красота – преобладающее качество, однако красота не мужественная, а женственная, превратившая царевича в антигероя, чтобы на его фоне выросла фигура идеального героя, брата Париса Гектора. Но первоначальный Парис, как говорит его второе имя Александр («Отражающий мужей»), не имел ничего общего с женственной красотой.

Процесс слияния ахейцев с лелегами и пеласгами был в самом разгаре, когда в Пелопоннес вторглись воинственные греческие племена дорийцев, захватившие Лаконику и превратившие ее в свой бастион. Уцелевшее сельскохозяйственное население было превращено в илотов, находившихся на положении рабов всей спартанской общины. Мифы пеласгийской и ахейской эпох были трансформированы дорийцами и поставлены на службу их интересам. О характере этой трансформации можно судить по мифам о Диоскурах.

Тиндарей взял в жены дочь этолийского царя Леду. Красота ее прельстила самого Зевса, и он, приняв облик лебедя, посетил брачное ложе супругов в первую же их ночь. В положенный срок Леда снесла яйцо и стала его высидывать.

Тиндарей считался смертным отцом Елены, а божественным ее родителем мыслился сам Зевс. О матери же не было единого мнения. Гомеру ее имя вовсе неизвестно. Гесиод называет матерью Елены одну из дочерей Океана.

В послегомеровском героическом эпосе в качестве матери Елены фигурирует Немесида. Зевс воспылал любовью к этой прекрасной дочери Ночи. Спасаясь от преследований Зевса, Немесида обежала всю землю, постоянно меняя свой облик. Зевс не уступал Немесиде в искусстве перевоплощения.

Приняв вид красавца лебедя, он догнал беглянку в Аттике и наслаждался близостью с ней. Плодом этой связи было яйцо, снесенное Немесидой и спрятанное ею в священной роще. Трудно что-нибудь скрыть от острого взгляда пастуха, шаг за шагом обходящего местность. Он-то и обнаружил яйцо и отнес его супруге Тиндарея Леде, которая то ли по наитию, то ли из женского любопытства решила его высидеть, как это делают птицы. Из яйца вылупилась Елена, которая, таким образом, имела не только двух отцов, но и двух матерей.

По более распространенной версии мифа, сама Леда, застигнутая Аполлоном на берегу Эвроты, снесла высиденное ею яйцо. Скорлупу от него еще во времена Павсания показывали в одном из храмов Спарты.

Елена, архаическое божество растительности, почиталась не только в Лаконике, но и в других частях Пелопоннеса, а также в Аттике и на некоторых островах Эгейского моря. Елене так же, как Артемиде, приносили когда-то в жертву девушек, пока не стало принято заменять их

телками.

Но применительно к спартанской Елене красота выступает как качество, над которым Елена обладает божественной властью. Она не просто красавица, а богиня красоты, которой приносят жертвы и добиваются желаемого. Это явствует из эпизода, сохраненного Геродотом и, вероятно, восходящего к храмовым легендам Феранны, которую древний комментатор Еврипида называл «полисом Елены». В царской семье родилась настолько уродливая девочка, что ее стыдились сами родители и царица приказала няне ежедневно приносить ребенка в храм Елены. Однажды, когда в храм было передано особенно много даров, к рабыне приблизилась незнакомка и попросила передать ей ребенка. Возвращая его, женщина сказала: «Удивляюсь я твоей госпоже! В Спарте еще не было такой красавицы!» Взглянув на девочку, няня ее не узнала – так она была прекрасна.

В качестве богини красоты Елена была близка не к Афродите, а, скорее, к Артемиде, почитавшейся в той же Лаконике. Это ясно по эпитету Елены – Древесная, по посвященной ей в Спарте платановой аллее, по связываемому с ее именем снадобью элениум, добытому из растения.

Превращение Елены в яблоко раздора между микенскими царствами (исторической Аххиявой) и Троей, понадобившееся Гомеру для придания смысла фиктивному сюжету Троянской войны, полностью разрушило первоначальный смысл образа Елены. Однако раскопки в Феранне помогли восстановить древние представления, связанные с богиней Еленой. Обнаружены архаические свинцовые изображения крылатой женщины. Скорее всего, именно так виделась почитателям богиня окрыляющей, поднимающей над повседневностью красоты. Обнаруженные там же фигурки львов, воплощение мощи, видимо, приносились в жертву юношами, ибо физическая сила для мужского пола – элемент того же совершенства, каким мыслилась богиня Елена.

Среди преданий о Елене главные из сюжетов о ее похищении связаны с троянским циклом мифов.

Некоторые мифографы утверждали, что Леда высиживала не одно, а два яйца. Из первого вылупились Елена и ее брат Полидевк, из второго – Кастор и его сестра Клитемнестра. В данном варианте мифа Кастор и Полидевк не близнецы, как они рассматривались впоследствии, в дорийскую эпоху истории Лаконики, а самостоятельные герои. Это подтверждается также различием их занятий. Кастор был усмирителем коней, Полидевк – кулачным бойцом. Кастор был смертным, Полидевку досталось бессмертие. Римляне, заимствовавшие почитание Диоскуров у пеласгов, клялись одним Кастором («Мой Кастор!») и имели на Форуме храм Кастора.

Как и когда рядом с Кастором оказался Полидевк, неизвестно. Но были они неразлучны. Первым подвигом Диоскуров считалось освобождение юной Елены, захваченной Тесеем и Перифоем. Правда, с самими похитителями сражаться им не пришлось, так как они в то время находились в аиде. Но овладеть таким прекрасно укрепленным городом, как Афины, могли только великие герои.

Диоскуры были участниками знаменитой Калидонской охоты, а также разделили опасности и славу похода аргонатов за золотым руном. Но более всего они прославились в схватках с мессенскими двоюродными братьями-близнецами Идасом и Линкеем, сыновьями Афарея. Древнейший вариант рассказа об этом конфликте представлен в «Илиаде». Аполлон похитил прекрасную нимфу Марпессу, внучку бога Ареса, которую любил сильнейший из смертных Идас. Горько плакала ее мать Демоника. Не выдержал Идас этих рыданий и выступил против похитителя. Схватка длилась недолго: бойцов разнял Зевс, предложивший Марпессе самой назвать имя супруга. Она избрала Идаса.

В это время мессенские близнецы дружили с Диоскурами и совершали совместные грабительские походы в Аркадию. Однажды они увели оттуда стадо быков и поссорились при дележе добычи. Идас схитрил. Он разрезал одного из быков на четыре части и предложил отдать одну половину стада тому, кто съест свою часть первым, а оставшихся быков тому, кто съест вторым. Никто не мог состязаться с Идасом в обжорстве. Он проглотил свою долю и помог брату Линкею съесть его часть. Диоскуры, оставшись без добычи, решили отомстить обманщикам. Они совершили поход на Мессению и похитили не только стадо, явившееся предметом спора, но и невест двоюродных братьев.

Спасаясь бегством, Диоскуры спрятались в дупле столетнего дуба. Но это не скрылось от острого взгляда Линкея, видевшего даже сквозь землю. Брошенное им копьё пронзило дерево насквозь и поразило Кастора. Ярость удесетерили силы Полидевка, и он обратил недругов в

бегство. Догнав их, он убил Линкея и вступил в бой с Идасом. Узрев с высоты Олимпа тело Кастора и бившегося с Идасом Полидевка, Зевс ударом молнии испепелил Идаса и труп Линкея.

Весь в слезах побрел Полидевк туда, где оставил брата. Найдя его уже бездыханным, воззвал он к небесному отцу, умоляя освободить от бессмертия, дать умереть с Кастором. Тронутый проявлением братской любви, Зевс предложил сыну на выбор – или жить на Олимпе, не ведая печальной старости, или находиться с братом попеременно день на Олимпе, другой – в аиде. Полидевк выбрал второй удел. С тех пор их вместе видят на небе в созвездии Близнецов.

Очень рано Диоскуров стали рассматривать как помощников и спасителей моряков. Они появлялись в критические моменты в виде мерцающих огней, укрощая ветры, сглаживая волны. Поэтому у моря нередко ставили их бронзовые фигурки. Мореходы, перед тем как покинуть гавань, приносили Диоскурам в жертву двух белых овец. На статуях Диоскуров изображали в головных уборах, какие обычно носят моряки, или в шлемах, имеющих форму войлочных колпаков. Функции защитников на морях вели к смешению Диоскуров с кабирами, которых также считали спасителями моряков.

Охотно странствовали Диоскуры и по суше, принимая облик смертных. Однажды, выдав себя за купцов из Кирены, они вошли в дом богатого человека с просьбой о ночлеге. Хозяин не дал им лучшего помещения, объяснив, что его занимает замужняя дочь. На следующий день дочь вместе со служанками исчезла из дому, а в ее комнате был обнаружен стол с пучками сельфия – растения, которым была богата Кирена.

В Диоскурах, особенно в Касторе, видели укротителя коней. Конь Кастора Киллар считался лучшим скакуном в мире, поскольку был подарен богами. К нему возводили лучшую породу боевых коней. Диоскуры пользовались особым почитанием у участников конных ристаний и всей аристократической молодежи. Им воздвигали статуи на стадионах и алтари на ипподромах. Повсеместно они считались защитниками государства, и надежды на военный успех связывались с ними более, чем с другими богами. В критические моменты сечи они возникали в сознании отдельных воинов, как мираж, и крик «Диоскуры!» приводил к такому воодушевлению, что разгром противника был неотвратим. Говорили, что их видели далеко от поля боя в том или ином городе как вестников одержанной победы. На этрусских зеркалах они изображались крылатыми. Диоскуры воспринимались как образец братской любви и мужской доблести. Поэтому мальчикам часто давали имя Диоскурид. В героях видели пример того, как смертный, обладая верностью и доблестью, может возвыситься до богов.

По-разному сложились судьбы сестер – Елены и Клитемнестры. Елену, возвращенную в Спарту Диоскурами, сватали Менелай, оба Аякса, Патрокл и другие величайшие герои.

Совсем потерял голову Тиндарей от великого множества женихов, число которых возрастало с каждым днем. Закрылся он в мегароне и приказал рабам никого не впускать. «Как выбрать одного из ста? – лихорадочно думал царь. – А изберешь, так на тебя ополчится вся Эллада, ведь у каждого жениха отцы и дядья».

И когда он решил вовсе не выдавать Елену, в мегарон заглянул юноша лет двадцати.

– Жених? – строго спросил Тиндарей.

– Жених, но не тот, – ответил юноша, улыбаясь кончиками губ.

– Как не тот? – удивился старик.

– Я сватаюсь не к твоим дочерям, а к дочери твоего брата.

– К Пенелопе, – облегченно выдохнул Тиндарей. – Тогда ты ошибся дверью. Покои моего брата рядом.

– Я знаю. Но мне хочется дать совет тебе.

– Мне? – удивился царь. – Но кто ты такой, чтобы давать советы?

– Я – Одиссей, наследник царя Итаки.

Старик поскреб пальцами затылок.

– Итака... Что-то не припомню такого царства.

– Итака – это остров.

– Я и острова такого не знаю. Слышал о Крите, Кипре, Родосе, Лемносе, Кефаллении...

– Вот рядом с Кефалленией и находится наша Итака, где правит мой отец Лаэрт, правнук бога Гермеса.

Слова эти не произвели на старца никакого впечатления. Ведь едва ли не каждый из женихов, сватавшихся к Елене, заявлял себя внуком, правнуком или племянником кого-нибудь из богов.

– По материнской линии, – продолжал Одиссей, – я внук Автолика.

При этих словах Тиндарей явно оживился.

– Выкладывай твой совет! – произнес он.

– Я тебе советую, царь, – начал юноша, – предоставить выбор мужа самой Елене. Ей видней. Но перед тем как она назовет своего избранника, пусть все женихи поклянутся водами Стикса, что примут ее выбор и будут защищать Елену и ее супруга.

– Союз женихов! – радостно воскликнул Тиндарей. – До такого еще никто не додумался! Не обижайся, Одиссей, но со мной согласится каждый встречный, что не было во всей Элладе человека более хитрого и вороватого, чем твой дед. Такой совет мог дать только потомок Автолика. Что же мы стоим? Пойдем к моему брату. Я хочу его убедить, чтобы он не колеблясь отдавал свою любимицу на этот остров, как его...

– Итаку, – подсказал Одиссей.

– Да! Да! Итаку! – продолжал старый хитрец. – Ибо, имея мужа с такой головой, как у тебя, не пропадешь и на острове, на котором из конца в конец три часа ходу.

– Если идти поперек, – поправил Одиссей, – а если вдоль – семь часов.

Следуя совету Одиссея, Тиндарей взял с женихов клятву, что они согласятся с выбором Елены и будут поддерживать ее избранника. Елена назвала имя Менелая. Другую же свою дочь, Клитемнестру, Тиндарей отдал в жены брату Менелая Агамемнону, который вернул себе власть в Аргосе.

Остальные женихи разошлись по домам. После того как братья Елены Диоскуры были взяты богами на небо, Тиндарей передал власть над Спартой Менелая. Супруги жили счастливо. У них родилась дочь Гермiona.

Тем временем троянский царевич Парис, получив от Афродиты не только совет похитить Елену, но и корабль для осуществления коварного замысла, высадился в устье Эвроты и оттуда прибыл вместе со своими слугами в Спарту. Его привлекательная внешность, украшенные золотом восточные одежды и пышная свита привлекли к себе внимание. Парис был принят в царском дворце и проводил в дружеских беседах много времени с Менелаем. Отправляясь по делам на остров Крит, Менелай поручил юного царевича заботам супруги.

Воспользовавшись отсутствием Менелая, Парис убедил Елену покинуть «жалкую деревню», как он называл Спарту, и перебраться вместе с ним в великий город, достойный ее красоты. Афродита вложила в речь царевича такую мощь, что Елена не смогла воспротивиться его воле. От пагубного решения не удержала ее даже малолетняя дочь, которую пришлось оставить в Спарте. Уходя на корабль, Парис прихватил и имущество Менелая, издевательски назвав его «приданым».

Сразу же после отплытия беглецов вестница богов Ирида понеслась на своих разноцветных крыльях на Крит, чтобы сообщить Менелая о случившемся. Бросив все, он вернулся в Спарту к опустевшему дому и осиротевшей при живой матери малютке Гермione. В ярости он проклинал слуг, не сумевших удержать госпожу хотя бы силой, а на следующий день отправил вестников ко всем бывшим своим соперникам, давшим, как и он, клятву оберегать святость брака. Они собрались в Спарте, чтобы выработать общий план действий.

К западу от Тайгетских гор находилась некогда безлюдная область, простиравшаяся до самого моря, которое впоследствии было названо Ионийским. Согласно преданию, в нее первым отправился младший сын Лелега и Перидеи Поликаон. Женой его была аргивянка Мессена, дочь царя Триона. Ей приписывалось введение в стране, впоследствии получившей ее имя, почитание владыки богов Зевса. Мистерии Деметры и Персефоны в Мессении принес, видимо, из Элевсина, Кавкон, которого считали сыном Келена. Трион послал на помощь зятю войско, к которому присоединились некоторые лакедемоняне, оставшиеся жить в Мессении. Столицей царства Поликаона стал город Андания, прославленный мистериями Деметры.

Павсаний описал заселение Мессении ахейцами из Аргоса и лелегами из Лаконики, осуществленное задолго до того, как Лелегия-Лаконика была завоевана дорийцами. Впрочем, из упоминания Кавкона, перенесшего культ Деметры и Персефоны, можно заключить, что Мессения до начала ахейско-лелегской колонизации не была безлюдна. За именем Кавкона стоит название рано исчезнувшего народа кавконов, заселявшего западную часть Пелопоннеса. Древнейшие греческие историки считали кавконов «варварами», т. е. негреками, и уточняли, что кавконы жили во многих местах, в том числе и в Малой Азии на берегу Понта Эвксинского вблизи региона, носящего название Кавказ.

Археологические находки свидетельствуют о заселении Мессении с эпохи неолита, задолго до того, как там появился греческий этнос, к которому относились аркадяне. Из царей, утвердившихся в Андании, по мифам известен сын Эола Перииер, которого относили к поколению, следующему за Персеем. От дочери Персея Горгофоны у Перииера было двое сыновей – Афарей и Левкипп. Нуждаясь в помощи, очевидно, для подавления сопротивления догреческого населения, Перииер бросил клич, и к нему явились многие удалыцы с дружинами. Среди них был фессалиец Салманей, который заложил на побережье город Пилос, ставший благодаря удобному местоположению новой столицей Мессении. Бухта Пилоса была пригодна для стоянки кораблей.

Раскопки Пилоса, осуществленные греческими и американскими археологами в 20-60-е годы прошлого столетия, дали возможность подвести под мифы Мессении и рассказы древних историков научную базу. Ученым прежде всего требовалось разобраться, какой из трех известных древним авторам Пилосов на западном побережье Пелопоннеса был царской столицей. Историк и географ Страбон, чей авторитет во всех вопросах исторической географии был непререкаемым, считал столицей тот Пилос, который находился на юге Трифилии – области между Мессенией и Элидой. Однако Страбон ошибся. Пилос Салмоней и его преемников, из которых наиболее известен участник Троянской войны Нестор, находился в северной части залива, в новое время получившего название Наваринского, на мысе Корифасий. Здесь в 1912 и 1926 гг. греческий археолог Куруниотис откопал две купольные гробницы того же типа, которые известны в Микенах. Но этого было еще недостаточно, чтобы считать этот мыс Пилосом Нестора. В 1939 году тот же Куруниотис совместно с американским археологом К. Блегеном обнаружил на холме Энглианос остатки великолепного дворца II тысячелетия до н. э. Там были открыты сотни глиняных табличек, исписанных знаками той же системы письменности, которая была найдена на острове Крите и в Микенах и получила название линейного письма Б.

В 1954 г. эта система была дешифрована. И таким образом царь Нестор, с именем которого связывали долголетие и мудрость, оказался и самым начитанным и красноречивым из древнейших царей. Правда, среди табличек дворца Нестора не было найдено произведений художественной литературы, но и данные об администрации и хозяйственной деятельности дворца дали необыкновенно много для понимания древнейшей истории Пилоса, Микен, Фив, Афин и других царств.

Тиро, дочь Салмоней, после того как ее отец отправился осваивать Мессению, жила в Фессалии у своего дяди Кретея. Супруга его Сидеро так притесняла девушку, что однажды та решила свести счеты с жизнью. Отправилась она на берег полноводного потока Энипея и, закрыв глаза, бросилась в его воды. Посейдон, узрев юную красоту Тиро, принял облик речного бога, сохранил девушке жизнь и, вынеся на берег, сделал своей возлюбленной. Тиро встречалась с богом много раз. В жизни ее появилась радость, и она уже не помышляла о самоубийстве.

В назначенное богами время у Тиро родились два мальчика. В страхе перед своей жестокосердой преследовательницей она не принесла новорожденных в дом дяди, а оставила на лугу, где родила.

На этом же лугу пасся табун лошадей. Один жеребец, услышав плач младенцев, приблизился к ним, осторожно взял зубами и отнес к своей кобылице, находившейся в конюшне с

жеребенком. Приняла кобылица найденшей и стала вскармливать молоком. Конюх, явившийся, чтобы задать корм лошадям, увидел младенцев и обомлел от удивления. Он забрал их к себе домой, назвав одного Пелием, а другого Нелеем. Когда мальчики выросли, то решили узнать тайну своего рождения. Юношам помогла одежда, в которую их завернула мать. Умный конь принес ее в стойло вместе с детьми.

Обливаясь слезами, Тиро объяснила вновь обретенным сыновьям, что ее заставило бросить младенцев на произвол судьбы. Разгневались братья и тут же убили Сидеро, виновницу несчастий своей матери. Их не остановило даже то, что она отдала себя под защиту храма.

После этого мать и сыновья принесли благодарственную жертву Посейдону. Они понимали, что спасшие их кони действовали по его указанию. Недолго пробыли юноши с матерью. Пелий вскоре стал царем в Фессалии, Нелею же пришлось отправиться в Мессению, где поселился его дед Салмоней. Но деда уже не было в живых. Умер и его покровитель Перьер. Однако сын Периера встретил дальнего родственника как брата и выделил ему удел во владениях Салмоней.

Так обрел Нелей в Пилосе новую родину. Вскоре Пилос стал самым значительным городом Мессении, ибо постепенно Нелей частью унаследовал, частью захватил земли вплоть до самой крупной реки Пелопоннеса – Алфея. Повсюду Нелей основывал города, которые он также называл Пилосами.

Древние утверждали, что женой Нелея была Хлорида, дочь Амфиона. Их брак оказался счастливым. Супружеская чета имела дочь и двенадцать сыновей. Однако последние годы жизни Нелея стали несчастными и для него, и для всей Мессении. Он имел неосторожность оказать помощь врагам Геракла, и герой, вторгшись в Мессению, не оставил там камня на камне. В битве с Гераклом отличился старший сын Нелея Периклимен, получивший от своего деда Посейдона способность ходить по волнам не замочив ног и дар превращения в любое животное или насекомое. Сражаясь с Гераклом, Периклимен принимал попеременно облик льва, змеи, пчелы, но это не спасло его от смерти. Афина подсказала герою, что пчела, пытающаяся его ужалить, это и есть Периклимен, и Геракл его просто прихлопнул. Перебил герой и других сыновей Нелея – всех, кроме Нестора, будущего участника Троянской войны. Сам же Нелей, бежав в Коринф, умер там то ли от болезни, то ли от раны, нанесенной Гераклом.

Кто бы вывел и нас из дремучей людской глухоты,
Подарил бы и нам просветляющий слух Мелампода,
Чтобы было нам слышно, как увядают цветы
И желтеет трава от чадающего дыма заводов,
Чтобы жгли, как укусы, и нас голоса муравьев,
Когда сносят бульдозеры их пирамиды,
Чтобы поняли мы, открыватели новых миров,
Нашей матери Гее какую чиним мы обиду!

В то время, когда в Пилосе правил Нелей, жили там два брата. Они нежно любили друг друга. Но не по душе пришлось младшему городская жизнь, и он решил удалиться в лес, где собственными руками соорудил хижину и загон для нескольких овец. Ходил он летом и зимой босиком, и прозвали его за это Меламподом (Черноногим). «Горожанин» Биант навещал его, угощая ячменными лепешками, а Мелампод делился с ним овечьим сыром и охотничьей добычей.

Как-то возвратившись домой после прогулки в лесу, Мелампод увидел в траве под дуплистым дубом двух змей с разбитыми головами. Поняв, что их убили жестокие неразумные люди, Мелампод набрал сухих веток, поджег их кремнем и бережно положил змей в огонь.

Дым погребального костра привлек двух маленьких змеек, приползших отдать почести мертвым родителям. Пожалел их Мелампод и взял к себе в хижину. Поначалу он поил змеек молоком, а потом они стали сами добывать пищу и охранять дом от зверей и злых людей.

Однажды ночью, когда Мелампод, утомленный дневными трудами, крепко спал, змеи заползли на постель и стали лизать раздвоенными языками отверстия ушей своего спасителя. Делали они это так осторожно, что спящий ничего не почувствовал.

Мелампод пробудился на рассвете от птичьих голосов. Ранее это были звуки и трели без всякого смысла. Но теперь он стал понимать птичий язык:

– Тиль! Тиль! Летим отсюда. Под той елью гнездо сокола.

– Да! Да! Я слышу шум его крыльев! Летим!

Смолкли птичьи голоса, и в наступившую тишину ворвался писк. Наклонив голову, Мелампод после долгих поисков обнаружил ползущего по земляному полу муравья. Он толкал впереди себя хлебную крошку. В нее вцепился другой муравей и тащил в свою сторону.

– Прочь отсюда, негодяй! – кричал первый муравей. – Это моя добыча!

– Но это моя дорожка! – вопил другой муравей.

Поискал Мелампод глазами змей и не нашел их на обычном месте. Не было их и в дупле. Мелампод понял, что больше не увидит выращенных им змей и что перед тем, как уползти в лес, они решили наградить своего спасителя совершенным слухом.

Но радоваться ли ему приобретенной способности? Мир открылся в такой разноголосице, какая недоступна ни одному из смертных. Своим знанием мира он приближался не только к животным, но и к богам. А как они к этому отнесутся? Не покарают ли его, как бесчисленное число раз наказывали других, преступивших назначенные ими людям пределы?

С этими беспокойными мыслями отправился Мелампод в дельфийское святилище Аполлона. Паломники вели в храм овец или тащили свиней, которые должны были подвергнуться испытанию жрецами, решавшими, угодна ли жертва Аполлону. Мелампода вместе с его свиньей завели в помещение, где уже находилось несколько богомольцев со своими козами. Испытуемая коза блеяла и крутила головой, не желая брать предложенный ей пучок травы.

– Ей больно! – пояснил Мелампод. – У нее за левым ухом колючка!

Хозяин животного вытащил колючку, после чего коза схватила траву. Жрец подозвал Мелампода и спросил его, показывая на паломника с козой:

- Тебе знаком этот человек?
- Вижу его впервые, - ответил Мелампод.
- Это не твоя коза? - Жрец показал на животное с пучком травы в зубах.
- Нет! Я пришел со свиньей.
- Как же тебе удалось разглядеть на таком расстоянии колючку?
- Я услышал. Коза проблеяла: «Колючка за левым ухом! Колючка!»

Жрец переглянулся со служителем и сказал Меламподу:

- Оставь свою свинью и можешь идти прямо в храм.

Вещая дева только что омылась водой Кастальского источника, и жрецы окуривали ее дымом угодного Аполлону лаврового дерева и осыпали мукой. После этого пифия зажала между зубами лавровый лист и с лавровой ветвью в руке отправилась к треножнику. Как только она на него села, жрец прочел с дощечки вопрос Мелампода:

- Не гnevаются ли на меня боги за то, что я понимаю голоса птиц, зверей, насекомых?

Обычно пифия бормотала какие-то неясные слова, а затем ее речь истолковывалась жрецами. Но на этот раз пифия явственно произнесла:

- Оставайся в храме!

Пройдя выучку у Аполлона, Мелампод стал знаменитым лекарем и прорицателем. Он исцелил дочерей царя Тиринфа от безумия и получил за это не только для себя, но и для своего любимого брата часть Тиринфского царства.

А когда узнали братья, что царь могучего Пилоса обещал отдать свою красавицу дочь за того, кто сумеет увести у правителя соседнего царства стадо славных по всему полуострову коров, Мелампод твердо решил помочь брату. Он знал, что никому не удавалось выполнить этого условия, потому что охранял коров злобный гигантский пес. Однако он понадеялся на свой чудесный дар и смело отправился за коровами. Но способность понимать речь всего живого оказалась бесполезной. Подойдя к скотному двору и увидев коров, охраняемых псом, Мелампод не смог даже к ним приблизиться. Он ходил вокруг ограды, удивляясь тому, сколько бранных слов в запасе у злобного животного:

- Гав! Гав! Говядины захотел, двуногий вор! Схвачу за рукав! - заливался пес, мотая кудлатой головой.

В это время подросли слуги и отвели Мелампода во дворец. Он не стал скрывать, что хотел увести коров, и царь распорядился заточить его в тюрьму. Охраняли его добродушный мужчина и жестокосердная женщина, так что один день ему жилось сносно, другой - плохо.

Мелампод знал, что через год окажется на свободе, и каждый проходящий день отмечал царапиной на притолке двери. Когда до освобождения оставалось три дня, Мелампод услышал, как переговаривались между собой два жучка-древоточца.

- Много там еще балок осталось? - поинтересовался один.
- Последнюю догрызаем, - промычал другой.

Рот у него был набит трухой.

Мелампод поднял шум. Добрый тюремщик вывел его наружу. Злая женщина погибла при обвале кровли. Тот, кто спас Мелампода, рассказал о случившемся царю Пройту, соправителю Аргolidy, который понял, что держал в тюрьме великого предсказателя. Подарил он ему стадо коров и пожелал доброго пути.

Так помог Мелампод своему брату стать зятем могущественного пилосского владыки. Сам же удалился в славный конями Аргос и, женившись на дочери аргосского царя, поселился в пышноустроенном дворце. Здесь ему и было предназначено богами жить, справедливо управляя народом аргивян. Он был первым из эллинов во врачевании, строительстве храмов Диониса и в разведении винограда. Правнуком Мелампода был герой Аргоса и предсказатель Амфиарай, участник похода семерых против Фив.

Сын Нелея и Хлориды Нестор был самым знаменитым героем Мессении. Он отличался удивительным долголетием, сохраняя до глубокой старости силы и здравый ум. Рассказывали, будто Аполлон отдал ему все жизни, которые отнял у несчастных двенадцати детей Ниобы.

В войне, которую вел Геракл против Мессении, из двенадцати сынов Нелея уцелел один Нестор – он находился в то время вдали от Пилоса, в Герении. Поэтому Гомер называет его «геренским конником».

С юности Нестор был силен и ловок. Став царем Пилоса, он прославился как воитель в войне с соседями энейцами, которые стали чинить после разгрома Мессении Гераклом обиды местным жителям. Пришлось Нестору также сражаться с аркадским силачом Эревфалионом. Надев доспехи, принадлежавшие самому Аресу, тот вызывал на поединок храбрейших героев. Никто из опытных бойцов не решился вступить с ним в схватку, а Нестор, еще юноша, при этом на две головы ниже аркадянина, не побоялся с ним сразиться в честном бою и, умертвив его, добился похвалы от самой Афины. Нестору приписывали также участие в битве между лапифами и кентаврами на стороне первых и даже плавание на «Арго».

Мнимая причастность Нестора к событиям, отделенным друг от друга двумя и даже тремя поколениями, видимо, и стала источником того, что рассказчики мифов наделили этого героя таким долголетием.

Подвиги и труды Геракла

Не видел я Гермеса, Феба,
Ареса, – как их там ни звали, -
Но в нем одном есть все, что небу
Бездумно люди приписали...
Родив его, Земля иссякла.
Он Гебой не был зачарован.
Не мучьте камень! Ведь Геракла
Вам, боги, не создать другого.

Иоганн Гёте

Геракл был наиболее прославленным героем греков и, несмотря на кажущуюся простоту этого персонажа, одним из наиболее сложных и загадочных образов греческой мифологии. Судьба Геракла, как ее рисуют мифы, разворачивается в рамках внутрисемейного агона (состязания) между божественными супругами Зевсом и Герой. Зевс, божественный отец Геракла, предназначил ему быть главой царствующего в Аргосе рода Персеидов еще в то время, когда он был во чреве матери. Гера, оспаривая это решение, взяла на себя обязанность провести героя через самые серьезные испытания и выявить, достоин он или нет этого высокого предназначения. Своими подвигами Алкид (Сильный) – таково имя, данное младенцу – должен прославить Геру и стать Гераклом (Прославляющим Геру, Прославленным Герой).

Гера, таким образом, не банальная ревнивица и ненавистница, как это представляется при поверхностном взгляде на ее поведение, а строгая руководительница испытаний, которые в период формирования мифа предстояло выполнить каждому подростку при переходе в возрастной разряд мужей, зрелых охотников, скотоводов, земледельцев и воинов. Эти испытания, хорошо изученные этнографами у отставших в своем развитии народов и известные как инициации, определили выбор деяний, которые выпали на долю Геракла.

Рассмотрение этих деяний в сравнении с подобными заданиями других юных героев (греческих и негреческих) показывает, что их выбор был подчинен стремлению выявить силу и находчивость героя в борьбе с дикими обитателями суши, воды и неба (лев, водная змея, кабан, лань, птицы-людоеды), с домашними, но одичавшими животными (бык, кони), с великанами и чудовищами (Атлант, Кербер). Во всех этих испытаниях юноша должен был продемонстрировать умение сражаться в разнообразных природных условиях, с оружием и без него, показать не только силу рук, но и быстроту ног (керинейская лань). Преодолев все преграды, усложненные тем, что приходилось сражаться не с обычными, а с созданными «по особому заказу» Геры хищниками, юноша Алкид становится Гераклом.

Наряду с двенадцатью подвигами, вписывающимися в определенную социально-идеологическую систему, существовало множество других деяний, наслоившихся на первоначальные. Это являлось следствием того, что Геракл первоначально был героем Арголиды, связанным с культом аргосской Геры, почитавшейся в Аргосе, Тиринфе и Микенах. В Фивах Геракла отождествляли с местным древнейшим героем Иолаем, который впоследствии был переосмыслен как его спутник и родственник, а затем вовсе забыт. На Крите образ Геракла вобрал в себя черты местного героя, причастного к основанию Олимпийских игр на Пелопоннесе и к различным деяниям на островах. Таким образом, только на Балканском полуострове в микенскую эпоху Геракл вобрал образы трех героев, а после Троянской войны он соединился с дорийским героем, совершавшим деяния в Северной Греции и воевавшим с фракийцами.

В Финикии и ее западных колониях Карфагене, Утике, Гадесе образ Геракла наложился на образ местного бога Мелькарта («царя города»). Путь Геракла на запад к Столпам Мелькарта (Гибралтарский пролив), которые уже позднее стали называть Столпами Геракла, проходит по маршрутам финикийской колонизации и отражает географию почитания Мелькарта.

Возвращаясь, согласно мифу, с крайнего Запада со стадом захваченных у Гериона коров, Геракл попадает в Италию и на Сицилию, где вступает в борьбу с чудовищами и великанами, за что получает божественные почести. В Риме еще в I в. показывали «величайший алтарь», где ежегодно по греческому обряду обожествленному герою приносились жертвы. Алтари меньших размеров были разбросаны по всей Италии, поскольку многие города и племена Италии стали отождествлять своих местных богов и героев с Гераклом.

Геракл (римская мраморная статуя, Неаполь, Национальный музей)

В Малой Азии образ Геракла соединяется с образом героя Санда, или Сандома. Это дает возможность рассказчикам мифов ввести своего героя в цикл лидийских мифов и поставить его на службу лидийской царице Омфале. Таким образом, странствия Геракла, в традиционном изложении мифа объясняющиеся стремлением мстительного Эврисфея заслать героя подальше и погубить, вобрали в себя историю освоения всего обитаемого мира критянами, микенцами, этрусками, финикийцами и, наконец, греческими колонистами эпохи великой колонизации VIII-VI вв. до н. э.

Античные мифографы (Аполлодор, Диодор Сицилийский, Гигин), классифицируя деяния Геракла, выделили две их группы: «подвиги» и «труды», имея под первыми в виду битвы и походы, которые герой возглавлял как военачальник, нередко совместно с другими героями. Впоследствии появилась и третья группа – «парерга», в которую входили приключения, совершенные попутно при осуществлении того или иного из двенадцати подвигов. Поскольку подвиги третьей группы иногда чисто внешне привязаны к двенадцати подвигам, мы будем излагать их либо в других частях книги в соответствии с локальным принципом изложения, либо в этой же главе в разделе «Сверх двенадцати». Туда же войдут подвиги из группы «труды».

Сложность и противоречивость образа Геракла давали простор для его истолкования представителям самых различных жанров античной литературы. В эпосе и трагедии он благородный герой, в комедиях – весельчак, обжора и кутила. Софисты изображали Геракла юношей, сознательно отказавшимся от наслаждений и избравшим труды и подвиги, ведущие к бессмертию. Атлеты видели в Геракле свой идеал, и он считался покровителем палестр, гимнасиев и терм. Торговцы, которым угрожали разбойники на морях и на суше, видели в нем своего защитника, рассматривая его как покровителя торговли.

Даже философы-богоборцы могли найти в деяниях Геракла опору для своего отношения к богам. Ведь Геракл ранил стрелой Геру и, согласно одной редкой версии, также и Аида. Да и вся его жизнь – пример того, как могут боги преследовать смертного без всякой его вины.

Таков многоликий Геракл, встающий из рассказов древних мифографов, из эпических поэм, трагедий, комедий, философских трудов, а также бесчисленных памятников искусства. Множественность образов, воспринятых Гераклом, явствует из того, что, согласно Диодору Сицилийскому, было три героя с именем Геракл, по мнению Цицерона – шесть, по мнению

Варрона – сорок три.

Олимпийское застолье было в самом разгаре. Богини шепотком делились друг с другом своими секретами. Боги громко рассказывали о встречах со смертными женами. Ганимед услужливо подливал в кубки нектар. Геба подносила амбросию.

Вдруг Зевс гулко стукнул по столу ладонью. Все стихло.

– Вот что должен я сказать вам, боги и богини. Младенец, который сегодня родится у потомков моего сына Персея, будет повелевать всеми в этом роду.

Богини переглянулись. Им-то давно уже было известно, что имеет в виду Зевс. Полюбилась ему супруга тирийянина Амфитриона Алкмена, и он трое суток, принимая облик Амфитриона, делил с нею ложе.

Не удержала Гера в руках чашу, и драгоценный нектар густой струей полился по столу.

– Поклянись, что не нарушишь своего слова! – воскликнула она и метнула повелительный взгляд на край стола, где пристроилась богиня обмана Ата.

Поняла Ата, чего ждет от нее супруга владыки богов, и тотчас овладела его разумом. Не заметив коварства, Зевс поклялся священными водами Стикса.

Едва дождавшись окончания пиршества, Гера быстро, по-воровски спустилась на землю, чтобы поторопить появление на свет другого потомка Персея. И родился хилый и плаксивый младенец. Радовалась, глядя на него, мстительная богиня, предвкушая, какому ничтожеству будет служить сын ненавистной соперницы.

На следующий день, когда боги снова собрались за столом, Гера обратилась к Зевсу, да так громко, что слышали все:

– Ты не ошибся, мой супруг и повелитель, когда говорил, что на свет появится потомок Персея. Он вчера родился в Микенах. Ему дали имя Эврисфей.

Потемнело лицо Зевса, словно на него набежала туча. В ярости схватил он за ногу Ату и швырнул ее вниз, на землю, чтобы среди смертных, а не среди богов сеяла она козни. Испугалась Гера страшного гнева супруга. Но, наказав Ату, Зевс сразу отошел. Повернув лицо к Гере, он проговорил:

– Пусть будет по-твоему. Но знай, что мой сын все равно добьется того, что ему предназначено мною.

В тот же день в Фивах у Алкмены родились двое близнецов. Один из них, послабее, был сыном Амфитриона. Ему дали имя Ификл. Тот, что покрепче, был сыном Зевса. В дальнейшем его стали называть Гераклом.

Геракл душит змей, которых наслала Гера. Слева стоит Афина. Брат Геракла Ификл испуганно протягивает руки к кормилице

Не было Гераклу и года, когда о нем вспомнила Гера и спустилась на землю, чтобы наслать на дом Амфитриона двух огромных змей.

Уложив детей в подвешенный к потолку щит Амфитриона, заменявший люльку, утомленная мать прилегла отдохнуть. Уснул и отец. Проснулись родители от детского крика. Плакал Ификл. Ему удалось выбраться из щита и отползти к стене. Геракл, оставшийся в щите, держал в ручонках по змеиной голове. Из пасть с шипением высывались раздвоенные языки, но личико ребенка было совершенно спокойно. Да и ручки не выдавали никакого напряжения. Змеи все медленнее били хвостами. Когда Геракл разжал кулачки, они мертвыми упали к ногам Амфитриона.

Родители бросились обнимать и целовать малыша, а Гера, наблюдавшая за всем, что происходило в спальне, яростно взмыла в воздух.

Непременной частью воспитания времени создания мифов была музыка. Амфитрион пригласил в свой дом прославленного музыканта Лина, считавшегося сыном одной из муз, и поручил ему обучение сыновей. Ификл был прилежным и послушным учеником, Геракл – непоседой и лентяем. К музыке он не проявлял никакого интереса. Когда однажды Лин, потеряв терпение, слегка шлепнул Геракла, тот, выхватив из рук учителя лиру, одним ударом уложил его наповал. Такова была сила Геракла! И такова была уже в детстве необузданность его характера!

После этого несчастья Амфитрион решил отдать Геракла на выучку кентавру Хирону. Восприняв все, что должен знать и уметь воин, Геракл стал защитником города Кадма. В те годы Фивы платили дань минийцам, и посланцы Эргина явились в город за бычками, которых фиванцы должны были давать Орхомену по договору. Геракл прогнал послов, нанеся им увечья. Эргин потребовал выдачи оскорбителя, и Креонт, царствовавший тогда в Фивах, уже готов был выполнить это требование. Тогда Геракл убедил юнцов, своих сверстников, взять из храмов хранившиеся там в виде трофеев оружие и доспехи. Вооружившись, они устроили перед городом засаду, напали на минийцев, сразили Эргина и перебили почти всех его воинов. Затем победители ворвались в Орхомен и сровняли его с землей.

Креонт, восхищенный доблестью Геракла, отдал ему в жены свою дочь Мегару, а вместе с ней вручил в качестве приданого Фивы. Узнав об этом, Эврисфей вызвал Геракла к себе. Но герой не подчинился, и Зевсу пришлось дать не оставляющее никаких сомнений знамение, что Геракл должен идти в услужение Эврисфею. И все-таки упрямец отправился в Дельфы за разъяснением. Оракул гласил, что Геракл получит бессмертие, совершив на службе у Эврисфея двенадцать подвигов.

Пав духом, Геракл бездействовал, пока Гера не наслала на него безумие. В припадке ему показалось, что его веселившиеся дети – это хищные звери, собирающиеся на него напасть (или дети Эврисфея). Схватив лук, он перестрелял их и заодно своих племянников, детей Ификла. Чудом уцелел лишь один из них, Иолай. Придя в себя, Геракл предался отчаянию и бежал из Фив в Микены, на родину предков, чтобы исполнить все, что прикажет царь Эврисфей – недоносок и злобный трус.

Геракл в окружении живо протестующих соучеников замахнулся обломком скамьи на их учителя Лина

Когда вступил он в лес и шел на смертный бой,
По следу хищников врывая в почву ноги,
Далекий рев, как гром, донесся из берлоги
И смолк. Пылал закат в лазури голубой,
Как будто тот, пред кем дрожала вся Немея,
Стоял и скалился на небе, пламенея;
То с боя шел Геракл в трофее золотом,
А тени от него росли в вечернем свете
И, слив бойца и льва в огромном силуэте,
Составили один, чудовищный, фантом.
Жозе-Мариа де Эредиа (пер. Д. Олерона)

– Убей немейского льва и притащи в Микены! – приказал Эврисфей еще не успевшему перевести дух Гераклу.

Легко произнести «убей», «притащи», но каково встретиться один на один со страшилищем из Неми! Ведь это не обычный зверь, на каких Геракл охотился в Фивах. Немейский лев был во много раз крупнее и сильнее хищников этой породы, водившихся в ту далекую пору на юге Европы. От одного его рыка, звучавшего в ущельях, как гром, разбегалось все живое.

По дороге к логову льва на горе Трет Геракл забрел на огонек в убогую хижину земледельца Молорха. Обрадовавшись, что отыскался смельчак, готовый избавить округу от лютого зверя, Молорх схватил нож, чтобы зарезать для гостя единственного барана. Но Геракл остановил его:

– Добрый человек! Придержи своего четвероногого до времени. Если вернусь в течение тридцати дней, принесешь барана в жертву Зевсу-Спасителю, а если останусь там – заколешь его подземным богам.

Логовище льва на горе Офельте Геракл отыскал по отвратительному смраду гниющего мяса. Свирепый хищник убивал больше, чем мог съесть, а объедки никто не решался подбирать. Там, где смердела падаль, был вход в пещеру. Внимательно осмотрев местность, герой обнаружил выход из той же пещеры и тщательно завалил его огромными глыбами.

После этого он вернулся к входу и, заткнув нос, чтобы не задохнуться, стал ждать.

Лев показался лишь тогда, когда начало темнеть. Увидев человека, он яростно заревел и стал колотить хвостом по земле, подняв столб пыли выше деревьев.

Геракл схватил лук, вложил в него стрелу и, натянув тетиву, отпустил. Со свистом вырвалась стрела и угодила в бок зверя, но, не вонзившись, отлетела в сторону. Выпустив все стрелы, Геракл откинул бесполезный лук и взялся за дубину. Орудовать ею в узком проходе в пещеру было трудно. Отбросив и ее, он голыми руками схватил извивающегося зверя за горло и давил до тех пор, пока тот не испустил дух. Содрав со льва шкуру, Геракл набросил ее на голову и плечи, так что издали его можно было принять за льва. Уничтожая льва, Геракл не просто освобождал мир от чудовищ, но сам уподоблялся царю зверей. Отсюда страх Эврисфея. Посылая на верную смерть слугу, он по возвращении его увидел в нем будущего царя.

А тем временем Молорх терпеливо ждал Геракла, делая на посохе зарубки. После тридцатой зарубки он отвязал барана от дерева и потащил к обрыву, чтобы принести в жертву подземным богам. Но, не дойдя до обрыва, земледелец увидел весело шагавшего Геракла, издали махавшего львиной шкурой!

– Отдай барана Зевсу-Спасителю! – произнес Геракл, обнимая Молорха. – А день нашей встречи прославь Немейскими играми.

Эврисфей, увидев с надворотной башни Геракла со львиной шкурой на плечах, отправил ему навстречу гонца с приказом в город не входить, а сам спрятался, дрожа от страха.

Зевс отметил первый из великих подвигов своего сына созданием созвездия Льва, вошедшего в двенадцать знаков зодиака, подобно тому как победа над немейским львом вошла в двенадцать подвигов Геракла.

– Убей лернейскую гидру! – прокричал с башни Эврисфей срывающимся голосом.

Эта многоголовая водяная змея была также порождена Тифоном и Ехидной и жила в Лернейском болоте, где находился вход в подземный мир. Гера вырастила ее, чтобы испытать Геракла.

Взяв в помощники своего племянника Иолая и захватив, по совету Афины, медное оружие, Геракл раздобыл повозку и двинулся в путь. Как только показалось болото, герой оставил Иолая с конями и отправился далее один.

Он заметил посреди болота холм и, прыгая по кочкам, направился к нему. Там было отверстие, наполовину скрытое кустами, из которого доносилось грозное шипение. Вскоре наружу высунулось несколько голов на длинных шеях, а затем показалось туловище, покрытое чешуей, и длинный извивающийся хвост. Не дав чудовищу напасть первым, Геракл забежал сбоку и наступил ногой на спину зверя, прижимая его к земле. Сбив мечом одну из голов, он сразу же заметил, что на ее месте выросли две новые.

Пришлось Гераклу крикнуть Иолаю, чтобы тот разжег костер и явился с горящим бревном. Услышала этот призыв Гера и послала против героя гигантского рака, который вцепился ему в ногу, стесняя движения. Пришлось сражаться сразу с двумя противниками, пока подоспевший Иолай, с огромным трудом отцепив рака, не отбросил его как можно дальше.

И сразу же Иолай начал прижигать гидре шеи на месте отрубленных голов. Новые головы не вырастали. Все слабее и слабее сопротивлялась обезглавленная гидра и, ударив в последний раз хвостом, затихла. Не теряя ни мгновения, Геракл рассек живот чудовища и напитал свои стрелы ядовитой желчью.

Когда Геракл и Иолай удалились, Гера подобрала своего рака и подняла его на небо. Там появилось созвездие, имеющее облик рака с кривыми клешнями. Оно встает на небе в самое жаркое время года, напоминая о благодарности Геры каждому, кто помогал погубить ненавистного ей героя.

Оправившись от ярости, вызванной выполнением невыполнимого, Эврисфей приказал Гераклу привести живым чудовищного вепря, обитавшего на горе Эриманф в той же Аркадии.

По следам, оставленным на деревьях клыками, герой отыскал логовище вепря и громким криком выгнал его оттуда. Вид Геракла, вооруженного дубиной, внушил кабану ужас, и он помчался куда глаза глядят. Долго гнался Геракл за чудовищем, пока не загнал его в глубокий снег на одной из высоких гор. Там он одним прыжком бросился кабану на спину и связал его, затем, взвалив вепря на плечо, стал спускаться в низину. Все, кто встречался Гераклу на пути, радостно приветствовали героя, освободившего Пелопоннес от страшной опасности.

Геракл в гостях у кентавра Фолы подвергается нападению других кентавров

На пути к Эврисфею Геракл заглянул к старому знакомцу кентавру Фолу, по-дружески пригласившему его в свою пещеру и угостившему вином. На винный дух сбегались другие кентавры. В яростной схватке Геракл перебил их почти всех. Фол же уронил себе на ногу отравленную стрелу Геракла и умер в муках. Велико было горе Геракла. Но нужно было торопиться, ведь зверь ревел и готов был порвать путы. Геракл похоронил друга и продолжил свой путь.

Эврисфей же, увидев героя, возвращающегося с вепрем, в ужасе забрался в бронзовый пифос, глубоко врытый в землю.

Шипя, садится в море солнце.
Всеобщий ощутив испуг,
Лань керинейская несется
Бела как снег, легка как пух.
Дочь Артемиды и заката,
Горят огнем ее рога.
Смертельным ужасом объаты,
Во мрак уходят берега.
Но светом серебристым, лунным
Насквозь пронизана она.
Разносится напевом юным,
Как напряженная струна.
Геракла ст релы мимо, мимо.
Себя сиянием омыв,
Она, как луч, неуловима,
Неосязаема, как миф.

Первыми увидели необыкновенную лань пастухи. Она стояла на утесе Керинейских гор с высоко закинутой головой. Шкура ее под лучами Гелиоса пламенела, как медь, а рога сверкали, словно были из чистого золота.

Вскоре об удивительной лани узнала вся Аркадия. Не ведая устали, она носилась как вихрь по лугам и полям, вытаптывая траву и посевы. Стало ясно, что это не обыкновенная лань, за какими охотятся в горах, а животное, созданное владычицей зверей Артемидой. Не иначе перед ней провинился какой-нибудь охотник, не поделившийся своей добычей с богиней, и лань стала карой для всей Аркадии.

О керинейской лани проведал Эврисфей. Зная, что Геракл по своему телосложению, скорее, борец, чем бегун, он повелел поймать животное и привести живым под стены Микен. Услышав этот приказ, Геракл содрогнулся. Герой не пасовал перед трудностями необыкновенной охоты. Но ему было известно, что лань подарена Артемидой одной из двенадцати дочерей Атланта Тайгете, и, зная, как ревниво относилась богиня к своим дарам, герой опасался вызвать ее гнев.

И все же ловлю пришлось начать. Как только лань встретила Гераклу, он погнался за нею. Почувствовав, что Пелопоннес может стать ловушкой, животное понеслось через Истм на север. Вслед за ланью Геракл пробежал Аттику, Беотию и Феспотию, которая позднее стала называться Фессалией. Герой трижды обогнул Олимп, перепрыгивая через пропасти, преодолевая пеннопучинные реки. Так он оказался во Фракии, а затем в стране гипербореев, где лань рассчитывала на помощь своей госпожи Артемиды и ее брата Аполлона. Но божественные брат и сестра, не вмешиваясь, с интересом наблюдали за погоней. Тогда лань помчалась в сад Гесперид, надеясь там передохнуть. Но когда Геракл настиг ее и там, она решила вернуться в Аркадию. Путь с запада на восток занял несколько месяцев. И ни разу за это время ни лань, ни ее преследователь не отдохнули.

Отчаявшись догнать лань, Геракл вытащил лук и направил стрелу в ногу животного. Лань захромала, и только тогда герой настиг ее.

И в тот же миг перед ним выросла разгневанная Артемида.

– Кто тебе позволил? – гневно произнесла богиня.

– Милостивая госпожа, – почтительно склонил голову Геракл, – я сам бы никогда не решился на этот поступок, но мною руководит злая воля Эврисфея.

По мере того как оправдывался герой, смягчалось каменное лицо Артемиды. Она позволила ему взвалить лань на плечи и доставить Эврисфею.

Какие только напасти не сваливаются на род человеческий! Как-то в лес, раскинувшийся на холмах над берегом Стимфалийского озера в Аркадии, залетела пара чудовищных птиц, оперенных бронзовыми перьями, с медными когтями и клювами. Размножившись с необычайной быстротой, они превратились в огромную стаю и за короткое время уничтожили весь урожай окрестных полей, истребили животных, пасшихся на тучных лугах, поубивали многих пастухов и земледельцев. Взлетая, птицы роняли свои перья, как стрелы, и поражали ими всех, кто находился на открытом месте.

Узнав об этом несчастье аркадян, Эврисфей послал к ним Геракла, будто бы на помощь, а на самом деле – чтобы погубить героя. Спрятавшись под раскидистым дубом, Геракл долго изучал повадки чудовищных птиц. Он понял, что ни одна стрела не пробьет их бронзового оперенья и уязвимы птицы лишь в тот момент, когда выкинут свои перья, а новые еще не отрастут. Вдруг прямо к ногам героя с неба упали два медных тимпана. Их бросила ему Афина. Воодушевленный помощью, Геракл выбежал на открытое место и ударил в тимпаны. Услышав грохот, птицы вылетели из своих лесных убежищ и стали бешено кружиться в воздухе. Геракл поднял над головой щит, и посыпавшиеся сверху бронзовые перья не причинили ему вреда.

Как только свист падающих перьев утих, Геракл откинул щит и стал разить птиц не дающими промаха стрелами. Часть хищников попадала на землю. Другие, взвившись к облакам, скрылись. Они улетели к далеким берегам Понта Эвксинского и больше никогда не возвращались в Аркадию. Выполнив поручение Эврисфея, Геракл вернулся в Микены. Там его ожидал новый, еще более трудный подвиг.

Во всей Элиде, да что в Элиде – во всем Пелопоннесе не было богаче царя Авгия, сына Гелиоса. В его скотном дворе одних быков было более пятисот. На каждого быка приходилось по десятку коров, и каждая корова ежегодно приносила теленка. Другой бы на месте Авгия поделился своими богатствами с соседними царями или роздал телят пастухам. Но ведь недаром говорят – чем богаче, тем скупее! Авгий окружил скотный двор крепкой изгородью и все дни занимался подсчетом животных, опасаясь, что их могут украсть. Быки и коровы переходили с места на место, Авгий сбивался со счета и начинал все сначала. На то, чтобы убрать огромные кучи навоза, у него не оставалось времени. Телята начали тонуть в навозной жиже, но Авгий этого не замечал. Он все считал и считал.

Вскоре вонь распространилась по всей Элиде, да что по Элиде – по всему Пелопоннесу, и царь Эврисфей, поднявшись на стены Микен, уловил неприятный запах.

– Чем это несет? – спросил он, морща нос.

– Авгиевыми богатствами, – отозвался один придворный.

– Авгиевой скупостью, – добавил другой.

Так Эврисфей узнал причину вони и, поскольку привык поручать Гераклу самые трудные работы, решил доверить ему и самую грязную. Ожидая возвращения героя, он представлял себе, как тот вымажется, когда будет выгребать нечистоты. От этой мысли ему стало необыкновенно радостно, и он, усмехаясь, потирал ладони.

Наконец Эврисфей дождался своего часа. Объясняя поручение стоявшему под стеной Гераклу, он давился от хохота.

– Ха! Ха! Вычисти скотный двор царя Авгия! Ха! Ха!

Геракл пожал плечами и молча отправился в путь. Явившись к Авгию, он осмотрел окрестности скотного двора и сам двор и лишь после этого пришел в царский дворец.

– Я готов очистить твой двор от навоза, – объяснил он царю, – если ты мне дашь десятую часть стада.

– А сколько тебе на это понадобится времени? – спросил Авгий.

– Один день, – отвечал Геракл.

– Тогда я согласен! – отозвался царь. – За такой труд ты получишь все что хочешь.

Царь согласился потому, что был уверен в невозможности удалить за один день горы навоза.

Между тем Геракл сломал с двух сторон окружавшую скотный двор изгородь и с помощью канавы ввел туда воду горной речки Менея. Водный поток в полдня своротил кучи навоза и вынес их наружу. Принеся обильные жертвы Менею, чтобы простил речной бог за навязанную его водам грязную работу, и восстановив изгородь, Геракл направился во дворец.

– Ну, что тебе еще надо? – недовольно проговорил царь. – Я же обещал дать десятую часть скота, когда ты выполнишь работу.

– Я ее выполнил, – сказал Геракл.

Явившись на место, Авгий убедился, что Геракл не обманул. Скотный двор был чист, а оставшаяся канава говорила о том, каким образом Геракл добился успеха.

– Это река выполнила твою работу! – проговорил Авгий. – Ия готов расплатиться с нею, но не с тобой.

Ничего не возразил Геракл, но молча поклялся отомстить обманщику. Несколько лет спустя, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся в Элиду с войском из аргосцев, фиванцев и аркадян. На помощь Авгию пришел царь Пилоса Нелей. Геракл одержал победу над вражеским войнством и сразил стрелой Авгия. Затем он взял Пилос, куда спасся бегством Нелей, смертельно ранил царя и убил его одиннадцать сыновей. Уцелел лишь один сын Нелея – Нестор, тот самый, который впоследствии участвовал в Троянской войне и прославился своим долголетием и необычайной мудростью.

Не оставалось более на греческом материке диких зверей и свирепых чудовищ. Всех истребил Геракл. И приказал ему Эврисфей отправиться на лежащий посреди моря остров Крит и переправить оттуда в Микены быка Посейдона. Бог морей подарил этого быка Миносу с тем, чтобы тот принес его в жертву. Но бык был настолько хорош, что Минос, хитрейший из смертных, заколол своего быка, а предназначенного к жертвоприношению оставил в стаде. Проведая об обмане, Посейдон наслал на животное бешенство. Носясь по всему острову, бык вытапывал поля, разгонял стада, убивал людей. Не сомневаясь, что Геракл одолеет быка, Эврисфей не представлял себе, как он сумеет доставить его живым, да еще не по суше, а по воде. «Какой корабельщик согласится пустить на судно пассажира с бешеным быком?!» – думал он и злорадно хихикал.

Геракл выслушал новый приказ спокойно, ибо знал, что, если бык обезумел, Посейдон снял с себя заботу о нем.

Никто не решался подойти к животному даже на полет стрелы, а Геракл смело вышел ему навстречу, схватил за рога и пригнул могучую голову к земле. Ощувив невероятную силу, бык смирился и стал кроток, как ягненок. Но критяне так боялись быка, что попросили Геракла как можно скорее покинуть остров. Геракл сел быку на спину и погнал его в море. Повинуясь герою, бык ни разу не попытался сбросить седока в морскую пучину. И на суше он оставался таким же послушным и дал завести себя в стойло.

Не спавший несколько ночей Геракл отправился отдыхать. Когда же проснулся, быка на месте не оказалось. Эврисфей приказал его выпустить, так как один вид животного внушал ему ужас.

Ворота Микен в те времена были открыты для всех безоружных. Стражи пропускали и богатых купцов с товарами, и нищих, шедших за милостыней. Так оказался в городе незнакомец в лохмотьях, едва прикрывающих тощее тело, с обломком весла на плече, указывающим на постигшее его бедствие. Несчастный потрясал воображение тех, кто его слушал, рассказом о кораблекрушении. Вскоре нищего пригласили во дворец.

– Я слышал, – сказал Эврисфей, – что тебе одному удалось избежать ярости Посейдона. Как это случилось?

– Наш корабль разбило о скалы, – начал нищий, – но мы все выплыли на берег. Там уже ждали вооруженные воины, судя по чубам и наколотым на груди изображениям – фракийцы. Они повели нас в глубь страны, подталкивая копьями. Наконец, мы приблизились к бревенчатому зданию, окруженному высоким забором. По громкому ржанию и топоту копыт мы поняли, что это конюшня, и решили, что нас хотят сделать конюхами. Но когда открылись ворота, мы увидели, что двор усеян человеческими костями. Нас втолкнули за ограду, и один из фракийцев крикнул: «Выпускай!» Из стойла вырвалось четыре коня. Видел бы ты этих чудовищ! Они набросились на нас и стали грызть. Я спасся один...

– А кому принадлежат кони? – нетерпеливо перебил Эврисфей.

– Диомеду, – ответил нищий. – Это царь...

– Довольно! – бросил Эврисфей. – Слуги тебя накормят и дадут гиматий с моего плеча.

С удивлением нищий заметил, как по лицу царя скользнула довольная ухмылка. Не знал бедняга, что оказал Эврисфею услугу, за которую мог получить нечто большее, чем поношенный гиматий и миску похлебки. Уже месяц как Эврисфей не ведал покоя, размышляя, что бы еще поручить Гераклу. А теперь он принял решение: пусть приведет коней Диомеда.

Суровый Борей дул в нос корабля, словно бы желая отвратить неизбежную гибель героя. Так думали спутники Геракла. Среди них был и Абдер, сын Гермеса. Сам же герой был весел и рассказывал удивительные истории из своей жизни. Их хватало как раз до того времени, когда кормчий указал на скалу и высившуюся над нею грозную крепость:

– Дворец Диомеда!

Сойдя на берег, Геракл и его спутники двинулись в глубь страны протоптанной дорогой и вскоре услышали громкое ржание. Распахнув ворота, Геракл ворвался в стойло и увидел коней невиданной мощи и красоты. Они крутили головами и рыли копытами землю. Из раскрытых пастей вылетала кровавая пена. В глазах светилась жадная ярость, ибо каждый человек был для них лакомством.

Подняв кулак, Геракл опустил его на голову первого животного и, когда конь закачался, набросил на шею узду, протянутую Абдером. Так были взнузданы все кони, и Геракл погнал их к морю.

И тут на героя напал Диомед со своими фракийцами. Передав коней Абдеру, Геракл вступил в бой. При виде человека, скормливавшего людей лошадям, силы героя удесятерились, и он легко справился с дюжиной неприятелей. Шагая по горам трупов, Геракл добрался до Диомеда и сразил его палицей.

Гордый победой, спустился герой к морю и увидел разбежавшихся по лугу коней. По кровавому пятну он понял, что Абдер не справился с бешеными животными и они его растерзали. Взъярилось сердце Геракла, и он едва не перебил коней-людоедов. Но, вспомнив о задании Эврисфея, поймал их и отвел на корабль в загороженное место. После этого герой насыпал на месте гибели Абдера высокий холм, а рядом с ним основал город, названный Абдерой.

Кони Диомеда были доставлены в Микены, где Эврисфей приказал их отпустить. С громким ржанием бросились животные в лес и были растерзаны дикими зверями.

Под Фемискирою, сожженною дотла,
Дрожавшей целый день от грохота сражений,
Полночный Фермодонт уносит в царство теней
Повозки, трупы, медь, что смерть в него смела.
Как груды скошенных гигантских белых лилий,
Далеко берега сраженные покрыли,
И только бьется конь и, приподнявшись, ржет;
И увидел Эвксин, в лучах зари туманной,
По обе стороны окровавленных вод,
Бег белых жеребцов, покрытых кровью бранной.

Жозе-Мариа де Эредиа (пер. Е. Малкиной)

Долго решал Эврисфей, какое еще дать поручение Гераклу. И что можно было придумать после того, как сын Алкмены привел бешеных коней Диомеда? Перебирая в уме все народы, Эврисфей вспомнил, что Геракл не сталкивался еще с воинственным племенем, состоящим из одних женщин, – с амазонками. Никто не мог победить этих храбрых дев, а сами они совершали набеги на ближних и дальних соседей и одерживали над ними победы. Что же поручить Гераклу принести из страны амазонок?

Эврисфей, наверное, сам бы не догадался, если бы не появилась его дочь Адмета.

– Отец! – произнесла она плаксиво. – Что мне делать? Сломалась золотая пряжка моего пояса. Это такая тонкая работа, что никто в Микенах не берется ее выполнить.

Эврисфей хлопнул себя ладонью по лбу.

– Пояс! Как я сразу не догадался! Пояс Ипполиты!

– Зачем мне пояс этой дикарки! – возмутилась девушка.

– И мне он не нужен! – признался царь. – Но его будет очень трудно добыть. Пояс подарил царице амазонок сам Арес. И если Геракл захочет его отобрать, ему придется иметь дело не только с амазонками, но и с богом войны.

Радостно потирая руки, Эврисфей послал за Гераклом.

– Принеси мне пояс царицы амазонок Ипполиты! – приказал царь. – И без него не возвращайся!

В тот же день Геракл вместе с несколькими друзьями сел на корабль, плывущий против Борея. Выйдя в Понт Эвксинский, кормчий повернул направо, и судно поплыло вдоль неведомого Гераклу берега. Все на корабле знали, где находится побережье, занятое амазонками. Проведав о том, что Геракл намерен там высадиться, они стали его в один голос отговаривать от этой мысли, уверяя, что безопаснее войти в клетку с голодными тиграми, чем встретиться с амазонками. Но рассказы бывалых людей никогда не пугали Геракла. Ему было известно, что людям свойственно преувеличивать опасности, чтобы оправдывать собственную трусость или бессилие. Кроме того, зная, что будет иметь дело с женщинами, он не верил, будто они могут быть такими же свирепыми, как немейский лев или лернейская гидра.

С удивлением наблюдали мореходы и спутники, оставшиеся на корабле, что амазонки, вместо того чтобы наброситься на Геракла, окружили его мирной толпой. Некоторые с дикарской непосредственностью ощупывали мускулы его рук и ног. Если бы на таком расстоянии можно было уловить слова, на корабле услышали бы возглас одной из дев:

– Смотрите! Смотрите! Под кожей у него медь!

– Да, он не похож на изнеженного мужчину, – добавила другая амазонка.

В окружении амазонок Геракл удалился в глубь страны, и обо всем, что произошло позднее,

люди узнали со слов самого героя, не имевшего свойственной путешественникам и охотникам привычки превращать муху в слона.

А произошло, по словам Геракла, следующее. Когда он и амазонки зашли за изгиб мыса, послышался конский топот, и показалась полуобнаженная наездница с золотой тиарой на голове и поясом, змеившимся вокруг талии. Поняв, что это Ипполита, Геракл так и впился взглядом в пряжку пояса.

Остановившись на скаку, царица амазонок первая приветствовала гостя.

– Молва о твоих деяниях, Геракл, – сказала она, – наполнила ойкумену. Куда же ты держишь путь теперь? Кого ты еще не покорил?

– Мне стыдно смотреть тебе в глаза, – ответил Геракл, опуская взгляд. – Мне было бы легче вступить в схватку с кем угодно, чем рассказывать, что заставило меня посетить твою страну.

– Я догадываюсь! – перебила Ипполита.

– Как! – воскликнул Геракл. – Ты, кроме красоты, обладаешь еще пророческим даром!

– Нет! Но по твоему взгляду я поняла, что тебе понравился мой пояс. И так как мы, амазонки, живем рядом с колхами и другими народами Кавказа, то восприняли их обычай дарить гостю все, что ему по душе! Можешь считать этот пояс своим.

Геракл уже протянул руку, чтобы взять дар царицы амазонок, как вдруг одна из них, – конечно же это была Гера, принявшая облик амазонки, – закричала:

– Не верь ему, Ипполита! Он хочет захватить вместе с поясом и тебя, увезти на чужбину и сделать рабыней.

Посмотри! Корабль, который его привез, еще стоит.

И сразу же амазонки, придя в неистовство, вытащили луки и стрелы. Скрепя сердце взялся Геракл за свою палицу и стал разить воинственных дев. Ипполита пала одной из первых.

Передача Гераклу пояса Ипполиты. Здесь Геракл изображен в образе юноши, который, сидя на скале, смотрит на подносимый ему амазонкой пояс

Наклонившись, Геракл снял с окровавленного тела девы пояс. Губы его шептали: «Будь ты проклят, Эврисфей! Ты заставил меня сражаться с женщинами».

Проплывая на обратном пути около берегов Трояды, Геракл увидел девушку, предназначенную для съедения морским чудовищем. Это была дочь царя Трои Лаомедонта. Геракл обещал спасти ее, потребовав за это божественных коней, подаренных Лаомедонту самим Зевсом в возмещение за кражу Ганимеда. Герой и царь ударили по рукам. С огромным трудом Геракл одолел чудовище, прыгнув ему в глотку и вспоров печень. Но когда он выбрался на свет, обожженный, с опаленными волосами, и освободил девушку из цепей, Лаомедонт наотрез отказался от своего обещания. Разрушив Трою, герой поспешил к берегам Арголиды, чтобы вручить Эврисфею пояс Ипполиты.

И царство Диомеда, и земля амазонок, размышлял между тем Эврисфей, слишком близки к Аргосу. Поэтому кони смогли выдержать путь морем, а доставка пояса вообще не вызвала трудностей. А что, если послать Геракла подальше – чтобы понадобилось плыть морем месяц, а то и больше? И вспомнил Эврисфей, что где-то близ берегов Океана имеется остров Эрифия, на зеленых лугах которого, если верить песням аэдов, пасутся обдуваемые мягким западным ветром стада гиганта Герiona. «Пусть, – злорадно подумал Эврисфей, – Геракл отыщет этот остров, пусть отнимет у великана его стадо, пусть доставит его в Арголиду».

Когда же явился Геракл, за которым были посланы слуги, Эврисфей выдал из себя всего три слова:

– Приведи коров Гериона!

Далек был путь к Океану по берегу Ливии, куда Геракл добрался на корабле. Но, по крайней мере, не надо было спрашивать дорогу. Ее каждодневно показывала солнечная колесница Гелиоса. И было достаточно не терять из виду места, где она опускается в Океан. Никто не пытался преградить Гераклу путь к его цели, кроме сына Земли великана Антея. Он был непобедим, пока прикасался ступнями к плодоносящему телу своей матери. Геракл поднял Антея в воздух и задушил.

Бросив великана гнить на его земле, Геракл побрел берегом, изобиловавшим дикими животными и змеями. Истребив многих из них, он сделал возможным занятие в этих местах земледелием, разведение винограда, маслин, плодовых деревьев.

Достигнув места, где Ливия, сходясь с Европой, образовывала узкий пролив, Геракл водрузил на обоих его берегах по гигантскому столпу, то ли для того, чтобы порадовать Гелиоса, завершающего свой дневной труд, то ли чтобы оставить о себе память в веках. И действительно, даже после того, как столпы обрушились в устье Океана под собственной ли тяжестью или от коварства Геры, место, где они стояли, продолжало называться Столпами Геракла.

Гелиос, благодарный Гераклу за оказанный почет, помог ему переправиться на остров Эрифию, которого еще не касалась нога смертного. На широком лугу Геракл увидел тучных коров, охраняемых Орфом, огромным двухголовым псом.

При приближении Геракла пес злобно залаял и кинулся на героя. Пришлось уложить зверя палицей. Лай разбудил великана-пастуха, дремавшего на берегу. Схватка была недолгой, и Геракл погнался к месту, где стоял наготове золотой челн Гелиоса. При посадке коровы замычали, да так громко, что проснулся Герион и предстал перед героем во всем своем устрашающем облике. Был он огромного роста, с тремя туловищами, тремя головами и шестью ногами. Он бросил в Геракла сразу три копья, но промахнулся. Герой послал не дающую промаха стрелу и пронзил ею глаз одной из голов Гериона. Взвыл великан от боли и кинулся на Геракла, бешено размахивая руками.

Не совладать бы Гераклу с Герионом, если бы не помощь Афины Паллады. Богиня укрепила его силы, и он несколькими ударами палицы уложил чудовище наповал.

Перевозя коров Гериона через бурные воды Океана, Геракл оказался в Иберии, на южной оконечности Европы. Отпустив коров пастись, он впервые за долгое время прилег на землю, положив голову на палицу, свою бессмертную подругу.

Пробудившись от первых лучей Гелиоса, успевшего обернуться за ночь, Геракл не мешкая погнался за стадом. Эврисфей, ослепленный злобой, не подумал, что кроме моря есть в Арголиду долгий, но вполне пригодный путь сушей – по побережью Иберии, Лигурии, Галлии, Тиррении. Тогда еще по берегам этих земель не было греческих колоний. На их местах жили малознакомые ахейцам и другим древним обитателям Балканского полуострова народы с чуждо звучащими именами – иберы, лигуры (греч. «лигустины»), кельты, латиняне. Только ойнотры и сикюлы были знакомы ахейцам, так как с этими варварами они торговали, и нередко в Аргосе и Микенах можно было встретить рабыню, называвшую себя сикюлкой.

В Лигурии на стадо коров напали два разбойника, сыновья Посейдона Алебион и Деркин. Геракл их убил. На том месте, где через пятьсот лет возникнет город Рим, Гераклу пришлось сразиться с разбойником Каком, который похитил одну из коров Гериона. Позднее здесь, на

берегу Тибра, был воздвигнут алтарь: богу Гераклу приносились жертвы.

На юге полуострова из стада вырвалась одна корова и, переплыв узкий пролив, оказалась на острове Тринакрии. Пришлось последовать за беглянкой. Корову увел местный царь Эрикс, вызвавший героя на бой. Сжал Геракл Эрикса в своих объятиях, и тот испустил дух. Здесь же Геракл сразился и с другими местными силачами и всех их одолел.

Вернувшись в Тиррению вместе с четвероногой беглянкой, Геракл ввел ее в стадо и продолжил путь, огибая Ионийское море. Когда было недалеко до Фракии, Гера напоследок наслала на коров безумие, и они разбежались во все стороны. Если раньше герой отыскивал одну корову, то теперь приходилось догонять каждую. Большая часть животных оказалась во Фракии, недалеко от тех мест, где Геракл имел дело с конями-людоедами.

Переловив и умирив беглянок, Геракл провел их через весь полуостров в Арголиду.

Эврисфей, принимая коров, сделал вид, что радуется им. Вскоре он принес животных в жертву волоокой Гере, надеясь с ее помощью dokonать этого на редкость живучего человека.

На западной оконечности земли, у Океана, где День сходиллся с Ночью, обитали прекрасноголосые нимфы Геспериды. Их божественное пение слышали лишь Атлант, державший на плечах небесный свод, да души мертвых, печально сходявшие в подземный мир. Гуляли нимфы в чудесном саду, подаренном Геей Гере в день ее свадьбы. Украшением сада была яблоня, склонявшая долу золотые плоды, не доступные душам, сходявшим в аид. Вот это дерево с его яблоками охраняли дочери Ночи Геспериды. Их было трое – Эгла (Блестящая), Эрифия (Красная) и Гесперетуза (Западная). Они никогда не смыкали глаз, обращенных к плодам вечной юности и бессмертия. И никто не мог сорвать этих плодов, кроме Атланта, но если бы ему захотелось это сделать, он был бы раздавлен небесным сводом, лежащим на его плечах.

Со шкурой, наброшенной на спину, и дубиной в руке бодро шагал Геракл в страну Заката. Новое задание Эврисфея – принести яблоки Гесперид его не пугало. Он уже привык к тому, что от него требуют невозможного.

Долго шел Геракл, пока достиг места, где на Атланте, как на гигантской опоре, сходились небо и земля. С ужасом смотрел он на титана, державшего невероятную тяжесть.

– Кто ты? – спросил титан приглушенным голосом.

– Я – Геракл, – отозвался герой. – Мне велено принести три золотых яблока из сада Гесперид. Я слышал, что сорвать эти яблоки можешь ты один.

В глазах Атланта мелькнула радость. Он задумал что-то недоброе.

– Мне не дотянуться до дерева, – проговорил Атлант, – да и руки у меня, как видишь, заняты. Вот если ты поддержишь мою ношу, я охотно выполню твою просьбу.

– Согласен, – ответил Геракл и встал рядом с титаном, который был выше его на много голов.

Атлант опустилcя, и на плечи Геракла легла чудовищная тяжесть. Пот покрыл лоб и все тело. Ноги ушли по лодыжку в утопанную Атлантом землю. Время, понадобившееся великану для того, чтобы достать яблоки, показалось герою вечностью. Но не спешил забирать назад свою ношу Атлант.

– Хочешь, я сам отнесу драгоценные яблоки в Микены, – предложил он Гераклу.

Простодушный герой чуть было не согласился, боясь обидеть отказом оказавшего ему услугу титана, да вовремя вмешалась Афина – это она научила его отвечать хитростью на хитрость. Притворившись обрадованным предложению Атланта, Геракл немедленно согласился, но попросил титана подержать свод, пока он сделает себе на плечи подкладку.

Как только обманутый притворной радостью Геракла Атлант взвалил на свои натруженные плечи привычную ношу, герой немедленно поднял палицу и лук и, не обращая внимания на возмущенные вопли и проклятия Атланта, отправился в обратный путь.

Эврисфей не взял яблок Гесперид, добытых Гераклом с таким трудом. Ведь ему нужны были не яблоки, а гибель героя. Геракл передал яблоки Афине, а та возвратила их Гесперидам.

На этом не окончилась служба Геракла Эврисфею, его ждало еще одно, самое опасное испытание.

Не оставалось более на земле чудовищ. Всех истребил Геракл. Но под землей, охраняя владения Аида, обитал чудовищный трехглавый пес Кербер. Его-то и приказал Эврисфей доставить к стенам Микен.

Пришлось Гераклу надеть панцирь и спуститься в царство, откуда нет возврата. Все в нем внушало ужас. Сам же Кербер был так могуч и страшен, что от одного его вида леденило в жилах кровь. Кроме трех отвратительных голов пес имел хвост в виде огромной змеи с разверстой пастью. Змеи извивались у него также на шее. И такого пса надо было не только одолеть, но и живым вывести из подземного мира. Дать на это согласие могли лишь владыки царства мертвых Аид и Персефона.

Пришлось Гераклу предстать перед их очами. У Аида они были черны как уголь, образующийся на месте сожжения останков умерших, у Персефоны – светло-голубые, как васильки на пашне. Но в тех и других можно было прочесть неподдельное удивление: что здесь надо этому наглецу, нарушившему законы естества и живым спустившемуся в их мрачный мир?

Почтительно склонившись, Геракл сказал:

– Не гневайтесь, могущественные владыки, если моя просьба покажется вам дерзкой! Надо мною довлеет враждебная моему желанию воля Эврисфея. Это он поручил мне доставить ему вашего верного и доблестного стража Кербера.

Лицо Аида недовольно вытянулось.

– Мало того, что ты сам явился сюда живым, ты вознамерился показать живущим того, кого могут видеть одни мертвые.

– Прости мое любопытство, – вмешалась Персефона, – но мне хотелось бы знать, как ты мыслишь свой подвиг. Ведь Кербер еще никому не давался в руки.

– Не знаю, – честно признался Геракл, – но позволь мне с ним сразиться.

– Ха! Ха! – расхохотался Аид так громко, что затряслись своды подземного мира. – Попробуй! Но только сражайся на равных, не применяя оружия.

По пути к воротам аида к Гераклу приблизилась одна из теней и обратилась с просьбой.

– Великий герой, – проговорила тень, – тебе суждено увидеть свет Гелиоса. Не согласишься ли ты выполнить мой долг? У меня осталась сестра Деянира, которую я не успел выдать замуж.

– Назови свое имя и откуда ты родом, – отозвался Геракл.

– Я из Калидона, – ответила тень. – Там меня звали Мелеагром.

Геракл, низко поклонившись тени, сказал:

– Я слышал о тебе еще мальчиком и всегда жалел, что не смог с тобой встретиться. Будь спокоен. Я сам возьму твою сестру в жены.

Кербер, как и положено псу, находился на своем месте у ворот аида, облаивая души, которые пытались подойти к Стиксу, чтобы выбраться на белый свет. Если раньше, когда Геракл входил в ворота, пес не обратил на героя внимания, то теперь он накинулся на него со злобным рычанием, пытаясь перегрызть герою горло. Геракл схватил обеими руками две шеи Кербера, а по третьей голове нанес мощный удар лбом. Кербер обвил своим хвостом ноги и туловище героя, разрывая зубами тело. Но пальцы Геракла продолжали сжиматься, и вскоре полузадушенный пес обмяк и захрипел.

Не давая Керберу прийти в себя, Геракл потащил его к выходу. Когда стало светать, пес ожил и, вскинув голову, страшно завыл на незнакомое ему солнце. Никогда еще земля не слышала таких душераздирающих звуков. Из разверстых пастей падала ядовитая пена. Всюду, куда попадала хотя бы одна ее капля, вырастали ядовитые растения.

Вот и стены Микен. Город казался опустевшим, мертвым, так как уже издали все услышали, что Геракл возвращается с победой. Эврисфей, не решившись взглянуть на Кербера даже в щелку ворот, завопил:

– Отпусти его! Отпусти!

Геракл не стал медлить. Он выпустил цепь, на которой вел Кербера, и верный страж Аида огромными прыжками помчался к своему хозяину. И хотя Аид разрешил Гераклу сражаться с Кербером, за то, что герой был выпущен на белый свет, он обрушил свой гнев на неповинного Харона. Целый год старцу пришлось томиться в железных оковах.

Греки, как и другие древние народы, некоторые числа считали священными и предпочитали при подсчете лучше нарушить истину, чем назвать несчастливое число. Чудеса света ограничивали семью, хотя их было гораздо больше, так что возникали споры о принадлежности того или иного чуда к канонической семерке. Также и число мудрецов было гораздо больше семи, но греки говорили о «семи мудрецах», исключая из их списка многих весьма достойных философов. Мы также помним о семи воротах Фив и семи героях, их осаждавших.

Таким же священным числом было двенадцать – дюжина. В глубокой древности в Греции, Малой Азии и Италии создавались союзы двенадцати городов, а если возникал тринадцатый город, его предпочитали считать деревней. По тем же соображениям из многочисленных подвигов Геракла, о которых рассказывали во всех городах, населенных потомками ахейцев, дорийцев, ионийцев и эолийцев, выбрали двенадцать, назвав их главными, а остальные либо отнесли к детству и юности Геракла, когда он еще учился побеждать, либо рассказывали сверх программы, оставляя без номера.

К числу этих непронумерованных подвигов относились не только поздние, созданные для объяснения деяний Геракла за пределами Греции, но и наиболее древние. К самым древним, бесспорно, принадлежал миф о поединке Геракла с разбойником Кикном (Лебедем), которому посвящена поэма «Щит», приписываемая Гесиоду.

Кикн считался сыном Ареса, братом фракийского царя Диомеда, того самого, который отдавал путников на съедение своим коням-людоедам. Захватив священную рощу Аполлона в фессалийских Пагасах, Кикн нападал на путников, направлявшихся в Дельфы, грабил и убивал их. Решив защитить знаменитый храм Аполлона, Геракл снарядил боевую колесницу и отправился в Фессалию вместе со своим племянником Иолаем, взяв его вместо возницы. Против них вышли Кикн и его отец Арес на конях. Прежде чем начать бой, Геракл обратился к противнику с речью, предупреждая, что если он не позволит ему проехать, то это кончится тем же, чем завершалось для всех, встававших на его пути. Но это не остановило Кикна, помнившего, что рядом с ним Арес. И пришлось Гераклу сойти с колесницы, Кикн также спешился. Он первым бросил копье, застрявшее в щите Геракла, подаренном ему Зевсом, Геракл же метнул копье в промежуток между щитом и шлемом Кикна, и тот зашатался. Но не дано ему было умереть. Все его тело покрылось белоснежными перьями, и он, превратившись в лебедя, взмыл в небо, чтобы больше никогда не вредить людям, а лишь радовать их взгляд.

В те времена где-то в Фессалии, в Мессении или на острове Эвбее правил царь Эврит, самый искусный стрелок из лука. Он обещал свою дочь Иолу отдать тому, кто окажется искуснее его. Геракл состязание выиграл, но обещанной награды не получил. Эврит, подпоив героя на пиру, выкинул его из царского дома. Мало того, когда пропало стадо кобылиц, царь обвинил в воровстве Геракла.

Старший сын Эврита Ифит горячо полюбил Геракла и, чтобы оправдать своего кумира, отправился на поиски бесследно исчезнувших животных. Во время странствий он прибыл в Тиринф, куда вернулся и Геракл. Радужно принял герой юношу. Много дней провели они вместе, охотясь или ведя разумную беседу. Но однажды Геракл предложил юноше подняться на башню городской стены, чтобы тот мог убедиться, что в Арголиде нет пропавших кобылиц. Тут Гераклом овладело безумие. В памяти всплыли оскорбления, нанесенные Эвритом. Вообразив, что рядом ненавистный царь Эвбеи, герой сбросил юношу вниз, и тот разбился насмерть.

Все это видел Зевс с высоты Олимпа и, разгневавшись, наслал на сына тяжкую болезнь. Много месяцев страдал Геракл, терзаемый невидимым врагом, пока решил отправиться в Дельфы за советом. Получив от героя табличку с вопросом, пифия долго безмолвствовала. Тогда нетерпеливый Геракл вломился в священное помещение и вытащил из-под пророчицы треножник, на котором она восседала. Не выдержал Аполлон этой наглости грубого мужлана и спустился с Олимпа. Дошло бы до схватки, если бы Зевс не метнул молнию, разделившую сыновей.

Получив от Геракла треножник, пифия более не медлила с ответом.

– Отдайся в рабство Омфале, дочери Ядрана, царствующей над меонийцами, а полученные деньги пусть возьмет отец убитого тобой юноши.

Один из друзей Геракла отвез его в Малую Азию и продал Омфале за серебро, которое досталось Эвриту.

Так Геракл стал рабом. Он ел вместе с другими невольниками рабскую пищу, выполнял прихоти и капризы суровой госпожи, а подчас терпел побои. Не зная, как сильнее унижить достоинство раба-чужеземца, Омфала отняла у Геракла львиную шкуру и палицу, нарядила в длинное, путающееся под ногами женское одеяние и посадила среди дворцовых невольниц. Успокоитель земли, водрузивший у входа в Океан гигантские столпы, должен был прясть пряжу, постоянно рвавшуюся в его грубых, не приспособленных к тонкой работе пальцах. Вдоволь поиздевавшись над Гераклом, царица возвратила ему оружие и отправила защищать границы своего царства.

Однажды, когда Геракл лег отдыхать в тени раскидистого дерева, на него напали вертлявые человечки керкопы. Он проснулся в то время, когда они утаскивали его лук. Часть воришек герой перебил, а другим связал ноги и, пропустив между ними шест, взвалил на плечо таким образом, что керкопы повисли головами вниз.

Пленники внезапно залились визгливым хохотом.

– Ой! Как смешно выглядит твоя поясница! – хохотал один.

– Она у тебя чернее сажи! – вторил ему другой. – А мать предупреждала нас: «Берегитесь чернопоясничных!»

Сбросил Геракл шест, чтобы выяснить, что стряслось у него с поясницей. Но как ни изворачивался, поясницы своей не увидел. А тем временем хитрецы, развязав друг друга, скрылись.

Удачнее был поход Геракла против города Итона, обитатели которого разоряли подвластные Омфале земли. Геракл по приказу царицы совершил поход на итонян, отнял у них добычу, перебил мужей, сам город сровнял с землей.

Восхищенная мужеством Геракла, Омфала отпустила его на волю и, сочетавшись с ним, родила сына Лама. Но не остался герой у царицы. Он должен был отомстить Эвриту, виновнику позора и несчастий. Не забыл он и о данном тени Мелеагра обещании взять в жены его сестру.

В то время руки Деяниры, дочери Ойнея и сестры Мелеагра, добивался протекавший по соседству серебристопучинный Ахелой. Желая понравиться будущему тестю, речной бог продемонстрировал ему умение принимать облик различных существ и стихий. Деянира, наблюдавшая за этими превращениями, была напугана до смерти и умоляла отца отказать божественному жениху или, по крайней мере, повременить с ответом. Когда появился Геракл, девушка с радостью приняла его предложение. Отец же, узнав о том, что это воля Мелеагра, немедленно дал согласие на свадьбу.

Возмущенный появлением соперника, Ахелой вызвал его на поединок. Схватка героя с богом была упорной и долгой. Ахелой принял облик гигантского змея и пополз к Гераклу, страшно свистя и шевеля раздвоенным языком. Но герой, привыкший усмирять змей с малолетства, так сдавил горло Ахелю, что тот поспешил превратиться в быка. И с быками умел управляться Геракл. Он прижал голову быка к земле с такой силой, что рог, наткнувшись на камень, сломался. Взвыл Ахелой от боли и стал умолять героя вернуть ему рог в обмен на волшебный рог Амалфеи, который мог наполняться по воле его обладателя чем угодно.

Самосская монета с изображением Геракла

Сразу же после свадьбы новобрачные покинули Калидон. Путь их проходил через поток Эвен. Летом высохавший, зимой он разливался и сносил все мосты. Еще издали увидел Геракл у места, где должен был быть мост, Несса, одного из немногих кентавров, уцелевших после побоища у пещеры Фола. Оказалось, что он за небольшую плату переправлял через реку всех желающих. Поразмыслив, Геракл решил воспользоваться услугами Несса, ибо Деянира уже носила во чреве младенца. Посадив жену на мохнатую спину кентавра, герой перекинул через реку оружие и бросился в ледяную воду. Достигнув берега и отряхнувшись, он поднял лук.

В это время слышался вопль Деяниры. Несс, не умеющий сдерживать желаний, попытался овладеть женщиной. В мгновение ока он был поражен стрелой Геракла.

Умирая, кентавр обратился к отбежавшей от него Деянире:

– Подойди ко мне, женщина!

Когда Деянира приблизилась, Несс протянул ей в ладони немного крови, которая была уже отравлена ядом гидры.

– Возьми! – с трудом прошептал он. – Если узнаешь, что муж полюбил другую, смочи одежду – и тем заставишь его навсегда забыть соперницу.

Глупая женщина взяла кровь и спрятала ее, не подумав, что совет, исходящий от недруга, не может быть добрым.

Когда впоследствии вместе с друзьями из Аркадии Геракл захватил город Эврита Эхалию, убил своего врага и увел в плен его дочь Иолу, Деянира вспомнила о совете Несса, испугавшись, как бы не стала юная Иола ее соперницей. Желая отметить победу торжественным жертвоприношением богам, Геракл послал к жене гонца за праздничной одеждой. Как только герой надел хитон, материя, которую Деянира смазала кровью Несса, прилипла к его коже. Пытаясь сорвать хитон, Геракл отдирал клочья ткани вместе с кожей. Надеясь ослабить жжение, он бросился в реку. Но и это не помогло. Только воды реки с тех пор стали теплыми.

Понял Геракл, что пришел конец. Отдав друзьям и родичам последние распоряжения, он попросил отнести себя на самую высокую в этой местности гору, сложить там поленницу повыше и поднять на самый верх. Но когда он дал знак бросить в сухие дрова факел, никто не решился этого сделать. Костер зажег случайный прохожий, получивший за это от Геракла его прославленный лук и стрелы. Это был Филоктет, впоследствии применивший оружие Геракла в Троянской войне.

Как только герой исчез в пламени, с неба спустилась грозовая туча и унесла Геракла. Не веря своим глазам, друзья и родичи загасили костер, разрыли пепел. Не обнаружив костей Геракла, они утвердились в мысли, что он взят богами на небо.

На Олимпе Геракл получил в жены богиню юности Гебу. Это значило, что Гера, наконец, с ним примирилась. На одном из этрусских зеркал бородатый герой изображен сосущим грудь Геры – знак усыновления и принятия в род богов.

Древние вожди и цари уже при жизни удостаивались культа, продолжавшегося и после их смерти в местах их погребения. Но ни один из реально существовавших людей не оставил столько памятных мест, сколько было связано с именем героя-бога Геракла. Почти на каждом месте его мнимого подвига или даже краткого пребывания были поставлены алтари, сооружены храмы и ежегодно устраивались торжественные шествия и жертвоприношения, организуемые должностными лицами за государственный счет. Местом культа Геракла были гимнасии, поскольку герой олицетворял силу, мужество и успех в состязании (агоне), составлявшем нерв греческой ментальности. Но одновременно существовал и домашний культ Геракла, делавший героя-бога участником важнейших событий семейной жизни.

Изучение мест культа Геракла по данным античной традиции и надписям позволяет поставить вопрос о том, чьим героем был Геракл. По месту своего рождения он фиванец, по месту героического служения – пелопоннонец (миконец, тиринфянин, аргосец). Однако в состязании городов за право считаться родиной Геракла странным образом на первое место выходят Афины и Аттика. Их территория буквально испещрена местами культа Геракла, хотя афиняне гордились тем, что им одним удалось избежать дорийского завоевания, предводителями которого считались Гераклиды. Поэтому Геракла нельзя назвать типично дорийским героем. Он всеэллинский герой. А поскольку эллины распространили свою государственность и культуру на все побережье моря, которое римляне называли «нашим морем», он – герой ойкумены. Этому он обязан не единоборству с подобными ему героями-богами других народов, вошедших в соприкосновение с греками как колонизаторами отдаленных земель, а всемогуществу греческой литературы, не имевшей в античном мире соперниц. Ее преемница римская литература продолжила подвиг героизации Геракла.

Золотое руно

Миф об аргонавтах и их плаваниях в Ээю за золотым руном, возвращении на родину и постигших их там бедствиях – один из наиболее архаических в сказаниях греков. Он был известен уже во времена создания «Одиссеи», о чем свидетельствует упоминание сходящихся скал, между которыми прошел корабль «Арго». Поэт VIII в. до н. э. Эвмел излагал отдельные детали плавания аргонавтов. Существовало много других не дошедших до нас поэм на эту тему. Одна из них была посвящена строительству «Арго» и его отплытию в Колхиду, которая в поздних изложениях мифа была отождествлена с Ээей. Сюжет плавания аргонавтов и их дальнейших судеб привлекал лирических поэтов и авторов трагедий, равно как и первых греческих историков, которых называли «логографами».

В эллинистическую эпоху интерес к плаванию аргонавтов возрос, поскольку его описание давало возможность включения в повествование уточненных знаний о далеких странах. Так возникла поэма Аполлония Родосского «Аргонавтика», содержащая самое доскональное из дошедших до нас изложений мифа. Собственно говоря, его герои не эллины, а минийцы, древнейшие обитатели Фессалии, о которых уже была речь выше. Главным героем повествования является Ясон, выходец из сказочного города Иолка, что на берегу Пагасейского залива. Он сын царя Эсона, лишённого власти своим сводным братом Пелием. Опасаясь за жизнь Ясона, обладавшего законным правом на престол в Иолке, отец отдал его на выучку кентавру Хирону, который дал мальчику воспитание, соответствующее идеалам родоплеменной аристократии. Ясон смел, честен, настойчив, силен, божественно красив и в то же время обладает навыками мореплавателя и даже лекаря. Само имя «Ясон» в переводе с греческого означает «целитель». Золотое руно для Ясона – не самоцель, не возможность проверить в преодолении преград свои силы и показать удаль, а средство для достижения царской власти.

Изучение всего написанного в древности о Ясоне позволяет понять сложный путь формирования мифа, показывает бессмысленность поисков одного «ключа» к тайне золотого руна. Сказание об аргонавтах, как в том виде, в каком мы его предлагаем, так и в более пространном, включающем массу опущенных нами версий и деталей, вобрало в себя множество древних легенд, объяснений религиозных праздников и географических названий, складывавшихся на протяжении нескольких исторических эпох.

Совпадение фессалийского Иолка, родины Ясона, с местом постройки «Арго», пунктом отправления и возвращения сказочного судна позволяет думать, что ядром мифа об аргонавтах были предания о древнейшем прошлом Фессалии – северной части Греции, населенной первоначально миниями и пеласгами и лишь в начале II тыс. до н. э. освоенной предками греков. Экономически богатая Фессалия в I тыс. до н. э. не играла крупной политической роли, уступая не только Аттике, но и соседней Беотии. Однако в мире мифов она занимала первенствующее положение. Так, на территории Фессалии находился Олимп, с Фессалией отождествлялась сказочная Фтия, родина величайшего эллинского героя Ахилла, к Фессалии восходит само название «эллины». Имя «греки», принадлежавшее древним обитателям Беотии, стало использоваться для обозначения эллинов сначала этрусками, а затем римлянами.

Оформление поисков золотого руна в плавание началось в то время, когда делались первые попытки проникновения в Понт Эвксинский (Черное море), куда вход был закрыт могущественной Троей и ее фракийскими союзниками, занимавшими берега Пропонтиды и проливы. В пользу этого свидетельствует то, что действие мифа отнесено ко времени, предшествующему Троянской войне, и героям приходилось сражаться с фракийцами. Если это предположение верно, то вполне логичным будет видеть в сталкивающихся скалах Симплегадах труднодоступный для микенцев Боспор. Окончательную форму легенда об аргонавтах приобретает в VII в. до н. э., в период милетской колонизации Понта Эвксинского. Таковы исходные моменты развития мифа об аргонавтах, на которые наслоились остальные предания, первоначально не имевшие никакого отношения к фессалийским легендам. Мореплаватели, попадающие в Понт Эвксинский, не могли миновать земли амазонок, не могли не услышать шума крыльев орла, летящего клевать печень Прометея, не могли не посетить дворец, построенный на востоке Гелиосом. Отсутствие реальных знаний о Колхиде восполнялось деталями из других мифов. Так, в Колхиду был перенесен не только крылатый золотой баран, но и огнедышащий дракон и его «засеянные» зубы из мифа об основании Фив.

Прав литературной собственности в древности не существовало, и тем более не могло существовать собственности на устно излагаемые легенды. Беотийский певец, встретившись с фессалийским, не мог ему сказать: «Позволь, но ведь дракон, охраняющий ваше руно в Колхиде, – это наш родной фиванский дракон, убитый нашим Кадмом», – ибо немедленно услышал бы в ответ: «Вашим? Но ведь Кадм чужеземец, сын финикийского царя Агенора».

Супруга Афанта Ино замахивается секирой на Фрикса, который уже ухватился за рог золоторунного барана, увозящего его в далекую Колхиду

Научное истолкование мифа об аргонавтах стало возможным еще до начала раскопок Шлимана и Эванса, сделавших реальностью крито-микенскую Грецию. Но что же дала археология для мифа об аргонавтах? Не открыла ли она каких-либо зримых остатков экспедиции Ясона – медной обшивки или весла «Арго», или даров, доставленных из Колхиды? Разумеется, нет, ибо миф и памятники материальной культуры – несовпадающие реликты и уровни человеческого бытия. И все же... Иолк перестал быть мифическим городом, тезкой Иолка, сына реки Амира, в которой юноша в леопардовой шкуре потерял сандалию с левой ноги. В Иолке, городе на берегу Пагасейского залива, был обнаружен дворец минойской эпохи, сооруженный в начале бронзового века и существовавший на протяжении всего II тыс. до н. э. Следовательно, в Иолке могли строиться корабли, а его сравнительная близость к проливам могла сделать этот город исходным пунктом плаваний эллинов и их предшественников минийцев в северном направлении. Вот и все, что мы знаем о родине Ясона. И если появятся новые археологические или эпиграфические данные, то они могут расширить наши сведения только о древнейшей Фессалии, но не о корабле «Арго» и его мужественной команде. Равным образом раскопки на территории Колхиды увеличивают наши представления о древнейшей культуре колхов и иберов, но Ээт и Медея как были, так и останутся персонажами мифа, а не реальной истории.

Юноша в пестрой леопардовой шкуре на плечах, смахнув со лба капли пота и сбросив котомку, тяжело опустился на каменную осыпь. Солнце стояло в зените, а вышел он на заре и еще ни разу не отдыхал.

Огромный мохнатый шмель сел на цветок и погрузился в него наполовину. Выше виднелись горы, белеющие снегами. Он шел оттуда. Оттуда же низвергались бурные потоки, чтобы, перерезав всю страну, слиться где-то у Иолка с солеными волнами и найти в них успокоение. «Им легче, чем мне! – думал юноша. – Они текут руслами, проложенными тысячелетиями и веками. Мой же путь темен, и никто не знает, в чем его смысл. Хирон посылает меня к царю Иолка. Зачем? Что я потерял в этом городе? Власть, которой обладали мои предки? Но не лучше ли властвовать над овцами? От них, по крайней мере, не надо ждать подвоха».

Поднявшись, юноша забросил котомку за спину и зашагал, насвистывая нехитрый мотив. Река, ранее шумевшая в пропасти, раздвинув горы, вышла на ровное место и сверху блестела золотыми завитками новорожденного ягненка. Течение стало спокойнее. Здесь можно переправиться, перепрыгивая с камня на камень, на другой берег. Вдали виднелась дорога, протоптанная не козами, а повозками, дорога в Иолк. Это о ней говорил Хирон, советуя не вступать в разговоры ни с кем – ни с купцами, ни с погонщиками мулов. «Сейчас, когда ты у цели, лучше не иметь свидетелей!» Это его подлинные слова.

Спустившись к реке бегом, юноша увидел гладкий белый камень, а на нем застывшую сгорбленную фигурку в черном. «Что здесь делает эта старушка? – подумал он. – Собирает милостыню?» И в это же мгновение он услышал скрипучий голос.

– Доблестный юноша! Не будешь ли ты так добр перенести меня через эту бурную реку? Ноги не держат, а надо в Иолк.

Ясон молча поднял дряблкое старческое тело и, прижав его к себе, шагнул в воду. Ему ранее приходилось перетаскивать через стремнину овец, но те были тяжелее и старались выскользнуть. Старушка же была легка, как тень. Реку он преодолел в четыре прыжка, но, выходя на берег, неловко ступил и уронил сандалию с левой ноги. Будь он один, ее легко

можно было поймать. Но со старушкой было несподручно. Когда он опустил свою ношу на землю, сандалию уже засосал ил.

Махнув с досады рукой, юноша понесся, припадая на одну ногу.

– Как твое имя, юноша? – послышалось сзади. – Как тебя благодарить?

– Меня зовут Ясоном. Доброго тебе пути, бабушка! – крикнул юноша не оглядываясь.

Если бы он оглянулся, жизненный путь уже не казался бы ему таким темным. На том месте, где он оставил старушку, находилась высокая статная женщина с властным лицом – богиня Гера, супруга Зевса. И как она не похожа на ту мстительную и ревнивую женщину, какой ее рисуют поэты. Она провожала юношу взглядом, и не было в нем обычной суровости. Прекрасные губы богини шептали:

– Доброго тебе пути, Ясон!

В тот вечер царю Иолка Пелию сообщили, что встречи с ним добивается юноша, одетый в шкуру леопарда.

– Пусть войдет! – распорядился царь.

Юноша – на вид ему можно было дать лет двадцать – почтительно поклонился. Шкура леопарда была потерта и порвана в нескольких местах. Видимо, она служила ее владельцу не только плащом, но и подстилкой. Опустив взгляд ниже, Пелий увидел, что незнакомец обут на одну правую ногу.

На лбу Пелия выступил холодный пот. Вспомнилось давнее предсказание, что его власти и жизни не угрожает никто, кроме незнакомца в одной сандали. И вот этот незнакомец явился!

Совладав с собой, царь спокойно произнес:

– Каких только причуд не бывает в дальних странах! Я слышал, что где-то на востоке сыновья бросают тела умерших родителей на корм псам, а на севере люди превращаются в волков. В какой же стране обуваются на одну ногу?

– Я не чужестранец, – отозвался юноша. – Сандалию я потерял, переправляясь через Амир. Конечно, я мог бы приобрести пару обуви. Но Хирон сказал, чтобы я явился прямо к тебе, никуда не заходя.

– Кто этот Хирон и какой страной он правит? – поинтересовался Пелий.

– Хирон не царь. И даже не человек. Он кентавр и живет в пещере. Меня ему отдал отец, едва я родился, опасаясь за мою жизнь. Хирон воспитал меня в правде и дал имя Ясон. Я пришел к тебе, царь, чтобы ты вернул власть, принадлежащую мне по праву.

Пелий ответил не сразу. Его поразило простодушие этого юнца, назвавшего себя Ясоном. Говорить с человеком, ничего не таящим за душой, бывает подчас тяжелее, чем с хитрецом. Правда обезоруживает.

– Власть действительно должна принадлежать тебе, – начал Пелий не сразу. – Но будет справедливо, если ты возьмешь на себя часть обязанностей, которые лежат на нашем древнем роде. Душа нашего общего предка Фрикса требует, чтобы кто-то из нас вернул его достоинство – золотую шкуру барана, на котором тот добрался до Колхиды. Я стар. Ты же молод и силен. Как только золотое руно окажется в Иолке, ты получишь корону.

Пока Пелий разглагольствовал, Ясон вспоминал историю Фрикса, слышанную им от Хирона. Матерью Фрикса и его сестры Геллы была богиня облаков Нефела. Когда их отец Афамант женился во второй раз, мачеха Ино решила погубить детей. Хитростью и обманом она убедила сограждан, что боги, обрушившие на страну страшную засуху, требуют в жертву царских детей. Несчастных уже подвели к алтарю, однако Нефела, спустившись легким туманом на землю, принесла чудесного овна со сверкающей золотой шкурой. И как только брат и сестра сели на его спину, он, взмыв в небо выше птиц, понесся на север. По дороге у Геллы закружилась от высоты голова, и она упала в море, получившее с тех пор ее имя, а Фрикс добрался до Колхиды, где был воспитан царем Ээтом. Женившись на царской дочери, он принес овна в жертву Зевсу. Шкуру этого барана и желал получить Пелий.

– Согласен! – воскликнул юноша с той радостной готовностью, которая не оставляла никаких сомнений в том, что он постарается как можно скорее возвратиться в Иолк.

По губам Пелия скользнула удовлетворенная ухмылка. Нет, он не торопился получить золотое руно. Он не верил в его существование. Мало ли какие рассказывают бредни! Пелий радовался собственной находчивости. Ему не стоило труда избавиться от этого глупца иным способом – предложить вино с ядом, наслать убийцу. Но все-таки это не чужак, а племянник. Пусть им займутся боги.

Прислушайся, это не ветер
Колышет верхушки стволов -
Минувших тысячелетий
Призывный доносится зов.
И вот уже чудо-триеру
Колотит священная дрожь,
Ты Понтом сверкающе-серым
Вослед аргонавтам плывешь.
Но манит тебя не добыча,
Не блеск золотого руна -
Ушедшего мира величье,
Живая его глубина.

Чтобы отправиться в такую даль, как Колхида, следовало иметь не такое судно, каким пользовались в те времена, чтобы плыть от острова к острову, не упуская из вида землю. Необходим был корабль, который мог бы вынести удары волн сурового Понта. Ясон нашел мастера, согласившегося построить судно, какого еще не держали на своих белых плечах nereиды. По имени этого мастера – Арг – будто бы и назвали корабль «Арго».

За постройкой судна в порту Фессалии Пагасах наблюдала сама Афина, опытная в любом мастерстве. Она внушила строителю, какие выбрать сосны для бортов и мачты, как их обстругать, как соединить доски швами и в каких местах скрепить гвоздями. Для кия Афина выбрала и принесла из Додоны дубовое бревно. Оно было не только крепче меди, но и обладало даром речи. Правда, понимать эту речь мог не всякий. Когда «Арго» был готов и тщательно осмолен, на борту у носа вырисовали синий глаз, чтобы корабль не был слеп и видел свою цель.

После этого по всей Элладе прозвучал клич, на который откликнулись многие герои. Был среди них божественный певец Орфей, умевший звуками кифары зачаровывать скалы и останавливать речные потоки. Явились могучие близнецы Кастор и Полидевк, провидец Идмон, внук Мелампода. Прибыли быстрокрылые сыновья Борея – Зет и Калаид. На борт «Арго» поднялся Геракл с юным красавцем Гиласом. Сама Афина привела Тифия, обладавшего знанием моря. Его она назначила кормчим. Всего собралось более шестидесяти героев.

Когда стали решать, кому быть предводителем, первым было названо имя Геракла. Но могучий герой отклонил эту честь, полагая, что вождем должен быть тот, кто собрал всех на подвиг. И власть передали Ясону.

Приняв ее с благодарностью, Ясон дал команду спускать «Арго» на воду. Скинув одежды, герои опоясали судно крепкосплетенным канатом, чтобы оно не развалилось, когда его будут толкать по земле. Потом врыли под килем и положили перед носом гладкоотесанные катки и, навалившись на корабль, повлекли его к морю. И застонали катки от прикосновения кия, вокруг них за клубился черный дым. Вздучились у героев мускулы на руках и ногах. Чем тяжелее судно на суше, тем устойчивее на воде. Когда «Арго» наконец закачался на волнах, радостный крик героев и всех наблюдавших за спуском на воду огласил Пагасийский залив, и эхо его отозвалось в горах Пелиона.

Подкрепившись вином и жареным мясом, герои устроились на берегу отдыхать. Спали они прижавшись друг к другу. И многим в ту ночь снилось руно, слепящее солнечным блеском.

Едва лишь взор розоперстой Эос коснулся вершин хребта Пелиона, аргонавты вззошли на корабль и заняли места, какие им назначил жребий. Под тяжестью могучих тел прогнулись скамьи. Заскрипели налаживаемые в уключинах весла. Но еще до того, как они коснулись воды, послышался плеск. Это по знаку корабельного предсказателя Идмона в море выливали вино в жертву богам, умиряющим ветер и волны. Тотчас же стал Тифий за кормовое весло. Орфей, пройдя на нос корабля, ударил по струнам. Дивный его голос заполнил пространство.

Древнегреческое судно. Помпейская фреска

По знаку Тифия гребцы завели весла и с силой рванули их на себя. Тронулся с места корабль, как неукротимый бегун. Зашумело под килем виноцветное море. За кормой, словно тропинка по зелени луга, потянулся белый пенистый след.

Вот уже «Арго» скрылся за мысом, но песня Орфея все еще звучала в ушах оставшихся на берегу. Казалось, божественному певцу подпевают nereиды и сам Аполлон ударяет по натянутым над горами лучам-струнам Гелиоса.

Когда «Арго» вышел в открытое море, герои, не занятые веслами, подняли высокую мачту, установили ее в глубоком гнезде на палубе, закрепили со всех сторон скобами и канатами. Затем они приладили паруса и, потянув за веревку, распустили их. Затрепетало божественное полотно под попутным ветром, как крылья Аполлонова лебедя. Гребцы подняли весла и, прикрепив к бортам, вышли на свет. Приветствуя «Арго» как своего собрата, из морской глубины поднялись дельфины и понеслись за ним, то погружаясь, то всплывая, как бегут овцы и ягнята за звуками свирели по высокому, еще не выжженному Гелиосом лугу.

Земля пеласгов слилась с туманом, и остались позади Пелионские скалы, когда вдали показался Лемнос. Ветер затих, и аргонавты подплыли к острову на веслах. На берегу не оказалось ни души, но на городской стене остроглазый Линкей рассмотрел женские лица. И Ясон приоделся, чтобы выглядеть мужем, достойным гостеприимства.

На могучие плечи он накинул багряный гиматий, дар Афины Паллады, вытканый самой божественной мастерицей. С несказанным искусством были на нем изображены многочисленные сцены: киклопы, кующие молнии Зевса, строители Фив Зет и Амфион, бег колесниц, состязание Пелопса с царем Эномаем, решившее судьбу царства и ставшее началом Олимпийских игр, и многие другие сюжеты из древних преданий, знакомых каждому минийцу с детства.

Едва Ясон приблизился к городу, ворота распахнулись, и гостя встретила сама царица Лемноса, окруженная многочисленными женами. С удивлением заметил Ясон, что среди встречавших не было ни одного мужского лица. В царских чертогах царица Гипсипила усадила Ясона перед собою на кресло, и он услышал ее рассказ.

– Не удивляйся, Ясон, – сказала царица. – Мы своих мужей отослали в земли фракийцев – ведь им были любы фракиянки, нами же они гнушались. С ними вместе ушли и мальчишки, не пожелав остаться под материнским кровом. Так что теперь мы правим городом сами. Но властью мы не дорожим, и если ты захочешь остаться, получишь хоромы отца моего Фоанта. На нашем плодороднейшем из островов всем хватит места, и для твоих спутников открыты ворота города и двери наших домов.

Скрыла царица от гостя, опасаясь, что он немедленно покинет город, правду о преступлении: мужи Лемноса были не изгнаны, а зверски убиты вместе со всеми старцами и мальчиками, включая младенцев.

Не зная об этом, мореходы охотно вступили в город. Афродита связала их узами любви с теми, кто по собственной вине был лишен мужской защиты и ласки. И вот уже позабылась Колхида и ее золотое руно. Первым очнулся Геракл и напомнил, что целью героев должен быть подвиг, а не наслаждение плотью, которое тянет к безделью и губит в бездействии. И стыд охватил героев. Немедленно они двинулись к морю. Узнав о грозящей разлуке, жены сбежались, подобно пчелам, носящимся с шумом вокруг расцветающих лилий, и берег уподобился гудящему лугу. Сколько сквозь слезы было сказано слов! Знали герои, что оставляют не только жен, но и детей, которые родятся, если это будет угодно богам.

За несколько дней плавания аргонавты добрались до торчащих, как собачьи головы, голых скал, словно бы охранявших вход в узкий пролив. Орфей затянул звонкую песню. Он пел о том,

что «Арго» на верном пути, ибо открывающееся перед ним море называется Геллеспонтом в честь Геллы, сестры Фрикса, которая не удержалась на спине овна и не достигла Колхиды и все же боги обессмертили ее имя. Какая же слава ждет тех, кто доставит оттуда золотое руно!

Между тем «Арго» вошел в воды Пропонтиды, и взору героев открылся остров с горбатой, покрытой лесом горой, напоминающей фигуру медведя. У подножия этой горы, называвшейся Диндимом, жили потомки Посейдона долионы, а вершину занимали шестирукие великаны, их недруги. Слух о гостеприимстве долионов прошел по всем берегам Внутреннего моря, и аргонавты решили их навестить, чтобы разузнать об ожидающих впереди трудностях.

Царь долионов Кизик вышел навстречу героям. Он был в возрасте Ясона, и на его подбородке едва пробивался пушок. Принеся благодарственную жертву Аполлону, аргонавты последовали за Кизиком в чертоги, где их ждал богато накрытый стол. За пиршеством Ясон поведал о целях плавания. Кизик же рассказал о жестоких соседях, населяющих гору Диндим. Только благодаря защите Посейдона им удастся жить рядом с ними. К удивлению героев, царь, живший у выхода в Понт Эвксинский, почти ничего не знал о населявших его берега народах и об опасностях, которые ожидают на пути в Колхиду. Но ему было известно все о Пропонтиде, и он предупредил о мелях и подводных камнях, которые могут встретиться на пути.

Как только стало светать, Кизик вывел героев на берег моря и показал, куда им плыть. Поблагодарив царя, герои направились в бухту, где стоял на якорях «Арго». И вдруг раздался страшный шум. Сбегая с вершины, шестирукие великаны бросали обломки скал, чтобы загнать выход из бухты и поймать «Арго», словно зверя, в ловушку. Первым их заметил Геракл, остававшийся на корабле вместе с теми, кто был помоложе. Вытащив лук, он стал поражать стрелами чудовищ одного за другим. Тут подоспели герои, возвращавшиеся с пира. Они бросились вверх, поднимая шестируких на копья и мечи. Вскоре те полегли, издали напоминая сваленные дровосеками стволы огромных деревьев.

Завершив бой, аргонавты поспешили взойти на корабль. «Арго» бежал под парусами остаток дня, но с наступлением темноты ветер переменял направление и стал дуть в нос, да с такой силой, что ему нельзя было противостоять. Корабль неудержимо относил назад, пока не выбросило на какую-то землю. Сойдя на берег, герои столкнулись с ожидавшими их вражескими воинами. Завязалась страшная битва. В полном мраке Ясон поразил копьем могучего исполина, и тот упал, заливая кровью прибрежный песок. Геракл сразил палицей нескольких противников. Прочие, дрогнув, обратились в бегство. Но герои, опьянев от крови, гнались за ними и повергали во прах.

Когда же встала из мрака Эос, стон огласил берег, и его повторило эхо Диндима. Аргонавты, сами того не ведая, сражались с долионами, принявшими их за морских разбойников. Исполин, сраженный Ясоном, оказался Кизиком. С плачем бросился Эсонид на его окровавленную грудь. Три дня напролет стенали и катались по песку мореходы и уцелевшие от побоища долионы. Юная жена Кизика Клита решила соединиться с супругом в аиде и покончила с собой. Горем были охвачены и нимфы. Их слезы образовали фонтан, названный Клитой. Затем герои снесли павших на широкий луг, насыпали над ними высокий курган и устроили у его подножия великолепные погребальные игры.

Словно скорбя о погибших, негодуя на судьбы, враждебные смертным, море не знало покоя двенадцать дней и ночей. Даже в бухте глубокие волны били о борт, и стоном им отвечала утроба судна. Утомившись от слез, в трюме забылись герои. Ясон же заснул на палубе, на мягких овчинах, прижавшись затылком к связкам канатов. Двое сидели у мачты, охраняя покой уснувших. Им-то и открылось чудо. Птичка по имени гальциона стала порхать, насвистывая свою песенку, над головой Ясона, едва не садясь на светлые кудри.

– Вождь, поднимись! – закричал охраняющий судно. – Птица вещает, что путь нам открыт, что Посейдон, отец долионов, на нас не в обиде.

Призыв подхватил кормчий, услышав о чуде:

– Боги зовут тебя, Эсонид, воздать благодарность великой Кибеле. Это она, должно быть, смягчила гнев Посейдона.

Поднявшись, Ясон собрал мореходов и повел на холм, чтобы припасть к стопам пышнотронной богини. С вершины холма стали видны как на ладони и макриадские кручи, и берег фракийский открылся, и зев Боспора, ведущий в суровое темное море, имя которому Понт.

Обойдя холм, герои отыскивали сухую оливу, срубили под корень и, очистив от ветвей, придали ножами стволу материнские формы, голову же увенчали гирляндами листьев священного дуба, дерева Зевса, после чего закружились в бешеной пляске, ударяя мечами в щиты.

Не успело ответить эхо на грохот, как земля покрылась мягкой травой и из скалы забил целебный источник. Ему дали имя Ясона.

Спустившись к морю, герои устроили пир в честь Кибелы, славя ее до утра, пока розоперстая Эос, взглянув на залив, не залюбовалась своим отражением. Сев на скамьи, герои разом вскинули весла и опустили в порозовевшие волны. С места рванулся «Арго», и берег стал удаляться. Все смотрели вперед, но память назад возвращала – туда, где витали души погибших друзей долионов.

Достигнув земли мизийцев, аргонавты решили отдохнуть и пополнить припасы. Кроме того, надо было заменить весло, сломанное мощноруким Гераклом. Оставшись без дела, он сетовал на свою неловкость и рвался на берег, чтобы сделать весло себе по руке и крепче, чем старое.

Мизийцы приняли мореходов благосклонно. Они принесли им вина в деревянных, обитых полосками меди бочонках, привели круторогих баранов. Герои выкопали яму для костра, обложили ее дерном, собрали сухих сучьев и стали готовить трапезу.

Геракл же, оставив друзей пировать, удалился вместе с Гиласом, несшим секиру и обломок весла. Прошла ночь и день, и еще одна ночь, а они не возвращались.

– Может быть, на него напали звери? – проговорил Орфей.

– Звери Гераклу не страшны. Он их размечает, как щенков! – сказал друг Геракла Теламон.

– А если он упал в темноте со скалы? – возразил певец. – Тогда ему не справиться со львом.

– Надо искать! – заключил Ясон. – Ты, Тифий, оставайся на корабле. А мы все двинемся, рассыпавшись в цепь, в десяти шагах друг от друга.

Сказано – сделано! Прошли герои не более парасанга, как раздался крик:

– Он был здесь!

Орфей натолкнулся на обломок весла. Все сбежались, полагая, что где-то недалеко и Геракл с Гиласом. Вскоре отыскиали и пень со свежими следами секиры... Из этой сосны Геракл намеревался сделать весло. Вот и срубленный ствол. Бродили по лесу герои до темноты, а затем вернулись на судно.

Утром Тифий посоветовал поднять якорь и отплыть, пока дует попутный ветер. Ясон, кивнув головой, сделал знак, что согласен с кормчим. Но едва герои взошли на корабль и ветер надул парус, как Теламон начал бить себя в грудь.

– Что же вы послушны, как овцы! – вопил он, обращаясь к героям. – Словно бы вы оставили в Мизии какого-нибудь негодного раба, а не Геракла, достойнейшего из нас. Не потому ли Ясон поспешил отплыть поскорее, его не дождавшись? Соперник ему ни к чему.

Вспыхнул Ясон и, сжав кулаки, бросился к Теламону. И скоро бы на корабле разгорелся бой и палуба обагрилась кровью. Но вдруг с левого борта из гудящего моря поднялась голова, покрытая зеленой тиной, и Тифий увидел обращенное к нему старческое лицо и лоб в ракушках, как в бородавках.

– Главк! – крикнул Тифий. – Морской старец Главк!

Все ринулись к левому борту, так что корабль накренился.

– Оставьте тревогу! – прохрипел Главк. – Сердца свои успокойте. Знайте, что жив сын Алкмены и Зевса. Он удалился, рыдая, что не увидит Колхиду и не сможет помочь в добыче руна золотого. И не похитил его благосклонный бог, желавший избавить от опасностей моря. Роком ему суждено для безбожного Эврисфея в Аргосе полных двенадцать трудов, напрягаясь, исполнить. Вы же плывите своею дорогой и благоволение Зевса пусть вас не покинет.

С этими словами он, нырнув, погрузился в шумящие волны. Долго на борту царило молчание, Теламон нарушил его первым:

– Не сердись, Эсонид, если я, неразумный, обидел тебя дерзким словом. Виной тому была грусть по любимому другу. Давай же слова, что рождают вражду, отдадим встречному ветру. Пусть он их развеет!

Обнял Ясон Теламона и прижал его к груди. Место Геракла на скамье занял Пелей, сын Эака.

Орфей дал команду гребцам.

Где бы ты ни был, Геракл, какие бы злые напасти Судьбы тебе ни послали, ведай, мы сердцем с тобою.

Груз ли придется поднять непомерный, знай: наши плечи Рядом с твоими, и руки тяжесть тебе облегчают.

Тот обломок весла, что ты бросил в лесу, удаляясь,

В жирную землю воткнем, и поднимется древо Геракла,

Пышные ветви раскинув, чтобы тенью его насладиться

Могли бы другие герои – те, что повторяют наш путь многотрудный.

Ветер, не стихая ни на миг, носил «Арго» по волнам день и ночь напролет. Но с зарей он внезапно затих, и безжизненно опустились паруса. Увидев выдающийся в море мыс, мореходы сели за весла и вскоре к нему пристали.

Первое, что открылось их взгляду, был загон для скота, а за ним ручей. Захватив кожаные бурдюки, направились аргонавты к ручью, чтобы пополнить запасы воды.

И в это время из-за укрытия вышел муж огромного роста с изогнутым посохом в руке.

– Эй вы, бродяги морские! – крикнул гигант, дерзко выпятив грудь. – Знайте, что вы высадились на землю бебриков. Ими правлю я, Амик, мать моя нимфа Милия, Посейдон, потрясатель земли, – мой родитель. Мною установлен закон: никто этой страны не покинет, не испытав моей силы в кулачном бою.

Вот когда аргонавты еще раз пожалели, что нет с ними Геракла.

– Как нам быть? – обратился к друзьям Ясон. – Может быть, вернуться на корабль и отплыть? Ведь не для нас установлен закон, который был великаном объявлен.

Вперед выступил Полидевк.

– Негоже нам показывать дикарю спину. Дозвольте, я с ним сражусь и испытаю богами данную мне силу.

– Иди, Полидевк! – молвил Ясон за всех.

Сделав вперед три шага, герой скинул на землю дивно сотканный хитон.

– Кто бы ты ни был, придержи свой язык, нечестивец. Если здесь такой закон, я готов его соблюсти.

Так бесстрашно сказал Полидевк. Амик же, услышав эти слова, побагровел от ярости, сбросил черный плащ, откинул тяжелый посох из дикой горной оливы. Устремив на героя взгляд, жаждущий крови, он проревел:

– Бери без жребия, какие желаешь, ремни, сам я их делал, разрезая бычьи шкуры. В этом деле я ловок, а умел ли в бою, убедишься.

Слуга Амика бросил на землю четыре ремня, и Кастор, выйдя вперед, взял пару не глядя. Тотчас же он обмотал ими руки брата и, шепнув несколько ободряющих слов, удалился.

Бойцы, подняв обе руки перед лицом, приближались друг к другу. Амик выбросил кулаки вперед и начал теснить героя. Тот же не отнимал рук от лица, нагибался или отбегал в сторону. Амик изловчился и взмахнул руками, метя в голову, но кулак угодил в плечо. Отступив на шаг, Полидевк нанес великану страшный удар в ухо, тот покачнулся, упал на колени и, помедлив, свалился на землю.

Ликующий рев вырвался из уст аргонавтов. И бебрики также не остались равнодушными. Они устремились на Полидевка. Тогда и герои выхватили мечи и ринулись навстречу нарушившим правила боя. Недолго длилась битва. Бросив убитых и раненых, бебрики бегом направились к своим жилищам. Но там уже хозяйничали их соседи мариандины, воспользовавшиеся суматохой, чтобы отомстить своим злейшим недругам.

Всю ночь оставались аргонавты на берегу, принося жертвы бессмертным богам и перевязывая

раны, полученные в битве. Утром же, едва Гелиос осветил холмы, они, нагрузив корабль овцами бебриков и другой добычей, тронулись в путь.

Ветер гнал корабль весь день и всю ночь. Но на заре он затих, и стал виден выдающийся в море мыс. Аргонавты налегли на весла, чтобы выйти на фракийский берег.

Вдали показался дом из белого камня. Тропинка к нему заросла травой, не дымил очаг, да и дверь, во многих местах которой виднелись следы от мощных ударов, едва держалась на петлях.

– Это заброшенный дом, – проговорил Ясон. – Он нам послужит жилищем.

Но вдруг послышался скрип. Дверь отворилась. На пороге стоял, покачиваясь, бледный худой старец с дрожащими руками. Сделав шаг, несчастный упал.

– Да он слепой! – воскликнул Линкей, помогая старцу подняться.

Вслед за ним герои перешли порог и попали словно в хлев или птичник. Стол был завален перьями и покрыт нечистотами. Страхнув с топчана мусор, аргонавты усадили старца и сели вокруг, готовые выслушать его рассказ.

– Да, я слепец, – произнес старец слабым голосом, – и в этом сам виноват. Я правил над фракийцами и славился тем, что ведал волю богов и без их согласия открывал ее смертным. За это Зевс лишил меня света и, мало того, наслал гарпий, полуптиц-полудев. Появляясь, как только я сажусь за стол, они оскверняют и выхватывают у меня изо рта пищу. Руки бы я на себя наложил, если бы не знал, что придет этим мукам конец, когда мой дом посетят смельчаки, среди которых будут два сына Борея.

– Это мы, Бореады! – радостно воскликнули Зет и Калаид.

Финей недоверчиво повернул голову.

– Подойдите ко мне ближе!

Бореады выполнили его просьбу. Старец провел пальцами по лицу Зета и, поднявшись, нащупал за его спиной мощные крылья.

– Мы тебе поможем во всем, что в наших силах, – добавил Ясон. – Зрения не возратить, но гарпиям...

– Не произноси громко этого имени! – взмолился Финей. – Они уже там...

Послышалось хлопанье крыльев. Выхватив меч, Ясон кинулся к двери и вышиб ее ударом ноги. Снаружи никого не было.

– Странно! – проговорил он, переступая через порог. – Я их слышал.

– Сейчас увидишь, – произнес старец, протягивая руку к засохшей лепешке на краю стола.

И тотчас стало темно, словно опустилась вечная ночь. Гарпии кружились над домом, издавая отвратительные крики, сливавшиеся с хлопаньем свирепых, беспощадных крыльев. Некоторые девы-птицы падали с лету, подобно ястребам, на добычу, и тогда можно было разглядеть горящие злобой выпуклые глаза и страшные изогнутые когти.

Финей в ужасе отбросил лепешку, и птицы, словно выполняя чью-то команду, разом ринулись в сторону моря.

Бореады взмахнули крыльями и пустились вдогонку чудовищам. Аргонавты с тревогой смотрели вслед смельчакам, не зная, как им помочь. Удастся ли им догнать гарпий? Смогут ли двое справиться с огромной стаей? Не вмешается ли в битву тот из богов, кто направил их против Финея?

Прошло немало времени, пока уставшие от напряжения глаза уловили в небе две точки. Это могли быть птицы. Но нет, видны очертания человеческих тел. Конечно, это Бореады! Они опустились рядом с домом и сразу же оказались в дружеских объятиях.

– Бой был тяжелым? – спросил Ясон первым.

– Боя не было! – радостно выдохнул Зет, складывая крылья за спиной.

– Ирида охватила своей разноцветной дугой полнеба! – пояснил Калаид. – Она попросила не убивать гарпий, и мы повиновались.

– Да! Да! – подхватил Зет. – Она обещала от имени Зевса, что гарпии оставят Финей в покое.

– Как мне отблагодарить вас, мои спасители! – проговорил Финей, едва сдерживая слезы. – Избавление от чудовищ надо отпраздновать. В подвалах у меня много снеди. Давайте устроим пир.

Аргонавты с радостью согласились. Прежде всего они очистили дом от перьев и зловонного помета. Потом они отнесли старца к морю, омыли его в волнах и дали новую одежду. Разожгли очаг. Закололи отборных овец, привезенных с собой на «Арго». Накрыли столы и сели за них, помолившись богам.

Один из двух крылатых сыновей Борея угрожает копьем гарпиям, которые летят над ним, держа отнятые у Финей еду и сосуд с вином (роспись на сосуде)

Впервые за несколько месяцев Финей смог насытиться. Когда же к нему возвратились силы, он отодвинул миску и сказал:

– Слушайте меня, друзья! Я не смею раскрыть вашу судьбу до конца, но боги разрешили предупредить о ближайших опасностях.

Встретятся вам два иссиня-черных утеса, словно грудью преграждающие путь в Колхиду. Вокруг них всегда вздымаются волны, страшно кипя. Стоит лишь кораблю, лодке или птице проплыть или пролететь между ними, они сходятся с дикой яростью. И вот вам совет. Возьмите на корабль голубку и держите ее наготове, ибо и пернатые могут спасти смертных, если на это воля богов.

Долго еще вещал Финей. Он говорил о странных народах, населяющих берега, о помощи богов, ожидающей их среди бед, о битве с драконом. Аргонавты слушали молча, стараясь запомнить каждое слово.

Затем, соорудив на берегу алтарь и возложив на нем жертвы, герои взошли на корабль и взялись за длинные весла.

Судно шло, раскидывая высоким носом белую пену. Затаенная мощь моря напоминала о себе, когда в борт ударяла волна, обрушивая на палубу фонтан брызг. По правому борту тянулся берег, то ниспадавший в море голыми каменными складками, то покрытый деревьями с зелеными кудрявыми кронами.

Издали доносился грохот, напоминавший удары гигантского молота. И поняли герои, что приближаются синие сталкивающиеся скалы, о которых предупреждал Финей. Линкей с голубкой в руках вышел на нос. По команде Тифия остальные спустились к скамьям, чтобы взяться за весла по двое.

Вот и они, Синие скалы, окруженные пенным водоворотом. Отделенные друг от друга не более чем на сорок локтей, они сталкивались время от времени, видимо, потому, что между ними что-то проплывало. Приблизившись, герои увидели сотни раздавленных рыб. И не было на корабле ни одного, чье сердце не сжалось бы от страха. Ведь перед ними не враг, которого можно осилить, сразить копьем, а бездушные каменные громады, убивающие все живое.

Гигантские горы совсем рядом, так что казалось – можно было дотянуться до них веслом.

– Голубку! – приказал Тифий.

Брошенная сильной рукой птица понеслась между скалами. Они сошлись со страшным треском, оглушившим героев. Но все видели, что голубка проскочила и скалы задела лишь ее

хвост.

– Весла! – яростно крикнул Тифий, не дожидаясь, пока скалы займут свои прежние места.

Корабль понесся со скоростью стрелы, но героям казалось, что он еле движется. Снова послышался треск, уже сзади. Оглянувшись, герои увидели, что скалы сошлись, оторвав край кормы. Но радоваться было еще рано. Возникший от удара скал водоворот едва не втянул судно назад, в образовавшееся мгновенно пространство.

Тифий сильным ударом кормового весла пропустил гигантскую волну под киль и крикнул:

– Гребите что есть сил!

Согнулись весла под мощью рук, но «Арго» не двигался с места. И тут произошло чудо! Герои подняли весла и не успели их опустить, как корабль рванулся вперед, подальше от скал, словно его подтолкнула чья-то невидимая рука.

– Кажется, мы спасены! – сказал Тифий, вытирая вспотевший лоб.

– И не без помощи Афины! – добавил Ясон, становясь рядом с кормчим. – Это она вложила в корабль свою силу, когда над ним работал Арг. А сейчас она толкнула судно могучей рукой.

– Обернитесь! – вдруг вскрикнул Орфей.

Герои повернули головы. Между скал пролетела стая птиц. Они же не шевельнулись. Исполнилась предсказанная Финеем воля богов: если хотя бы одно судно проплывет между этих бешеных скал, им суждено стоять неподвижно.

– Вот оно что! – проговорил Тифий. – Мы в неведомом море, грозном, безлюдном. Слышал я от стариков, что на берегах его живут племена, не знающие законов гостеприимства. Наш же путь лежит на восток. Давайте растянем парус пошире и отдадим корабль дуновенью Зефира.

Остроглазый Линкей первым увидел вдаль берег, и Тифий направил к нему «Арго». Берег был пуст, прерываясь лишь реками, низвергавшими в Понт мутные воды.

Войдя в одну из этих рек, аргонавты оказались на земле, которой правил Мариандин, один из сыновей Финея. Узнав о помощи, которую герои оказали его отцу, царь встретил их с распростертыми объятиями. Пир сменялся пиром, развлечение развлечением. На одном из пиров царь попросил прибывшего на «Арго» прорицателя Идмона поведать о будущем своих потомков. Идмон, знающий будущее, предсказал, что много лет спустя к этому берегу подойдут корабли и те, кто с них высадится, воздвигнут великий город. Идмон передал не все, что узнал от Аполлона. Боясь, что царь сменит милость на гнев, провидец не поведал, что пришельцы поработят народ мариандинов.

На следующее утро во время охоты Идмон пал от клыков вепря, ибо боги, открывающие будущее, не терпят корысти. Идмону царь мариандинов устроил пышные похороны. Много лет спустя, когда на месте остановки «Арго» появился великий город Гераклея Понтийская, погребальный холм Идмона стал его акрополем.

В день, близкий к отплытию, от внезапной болезни ушел в аид Тифий. Был он предан земле, и у кормового весла встал бесстрашный сердцем самосец Анкей, украшенный редким умением водить корабли. Отданы были ему голоса большинства аргонавтов.

Несколько дней ветер гнал «Арго» на восток, и он несся по волнам, быстрый, как сокол в воздушном пространстве. Потом утомились крылья ветра, и пришлось аргонавтам взяться за весла и грести днем и ночью, не встречая реки, куда можно было бы войти.

Однажды ночью над кораблем послышался шум гигантских крыльев. Это пролетал орел, посланный Зевсом терзать печень Прометея. Молча смотрели герои вослед пернатому палачу, не решаясь из страха перед его грозным повелителем что-нибудь сказать в осуждение жестокой и несправедливой расправы над прикованным к скале титаном. Но мысленно они желали благородному Прометею стойкости перед напастью.

Вскоре герои увидели остров, отдаленный от берега бурлящим проливом. Направившись к нему, они отыскиали узкую бухту, ввели в нее «Арго» и отдали его под защиту поросших редким лесом скал.

Стемнело, и сразу же подул ветер, вздымавший гигантские волны. Деревья на скалах сгибались, как тростинки. Аргонавты легли, крепче прижавшись друг к другу и к общей

матери – земле. Где-то рядом обрушился гром, и перун Зевса прорезал черное небо. Кто-то из героев прошептал: «Зевс не только слышит речи, но и понимает помыслы смертных». Гром ударил еще раз, словно подтверждая эту мысль.

– Взгляните на море! – вскрикнул Орфей.

Повернув головы, герои увидели корабль, взнесенный

волной и от ее удара расколовшийся на две половины.

– Вовремя мы причалили! – произнес Анкей.

– Может быть, не мы, а несчастные на том корабле прогневали Зевса, – предположил кто-то.

Дождь лил, как из пифоса, поэтому никто из героев за всю ночь не сомкнул глаз. Когда же рассвело и небо просветлело, все увидели огромную птицу, кружившую над берегом. Качнув крыльями, она сбросила тяжелое перо. Рассекая воздух, оно полетело вниз и вонзилось в плечо одного из героев.

– Скорей на корабль за щитами! – крикнул Ясон. – Это остров Ареса, о котором нас предупреждал Финей.

Когда аргонавты уже были на корабле, в небе показалась целая стая птиц.

– Рубите канаты! – закричал Анкей.

– Не торопись! – остановил его Ясон. – Вспомни совет Финей: надо не только пристать к острову Ареса, но и пройти его насквозь.

Обращаясь к героям, Ясон крикнул:

– Друзья! Возьмите свои мечи и щиты, наденьте медные шлемы! Как только спустимся на берег, по моему знаку начинайте кричать, одновременно ударяя мечами по щитам.

Хитрость удалась. Птицы Ареса, напуганные страшным шумом, поднялись в воздух и скрылись в небе. После этого Ясон приказал части героев оставаться у корабля, а остальных повел в глубь острова.

Прошло совсем немного времени, и Ясон с его спутниками вернулись. Они вели с собой четырех незнакомцев, судя по их жалкому виду – с погибшего ночью корабля.

– Если бы не мы, – проговорил Ясон, – эти люди погибли бы.

– Не потому ли нас направил сюда Финей? – вскрикнул Анкей.

– Кто знает? – пожал плечами Ясон.

Все находившиеся на острове вместе с Ясоном сели на весла, и корабль отчалил. Ясон и Орфей занялись страдальцами. Они перевязали им раны, дали сухую одежду, уложили на теплые шкуры.

Несчастные опомнились лишь к вечеру. Едва держась на ногах, они вышли на палубу и рассказали окружившим их аргонавтам о себе и своих злоключениях. Это были сыновья Фрикса и царской дочери Халкиопы. В плавание они пустились, выполняя предсмертный завет отца. Фрикс, проживший в Колхиде много лет, считал ее чужбиной и мечтал о том, чтобы сыновья вернулись в Орхомен и унаследовали власть царя Афаманта.

– Так вы мои родственники! – воскликнул Ясон, бросаясь к спасенным. – Мой дед Крефей был родным братом Афаманта. Сам же я сын Эсона и направляюсь в Колхиду. Но вы не назвали своих имен.

– Я – Китиссор, – ответил рассказчик. – Братьев моих зовут Фронтис, Аргос и Мелас. Наш отец Фрикс, а мать Халкиопа. Мы – внуки Гелиоса. Но позволь задать мне вопрос.

– Я тебя слушаю, Китиссор, – отозвался Ясон.

– Что ведет вас в Колхиду?

– Это длинная история, если рассказывать по порядку. Но если сказать главное – мы плывем за золотым руном.

– О боги! – воскликнул сын Фрикса. – Да ведаешь ли ты, что будешь иметь дело с моим дедом Ээтом, сыном Гелиоса? Он равен силой Аресу и царствует над несчетными племенами. Но и не будь Ээта и свирепых колхов, как бы ты взял золотое руно? Ведь его сторожит огромный дракон, не знающий сна.

По мере рассказа мрачнели лица героев.

– Не подумай, – продолжал Китиссор, – что я хочу тебя испугать. Идущему в бой негоже свою душу тешить обманом. И если ты решишь продолжать путь, то знай, что можешь рассчитывать на меня и моих братьев, как на себя самого.

– Назад у нас нет пути! – произнес Ясон под одобрительные возгласы. – Не для того Афина соорудила наш корабль, чтобы он вспять обращался. Помощь же, что ты нам обещаешь, бесценна.

– Да! Да! – подхватил Анкей, не отпуская кормового весла. – Бесценна! Ведь нам неведомы подводные камни и мели этого моря. Боги направили нас на остров Ареса, чтобы мы встретили вас. Теперь я в этом уверен. Стань, Китиссор, рядом со мной у кормила. А когда устанешь, тебя сменят братья.

И обрел «Арго» особую зоркость, которой ему так не хватало, несмотря на нарисованный на борту глаз. В то время как один из братьев вместе с Анкеем находился у кормового весла, трое других, сидя на связке каната у мачты, рассказывали обо всем, что могло интересовать аргонавтов. Еще раньше герои видели на лесистом берегу деревянные сооружения, которые принимали за сторожевые башни. Оказалось, что это моссины – жилища некоего варварского племени, получившего по ним название «моссинеки». В башне обитала одна большая семья вместе с домашними животными и птицами. Всеми жителями башен управлял царек, бывший одновременно и судьей. Если его поведение не устраивало старейшин, повелителя запирали в одной из моссин и морили голодом.

– Глупцы! – заметил по ходу рассказа Ясон. – Будь это у нас в земле миниев, кто бы согласился царствовать!

Еще большее оживление вызвал рассказ о другом варварском племени, жившем за моссинеками. В день, когда рожают жены, их мужья, распростершись на ложах, стонут, и им, как роженицам, готовят омовения. Роженицы же производят детей без всякой помощи.

За рассказами гостей «Арго» незаметно проходило время. Вдали показались отвесные кручи Кавказа, казавшиеся близкими из-за огромной высоты.

– Здесь надо плыть осторожнее! – предупредил Китиссор.

– Подводные скалы? – спросил кормчий.

– Нет! Корабли Ээта, обладающего на этих берегах мощным флотом.

– Но ведь нам все равно придется войти в какую-нибудь гавань, – заметил Ясон.

– Мы ее минуем, – ответил Китиссор. – Войдем в Фасис ночью и, сняв мачту и паруса, спрячемся в береговых камышах.

Ночью, полагаясь на опытных сыновей Фрикса, Анкей ввел корабль в широко разлившийся Фасис. Мачта была снята и уложена на палубу. Аргонавты вышли на палубу и вслушивались в ночную тишину, нарушаемую время от времени кваканьем лягушек и криками каких-то птиц. А Ясон со своими родственниками спустился за борт и двинулся к берегу.

В то время как «Арго» стоял в устье Фасиса, скрываясь от вражеских взоров, Олимп жил своей привычной жизнью. В мегароне богов Зевс, склонившись с трона, что-то говорил на ухо Гермесу, а тот кивал головой. Гефест в пристройке ко дворцу без усталости колотил молотом, и по ударам можно было измерять время. Афродита в своих покоях томно раскинулась на ложе и, глядя в зеркало, расчесывала дивные волосы. Во дворе Эрот увлеченно играл в бабки с любимцем Зевса Ганимедом.

Гера, уединившись с Афиной, взволнованно объясняла ей:

– Не знаю, что делать?! «Арго» в Колхиде. Но как обмануть хитрого и злобного Ээта? Бедный Ясон! Как ему помочь?

– Я тебя понимаю и сочувствую! – сказала Афина. – С какой стороны подойти? Не придумаю...

– Постой! – перебила Гера. – А не воспользоваться ли помощью Афродиты? Конечно, она доставила мне столько огорчений. Но ради Ясона и его спутников я готова на все. Я слышала, у Ээта есть дочь Медея. Любовь творит чудеса.

Афина презрительно повела плечами.

– Мне это не нужно. Но если хочешь, могу тебя сопровождать.

При виде гостей Афродита наскоро закрепила волосы и показала богиням на кресла.

– Садитесь! Давно же вы у меня не были. Что вам показать? Вот этот гребень. Какая тонкая работа... Мой супруг готов мастерить целые дни...

– Пока ты тут красуешься, у нас беда, – перебила Гера. – «Арго» уже стоит в камышах на Фасисе. Без твоей помощи не обойтись.

Лицо Афродиты покрылось румянцем. Ей было приятно, что суровая и непреклонная Гера явилась к ней первая.

– Я готова. Если появилась нужда в моих слабых руках, можешь на них рассчитывать.

– У нас нет нужды в твоих руках, – сказала Гера, отводя взгляд, – ни в слабых, ни в сильных. Отдай приказание своему отроку, чтобы он поразил стрелой дочь Ээта Медею.

– Хорошо! Я постараюсь. Хотя нелегко мне придется. Стал непослушен мой сын и дерзок. Пойду поищу его.

Игра была в разгаре. Ганимед размазывал по смазливому лицу слезы, а Эрот, победитель, с хохотом прижимал к груди золотые бабки.

– Опять выиграл! – пожурела Афродита сына. – Снова обманул и гордишься нечестной победой. За это послужи мне!

– Нет от тебя покоя, ма! Дай поиграть!

– Не даром ведь! Получишь игрушку, какой не имел никто, кроме Зевса, когда он был ребенком, а не отцом богов.

Глазенки Эрота загорелись.

Высоко вознесся к небу дворец Ээта. Его сверкающие под взглядом Гелиоса золотые стены окаймлены двумя рядами высоких медных колонн. Двор засажен благоухающими деревьями. Под аркой, образованной цветущим виноградом, бьют четыре ключа. Из пастей каменных львов изливаются молоко, вино, благовонное масло и теплая вода.

– Не людских рук это дело! – выдохнул Ясон.

– Ты прав! – подтвердил Китиссор. – Эти источники соорудил сам Гефест после того, как Гелиос поднял его, утомленного в битве с гигантами, на свою колесницу.

– Он также изготовил для Гелиоса медноногих быков, выдыхающих пламя, – добавил второй брат.

– И также плуг с лемехом из адаманта! – вставил третий.

– А где покои царя? – поинтересовался Ясон.

– Они здесь, – пояснил Китиссор. – А в том здании, что пониже, живет наследник престола Апсирт, рожденный Ээтом от нимфы. На втором этаже размещены царские дочери со служанками.

– А вот и наша мать со своей сестрой Медеей! – радостно закричал Китиссор. – Смотрите, они нас заметили!

Оглянулся Ясон и встретился взглядом с прекрасной девой. Была она стройна и смугла, с гордой поступью, достойной внучки Гелиоса.

Халкиопа между тем издала радостный крик.

– Как я благодарна судьбе! – повторяла она, обнимая сыновей одного за другим. – Судьба

вернула вас, видя мои слезы и печаль. Разве надо искать счастья на чужбине, оставляя мать одну?!

– Не чужбина нам Орхомен, – возразил Китиссор, – а отчизна нашего родителя, да будут благосклонны к нему владыки айда. Я помню, как он тосковал по родине. Здесь, кроме тебя и нас, детей, ничто не было ему мило.

В суматохе никто не заметил слетевшего с неба Эрота, не услышал биения его крыльев. Пристроившись за колонной, Эрот поднял лук, наложил на него стрелу и, натянув тетиву, пустил стрелу прямо в сердце Медее. И тотчас же взвился в небо, как шмель, предвкушая новую игру с Ганимедом и обладание мячом, материнским подарком.

Ахнула пораженная стрелой Эрота дева, охваченная жгучим безумием. И увидела она, как прекрасен чужеземец. Щеки против ее воли то бледнели, то покрывались румянцем. Руки утратили покой. Она то сплетала пальцы, то прижимала их к сердцу.

А между тем в покоях расторопные слуги омыли сыновей Халкиопы и их спасителей горячей водой и сменили им одежды, расставили на столе обильную еду и питье. Когда же все возлегли и стали тешить душу яствами, появился угрюмый Ээт.

Внуки бросились к деду и наперебой стали ему рассказывать о своем чудесном спасении на необитаемом островке, куда их выбросили разбушевавшиеся волны. Ээт, слушая, то и дело обращал тяжелый взгляд на спасителей внуков. В каждом прибывающем в его страну царь привык видеть соглядатая или соперника, стремящегося завладеть диадемой.

– Что тебя привело к нам, чужеземец? – обратился Ээт к Ясону, догадавшись, что он главный среди прибывших.

Ясон не стал скрывать ни цели своего плавания, ни происхождения, подчеркнув, что золотое руно необходимо ему для возвращения законной власти в Иолке.

Царь не поверил ни одному слову Ясона, решив, что внуки специально привели пришельцев, чтобы завладеть с их помощью его тронном.

Прочитав во взгляде Ээта недоброжелательность, Ясон стал убеждать царя, что ему и его друзьям ничего не нужно, кроме золотого руна, и что он готов выполнить любое поручение, чтобы воздать славу царю Колхиды и выразить ему свою благодарность.

Слушал Ээт героя и не мог решить: сразу убить пришельца или испытать его силу.

– Что ж! – проговорил он, склонившись ко второму решению. – Есть у меня два быка медноногих, из ноздрей выдыхающих пламя. Подведя под ярмо, я гоню их по ниве Ареса и вспахиваю всю ее плугом, а затем из шлема засеваю зубами дракона, из которых вырастают воины в медных доспехах и убивают друг друга. Если действительно род твой идет от богов, ты не уступишь мне в мощи и сумеешь повторить мой подвиг. Лишь тогда заслужишь награду, которую ищешь.

Не спешил Ясон с ответом, понимая, что невыполнимо условие Ээта, что сулит оно гибель.

– Много помех создаешь ты, царь! – ответил он наконец. – Но я принимаю твой вызов. С судьбой не спорят и боги, мне ли, смертному, с ней бороться. Суровый рок привел меня к тебе, и если мне суждена здесь гибель, я встречу ее достойно.

– Иди! – усмехнулся царь. – И знай: если дрогнешь, если отступишь перед жарким дыханием быков или побежишь в страхе от меднодоспешного воинства, уж я позабочусь, чтобы впредь никто не дерзнул покушаться на мое достояние.

С тяжелым сердцем покинул Ясон царский дворец и поспешил вместе со своими спутниками к кораблю. А в ушах Медее все звучал его голос, и она устремила мысль вслед за героем.

Почти у самого Фасиса героев догнал Китиссор, и на корабль они поднялись вчетвером. Выслушали герои Ясона и долго молчали, не зная, как быть. Всем было ясно, что отказываться от предложения Ээта нельзя. Но как избежать ловушки? Каким богам приносить жертвы? У кого из них испросить совета?

– Нет ли здесь какого-нибудь оракула? – первым нарушил молчание Орфей. – Лучше всего – владычицы Геры. Ведь она покровительствует Ясону.

– Геру здесь не почитают, – отозвался Китиссор, – да и помочь нам сможет только среброногая

Афродита.

– Афродита! – в один голос воскликнули герои.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ясон. – Не думаешь ли ты, что она вооружит нас стрелами своего сына?

– Ты догадался, – сказал Китиссор. – Достаточно и одной из них, которой Эрот уже попал в цель. Пока ты, Ясон, вел словесный поединок с Ээтом, я наблюдал за его дочерью, моей двоюродной сестрой Медеей, не спускавшей с тебя глаз. Уверен, что без Афродиты здесь не обошлось, и это сулит всем нам великую пользу. Знай, что Геката обучила деву варить зелья изо всего, что производит земля и Понт. Она постигла пути небесных светил и умеет возвращать к жизни мертвых.

– Что же ты предлагаешь? – перебил Ясон.

– Принести жертву Афродите и, если богиня ее примет, вам оставаться на месте, а мне идти во дворец и поговорить с Медеей.

Едва юноша произнес эти слова, как в небе показался голубь. За ним несясь коршун. Подлетев к Ясону, птица Афродиты спряталась в одеждах героя.

И поняли все, что сама Афродита вещала устами юноши и что можно надеяться на помощь царской дочери.

Оставшись одна, Медея открыла резной ларец и вынула ракушку, наполненную коричневатой мазью. Не отводя от нее взгляда, девушка вспоминала тот солнечный день, когда она, карабкаясь по отвесным скалам, вдруг увидела то, за чем шла, что искала: растение на высоком стебле, напоминавшее узкими листьями и цветами шафран, но имевшее не синевато-фиолетовый, а огненно-красный цветок. Такого растения не было нигде в мире, кроме той части Кавказа, над которой пролетал орел, терзавший печень Прометея. Капли крови стекали с кривых когтей на землю, и в месте их падения вырастали такие цветы. Их сторонились птицы и звери. И девушке также было страшно прикоснуться к пылающему цветку. Закрыв глаза, она провела по стеблю ножом. И в это же мгновение что-то над ней задвигалось, послышался стон, многократно повторенный эхом.

С величайшим трудом, боясь оступиться и повредить драгоценную добычу, Медея спустилась в долину и дождалась ночи, опасаясь, что кто-нибудь в городе или во дворце может увидеть ее с цветком. Месяц спустя, когда цветок высох, она растолкла его лепестки в ступе, а порошок смешала с целебным змеиным ядом. Потом она опробовала действие мази на себе. Намазала ею руку по локоть и сунула в пылающий очаг. Она не почувствовала жара. Мазь обладала удивительным свойством защищать от ожога. Но хватит ли ее на могучее тело Ясона?

Медея в роскошных восточных одеяниях и со шкатулкой со снадобьями в руках. Рядом с нею конь Амфитриты

Медея отложила ракушку в сторону и вдруг почувствовала, что на лбу проступает испарина. «Я проверяла действие мази в чистом пламени алтаря, – подумала она с ужасом, – но Ясона обожжет пламя волшебных быков. Не погибнет ли он жалкой смертью на пашне Ареса?!»

Медея бросилась на постель и призвала к себе послушный ей сон. Но сон противился ее воле. Тело сжигало огнем. Отчаяние сменялось ослепительной радостью, а радость – жгучим стыдом. Неудержимо хлынули слезы. «Что со мной? – думала девушка, не находя себе места. – Кто мне этот чужеземец, явившийся за сокровищем отца? Пусть он погибнет на ниве Ареса, если так распорядилась судьба. Нет! Нет! Пусть уезжает подальше от моих глаз. Но как мне без него жить! Не лучше ли принять яд и положить конец мучениям?»

Она вскочила и, подбежав к ларцу с зельями, стала искать яд, дарующий мгновенную смерть. Но вдруг ее охватил страх. Затряслись руки. Стеснило дыхание. В памяти всплыли лица милых подруг, луг в весенних цветах, силуэт далеких гор. Она явственно увидела себя в погребальном саване, услышала притворные вопли плакальщиц у открытой могилы.

Нет! Нет! Она рванулась к двери, приняв бледный свет Селены за рассвет. Служанки, не ведая ее тревог, мирно посапывали в прихожей.

Снаружи было еще темно, но светло стало в душе при одной мысли, что вскоре она будет ощущать дыхание чужеземца, впивать блеск его красоты.

– Дед мой Гелиос! – воскликнула она, вздымая вверх руки. – Что ты не гонишь своих коней? По тебе соскучились деревья и травы, птицы, мотыльки, чей век так краток. Но более всех истосковалась я. Помнишь, как я на круче срывала волшебный цветок и ты один поддерживал меня взглядом? Теперь в этом цветке, превращенном в мазь, спасение для того, кому имя Ясон. Слепи его врагов, Гелиос! Повергни их к его ногам, как красота чужеземца повергла меня, заставив забыть девичий стыд, мать с отцом и брата.

Взяв в руку бич, Медея взошла на повозку, где уже находились служанки, и мулы понеслись. Путь лежал через город, и все, кто в этот ранний час видел царскую дочь, не мог отвести от нее взгляда. Встречный ветер шевелил ее золотые волосы. Глаза излучали такую ослепительную радость, словно дорога вела не в святилище богини мрака и чародейства Гекаты, а в храм угодного всем девам Гименея.

Город остался позади. Колеса, войдя в мягкую землю, перестали стучать, и стал слышен торжествующий гимн пернатых, приветствующих восход златотронного Гелиоса. Эти звуки заставили Медею забыть ночные страхи, наполнив все ее существо ликованием.

У бревенчатого строения, от древности наполовину ушедшего в землю, Медея остановила мулов и сошла на замощенную камнем площадку рядом с алтарем.

Приказав девушкам распрячь мулов и отвести их на луг, она добавила:

– Натешьте сердца песнями, а взор – луговыми цветами.

С этими словами она направилась к серебристому тополи, гордо взметнувшему к небу пышную крону. Устроившиеся в ветвях вороны шумно переговаривались, и Медея, понимавшая язык вещей птиц, прислушалась к их болтовне.

– Смотри! Вон там, у реки, двое. Один много раз посещал наш храм, а другой... В его руках лук, как бы не сбил он наших воронят.

– Он передает лук твоему знакомцу. Он задумал что-то другое.

Девушка вздрогнула, поняв, что вороны увидели Ясона. А вот и он, прекрасный, как возникший из Океана Сириус, и такой же губительный. У Медеи замерло сердце, щеки зажглись горячим румянцем, колени охватила слабость. Когда Ясон приблизился, она не смогла ни раскрыть рта, чтобы ответить ему приветствием, ни протянуть ему руки. Ладони прилипли к бедрам. Таково колдовство любви, от которого, что бы ни говорили поэты и мудрецы, нет никакого спасения, никакого лекарства.

Ясону чувство это было неведомо. Но, убедившись, что царская дочь его любит, он радовался неожиданной помощи Афродиты. Уловив эту радость, осветившую прекрасное лицо Ясона, Медея не поняла ее причины. Но она смогла улыбнуться, а потом и заговорить – нет, не о своей любви, а о деле.

Передавая Ясону мазь, она впервые коснулась его руки. Он благодарно схватил ее ладонь и поднес к губам. Наверху закаркали вороны, как всегда сплетничая, но Медея не вслушивалась в их болтовню, чувствуя лишь торопливое биение своего сердца. А когда Ясон отпустил ее руку, она отвела его в сторону и прошептала:

– Помолившись Гекате, вылей из чаши на землю предназначенный ей мед и уходи поскорей,

не оборачиваясь, что бы ни услышал. Иначе нарушишь чары. Когда же наступит заря, обнажившись, натрись мазью и станешь могуч, как тот, из капли крови которого мазь. Натри ею свой щит. Выйдя на поле Ареса, присмотри камень побольше.

Она еще долго объясняла, а потом, замаявшись, сказала:

– Помни меня, если тебе удастся возвратиться в отчий дом. И я никогда тебя не забуду и буду гордиться, что помогла тебе избежать верной гибели.

– Я понял, – сказал герой, – твоя мазь, предназначенная для моего спасения, из крови Прометея, который рожден Иапетом в моей окруженной горами стране. У нас он основал первые города и воздвиг храмы богам, был первым нашим царем. Мою родину называют Гемонией. Знай же, дева, что в Иолке, Орхомене и в других городах Гемонии, где не слышали имени твоего родителя, будут помнить о тебе как нашей спасительнице. Теперь же нам пора разойтись, чтобы нас не опередил закат твоего лучезарного деда. Мне кажется, что он сейчас видит нас и желает нам новой встречи.

Выполнив предписания волшебницы, Ясон поспешил к полю Ареса, где его с нетерпением ожидал Ээт, окруженный свитой. Проверив, нет ли у героя меча или кинжала, царь передал ему сосуд с драконьими зубами и показал на край поля, где стоял наготове плуг со сверкавшим на солнце адамантовым лемехом.

С одним лишь щитом Ясон двинулся по полю, испещренному глубокими ямами от бычьих копыт. Вдали, там, где поле соприкасалось с лесистым холмом, по земле стлались струйки дыма, словно бы кто-то сжигал после зимней поры сырую листву. Приблизившись, Ясон разглядел отверстие, наполовину прикрытое ветвями. То, что он принял за дым, было паром, исходящим из бычьих пастей. В пещере медные быки Гелиоса проводили ночь.

Заслышав шаги Ясона, они вырвались наружу, обдав героя дыханием. Оно же не показалось ему горячим, хотя груди животных клочкотали, как котлы с водой, подвешенные над пылающими кострами. Герой схватил ближайшего из быков за шею. Остальные быки разом повернулись, из медных глоток вырвалось ослепительное пламя и закрыло Ясона. Всем со стороны должно было казаться, что герой сгорел, но через несколько мгновений он появился живой и невредимый вместе с быками, впряженными в плуг. Железные рукоятки плуга раскалились докрасна, а Ясон не отнимал от них рук, словно он сам был не из человеческой плоти, а из металла.

Когда поле покрылось ровными бороздами, Ясон распряг быков, и они стремглав понеслись в свою пещеру. Оставалось засеять борозды зубами дракона и ждать, когда вырастут воины. Ожидание было недолгим. Зашевелилась земля. Сначала, как стебли растений, показались засверкавшие на солнце медные наконечники копий, затем остроконечные медные шлемы, закрывавшие лица, медные руки, туловища и ноги в медных поножах. Но не стали они убивать друг друга (вот в чем обман Ээта!), а бросились все на Ясона.

Никогда бы не справиться Ясону с медным воинством, если бы не совет, данный Медеей. Схватив огромный камень, герой поднял его над головой и швырнул на середину поля. И сразу же меднодоспешные с грохотом развернулись и вступили в сечу, разя и убивая себе подобных. Немногих уцелевших в этой странной битве прикончил сам Ясон.

С ужасом и удивлением смотрел Ээт на чужеземца, совершившего невозможное. Разумеется, он и не собирался выполнять данное ему обещание, будучи уверенным, что кто-то раскрыл его тщательно скрываемую тайну обращения с медными воинами. С яростью возвратившись во дворец, он решил узнать и наказать предателя.

По выражению лица родителя Медея догадалась о его подозрениях и решила, не дожидаясь объяснения, покинуть отца. Еще издали она увидела пламя зажженного чужеземцами костра и летела к нему как на крыльях.

Герои шумно радовались победе Ясона и скорому возвращению на родину. Всегда верные данному слову, они и не подозревали, что царь может нарушить обещание. Услышав от гостьи, что придется добывать руно против царской воли, они, однако, не пали духом.

Было решено, что с Медеей пойдет Ясон, а остальные будут как ни в чем не бывало громко распевать песни, чтобы обмануть бдительность соглядатаев, которых царь непременно пошлет.

Облака закрыли Селену, и долина Дракона – так называли место, куда направились Ясон с Медеей – погрузилась во мрак. Но, приближаясь к священному дереву, можно было увидеть

нечто, испускавшее сияние, словно маленькое ночное солнце. Это было золотое руно, укрепленное на высоком суку. Ради него Ясон и его спутники проделали путь, полный опасностей и невероятных приключений. Теперь оставалось взять долгожданную добычу.

Но ведь долина не зря носила имя дракона. Чудище сохранилось не в легендах колхов. Оно, пережившее своих братьев, обходило дерево днем и ночью, готовое наброситься на каждого, кто к нему подойдет. Кости тех, кто позарился на золотое руно, образовывали вокруг дерева широкую белую полосу.

Изображенный на сосуде эпизод не известен из литературных источников. Полуживой Ясон находится в пасти колхидского дракона. Афина в полном вооружении сострадательно смотрит на него. Представляется, что, последовав совету богини, герой вошел в брюхо чудовища, чтобы поразить его изнутри, поскольку снаружи тот был защищен неуязвимой чешуей

Несколько мгновений Ясон, затаив дыхание, вслушивался в царапанье огромных когтей по утопанной земле и в громкое кваканье, вырывавшееся из груди дракона. Когда же он, сжав меч, сделал шаг вперед, на его плечо опустилась властная ладонь Медеи.

– Не надо! – шепнула она. – Дракон поднимет такой оглушительный рев, что он станет слышен и Прометею на вершине Кавказа.

Вскинув руки в молитвенном экстазе, призвала Медея бога сна Гипноса и, ощутив его присутствие, вылила из захваченных глиняных баночек волшебное снадобье, произнося шепотом заклятия.

Дракон остановился и завертел плоской головой на длинной гибкой шее.

На мгновение она замерла и стала медленно склоняться. Закрылись огромные, налитые кровью глаза, и вскоре туша опрокинулась, подминая росший за белым кругом кустарник.

Не теряя ни мгновения, Ясон оказался на спине чудовища, сорвал с сука золотое руно и, продев его под пояс, ловко спрыгнул на землю.

Подойдя к девушке, он сказал ей голосом, прерывающимся от радости:

– Не знаю, что бы мы делали без тебя. Ты – наша спасительница.

– Я не знаю, как я жила до того, как ты появился, словно спустившись с неба, – отозвалась девушка.

– Если так, то едем с нами! – молвил Ясон, обнимая Медею. – Я введу тебя во дворец Йолка моей супругой.

И они побежали что было сил к Фасису. Из города доносились звуки военных труб. Царь собирал войско, надеясь к рассвету вывести его к реке и уничтожить чужеземцев.

Герои были уже на корабле. Услышав приготовления Ээта к битве, они загасили костер и переместились на судно. Как только Ясон и Медея коснулись палубы, Анкей дал знак гребцам. Аргонавты подняли мачту и закрепили парус.

– Помогай, ветер! – крикнул Ясон, протягивая руки к восходящему солнцу.

Ударили весла по черной воде. «Арго», словно чувствуя опасность, летел, как камень, выпущенный из пращи. Еще до рассвета судно вышло из реки в открытое море.

И снова Анкей стоял у кормила. Снова темные волны Понта били о борт корабля, снова

оглушительно хлопали паруса, снова, но уже по левому борту, тянулся берег. «Арго» шел не в Колхиду за золотым руном, а возвращался с драгоценной добычей. На палубе слышался окрыленный женский смех.

И никто на корабле, даже прорицатель Мопс, не ведал, что флотилия Ээта, посланная в погоню за беглецами, пройдя не вдоль знакомого аргонавтам берега, а напрямую, уже находится на противоположном берегу Понта, около устья великой реки Истра. Когда же «Арго» приблизился к Истру, стало ясно, что обе стороны реки и острова заняты кораблями и бесчисленным войском колхов.

Поняли аргонавты, что им такого воинства не одолеть, и помрачнели. Посоветовавшись, решили вступить в переговоры с колхами, чтобы отдать им царскую дочь в обмен на беспрепятственное возвращение на родину.

Можно себе представить негодование Медеи, когда она узнала об их решении.

– Никогда я не думала, – кричала она, – что мужи могут быть такими трусами. Отдать меня, вашу спасительницу, на расправу отцу? Где ваша совесть?

– А что нам делать? – смутился Ясон. – У нас нет иного выхода! Отец тебя простит, но не нас.

– Вступайте в переговоры, – посоветовала Медея, – но не для того, чтобы выторговывать уступки. Надо заманить моего брата Апсирта. Я вижу, что это он привел флот.

– Что это даст? – спросил Анкей.

– Надо его убить, разрезать тело на части и бросить в море. Пока будут их вылавливать, мы уйдем далеко.

Не сразу согласились герои с этим чудовищным планом. Послышались возмущенные голоса:

– Лучше погибнуть самим, чем жить с клеймом предателей!

– Пусть она сама убивает своего брата!

– Я это сделаю! – твердо сказала Медея и, обратившись к Ясону, добавила: – А ты мне поможешь!

После страшного преступления аргонавтам удалось уйти от погони. Но всевидящий Зевс от них отвернулся. Вделанный в корму «Арго» кусок додонского дуба от имени Громовержца объявил аргонавтам, что им не вернуться в Иолк, если они не очистятся от преступления у волшебницы Кирки, дочери Гелиоса, сестры Ээта.

Пришлось изменить маршрут. Чтобы попасть к Кирке, необходимо подняться на север по Эридану, встречающемуся с Роданом, а по Родану спуститься к озерам, соединяющимся с Тирренским морем. Обогнув огромный залив, берега которого заселены лигурами, «Арго» сделал первую стоянку у острова Эфалии, над которым днем и ночью поднимался дым медеплавильни. Починив весла и набрав воду, аргонавты поплыли на юг, к острову волшебницы Кирки, умеющей превращать людей в животных. Причалив, Ясон приказал никому не спускаться на берег, а сам с Медеей направился в глубь острова. При виде людей животные, наполняющие лес, подбежали к ним, сопровождали их до дворца. В другое время Медея, может быть, и побеседовала бы с какой-нибудь свиньей или собакой, чтобы расспросить об ее человеческом прошлом, но теперь было не до того.

Кирка приняла Медею и ее спутника как желанных гостей. Ведь девушка обратилась к волшебнице на родном для нее колхском языке, сразу же сообщив, что она ее племянница, внучка Гелиоса. Затем она как женщина женщине рассказала историю своей любви, поведала о бегстве из Колхиды и преследовании колхским флотом. Но, дойдя до убийства брата, разрыдалась и не могла больше говорить.

Поняла Кирка, что перед нею великие преступники. Это не помешало ей очистить Ясона и Медею от пролитой крови. Но она приказала им немедленно покинуть остров, чтобы не осквернять его землю.

По поручению Геры заботу об «Арго» взяла на себя Фетида. Перед аргонавтами открылось море сирен, губительниц мореходов. От страшной опасности спас героев Орфей, пропевший одну из самых прекрасных песен. Заслушавшись его, они не обратили внимания на призывы сирен. Один лишь Бут бросился в море, но не достиг скалы сирен благодаря Афродите и стал основателем города Либлибея в Тринакрии.

Проплыв между Сциллой и Харибдой, корабль достиг страны феаков. После всех опасностей и переживаний было приятно, оставив корабельные скамьи, сойти на острове феаков и прибыть во дворец гостеприимного царя Алкиноя. Но вскоре показались паруса огромного флота Ээта. Посланцы царя требовали выдачи Медеи, грозя иначе взять ее силой.

И припала тогда Медея к коленям супруги Алкиноя, умоляя ее о спасении. Решили призвать на помощь Гименея. Той же ночью во дворце совершилась брачная церемония, а наутро Алкиной объявил посланцам царя, явившимся во дворец за ответом, что Медея – супруга Ясона и отец потерял над нею власть.

С этих пор смертные уже не угрожали аргонавтам. Но им не раз еще приходилось испытывать гнев небожителей. В Ионийском море, когда уже было рукой подать до Пелопоннеса, яростно подул Борей. Подхватив «Арго», как щепку, он девять дней и ночей гнал корабль по бушующему морю, пока не выкинул на пустынный песчаный берег.

Герои сошли на сушу и долго бродили в поисках людей, которые помогли бы освободить судно из песчаного плена. Вокруг не было никого, кроме крикливых морских ворон, кружившихся над «Арго». Языка птиц этой земли не понимала даже Медея.

Потеряв надежду на чью-либо помощь, аргонавты в отчаянии опустили на песок, прикрыв головы от палящего солнца краями одежды. Ясон уже задремал, когда вдруг почувствовал, что кто-то теребит край гиматия. Откинув его, он увидел трех темноколых дев с козлиными шкурами на плечах. Одна из них, наклонившись, посоветовала не предаваться унынию, а воздать почет матери, которая носила всех в своем чреве. «Понесите ее, как она вас! – закончила дева. – Последуйте за конем Амфитриты».

Девы исчезли внезапно, так же как появились. Ясон сразу же разбудил друзей и рассказал о видении. Долго ломали герои головы, силясь понять, о какой матери и о каком коне говорила нимфа.

Но вдруг из моря выплыл огромный белый конь с золотой гривой. Выскочив на берег, он понесся в том же направлении, в котором Борей гнал «Арго».

– Я догадался! – воскликнул Ясон, шлепнув себя ладонью по лбу. – Матерью нимфа назвала наш «Арго». Ведь он нас носил во чреве. Поднимем его и понесем в направлении, указанном конем.

О том, что Ясон правильно понял волю богов, стало ясно по легкости, с какой герои вытащили из песка судно и взвалили его на плечи.

Двенадцать дней и столько же ночей длился переход по Ливийской пустыне. Раскаленный песок обжигал ступни. Жажда иссушала гортань. Невыносимо болела голова. Сухие губы потрескались. Станные видения отягощали мозг. То и дело на горизонте показывались холмы, покрытые деревьями, струящиеся реки, но стоило приблизиться к желанному берегу, как он растворялся в колеблющемся воздухе. Но страшнее всего были змеи. Казалось, будто какой-то враждебный бог собрал их со всей Ливии, чтобы помешать героям достигнуть цели.

Вряд ли кто-нибудь остался бы в живых среди этого полчища гадов, если бы не Медея. Идя первой, она телодвижениями и речью завораживала змей, заставляя их отползать в стороны и поднимать головы, словно приветствуя пришельцев. Им пришлось идти по коридору, образованному тысячами змей.

И все же прорицатель Мопс наступил на одну зазевавшуюся гадину. Она ужалила его в ногу. Прощаясь с друзьями, герой, прославившийся в битве с кентаврами и Калидонской охоте, поведен, что ему суждено было умереть от укуса змей и никто, даже сама Медея не могла предотвратить эту кончину.

На следующее утро скитальцы еще издали увидели струящуюся реку. Это было не обманчивое видение, а настоящая река с берегами, поросшими камышом, с животными, шедшими на водопой. Сняв с плеч корабль, путники спустились к реке и пили, черпая божественную влагу ладонями.

Река привела аргонавтов к большому озеру. Впервые за много дней они опустили «Арго» не на песок, а в его родную стихию и дали отдых своим плечам. Об этом озере герои слышали еще у себя на родине и знали, что оно называется Тритонидой. Никому из смертных еще не удавалось его увидеть. Никому не известно, соединяется ли оно с морем, а если есть путь, доступен ли он для «Арго».

Решили принести жертву богу озера. В волны бросили медный треножник, проделавший путь от Иолка. Едва жертва скрылась под водой, как оттуда поднялось, помахивая зеленой головой, страшилище с пастью, усеянной острыми зубами.

В ужасе отпрянули аргонавты от борта. Тритон же, простирая покрытую чешуей лапу, прохрипел:

– Там выход к морю. Мое озеро соединяется с ним узким проливом. Гребите за мной, а по проливу я вас потащу.

Герои взялись за весла, а когда достигли прохода, бросили за борт канат, замотав его конец вокруг мачты. Схватил Тритон канат зубами и повлек судно. Пролив был настолько узок, что весла упирались в его берега.

В открытом море Тритон, взмахнув своим дельфиньим хвостом, погрузился в пучину. Радостным криком приветствовали аргонавты родную стихию, забыв, сколько она принесла им бед. Высадившись на берег, они воздвигли алтари в честь своих спасителей – Посейдона и сына его Тритона. Отдохнув на суше, утром они взошли на «Арго» и поплыли, гонимые Зефиром.

Десять дней длилось плавание по густокудрому морю. Мореходы не знали забот. Посейдон охранял «Арго» от бурь, подводных камней и мелей. И все же не сумел он предотвратить преграды, что стали на пути героев.

Держа курс на гору Дикте, «Арго» входил в тихую бухту. Вот-вот они высадутся на берег и погрузят потрескавшиеся от жажды губы в ледяные струи ручья. Но вдруг, словно с неба, обрушились огромные камни.

– Талос! – вскрикнул Анкей, показывая на утес.

Огромное тело великана можно было принять за сосну и по росту, и по медной окраске. Давно уже не было на Крите Европы, которую Зевс поручил охранять Талосу, а медное чудище продолжало обходить остров, препятствуя высадке мореходов.

Знали аргонавты, что Талос несокрушим, но в одном месте его тела, у лодыжки, имеется вместо меди тонкая кожа. Если попасть в это место, из единственной его жилы вытечет кровь цвета свинца. Но кто на таком расстоянии сумеет угодить в него стрелой?!

Анкей уже разворачивал кормило, когда за спиной послышался голос Медеи:

– Отведи корабль немного подальше, чтобы ничто ему не грозило, и закрепи на якорных камнях. Найдется у меня средство и против того, кто прикрыт медью, но не бессмертен, как бог.

Пробравшись по настилу между лавок, где сидели на веслах аргонавты, к носу, близ которого находился Ясон, Медея впиалась в Талоса взглядом и запела. Голос ее наполнил пространство, струясь из губ, словно яд. Затих ветер, застыли травы. Медея призывала духов, незримо витавших среди живых в собачьем облике.

Талос вдруг зашатался. Так растущая на утесе сосна, корни которой обнажены ветрами, качается долго со скрипом и вдруг, бездыханная, с шумом валится в море.

Всю ночь провели герои на Крите вблизи пещеры, считавшейся местом рождения Зевса. Впрочем, по мнению других, он родился в другой пещере, на горе Иде.

Едва появилась колесница зари, аргонавты воздвигли алтарь в честь Афины Минойской, набрали воды и взошли на корабль, чтобы покинуть остров до начала волнения моря. Путь их лежал к Эгине.

Знакомый всем до сердечной дрожи зубчатый силуэт Пелиона вызвал на палубе бурную радость. Препятствия позади! Еще немного, и можно будет ступить на твердую землю, обнять близких. Наверное, потеряли они всякую надежду на встречу!

Но нет! Их помнят! Гавань заполнилась людьми, узнавшими издалека если не мореходов, то корабль, равного которому еще не держало море в своих объятиях. Чем ближе берег, тем явственнее волнение встречающих. В приветственных жестах вскинуты руки. В воздух взлетели петасы. «Арго» развернулся и коснулся левым бортом мола. И еще не успели сбросить к просмоленным столбам корабельные канаты, как Ясон спрыгнул на берег. В его руках шкура, словно расшитая золотыми колечками. Он развернул ее и вскинул над головой.

Агора и все улицы до акрополя, где высится царский дворец, огласились громовыми криками: «Золотое руно! Золотое руно!»

Вот уже вся команда на берегу. К мореходам подбегают, целуют, стискивают в объятиях. Ясон ищет нетерпеливым взглядом отца и братьев. Кто-то из толпы говорит: «Не жди! Их убил Пелий». Нет, не так представлял себе Ясон возвращение в Иолк! Он мечтал познакомиться отца и братьев с молодой женой, ввести ее во дворец.

Супруги поселились в доме одного из аргонавтов. Первые дни не было отбоя от посетителей. Все хотели разузнать о далеком Понте, об опасностях, ждущих мореходов на его далеких берегах, о ценах на лес и на рабов. С улыбкой объяснял Ясон, что ни разу не побывал на агоре и не приценился ни к одному товару, что в его мыслях было одно золотое руно.

Вскоре зачастили другие гости. Они шли к Медее. В городе распространился слух, что Медея – волшебница и может возвращать молодость. К ней тащили старых баранов и охотничьих собак, чтобы превратить их в ягнят и щенят. И конечно, слух об этих чудесах не обошел дворца. Дочери Пелия привели на веревке старого козла.

Медея (слева) произносит последние слова заклинания, и из котла выскакивает омоложенный баран. Одна из дочерей Пелия (справа) взволнованно простирает руку

Медея, орудовавшая во дворе, разожгла дрова под медным котлом. Выкрикивая непонятные слова, она бросала в закипавшую воду травы, привезенные из Колхиды. Когда из котла повалил пар, распространился аромат, которым, наверное, пропитан Кавказ. Обходя котел с пляской, Медея бросала в него части разрезанного ею козла. Прошло совсем немного времени, и из котла прямо в руки волшебницы выпрыгнул очаровательный белый козленок.

Ясон, бродивший по городу, увидел, как дочери его недруга несли козленка, ликуя, показывая его всем встречным.

Вернувшись домой, Ясон недовольно сказал Медее:

– Я бы на твоём месте не стал награждать этих дур козленком. Зачем отнимать у старого козла Пелия его четвероногого приятеля?

– Ты думаешь, – улыбнулась Медея, – дочерям Пелия нужен козленок?

Ясон вспомнил сказанное Медеей в гавани и понял ее хитрость. И в самом деле, вскоре явилась одна из дочерей Пелия и обещала Медее много золота и драгоценностей, если она вернет молодость царю. Долго торговалась Медея, во много раз возросла обещанная награда, прежде чем она наконец дала согласие.

На следующий же день после того, как был решен вопрос о цене, привели сестры трясущегося от старости Пелия.

Волшебница неторопливо разожгла дрова под котлом, бросила в воду травы, а разрезать старика предложила самим дочерям, объяснив, что это необходимо для успеха. Кое-как они справились с этим и сами же побросали в котел руки, ноги, голову и части туловища отца. Но сколько они ни ждали, что из котла выпрыгнет младенец или мальчик Пелий, этого не произошло – Медея бросила в воду не те травы.

Узнал о неудаче с омоложением Пелия его сын Акаст. Не мог он обвинить чужеземку в убийстве, ибо старца зарезали его сестры – Пелиады. Но волшебство, приведшее к смерти, явилось достаточным поводом для изгнания Медеи, а вместе с ней и Ясона из Иолка.

Долго странствовали по землям пеласгов и ахейцев изгнанники, отвергаемые всеми. Нашелся лишь один муж, который принял беглецов. Это был царь Эфиры Креонт, не испугавшийся чар Медеи. Супруги нашли в Эфире свой дом. Здесь у них родились близнецы, зачатые во время скитаний, а потом еще один сын.

Прошло десять лет, и Креонт стал замечать, что Ясон охладевает к Медее. Как-то во время дружеского посещения дворца на его пути оказалась юная царевна Главка. Ясон пленился ее красотой и, не долго думая, предложил Медее вместе с детьми покинуть Эфиру.

Страшным было горе Медеи. Она, любившая Ясона и родившая ему сыновей, никак не могла понять, как он решился на такое предательство. Во весь голос она вопила и звала в свидетели богов, что Ясон поклялся быть ей верным. Отказываясь от пищи, день и ночь Медея отдавала себя на растерзание мукам памяти. Кормилица пыталась привести к ней детей, надеясь, что это принесет успокоение, но Медея кипела злобой, видя в них отпрысков предателя.

Однажды в отчаянии она вышла к женщинам Эфиры, чтобы излить им свою душу. Рассказывая о себе, она рисовала горькую женскую долю, мало чем отличающуюся от рабской. Весть о том, что чужеземка бунтует женщин, достигла царского дворца. Креонт поспешил к Медее и объявил ей свою волю: она должна немедленно покинуть Эфиру. Изобразив показное смирение, Медея упростила царя дать ей день на сборы.

План мести Медея продумала до конца. Встретившись с Ясоном, она смиренно просила его убедить Креонта оставить в Эфире сыновей. Чтобы заручиться поддержкой невесты, она передала ей в дар дорогое одеяние и золотой венец. Не догадываясь, что они пропитаны ядом, Главка надевает их и гибнет в страшных муках. Погиб и Креонт, пытаясь оторвать одеяние, прилипшее к телу дочери. Желая доставить Ясону еще больше горя, Медея убивает детей и на колеснице, запряженной крылатыми драконами, уносится в небо.

Недолго после этого прожил Ясон в Эфире. Осунувшийся и постаревший до неузнаваемости, он покинул город, принеся ему столько мук. Его видели бродящим по горам. Пастухи поили его молоком, принимая за нищего. Выходя к морю, он питался скользкими моллюсками или выброшенными на берег раками. Однажды он оказался у полужанесенного песком судна. В его помутневших глазах вспыхнули огоньки. Он узнал «Арго», такую же никому не нужную развалину, как он сам. В потрясенной памяти ожила далекая юность. Он слышал хлопанье парусов, треск сталкивающихся скал, голоса друзей, видел воодушевленные надеждой лица. Где они теперь? Ушли ли в царство теней или, как он, доживают свой век, вспоминая о дерзкой молодости, промелькнувшей в виноцветном Понте, как пенный след их корабля?

С моря резко подул Борей. Зябко закутавшись в гиматий, Ясон опустился рядом со старым другом на влажный песок. Разыгравшаяся ночью буря разрушила корабль и погребла старца под его обломками. Так был наказан богами герой, воспользовавшийся колдовским искусством чужеземки и не сумевший противопоставить ей мужскую волю.

Троя и Троянская война

Троя – ведь это не двое, не трое.
Это пчелиный сцепившийся рой,
Занятый странной смертельной игрою
Прямо под Идой, священной горой.
Наше бессмертие – только лишь слово.
Троя и в этом великий пример,
Запах столетий далеких медовых,
И столкновение судеб и вер.

Героическое прошлое северо-западного угла Малой Азии, известного под именем Трояда, занимает исключительное место в мифах народов, живших на эгейском побережье полуострова, в том числе греков (ионийцев и эолийцев, а также балканских и островных греков). О том, что эти мифы имеют некую реальную основу, свидетельствует сама Троя, город, судя по археологическим данным, более древний, чем любой из центров материковой Греции (появление Трои датируется находками египетских изделий первой половины III тыс. до н. э.). На территории Трояды высится большое число погребальных холмов, часть которых могилы героев, известных исторической традицией или ей неизвестных. Ключевое положение Трои у проливов делало ее средоточием торговли с бассейном Понта Эвксинского, куда нельзя было попасть минуя Трою, разве лишь пролетев над нею на золотом баране, подобно Фриксу и Гелле. О торговом значении Трои в древнейшую эпоху свидетельствуют, кроме указанных египетских изделий, находки в ее слоях многочисленных предметов критского и кипрского ремесла. Торговые контакты, наложившие отпечаток на все стороны жизни троянцев, позволяют многое понять в мифах о Трое.

Троя, как стало ясно из археологических раскопок Генриха Шлимана и его последователей, была первоклассной крепостью, что, очевидно, обусловило легенду об участии богов в сооружении стен. Но богатство города – об этом также говорят раскопки – было так велико, что стены, даже сооруженные богами, не могли остановить соседей, жадных на чужое добро. За две с половиной тысячи лет до того, как холм Трои стал необитаем, на нем сменили друг друга более десяти городов, оставляя после себя слои пожара. Не обязательно каждое разрушение – свидетельство захвата Трои недругами. Трояда – район активной вулканической деятельности, и некоторые разрушения могут быть отнесены на счет буйства землеколебателя Посейдона.

Наивысший расцвет Трои относится ко времени господства на полуострове могущественной хеттской державы – соперницы Египта Нового царства. В хеттских документах она фигурирует как Илуса (Илион – другое известное грекам имя Трои). Точные сведения об отношениях хеттов и Трои, о возможных конфликтах между ними пока отсутствуют, но ученым все же удалось выявить хеттское влияние на греческую мифологию, проводником которого, скорее всего, была Троя. Аналогии обнаружены между греческим мифом о схватке Зевса со змеевидным Тифоном и хеттским мифом о битве бога грозы со змеем. В хеттских мифах упоминается гора Хацци, на которой отдыхал бог грозы после битвы с чудовищем. Эта же гора в Сирии, известная грекам под названием Касий, фигурирует в мифах как место сражения Зевса с Тифоном. В «Илиаде» упоминаются Страх и Ужас (Деймос и Фобос), запрягающие колесницу Ареса. Эти же Страх и Ужас, разумеется, в хеттском их звучании, названы в хеттском гимне Солнцу.

Своей славе в греческом мире Троя обязана «Илиаде», в которой долгое время видели безыскусный памятник народного творчества доклассовой эпохи. На самом же деле это произведение мастера, далекое от простого пересказа исторических преданий. Гомер был творцом художественной версии героического прошлого ахейцев и троянцев. Он использовал народные предания как материал, подлежащий переработке и переосмыслению. Сюжет поэмы (конфликт между предводителем ахейцев Агамемноном и величайшим ахейским героем Ахиллом, изменивший соотношение сил воюющих сторон) позволил Гомеру представить не только всех ахейских и троянских героев, но и некоторые народы, которые могли сражаться на той или другой стороне. Да и боги, равнодушно взиравшие с Олимпа, как герои скопом убивают вепря Артемиды, не оставались безучастными к «битве века». Таким образом, конфликт из-за похищения троянцем Парисом жены царя Лакедемона Менелая в изображении Гомера перерастает в столкновение, куда вовлечены не только все известные герои одного, а в некоторых случаях двухтрех поколений, но также посланцы

противоположных частей ойкумены – эфиопы и амазонки.

Сама грандиозность предприятия в новое время вызывала и продолжает вызывать сомнения в его реальности. Однако существуют не только косвенные, но и прямые доводы против историчности Троянской войны. Их выдвигают памятники древневосточной письменности – хеттской, древнеегипетской, сирийской, относящейся ко времени, к которому мифологическая традиция единодушно отнесла Троянскую войну (конец XIII – первая половина XII в. до н. э.). Эти заслуживающие доверия источники со всей очевидностью демонстрируют, что Гомер плохо представлял себе военно-политическую и этническую ситуацию в Малой Азии и во всем Эгейском бассейне времени Троянской войны. Достаточно сказать, что он не знал о хеттской державе. Вскользь упомянутые в «Одиссее» китейцы вряд ли имеют к хеттам какое-либо отношение. Не ведал Гомер и о грандиозном передвижении народов, обозначенных в египетских источниках как «народы моря». Среди них фигурируют известные эпосу и гомеровским гимнам ахейцы, данайцы, тирсены (тиррены), пеласги, ликийцы. Эти народы опустошили Малую Азию, сирийско-финикийское побережье, долину Нила и обосновались на побережье южнее финикийских городов Тира и Сидона, где они известны Библии как филистимляне (отсюда античное и современное название Палестина). Вполне возможно, что смутные сведения о передвижении этих народов стали исторической основой для мифа о Троянской войне. Троя фантазией поэта превращена в магнит, притягивающий воинственных пришельцев с Балканского полуострова и островов Эгейского моря, хотя на самом деле им был Египет.

В то же время Гомер не ошибался в определении одной из враждующих сторон восточносредиземноморского конфликта. Те, кого он называл ахейцами, соответствовали известной из хеттских документов державе Аххиява, цари которой сносились с хеттскими царями эпохи хеттского могущества в Малой Азии. Столица этой державы неизвестна, но не исключено, что это Микены, хотя существуют и другие точки зрения – что это Милованда (Милет) или Троя. В последнем случае другой конфликтующей стороной могла быть хеттская держава с ее столицей Хаттушашем или Ликия со столицей Тевфранией.

В давние времена на острове Самофраке, что в Эгейском море, жили два брата – Ясион и Дардан, сыновья Зевса от местной нимфы Электры. Ясион возжелал богиню Деметру и за это был сражен отцовской молнией. Опротивел после гибели брата Дардану родной остров, и он переселился на Азиатский материк, на берег Мизии, где, сливаясь, как близнецы, несут к Геллеспонту воды Скамандр и Симоент.

Правил там царь Тевкр, сын Скамандра и нимфы Идэи. Оказал Тевкр пришельцу гостеприимство, дал ему в жены свою дочь Батизю, а вместе с нею в приданое часть Троянской долины. Здесь он основал поселение, названное по его имени Дарданийей.

У внука Дардана Троса было три сына – Ил, Ассарак и Ганимед (тот самый, которого за красоту взял на Олимп Зевс, даровав в утешение отцу божественных коней).

Ил был смелым и могучим воином. Прослышав, что царь Фригии объявил для героев игры, он отправился во Фригию и одержал победу во всех видах состязаний. В качестве награды ему досталось пятьдесят юных невольниц и столько же невольников. Прощаясь с юношей, царь передал ему пеструю корову и сообщил повеление оракула: построить город на том месте, где ляжет эта корова.

Вернувшись на родину, Ил пустил вещую пеструшку пастись на берега Скамандра, издали наблюдая за нею. Побрела корова на север и улеглась на холме Аты Фригийской – здесь когда-то упала на землю та самая богиня обмана Ата, которую Зевс в сердцах скинул с Олимпа.

Не слишком доверяя корове, благочестивый Ил обратился с мольбой к Зевсу, чтобы он подтвердил правильность ее выбора. На следующее утро жрецы нашли в окрестностях изображение Афины Паллады с копьем в руке – палладий, знак того, что будущий город угоден Зевсу и его дочери Афине.

Теперь Ил без колебаний начал строительство города, получившего по его имени название Илион. Во время царствования Ила стенами была окружена лишь та часть Илиона (или, как его еще называли, Трои), которая находилась на вершине холма. Тогда же был возведен храм Афины, куда жрецы торжественно водрузили палладий. В конце правления Ила в храме вспыхнул пожар. Ил сам вытащил палладий из огня, после чего ослеп – не могли видеть непосвященные эту святыню.

Ила сменил на престоле его сын Лаомедонт, человек мужественный, неукротимый, честолюбивый и в то же время лживый. Незадолго до того Посейдон и Аполлон подняли против Зевса мятеж, и он в наказание послал их на землю с тем, чтобы они помогли

Лаомедонту возвести стену, которая должна была защитить возлюбленный им город от недругов. Лаомедонт пообещал богам вознаграждение. По прошествии года, когда бессмертным было разрешено вернуться на Олимп, они пришли к царю за расчетом. Но он прогнал их, пригрозив, что отрежет уши и продаст как рабов на далекие острова.

За это наслал Аполлон на Трои чуму, а Посейдон – морское чудовище, которому царь должен был отдать на съедение дочь Гесиону. Девушку освободил Геракл. Поскольку Лаомедонт не расплатился и с ним, герой не долго думая разрушил Трою, убил царя и его сыновей, оставив жизнь одному Приаму. Но на том, как стало ясно из последующих событий, гнев богов не был исчерпан.

При Приаме, согласно мифам, Троя оправилась от разрушений и стала одним из прекраснейших городов, какие только знала ойкумена. В пространстве, огороженном стенами, появился величественный дворец, в котором поселился Приам вместе с молодой супругой, фригийяной Гекабой.

Многодетность рассматривалась как дар богов, но она же бывала и их карой: среди многих чад одно могло оказаться недостойным, несущим гибель родителям, братьям и сестрам. Гекаба родила Приаму девятнадцать детей. Славой царской семьи был первенец Гектор, ее несчастьем и позором – младший из сыновей.

Боги, звавшие заранее судьбу Трои, послали Гекабе знамение, что последним она родит факел, который превратит Трою в пепел. Задуть бы Гекабе этот факел, как уголек, выпавший из очага. Но слепо материнское сердце, и никто еще из матерей не решился погасить жизнь одного, несущую смерть многим. Сохранила Гекаба жизнь младенцу, приказав отнести его на гору Иду. А что сказать о медведице, которая нашла младенца и не наложила на него когтистую лапу, а поднесла к вопящим от голода устам сосцы? Ведь медведям боги не посылают знамений, и нет на ней вины!

Пастухи же, увидев медведицу, вскармливающую младенца, приняли это за знамение Артемиды, решив, что из найденныша вырастет герой еще более могучий, чем сын Геракла Телеф, ибо Телефа выкормила робкая лань, а его – медведица. Пастухи нарекли найденныша Александром, что на языке греков (наверное, пастухи были греками) означает «Отражающий мужей», хотя ему суждено было стать привораживающим жен и вместе с тем навлекающим на город беды.

Еще в юности красота Александра привлекла нимфу Ойнону. Вскоре у влюбленных появился сын Кориф, более прекрасный, чем отец, и поэтому впоследствии убитый им из ревности. Но и это простила нимфа возлюбленному; и безоблачною была бы жизнь Александра, если бы не появились перед ним богини-спорщицы, уверенные, что только писанный красавец сможет решить, кто из них самая привлекательная. Сделав юношу судьей в своем споре, богини потребовали, чтобы лишь одной из них он вручил яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Все три были столь ослепительны, что Александр не сумел сразу сделать выбор. И тогда Гера обещала растерявшемуся пастуху власть и несметные богатства, Афина – мудрость и военную славу, а Афродита – самую прекрасную из женщин ойкумены. И отдал Александр без колебаний яблоко Афродите.

Обещанную награду – Елену – можно было получить, отправившись за ней в Пелопоннес. Напрасно Ойнона отговаривала любимого от путешествия. Александр пренебрег данным ею советом – он счел его обычной женской ревностью, не ведая, что нимфы наделены даром предвидения. Простилась очарованная красотой нимфа с Александром, не тая к нему зла. Она даже обещала оставаться его целительницей.

Суд Париса. Посередине сидит Парис, направо от него – Афина и Гера, налево – Афродита с Эротом (роспись на сосуде)

Однажды Приам объявил во всеуслышание о погребальных играх и о награде для победителя – прекрасном быке. Эту весть принесли пастухи, и Александр не преминул испытать свои силы. Выросший в лесу, он одолел всех, вызвав ярость одного из сыновей Приама, бросившегося на чужака с мечом. Спасаясь от него, Александр побежал к алтарю Зевса и обхватил его руками. Тут Кассандра узнала в умоляющем брата, и обрадованные родители, несмотря на предостережения дочери, ввели его в дом.

Александр, ставший из лесного бродяги троянцем и царским сыном, получил имя Парис. Этот античный герой – всецело творение Гомера. Полагают, что в догомеровском эпосе Парис – главный защитник Трои. У Гомера же он изнеженный и самолюбивый красавец (несмотря на юность, проведенную в лесу), легкомысленный искатель приключений и трус. Его главное оружие лук, ибо разить стрелами можно издали, не подставляя мечу тело. Парис обладает даром слова, чтобы находить оправдания своим порокам. Таким Парис должен был стать, чтобы еще более оттенить беспримерное мужество Гектора. Гектор называл Париса трусом и сурово осуждал похищение Елены:

– Лучше бы ты не родился, чем служить нам позором! Лучше бы тебя троянцы побили камнями за все беды, которые ты на нас навлечешь!

Впрочем, Гектор, несмотря на суровое осуждение Париса, не враг ему. Мало ли что вырвется во гнев? Все же родная кровь. Несдобровать тому, кто бы поднял на Париса руку. Ибо завещано от века идти брату за брата, и проклят богами тот, кто поднимет на брата меч! Братская поддержка крепче стен Трои! Такова этика героического эпоса. Не за славу свою бился Гектор с полчищем недругов, он защищал отца и мать, братьев и сестер, юную супругу Андромаху, Елену, ставшую ему названной сестрой! Попробовал бы кто выдать Елену осаждающим, чтобы дать Трое мир! Не пощадил бы его Гектор, защитник чести родного города и ее невольник.

Даровала судьба сестре Гектора и Париса, синеокой и пышнокудрой Кассандре, красоту и мужество, но лишила ее счастья. Девушку полюбил Аполлон и клятвенно обещал ей пророческую силу. Когда же Кассандра, приняв этот дар, не захотела с ним сблизиться, он сделал так, чтобы никто не понимал предсказаний Кассандры и не верил им.

Вложил Аполлон в грудь девственницы и высокий поэтический дар. Речь ее, насытившись образами и сравнениями, приобрела необычайную свежесть и глубину. Будь в толпе, перед которой кликушествовала Кассандра, поэты, они бы назвали ее десятой музой. Но не посвященным в поэтические тайны Аполлона речь Кассандры казалась сумбурной, лишённой мысли, бредом. Некоторые считали, что перед ними не дочь Приама, а чужестранка, принявшая ее облик. Они крутили головами, словно бы ища толмача, всегда сопровождающего иноземцев. Но так как его не оказывалось, они делали знаки, не оставлявшие сомнений, что считают девушку безумной.

Чем ярче и вдохновеннее Кассандра вещала о ближайших или грядущих бедах родного города, тем отчетливее она улавливала в глазах слушателей жалость, порой соединенную с оскорбительной насмешкой. Такова была кара Аполлона, которую в будущем назовут трагедией непонимания. Сколько раз люди, наделенные умом и даром предвидения, предупреждают о последствиях того или иного шага. Но кто им верит? Ослепленная своими страстями, отупевшая в своем невежестве или одураченная жрецами, толпа осмеивает и забрасывает провидцев камнями. Вот почему в древности считали, что нет ничего ужаснее, чем предвидеть беду и не суметь ее предотвратить.

Трагедия Кассандры – это также трагедия женщины, которой во все времена человеческой истории приходилось труднее, чем мужчине. Она подчас умнее и тоньше своего брата или супруга, но ее не принимают всерьез: она слаба и не может постоять за себя. В древности говорили: «Не слушай женщину!», или: «Выслушай, а сделай наоборот».

Придя в себя после потрясения, вызванного похищением супруги, Менелай поспешил в Микены, чтобы обсудить с братом, как вернуть Елену и отомстить похитителю. Было решено собрать героев, давших клятву помогать супругу дочери Тиндарея.

Начали с Мессении, ибо она граничила с Лакедемоном, а ее царь Нестор считался самым опытным и уважаемым среди живущих героев. Нестор поддержал решение братьев о войне с Троей и сам вызвался их сопровождать. На призыв сразу же отозвались Диомед, сын Тидея, царствовавший в конеобильном Аргосе, Филоктет, обладатель лука и стрел Геракла, Паламед, сын Навплия, Идомей, внук Миноса, два Аякса (один сын Теламона, другой – Оилея из

Локриды).

Менелай

На остров Итаку братья Атриды и Нестор прихватили с собой Паламеда, ибо только изобретательный сын Навплия мог перехитрить Одиссея, отлынивавшего от войны. Хитрец, притворившись безумным, запряг в ярмо вола с ослом и разбрасывал в борозды горстями соль. Паламед выхватил у кормилицы младенца Телемаха, завернутого в пеленки, и положил на борозду. Одиссей остановил плуг, обнаружив свое притворство. Пришлось и ему натягивать доспехи и идти воевать вместе со всеми.

Надо было во что бы то ни стало добиться участия в войне могучего Ахилла. Здесь пришлось иметь дело с хитростью его матери Фетиды. Зная о грозящей ему после свершения величайших подвигов гибели, Фетида укрыла любимого сына на острове Скиросе, поместив его во дворце Ликомеда вместе с царевнами. Местонахождение героя указал Менелая прорицатель Калхант, а отправились на Скирос Диомед с Одиссеем. Принужденный участвовать в войне, царь Итаки стал деятельнее других добиваться, чтобы к ней были привлечены все.

Явившись во дворец, Диомед и Одиссей разложили перед царевнами дары: вышитые золотом материи, серьги, браслеты, ожерелья и среди них оружие. Веселой гурьбой подбежали девушки к нарядам, стали их разворачивать, примерять украшения. Одна же девица, не двигаясь с места, пожирала глазами меч, щит и панцирь.

Нестор, царь Пилоса

Вдруг послышались боевые звуки. Это находившиеся в укрытии спутники героев подули в трубы. Царевны, подняв крик, как стая, в которую влетел ястреб, кинулись врассыпную, а девица, стоявшая отдельно, одним прыжком рванулась к оружию и стала натягивать панцирь.

– Здравствуй, Ахилл! – сказал Одиссей, широко улыбаясь. – Боец остается бойцом, даже в женском наряде. Это доказал Геракл, которого царица Омфала обрядила в свои обноски.

– Я повиновался матери! – неуклюже оправдывался юноша. – Теперь же, когда вы меня нашли, я иду с вами! Клянусь Гераклом, меня никто не остановит.

Погоди еще, родная... Если я угодна в жертву
Артемиде, разве спорить мне с богиней подобает?...
Что за бред!... О, я готова... Это тело – дар отчизне,
Чтобы прах ее могильный стал надолго мне курганом.
Все мое в том прахе будет: брак и дети, честь и имя...
Еврипид (пер. И. Анненского).

На многих сотнях кораблей двинулись герои к Трое. Первая остановка в Авлиде, на берегу узкого пролива, отделяющего Беотию от острова Эвбеи, оказалась неожиданно долгой. Подул яростный Борей. При таком ветре в открытое море не выйдешь. Разбросает корабли или разобьет о скалы.

Бесконечно долгое ожидание всегда ведет к брожению умов. Воины роптали, многие уже готовы были вернуться на родину. Решили обратиться к прорицателю Калханту. Тот объяснил, что Борей послан Артемидой, разгневанной на Агамемнона, поразившего ее лань. Единственная возможность умиловить богиню – принести ей в жертву юную дочь Агамемнона Ифигению.

Услышав этот приговор, Агамемнон был готов вообще отказаться от похода. С какой стати он должен убивать свою любимицу из-за Менелая и его Елены?! Незачем было ему оставлять Елену с чужеземцем! Но Менелай с необычным для него красноречием убеждает брата, что жертва необходима, иначе восстанет войско, рвущееся в бой, и несдобровать тому, кто ради одной девушки готов пожертвовать интересами всех. Уступив Менелая, Агамемнон отправляет гонца в Микены, чтобы сообщить, будто Ахилл не желает отправиться в поход до тех пор, пока не обручится с Ифигенией. Но вскоре, в отчаянии, он посылает раба с письменным приказом: Ифигении оставаться в Микенах.

Менелая удается задержать раба и прочитать послание. Встреча между братьями мгновенно превращается в ссору. Менелай обвиняет Агамемнона в непоследовательности, Агамемнон Менелая – в наглости и своеволии:

Посмотри, на что похож ты: горло гнев тебе спирает, Глаз белки налились кровью: что, скажи, с тобою случилось? Ты обижен? Ты ограблен? Не осталось жен для ложа? Иль за это мы в ответе, что тебе приобретений Воротить твоих не можем...

Но вот появляется гонец, сообщая братьям великую радость: прибыли на свадьбу Ифигения с матерью Клитемнестрой и с младенцем Орестом и отдыхают после долгой дороги на берегу моря. После ухода гонца беседа братьев возобновляется. Агамемнон, забыв о ссоре, делится с близким человеком переживаниями. Как поднять нож на девушку, явившуюся на свадьбу?! Как сделать свидетелями жертвоприношения мать и младенца? Менелай уже не настаивает на принесении в жертву племянницы, принимая довод брата, ранее вызвавший у него ярость:

Да, наконец, чего же я ищу? Жениться вновь? Что ж, иль невест завидных Эллада мне не даст?

Теперь уже Агамемнон, видя сочувствие и понимание брата, приходит к убеждению, что обратного пути нет и что он не вправе отвести нож, занесенный над дочерью. Он идет сообщить Калханту о приготовлении к жертвоприношению.

И в это время появляются мать и дочь, счастливые и радостные. Клитемнестра мечтает познакомиться с будущим зятем, Ифигения хочет прижаться к груди отца. Только младенец Орест сладко дремлет, не ведая, что вот-вот, знатный от рождения, он станет еще знатнее, породнившись через сестру с богиней Фетидой. Ифигения уходит в шатер, а Клитемнестра идет навстречу юному воину, вступившему в перебранку со стражей. Он требует объяснить, где Агамемнон, виновный в задержке войска. Стражи почтительно называют его Ахиллом.

Ахилл

Клитемнестра, вступив в беседу с предполагаемым зятем, выясняет, что он и не подозревает о браке. Раб, которого отправляли в Микены, объясняет истинную причину вызова девушки в Авлиду. Клитемнестра потрясена коварством супруга. Обескураженный Ахилл удаляется, поклявшись, что никто даже пальцем не коснется Ифигении. Мать ее встречает Агамемнона, не ведающего, что его умысел раскрыт, градом упреков, вспоминая все его прежние прегрешения и собственные заслуги. Ифигения не упрекает горячо любимого отца, она обращается к нему с мольбой:

Я здесь, отец, у ног твоих, как ветка, Молящих дар, такая ж, как она, Я хрупкая, но рождена тобою. О, не губи безвременно меня! Глядеть на свет так сладко, а спускаться Глядеть на свет так сладко, а спускаться В подземный мир так страшно, – пощади!

И тут Агамемнон исторгает из уст единственные слова, которые могут убедить дочь принести себя в жертву:

Дитя мое! Не Менелая волю, Как раб, творю... Эллада мне велит Тебя убить... Ей смерть твоя у годна. Хочу ли я иль нет, ей все равно; О, мы с тобой ничто перед Элладой; Но если кровь, вся наша кровь, дитя, Нужна ее свободе, чтобы варвар В ней не царил и не бесчестил жен, Атрид и дочь Атрида не откажут.

Ифигения доказывает, что она не «хрупкая ветка», оправдывая свое имя («Рожденная силой»). В наступившем молчании девушка подходит к алтарю и обнажает грудь для удара. Но едва Калхант поднял жертвенный нож, как Ифигения растворилась в воздухе. Вместо нее на алтаре оказалась лань, которую, как все это понимали, послала Артемида. Ибо и она, жестокосердная, с восхищением смотрела на девушку, которая была характером сродни ей самой.

В тот же миг переменился ветер. Авлида заполнилась гулом голосов, топотом копыт, плеском вытаскиваемых из воды якорных камней, хлопаньем парусов. Огромное войско поднималось на корабли, спеша использовать попутный ветер.

Троянские лазутчики на прибрежных островах зорко следили за передвижением огромной армады. И когда крутобокие корабли подкрались к побережью Трои, их встретили вооруженные до зубов защитники Илиона во главе с Гектором. По равнине, перед стенами великого города гремели боевые колесницы, вздымая столбы пыли. К какой бы части берега ни подходили враги, на них обрушивались тучи стрел и копий.

Останавливало ахейских мужей и предсказание: первый вступивший на землю Трои должен погибнуть. Желавших принести себя в жертву, подобно Ифигении, среди героев почему-то не оказалось. Но отыскался хитрец. Конечно, это был Одиссей! Молниеносно он швырнул на прибрежный песок щит и ловко на него прыгнул. Не заметил уловки юный Протесилай и, решив, что Одиссей уже ступил на вражескую землю, ринулся в гущу врагов и был искрошен мечами.

Подвиг юноши воодушевил ахейцев. Они ринулись на берег и ввязались в сечу. Бойцов разделила ночь. Наутро было заключено перемирие для погребения павших. Отдав долг мертвым, ахейцы приступили к сооружению лагеря, укрепленного рвом и валом. Воины разместились по флотилиям и кораблям во главе со своими предводителями. Для общего сбора разбили площадку, в центре ее поставили высокий шатер царя народов Агамемнона.

Чувствуя себя в безопасности, ахейцы отправили в Трою послов, чтобы попытаться вернуть Елену миром. Послы вернулись ни с чем. Военные действия возобновились. Пожаром войны

была охвачена не только Трояда, но и весь огромный полуостров, населенный многочисленными народами: меонийцами, фригийцами, карийцами, китейцами, выступавшими на стороне Илиона. Разорялись и беззащитные острова. Уводились в плен женщины и дети. Среди пленниц были красавица Хрисеида, дочь жреца Аполлона Хриса, отданная Агамемнону, и не уступавшая ей прелестью Брисеида, доставшаяся Ахиллу.

Нервом огромной поэмы является конфликт между Агамемноном, облеченным высшей властью военного предводителя, и доблестным героем Ахиллом.

Начало этого конфликта, названного «гневом Ахилла», восходит к прибывшему в лагерь ахейцев посольству Хриса, умолявшего героев вернуть ему дочь Хрисеиду и обещавшего за нее царский выкуп. Все согласились пойти навстречу жрецу и принять его дары, кроме Агамемнона, набросившегося на старика с бранью:

– Прочь с моих глаз убирайся! А то не поможет тебе и жреческий жезл Аполлона! Дочь твоя будет рабыней, ложе со мной разделяя или ткацкий станок обходя. Она постареет в неволе.

Хрис, не сказав ни слова, отправился на берег многошумного моря. Там он в страстной молитве призвал Аполлона, которому верой и правдой служил долгие годы, покарать ахейцев за его скорбь и обиду:

– Отплати же за мои слезы своими стрелами!

Внял Аполлон мольбе и счел ее справедливой. Пылая яростью, он устремился с вершины Олимпа на берег Трояды и натянул серебряный лук – оперенные стрелы понеслись в стан ахейцев, поражая воинов и вьючных животных. Задымилась погребальная костры. За девять дней у беспощадного Таната было больше забот, чем за все предшествующие годы войны у стен Трои. На десятый день Ахилл, которому было чуждо равнодушие к судьбам товарищей, первым созвал ахейцев на сходку и обратился к Агамемнону с просьбой узнать у богов о причине их недовольства.

Калхант, находившийся тут же, взял слово и сказал, что разгневан Аполлон, но причину этого он откроет, лишь если Ахилл не даст его, Калханта, в обиду. Ахилл поклялся, что не даст никому тронуть провозвестника божественной воли. И тогда Калхант объяснил, что гнев Аполлона вызвал Агамемнон, грубо оскорбивший жреца Хриса.

Воспылал Агамемнон гневом, думая, что Ахилл подстроил заранее всю эту сцену. Он вспомнил, что уже в Авлиде сын Фетиды встал у него на пути. Однако, чтобы прекратить эпидемию, Агамемнон согласился вернуть Хрисеиду отцу, но потребовал, чтобы ему возместили эту утрату.

– Откуда же мы возьмем тебе награду? – ответил за всех Ахилл. – Добыча ведь разделена... Отдай деву отцу, мы же, когда разрушим крепостенную Трою, вознаградим тебя втрое и вчетверо!

– Не будет этого! – вскричал Агамемнон. – Если я и отдам деву, чтобы смягчить гнев Аполлона, то возмещение за это возьму сам у кого захочу, хотя бы и у тебя самого!

Вскипел Ахилл. Сказал он Агамемнону все, что думает о нем, и заявил в заключение, что удаляется к своим судам, чтобы отплыть вместе с мирмидонянами во Фтию.

На оскорбления отвечал Агамемнон еще большими оскорблениями. И вот уже Ахилл выхватил из ножен меч, но вдруг ощутил легкое прикосновение к волосам и, обернувшись, увидел незримую остальным Афины. Богиня успокоила юношу и убедила словами, а не оружием завершить затянувшийся спор.

И всю свою ярость, не утоленную силой удара, вкладывает герой в торжественную клятву, которую, бросив на землю жезл, дает перед лицом соратников: устранившись от сражений и удалиться в шатер, чтобы поняли ахейцы, кому они обязаны победами – ему, бескорыстному и мужественному воину, или Агамемнону, этому мздоимцу с душой оленя!

Вместе с Ахиллом к палаткам ушли его друг Патрокл и конечно же все храбрые мирмидоняне, привезенные героем из Фтии. Но и тогда не нашел в себе сил Агамемнон ради общего дела поступиться обидой на героя, сразу же послал он за Брисеидой в палатку Ахилла.

Не стал спорить Ахилл, не поднял меч на посланников Агамемнона. Попросил он Патрокла передать девушку посланцам, не по своей воле пришедшим отнять у героя заслуженную им в сражениях награду. Сам же, рыдая, отправился к берегу моря и призвал мать Фетиду.

Мгновенно явилась богиня и, обняв сына, спросила о причине его горя. Все рассказал Ахилл матери и попросил, чтобы она поднялась на Олимп и уговорила Зевса покарать Агамемнона. Обещала мать это сделать через двенадцать дней, когда Зевс вернется из страны эфиопов.

И едва царь богов и людей возвратился на Олимп, поднялась к нему Фетида вместе с утренним туманом и упала к ногам, умоляя не посылать ахейцам победы, пока сами они не попросят ее сына о помощи. Не отказал Зевс в этой просьбе, и Фетида радостно помчалась вниз и погрузилась в волны.

А между тем, пока большинство богов безмятежно пировало в далекой Эфиопии, дела на земле шли своей чередой. И когда, вернувшись на многовершинный Олимп, небожители вновь обрели интерес к земным делам, под стенами Трои противники, казалось, нашли справедливый выход из затянувшейся войны. Договорились они, что исход войны решит поединок между наиболее заинтересованными в ее исходе лицами – Менелаем и Парисом.

Вышли герои на поле между двумя выстроившимися войсками и, колебля копья, стали медленно сходитьсь. Первым метнул копье Парис. Оно застряло в щите Менелая, не причинив никакого вреда. Сильней был удар первого супруга Елены, любимца Ареса. Медный наконечник пробил щит и панцирь Париса, разорвал его плащ. Спасаясь, Парис отскочил в сторону, но Менелай настиг его и обрушил меч на шлем. Раскололся тот от страшного удара, но и меч разлетелся на несколько кусков. Менелай успел схватить то, что недавно было шлемом Париса, и стал тянуть к себе. Ремень захлестнул горло похитителя Елены, и ему пришел бы конец, если бы не его покровительница Афродита. Она разорвала ремень, и, накрыв Париса темным облаком, унесла, к величайшему недоумению Менелая, с поля боя.

Не принес победы ни одной из сторон и поединок между Аяксом и Гектором, героями, равными по силе и мужеству. Они сражались до темноты и разошлись друзьями, обменявшись подарками: Аякс дал троянцу пояс из пурпура, Гектор ахейцу – меч в драгоценных ножнах.

Видя, что ни одно войско не может одолеть другое, Зевс решил выполнить обещание, данное Фетиде. Приказав богам прекратить помощь ахейцам, он отправился на гору Иду и метнул оттуда молнию в ахейцев. Обратились они в бегство и скрылись за рвом и валом лагеря.

Поднялся дух троянцев, и ринулись они на лагерь ахейцев. Впервые стало ощутимым отсутствие в строю Ахилла, чего добивался Зевс. Не удавалось заменить сына Пелея ни могучему Аяксу, сыну Теламона, ни стремительному Аяксу, сыну Оилея, ни яростному Диомеду, отважившемуся напасть на богов, державших сторону Трои.

Растерянность охватила стан ахейцев. Пал духом и предводитель мужей Агамемнон. Сетую на гнев богов, призвал он воинов подняться на корабли и отправиться по домам.

Не согласился с царем Диомед, сын Тидея. Обозвав Агамемнона трусом, он заявил, что готов сражаться, пока Троя не падет. Ахейцы поддержали Диомеда возгласами одобрения. Было решено собрать предводителей отрядов, чтобы решить, как быть дальше.

На совете в шатре Агамемнона выступил мудрый Нестор. Он напомнил собравшимся, что беды обрушились на войско после того, как царь оскорбил Ахилла и могучий герой отказался участвовать в битвах.

– Смири надменное сердце! – увещевал старец Агамемнона. – Овладев девой, принадлежавшей Ахиллу, ты вызвал возмущение лучшего из мужей. И только ты можешь вернуть Ахилла ахейцам, смягчив его гнев дарами.

– Ты прав, Нестор, – не сразу отозвался Агамемнон. – Я был ослеплен своеволием и ныне готов примириться с Ахиллом, который стоит целого войска. В знак признания вины назначаю выкуп: семь треножников, еще не служивших, десять талантов золота, двадцать блестящих тазов, двенадцать крепконогих коней, принесших мне много наград в состязаниях. Также даю ему семь жен, рукодельниц искусных, и столько же дев, на Лесбосе рожденных, красотой несравненных. С ними отдам Брисейду, что отнята силой. Если же Троя падет, я готов породниться с Ахиллом, в жены дать ему дочь и с нею столько добра, сколько тесть никогда не давал еще зятю.

Послами к Ахиллу назначили Феникса – старца, милого сердцу Ахилла, и Одиссея с Аяксом. Совершив возлияния богам, послы отправились в путь. У мирмидонских шатров они услышали струнные звуки. Ахилл играл на кифаре, сам себе подпевая, о подвигах давних героев. Патрокл молча внимал пению своего друга.

При виде посланцев отложил кифару Ахилл и, усадив гостей на скамьи, отправил Патрокла за

вином и яствами. Когда стол был накрыт, началась беседа. Искусный в речах Одиссей поведал о бедах ахейцев, перечислил дары, какие в искупление вины готов отдать Агамемнон. В заключение напомнил о славе, которая ждет того, кто одолеет Гектора, ибо троянец считает, что нет равного ему среди ахейцев.

Выслушав Одиссея, Ахилл ответил ему дерзновенно:

– Речь твоя, Лаэртид, бесполезна, словно жужжание мухи. Тот, кто дары обещает, мне ненавистен, как смертному мужу ворота айда, ибо известно любому, что в мыслях таит он одно, а вещает другое. Если бы он посулил богатства всего Орхомена или египетских Фив, я б отклонил их с презрением. Будь его дочь красотой равна Афродите, а в домашних работах искусней Афины, в жены ее не возьму. Вам мой совет – отправляйтесь скорее по домам, ибо Зевс простер руку в защиту Трои и троянцев в обиду не даст.

Сердце Ахилла решил склонить к примирению старый учитель. Вспоминая, сколько сил и трудов вложено в воспитание юного Ахилла, Феникс пытался разбудить в душе ученика сострадание. Но безуспешно. Увидев, что Феникс утомлен, Ахилл оставил его у себя и сам постелил ему мягкое ложе, но совета не принял. Пришлось Одиссею с Аяксом удалиться ни с чем.

Сражение между ахейцами и троянцами не утихало. Выполняя обещание, данное Фетиде, Зевс даровал Гектору великую силу. Сын Приама гнал ахейцев по бранному полю, как волк робких овец. Не устоял и сам Агамемнон. Троянцы подступили к кораблям, угрожая им огнем.

Многие герои были ранены. Лишь Аякс, стоя на корме одного из судов, продолжал отражать могучим копьём каждого, кто приближался с факелом, но Гектор ударом меча отделил наконечник его копья от древка.

Увидев это, Патрокл помчался к Ахиллу. Вбежав в шатер, он остановился как вкопанный. Ведь его друг ничего не хотел слышать о схватках с троянцами. Слезы хлынули из глаз юноши.

– Что с тобой, Патрокл? – неторопливо спросил Ахилл. – Какие недобрые вести из Фтии повергли тебя в горе? Ты похож на ребенка, которого мать не взяла на руки и он...

– Сейчас не время для шуток! – перебил Патрокл. – Гибнут ахейцы. Ранены Диомед, Одиссей, Агамемнон. Сражается один Аякс. Я знаю, что твое сердце непреклонно, и не прошу помочь гибнущему войску. Но дай мне твои доспехи. Я выйду в них на поле боя, и троянцы, решив, что ты примирился с Агамемноном, пустятся наутек. Медики перевяжут раны, утомленные бойцы получат хотя бы краткий отдых. Будут спасены корабли...

– Я согласен, – отозвался Ахилл.

Не медля ни мгновения, он дал Патроклу латы и, подтянув веревки, пригнал к его телу. Поножи пришлось как раз: друзья были одного роста. Пока Ахилл помогал Патроклу надеть шлем, возничий Автомедон подогнал колесницу, запряженную Балием и Ксанфом, конями, рожденными на берегу Океана от Зефира, западного ветра.

– Свое копье я тебе не даю, – сказал Ахилл, провожая друга к колеснице. – Оно слишком тяжело для твоих рук. Обойдешься мечом. Но не дай себя увлечь к стенам Трои. Ведь твоя задача отогнать троянцев от кораблей. На всякий случай я пошлю тебе в подмогу отряд мирмидонян.

Ужас обуял троянцев при виде вырвавшейся из ахейского лагеря колесницы, ибо решили они, что гнев Ахилла иссяк и все силы, накопленные за время бездействия, герой готов обрушить на Трою.

Ахилл и Патрокл

Окрыленный успехом, Патрокл на боевой колеснице понесся к стенам Трои, сражая на пути

врагов. Не отыскав Гектора, он поразил копьем Сарпедона, и пал царь конелюбивых ликийцев, пришедших Трое на помощь, как срубленный под корень могучий дуб. Главк, внук Беллерофонта, храбрейший из воинов, призвал на помощь троянцев, чтобы унести тело Сарпедона. Но Патрокл отбросил троянцев, и ахейцы, сорвав с Сарпедона доспехи, с ревом унесли их к кораблям.

Гермес распоряжается выносом тела Сарпедона, сына Зевса и Европы, царя Ликии. Погибшего поднимают Гипнос и Танат, братья-близнецы, сыновья Никты

А Патрокл все гнал и гнал коней к стенам Трои. Соскочив с колесницы, он трижды взбирался на стены троянской твердыни, и трижды его отражал Аполлон, на четвертый же раз приказал:

– Отойди от стены! Не тебе предназначено сокрушить великую Трою!

И отошел Патрокл пристыженный, но не вспомнил, что пора возвращаться к кораблям. Упоенный успехом, он носился по полю, поражая троянцев, и вдруг у Скейских ворот увидел Гектора, направившего на него свою колесницу. Восторг охватил Патрокла при виде героя, с которым давно мечтал сразиться. Спрыгнув на землю, схватил он тяжелый камень и с силой кинул в противника. Но камень пронесся мимо Гектора и, попав в колесничего, сбил его на землю. Кинулся к упавшему Патрокл, но не дал Гектор тела друга в обиду. Соскочив с колесницы, он вступил в поединок с Патроклом. Подоспели другие троянцы. Отбиваясь, Патрокл поразил уже многих и, возможно, мог бы всех уничтожить, если бы в бой не вмешался сам Аполлон. Покрывшись мраком, он подобрался сзади к Патроклу и сорвал с него шлем. Немедленно воспользовались этим троянцы, и посыпались на героя удары. Но лишь удар, нанесенный Гектором, оказался смертельным.

Пал на землю Патрокл, но успел сказать, умирая:

– Не гордись победой, Гектор. Не тобой я сражен, а богами. И не радуйся моей гибели – смерть тебя ожидает от руки Ахилла.

Не досталось тело Патрокла врагам. Его отбил Менелай и увез в лагерь.

Битва Гектора с Менелаем

Все это видели стоявшие невдалеке от места сражения бессмертные кони Ахилла.

По мохнатым мордам градом покатались крупные слезы, и не мог славный возничий Автомедон сдвинуть их с места, как ни натягивал вожжи.

Лишь покорившись воле Зевса, подтолкнувшего колесницу, рванулись кони, и пыль из-под колес взметнулась столбом до самого неба.

Узнал о гибели любимого друга Ахилл и в горе катался по земле, стонал, рвал на себе волосы, даже помышляя наложить на себя руки. Рыдания героя услышала Фетида и, поднявшись вместе с nereидами со дна моря, явилась к сыну и стала его успокаивать. Поведал Ахилл матери, что потерял самого близкого ему человека, а вместе с ним и доспехи, которые были

дарованы отцу богами.

Вызвалась Фетида добыть сыну новые доспехи, взяв с него слово не вступать до этого в бой. И оставался Ахилл в своем шатре, не выходя ни на сходку воинов, не вступая в сражение, даже если троянцы подходили к самому лагерю. Можно было бы думать, что в шатре никого нет, если бы оттуда не доносились звуки кифары – ей одной доверял Ахилл свою боль.

Встретил Гефест на Олимпе Фетиду как желанную гостью. Нет, он еще не забыл, как она пожалела его, младенца, сброшенного матерью с неба, как укрывала девять лет в глубокой пещере, где он под неумолчный рев Океана учился своему ремеслу, и ничей слух не обнаружил его, не заметил ничей глаз.

Выслушав рассказ Фетиды, прерываемый слезами, Гефест обещал, что утешит ее душу такими доспехами, какие не приходилось носить ни бессмертным богам, ни героям.

Согласно дышали мехи, раздувая пламя и раскаляя металл добела. Гремел молот Гефеста, и на наковальне постепенно вырисовывался контур щита – подобие земли, неба и моря. Все пространство земли божественный ковач заполнил подсмотренными им с высоты Олимпа сценами сельской и городской жизни.

На участке рыхлой, трижды вспаханной нови была представлена пахота. Пахари, двигаясь по всем направлениям, правили ярменными волами. Каждый раз, достигая межи, они брали из рук мужа кубок со сладким вином и, выпив его, возвращались на борозду. Сразу же за пашней была изображена колосющаяся нива, да так искусно, что ее можно принять за настоящую. Жнецы размахивали серпами, и колосья валились, чтобы в быстрых руках вязальщиков превратиться в снопы, напоминающие златоголовых, высоко подпоясанных жен. За жнецами гурьбой шли дети, собирая в охапки выпавшие колоски. Перед жнивьем красовался владелец участка с сияющим от радости лицом: нива дала богатый урожай. Далее под развесистым дубом убивали быка, просеивали муку, разжигали костер под медным котлом, готовя для работников трапезу.

За группой деревьев можно было видеть искусно сплетенные из тончайших золотых нитей виноградные лозы, отягощенные крупными черными гроздьями, порой свисающими до земли. Ряды лоз, напоминающие ровно натянутые струны кифары, оживлены фигурами легко ступающих дев и юношей с плетеными корзинами на плечах. Все лица повернуты к одинокому дереву и сидящему под ним ребенку с кифарой в руках. Конечно же, это прекрасный Лин, сын Аполлона, уже в детстве воспевавший радости Диониса.

За виноградником виднелся холм, спускавшийся плавными складками к выложенной серебром реке. По ее черневшему камышом берегу четверо босоногих пастухов, в петасах на головах, с котомками за плечами, гнали круторогих быков разной масти – одни были из золота, другие из олова. Стадо охраняли девять резвоногих собак. Но они не уберегли одного из быков: лвы опрокинули его и, разодрав страшными когтями шкуру, лакали дымящуюся кровь.

Взгляд, утомленный сельскими сценами, отдыхал, перебросившись к одному из городов. На одной из улиц, пересекающей весь город, шумит веселая свадьба. При пылающих факелах юноши выводят из чертогов невест. Раздается свадебный гимн, подхваченный флейтами и кифарами. Возникает хоровод, радуя воспоминаниями сердца замужних женщин, вышедших на пороги своих жилищ.

На агоре решается тяжба. Двое, размахивая руками, доказывают свою правоту. Один бьет себя в грудь, уверяя, что заплатил пеню за убийство, другой клянется, что в глаза не видел вознаграждения за потерю сына. О накале спора можно судить по поведению глашатаев, снующих в толпе. Они успокаивают тех, кто выкриками поддерживает ту или другую сторону.

В круге, обозначенном белым, на гладко отесанных камнях размещены в величавых позах выборные старцы. Их седые головы и бороды выложены серебром, морщинистые лица – золотом. Каждый опирается на посох. Посредине собрания лежат два золотых слитка – награда тому, кто искуснее докажет свое право.

Другой город Гефест изобразил так, что видны только его стены, а на них женщины с камнями, которые они готовы обрушить на головы недругов. Под стенами теснились два войска, сверкая на солнце оружием. Одно из них намерено захватить осажденный город и отнять у него все богатства, а взятых в плен продать в рабство. Другое войско предлагает осажденным отдать половину богатств, а граждан не трогать. Мужички, юноши, старцы, выйдя из города, укрылись в засаде, чтобы с тыла ударить на врага. Во главе горожан Арес и Афина. Гефест выделал их золотыми, ростом выше людей, в огромных доспехах.

Место, что еще оставалось на этом щите, Гефест заполнил зрелищем пляски, угодной богам. С дивным умением юноши и девы, взявшись за руки, кружились легко и изящно с быстротой гончарного круга, который мастер толкнул, прежде чем укрепить на нем глину. Они то расходились рядами, то, изгибаясь, согласно двигались к центру, где песнопевец, вдохновенный, как бог, играл на кифаре, а рядом два скомороха забавляли ужимками и кривлянием народ, который теснился вокруг.

Выковав огромный и крепкий щит, взялся Гефест за панцирь и изготовил его на диво сверкающим, чтобы ослеплял он врагов Ахилла. Потом выковал шлем, облегающий голову и утолщенный у висков для их особой защиты, к шлему приладил золотой гребень. Последними отлил Гефест поножи из белого олова.

Собрав все это вместе, он отдал нетерпеливой матери, ожидавшей окончания великой работы. Взяв доспехи, Фетида устремилась к Ахиллу, как орлица к птенцу, который, летать не умея, упал из гнезда и ищет материнской защиты.

Едва из волн Океана выступила Эос в одеяниях цвета шафрана, чтобы пробудить от сна и богов и смертных, к стану ахейцев с дарами Гефеста примчалась Фетида.

Застав Ахилла склоненным над телом любимого друга, богиня сказала:

– Сын мой, взгляни, какие дары посылает тебе Гефест с пожеланием победы.

И сложила на землю щит, и поножи, и шлем, и панцирь. Медь загремела, как голос утробный, и разбежались в испуге мирмидоняне, даже взглянуть не решившись на великое чудо.

Словно два факела, грозно сверкнули из-под ресниц глаза Ахилла. Сердце его исполнилось ратным рвением. Подняв с земли оружие и насытив душу зрелищем божественного искусства, он попросил мать проследить, чтобы не осквернили останки друга мухи и черви.

– Я сделаю все, чтобы стал прекрасней живого умерший Патрокл, – успокоила сына Фетида. – Ты же отправляйся в лагерь и зови на сходку воинов, чтобы перед ними отречься от великого гнева.

И зашагал Ахилл вдоль берега моря, зычным голосом сзывая все войско к шатру Агамемнона. Все собирались на зов. И когда воцарилась тишина, Ахилл, положив ладонь на сердце, обратился к Агамемнону:

– Было бы лучше, Атрид, чтобы не было дня, когда мы вскипели враждой из-за девы. Пусть Артемида сразила бы ее своей не знающей промаха стрелой. Многие бы живыми стояли сейчас среди нас. Но о былом вспоминать я не буду. Ныне гнев свой слагаю я перед вами.

С места, не выходя в середину собрания, отозвался Агамемнон, понуро стоявший близ своего шатра:

– Прошу мне поверить, ахейцы: в том, что случилось, вины моей нет. Это Зевс и Судьба и с ними презренная Ата меня ослепили. Дева любая не стоит вражды между мужами. И ее возвращаю тебе, Ахилл благородный, вместе с обещанными дарами.

– Не о дарах теперь забота, богоравный Агамемнон, – ответил Ахилл. – Сердце к бою зовет, чтобы мстить за павших!

И, покинув собрание, поспешил Ахилл к палатке, чтобы облечься в доспехи. Затянув на груди сверкающий панцирь, защитив поножами ноги, взял он в руки выпуклый щит и поднял его высоко над головой, так что блеск исходил от щита, словно огонь маяка, пылающего на горной вершине над морем. Надев шлем, герой грозно тряхнул головой и пронзительно свистнул.

Тотчас же подвел к нему Автомедон легконогих коней и поспешно занял свое место на колеснице. Ахилл поместился с ним рядом и обратился к коням:

– Балий и Ксанф! На вас возлагаю надежду. Не оставьте меня бездыханным в бою, как Патрокла!

– Знай, Ахилл, – ответил Ксанф, тряхнув пышной гривой, – невредимым вынесем мы тебя сегодня из боя.

Но гибель твоя недалеко. И не наша это вина, а судьбы всемогущей.

– Скучное ты существо! – усмехнулся Ахилл. – Давно мне известно, что живым из-под Трои мне

не вернуться. Но стоит ли думать о том, что предредила судьба, нас не спросив? Вперед, легконогие кони!

Весть о том, что Ахилл взялся за оружие, повергла в смятение и олимпийских богов. Зевс приказал Фемиде облететь всех бессмертных, не пропуская ни одного речного или морского бога, ни единой нимфы, ранее никогда не поднимавшихся на Олимп.

Вместе с другими явился на зов и землеколебатель Посейдон. Как равный обратился он к Зевсу:

– Зачем ты созвал нас всех, Громовержец?

– Бой предстоит, колебатель Земли, – отозвался Зевс. – И я всем вам разрешаю спуститься туда, где он начнется, и помочь тем героям, каким вы хотите.

Этим решением Зевс возбудил среди богов жестокую распрю. Каждый захотел помочь своим любимцам. Гера с Афиной, Посейдон, Гефест и Гермес поспешили на помощь ахейцам, Арес и Аполлон с Артемидой, мать их Латона взяли сторону Трои. Перемешав бессмертных и смертных, Зевс пожелал насладиться с вершины Олимпа зрелищем боя, какого еще не видывал мир.

Засверкала долина медью доспехов, покрылась людьми и конями, задрожала земля под ногами бойцов, возбужденных самими богами, возникавшими среди людей в образах смертных.

Аполлон, приняв облик Ликаона, отважного сына Приама, побудил Энея вступить в схватку с Ахиллом. И несдобровать бы могучему сыну Анхиза, если бы не Посейдон. Это он, хотя и враждебный троянцам, не захотел, чтобы с Энеем прекратился род любимого Зевсова сына Дардана. Возмущенный беспечностью Аполлона, он устремился в гущу сражения и, выхватив из боя Энея, унес его в безопасное место.

Между тем Аполлон, охваченный безумием битвы, носился среди бьющихся насмерть героев, вселяя в одних решимость, в других – осторожность.

Не была безучастна к сражению и Афина Паллада. Усмотрела она, что Гектор бросил в Ахилла копье, и отклонила его своим легким дыханием. Одолел бы в ближнем бою сын Фетиды отважного Гектора, да Аполлон вовремя окутал его туманом. Трижды бросался Ахилл, потрясая копьем, туда, где стоял могучий противник, и трижды рассекал один лишь туман. Но, поняв, что здесь воля бессмертных богов, стал преследовать других троянских героев. И много их полегло от ударов копья и под копытами быстроногих коней, даже тех, кто пытался спастись в чистых водах Скамандра.

И возмутился Скамандр, что Ахилл убивает в его водах троянцев, и грозно к нему обратился:

– Как ты смеешь марать мои священные воды! Забирай беглецов, делай с ними что хочешь, только не у меня.

– Это мое дело, где и когда их отправлять в аид! – ответил возгордившийся Ахилл.

Скамандр разозлился не на шутку. Мгновенно разлившись, он стал выкидывать разбухшие трупы. Живых же, что беспомощно барахтались в его водах, он спас от Ахилла, укрыв в ближайшей пещере. Но этого мстительному речному богу показалось мало. Он бросил на Ахилла свои мутные воды и попытался утопить обидчика.

На помощь герою с Олимпа спустились Посейдон и Афина, которым не без труда удалось отбросить Скамандра. Но тот не сдавался и призвал на помощь своего брата Симоента. Послушный поток пошел на Ахилла водной стеной. Видя это, ковыляя поспешил богам на подмогу Гефест. Своим огнем он высушил несчастную реку и спалил все деревья на обоих ее берегах. Запросили реки пощады, поклявшись, что больше не станут помогать троянцам.

Усмирив их, олимпийские боги вступили в сражение друг с другом. Арес швырнул копье в Афины, но она успела защититься эгидой и, схватив огромный камень, бросила его в Ареса и свалила на землю. Захотела помочь Аресу встать Афродита, но толкнула ее в нежную грудь воинственная дева Афина, и упала златоволосая богиня рядом с покрытым кровью и пылью Аресом.

Посейдон стал вызывать на бой Аполлона – ведь давно на племянника таил он обиду за помощь троянцам. Но Сребролукий уклонился от схватки, говоря, что прослыл бы безумцем, если бы вступил в сражение с Посейдоном за смертных, этих жалких творений, похожих на недолговечные листья, что сегодня зеленеют, а завтра сгниют и исчезнут бесследно.

Тогда возмутилась воинственная сестра Аполлона и стала его упрекать в малодушии. Обозлилась на вечную деву Гера и, вырвав ее лук, ударила им подстрекательницу. Артемида со слезами полетела на Олимп жаловаться Зевсу.

Захватили бы с помощью бессмертных ахейцы в этот день Трою, если бы не Аполлон. Воспламенил он жаждой сражения сердце Агенора, и тот вступил в поединок с Ахиллом, дав возможность троянцам скрыться за стенами Трои. А когда взял верх Ахилл над героем, Аполлон, приняв его образ, сделал вид, что бежит от Ахилла в испуге, и сын Фетиды преследовал мнимого Агенора до тех пор, пока тот, обернувшись, не раскрыл свой подлинный облик.

Там, ужасный, на ограде
Нам явился он в ночи -
Нестерпимый блеск во взгляде,
С шлема грозные лучи -
И трехкратно звучным криком
На врага он грянул страх,
И троянец с бледным ликом
Бросил щит и меч во прах.

Василий Жуковский

Обманутый Аполлоном, Ахилл испытывал такую ярость, что готов был грызть землю зубами. Таким его узрел со стены Трои Приам и обратился к Гектору, готовящемуся к схватке:

– Избегай этого лютого мужа, сын! Сильнее он тебя безмерно. Скольких детей лишил он меня, сразив медью или продав в рабство на острова. Сжался надо мной! Поспеши укрыться за стенами, чтобы не доставить Ахиллу еще большей славы.

Говоря это стоящему внизу Гектору, старец терзал седые волосы, вырывая их клочьями. Но Гектор оставался верен своему решению.

Тогда к нему обратилась мать. Прижав руку к груди, она взмолилась:

– Этой грудью я тебя кормила, мой милый. И она успокаивала твой плач. Вспомни об этом, мой возлюбленный отпрыск, прежде чем выйти за стены. Смири непреклонное сердце. Если погибнешь, даже оплакать тебя на смертном ложе не сумеем ни я, ни твой супруга.

Но и эти слова не тронули сердца героя. Прислонив к башне меднокрасный щит, он думал, что нет иного выхода, как вступить в бой с Ахиллом, победить или пасть, но не заслужить упрека в трусости.

И все же, когда появился Ахилл, Гектор, дрогнув, бросился бежать, настолько ужасен был сын Пелея. Трижды обегал Гектор стену Трои, отмечая в памяти одни и те же приметные места: холм, одинокая смоковница, два родника, место, где троянские жены моют одежды. Ахилл, несясь за Гектором, не знал этих примет. И ему бег казался бесконечным.

Поединок Ахилла с Гектором

Наблюдая за состязанием, цена которому жизнь или смерть, Зевс с тревогой обратился к богам:

– О горе! Гектор, любезный моему сердцу, бежит вокруг стен Илиона. Славный враг его догоняет. Давайте обсудим и примем решение – спасем ли героя еще раз или дозволим, презрев его доблесть, отдать Аиду?

– Не похищай у смерти того, кто ей обещан! – бросила резко Афина.

– Поступай, как велит твое жестокое сердце! – согласился Зевс.

А тем временем быстроногий Ахилл продолжал гнаться за Гектором. Так гончий пес в горах

охотится за юным оленем. Не утаиться ему за кустами, не спрятаться в чаще. Пес, обнюхав следы, гонит его долиной и лесом, пока не достигнет добычи.

Несколько раз Гектор пытался стать под защиту Дарданских ворот, где стрелами сверху его могли бы прикрыть сограждане. Но Ахилл забежал сбоку и гнал его снова.

В четвертый раз вокруг стены начинали свой бег герои, и когда Гектор добежал до ручья, над которым зимою и летом струится непрерывный пар, Зевс вынул золотые весы и две керы положил на их чаши. Гекторова кера склонилась к аиду.

И Аполлон, все время внушавший надежду сыну Приама, горестно отвернулся. Афина же, не теряя времени, опустилась рядом с Гектором и, приняв образ брата его Деифоба, которому он всегда доверял, сказала:

– Зачем ты бежишь? Станем плечом к плечу. Будем вдвоем защищаться.

Гектор остановился и встал рядом с мнимым братом, выставившим вперед меч. Когда же Деифоб внезапно растворился в воздухе, понял он, что обманут кем-то из бессмертных и что ему нет спасения. Ахилл же, поначалу удивленный появлением Деифоба, а затем обрадованный его исчезновением, метнул в Гектора копье. И упал герой, сломленный судьбой, как валится могучий дуб, когда берег подмыт потоком и обнажились корни. И тотчас же подбежали ахейцы, с нетерпением ожидавшие исхода поединка. Тесня друг друга, они протыкали копьями тело великого недруга, пока Ахилл не подогнал колесницу и не привязал к ней сзади труп за ноги. И видели с высоты троянской твердыни Приам, Гекаба и Андромаха, как прекрасная голова бессильно бьется о землю.

Ты не жди, Менетий, сына,
Не придет он в отчий дом...

Здесь эгейская пучина

Пред его шумит холмом.

Василий Жуковский

Утомившись – нет, не от сражения, с Гектором, а от погони за ним, – Ахилл вернулся в лагерь и опустился на берег многошумного моря. К нему пришел сон, и он увидел душу несчастного Патрокла. Обладавшая внешностью и голосом погибшего друга, она умоляла Ахилла поскорее предать тело земле, так как другие души не подпускают ее даже подойти к челну Харона.

Обещая выполнить эту просьбу, Ахилл пытался обнять Патрокла. Но душа, проскользнув между пальцами, как дым, с тихим шелестом ушла под землю.

На рассвете друзья Ахилла вместе с воинами Агамемнона отправились с топорами на склоны горы Иды за высохшими деревьями для погребального костра. Разрубив стволы на части, воины сложили их на специально подготовленной площадке на берегу моря. Когда сооружение достигло положенной высоты, наверху поместили обряженное для погребения тело героя. Ахилл бросил на труп побратима прядь своих русых волос.

Затем приступили к жертвоприношениям. Жертвы должны были сопровождать героя в царство мертвых. Пригнали четырех крутошеих коней и, заколов их, прислонили к деревьям. В шатре Ахилла кормилось девять собак. С двумя из них, когда они еще были щенками, любил играть Патрокл. Псам перерезал горло сам Ахилл, и они заняли место рядом с конями.

Затем привели двенадцать троянских юношей редкой красоты в роскошных одеяниях. Ахилл отрубил пленникам головы мечом и сам же расставил их тела вокруг погребального костра.

Лишь после этого Ахилл бросил в поленницу факел и обратился с мольбой ко всем ветрам, чтобы они раздули огонь. За эту услугу он обещал им щедрые дары. Ветры в это время вместо того, чтобы дуть, бражничали, и в мире царило затишье. Услышав призыв Ахилла, сорвались крылатые с места и с громким свистом понеслись над землей и морем, ломая деревья и вздымая высокие волны. Примчавшись под Трою, они раздули такой костер, который был виден не только фракийцам по ту сторону Геллеспонта, но и бессмертным богам на Олимпе.

Утром, когда ветры, получив обещанные дары, покинули Троаду, мирмидоняне, земляки Патрокла, облив тлевшие угли красным вином, собрали кости героя и уложили их в золотой сосуд, выкованный самим Гефестом. Над прахом Патрокла, сына Менетия, вырос курган.

Ахилл сидел с друзьями в шатре, погруженный в раздумья, когда раздвинулся полог и вошла среброногая Фетида. Обняв сына, она объявила, что выполняет поручение богов. Все они, а особенно Зевс, возмущены тем, что Ахилл держит у себя тело Гектора.

– Что же они от меня хотят? – спросил Ахилл.

– Отдай тело за выкуп.

Об этом же решении богов Приама известила Ирида. Она застала старца катающимся по земле и посыпавшим голову пылью. Все дни после гибели сына он никого к себе не допускал и посылал проклятья сыновьям, от которых не было толку. Невидимая для других, подошла вестница богов к царю Трои и передала, что Зевс озабочен горем Приама и повелевает отправиться за телом Гектора в ахейский лагерь.

Узнав о намерении супруга, заголосила Гекаба, перемежая крики плачем:

– Куда же девалась твоя бывлая осторожность? Как ты можешь показаться на глаза тому, кто погубил многих наших детей?

Приам объяснил, что выполняет волю богов, и Гекаба замолкла. Сыновья запрягли мулов в повозку, положили в нее короб с дарами и поручили все это слуге. Сам же Приам взошел на колесницу и взялся за вожжи.

Удивился Ахилл, увидев перед собой царя Трои. Смелостью Приама поражены были и все, кто находился в шатре.

Приблизившись к Ахиллу, Приам упал и обнял его колени.

– Вспомни о своем отце, – начал троянский царь. – Он, как и я, стоит на пороге грустной старости. Может быть, его притесняют соседи. И при нем нет никого, кто бы его поддержал и отразил угрозу. Имел я пятьдесят сыновей от трех жен. Многих из них погубил безжалостный Арес. Тобой же убит тот, кто возглавлял наше войско и защищал город. Ради него я пришел и принес выкуп за тело. Побойся, Ахилл, вечных богов! Сжался надо мной, старцем!

Ахилл, наклонившись, взял Приама за руку. При соприкосновении рук из глаз обоих хлынули слезы. Один плакал о храбром Гекторе, другой – о милом отце и о друге Патрокле. И сливались их вздохи, наполняя шатер.

Ахилл, сжалившись над старцем, сказал:

– Ты и впрямь, злополучный, перенес несчетные беды. Я слышал, что раньше никто не был могущественнее тебя во всем этом крае, от Лемноса до Геллеспонта, но потом от Трои отвернулись боги. Да не плачь ты! Слезами сына не воскресишь, а новое горе накличешь. Вот тебе кресло! Садись!

– Не хочу я садиться! – отозвался Приам. – Прими мой богатый выкуп и скорее верни сына. И так он лежит столько дней без погребения.

Исподлобья взглянул на старца Ахилл.

– Не торопи меня! Ведома мне самому воля богов, пожалевших тебя.

Ахилл дал знак своему возничему Автомедону, чтобы он принес короб с дарами. Тем временем рабыни омыли могучее тело Гектора, натерли его елеем, облачили в красивый хитон. Выйдя наружу, Ахилл сам положил тело своего противника на колесницу и мысленно обратился к Патроклу:

– Друг мой любимый! Не сердись на меня, если в аиде станет известно, что тело троянца я по воле богов выдал отцу. Но за это мне дан ценный выкуп. Часть даров я уделю тебе.

Первой увидела с высот Илиона колесницу Приама Кассандра и подняла на ноги весь город:

– Спешите увидеть Гектора. Помните, как с ликованием вы у ворот встречали героя, встретьте теперь его тело.

Тесня друг друга, жители города ринулись к воротам. Впереди всех были Гекаба и Кассандра. Бросившись к телу, обняв голову, они обильно проливали слезы и вызвали всеобщий плач. Не пропустили бы колесницу ко дворцу, если бы не крикнул с высоты колесницы Приам:

– Дайте же наконец проехать! Будет у вас время насытиться плачем, напиться слезами.

И народ расступился. Застучали колеса по камням. В молчании люди следовали за телом героя. Никто не ушел и тогда, когда тело внесли во дворец.

В царских покоях тело Гектора поместили на резное ложе, вокруг него разместились запевалы похоронных рыданий. Первой запричитала Андромаха:

– Рано, супруг, ты меня покинул. Вместе со мной, несчастной, овдовела великая Троя. Ты – ее щит, ее стены.

Заливаясь слезами, о сыне заголосила Гекаба:

– Мой первенец! И при жизни ты был для меня дороже всех сыновей. Ныне же ты лежишь передо мной прекрасный, не тронутый тлением. Как бы я хотела оказаться с тобой рядом, чтобы не узнать сиротской доли.

В наступившем молчании прозвучал тихий голос Елены:

– Я – чужестранка. Но не по воле своей я явилась в этот город, в этот дом. Все, кроме Гектора, здесь меня попрекали. Он один останавливал злобствующих, убеждал их, что нет моей вины в их несчастиях. И вот я лишилась друга и милого брата!

– Дети мои! – обратился к народу Приам. – Время пришло. Ждет погребения душа моего милого сына в аиде. Ахилл обещал, что десять дней передышки дадут нам ахейцы. Идите без страха на Иду за дровами, и пусть запылает костер, достойный защитника Трои!

Влага Стикса закали ла

Дикой силы полноту,

И кипящего Ахилла

Бою древнему явила

Уязвимым ли шь в пяду.

Евгений Баратынский

Как и было предсказано, не надолго Ахилл пережил Гектора. Зная о скорой кончине, он, как демон, носился по Троянской равнине, кроша и убивая. Спокойствие ему принесла лишь любовь. Увидев на стене дочь Приама Поликсену, он полюбил ее с первого взгляда и вскоре отправился безоружным в храм Аполлона под Троей для переговоров о свадьбе. Здесь он и был поражен Парисом (или Аполлоном, принявшим его облик) в единственно уязвимое место.

За тело Ахилла у Скейских ворот разгорелась страшная битва. Вокруг тела громоздились горы трупов.

Вдруг загремел Зевс громами и пролился дождем. Не захотел он, чтобы троянцы овладели телом Ахилла и предали его поруганию. Воспользовавшись замешательством, Аякс, сын Теламона, поднял Ахилла на плечи и понес к кораблям. Одиссей же защищал его, сдерживая натиск врагов.

Семнадцать дней оплакивали Фетида, ее сестры nereиды и вместе с ними все воины, ахейцы и мирмидоняне, великого героя. Обращаясь к Аполлону, Фетида упрекала его в вероломстве. Ведь на свадьбе с Пелеем Аполлон обещал во всеуслышание, что ее сын будет долговечным и свободным от всех болезней.

На восемнадцатый день тело героя было сожжено и прах ссыпан в тот же золотой кувшин, где находился пепел Патрокла. Общий их могильный курган был вознесен на берегу Геллеспонта.

Сердца смертных подвластны жадности. Заставляет она забывать об утратах друзей и родных, ссориться из-за наследства. От Ахилла остались дивные доспехи работы Гефеста. Фетида завещала их тому, кто спасет тело сына от поругания. Труп Ахилла выносил Аякс, но Одиссей в это время отражал преследовавших троянцев, стремившихся овладеть телом убийцы Гектора. Решение спора между ними было предоставлено пленным троянцам. Ведь у них не было пристрастного отношения ни к Аяксу, ни к Одиссею. Пристрастной оказалась Афина, которая давно гневалась на Аякса, отвергавшего помощь богов. И внушила она Агамемнону и Менелая, которым был поручен подсчет голосов, неверно сосчитать голоса судей, и доспехи достались Одиссею.

В ярости удалился Аякс в свой шатер, а ночью, когда весь лагерь был во власти Гипноса, он вышел с мечом в руках, чтобы отомстить Одиссею и сыновьям Атрея за бессовестный обман. Афина с высоты Олимпа видела все и наслала на Аякса безумие. Бросился герой на стадо быков и стал их крошить, полагая, что убивает ахейцев. Поразил он и пастухов. Но этого ему было мало. Он крепко связал оставшихся в живых быков и баранов и погнал их в свой шатер, воображая, что гонит пленных. В шатре, вооружившись бичом, он начал их стегать и радовался воплям.

Быка же, в котором он видел Одиссея, Аякс не трогал, надеясь подвергнуть его самым изощренным пыткам. В это время появилась Афина. Она спрашивает Аякса, наслаждался ли он кровью ахейцев и ушел ли от него Одиссей. Аякс, заливаясь безумным смехом, объясняет богине, что наказание хитрой лисы Одиссея впереди. Напрасно Афина делает вид, будто хочет защитить Одиссея и просит его не мучить, и лишь когда Аякс начинает яростно возражать, она, словно ему уступая, разрешает делать с Одиссеем что угодно.

Утром разум возвратился к Аяксу, и он увидел шатер, наполненный телами животных и залитый их кровью. Страшно стало герою при мысли, что уцелевшие недруги будут над ним потешаться, рассказывая, как он проявил храбрость в битве с бессловесными животными.

Чтобы избежать позора, Аякс устремляется к пустынному берегу моря и там бросается на меч. Агамемнон и Менелай, узнав о намерении Аякса их убить, долго не давали предать его тело земле. Хорошо, что у Одиссея хватило ума и изворотливости выступить на стороне тех, кто предлагал похоронить великого героя с подобающим ему почетом. Так рядом с погребальным холмом Ахилла и Патрокла появляется холм Аякса, второго по мощи из ахейских героев.

Ты сойдешь на брег священный
С корабля, Неоптолем,
Чтоб на холм уединенный
Положить и меч, и шлем.

Василий Жуковский

Никак не могли взять Трою ахейцы даже после гибели ее великого защитника Гектора. Все попытки захватить город приступом отражались, а за городские стены троянцы не выходили. Неведомо, сколько бы лет еще стояла Троя, не будь пойман на горе Иде сын Приама Елен. Повздорил тот со своим братом Деифобом за ложе овдовевшей Елены. Досталось оно Деифобу, и Елен покинул город. Из зависти к счастливцу брату выдал он Одиссею тайну живучести Трои. Она может пасть лишь тогда, когда утратит свой палладий и когда придут к ахейцам сын Ахилла Неоптолем и Филоктет с отравленными стрелами Геракла.

Одиссей решил начать с Неоптолема и Филоктета. Неоптолем с матерью и дедом жил на острове Скиросе, где был рожден незадолго до того, как ахейцы пошли походом на Трою. Дед не хотел отпускать внука на войну. Но сам Неоптолем рвался в бой, мечтая стать таким же великим героем, как отец.

Одиссей передает Неоптолему оружие его отца Ахилла

Сложнее было привлечь на сторону ахейцев Филоктета. Он уже десять лет страдал на безлюдном островке близ Лемноса, оставленный ахейцами по пути в Трою, так как его гноящаяся от укуса змеи рана внушала им отвращение.

Виновниками своих несчастий Филоктет справедливо считал Одиссея и Атридов. Зная это, Одиссей поручил переговоры с Филоктетом Неоптолему, выработав план насильственного захвата столь необходимого для победы над Троей героя.

С удивлением увидел страдалец незнакомого юношу и услышал звуки родной речи.

- Кто ты и откуда родом? – спросил он.
- С острова Скироса, – отозвался юноша. – Я сын Ахилла Неоптолем.
- О, сын близкого мне Ахилла! – воскликнул Филоктет. – Какими судьбами ты занесен на место моих мук?
- Я плыву из Илиона.
- Но ведь тебя не было среди нас, когда мы отправлялись в поход.
- Я явился позднее...
- И ты меня не знаешь? Ты не слышал обо мне?
- Нет! Я думал, здесь никого нет. Мы прибыли сюда за водой.

И рассказал Филоктет о том, что испытал, проснувшись на необитаемом острове, и с каким трудом добывал себе пищу, как должен был за ней ползти, волоча больную ногу, как высекал огонь ударами камня о камень.

– И всему этому виной Одиссей и Атриды, пусть их покарают боги Олимпа, – закончил

Филоктет.

– Низость их изведаль и я, – выдавил из себя Неоптолем, стараясь не глядеть собеседнику в глаза.

– Как же они тебя обидели?

– Когда дошла весть о гибели отца... – начал Неоптолем.

– Что я слышу – Ахилла нет! – прервал Филоктет.

– Нет и Патрокла, Аякса и многих славных, – продолжил юноша. – О смерти отца мне сообщил слуга, и я поторопился под Трою, чтобы его заменить. Я надеялся, что, надев его доспехи, сумею доказать, чья кровь течет в моих жилах. Но Атриды объявили, что доспехи работы Гефеста, достались Одиссею. Слезы хлынули у меня из глаз. И вот теперь плыву домой.

Юноша закрыл ладонью глаза от стыда, но Филоктет решил, что Неоптолем хочет скрыть слезы.

Почувствовав к юноше доверие, Филоктет передал ему лук со стрелами и попросил помочь добраться до корабля, чтобы скорее покинуть остров.

Пока все развивалось так, как замыслил Одиссей. Когда же появился вестник, сообщивший, что Феникс и сыновья Тесея хотят силой захватить Филоктета и доставить под Трою, Неоптолем взбунтовался, раскрыл несчастному обман и свою подлую роль в нем. Он вернул Филоктету лук со стрелами, чтобы тот покончил с Одиссеем, который стал ненавистен и ему. И когда Одиссей, зная, что от отравленных стрел Геракла нет спасения, бросился наутек, петляя, как заяц, к Филоктету словно бы в тумане явился призрак Геракла и повелел отправляться под Трою, обещав излечение от раны.

Филоктет сидит, положив рядом лук и колчан со стрелами Геракла. Левоу рукой герой приподнимает раненую ногу

Филоктет смирился и добровольно поднялся на корабль к злейшему недругу Одиссею. Вместе с ним отправился и Неоптолем.

Через два дня корабль подошел к ахейскому лагерю. Герои радостно встречали Филоктета и сына Ахилла. Теперь все были уверены, что Троя скоро падет. Но юное лицо Неоптолема было сурово. Он спросил, где могила отца, и отправился к ней один. Обойдя несколько раз курган, он бросился на него с горькими рыданиями. Поднявшись же, дал клятву, что будет беспощаден к убийцам отца. От его меча пал Эврипил, сын Телефа, посланный на верную гибель матерью, подкупленной золотым ожерельем. Отравленная стрела Неоптолема поразила насмерть и Париса. Его тело было найдено пастухами в том же лесу, где прошли детство и юность погубителя Трои.

Между тем Филоктет, не теряя времени, встретился с одним из сыновей Асклепия и получил желанное исцеление. Он стал скакать, как молодой козел, потрясая оружием и крича, что возместит вынужденное десятилетнее бездействие.

А тем временем Одиссей в рубище нищего проник в Трою и похитил в храме Афины палладий, сумев при этом сохранить зрение. Так Троя лишилась поддержки богов.

Твой труд кропотлив и долог.

Ты ищешь древние стены,

Ты хочешь вырвать из плена

Приамов высокий дом.

Но красоту Елены

Тебе не отрыть, археолог, -

Она не в земле и тлене -

В слове живет одним.

Сверкают Ахилла латы,

И вносят коня в ворота.

В словах этих, словно в сотах, Стихов золотится мед.

И ты бросаешь лопату И чувств отдаешься полету,

И красота Елены Тебя за душу берет.

И все же потребовалась еще одна хитрость, чтобы взять обреченный город. Ахейцы провели шумные сборы и взошли на корабли, сделав вид, что отчаялись в победе и отправляются по домам. На деле же они спрятались за островом Тенедосом и ждали, когда наступит их час.

Высыпав из городских ворот, троянцы вошли в оставленный лагерь. Всем хотелось зайти в опустевшие шатры, взглянуть на могильный холм Ахилла.

В изумлении окружила толпа огромного деревянного коня, который не уступал размерами кораблю. Откуда он взялся? Не упал же он с неба? Что с ним делать? Поджечь? Сбросить в море? Пробуравить и взглянуть, что внутри? Одно предложение сменялось другим и тотчас шумно отвергалось.

Вдруг из-за вершины холма показался человек с копьем в руке и с ним двое спутников. Когда он приблизился, все увидели, что это жрец Аполлона Лаокоон и его юные сыновья.

- Несчастные! - крикнул жрец еще издалека. - Что вас заставило покинуть город? Вы поверили в удаление врагов, словно бы не испытали их коварства? Вы радуетесь этой диковине, созданной на нашу погибель по коварному замыслу Одиссея. Вот что я вам скажу: бойтесь данайцев и дары приносящих!

С этими словами он занес за спину копье и с огромной силой метнул его в деревянное чрево, скрепленное, как фракийский бочонок, ободьями. И загудело оно, отозвавшись эхом, вещая погибель великой Трое. Но никто не услышал этого звука, словно бы враждебные боги наслали на троянцев глухоту.

Толпу внезапно привлекли голоса пастухов, кого-то тащивших. По их словам, этот человек, назвавший себя ахейцем Синоном, сам им отдался в руки. Рыдая, пленник рассказал развесившим уши троянцам, будто бы, садясь на корабли, его хотели принести в жертву богам, дарующим попутный ветер, но ему удалось бежать и спрятаться в кустах.

- А что это за чудище? - спросил у пленника Эней, стоявший рядом с Приамом.

- О, это дар богине Афине, - отозвался лжец. - Прорицатель Калхант приказал его соорудить таким огромным, чтобы невозможно было его внести в город через ворота. Ибо есть предсказание, что город, принявший этого коня, будет неприступен.

Услышав эти слова, Приам приказал развязать Синона, и тот стал клятвенно заверять, что все им сказанное - истина.

- Не верьте ему! - закричал Лаокоон.

Но в это мгновение все увидели, что из волн высунулись две огромные змеиные головы. Змеи передвигались по воде, изгибаясь огромными кольцами. Выбравшись на сушу, они кинулись на

сыновей жреца, а когда отец бросился на помощь юношам, схватили и его, опутав могучее тело петлями. Напрасно сопротивлялся Лаокоон. Облитый липкой слюной и черным ядом, он бессильно уронил голову. Оставив мертвых, змеи, не тронув более никого, поползли к храму Афины Паллады, где улеглись у ног статуи.

Долго молчали потрясенные троянцы, пока кто-то не проговорил:

– Жрец наказан по заслугам. Не вынесла богиня, что он кинул копье в ее святиню.

Лаокоон с сыновьями (мрамор, ок. 50 г. до н. э., Рим, Ватиканские музеи)

И эти глупые слова убедили всех. Троянцы шумно двинулись к городу, чтобы разобрать часть стены. Конь, как предупредил Sinon, оказался выше ворот. Четырежды раздавался звон оружия во чреве гигантского коня, но никто его не услышал.

За ворота навстречу ликующему шествию выбежала Кассандра. Вздывая руки к небу, она вопила:

– Остановитесь, безумцы! Оставьте это чудовище в конском обличье! Возвратите его Посейдону. В чреве коня сокрыт огонь. Я вижу, как языки его ползут к твердыне Приама. Вижу я – рушится кровля дворца. Пламя вздымается к черному небу, в ночь превращая день, последний для Трои. Вижу, как звери выходят из нор, чтобы поселиться в развалинах. Жжет мою душу. О, Аполлон! О, Аполлон! Верни обезумевшим людям ум, свет – ослепшим, слух – оглохшим! Обороны от беспощадного сына Ахилла детей наших, жен, стариков!

– Что с нею? – удивленно пожимали плечами одни. – Огонь в чреве? Звери в развалинах? Она видит, как рушится кровля, а ликования сограждан не видит...

Другие, покачивая головой, с жалостью смотрели на деву:

– Несчастливая! Тяжка кара Аполлона!

Третьи кричали:

– Что она каркает, как ворона перед ветром! Уведите ее!

Несколько женщин подбежали к Кассандре и силой потащили ее к храму Афины, возвращающей разум. Но еще долго, затихая, слышались ее вопли:

– О, Аполлон! О, Аполлон!

Пока устанавливали коня, пришел в движение небосвод. Из Океана вышла Ночь, укрывая темным своим покрывалом землю и небо. Ахейцы в чреве коня задремали, как вдруг услышали, что кто-то пытается отыскать место дверки. Потом послышался нежный голос Елены:

– Менелай, милый, выйди! Если бы ты знал, как я тоскую по тебе!

Одиссей, догадавшись, что грозит беда, крепко схватил Менелая за кисть руки.

Через несколько мгновений раздался другой женский голос:

– Диомед! Что ты там застрял! Выходи!

Диомед не шелохнулся. Это был голос его супруги, от которой он с радостью ушел на войну и готов был бы скрыться и в стране эфиопов.

Снаружи еще кто-то сладко заворковал. Суровый Антиклес уже успел открыть рот, но Одиссей наложил на него крепкую ладонь.

Удаляясь от громады, Деифоб сказал Елене:

– Наши подозрения не оправдались. В чреве коня никого нет! Ты же меня удивила. Я не знал, что ты умеешь говорить всеми голосами.

И снова все стихло. Через несколько мгновений с того места чрева, где была потайная дверь, послышались три коротких удара.

– Это ты, Синон? – спросил Менелай.

– Да! – ответил лазутчик.

И тотчас же заскрипел засов, открылось продолговатое отверстие. Наружу высунулось длинное копьё, на землю, как с корабля, был брошен канат, и по нему бесшумно скользнул на землю первый воин. За ним другой, третий, четвертый. И вот уже под чревом коня разместился отряд. Разделившись, одни бросились к пролому в стене, чтобы уничтожить стражу. Другие рванулись к дворцу. Кто-то, отделившись, понесся к храму Афины Паллады. Через несколько мгновений оттуда послышались возня, крики и тяжелый удар. Это рухнула статуя той, что была на стороне ахейцев.

Многие мужи и жены, выскочив из постелей, побежали к дворцу, чтобы укрыться за его стенами. Другие, оставаясь дома, кидали в недругов что попало: кастрюли и сковороды. Кто-то пронзил ахейца вертелом, и он, схватившись за него, с воем катался по мостовой.

Между тем сквозь разрушенные Дарданские ворота вливались все новые и новые отряды ахейцев и мирмидонян. Обходя дом за домом, воины убивали мужчин, а женщин и детей вытаскивали наружу и гнали бичами на агору. Дворец был окружен со всех сторон и обречен. Но его защитникам удалось раскатать и опрокинуть башенку, нависавшую над воротами. Внизу раздалась вой и стоны. Десятки ахейцев остались лежать под руинами.

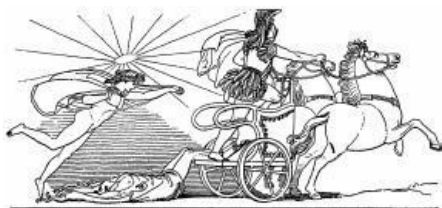
Прыгая по трупам и камням, вверх к воротам с бревном в руках понесся Неоптолем. Ему удалось их разбить и ворваться во дворец. За ним ринулись другие. Вскоре дворец наполнился криками убиваемых. И не было пощады никому.

Бросившись к Андромахе, прижимавшей к груди младенца, Неоптолем выхватил его и с воплем «Гектореныш!» кинул вниз с высокой стены. От старца Приама, прижавшегося к алтарю Зевса, богобоязненные воины отводили мечи. Неоптолем же пронзил его насквозь.

Начало светать, и стало видно, как из дворца выбегают ахейцы – кто с кожаными мешками или драгоценной утварью, кто волоча за руку полураздетую женщину или плачущего ребенка. Стоны пленниц, потерявших родителей, лишившихся детей, заполнили всю долину Скамандра. Их заглушали крики воинов, старавшихся отбить себе рабыню покрепче, помоложе, покрасивее. Одиссей, перекричав всех, добился справедливого раздела по жребию. Андромаха, узнав, что досталась убийце своего сына Неоптолему, лишилась чувств. Ее, полуживую, бросили на колесницу. Самому Одиссею по жребию досталась старуха Гекаба. Это было встречено хохотом; и старуху тут же убили.

Но вдруг все стихло. В странной, неестественной тишине, которой не знала Троя за всю свою историю, послышался шелест, будто исходящий от огромных невидимых крыльев. Это боги покидали свои алтари в побежденном городе, предчувствуя, что здесь никто уже не будет

приносить им жертв.

На пути в отечество

Пахнет кровью трава

У поверженной Трои.

На свои острова

Отплывают герои,

И на их имена

Отзывается звуком

Тетива и струна

Аполлонова лука.

И ведет за собой

Он смятенные души

К берегам, где прибой

Все сомнения глушит.

Для мифологического сознания с его замедленностью сценического действия и пристрастием к живописным подробностям и генеалогическим деталям возвращение героев из-под Трои домой, переход от войны к миру – не время, необходимое для плавания от берегов Троянской равнины до Пелопоннеса, Аттики, Беотии или островов Эгейского моря, а длительный период, наполненный удивительными событиями и приключениями. Перенесенные в иную среду, герои должны преодолеть возникающие препятствия на пути в отечество.

В годы Троянской войны они вспоминали о нем чаще всего в тех случаях, когда между героями возникали споры и можно было пригрозить возвращением на родину. Герои в пылу сражения как будто не помнят о том, что у них дома остались отцы, жены, сыновья. Так, Ахиллу о его отце Пелее напоминает Приам, желая разжалобить убийцу сына. О сыне Ахилла Неоптолеме ахейцы вспоминают лишь после гибели великого героя, когда опять-таки троянец сообщил, что без его появления у осаждающих не будет удачи.

Тоска по родине возникает у греков во время их возвращения. Греки называли возвращающихся «ностой» – и именно от этого корня произошло современное «ностальгия». Но для эпических героев ностальгия – чувство тех, кто в пути. Заданный мифом долг выполнен. Можно с чистой (или нечистой) совестью возвратиться с богатой добычей, с золотом и пленниками или малолетними пленниками к милым женам, к сыновьям, не видевшим отцов или успевшим забыть о них, к старым родителям. Ан нет! Миф ставит на пути к желанной встрече одно препятствие за другим. Вот уже родной город на виду, а буря отбрасывает корабль назад. Отец не принимает сына, не оправдавшего возлагавшихся на него надежд. Колдунья, очарованная красотой героя, не отпускает его на родину. Еще раз герой с невероятными усилиями достигает отечества, но судьба или враждебные боги опять воздвигают преграды. Так родина становится трижды желанной, а разлука с нею невыносимой, если только по оплошности не выпьешь сладкого лотосового сока забвения или не будешь превращен злой волшебницей в животное, которому неведома ностальгия.

Таковы логическое и психологическое обоснования сюжетов о странствиях при возвращении на родину, используемых в мифах об Одиссее, Менелее, Тевкре, Диомеде и многих других ахейских героях. Разумеется, и в этих сюжетах присутствует определенная историческая подоплека: желание создателей мифов обрисовать те реальные этнические и политические перемены, которые произошли в период между Троянской войной и временем жизни поэта, собравшего предания о ней. Мифы о возвращении давали возможность объяснить, как были основаны далеко от первоначальной родины новые города, как племена переменили места обитания.

Древнейшей и как будто единственной из поэм возвращения была «Одиссея». Ее часто называют «поэмой моря». В самом деле, море присутствует во всех частях пространного повествования как грозная, подвластная враждебным богам стихия, которая противостоит соединению скитальца Одиссея с его островной родиной, с супругой, хранящей ему верность на протяжении двадцати лет, с выросшим в отсутствие отца сыном. Сила моря выглядит тем более значительной, что могучая фантазия поэта размыкает до неузнаваемости хорошо знакомые мореходам его времени очертания островов и полуостровов, бухт и проливов. Все

это создает впечатление, что действие происходит не в прекрасно изученных, тысячелетиями выверенных и обозначенных лодиями водах, а в беспредельных пространствах, где герой, даже такой находчивый, как Одиссей, не может рассчитывать на самого себя, а только на помощь дружественных ему богов. Одиссея нельзя назвать мореходом, это целиком «сухопутный человек», втянутый в морской мир поневоле.

Превращение Одиссея, а не кого-либо из других мифических героев Троянской войны, в скитальца по морям Запада связано с географическим положением Итаки, его родины. Ни один из микенских торговых центров, – а это прежде всего был Коринф, родина предков Одиссея, – не мог достигнуть Италии, минуя Итаку. Запасшись на этом острове водой и продовольствием, мореходы плыли к острову Керкире, а оттуда до «каблука» Италии было рукой подать. Поэтому если маршрут плаваний Одиссея фиктивен, то Итака как пункт на пути микенской колонизации Запада назван безошибочно.

Излагаемое нами содержание «Одиссеи» не соответствует последовательности, избранной в повествовании Гомером. Рассказ о большей части собственных приключений в поэме вложен в уста самому Одиссею, и события на его родине Итаке составляют особую линию рассказа, параллельную плаванию. Но изложение в любом случае не может заменить оригинала так же, как и перевод текста последнего. Мы вынуждены были допустить эту условность, поскольку она подготавливает к чтению великого творения Гомера, а также и потому, что без знакомства с «Илиадой» и «Одиссеей» представление о греческой мифологии будет неполным. Поэмы, изложение которых в книге занимает последнее место, могли бы быть поставлены первыми, поскольку они служили более поздним поэтам и мифографам источником. Но тогда мы не получили бы представления о греческой мифологии как системе. Гомер был поэтом. Поэзия же и система несовместимы.

Первым заторопился на родину Менелай. Плоды долгой и кровопролитной Троянской войны достались прежде всего ему: была возвращена для наказания виновница войны Елена, пусть успевшая за десять лет сменить двух супругов, но столь же прекрасная и пленительная, как в день первого знакомства. Поэтому он не покарал ее смертью, а решил вернуть на свое ложе. Но не польстится ли кто-либо вновь на красоту Елены, не постигнет ли тогда судьба Трои Кносс, Фивы, Афины? Да мало ли кто может захотеть обладать небесной красотой. «Скорее, скорее на корабли!» – призывал Менелай, к неудовольствию Агамемнона. Царь Микен не торопился домой, хотя и не догадывался о ждущей его там беде. Будучи человеком богобоязненным, он настаивал, чтобы до отправления ахейцы как следует отблагодарили Афину, даровавшую им победу.

Снова между братьями вспыхивает ссора. Не дождавшись их примирения, в море на кораблях уходят Нестор, Диомед, строитель деревянного коня Эпей и другие герои.

Менелай со своей флотилией догоняет их у мыса Суния, крайней оконечности Аттики. Здесь ему приходится задержаться. Посейдон лишает жизни кормчего его корабля Фронтида. Пока царь Спарты устраивает погребение и ищет другого кормчего, остальные суда поднимают якоря. Все они благополучно минуют мыс Малей, крайнюю оконечность Пелопоннеса, а корабли Менелая попадают в бурю. Пять из них относит к острову Криту.

Уцелевший корабль Менелая несется на юг. Ударом волны его разбивает о скалу. Супружескую пару и еще нескольких ахейцев выбрасывает на берег. Оставив жену и спутников в пещере, Менелай идет выведать, где находится. Увидев богатый дом, он узнает, что оказался в Египте. Но когда он попытался войти, перед ним захлопывается дверь, ибо от госпожи получен приказ не пускать никого, кроме супруга. Назойливый странник все же узнает, что хозяйка дома Елена, спартанская царица.

Обескураженный Менелай поначалу решил, что Елена, которую он оставил в пещере, уже успела пробраться в этот дом и заимела нового супруга. Но из беседы с привратницей выясняется, что Елена прибыла в Египет до начала войны с Троей и все эти годы провела в ожидании ее окончания.

А вот появляется сама хозяйка дома и с порога бросается в объятия к Менелаю. Да, это его Елена! Но кто же тогда та, которую он вывез из Трои, которую простил за бегство и измену? «Неужели судьба вознаградила меня за долгую разлуку с супругой тем, что дала еще одну Елену? – думал Менелай. – Но это же двоеженство!»

Вырвавшись из объятий, Менелай несется к пещере. Никогда, даже в Трое, в состязаниях у гробницы Патрокла, ему не удавалось достигнуть такой скорости. Но что это? Спутники бегут ему навстречу. Вздывая руки к небу, они кричат:

– Менелай! Ты видел? Еще мгновение назад...

– Да, я встретился с нею! – отвечает Менелай, отдышавшись. – Она ждала меня в Египте десять лет, но где же та, что оставалась с вами?

– О ней мы и говорим! Мгновение назад госпожа растворилась в эфире.

– И она просила что-нибудь мне передать?

– Нет! – отозвался один из спутников растерянно. – Она о тебе не вспоминала. Но нам она объяснила...

– Что же она сказала? – перебил Менелай.

Он еще ничего не понимал, но радовался, что у него осталась одна Елена.

– Буквально следующее: «Глупцы вы, ахейцы и троянцы. Сколько лет вы проливали из-за меня кровь на берегу Скамандра, выполняя замысел Геры. Все вы были уверены, что Елену похитил Парис и владел ею до самой смерти. Но это была я, призрак Елены. Ныне, исполнив повеление Мойр, я возвращаюсь к отцу своему Эфиру».

– Ну и дела, друзья! – выдохнул Менелай. – Мне кажется, лучше держать то, что вы слышали, в секрете.

– Это верно! – согласился тот, кто рассказывал. – Что о нас подумают в Спарте, если мы туда вернемся!

– Да нам и не поверят! – подхватил другой. – Решат, что мы сошли с ума.

– Или возводим хулу на богов! – вставил третий.

– Оставайтесь здесь! – приказал Менелай, довольный, что не пришлось убеждать в необходимости сохранения тайны, приказывать или брать клятву. – Я пойду туда...

В тоне, каким было сказано это последнее слово, чувствовалось, что Менелай не ожидал от супруги такого же понимания. И он не ошибся. Узнав о случившемся, Елена не обрадовалась исчезновению соперницы. Она была возмущена до глубины души тем, что какая-то тварь – волнуясь, Елена не нашла другого слова для дочери Эфира – покрыла позором ее честное имя.

– На меня будут показывать пальцем! – негодовала Елена. – Она бежала с чужеземцем! Она переменила трех супругов! Сколько из-за нее погибло людей!

– Успокойся! – взывал к разуму Елены Менелай. – Ведь не завтра мы окажемся в Спарте. К тому времени многое поуляжется, позабудется, предстанет в ином свете.

Мудрый был человек Менелай! За семь лет, какие им дали боги, чтобы посетить многие народы Ливии и Азии, Елена перестала сердиться на своего двойника. У женщин ведь свое честолюбие! Той, которая десять лет проживала в Египте, не покидая дома, было приятно услышать, с каким восхищением рассуждают об ее мнимых похождениях ливийки, египтянки, сидонянки.

На пути в Спарту Менелая и его спутников выбрасывает на островок Фарос, где, страдая от голода, им пришлось ждать попутного ветра. К счастью, на помощь приходит местная нимфа. От нее скитальцы узнают, что на берег островка выходит со своим тюленьим стадом Протей, знающий тайны богов. И он их выдаст, если его крепко держать, не пугаясь превращений.

На рассвете Менелай и его спутники, накинув на себя вонючие тюленьи шкуры, вышли на берег моря и устроились за камнями. Вскоре послышались звуки, напоминающие свист. Протей, старец с бородой цвета водорослей, загонял тюленье стадо в бухту, где волнение моря было менее сильным. Тюлени один за другим выбирались на берег и, энергично двигая лапами и всем туловищем, ползли к скалам.

Убедившись, что в море не осталось ни одной самки, ни одного тюленьего детеныша, Протей по-стариковски лег на песок и захрапел. Услышав храп, герои подползли к старцу и, внезапно скинув шкуры, схватили его за руки и за ноги. Чего только ни вытворял Протей, чтобы вырваться из плена. Вместо рук и ног героям приходилось держать когтистые лапы ревушего льва. Царя зверей сменяла огромная змея, с шипением направлявшая на недругов голову. Змея превращалась в дрожащего от ярости кабана, кабан – в ветвистое дерево. Наконец, в руках героев оказалась быстротекущая вода. Но они не разжимали пальцев. И Протей сдался! Приняв облик старца, он спросил устало:

– Ну что ты от меня хочешь, Менелай?

– Какие из богов, гневаясь, не дают мне попутного ветра? – спросил Менелай.

Не давая прямого ответа, Протей сказал:

– Возвращайся обратно в Египет и принеси гекатомбу богам, которые даруют тебе счастливое возвращение на родину.

Выполнил Менелай совет Протея. Он и Елена благополучно возвратились в Спарту и прожили остаток жизни душа в душу. Елена взяла на себя проделки призрака, поняв, что это угодно богам. Гера умела не только беспощадно мстить, но и быть благодарной. После смерти Менелай и Елена были перенесены на Острова Блаженных, где жили, не испытывая никаких мучений.

Быстрее всех героев вернулся на родину Агамемнон, чтобы пасть жертвой ненависти Клитемнестры. Не простила она заклания Ифигении и начала мстить еще до возвращения мужа, введя в дом любовника Эгисфа.

Царица отрядила одного из рабов следить, не смыкая глаз, с крыши дворца за огненным сигналом. Узнав таким образом, что ахейское войско отчалило от Трои, Клитемнестра стала готовиться к торжественной встрече ненавистного супруга. Рабыни сшили из пурпурных тканей огромный ковер и спустили его с лестницы дворца к дороге, по которой должна была пройти колесница победителя Трои.

Вот и она, украшенная цветами и зеленью. Рядом с супругом – дева, бледная, с круглыми от ужаса глазами. Клитемнестра уже слышала о ней. Это Кассандра, дочь Приама. Взять наложницу с собой на колесницу было еще одним оскорблением Клитемнестре. Но она не подала виду, что оскорблена. Обняв и поцеловав супруга, она улыбнулась и пленнице.

На лицо Агамемнона лег отсвет кроваво-красного ковра. Царь стал искать глазами обходной путь, пугаясь оказанной ему божеской почести. Но куда ни глянь – земля пылает пурпуром. Сняв сандалии, Агамемнон осторожно сошел с колесницы, словно бы спускаясь на раскаленные угли, а не на мягкую ткань.

Глаза Кассандры блуждают. Взгляд то опускается долу, то вздымается к небу. «Скоро исполнится воля судьбы! – думает дева. – Счастлив тот, кто, умирая, видел родное небо Трои».

Но микенянки, окружившие колесницу, не в состоянии понять ее переживаний. Ведь им неизвестно, что произойдет через несколько мгновений.

– Не бойся, Кассандра, – уговаривают они пленницу. – Сойди с колесницы. Прими ярмо неволи.

Клитемнестра встревожена. Этого препятствия она не предвидела. Поэтому, сменив роль доброжелательной супруги, она превращается в заботливую госпожу и утешает рабыню избитыми словами: от судьбы не уйдешь, рабскую долю испытал сам Геракл, в издавна богатом доме невольнице живется лучше, чем там, где господа разбогатели недавно.

Кассандра безмолвствует. Клитемнестра ищет новые, более убедительные и проникновенные слова. Кассандра продолжает молчать. Тогда, выведенная из равновесия, Клитемнестра бросает невпопад:

– Нет у меня времени тебя уговаривать. В глубине мегарона, у очага, стоит овца и ждет ножа. Нож наточен.

Глаза троянки наполняются ужасом. Слово «нож» само вырвалось из уст убийцы. И оно понятно одной Кассандре. Из груди ее вырывается крик. Она, обращаясь к толпе, старается объяснить как можно яснее. Показывает на дом, куда ее приглашают войти, называет его «живодерней» и «помостом палачей».

Старец в толпе, приложив к уху ладонь, кричит:

– Не пойму тебя! Твои пророчества застлали мне глаза бельмами!

Кассандра повторяет сказанное, дополняя каждое слово жестами. Она показывает на Агамемнона, на себя, на Клитемнестру, подражает удару ножа. Толпа недоумевает.

Клитемнестра заносит секиру, чтобы убить Кассандру

Потеряв надежду, Кассандра сходит с опущенной головой и шагает вслед за супругами во дворец. Она еще не успевает войти, как рабыни начинают сворачивать пурпурный ковер. Еще мгновение, и из дворца доносится приглушенный крик Агамемнона. Наружу выбегает Клитемнестра с секирой в руках. Капли крови стекают с лезвия на деревянные ступени лестницы. Затем появляется Эгисф в царской мантии и с жезлом Агамемнона.

Народ молчит, потрясенный кровавым преступлением. Один лишь старец, разводя руками, бормочет вполголоса:

– Так вот что пророчила дева, а я ее не понял.

Из дворца выносят труп задушенной Кассандры. Толпа разбегается.

К чему холодные сомненья?

Я верю, здесь был грозный храм,

Где крови жаждающим богам

Дымились жертвоприношенья.

Александр Пушкин

Убийцы не остались неотмщенными. Мстителем стал сын Агамемнона Орест. Старшая сестра десятилетнего Ореста, Электра, помогла ему скрыться у своего дяди, царя Фокиды. Здесь прошли его детские годы, и здесь же завязалась дружба с царским сыном Пиладом, ставшая в веках образцом верности. Достигнув совершеннолетия, Орест отправился в Дельфы, где получил недвусмысленное указание Аполлона убить преступную мать и ее сообщника.

Так Орест вместе с Пиладом оказался в Аргосе, у склепа Агамемнона. Юноша едва успел срезать прядь волос и с молитвой положить на могильный камень, как появилась процессия женщин в черных одеяниях. Это были рабыни Клитемнестры, посланные умиловить душу царя, которая стала являться госпоже по ночам в пугающем облике. Вместе с рабынями была царская дочь Электра, не отличающаяся от них одеждой, но с коротко остриженными волосами. Взывая к духу отца, Электра не молила его о милости. Она призывала к мщению.

Собираясь уходить, девушка заметила прядь волос. Сравнив их со своими, она поняла, что на кладбище побывал Орест, и стала взволнованно молить богов, чтобы они спасли его от опасностей. Услышав молитву, юноша вышел из укрытия и рассказал сестре о своих планах.

В тот же день в дверь царского дворца прошли двое юношей, выдавших себя за посланцев царя Фокиды. Принятые Клитемнестрой, друзья сообщили ей о внезапной кончине Ореста. Царица не смогла скрыть при посторонних своей радости. Ведь она все эти годы опасалась сына, видя в нем мстителя за супруга. Ликуюя, Клитемнестра посылает вестника за Эгисфом, находившимся за пределами дворца. В радостном волнении Эгисф оставляет стражу, не отходившую от него ни на шаг, и гибнет от руки Ореста. Пилад убивает юношей, пришедших на помощь Эгисфу. Раб, оказавшийся свидетелем возмездия, сообщает госпоже о происшедшем. Подготовившись, Клитемнестра находит слова, которые должны разжалобить сына. Но Орест неумолим. Силой он влечет мать туда, где находится труп Эгисфа, и убивает ее над ним.

Едва Клитемнестра испустила дух, как появились страшные эринии с бичами в руках и со змеями, извивающимися в волосах. Они преследовали матереубийцу на всем пути до Дельф, где Орест надеялся найти защиту у Аполлона, чей приказ он выполнял. Сребролукий, усыпив эриний, посоветовал беглецу отправиться в Афины и молить там защиты близ старинной статуи Афины Паллады.

Для решения судьбы Ореста Афина собрала суд на холме Аррея из числа афинских старцев и родичей Клитемнестры. Эринии, выступая в роли обвинительниц, требовали сурового наказания преступника. Оправдываясь, обвиняемый заявил, что Клитемнестра совершила двойное преступление, убив своего супруга и его отца. Защитником Ореста выступил сам Аполлон, доказывавший, что как кровный родственник отец выше матери. К тому же, убивая мать, Орест действовал по воле бога.

Орест убивает Эгисфа. Сзади Ореста с секирой Клитемнестра, за Эгисфом Электра (роспись на сосуде)

Для оправдания Ореста было достаточно, если голоса разделятся пополам. Так оно и оказалось, но только потому, что за Ореста подала свой голос председательница суда Афина. Этим решением были недовольны эринии и родственники Клитемнестры. Дочь Клитемнестры и Эгисфа Эригона кончила жизнь самоубийством. Эринии же, побуйствовав, вскоре смирились. Афина уредила их остаться в Аттике, в пещере у подножия холма Ареса, где они,

переменив имя, стали почитаться как Эвмениды (благодарные).

Оправдание в Афинах не принесло Оресту полного успокоения. Его соотечественники микенцы по-прежнему считали его преступником и запретили возвращение на родину. Нередко героя посещали кошмары и кровавые видения, словно бы посылаемые его гонительницами эриниями. Не зная, как спасти себя от надвигающегося безумия, Орест обратился в Дельфы. Аполлон устами Пифии указал путь к избавлению от мук совести: возратить статую Артемиды, находящуюся на краю ойкумены в Таврике (древнегреческое название полуострова Крым).

Оснастив судно, Орест в сопровождении Пилада отправился на суровый северный берег Понта Эвксинского, на котором тогда еще не было греческих колоний. Высадившись на сушу, друзья были пленены дикими туземцами – таврами, и их ждала судьба всех пленников: принесение в жертву жестокой богине Деве, почитаемой в этих суровых местах. Ореста и Пилада отвели к жрице Девы, которая должна была подготовить чужеземцев к жертвоприношению. Этой жрицей оказалась дочь Агамемнона и Клитемнестры Ифигения, спасенная Артемидой с алтаря в Авлиде и перенесенная в Таврику.

Из расспросов Ифигения узнала, что пленники – ее соотечественники, а затем, к своей радости и ужасу, поняла, что один из них ее брат Орест, которого она оставила ребенком. Ифигения не сомневалась, что пленников надо во что бы то ни стало спасти, но к тому же надо было увезти статую Артемиды, которую местные жители отождествляли со своей богиней Девой. Движимая любовью к брату, девушка сумела преодолеть невероятные препятствия, стоявшие у нее на пути.

Она объяснила царю тавров, что доставленные к ней пленники – страшные преступники и что их можно заколоть на алтаре лишь после очищения на берегу моря, вместе со статуей Девы, которую они запятнали своим нечистым дыханием. На берегу моря Ифигения удалила скифскую стражу под предлогом сохранения тайны очищения. Сразу же Посейдон подогнал к берегу корабль Ореста, и беглецы оказались в безопасности на его палубе. Благополучно корабль достиг берегов Аттики, и статуя была перенесена в храм Артемиды, где многие века вызывала всеобщее удивление и пользовалась почитанием.

Теперь уже ничто не препятствовало возвращению героев в Арголиду и осуществлению давнишней мечты Ореста: соединиться браком с Гермией, дочерью Менелая и Елены, которая была ему обещана уже в раннем детстве. Этому препятствовало обещание Менелая, данное им в конце Троянской войны, связать судьбу Гермией с Нептолемом, сыном Ахилла.

Гермией, всю жизнь любившая друга детства, посоветовала ему отправиться в Дельфы, где, как ей было известно, находился Нептолем, вопрошавший Аполлона о браке. В Дельфах Орест завязал ссору с сыном Ахилла, убил его и стал супругом Гермией. Пилад взял в жены Электру, дочь Агамемнона.

Женившись на Гермией, Орест стал царем Микен и наследником Менелая, царствовавшего в Спарте. Начало его царствования не было счастливым. На Арголиду обрушилась моровая болезнь и унесла тысячи жизней. Оракул, к которому обратился царь, посоветовал унять гнев Аполлона, восстановив города, разрушенные во время Троянской войны. Так Орест основал в Малой Азии много греческих колоний, которые стали вскоре богаче их балканских метрополий.

Угодив богам, Орест получил от них три человеческих века и умер, процарствовав семьдесят лет и передав власть любимому сыну.

Товарищем Агамемнона по несчастью оказался прославившийся в боях под Троей Диомед. Ему также изменила его жена Эгиала, то ли не выдержав испытания разлукой, то ли по злому умыслу Афродиты, мстившей Диомеду за его победы над троянскими героями. Среди любовников Эгиалы был и Комет, сын Сфенелы, которому, отправляясь в Трою, герой доверил свой дом. К счастью, интриги негодной женщины и ее любовников не угрожали жизни Диомеда, и он со своими друзьями и пленниками направился в Италию, к царю Давну, одному из сыновей иллирийца Ликаона. Давн принял героя, и тот со свойственным ему мужеством и военным счастьем воевал с авзонами, мессапами, невкетами и другими племенами юга полуострова. Дал Давн Диомеду в жены свою дочь, и мог бы он стать царем Давнии и отцом знаменитых сыновей, если бы не человеческая зависть и непостоянство судьбы. Давн приказал убить Диомеда и его спутников. Спасаясь, они превратились в огромных белых птиц, заселивших прибрежный островок. Сохранив человеческий разум, птицы эти с тех пор приветствовали высаживавшихся на остров греков радостными криками и хлопаньем крыльев.

Тевкр отплыл на свою родину Саламин вместе с племянником Эврисаком, заботу о котором

Аякс поручил ему перед смертью. Но по пути корабль Эврисака отстал, и Тевкр прибыл на Саламин один. Теламон не простил Тевкру того, что он не отомстил за смерть Аякса и не привез внука. Пришлось Тевкру снова повести корабли, на которых была его троянская добыча.

Он прибыл в Сирию, где правил царь Бел, и тот отправил Тевкра на соседний остров Кипр, как раз в это время им захваченный. Он и его пленники поселились среди аборигенов и женились на их дочерях. Самому Тевкру досталась царская дочь Евна. От нее он имел многих детей. Помня о своей родине, Тевкр заложил на Кипре город Саламин, а его первенец Аякс Младший основал впоследствии в Киликии город Ольвию.

Одиссей

И не было странствиям нашим конца.

Души друзей моих слились

с уключинами и веслами,

с неуловимым ликом,

высеченным на носу корабля,

с кругом руля, солеными брызгами.

Один за другим покидали меня мои спутники,

не поднимая глаз. Веслами

отмечены на берегу места, где они спят.

Георгос Сеферис (пер. Л. Лихачевой)

Ветер гнал нагруженные добычей корабли вдоль берегов Фракии, и первым на пути оказался город Исмар в землях племени киконцов. Помня о том, что они с царем Ментесом воевали на стороне Трои, ахейцы высадились на берег и одним броском захватили не ожидавший нападения город. Все мужчины были перебиты. Женщин погнали на побережье, где развернулся пир. Киконцы и исмарское вино пришлось победителям по вкусу, и они, решив остаться на этой земле навсегда, стали готовить жребий для ее передела на участки. Одиссей в грабежах не участвовал и старался защитить достойных киконцев от разгула страстей. Среди них был и жрец Аполлона Марон. В благодарность он одарил спасителя несколькими мехами драгоценного вина.

Одиссей понимал, что командам нескольких кораблей не справиться с обитателями окружающих Исмар селений. Напрасно он предлагал поднять якорные камни. Его совет был отвергнут.

Вскоре появились фракийцы. Бой развернулся вблизи кораблей и длился сутки. Силы ахейцев стали иссякать, а подмога к ним не шла. Потеряв до четверти воинов, Одиссей увел уцелевших и раненых на корабли. Ветер унес их подальше от земли киконцов, от брошенных на полях трупов друзей.

У мыса Малей на корабли обрушилась ярость Борея. Флотилия была отброшена в открытое море. Только через девять дней борьбы с ветром и волнами показался остров, покрытый пышной растительностью. Пока отдыхали на берегу и набирали воду, Одиссей отправил трех спутников в глубь острова, чтобы узнать, населен он или нет. Посланцы встретили мирных людей, которые их шумно приветствовали и дали отведать напиток, изготавливаемый из плодов лотоса. Вкусивший его немедленно забывал о родине. Трое спутников героя явились на корабль лишь для того, чтобы проститься с товарищами. Одиссей, видя, что с пришедшими творится что-то неладное, приказал затащить их на палубу и привязать к веслам.

Далее на пути оказался островок, заселенный непугаными козами. Они подходили к мореходам, терлись о их ноги и приветствовали радостным блеянием. Поняв, что от коз не будет никакой беды, а одна лишь польза, Одиссей приказал вытащить корабли на песок и сделать стоянку.

Островок отделялся от расположенной против него гористой местности нешироким проливом. Иногда можно было видеть, как над деревьями поднимаются столбики дыма. Одиссей решил отправиться на разведку на одном корабле. Оставив его с частью команды в укромной бухточке, он с двенадцатью самыми отважными спутниками двинулся в глубь земли. С собой они взяли мех с исмарским вином, чтобы смягчить им местных жителей, если те встретятся.

Вскоре перед путниками открылся широкий вход в пещеру, которая, судя по многочисленным загородкам, служила одновременно помещением для скота и жилищем его владельца. Виднелось много корзин с огромными круглыми сырами и грубыми глиняными сосудами с кислым молоком.

Хозяин пещеры не заставил долго себя ждать, но при его виде Одиссей со спутниками забились поглубже. Это был Полифем – великан-киклоп с одним глазом прямо над носом.

Загнав животных и завалив скалой выход из пещеры, он занялся дойкой овец, а после того разжег костер, чтобы приготовить себе трапезу. И тут великан, увидев пришельцев, проревел что-то угрожающее.

Одиссей, не теряя достоинства, предупредил киклопа, что он будет наказан Зевсом, если нарушит предписанное этим богом гостеприимство. Киклоп, дико захохотав, объявил, что знать не знает о каком-то Зевсе. В подтверждение он схватил двух спутников и отправил себе в пасть, усеянную острыми зубами.

Эта страшная участь ожидала бы всех, если бы Одиссей не схитрил, предложив людоеду чашу вина. Выпив, киклоп потребовал еще и спросил Одиссея, как его зовут.

– Мое имя – Никто! – ответил герой.

– Тогда я в награду съем тебя последним! – загоготал киклоп и, изрядно захмелевший, свалился на землю и захрапел.

Ослепление Полифема

Нужно было как-то спастись. Одиссей заострил и поджег на углях конец бревна, валявшегося тут же в пещере, затем все разом подняли его и воткнули изобретенное «оружие» в глаз великану. Заревел он от боли, стал слепо шарить руками по стенам пещеры и звать на помощь других киклопов. Когда те сбежались, людоед стал кричать, что его погубил Никто. Не поняв в чем дело, киклопы удалились, а один из них с укором проговорил:

– Если тебя никто не губит, зачем так реветь!

Утром овцы стали проявлять беспокойство и блеять. Киклоп начал их выпускать, тщательно ощупывая. Но не догадывался он, что Одиссей успел соединить животных по трое, привязав своих спутников под брюхом каждой средней овцы, а сам уцепился за шерсть самого большого барана. Благодаря этой хитрости Одиссей и его спутники не только спаслись, но взяли на корабль все стадо людоеда.

После долгих блужданий корабли прибыли к острову, обнесенному медной стеной. Принадлежал он любимцу богов Эолу, властителю ветров. Был Эол гостеприимным хозяином. Целый месяц он угощал мореходов, жадно слушая их рассказы о битвах под Троей. За столом, кроме хозяина и гостей, было шестеро его сыновей. Что касается шестерых дочерей, бывших женами своих братьев, то они были заняты хозяйством. На прощание Эол вручил Одиссею мех с подвластными ему ветрами. Это обеспечило бы возвращение на Итаку, если бы его спутники, позарившись на богатства героя, не развязали мех. С диким свистом пленные ветры вырвались и понесли корабли к своему станью, к острову Эола. На этот раз владыка ветров прогнал Одиссея, молившего о помощи, ибо убедился, что боги враждебны сыну Лаэрта.

В отчаянии мореходы сели на корабли и подняли якоря. Через шесть дней они подплыли к берегу, о котором на всех морях шла дурная слава. Там жили лестригоны, занимавшиеся разбоем и людоедством. К их городу Ламосу, находившемуся в глубине бухты, вел узкий проход. Оставив возле него свой корабль, Одиссей приказал остальные корабли вытащить на песок. Вскоре показались лестригоны. Выламывая огромные утесы, они закидали ими корабли и погубили всех, кто высадился на берег. Одиссею удалось уйти в открытое море на единственном уцелевшем судне.

Впереди был берег. По мере приближения к нему становилось ясно, что он недоступен из-за крутости и множества прибрежных камней. Но вот словно некий благосклонный бог показал бухту, поначалу скрытую от глаз. Вода была так тиха и прозрачна, что можно было видеть песчаное дно и проплывающих рыбок. Но не доверяя этому спокойствию, Одиссей оставил корабль на якорных камнях, команде же разрешил спуститься на берег. Он не знал, где восток и запад, но догадывался, что где-то здесь поблизости от острова Гелиоса должны находиться

владения его дочери Кирки. Предположения подтвердились. С высоты холма герой увидел, что находится на острове, плавающем на волнах, подобно венку, и что большая его часть занята лесом. Узрел он также поднимавшийся в самом центре острова дым.

Возвратившись к спутникам, Одиссей предупредил, что их ожидает опасность, не уступающая тем, какие им пришлось пережить, и предложил разделить на два отряда. Став во главе одного из них, второй он поручил храброму Эврилоху.

Прошло немало времени в ожидании ушедших. Наконец, явился Эврилох, бледный, перепуганный, единственный, кто не последовал приглашению Кирки сесть за стол и поэтому сохранивший человеческий облик. Остальные были превращены волшебницей в стадо свиней.

И отправился Одиссей один на выручку друзей. Неведомо, чем бы это кончилось, если бы на опушке леса ему не перерезал дорогу юноша божественного облика, в котором нетрудно было угадать Гермеса. Гонец Олимпа на глазах у Одиссея вырвал из земли черный корень и передал его, объяснив, что с ним ему не угрожают чары Кирки.

Вскоре Одиссей оказался в доме приветливо встретившей его Кирки и за ее столом. Когда он отхлебнул из одного кубка, волшебница крикнула:

– Теперь ты – свинья! Остальные свиньи ждут тебя в хлеве.

Но Одиссей выхватил меч и сделал вид, что собирается убить волшебницу.

И вспомнила Кирка о данном ей прорицании, что ее обманет хитроумный Одиссей, явившийся из-под Трои. Тотчас она предложила ему разделить с ней ложе.

Не отказался Одиссей от близости с богиней, но первоначально потребовал от нее клятвы, что она не причинит ему зла, а спутникам вернет человеческий облик.

Кирка тотчас же вывела из хлева стадо суетливо хрюкающих свиней, поочередно помазала каждого снадобьем, и разом с их тел спала щетина, и они не только приняли свой прежний вид, но стали моложе, крепче и прекраснее. Дом и все окрестности огласились радостными возгласами. Проникшись нежностью к Одиссею, Кирка разрешила ему поднять на берег корабль и привести в дом остальных спутников.

Покидая остров Кирки, чтобы встретиться с душой Тиресия, Одиссей оставил волшебнице сына Телегона, а может быть, двух сыновей – Телегона и Навсифая. Телегон (греч. «рожденный вдали от отца») станет впоследствии невольным убийцей Одиссея.

Много странного и удивительного пришлось пережить Одиссею и его спутникам на Западе. Но ведь Запад в представлении греков, этрусков, египтян и других народов ойкумены – страна смерти. Ее нельзя избежать. Посещение айда в общем повествовании «Одиссеи» кажется незначительным эпизодом, но без него поэма странствий теряет мифологический смысл.

Подобно тому как высадке Одиссея и ахейцев на земле Трои предшествовала гибель юного Протесилая, такой же жертвой, правда, без злого умысла Одиссея, стала гибель его спутника Элленора, упавшего с кровли дворца Кирки. Его душа, как предвещала Кирка, должна была указать путь кораблю в страну мертвых.

Борей ударил в паруса, и осталась позади Океан-река. Моряки причалили к мглистому берегу, покрытому ивами и черными тополями. Открылись взору реки айда, но обошлось без челна Харона. Следуя совету Кирки, Одиссей и его спутники выкопали глубокую яму, совершили над ней три возлияния – медом, вином и водой, зарезали над ямой черную овцу и барана, после чего призвали души умерших. Те мгновенно слетелись на запах крови. Одиссей же стоял с обнаженным мечом, преграждая им путь к кровавому напитку.

Одиссей сидит у ворот в аид. Перед ним появляется Элпenor, сзади стоит Гермес

Первой появилась душа Элпенора. Одиссей обещал призраку похоронить его тело, воздвигнуть погребальный холм и воткнуть в него весло, чтобы было видно издали, что под холмом лежит мореход. Едва в воздухе растворился призрак Элпенора, место его заняла другая тень. Одиссей залился слезами, узнав в ней свою мать Антиклею, которую, отправляясь в Трою, оставил живой. Призрак Антиклеи рвался к крови, но и его Одиссей не допустил, поскольку помнил наставление Кирки, что первой должна напиться душа Тиресия. Напившись крови, душа Тиресия раскрыла Одиссею все, что ему предстоит пережить, прежде чем он завершит свой жизненный путь.

Лишь после Тиресия дал Одиссей приблизиться к кровавому источнику душе своей матери. Она успокоила сына, сообщив, что живы отец Лаэрт, Пенелопа и юный Телемах. Захотел Одиссей обнять мать, но легкая тень ускользнула. Побеседовал также герой с душой Агамемнона. Она, уверенная в том, что все жены похожи на Клитемнестру, советовала остерегаться Пенелопы. Ахиллу Одиссей рассказал о подвигах его сына Неоптолема. Это обрадовало душу, хотя она и сетовала на жизнь в подземном царстве. Хотел Одиссей помириться и с душой Аякса, но она, смертельно обиженная, не пожелала на него даже взглянуть.

Покинув мрачное царство Аида, скитальцы вернулись на остров, последним провожающий зарю. Одиссей послал мореходов за телом того, чья душа страстно ждала погребения. Раздался стук топоров, и вот уже все готово к обряду сожжения. Над прахом воздвигнут курган, вознеслось весло, которым греб Элпенор, пока его не выбрала жертвой судьба. Одиссей облегченно вздохнул, выполнив долг перед мертвым. Между тем Кирка прислала служанок и с ними все то, что требуется для жизни: сочное мясо, молодое вино, одежды на смену тем, что сохранили дыхание смерти. И сама владычица Эйи явилась на пир в белом одеянии, чтобы поднять ласковым словом дух тех, кому было дано узреть дважды то, что другим дается однажды.

Пир продолжался до темноты, и когда мореходы предались сну, Кирка, взяв Одиссея за руку, отвела его в сторону и под бормотание волн открыла тайны, которые ей самой доверили боги.

Вслед за златотронной зарей мореходы спустили корабль в родную ему стихию и сели за весла. Опершись о мачту, Одиссей обратился к команде:

– Нас ждет впереди остров и с ним ждала бы и гибель, если бы богиня не раскрыла мне жребий. Едва я вам подам знак, залепите себе уши воском, а меня прикрутите к мачте двойными узлами и отвяжите лишь тогда, когда в отдалении будет луг, на котором поселились сладкоречивые вестницы смерти сирены.

Выватив меч, Одиссей разрезал на куски данный ему Киркой воск, который расплавился на его ладони под лучами Гелиоса. Каждому мореходу он заткнул уши воском, они же привязали его по знаку руки, словно пленника, к мачте.

Одиссей проплывает мимо острова сирен

Затих ветер. Поверхность моря застыла. Парус упал. Работали лишь весла, взбивая темную воду. Показался зеленый луг. На нем мореходы увидели нескольких дев, чьи тела были белее морской пены. Заметив корабль, они восторженились и запели:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахейцев! Ведь еще ни один корабль не прошел, нас минуя. Тот, кто нас слышал, всеведенья может добиться. Ведь нам известны дела, какие творились под Троей...

Издали стал виден уходящий в небо утес. Его вершина терялась в черных тучах. По другую сторону находился утес пониже. Между ними темнела полоса воды.

– Держись ближе к высокому! – крикнул Одиссей кормчему.

И вот утес уже рядом. Гладкий, словно бы отесанный. На его поверхности ни травинки. Открылась пещера, обращенная к западу черная пропасть. Оттуда доносилось повизгивание и негромкий лай.

– Щенки, – проговорил Стесий. – И как они туда забрались?

– Сцилла! – сказал Одиссей.

В том, как было произнесено это неведомое мореходам слово, ощущался ужас.

– У этого чудовища, – продолжал герой, – двенадцать ног и шесть длинных шей. На каждой – голова с тремя рядами острых зубов. Оно их опускает в воду и шарит по утесу, вылавливая дельфинов и морских лисиц. И ни один корабль, проходя мимо Сциллы, не ушел без жертвы.

– Тогда надо держаться от этой скалы подальше! – крикнул сосед Стесия по скамье.

– Но там, Ормений, Харибда! Она всасывает...

Не успел Одиссей договорить, как из пещеры выскочило шесть голов. Стесий, Ормений и еще четверо мореходов исчезли в их пастьях.

По мычанию быков и блеянию овец стало ясно, что корабль приближается к острову Гелиоса. Помня предостережения Тиресия и советы Кирки, Одиссей умолял спутников миновать этот гибельный остров, но они не повиновались. Корабль был вытащен на берег. Одиссей заставил спутников поклясться, что они не тронут быков Гелиоса. Но когда припасы подошли к концу, спутники сочли, что голодная смерть страшнее кары богов. «В конце концов, – рассуждали они, – Гелиоса можно умиловить богатыми жертвами». Дождавшись, когда Одиссей заснет, спутники захватили и закололи несколько быков Гелиоса, насытив ими чрево и усыпив совесть, а вместе с нею и страх. Как только корабль покинул остров, налетела страшная буря. Зевс молнией разбил судно в щепки. Одному Одиссею удалось ухватиться за обломок мачты и избежать гибели.

Девять дней судно бросали волны, пока не показался остров Огигия, на который не высаживался ни один бог, ни один смертный. На острове жила прекрасная океанида Калипсо, полюбившая героя с первого взгляда, и он в течение семи лет пользовался всеми благами, о каких только может мечтать смертный. Но тоска по Итаке не давала ему покоя. Часто он удалялся на песчаный берег и, не отрывая взгляда, смотрел туда, где находилась трижды любимая отчизна. Слезы сами текли на мягкое одеяние, которое сшила для Одиссея океанида.

Тоска героя не осталась незамеченной на Олимпе. На совете богов заступница Одиссея Афина уговорила Зевса презреть вражду Посейдона и отправить Одиссея на родину. Известие об этом решении должен был принести Гермес. Завидев его, Калипсо залилась слезами. Она лелеяла надежду навсегда удержать героя у себя и даровать ему бессмертие.

Зевс посылает Гермеса к нимфе Калипсо

О повелении богов от Калипсо узнал и Одиссей. Пользуясь советами нимфы, он обтесал бревна и сколотил крепкий плот, способный выдержать длительное плавание. Погрузив дарованные нимфой припасы, поблагодарив ее за гостеприимство и любовь, Одиссей отдался воле волн.

Через восемнадцать дней плавания вдали из тумана стали вырисовываться очертания острова феаков, о котором Одиссей знал из рассказа Калипсо. Здесь он надеялся на отдых и помощь. Но, к несчастью, плот попался на глаза Посейдону, возвращающемуся из страны волнистокудрых эфиопов. Рассвирепел владыка моря при виде того, кто ослепил его сына. Волны, поднятые трезубцем, взметнули плот, как щепку. Из всех сил держался Одиссей за мачту, но его смыло в море. Барахтаясь в волнах, он уже завидовал тем, кто лег костями под Троей. Но все же он догнал плот и взобрался на скользкие доски.

Море продолжало его швырять с той же яростью, и погиб бы герой, если бы не благосклонная к мореходам богиня Левкофея. Она, приняв вид нырка, села на край плота и посоветовала герою снять одежды и достигнуть берега вплавь. Когда же он последовал этому совету, она бросила ему покрывало, державшееся на поверхности воды, и Одиссей за него ухватился. Видя, как его враг, выбиваясь из сил, жалко барахтается в воде, Посейдон успокоился и погнался коней к подводному дворцу. Афина тем временем приказала успокоиться ветрам.

Через двое суток единоборства с волнами Одиссей увидел близкий берег. Прибой ревел, как сотня быков, поднимая брызги до неба. Волны бешено бились между прибрежными утесами и подводными камнями. Не раз Одиссей был на краю гибели, когда, оплывая остров, пытался отыскать место, где можно было выбраться на сушу. По изменению цвета воды он понял, что находится в устье речного потока. Взмолился речному богу Одиссей, и тот остановил свое течение. Волны сами внесли Одиссея в речное русло, и герой оказался на берегу. Сняв покрывало Левкофеи, он бросил его в море и остался, в чем его родила мать Антиклея. Отыскав на берегу две смоковницы, он зарылся с головой в груды сухих листьев и погрузился в глубокий сон.

Утром на побережье вышла вместе со служанками царица Навсикая полоскать белье. Пробудился от звонких голосов Одиссей и, прикрывшись ветвями, приблизился к девам. Царица, выслушав объяснения героя, приказала рабыням его омыть, дать чистую одежду, напоить и накормить.

Так оказался Одиссей на острове Схерии и вместе с девами направился в город. По пути в облике феакийской девы героя встретила Афина и сделала невидимым, чтобы его не оскорбил кто-нибудь из феаков. Сам же он мог любоваться пристанью с рядами кораблей, обширной агорой, могучими городскими стенами.

Дворец, куда ввела Одиссея Навсикая, был из блестящей меди, серебра и золота. Сад при дворце поражал яркой зеленью и обилием плодов. В мегароне герой увидел царя и царицу в окружении знатных феаков. С мольбой о защите обратился Одиссей к царице и сел на пепел у очага. Царь Алкиной взял Одиссея за руку и посадил рядом с собой, полагая, что перед ним какой-нибудь из богов в облике смертного. Разочаровал герой царя, рассказав о своей родине и роде, поведав, сколько бед он испытал по пути на остров.

Долго длился этот рассказ. Но все его слушали с таким интересом, что не заметили, как стемнело. Обещал царь Алкиной герою, что доставит его на родину. И тут же распорядился подготовить пятидесятивесельный корабль и собрать скитальцу дары. Наутро народ

подтвердил решение царя, хотя знали островитяне, что могут навлечь на себя гнев Посейдона. Алкиной пригласил во дворец на прощальный пир старейшин и всех отправлявшихся с гостем. На пиру под звонкий рокот кифары слепой песнопевец Демодок напевал о деяниях героев под Троей, и не раз из его уст вылетало имя Одиссея. А сам Одиссей, вспоминая о горестях, ронял слезы. Простившись со всеми, Одиссей встретился с Навсикаей и поблагодарил ее достойными благородной девы словами за спасение.

На следующий день, принеся вместе с Алкиноем жертвы богам, корабль Одиссея покинул Схерию. Герой лег на застеленное ложе. Боги навеяли глубокий сон, и он спал всю дорогу до Итаки. Так он и не простился со своими спасителями и тем более не узнал, что стал невольным виновником страшной беды для гостеприимного Алкиноя. Посейдон, давно уже гневавшийся на феаков за то, что они развозили странников по морям, превратил корабль, спасший Одиссея, в скалу, наглухо закрыв порт для мореплавания.

Минуло десять лет с той поры, как отшумела Троянская война и вернулись домой все, кто уцелел в кровопролитных боях с недругами и кого не погубили враждебные боги по пути на родину. А об Одиссее не было никаких вестей. Поэтому все наглей вели себя женихи, осаждавшие дом Одиссея и требовавшие, чтобы госпожа Пенелопа сделала выбор и назвала одного из них супругом. Пенелопа прибегла к хитрости, обещав дать ответ, когда закончит ткать покрывало на гроб своего свекра Лаэрта. Днем она его ткала, а ночью распускала. Женихи между тем бесчинствовали, разоряя дом.

Едва боги приняли решение вернуть Одиссея на родину, в его дворец спустилась Афина. Приняв облик Ментора, друга царя Итаки, которому последний, покидая свой остров, поручил заботы о доме и воспитание сына, она встретила с Телемахом. Юноша поделился с мнимым Ментором своим горем: не справиться ему одному с буйными женихами. И «наставник» посоветовал Телемаху отправиться в Пилос к Нестору и в Спарту к Менелаю, чтобы там разузнать о судьбе отца. Богиня знала, конечно, что никому не известно о злоключениях Одиссея, но она опасалась, как бы юношу не убили женихи.

Пока Телемах, следуя совету, посещал героев, на Итаку вернулся Одиссей. Его привезли феаки и оставили вместе с дарами на берегу. Проснувшись, он не узнал своего острова: это Афина опустила на него туман. Подобрал дары, Одиссей побрел куда глядят глаза. И вдруг перед ним появился юноша необыкновенной красоты. Спросил юноша Одиссея, кто он и откуда родом. Едва успел рассказать осторожный Одиссей выдуманную историю о похищении финикийскими пиратами, как юноша переменял облик, превратившись в Афины. Обещав потрясенному герою помощь, заступница повелела ему никому не открывать себя, ибо на Итаке его все знают. Не поверил Одиссей, что он у себя на родине.

Телемах и Пенелопа

Тогда Афина рассеяла туман, и понял герой, что странствия позади. Он бросился на родную землю и стал покрывать ее поцелуями.

Афина растаяла в воздухе вместе с туманом, но успела изменить облик Одиссея, придав ему вид старого и убогого нищего.

Свинопас Эвмей, к которому пришел Одиссей, не узнал господина, но принял гостя радушно. Из беседы с Эвмеем Одиссеем стало известно о домогательствах женихов, разоряющих его владения хуже морских разбойников, и о том, что Пенелопа устала им противостоять, а сын его Телемах отправился на материк, дабы разузнать о судьбе своего отца. В гибели Одиссея раб был уверен.

Одиссей, рассказывая вымышленную историю о своих бедствиях, поведал Эвмею, что видел его господина совсем недавно. Не поверил Эвмей, но пообещал дать страннику неизношенную одежду, если добрая весть подтвердится.

Пока Одиссей жил у Эвмея, Афина поспешила в Спарту и повелела Телемаху немедленно возвратиться на Итаку и, прежде чем войти в город, отправиться к свинопасу Эвмею.

Как-то утром, когда Одиссей и Эвмей еще трапезничали, послышался радостный визг собак, ласкающихся к Телемаху. Выскочили они на порог. Раб со слезами на глазах стал обнимать юношу, покрывая его лицо поцелуями. Одиссей мог только поклониться тому, встречи с кем он страстно ждал все эти двадцать лет.

За трапезой Одиссей вновь повторил Телемаху историю, которую уже поведал Эвмею, и попросил юношу принять его в своем доме.

С горечью признался Телемах, что он у себя в доме не хозяин, но обещал подарить страннику новую одежду и меч.

– Будет у тебя, странник, сразу две одежды, – вставил свинопас, – лишь бы вернулся господин.

Телемах поручил Эвмею известить Пенелопу о своем возвращении. Пока юноша, выйдя из хижины, давал наставления верному рабу, к Одиссею явилась Афина и, вернув ему прежний облик, разрешила открыться сыну.

Телемах застал вместо нищего старца могучего мужа и принял его за бога.

– О бессмертный! – воскликнул он. – Смилуйся над нами.

– Не бог я, а твой отец Одиссей! – молвил герой и бросился обнимать и целовать сына.

Не сразу поверил юноша, что нищий странник, превратившийся в могучего воина, – его отец. Лишь когда объяснил Одиссей, что своему превращению он обязан Афине, Телемах заключил отца в объятия.

Наговорившись, отец и сын выработали план действий. Возвратив с помощью Афины облик старца-нищего, Одиссей отправился в город.

Пока он туда добрался, Телемах уже успел встретиться во дворце с матерью, а на агоре – с женихами, которые приняли его с преувеличенной радостью и злорадством. Претенденты на итакийский трон собирались перед пиром помериться силами в метании копья и диска.

Эвмей привел в мегарон Одиссея, и тот стал обходить гостей, прося подаяния. Только один из женихов ничего не подал нищему, а швырнул в него скамейку. Одиссей не пошатнулся от сильного удара в спину, но только предрек месть эриний.

Долго еще пировали женихи. Упившись, они не заметили, как Телемах и Одиссей выносили из мегарона оружие. Не видели этого и служанки, заблаговременно запертые в своем помещении.

Уже стемнело, когда в мегарон вошла Пенелопа. Сев к очагу, она поставила сиденье для странника, а когда тот устроился, стала расспрашивать об Одиссее. Нищий рассказал о мнимых встречах с Одиссеем и уверил царицу, что царь жив и вскоре вернется.

Повелела Пенелопа постелить страннику мягкое ложе, он же, поблагодарив госпожу, попросил приказать рабыне, с которой она пришла, омыть ему ноги. Этой рабыней была старая няня Одиссея Эвриклея.

Когда Одиссей погружал ноги в таз, Эвриклея разглядела шрам на лодыжке и едва не вскрикнула. Узнала старая след раны, нанесенной юному охотнику вепрем. Одиссей успел зажать няне рот ладонью:

– Молчи, если не хочешь меня погубить!

На следующее утро женихи вновь заполонили мегарон. Судя по их решительному виду, они замыслили убийство Телемаха. Разгадав их план, юноша усадил странника на скамье у двери и громко произнес:

– Будь здесь и пируй с гостями! Горе тому, кто тебя оскорбит!

Один из женихов дерзко возразил Телемаху, другой схватил со стола и швырнул в странника коровью ногу. Женихами вдруг овладел беспричинный смех. Не иначе Афина вселила в них безумие! Услышав шум, Пенелопа вышла с луком и стрелами в руках.

– Юноши и мужи! – обратилась она к женихам. – Этим луком владел Одиссей, да хранят его боги. Будет справедливо, если тот, кто хочет занять его место, сумеет пропустить стрелу через двенадцать колец, как это делал мой супруг.

Телемах вырыл ямки в земляном полу, укрепил жерди и к каждой из них сверху привязал кольцо. Тем временем лук Одиссея переходил из рук в руки, но никто не смог его даже разогнуть. Пока женихи были заняты луком, Одиссей, отведя в сторону Эвмея и еще двух слуг, открылся им и попросил Эвмея по первому знаку подать ему лук. Вернувшись в мегарон, Одиссей обратился к женихам, смазывавшим лук салом:

– Я вижу, достойные мужи, что лук Одиссея вам не дается. Разрешите и мне испытать, осталось ли у меня в руках хоть немного силы или ее истребили нужда и бродячая жизнь.

Несмотря на почтительное обращение, просьба вызвала ярость женихов. Один из них сказал за всех:

– Мало тебе, бродяга, что допущен в наше благородное общество! Ты еще дерзаешь состязаться с нами, как тот кентавр, которому лапифы отрубили нос и уши!

– Нельзя лишать одного гостя того, что позволено другим, – вмешалась Пенелопа. – Неужели вы думаете, что этот старец предложит мне свою руку, если ему даже удастся пробить стрелой кольца?

– Не женским делом ты занимаешься, мать, – прервал Телемах. – Иди лучше в свою половину, где тебя ждет ткацкий станок.

Удивилась Пенелопа, впервые услышав от сына дерзкие слова. Не поняла она, что Телемах отсылает ее, боясь подвергнуть опасности. Как только Пенелопа удалилась к себе, Одиссей дал Эвмею знак и получил лук. Герой приложил стрелу оперенным концом к тетиве, натянул и, прицелясь, метнул в кольца. Пронзила стрела все двенадцать колец и впилась в стену.

В наступившем молчании грозно прозвучали слова Одиссея, обращенные к сыну:

– Не посрамил тебя, юный господин, твой гость! Видно, не утратил я в скитаниях силы, дарованной Зевсом.

Подкинув лук и ловко его поймав, Одиссей добавил:

– Эй, кифара! Не пора ли тебе перестроиться на новый лад?

При этих словах Телемах взял в руки боевое копье и стал рядом с отцом. Одиссей сбросил рубище и, высыпав из колчана стрелы, весело крикнул:

– Поговорим, друзья-женихи! Вот вам мое первое слово!

Из лука вырвалась первая стрела, насмерть поразив одного из женихов. За ней – другая, третья. Ни один из них не ушел от возмездия.

Как лев, растерзавший быков, стоял Одиссей посреди мегарона, весь в крови, когда на его зов явилась кроткая Эвриклея. Попросил он няню привести рабынь, деливших с женихами ложе и потворствовавших их козням. Явились они бледной толпой и подняли вопль при виде возлюбленных, бездыханных и обезображенных смертью. Дав предательницам выплакаться, Одиссей приказал им вынести трупы и сложить их во дворе, как дрова в поленище. Убедившись, что приказание выполнено, Одиссей распорядился освободить мегарон от остатков пищи и крови и повесить неверных рабынь всех до одной.

Омывшись, герой послал няню за Пенелопой, которую боги погрузили в глубокий сон. Разбудив госпожу, Эвриклея рассказала ей все, что случилось в мегароне. Не могла Пенелопа поверить, что нищий, с кем она вела беседу, – Одиссей и что ему удалось одному одолеть целую толпу женихов. Уступив настоянию верной рабыни, Пенелопа последовала за нею. Широко открытыми глазами смотрела женщина на Одиссея, которому Афина вернула его божественную красоту, все еще не веря, что это ее супруг. Решив выяснить истину, она приказала Эвриклею:

– Наш гость устал! Пойди приготовь ему ложе, выдвинув его из опочивальни.

– Не трудись, няня! – рассмеялся Одиссей. – Ложе, о котором говорит госпожа, не сдвинуть с места и мне! Ведь оно вырублено из пня высохшей сливы, чьи корни до сих пор уходят в землю!

Одиссей избивает женихов

Заплакала Пенелопа от радости и бросилась в объятия Одиссею. Ведь только она и он знали эту тайну.

Так соединился Одиссей со своей прекрасной, верной и умной супругой. Вскоре он повидал и отца Лаэрта, примирился с подданными, восставшими, чтобы отомстить за убийство женихов.

На этом завершается повествование «Одиссеи». Но поздние авторы, исходя из пророчества души Тиресия, вернули Одиссея к новым странствиям.

Опять острова, как колеса, сорвались с осей, И буйствуют волны под стать женихам Пенелопы, И снова в атаку выходит один Одиссей, Хотя нет ничего, что надеждой назваться могло бы. И он побежден. И снова с веслом на плече, В лохмотьях, босой на чужбину уходит без страха, Бездомный бродяга, чье имя «Никто» иль «Ничей», Оставив Итаку и царство свое Телемаху.

Долго бродил Одиссей по Греции с веслом на плече, но на его пути так и не встретился человек, который бы его спросил: «Эй, куда ты несешь лопату?» Ведь если Одиссей решился отыскать народ, не знающий о мореплавании, ему надо было странствовать не по соседству с Итакой, а где-нибудь за Рифейскими горами.

Вернувшись на Итаку, Одиссей вкопал весло в землю и принес близ него, как у алтаря, жертву Посейдону, дав обет более никогда не выходить в море. Но направился он опять-таки в Грецию, на этот раз в Северную, где находился знаменитый оракул Додоны. Герой надеялся узнать, чего же ему следует опасаться. Прорицатели Зевса Додонского селлы, всю жизнь обходившиеся без обуви и не мывшие ног, объяснили герою, что ему грозит смерть от руки сына. Тогда-то Одиссей принял решение жениться на царице племени феспротов Каллидике.

Став царем феспротов, Одиссей совершает набег на земли воинственного фракийского племени бригов, которые постоянно разоряли феспротские селения. Едва не оказался этот поход последним. Бриги устроили засаду. Одиссея и на этот раз спасает от гибели его покровительница Афина, склоняющая сердца бригов к почетному миру.

У Каллидики рождается сын, которому дали имя Полипойт. Каллидика умирает, оставляя власть Полипойту. Лишенный царского сана, Одиссей возвращается на Итаку и попадает в объятия Пенелопы и Телемаха, истосковавшихся по супругу и отцу. Одиссей уже начал сомневаться в правильности предсказания оракула Додоны, но на всякий случай избегает выходить с Телемахом на охоту и участвовать вместе с ним в состязаниях атлетов, чтобы не быть убитым случайно.

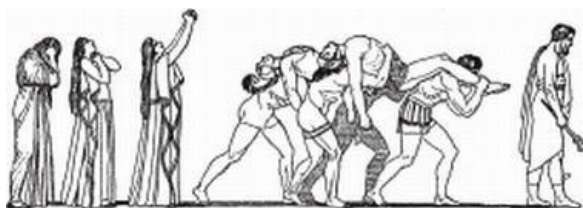
Тем временем на Итаке высадился юный Телегон с целью разыскать отца. Страдая от голода, юноша стал угонять овец из стада Одиссея. Одиссей пустился в погоню за грабителем и, догнав его, вступил с ним в схватку. Защищаясь, Телегон ранил преследователя дротиком, оканчивавшимся шипом ската. Нет спасения от яда ската, и Одиссей умер в страшных мучениях. Из стонов умирающего Телегон понял, что погубил отца.

Рыдая, принес несчастный юноша труп Одиссея во дворец. Залились слезами Пенелопа и Телемах и стали готовиться к погребению по обычаю предков. Но не отдал им Телегон тела отца, заявив, что похоронит его у себя на родине. Вместе с Телегоном покинула Итаку и Пенелопа, то ли не пожелав расставаться и с мертвым Одиссеем, то ли возненавидев остров, принесший ей столько горя.

На Эйе всемогущая Кирка сумела соединить безутешную вдову с Телегоном в счастливом браке, от которого родился Итал, ставший царем сикулов и давший свое имя Сицилии. А после кончины своего смертного сына и невестки Кирка поместила их обоих на Островах Блаженных.

Возвращение Гераклидов

Пал стрелою пронзенный Гилл.

По кровавому следу героя

Возвращаются юным роем

Гераклиды в страну могил,

Чтоб свои отстоять права

И прославить прапрадеда имя.

И, как шкура немейского льва,

Пламенеет заря над ними.

Захватившие весь мир подвиги и труды Геракла, если верить мифам, обеспечили ему небывалый успех у женщин. Считалось, что у него было 70 сыновей. На самом деле сыновья появлялись там, где существовал культ Геракла и где у царей и глав знатных родов возникало желание породниться с тенью героя-бога. На дочерей Геракла, естественно, почти не было спроса, и их у него не оказывалось.

Первые и единственно известные Гомеру Гераклиды связаны с островами Родос и Кос. Это Тлеподем и Фессал. Первый из них уже при жизни «отца» был претендентом на руку Елены и участвовал в Троянской войне. Но наибольшую активность в представлении мифографов и поэтов проявили сыновья и потомки Геракла от Деяниры, с которыми связан миф о возвращении на Пелопоннес, дополнивший мифы о возвращении на родину участников Троянской войны. Формирование этих мифов – одна из жгучих проблем не столько мифологии, сколько греческой истории в целом, поскольку речь идет о литературном источнике, характеризующем крушение микенского мира и зарождение новой, полисной Греции. Впервые эту легенду в достаточно полном объеме изложил в середине V в. до н. э. «отец истории» Геродот, пользовавшийся в качестве источника рассказом одного из трагических поэтов. Афинский драматург Еврипид посвятил ей в конце V в. до н. э. свою трагедию «Гераклиды», связав беглецов Гераклидов с судьбами Афин. Наряду с этим существовала другая версия, согласно которой помощь Гераклидам оказали не Афины, а Фивы. Рассказы о скитаниях и возвращении Гераклидов оставили также историки Эфор и Диодор Сицилийский, мифограф Аполлодор и греческий путешественник Павсаний. Изложения этих авторов сильно разнятся друг от друга в повествовательных деталях, но они едины в том, что Гераклиды вернулись в Пелопоннес и это возвращение было концом мифических времен Эллады и началом ее подлинной истории.

За мифом о возвращении Гераклидов, по почти единодушному мнению современных исследователей, стоит историческое событие – новая волна переселения индоевропейцев, носителей обширной языковой группы (к их числу относятся многие современные языки – славянские, германские, балтийские, иранские, армянский). Вторжение индоевропейцев в Средиземноморье происходило этапами. Предшественниками ахейцев, создателей микенской культуры, были пеласги. Помимо сведений о расселении их части на восточном побережье Средиземноморья, имеются предания о заселении ими некоторых земель современной Италии.

Последняя крупная волна индоевропеизации Средиземноморья оставила более отчетливые археологические следы. Это культура, выявленная в Восточной Германии, Австрии и Венгрии, Прирейнской Галлии, Северной Испании и Италии, вплоть до ее южной части, называется культурой «полей погребальных урн»: покойников кремировали и хоронили в урнах, тесно прилегающих друг к другу.

Появление этих народов на Западе синхронно таким событиям на Востоке, как разрушение хеттской державы, гибель Трои и вторжение «народов моря» в Египет.

Разумеется, такой маленький народ, как дорийцы, не мог снести златообильные Микены, крепостенный Тиринф и песчаный Пилос, но если представить себе дорийцев как авангард великого переселения народов (в древнеегипетских текстах XIII-XII вв. до н. э. они названы «народом моря»), обрушившегося на всю Переднюю Азию, острова и полуострова Средиземного моря, то мифы о возвращении Гераклидов могут рассматриваться как своего рода исторический источник.

Выгорел погребальный костер Геракла на горе Эте. И все, кто был чем-либо обязан могучему герою и благодетелю, погрузились кто в воспоминания, кто в глубокую печаль. Эврисфей же

поднялся на стены Микен и, встав рядом с привратными львами, обнявшими лапами колонны, хищно раздул ноздри. «Наконец-то, – ликовал он, – нет того, кого я пытался уничтожить двенадцать раз. Ему удалось выйти сухим из воды в десятке других испытаний, в какие он вовлек себя по безрассудству. Но теперь огонь истребил его плоть. Он стал дымом».

Обратив взгляд к Тиринфу, Эврисфей что-то вспомнил, и лицо его перекошилось: «Истребил ли? Ведь остались сыновья Геракла Гилл, Ктесипп, Глен и дочь Макария. Живут еще в Тиринфе старуха Алкмена и племянник Геракла Иолай, помогавший ему избежать неизбежное».

Спустившись со стены, царь созвал своих верных слуг, чтобы испросить у них совета, как поскорее известить род Геракла. Были среди советников Эврисфея люди, тайно сочувствовавшие Гераклидам. Узнав от них о замыслах негодя, Гераклиды тайно покинули Тиринф и укрылись в соседней Трахидее, которой правил царь Кеикс, давний друг их отца.

И сразу же Эврисфей разослал по всему Пелопоннесу гонцов с требованием под угрозой войны выдать беглецов. Тогда Кеикс созвал Гераклидов и обратился к ним с такими словами:

– Да, я был другом вашему отцу. Но мне не совладать с могучими Микенами, и нет у меня провизии, чтобы выдержать долгую осаду. Не лучше ли вам стать под защиту могущественных Афин? Их царь Демофонт – прославленный воитель. Ведь он участвовал в Троянской войне, а после вызволил из плена свою бабушку Эфру, похищенную Диоскурами. У Демофонта благодарная память. Не забыл он, какие услуги оказал ваш отец его отцу Тесею.

Так беглецы покинули Трахину и путем Тесея, через Истм, отправились в Афины. Демофонт оказал им царское гостеприимство и отвел для поселения побережье у Марафона. Ведь он знал о мстительности Эврисфея, готового на все, лишь бы истребить род Геракла. Гераклиды же поспешно отправили в Дельфы гонца, чтобы узнать об исходе предстоящей войны. Ответ оракула потряс: «Гераклиды победят, если кто-либо из них отдаст себя в жертву Персефоне».

Собрались дети Геракла и Деяниры и стали судить-рядить, кому первому идти в мрачный аид.

– Я уже стара, и смерть меня не пугает, – сказала Алкмена, – вам же, внуки мои, еще жить и жить!

– Нет, бабушка! – возразил Глен, младший из внуков. – Богам, как много раз повторял наш отец, надо отдавать самое лучшее. Суровая богиня не сочтет тебя лучшей из нас. Мне кажется, что я придусь Персефоне по душе.

Тогда выступила, сияя юной красотой, Макария, прекраснейшая из дев.

– Отец назвал меня Макарией, рассчитывая на то, что я принесу счастье нашей семье. И вот наступило время доказать, что я достойна своего имени. Боги оценят твое благородство, Глен. Но твое место в бою, моя же кровь принесет нашему роду победу, и вы, братья мои, вернетесь в Микены, чтобы наследовать отцовскую власть.

Не успела Макария договорить, как Алкмена забилась в рыдания:

– Ты одна у меня внука! Зачем я дожила до часа разлуки с тобой!

Но Макария была спокойна. Лишь лицо ее немного побледнело, но глаза смотрели твердо и решительно. С гордо поднятой головой девушка проследовала в храм богини царства мертвых Персефоны, находившийся в Марафоне, на том самом месте, где Деметра впервые встретила со своей дочерью, отпущенной суровым супругом Аидом.

Никто из Гераклидов не видел, как умирала Макария. Алкмену увели в Афины. Но весть о чуде обошла всю Аттику: как только кровь девушки коснулась земли, оттуда забил источник.

Узнав о самопожертвовании Макарии, царь афинян не стал дожидаться, пока войско Эврисфея подступит к городу. Спустившись с акрополя, он выступил ему навстречу. Афиняне и Гераклиды, уверенные в победе, сражались, как львы. Микенское войско обратилось вспять. Первым покинул поле боя трусливый Эврисфей, поторопившийся поскорее добраться до стен Микен, слышавших его приказы и его похвалы.

– Не уйдешь! – выкрикнул быстроногий Гилл, бросаясь в погоню за царем, как гончий пес за грузным кабаном. И вот уже царственный беглец в цепких руках Гилла.

– Отпусти меня! – взмолился Эврисфей. – Ты получишь все мои богатства.

– Не нужны мне твои сокровища, подлец! – ответил юноша. – Шагай быстрее. Макария в аиде ждет не дождется твоей черной крови!

С высот Киферона стало видно море. Вот уже стены Марафона, храм Персефоны, квадрат алтаря, бьющий из земли источник. Гилл занес меч и отсек Эврисфею голову. И покати́лась она, как тряпичный мяч, прямо к алтарю, остановившись у источника.

Прошептав молитву Персефоне, Гилл схватил голову Эврисфея за волосы и, держа трофей перед собой, отправился в Афины. Многие сопровождали юношу, крича: «Голова Эврисфея! Голова Эврисфея!» С тех пор это место так и зовется.

Вот и дом, отведенный Демофонтом Алкмене. Быстро мелькают спицы в руках старухи. Она еще не знает, как закончилось сражение, живы ли внуки. Вязание, в котором Алкмена была мастерицей, успокаивает сердце. На полотне под спицами вырисовывается гордое лицо Макарии, точно такое, каким его видели перед уходом в Марафон. И в это время отодвинулся полог и показался Гилл с головой Эврисфея.

Несколько мгновений старуха, напрягая зрение, всматривалась в окровавленное лицо, словно бы его не узнавая. А может быть, она не могла поверить, что злейший враг ее сына мертв. Потом, отбросив вышивку, она кинулась к голове с криком:

– Вот тебе за Геракла! Вот тебе за Макарию!

Прошло немало времени, пока Гераклиды вернулись в Пелопоннес и разбили там лагерь, ожидая, что микенцы сами пригласят их на царство. Но микенцы не появлялись. Сил для осады города у Гераклидов не было. Внезапно воины их стали умирать. Лица умерших покрывались черными пятнами, и стало ясно, что Аполлон обрушил на лагерь чуму. Тотчас же Гилл отправил в Дельфы гонца, и пифия, жрица Аполлона, объяснила, что бог гневается на Гераклидов из-за их поспешного возвращения.

Пришлось вернуться в Марафон под крыло царя Афин Демофонта. И вновь нетерпеливый Гилл шлет в Дельфы гонца, чтобы узнать, когда же возвращение на трижды любимую родину будет не преждевременным. Пифия ответила: «После третьего плода».

Дело было летом, и Гилл стал отсчитывать периоды сбора осеннего урожая. После третьего сбора он приказал воинам брать оружие и повел их в Пелопоннес. Войско недругов возглавил Эхем, сын Аэропа, царь Тегеи. Желая сохранить жизнь воинам, Гилл предложил поединок любому из противников. Вперед вышел Эхем. В жестокой схватке Гилл был убит.

Тогда Гераклидам, оставшимся без храброго, но торопливого вождя, стало ясно, что под «тремя плодами» оракул имел в виду не три урожая, а три поколения.

Прошло много-много лет. Гераклидов возглавил внук Гилла Аристомах. Но и его поход поначалу не сулил успеха. Аристомах был разбит на Истме царем Микен Тисаменом, сыном Ореста. Через некоторое время сыновья Аристомаха Темен, Аристодем и Кресфонт отправились на берег Локриды, чтобы соорудить там корабли и переправиться на них в Пелопоннес. Но во время высадки молния поразила насмерть Аристодема, у которого остались сыновья-близнецы Эврисфен и Прокл.

Тем временем в лагерь Гераклидов с добрыми намерениями проник любимец Аполлона предсказатель Карн. Он хотел дать совет Гераклидам, а они приняли его за лазутчика. В Карна полетело копье, и он был пригвожден к земле. Возмездие последовало немедленно. Разразилась страшная буря. Вихрь ударил по кораблям и превратил их в груды щепок. И снова в лагере стала косить людей чума. Пришлось возвратиться в Аттику.

На этот раз гонца к пифии отправил Темен. Она объяснила гнев Аполлона убийством Карна и приказала убийце уйти в изгнание. Кроме того, был дан совет поставить во главе войска трехглазого. Его не пришлось долго искать. Мимо лагеря проскакал одноглазый воин на коне. Оказалось, что он спешил к себе на родину по истечении срока изгнания за убийство. Незнакомца остановили и предложили ему командование войском. Он ответил:

– С удовольствием! Это мне по дороге. Меня зовут Оксил. До изгнания я был царем Элиды.

– Ты вернешь себе царство! – обрадованно воскликнул Темен.

Нападение на Пелопоннес последовало с суши и с моря. Первой на пути Гераклидов оказалась Аркадия. Но одноглазый предводитель хотел, чтобы войско двигалось, минуя Аркадию, в Элиду. Вновь был отправлен гонец в Дельфы. Оракул приказал не воевать с тем, кто пригласит

на пир. Вскоре после этого навстречу Гераклидам вышли послы царя Аркадии Кипсела с дарами и приглашением отобедать. Так Аркадия была пощажена. Гераклиды прошли через нее, не причинив никому обиды. С Мессенией же, Лаконией и Аргосом обошлись как с завоеванными странами, сметая все на своем пути, не оставляя целым ни одного города и селения, ни одного дома.

Захваченные и разоренные земли Темен, Кресфонт и сыновья Аристодема решили разделить по жребию. Темену достался Аргос, Проклу и Эврисфену – Лакония, Кресфонт же получил Мессению хитростью. Элида в конце концов досталась Оксилу. Гераклиды выполнили обещанное. Но страну пришлось завоевывать ему самому.

Согласно мифу, у Темена было четверо сыновей – Агелай, Эврипил, Каллий и Архелай. Пренебрегая ими, он решил передать царство любимой своей дочери Гирнефо и ее мужу Гераклиду Деифонту. Не вынесли сыновья этой обиды и наняли убийцу, который тяжело ранил отца. Бежав в Тегею, Темен там скончался, окруженный почетом. Сыновья надеялись править Аргосом, но народ не пожелал подчиняться отцеубийцам. Выполняя волю Темена, воины передали власть Гирнефо и ее мужу.

Тогда решили Темениды отомстить Деифонту. Они подкараулили свою сестру и бросили ее в повозку, чтобы увезти из Аргоса и этим сделать власть Деифонта незаконной. Деифонт бросился в погоню за похитителями, догнал и убил одного из них. В схватке Гирнефо погибла, была торжественно похоронена и получила почитание в священной роще из олив.

Сыновей Темена отправили в изгнание. Одному из них удалось утвердиться в городе Сикионе, который был им захвачен разбойничьим набегом. Другой сын, Архелай, не находил себе нигде пристанища, бродя из селения в селение, из города в город. Так он попал в царство Киссея на севере Греции. У старца не было сыновей, но имелась дочь на выданье. Обещал он ее юноше в жены, если тот отгонит врагов, осаждавших столицу. Архелай в первой же битве разгромил осаждавших, но коварные советчики посоветовали царю избавиться от чужака. Был вырыт ров, заполненный углем, и подожжен, сверху же накрыт хворостом, который должен был провалиться под тяжестью Архелая. Но он был предупрежден царским рабом и бросил самого Киссея в подготовленную им ловушку.

Вскоре после этого начались новые странствия Архелая. Аполлон посоветовал ему стать козьим пастухом. Одна из коз повела его по стране Киссея. На том месте, где она остановилась, Архелай построил город, назвав его Эгами (от слова «aigos» – «коза»). Эги стали столицей Македонии, Архелай ее первым царем.

Много лет спустя судьи в Олимпии не допустили до участия в состязаниях Александра Македонского, посчитав его варваром.

– Но я же потомок Геракла, учредившего Олимпийские игры! – возмутился сын царя Филиппа и хотел было рассказать историю о козьем пастухе Архелая, но вовремя удержался. Нет, его не смутило то, что он происходит от козопаса. Архелай убил своего отца Темена, а Александра называли убийцей Филиппа.

Брат Темена Кресфонт, хитростью завладевший Мессенией, рисуется исторической традицией как справедливый, но политически не предусмотрительный правитель. Он ввел закон, уравнивавший в правах завоевателей-дорийцев с исконным мессенским населением. Это вызвало возмущение воинов, видевших в завоеванных рабов. Тогда Кресфонт отменил закон, чем, в свою очередь, возмутил мессенцев, успевших привыкнуть к дарованной им свободе. В результате мессенцы объединились с недругами-дорийцами и сообща свергли и убили Кресфонта.

Эта версия не устроила Еврипида, обратившегося к судьбе Кресфонта в трагедии, носящей его имя. Вместо политической подоплеку гибели царя возникает романтическая история его убийства неким Полифонтом, тоже Гераклидом, прельщенным красотой супруги Кресфонта Мерыпы, дочери царя Аркадии Кипсела. Убийца стал царем и принудил вдову к браку, убив при этом двух ее сыновей от первого брака. Спасся лишь младший сын Эпит, которого мать успела отправить в Этолию вместе с верным рабом. Время от времени раб тайно сообщал матери о сыне, который рос в изгнании. Полифонт знал о существовании младшего сына, но никак не мог напасть на его след. Он втайне от своей супруги разослал повсюду гонцов, обещав царские дары тому, кто устранит последнего из Кресфонтидов.

Однажды во дворец явился юноша, назвавшийся убийцей сына Мерыпы. Царь встретил его как дорогого гостя, обещав вскоре выдать награду. Мерапа узнала от старых слуг о несчастье. У нее возникло сомнение в том, что ее сын, которого она помнила ребенком, действительно убит, поскольку из Этолии в тот же день прибыл раб с известием о внезапном исчезновении

сына. Дождавшись ночи, она вооружилась дубиной, надела траур и отправилась в предоставленную убийце спальню.

Она уже успела занести дубину над головой спящего, как явился раб, у которого возникло подозрение, не выдал ли себя сын Меровы за убийцу, чтобы пробраться во дворец и отомстить Полифонту за смерть братьев и жизнь в изгнании. Раб выхватил из руки госпожи дубину. Насладившись радостью спасения и встречи, мать и сын сообща обдумали план мести Полифонту. Было решено, что Мeroпа явится в трауре к супругу и потребует у него отомстить за смерть сына.

Увидев супругу в слезах и радуясь тому, что она не догадывается о его причастности к убийству, царь пообещал принести своего гостя в жертву духу убитого им пасынка. Но во время этого мрачного обряда смертельный удар получает сам Кресфонт. Так свершилось справедливое возмездие. Власть над Мессенией была возвращена Кипселидам. Царем ее стал Эпит.

Таковы некоторые легенды о возвращении детей Геракла и Деяниры в Пелопоннес и их утверждении правителями Аргоса, Мессении и Лаконии. Попутно мы узнаем, что Аркадия и Элида остались в руках старых правителей. Каких-либо данных о разрушении микенских центров эти мифы не содержат. Но руины Микен, Тиринфа, Пилоса и других городов микенской эпохи говорят сами за себя, и, помимо этого, в царском архиве столицы Мессении Пилосе, резиденции мифического Нестора, имеются некоторые письменные сведения о вторжении завоевателей.

Крушение микенского мира было катастрофой едва ли не во всех сферах жизни обитателей Балканского полуострова и островов Эгейды, равно как и всего Восточного Средиземноморья. Наступило обезлюдение и всеобщее огрубение, прекратила функционировать дворцовая государственная система, на несколько столетий исчезла грамотность. Но выросшее на развалинах микенской цивилизации общество стало духовно богаче микенского.

Афина Промахос («передовой боец», статуя, украшавшая акрополь в Афинах. В правой руке фигура богини Победы (Ники), реконструкция)

Миф Платона об Атлантиде

Рассказ Платона об Атлантиде содержится в двух его диалогах – «Тимей» и «Критий». Они получили название по главным участникам диалога – знаменитому философу-пифагорейцу Тимею и дальнему родственнику Платона Критию, в доме которого происходит беседа. Действие диалогов отнесено к 421 г. до н. э., когда еще был жив Сократ, участвующий в диалоге, а западное направление афинской политики приобрело приоритет. Не случайно, что Тимей был уроженцем Италии, другой участник диалога, Гермократ, – сицилийцем: для людей Запада было уместно говорить о расположенной на Западе Атлантиде. Критий же вводит разговор в новую плоскость, сообщая семейное предание об этой стране, будто бы услышанное им от своего деда, передававшего рассказ вернувшегося из Египта Солона. Таким образом, Атлантида всплывает в беседе друзей совершенно естественно, но за этой естественностью стоит продуманный Платоном подбор участников диалога и его время. В наступившей в ходе Пелопонесской войны передышке (Никиев мир) в афинском обществе живо обсуждались все связанные с Западом темы.

История Атлантиды облечена в привычную для греков форму мифа. Но мифы Платона разительно отличаются от тех мифов, которые мы излагали выше. Сам Платон резко отрицательно относился к старым мифам, считая, что они развращают людей, давая им примеры дурного поведения и порчи богов. Он, выступая как предтеча будущих цензоров, рекомендовал произвести отбор достойных мифов и изъятие недостойных, хотя бы автором последних был бы сам Гомер. В будущем идеальном государстве, план которого предлагал Платон, за чтение Гомера публично наказывали плетью. Собственно говоря, Атлантида и есть созданный Платоном образец мифа, который должен был заменить вредные старые мифы и способствовать воспитанию идеального гражданина.

Ознакомившись с древними мифами, мы уже привыкли к тому, что они излагаются многими авторами, часто следующими за устной традицией. Применительно к Атлантиде такой устной традиции не существует (ссылка на египетского жреца фиктивна). Ни Гомер, ни Гесиод, ни греческие трагики ничего не знают об Атлантиде. Правда, у современника Геродота Гелланика Лесбосского было произведение, называвшееся «Атлантида». Оно не сохранилось, но, судя по оставшимся фрагментам, это собрание мифов об обитателях Крита, потомках Атланта. Платон мог заимствовать у Гелланика название своего острова-материка и перенести действие созданного им мифа на Запад.

Однако главные доводы об Атлантиде как вымысле Платона черпаются из описания самой Атлантиды, жизнь обитателей которой соответствует учению Платона о государстве иного типа, чем греческий полис времени Платона, потрясенный кризисными явлениями. Идею этого государства Платон развивал в своих трудах и даже пытался осуществить на практике на территории Сицилии. Но, потерпев неудачу, в самом конце своей жизни описал подобное государство как существовавшее в очень отдаленные времена на острове-материке и, чтобы никто не вздумал это государство искать, потопил его. Именно так толковал идею Платона об Атлантиде его ученик Аристотель, тот самый, который будто бы сказал: «Платон мне друг, но истина дороже». Под видом государства отдаленного прошлого Платон создавал картину государства будущего, как оно рисовалось ему, человеку науки и политике.

«Атлантида» Платона – это не просто сказочная страна наподобие Блаженных островов греческой мифологии, а атланты мало чем напоминают сказочные народы – гипербореев, пигмеев и пр. Атлантида – это амальгама географических, экономических и политических знаний, объединенная идеей идеального государства, разрабатывавшейся Платоном на протяжении всей жизни.

Для Платона Океан – это не божество, породившее богов и людей, и не могучая река, обтекающая землю, как он изображался Гомером и другими поэтами, а огромное водное пространство, которое мог занять «остров более Ливии и Азии, вместе взятых». Такое представление об Океане – результат знакомства Платона с географическими открытиями его времени. Теория о шарообразности земли породила знаменитое место в диалоге «Тимей» с упоминанием «противолежащего материка», куда можно было пробраться из Атлантиды, пока она не стала океанским дном. Результатом знакомства Платона с описанием «круглых городов» Востока и научными спорами его времени о градостроительстве явился рассказ о столице атлантов, образованной водными и земляными кольцами, перерезанными радиальными каналами, с круглым островом в центре и тремя внешними гаванями. Выбор места для столицы в той части острова, которая обращена к южному ветру, а с севера защищена горами, свидетельствует о знакомстве Платона с сочинением «отца медицины» Гиппократов «О воздухах, водах и местностях», где наилучшим расположением города названо такое, когда он обращен к теплым ветрам, а от холодных закрыт.

Описание сельского хозяйства в Атлантиде было таким, словно бы ее древние цари были знакомы с экономическими трактатами времени Платона. Организация общегосударственных работ (идея Платона, естественно вытекавшая из сконструированной им в противовес полису модели государства) обеспечивала обильные урожаи полей Атлантиды. Огромные и разнообразные леса доставляли материал, необходимый ремесленникам. Богатства привлекали купцов. Но, забывая об этом, Платон сообщает, что правители «Атлантиды ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ». Эту идею Платон развивал в своем труде «Государство», в котором правители отвергают собственность. Само деление общества атлантов на классы жрецов, воинов, ремесленников, пастухов и земледельцев удивительно напоминает структуру «идеального государства» Платона: философы, находящиеся во главе государства, воины, его защищающие, и класс ремесленников и земледельцев, обеспечивающий первые два класса всем необходимым (полная идентичность слишком откровенно выдавала авторство повествования об Атлантиде). Создавая политическую и социальную утопию, Платон старался тщательно это замаскировать, и то, с какой настойчивостью он повторяет, что его рассказ не вымысел, а сущая правда, лучше всего указывает на характер произведения. Свою фантазию Платон облакает в научную форму и создает «источник» – рассказ греческого мудреца Солона, будто бы посетившего Египет и почерпнувшего свои сведения об Атлантиде у очень старого египетского жреца. Ссылка на египетского жреца – это общее место греческой исторической литературы V в. до н. э., проникнутой уважением к Египту как к стране тысячелетней мудрости. На самом деле Дальний Запад был покрыт для египтян непроницаемым мраком. Египет – страна мертвых, а не философов.

Возникновение Атлантиды Платон относит за девять тысяч лет до посещения Солоном Египта. На самом деле египетская цивилизация не имела столь глубокой древности, и египтяне не могли рассказать о событиях такой старины, причем на недоступном им Западе. Свою неосведомленность в исторической хронологии Платон выдает сообщением о войнах атлантов с праафинским государством – афинянами мифических времен. Но мифическое прошлое Афин отстояло от Платона всего лишь на тысячелетие, а не на девять тысяч лет. Искусственный характер «рассказа египетского жреца» выдают присутствующие в нем греческие мифологические имена. Правда, Платон сообщает, что Солон, выясняя значения туземного названия, записывал его на своем языке. Но имя какого египетского героя носит Атлант? Почему второе имя его брата Эвмела Гадир? Не мог же герой, живший за девять тысяч лет до Солона, получить имя финикийской колонии, основанной за 600 лет до Солона?! Из старого мифа в генеалогическую схему Платона вошли лишь Посейдон, Атлант и Левкиппа. Все остальные персонажи носят «говорящие имена» – «славная», «богатый стадами», «пылкий», «круглый», «мыслитель», «рожденный землей», «жених», «знойный», «великолепный». Бессмысленно искать соответствия им в египетской мифологии, которая нам достаточно хорошо известна. Выдуманной стране соответствуют выдуманные имена.

Старая мифология при всей примитивности своих основ донесла в фантастических образах реальный мир и представления о нем. «Миф» Платона был искусно зашифрованной системой его собственных взглядов, развитием его идей, изложенных в трактатах «Государство» и «Законы». К такому выводу пришло исследование трудов Платона в их совокупности на фоне политической и социальной борьбы времени жизни великого философа. Человечество очень падко на мифы. Это мы знаем не только по вере в Атлантиду, но и по нашему собственному социальному и политическому опыту. И в этом отношении вымысел Платона поучителен, но он и прекрасен, если рассматривать его как мечту о справедливом государственном устройстве, которое будто бы удалось когда-то осуществить.

Проявление «научной», искусственной мифологии Платона, призванной заменить старую, естественную мифологию, не является чем-то случайным. Оно знаменует кризис греческого полиса и его религиозной идеологии. Попытке создания новой мифологии Платона предшествует рационализации греческих мифов, предпринятая в середине V в. до н. э. философами-софистами, представителями просветительского направления греческой мысли. Опираясь на достижения современной им математики, физики, естественных наук в широком смысле этого слова, софисты выступают с критикой мифа, не создавая ничего взамен его. Платон же, противник софистов, опираясь на достижения той же современной науки, создает свой миф, в котором воссоздает идеальное, с его точки зрения, устройство человеческого общежития, будто бы уничтоженное грандиозной природной катастрофой.

Ни один из мифологических или имеющих вид таковых сюжетов античности не пользуется в современном мире такой бешеной популярностью, как Атлантида. Не счесть книг и статей, посвященных этому будто бы затонувшему матерiku (или острову). Атлантология, или, точнее, атлантомания, стала своего рода религией, ибо наукой ее не назовешь. Атлантоманы проникают даже на телевидение и ищут, пользуясь средствами современной информации, новых прозелитов, смущая умы малосведущих или легковверных людей. Дело доходит до

поисков Атлантиды на океанском дне, словно нет для исследования более подходящих объектов. Вопрос о том, миф Атлантида или вымысел, давно решен современной наукой: это вымысел.

В Море древнегреческих Мифов

Тот, кто духом не проникнет

В толщу трех тысячелетий,

К темноте, как крот, привыкнет,

Век живя на белом свете.

Иоганн Гёте

Подобно Эдипу перед сфинксом, уже много веков стоит наука перед феноменом греческого мифа, пытаясь понять его происхождение, вникнуть в смысл и ответить на его загадки. Бесчисленное множество раз предлагались определения мифа, но ни одно из них не является удовлетворительным, поскольку исследователи исходили из того, что возникший в недрах первобытного общества миф отражает низкий уровень первобытного сознания, которое и принято называть «мифологическим». Но дошедшие до нас изложения принадлежат времени, когда первобытные отношения были давно изжиты, и нередко то, что представляется отголоском глубочайшей древности, характеризует поздний процесс трансформации архаического мифа в определенных групповых интересах.

То, что мы называем «греческой мифологией», – это комплекс преданий и легенд, изустно сложившихся на территории Балканского полуострова, островов Эгейского моря и западной части Малой Азии и получивших в дальнейшем литературную форму. Таким образом, «греческая мифология» – это культурное наследие не только греков – ахейцев, ионийцев, дорийцев, эолийцев, но и негреческих племен – пеласгов, тирренов, фракийцев, карийцев, лидийцев, минойцев, а также финикийцев, колонизовавших ряд Эгейских островов. Отсюда необычайное разнообразие образов, равно как и широта географического ареала действия греческих мифов. Странствия греческих богов и героев, постоянно перемещавшихся из одного места в другое – из Крита в Карию, из Ликии в Пелопоннес, из Пелопоннеса во Фракию, отражают не столько подвижность населения, уже знакомого с мореплаванием, сколько сложный характер формирования мифов. Почитание одного и того же или сходного по функциям бога или героя в разных, зачастую далеко отстоящих друг от друга местах творцам мифов легче всего было объяснить тем, что сам бог или герой посетил все места своего почитания. Так появились мифы о скитаниях Диониса, Ио, Европы. Подвиги Геракла, охватившие едва ли не весь обитаемый мир, отражают как колонизационные процессы (критскую, микенскую, финикийскую, великую греческую колонизации), так и слияние аргосского бога-героя Геракла с множеством других греческих и негреческих мифологических персонажей.

Литературные источники

Источники изучения греческой мифологии чрезвычайно богаты и разнообразны. Однако по сравнению с источниками древнеиндийской, древнеегипетской и вавилонской мифологий они обладают одним существенным пороком. Катастрофа конца II тысячелетия до н. э., уничтожившая эгейскую цивилизацию, смыла почти все, что относилось к ранней стадии формирования греческих мифов. А это не только устная, но и письменная традиция, связываемая с именами Орфея, Лина, Фамиры и других предшественников Гомера. Гомер, если считать его создателем «Илиады» и «Одиссеи», жил на грани IX-VIII вв. до н. э., после названной катастрофы, в эпоху зарождения нового, полисного мира. Он не был создателем мифов, а лишь их собирателем и рассказчиком в художественной форме эпоса. Он произвел отбор мифов для придания им логического и художественного единства.

В эпических произведениях, написанных после Гомера, тема Троянской войны разрабатывалась не менее обстоятельно. Но, не желая повторяться, поэты, которых условно называют кикликами (т. е. авторами «круговых» поэм), освещали то, что не вошло в «Илиаду», в виде серии последовательных эпизодов. Так, милетянин Арктин в поэме «Эфиопика» рассказал о событиях после погребения Патрокла, описанного в предпоследней песне «Илиады»: о битвах с пришедшими на помощь Трое эфиопами и амазонками. Другие киклические поэты разрабатывали мифы, относящиеся ко времени, предшествовавшему «гневу Ахилла» – главному стержню «Илиады». Произведения кикликов не сохранились, но общее их содержание известно по изложениям поздних греческих и римских историков, мифографов, поэтов, для которых они служили образцами и источниками.

Имя Гомера носят гимны олимпийским богам, написанные в той же стихотворной форме, что «Илиада» и «Одиссея», – гекзаметром. Их авторы неизвестны. Ими могли быть упомянутые в античной научной литературе поэт Памн, которому приписывается изобретение гекзаметра, Олен и даже известный по «Илиаде» Фамира, ослепленный музами. В гимнах, начинающихся с гомеровского обращения к музам, разрабатываются мотивы происхождения, странствий и супружества богов. Это литературные произведения, целью которых было не только возвеличение богов, но и создание их человеческого образа, что и достигается с помощью диалогов между богами и даже пародирования их подвигов.

Одновременно с древнейшими гомеровскими гимнами создавались под таким же условным авторством гимны орфические. Это своего рода воззвания к богам, окрашенные в тона орфизма как религиозного учения.

Поэма беотийского поэта Гесиода (ок. 700 г. до н. э.) «Теогония» («Происхождение богов») отражает более развитую форму мифологического сознания, чем поэмы Гомера и кикликов, с определенными философскими или предфилософскими построениями, использующими восточную мифологию и космогонию. Другая поэма Гесиода, «Труды и дни», принадлежит к широко распространенному на Востоке жанру поучений и нравоучений, воспеваает сельский труд. В ней содержатся мастерски нарисованные картины современного поэту общества и его пессимистическая оценка. В небольшой поэме «Щит» говорится о борьбе Геракла как защитника религии Аполлона и его оракула в Дельфах с враждебными светлострому богу Аресом и его сыном Кикном.

Не осталась в стороне от мифов и греческая хоровая лирика, развиваемая младшими современниками Гесиода. До нас дошли оды позднего представителя этого жанра – Пиндара (первая половина V в. до н. э.), воспевающие победителей на олимпийских, пифийских, истмийских и немейских играх. Восхваляя атлета, поэт не забывает и о его родине и ее богах. Так, ода, посвященная Диагору из Родоса, победителю в кулачном бою, содержит древнейший из дошедших до нас очерков родосской мифологии.

Еще с VI в. до н. э. художественная и философская разработка мифологических сюжетов сменяется тем, что может быть названо «ученой литературой», с элементами рационалистической критики мифов. Первый историк Гекатей Милетский в своей «Генеалогии» вступает в сферу мифов с новым, чуждым его предшественникам постулатом – выяснение истины. В свете истины делается невозможным спуск Геракла в подземный мир и извлечение оттуда чудовищного пса Кербера, и Гекатей преобразует его в страшную змею, обитавшую у входа в подземный мир, справиться с которой было не так трудно. Самого Геракла историк называет «народом Эврисфея» – в том смысле, что подвиги целого народа были приписаны одному Гераклу. В другом произведении – «Объезд земли» Гекатей противопоставляет блужданиям мифических героев по морям, полным фантастических чудовищ, четкий, продуманный маршрут обхода земли по берегам хорошо известных грекам морей.

Не меньшими были заслуги Гелланика Лесбосского (середина V в. до н. э.). В мифографических сочинениях «Девкалиония», «Атлантида» и других Гелланик охватил мифологию Балканского и Малоазийского полуостровов и островов Эгейского моря, а также их северных и южных соседей, изложив мифы в системе, учитывающей хронологию и место действия сказаний. Другие ранние историки ввели в изложение мифов предания своих городов – Афин, Аргоса, Лампсака, Самоса. К несчастью, от всего этого богатства сохранились незначительные фрагменты, и мы не всегда в состоянии определить, какое влияние оказали труды первых историков на последующую литературу.

Полностью сохранился труд Геродота из Галикарнаса, историка, жившего в эпоху греко-персидских войн. В «Историю» Геродота вошло множество мифов, как греческих, так и негреческих. Он испытывает к ним больше доверия, чем его предшественники, особенно Гекатей и Гелланик, и не берется выявлять, что в них выдумка, а что соответствует истине. Но немалой заслугой Геродота является выяснение вклада в греческую религию и мифологию «варваров» (как называли эллины всех негреков) – пеласгов, египтян, финикийцев.

На протяжении всего V – начала IV вв. до н. э. греческие мифы становятся материалом для произведений греческих драматургов, использующих мифологические сюжеты для постановки актуальных политических, философских и моральных проблем. Метрополией драматургии становятся Афины, сыгравшие главную роль в победе над персами и освобождении от их владычества малоазийских городов и островных центров. Великие афинские трагики Эсхил, Софокл и Еврипид обрабатывают сюжеты не только афинской, но и беотийской, аргосской, малоазийской мифологии, поворачивая их таким образом, что Афинам уже в глубокой древности принадлежала выдающаяся роль в жизни греческого мира. Афинская мифология не давала материала для такого выгодного Афинам ракурса. Внося поправку на афинскую «модернизацию» мифов, современные исследователи извлекают из афинских трагедий ценную информацию.

Для эллинистической эпохи (III-I вв. до н. э.), с присущей ей страстью к научной (или псевдонаучной) систематизации и универсальным подходом к прошлому, характерно появление множества изложений мифов по тематическому и географическому принципам.

Пользуясь формой гомеровских гимнов, поэт Каллимах создает собственные гимны богам. В них небожители сходят с Олимпа, приближаясь к маленьким людям большого эллинистического города. Артемида в посвященном ей гимне Каллимаха – капризный ребенок, сидящий на коленях отца Зевса и выпрашивающий у него подарки, а рассказ о Деметре в другом его гимне вложен в уста поклонницы богини из городских низов.

Сама форма эпоса как пространного последовательного повествования о подвигах героев во многом изживает себя. Каллимах противопоставляет эпосу т. н. «малый эпос» – эпиллий, короткий стихотворный рассказ, посвященный какому-либо одному, притом малоизвестному, деянию героя. Так, в эпиллии «Гекала» поэт выбрал не громкие подвиги Тесея на Крите, а победу, одержанную трезенским героем в Аттике близ Марафона над местным быком. В сюжет вводится безвестная старушка Гекала, бедный домик которой герой посещает до схватки с быком и получает ее благословение.

В начале II в. до н. э. афинский грамматик Аполлодор создал обширное сочинение «О богах» (оно не сохранилось) и «Библиотеку», дошедшую до нас в виде сокращенного изложения I в. н. э. Здесь дается краткая сводка всей греческой мифологии.

Эллинистические мифографы выделили мифы, относящиеся к превращениям героев и героинь в животных, растения, камни. Вслед за ними эту тему разработал римский поэт конца I в. до н. э. – I в. н. э. Овидий в «Метаморфозах» («Превращениях») – сокровищнице греческой мифологии. Другая заинтересовавшая эллинистических авторов тема – любовные приключения богов и героев. До нас дошло сочинение Парфения из Никеи «Любовные страдания», оказавшее влияние на римских поэтов, особенно Овидия, обратившегося к этим сюжетам в поэме «Героини».

Научные интересы эллинистических авторов отразились на изучении ими мифов о небесных явлениях, звездах и созвездиях под углом зрения современной им астрономии. Расширение географического кругозора в эпоху, последовавшую за завоеваниями Александра Македонского, сделало возможным появление обширной поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика», где древний миф об аргонавтах наложен на современную поэту географическую и этническую карту берегов Малой Азии и Кавказа.

В эту же эпоху находит продолжение линия Гекатея и Гелланика по рационализации мифов. В начале III в. до н. э. сицилиец Эвгемер в своем описании затерянного в океане

фантастического острова выдвинул идею, будто боги были первоначально справедливыми царями и полководцами, обожествленными за великие деяния. Линию Эвгемера продолжил его современник и последователь Палефат в сочинении «Невероятные события», от которого сохранилось краткое резюме, а также некий Гераклит (тезка знаменитого философа), написавший трактат «О недостоверности мифов».

Определенное влияние оказал Эвгемер и на Диодора (I в. до н. э.), автора «Исторической библиотеки». В четвертой книге своего огромного труда Диодор разбирает предания о деяниях Геракла, видя его заслуги в том, что он совершенствовал своими трудами обитаемую землю, избавляя ее от чудовищ и свирепых хищников. В изображении Диодора Геракл – не прислужник ничтожного, коварного Эврисфея, вынужденный удовлетворять его прихоти, а подлинный культурный герой, действующий исходя из собственных убеждений. В пятой книге «Библиотеки» Диодор, используя несохранившиеся источники, дает систематическое изложение мифов Сицилии, Родоса и других средиземноморских островов.

Падение эллинистических царств и союзов городов в результате римского завоевания не привело к упадку интереса к греческим мифам, а в известной мере его стимулировало, поскольку новые владыки мира пожелали возвести свое происхождение к троянцу Энею, провозгласив Рим второй Троей, подобно тому как впоследствии появился «второй» и даже «третий» Рим. Вергилий и другие римские поэты, воспевавшие величие Рима и созданной им империи, разрабатывали фиктивную тему странствий Энея, касаясь попутно и переселений других героев – микенских, критских, троянских.

Вслед за Вергилием к греческим мифам обращается в той же эпической форме греческий поэт Стаций, живший при императоре-тиране Домициане. Обращаясь во вступлении к поэме «Фиваида» к императору, он просит у него прощения за то, что еще не созрел для описания его триумфов и уходит в греческую древность. На самом деле существовал иной предмет для извинения, хотя, может быть, сам поэт этого не осознавал. Воссоздаваемые страсти и преступления потомков Эдипа мало чем отличались от того, что происходило при дворе Домициана и его предшественников. Поэту не приходилось что-либо добавлять к своим источникам – менялись имена, а страсти и преступления оставались теми же.

В римскую эпоху осуществляется исключительно важная для понимания греческих мифов запись местных сказаний, сравнимая с деятельностью современных фольклористов. Часть сказаний дошла в записи греческого географа начала империи Страбона. Но в наиболее полном виде местные предания сохранились в произведении греческого путешественника II в. н. э. Павсания. В его труде «Описание Эллады» сохранена мифологическая традиция Аттики, Коринфа, Сикиона, Лаконики, Мессении, Элиды, Аркадии, Беотии, Фокиды. Одновременно путешественник сообщил о местах культа богов и их памятниках – храмах, героонах, алтарях, культовых статуях и разного рода религиозных раритетах.

Среди римских мифографов, писавших на латинском языке, наиболее известен грамматик II в. н. э. Гигин, под именем которого до нас дошли «Поэтическая астрономия», дающая вслед за эллинистическими поэтами мифологическую карту звездного неба, и «Мифы», произведение, содержащее версии мифов, подчас значительно отличающиеся от широко распространенных. Их источник, как установлено, недошедшие трагедии Софокла и Еврипида.

В середине II в. н. э. в финикийском городе Библе жил писатель Филон, знавший не только греческий, но и язык своих предков, финикийцев. В труде «Финикийская история» он, пользуясь трудами древнейших финикийских авторов, изложил финикийские мифы и сопоставил их с греческими мифами, придя к выводам, что прекрасные по форме греческие «Теогония», «Титаномахия», «Гигантомахия» являются переложениями финикийских текстов. Сохранению отрывков труда Филона и частично его древних источников мы обязаны христианскому писателю IV в. н. э. Евсевию Кесарийскому, воспользовавшемуся критикой греческих мифов язычником в целях прославления христианского мифа. В произведении известного христианского писателя Августина Блаженного «О государстве Божьем» мы также находим изложение многих греческих и римских мифов и их критику.

Греческий поэт III в. н. э. с латинским именем Квинт написал поэму «После Гомера», призванную заполнить хронологическую лауну между «Илиадой» и «Одиссеей». Будучи уроженцем Смирны, он проявляет особенный интерес к малоазийской мифологии. В «Одиссее» упомянут мисийский герой Эврипил, царь китеев. Из краткого упоминания Гомером этого героя, сына Телефа, следовательно, внука Геракла, выступающего как противник Ахилла, у Квинта возникает настоящая Эврипилиада, прославляющая мужество исчезнувшего народа китеев и их доблестного вождя.

Немало сведений по мифологии греков, финикийцев, египтян содержит византийская

литература. Эпический поэт V в. н. э. Нонн оставил поэму «Деяния Диониса» в сорока восьми книгах, в которых детально описаны рождение и жизнь Диониса, его триумфальное шествие в Индию и апофеоз. В поэме масса эпизодов из редких греческих и негреческих мифов, как-либо связанных с Дионисом или близкими ему по функциям восточными богами. Младший современник Нонна Келлуф написал две эпические поэмы – «Калидонская охота» и «Похищение Елены».

Ценнейшим источником, сохранившим уникальные осколки не дошедших до нас древнейших вариантов мифов, являются географические и историко-этнографические словари, составлявшиеся византийскими грамматиками на основе ранней антикварной литературы. Первый из этих словарей составил грек из Александрии Гесихий, скорее всего в V в. н. э. В VI в. н. э. сходную работу проделал византийский эрудит Стефан.

Ученый энциклопедической образованности Иоанн Цец, живший в XII в., оставил обстоятельнейшие комментарии к «Илиаде» и «Одиссее», по объему значительно превышающие и обе эти поэмы, и все те комментарии, которые сохранились от эллинистического времени.

Краткий обзор античной художественной, исторической и мифографической литературы может показать внимательному читателю, что находящиеся в нашем распоряжении источники мифов являются зачастую их художественными или научными интерпретациями, выдвигавшимися на протяжении двух тысячелетий античной истории. Выделить из этих оценочных описаний древнюю основу мифа столь же сложно, как отделить от соленой влаги морей пресную воду втекающих в них рек.

Миф в изобразительном искусстве

Миф как слово (таково значение греческого «mythos») родился вместе с живописью на стенах палеолитических пещер вместе с пением и пляской их обитателей как часть ритуала. Развитие греческого мифа происходит в иных условиях – пещеры давно сменились хижинами, домами, дворцами и храмами, каменные орудия – металлическими, вместо пальцев художники стали пользоваться кистью, резцу стали доступны даже твердые породы камня, посуда, изготавливаемая с помощью гончарного круга, была не только прочной, но и совершенной по форме.

Миф дает темы для керамики, подчас используемой в погребальных обрядах. Современниками Гомера были огромные сосуды, украшенные росписями геометрического стиля, некоторые исследователи находили несоответствие между высокой техникой стихосложения Гомера и «примитивизмом» геометрических росписей. Однако это не примитивизм, а символизм, далекий от примитивной иллюстрации мифологического сюжета. Вспомним, что и Гомер был не простым пересказчиком, а преобразователем мифов.

На аттическом кратере VIII в. до н. э. изображен сорокавесельный корабль с сидящими в два ряда фигурками гребцов и находящимися вне корабля двумя фигурами мужчины и женщины, чей рост более чем в пять раз превышает фигурки сидящих. Рисунок назван первыми исследователями «Восхождение на корабль». Но на корабле для этих великанов не оставлено места. Не была ли эта амфора приношением на кенотаф, поставленный морякам потонувшего корабля? В этом случае большие фигуры – это скорбящие боги.

К первой четверти VII в. до н. э. относится самый крупный сосуд геометрического стиля, подписанный именами Клития и Эрготима, названный «царицей ваз» или, по имени открывателя, – вазой Франсуа. Он представляет собой энциклопедию греческой мифологии. В шести поясах изображений представлены Калидонская охота, игры в честь Патрокла, погоня Ахилла за Троилом, битва пигмеев с журавлями и многие другие сюжеты.

Ваза Франсуа, созданная греческими художниками, найдена в этрусской монументальной гробнице. В Этрурии греческий миф обрел для себя благоприятную почву. Независимо от того, кто был художником – грек-переселенец или коренной этруск, трактовка одного и того же мифа в Этрурии и в собственно Греции отличается не столько тем, что греческие имена передавались соответствующими им этрускими, а особой направленностью, учитывающей среду, в которой изображения должны были иметь хождение, настроение общества в целом и отдельных его прослоек – аристократии, простолюдинов, а также локальные пристрастия к тем или иным героям.

В V-IV вв. до н. э., когда в Греции существовали различные художественные типы расписной керамики, миф широко проникает в греческий быт. Изображаемые на стенках сосудов боги и герои становятся участниками греческих застолий и излюбленной игры в коттаб. Вместе с питьем и пищей обогащались зрение, воображение, дух. Грек узнавал своих богов и героев «в лицо» и привыкал к их новому для него реалистическому облику.

В это же время на сюжеты греческих мифов были написаны монументальные картины Полигнотом, Паррасием, Апеллесом и многими другими художниками, выставившиеся на обозрение в публичных местах. Ни одно из этих произведений не сохранилось. Но до нас дошли их детальные описания в труде Павсания «Описание Эллады» и книге Филострата «Картины», позволяющие нам представить себе не только мастерство и манеру художников, но и различные варианты мифов. Монументальная живопись оказала влияние на изображения мифологических сюжетов на вазах.

Созданием новой полисной эпохи стал храм, мыслимый местом обитания божества и космосом в миниатюре. Его колонны, первоначально деревянные, виделись множеством богинь и богов наподобие нимф, куретов, корибантов. Да и статуи богов сохраняли долгое время колоннообразную форму. Треугольник, образуемый крайними бревнами кровли, фронтон, стал использоваться для выражения средствами искусства тех или иных мифологических идей и мотивов. На фронте храма Артемиды на Керкире изображена Горгона в окружении меньшего размера пантер. Своим отталкивающим обликом она была призвана отпугивать от жилища богов смерть и всякое зло. Фронтоны и метопы архаических храмов украшались изображениями эпизодов греческих мифов – похищение Диоскурами быка, гигантомахией, подвигами Геракла и Тесея и т. д. В самом храме выделили место для статуарных изображений обитавших в них божеств. Во второй половине V в. до н. э. появились грандиозные камни из мрамора, золота и слоновой кости, создающие величественный облик Зевса, Афины и других олимпийских богов, сопоставимый по силе воздействия на верующих с произведениями Гомера.

Колоссален изобразительный фонд греческой мифологии. Это культовые статуи и статуэтки, служившие приношениями (вотивами), мифологические сцены, воспроизведенные на фризах и фронтонах храмов, сосудах, погребальных стелах, мозаиках, фресках, зеркалах, резных камнях (геммах), монетах и множестве предметов художественного ремесла. Мифология на протяжении многовековой истории античного мира давала искусству идеи, темы, образы, независимо от того, верили или не верили в богов, примитивным или развитым было общество.

Разумеется, художники, скульпторы, граверы, создававшие произведения на мифологические темы, испытывали влияние классических мифологических текстов. Но в том случае, если они создавали не предметы античного «ширпотреба», а работали на храмы, на дворцы, общественные здания, на богатых заказчиков, то давали мифам свою трактовку. Они создавали великие творения, соперничавшие с литературными произведениями на мифологические темы.

Отсюда возникает ряд сложных проблем при использовании произведений искусства как источника изучения мифов. Очень трудно сказать, объясняются ли расхождения между произведениями искусства на мифологические темы и литературными изложениями мифов фантазией художника, вольностью его подхода к своим задачам, недостаточной осведомленностью или использованием не дошедшим до нас вариантом мифа. В каждом отдельном случае современному искусствоведению приходится отвечать на эти вопросы. Ответы эти, в свою очередь, зависят от принадлежности исследователей к тем или иным школам, от их подготовки.

В начале было имя

Знакомство с греческими, да и любыми другими мифами начинается с имен задействованных в них персонажей.

Боги и герои так же, как их древние почитатели, отличались друг от друга именами, и установление смысла этих имен едва ли не главный путь к истокам религиозно-мифологических представлений. Однако применительно к греческим богам и героям на этом пути мы сталкиваемся, как это видно и по нашим комментариям к отдельным мифологическим сюжетам, с огромными трудностями. Значительная часть имен греческих богов и героев необъяснима с помощью греческого языка (к числу таких загадок относятся, в частности, Афродита, Артемида, Аполлон, Асклепий, Гефест, Персефона, Гера, Геракл).

Этот феномен может быть объяснен представлениями, восходящими к тому времени, когда предки греков пользовались другим языком, отличным от языка Гомера, Гесиода и иных авторов, сохранивших мифологические сюжеты. В них задействованы боги и герои с загадочными для нас и для самих греков именами или именами, заимствованными у других народов. Здесь поле действия для лингвистов, археологов языка, для которых имя бога – это реликт, исследуемый на материале других, более древних, чем древнегреческий, мертвых языков, как родственных, так и чуждых ему. Сравнивая, например, имя «Персефона» с этрусским героем Ферсу, изображаемым в маске в сцене схватки, подобной гладиаторскому бою, мы понимаем, что элемент имени богини «перс» не имеет никакого отношения к персам, как истолковывалось в древности имя Персей, а ближе к слову этрусского происхождения «персона», имевшему значение «маска». Персефона так же, как и Персей, скорее всего, были персонажами особого религиозного действа, как бы карнавала, участниками которого являлись также горгоны, богини, отпугивавшие духов смерти. Эта и подобные ей гипотезы, прилагаемые к загадочным именам других мифологических персонажей, как бы они ни казались нам неожиданными или чересчур смелыми, дают для понимания происхождения греческой мифологии неизмеримо больше, чем наивные толкования древних мифографов, обладавших знанием лишь одного греческого языка. Но они остаются гипотезами, относящимися к подтексту мифов.

Мифы и история

По самой своей сути миф – одна из форм истории, и в этом едва ли не главное его отличие от сказки. Он призван удовлетворить присущую роду человеческому потребность в собственной идентификации и ответить на возникающие вопросы о происхождении мира, жизни, культуры, отношений, складывавшихся между людьми и природой. Характер ответов на эти и другие подобные вопросы зависит от многих причин, но прежде всего от состояния самого общества и объема находящейся в его распоряжении информации. Пытаясь объяснить скудость сведений о прошлом своего народа, древнегреческие мыслители выдвигали гипотезы природных катастроф, потопов, уничтожавших на их земле все живое. Они пытались восполнить лакуны в исторической памяти сведениями заморских соседей, сохранивших древнейшую письменную традицию, и порой признавали своих богов и героев выходцами из восточного региона.

Для преобладающего большинства греков мифы были древнейшей историей их народа. Они не сомневались в реальности Девкалионова потопа, в подвигах Геракла, в Троянской войне и определяли историческую глубину этих «событий» количеством поколений, предшествующих их собственному. Лишь отдельным светлым умам было ясно, что мифам нельзя верить. Так, первый греческий историк Гекатей Милетский начинает свой труд словами: «Это я пишу, что считаю истинным, ибо рассказы эллинов, как мне кажется, необозримы и смешны».

Однако и Гекатей, и его последователи не отбрасывали мифы как источник исторических сведений, а пытались их очистить от всего неправдоподобного. Так, для Гекатея кербер – не пес, охраняющий врата подземного царства, а страшная змея, обитавшая у входа в него. Поскольку ее укус был смертелен, змее иносказательно называли «псом Аида». Геракла Гекатей называет «народом Эврисфея», очевидно, в том смысле, что подвиги, совершенные целым народом, были приписаны одному Гераклу. Такая рационализация мифов уничтожает их как отголосок прошлого и ничего не дает для понимания истории. За тысячелетия исторической жизни греческого мифа критика его стала более тонкой, исходящей из более глубокого понимания этого феномена человеческого мышления. Миф не отвергается из-за несоответствия его реальности, а в самой нереальности ищутся корни религиозных представлений, которые позволяют понять, как могла возникнуть невидаль или небылица и что за нею скрывается.

Научная дешифровка мифа ставит проблему мифа и истории на иную плоскость. И прежде всего возникает задача отделить первоначальный миф от его домысла или истолкования. Вернемся к рассмотренному нами примеру рождения Афины Паллады из головы Зевса. Это миф. Но его поздним античным рассказчикам потребовалось объяснить, почему Афина называлась Тритогенеей и Палладой. И тогда же появился домysel о воспитании Афины Тритоном и о дочери Тритона Палладе, чье имя вошло в эпитет Афины. Таких домysлов – бесчисленное множество. Это своего рода мифы- паразиты, налипающие на корпус мифа, как ракушки на подводную часть корабля.

Мифы хранят в себе прошлое человечества, но в формах, далеких от летописи, от фактологии. Это история человечества во всех его проявлениях, в том числе и в мистическом, и чем больше мы знаем о прошлом по документам, тем более глубоким становится понимание мифа как формы духовного и исторического бытия.

Греческие мифы, восходящие к глубочайшей древности, дошли до нас в изложении авторов, пользовавшихся не иероглифической или слоговой, а алфавитной письменностью финикийского происхождения. При этом они постоянно пересказывались и дополнялись, переживая метаморфозы вместе с греческим полисом, в котором они бытовали. Все это делает необычайно сложным использование греческих мифов в качестве исторического источника. В этом прежде всего убеждает счастливый и в то же время горький для науки опыт археолога-любителя, энтузиаста, фантазера и миллионера Генриха Шлимана, отправившегося на поиски Трои с томиком Гомера. Найдя местоположение древней Трои (оно было известно до него по упоминаниям древних авторов и предположениям некоторых из современников), он разрушил ее как культурный памятник, приняв древнейшие слои за гомеровскую Трою и допустив множество других непоправимых ошибок. Это не уменьшило ценности изложенных Гомером мифов, но потребовало выделения в них самых древних слоев, восходящих ко времени существования в Эгеиде государств Аххиявы и Трои, и позднейших наслоений той самой «героики», которая не древнее IX в. до н. э.

Сказанное касается и мифов, относящихся ко времени микенских царств, к векам, во мраке которых вызревала греческая архаика. За фантастическими и путанными сведениями о странствиях гомеровских «героев», легенд о возвращении на историческую родину Гераклидов стоят исторические реалии. Они были бы не понятны без египетских текстов и

изображений XIII-XII вв. до н. э., связанных с «народами моря» и соответствующих им хеттских упоминаний, без археологических данных, добытых о тех же «народах моря» в Палестине, без материалов раскопок Пилоса, Микен, Фив, Афин, Орхомена.

Греческие мифы, имевшие хождение в VIII-V вв. до н. э., были своеобразной формой политической мысли, используемой в интересах государства и противоборствующих в нем идеологий. С помощью мифа утверждалась давность обладания полисом той или иной территорией. Так, согласно афинским мифам, царь Кекроп был сыном скалы, на которой возник акрополь, и его власть без какого-либо перерыва передавалась наследникам. В этих мифах нет и намека на то, что до ионийцев афиняне в Аттике жили пеласги – они были изгнаны не только со своей исконной территории, но и из мифа. Поэтому же опущены и предания об уничтожении первоначального населения Аттики во время потопа.

Из греческих мифов создается впечатление, что деяния героев связаны с глубочайшей стариной, мало уступающей древности богов. Однако, как правило, греческие герои не древнее Гомера. Они неизвестны памятникам микенской письменности. Нет ни одного героона (места культа героя) древнее IX в. до н. э. Каждый новый литературный пересказ мифа был новой его трактовкой, за которой стояли определенные интересы – государственные, локальные, личные. Миф менял свой облик, как Протей, и выявить его первоначальное ядро – задача практически нереальная, хотя отказаться от попытки ее осуществить, как показал опыт исследований, невозможно.

Мифы создают искаженную и неполную картину событий. Но ведь важно и интересно, как мифологическое сознание воспринимало важнейшие исторические реалии.

Мифы, повествующие о древнейших событиях греческой истории, являются также источниками для понимания ситуации в далеком от Миноса, Приама и Агамемнона мире, поскольку с их помощью подтверждались претензии на те или иные территории и акватории в эпоху великой греческой колонизации и борьбы за власть между союзами полисов. Афинянин Дедал, якобы добравшийся до Крита и соорудивший там лабиринт, продолжил свой маршрут в Сицилию, это яблоко раздора между Афинским и Пелопоннесским союзами. В Афинах в соответствии с той же политической тенденцией появляется Тесей в годы основания афинской морской державы и связывается с древнейшими афинскими царями, тогда как образ Тесея не мог быть древнее IX в. до н. э. и сложился он не в Афинах, а в Арголиде.

Греческие героические мифы являются одновременно источником для понимания культурных контактов между народами в эпоху великой греческой колонизации. Так, в мифе о Геракле могут быть выделены наряду с его древнейшими критскими, фиванскими, аргосскими элементами анатолийские, финикийские, карфагенские и этрусские слои, следы контактов греческих колонистов с народами, участвовавшими в колонизационном процессе.

Мифы – это сложная и тонкая структура, подобная человеческому мозгу, куда невозможно проникнуть с той же легкостью, как в другие органы человеческого тела, но если это проникновение будет осуществлено, оно обещает поразительные результаты.

Складывая подчас оружие перед загадкой мифа, мы с тем большим восхищением отнесемся к его интеллектуальным и художественным достоинствам. Немало из того, что в античности казалось сказкой, теперь стало обыденностью, и кто знает, какие еще невероятные вещи станут обычными. И это раскрывает понятие мифа в одном из наиболее современных его аспектов – осуществление мечты. С помощью мифа человек взмывал над бескрылой действительностью, добивался справедливости, побеждал сильнейших противников, расправлялся с злодеями, проникал в самые отдаленные уголки земли и вселенной, преодолевая собственную слабость и косность своего времени. Это обеспечило мифу любовь всех человеческих поколений, которые примеряли образы Прометея, Геракла, Тесея, Кассандры к себе и своему времени, наполняя их страстью, углубляя их философский смысл и усиливая художественное воздействие.

Примечания

Гомер, "Илиада", 18, 481-489, пер. Н. Гнедича.

Здесь и далее эпиграфы без подписи или указания переводчика написаны автором.

3

Хаос (от корня *chaos* в значении "зевать"), персонификация разверстого пространства, в мифологическом понимании – родитель Эреба (Мрака) и Никты (Ночи), от которых произошли Эфир и День.

Тартар – темная пропасть под Гадесом, подземное царство. Происхождение слова неясно, скорее всего из восточных языков. Первое упоминание у Гомера.

Эрос как одно из четырех космических первоначал впервые упомянут Гесиодом. В орфической космогонической системе он "первороденный". У трагических поэтов V в. до н. э. он сын Зевса, но чаще – сын Афродиты и Ареса, постепенно принимающий антропоморфный облик. Эллинские поэты изображают его в виде жестокого, капризного и хитроумного мальчика, помыкающего своей матерью.

Океан – река, омывающая земную сушу и вообще первоначальные воды, воплощение Хаоса и сам Хаос. Слово имеет неиндоевропейское происхождение. Образ Океана, скорее всего, сложился под влиянием космогонии древнейшей в Месопотамии культуры Шумера.

Крон (Cronos) – представитель первого поколения богов, ради сохранения власти над миром уничтоживший собственное потомство. В орфической религиозной традиции примирился со своим сыном Зевсом и как добрый царь мирно правил Блаженными островами. Соответствует этрусскому богу Сатре, римскому Сатурну. Ошибочно отождествленный в древности со словом *chronos* (время), мыслился символом неумолимого времени.

Делос – центральный из Кикладских островов, древнейший центр островного союза.

Алкионей – герой Аргolidы и Истма эпохи, предшествовавшей дорийскому завоеванию. Его имя сохранилось в названии Алкионейского озера близ Лерны и Алкионейского моря в северо-восточной части Коринфского залива.

Эту скалу показывали долгое время на Истме. Согласно Пиндару, местом сражения был полуостров Халкидика. По другой версии, Алкионей был бессмертен, пока сражался, стоя на материнской земле, и по совету Афины Геракл оттащил его в сторону. В рисунках на вазах Геракл убивает Алкионея во сне. На фризе Пергамского алтаря крылатого Алкионея вытаскивает из земли за волосы Афина.

Порфирион (греч. "пурпурный") до того, как он был включен в число гигантов, почитался в одном из демов (округов) Аттики как древнейший из царей.

Местом битвы с Мимантом считалась Флегра на Македонском полуострове Паллене.

По множественности звериных признаков Тифон превосходит все териоантропоморфные существа не только греческой, но и китайской мифологии, где они особенно многочисленны. Нагромождение животных черт – скорее всего, художественный прием, имеющий целью представить в Тифоне воплощение всего многоликого хтонического мира и осмыслить его поражение как окончательную победу божественного порядка над хаосом.

Превращение богов в животных – попытка объяснения греками всегда поражавшего их почитания в Египте богов в образе зверей.

Название этой горы ("кровавая", по цвету горных пород) произошло от одного из мифических сюжетов, по которому ее будто бы окрасила кровь, вытекшая из раненого Зевса.

Небесная колесница, запряженная лошадьми, – мифологема, унаследованная из индоевропейской древности, того времени, когда это изобретение внесло изменения в жизнь кочевых племен. Солнечная колесница присутствует в записях ведийских и иранских гимнов, в среднехаттских текстах, где с ней связан ритуал царской власти, и может быть прослежена на археологическом материале.

Фазтон (греч. "пылающий") – первоначально эпитет Гелиоса, в дальнейшем перешедший на имя его сына от океаниды Климены или сына Гелиоса Климена и нимфы Меропы. По другой версии, Фазтон – сын богини Эос и смертного Кефала.

Согласно мифу, мать Фазтона долгое время скрывала от него имя отца. Отсюда сомнения его сверстников.

Судьба Гелиад стала сюжетом несохранившейся трагедии Эсхила "Гелиады". Согласно пересказавшему миф Диодору, янтарь имел иное происхождение и привозился с острова в Океане напротив Скифии.

Селена (от греч. "selos" – "блестящий, сверкающий") – персонификация луны. Она считалась дочерью титана Гипериона и титаниды Тейи, по другим версиям – титана Палласа и самого Гелиоса от Эфры. От связи с Зевсом Селена имела дочь Пандию. В Аркадии возлюбленным ее считали также Пана, подарившего Селене стадо белоснежных быков. Селену отождествляли с Артемидой, Гекатой, иногда с Афиной, с нею связывалось появление росы, произрастание растений и другие естественные явления.

Согласно греческим мифографам, Эндимион, сын Зевса или его внук, возглавил переселение эолийцев из Фессалии в Элиду и царствовал над ними. Его сыновьями от смертной женщины считались Пеон, Эпей и Этол, персонифицировавшие соответствующие греческие племена.

По другой версии, Селена, полюбив юношу, добилась от Зевса обещания выполнить любое из его желаний, и таким желанием стала просьба о вечном сне, сохраняющем юность. Местом сна Эндимиона считали Латмийскую пещеру в Кarii (Малая Азия).

По другим вариантам мифа, Селена имела от Эндимиона пятьдесят дочерей и, по одной из версий, сына Наксоса, героя-эпонима одноименного острова.

Это излюбленный сюжет вазовой живописи – сохранилось более полусотни краснофигурных аттических сосудов 490 – 400 гг. до н. э. Он присутствует также на многих этруских бронзовых зеркалах, где участниками сцен, кроме Эос (этр. Thesan), выступают также Тиния (Зевс) и Фетида.

Эфиопы в представлении Гомера – ведущий безупречную жизнь легендарный народ, живущий на берегах реки Океан, одни на востоке, другие на западе. Их благочестивые жертвоприношения удостоиваются внимания богов. Считалось, что Мемнон последним, видимо, из-за отдаленности пути, пришел на помощь своему дяде Приаму и после ряда побед пал от руки Ахилла. Эти события освещались в "Малой Илиаде" и "Эфиопиде", которые не сохранились, но были известны многим древним авторам, давшим их изложение.

Об этих птицах (греч. мемнониды) существуют различные версии. Согласно Сервию, птицы прилетают на погребальный пир, чтобы оплакивать погибших; согласно Овидию – для оказания Мемнону наивысшего почета; согласно Павсанию, ссылающемуся на рассказы обитателей Геллеспонта, птицы прилетают для очищения почвы и орошения ее своими крыльями из вод реки Эсопа.

Другим сыном Эос и Титона считали Эмафиона, но о нем не было сложено ни одного предания. Существовала также традиция, согласно которой Титон был отцом ветра Эвра. Кроме Титона, возлюбленным Эос считался равный ей по достоинству Астрей, от которого она родила Зефира, Борея и Нота – быстрокрылые ветра, утреннюю звезду Эосфору (дословно: несущая Зарю) и ряд других Звезд. Время от времени она соединялась с Аресом, вызывая яростную ревность Афродиты, наказавшей ее вечной влюбленностью. Среди возлюбленных Эос называли также сына Посейдона гиганта Ориона, сына Диомеда Кефала, от которого в одной из малораспространенных версий она родила Фаэтона.

Наиболее подробно "звездная" мифология изложена у Гигина в его "Поэтической астрономии", где обобщены все мифы, связанные с звездным небом. Интерес к поэзии мира звезд был настолько велик не только в Греции, но и в Риме, что даже в предельно кратком изложении всего того, что следовало знать античному Митрофанушке невежественного III столетия н. э. – в "Памятной книжке" Ампелия – сравнительно подробно приведены мифы, относящиеся к созвездиям зодиака.

Осмысление наблюдаемых с земли сочетаний небесных тел как некоего подобия того, что окружало человека в реальном мире, восходит к глубочайшей древности. В легендах греков о звездах следует различать слой, восходящий к их индоевропейскому прошлому, и наследие народов Востока, создавших астрономию и астрологию. После дешифровки памятников древневосточной письменности появилась возможность понять значимость вклада вавилонян, египтян, обитателей страны Ханаан в то, что может быть названо мифологизацией неба.

В греческих мифах звездный мир превращается в своего рода лес, обитателями которого становятся возлюбленные Зевса, которых он превращает в зверей и спасает от грозящих им опасностей, где живут змеи и чудища, где действуют герои, добившиеся бессмертия, но не освобожденные от опасностей, угрожавших им на земле. Уподобление звездного мира мифологизированному земному дополняло земные страхи ужасом, таящимся в неведомом небесном пространстве. И это еще более укрепляло ощущение беспомощности человека и его ничтожности.

Достижения греков в изучении мироздания, особенно значительные в III – II вв. до н. э., когда в силу политических перемен исчезли препятствия для восприятия научного наследия Востока, не привели к отказу от наивных мифов о звездах – они украсили сочинения астрономов и приобрели еще большую популярность. Огромный успех имела поэма знатока звезд Арата (начало III в. до н. э.). Цитаты, извлечения из нее, пересказы латинских авторов, поздние арабские переводы возмещают утрату этого и других основополагающих греческих трудов о звездном небе и звездной мифологии.

Гесиод, "Теогония", 872-880, пер. В. Вересаева.

В одной неразработанной версии мифа Борей назван "царем кельтов" и отцом юной девушки Кипариссы, которую он постоянно оплакивал (кипарис считался деревом смерти).

Афаманту, сыну Эола, царю беотийского города Коронеи или самих Фив, были посвящены утраченные трагедии Эсхила и Софокла "Афамант" и трагедии Еврипида "Фрикс" и "Ино", изложенные более поздними авторами.

Гесиод, "Труды и дни", пер. В. Вересаева.

В мифах народов Месопотамии первые люди – такие же несчастные существа, бедные родственники богов, обделенные доступными последним благами, лишённые не только бессмертия, но и элементарных жизненных удобств. Эта реалистическая концепция, сохранённая римским поэтом Лукрецием в его перелагающей Эпикура поэме "О природе вещей", противостоит той явно более поздней, которая изложена Гесиодом.

Матерью Прометея чаще всего называли океаниду – в разных версиях мифа то Азию, то Климену, лишь для Эсхила, следующего поэтической логике, – это Фемида. Его братьями считались из наиболее значимых мифологических фигур Эпиметей и Атлант.

Детьми Прометея называли Девкалиона, Лика и Химеру, реже – Этнея, Эллина и Фебу.

Это наиболее распространенный вариант мифа, закрепленный авторитетом Эсхила, положившего его в основу своей знаменитой трилогии ("Прометей-огненосец", "Прометей прикованный", "Освобожденный Прометей"), от которой сохранилась вторая часть. Значительно реже Прометею приписывалось создание первых людей из глины. В Панопис (Фокида), как сообщает Павсаний, даже показывали два камня, образованные спрессованной глинистой землей, от которых исходил запах, похожий на запах человеческого тела, уверяя, что это остатки именно той земли, которая послужила титану материалом для сотворения рода человеческого.

Культ Прометея засвидетельствован во многих полисах Эллады. Лучше всего мы осведомлены о почитании его в Афинах, где существовал в его честь особый праздник прометейи, главным содержанием которого был бег с передаваемыми по эстафете горящими факелами.

Рассказ о Пандоре ("одаренной всеми" или "одаряющей всем") впервые появляется у Гесиода, рисующего ее первой женщиной на земле. Пандора также эпитет матери богов Реи, почитавшейся как мать Земли.

Ликаон (от греч. "lukos" – "волк") – сын Пеласга и океаниды Мелибои (или нимфы Килены). Ему приписывается множество жен и большое число детей.

Девкалион – сын Прометея от Климены или Килено. Легенда о Девкалионовом потопе изложена Аполлодором, Овидием и Гигином. В найденной на о. Паросе пространной надписи, содержащей хронологию событий греческой истории (так называемая Паросская хроника), где за эру принят год составления текста (264-263 гг. до н. э.), Девкалионов потоп датируется 1268 (т.е. 1531-1530 гг. до н. э.).

Пирра считалась дочерью Эпиметея и первой смертной женщины Пандоры. Она получила имя, означающее "огонь", в память о подвиге Прометея.

Мифы о потопе распространены почти у всех народов, на этом основании можно было бы думать, что на памяти человечества произошел всемирный потоп. Даже и в этом случае вряд ли угроза могла возникнуть для гористой Греции, и это оставляет возможность для выбора одного из следующих объяснений. За греческими потопами стоят какие-либо локальные катастрофы (затопление островов и участков суши), превращенные воображением в общечеловеческое бедствие. Миф о потопах заимствован из мифов других народов (например, народов Месопотамии), переживших гигантские наводнения.

В пользу первой из версий говорит реальное наводнения в результате взрыва вулкана на о. Фера (Санторин), вызвавшее, по расчетам геологов, гигантскую приливную волну.

Поднимать руки вверх было принято при молитве небесным богам, а при обращении к подземным – руками касались земли, к божествам вод – опускали в воду.

Среди этих многочисленных видов нимф наиболее древними были мелиады, поскольку их генеалогия связывалась не с Зевсом, а с Ураном – считалось, что они родились из капель его крови, пролившейся при нападении на него Крона. В латинском и романском языках слова "ясень" и "неистовство" имеют общую основу. Особой группой древесных нимф были алсеиды (от греч. "alsoc" – "священный лес"), обитавшие в деревьях священных рощ.

Пифия – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

Эрисихтон – фессалийский герой, сын или брат легендарного царя Триопа, возможно, первоначально Дриопа – "древесного". Впервые миф об Эрисихтоне мы встречаем у эллинистического поэта Каллимаха. Используя эллинистическую традицию, его подробно пересказывает Овидий.

Облик сатиров воссоздается по изображениям начиная с архаической эпохи на ионийских и аттических сосудах, монетах, геммах, стенках глиняных саркофагов, где эти персонажи появляются как сопровождение нимф, менад, Диониса, Геракла.

Мидас – царь Фригии, прославленный своим богатством.

Впервые рассказ о рождении Пана приведен в посвященном ему Гомеровском гимне. Сам гимн до нас не дошел, но сохранилось изложение его содержания в схолиях к "Ресу". В менее известных мифах, донесенных поэтами эллинистического времени, любившими выискивать необычные варианты, он включен в одиссеевский цикл. Согласно этой традиции, Пенелопа не хранила верности супругу во время его отсутствия, и, вернувшись, Одиссей ее изгоняет. Оказавшись в районе Мантинеи, она соединяется с Гермесом и становится матерью Пана. В рамки того же круга мифов вписывается и еще один вариант, согласно которому Пенелопа делит ложе поочередно со всеми женихами, с чем и связана уродливая внешность родившегося от этих многочисленных связей сына. Популярность Пана, отразившаяся в бесчисленных изображениях на сосудах, была велика уже в глубокой древности, о чем свидетельствуют те из вариантов мифов, которые делают его родителями богов первого поколения: то он становится сыном Эфира и нимфы Ойнои, то Кроноса и Реи, то Урана и Геи. О древности Пана говорит и его полуживотная внешность, и рано забытый миф, по которому он сын какого-то пастуха и обычной козы.

За исключением этой трагически завершившейся страсти, любвеобильный Пан не мог пожаловаться на неудачи. Нимфа Эхо родила ему дочь, судя по имени, означавшем "вертихвостка", она была в птичьем обличье; до любви к нему снизошла и сама Селена.

Миф о вхождении в свиту Диониса отражает перемены в мифологической судьбе древнего божества, утратившего специфику покровителя пастухов, и вместе с тем объясняет широкое распространение культа аркадского бога по всей Греции. Главные центры культа Пана, названные в источниках и частично подтвержденные археологией, находились в Аркадии, Трезене и на территории Аттики в Оропе; почитали его и в самих Афинах, где ему был посвящен ежегодный праздник, включавший торжественное факельное шествие, отдано две пещеры: одна на самом Акрополе, другая вместе с горой – рядом с Марафонской равниной и, кроме того, на Саламине (видимо, по частной инициативе) имелось множество деревянных статуй, сделанных, по словам Павсания, "кто как мог". Такой чести Пан был удостоен в Афинах, согласно Павсанию, за то, что, встретив возвращавшегося из Спарты афинского посла, обещал прийти к афинянам на Марафонское поле и помочь одержать победу в сражении.

Древние мифографы выделяли три типа киклопов: сыновей Урана и Геи, принадлежавших поколению гигантов, сицилийских циклопов, известных по "Одиссее", и киклопов-строителей.

Превратившийся в морского старца рыбак Главк в дошедшей до нас литературе впервые появляется лишь у Овидия, пользовавшегося, как известно, мифологической традицией в изложении авторов эллинистического времени. В этой традиции рыбак Главк мыслится или сыном основателя города Амфелона в Беотии, или сыном самого Посейдона от одной из наяд, но в любом случае от рождения смертным и обретшим бессмертие, лишь вкусив соответствующей травы. Образ этого Главка вобрал в себя традицию о другом Главке, сыне Сизифа, который в одном из вариантов мифов об этом персонаже напился из источника воды, давшей ему бессмертие, и, чтобы убедить окружающих в приобретении этого дара, бросился в море, где стал морским божеством. В отличие от канонического Главка это божество не обладало даром пророчества, но встреча с ним в море становилась предвестницей гибели корабля.

Правильное чтение имени – Скилла, но мы приводим его не в греческом, а в латинском звучании в соответствии с устоявшейся в русском языке традицией.

Обычно встречающееся число нереид – полсотни, но если использовать, взаимно дополнив, четыре дошедших до нас списка нереид, то количество только тех, которые названы по именам, достигает семидесяти семи (некоторые из античных авторов исчисляли их сотней).

Первоначально тритоны, подобно океанидам и nereидам, были "множеством". Они олицетворяли ярость морских валов и мыслились и как юноши, и как девушки; затем девушек-тритонид полностью вытеснили юноши-тритоны, и, наконец, из их массы выделился Тритон, напоминающий по функциям уже известных нам "морских старцев" и объявленный сыном Посейдона и Амфитриты.

В некоторых из легенд Галатея предстает возлюбленной не Акиса, а Полифема, от которого имела трех сыновей – Галата, Кельта и Иллира, эпонимов соответствующих народов.

Эрида обычно считалась сестрой Ареса, но в генеалогической схеме Гесиода она изначальная сила, дочь Ночи.

Гомер, "Одиссея", 12, 185-189, пер. В. Жуковского.

По другой версии мифа, сирен победили музы и, ощипав, украсили себя их перьями.

Их имена Энио, Пефредо и Дейно. По имени отца их часто называли Форкидами.

Мойра по-гречески – "часть", "участь", то же, что у славян "доля". В этом смысле в текстах линейного письма II тысячелетия до н. э. употребляется слово *mo-go-ra*. Гомер связывает понятие "мойра" с богами, но он непоследователен: "мойра" у него может означать и "кусочек мяса". Первая попытка систематизации мойр – у Гесиода, мыслящего трех мойр дочерьми Зевса и Фемиды. У трагических поэтов мойры возвышаются над Зевсом. Они становятся долей богов. Неясно, стоят ли мойры над Зевсом или Зевс над мойрами.

Хариты – греч. "прелестные", "дружелюбные", соответствовали римским грациям.

Хариты пользовались защитой Геры, покровительницы брака. Согласно Гомеру, младшая из харит, Пасифея была обещана Герой в жены богу сна Гипносу. Близость харит к Аполлону явствует из сообщения Павсания о том, что в делосском храме на ладони статуи Аполлона были размещены три фигурки харит с подписями: Ауксо, Фалло, Карпо.

Афродите соответствует этрусская богиня любви Туран, а харитам – множество лазы с этрускими именами и соответственно римская Венера с окружающими ее грациями.

Близость харит к Афине – богине аграрно-хтонического характера – ясна из того, что их изображения находились у входа на афинский акрополь.

Гесиод, "Теогония", 40-43, пер. В. Вересаева.

Идентичность эриний и эвменид явствует не только из трагедии Эсхила "Эвмениды", но и из сообщения Павсания о принесении тем и другим в жертву суягной овцы, что позволяет видеть в них богинь плодородия.

Взвешивание душ – один из элементов древнеегипетских представлений о смерти и загробном царстве. Оно было распространено и в ахейском мире, который описывает Гомер. В шахтовых гробницах Микен второй половины XVI в. до н. э. найдена модель золотых весов в виде коромысла с двумя чашечками. На кипрском сосуде в слове, датируемом XIII в. до н. э., обнаружен сосуд с изображением человеческой фигуры с весами. Одно из созвездий, известное грекам с древнейших времен, называлось Весами. В микенском линейном письме Б знак весов употреблялся в качестве идеограммы для обозначения понятия меры веса (талант). Естественно, весы стали сначала частью жизни, а затем мифологемой.

Гомер, "Илиада", 8, 69-71, пер. Н. Гнедича.

В "Илиаде" Танат фигурирует как брат Гипноса (Сна), и эту генеалогию воспроизводит Гесиод, называя Таната и Гипноса сыновьями Никты. Как мифологический персонаж Танат впервые появляется на театральной сцене в не дошедшей до нас трагедии Фриниха "Алкеста", а затем в сохранившихся фрагментах трагедии Еврипида, где его похищает Сизиф.

У Диодора Геката – дочь Перса, внука Ээта, погубившая зельем отца и унаследовавшая царскую власть.

Реже мифографы превращают ее в мать Кирки.

В некоторых малораспространенных вариантах мифов она оказывается связанной с морской стихией, выступая как морское существо.

На Крите куреты были демонами плодородия земли и спутниками богини плодородия Диктины. Отсюда возникла легенда, что они охраняли Зевса не в пещере горы Ида, а в пещере горы Дикта. В ходе раскопок пещеры Иды найдены остатки бронзовых щитов второй половины II тысячелетия до н. э., свидетельство священных плясок в честь божества.

Героон – ложная гробница героя, место его культа.

Возможна связь каби́ров с индийским хтоническим божеством Кубера, богом подземных богатств, владыкой якшей, кинаров и других множеств, подобных кабирам.

Известны мистерии в честь кабиrow на островах Лемносе, Имбросе и Самофраке. Вместе с кабирами на Самофраке почиталась малоазийская богиня-мать Кибела и считавшиеся ее детьми Зевс, Дионис, Гермес, Плутон, Деметра, Афродита, Артемида, Персефона. Культom Кибелы ведали жрецы, встречавшие приближавшиеся к острову корабли и провожавшие в храм тех, кто желал приобщиться к таинствам. Эти жрецы принимали исповеди, после чего вводили в тайны культа. Посвященные получали железное кольцо, которое должны были носить всю жизнь.

В эпосе его имя звучит как Поседаон. Этимология имени не греческая, а, скорее всего, пеласгийская. Одни исследователи переводят его как "супруг земли", другие считают состоящим из слов *posei* – владеть и *da* – земля. Это же слово *da* вошло в имя Деметры ("Даматра") – Мать-Земля. В римской мифологии Посейдону соответствует Нептун, в этрусской – Нетунс.

Игры эти проводились начиная с 583 г. до н. э. в первый и третий год олимпиад в сосновой роще на Истмийском перешейке, и наградой победителю в этом весеннем празднике был венок из сосновых ветвей или свежего сельдерея. Первоначально состоявшие только из бега на колесницах и скачек, постепенно Истмийские праздники включили состязание атлетов, музыкантов (флейтистов и кифаредов) и поэтов.

Гомер, "Одиссея", пер. В. Жуковского.

В римской мифологии Зевсу соответствовал Юпитер, в этрусской – Тиния.

С превращением Зевса в верховного бога к нему перешли наиболее знаменитые общеэллинские праздники, справлявшиеся ранее в честь других богов. Так, с ним связали игры, проводившиеся в микенское время, когда Зевс еще не занимал своего места на Олимпе, в Олимпии в долине Алфея и Кладея. Возобновленные на какое-то время в IX в. до н. э. уже в честь Зевса, с 776 г. до н. э. они учреждаются вновь и уже не прекращаются почти до самого конца античности, превратившись в главный общеэллинский праздник. Проводились они раз в четыре года в течение нескольких летних дней, первый из которых занимали подготовительные церемонии и жертвоприношения, последний – раздача наград (венков из священной оливы), торжественная процессия, пир в честь победителей и жертвоприношения олимпийским богам, а остальное время – сами состязания. Первоначально это был только бег и для агона хватало одного дня. Постепенно дополняясь, к V в. до н. э. игры занимали уже три дня и включали бег колесниц, скачки, пятиборье (бег, прыжки, метание диска, метание копья, борьба); соревнования мальчиков (юношей в возрасте от 17 до 20 лет), растягивавшиеся на целый день, и, наконец, двойной и шестерной бег, кулачный бой, панкратий (сочетавший рукопашный бой и борьбу) и бег в вооружении.

Источники не сообщают, кого вытеснил Зевс в праздновавшихся в с 573 г. до н. э. в Немейской долине Арголиды Немейских играх, но, судя по тому, что они с самого начала включали кроме бега и борьбы конные ристания, можно думать, что это был Посейдон. Об этом же говорит и награда – венки не из ветвей дуба, дерева Зевса, а из сухого сельдерея, растения, использовавшегося и для увенчания победителей Истмийских игр Посейдона. Немейские игры проводились раз в два года: в первый год олимпиады зимой, в третий – летом.

Орел считался священной птицей Зевса и часто изображался рядом с ним; священным животным Зевса был бык.

Легенды часто указывают на место первоначального почитания бога. Многие тексты рядом фактов связывают Зевса с Критом: появление на свет и соединение с Европой, чьи сыновья становятся правителями Крита. И в историческое время на Крите его образ отличался от общепринятого олимпийского облика – он воспринимался в местной традиции как божество умирающей и воскресающей природы, и критяне показывали не только пещеру, где Зевс родился, но и его могилу. Не случайно в мифе о похищении Европы Зевс предстает в облике быка, а в цикле мифов об его сыне Миносе фигурирует полубык-получеловек Минотавр – поклонение богу-быку, супругу богини-матери, как олицетворению производящих сил природы засвидетельствовано на Крите II тысячелетия до н. э. Отголоски той же первоначальной ипостаси земледельческого бога, кроме Крита, сохранились также в Аркадии, с которой традиция, обработанная эллинистическим поэтом Каллимахом, связывала рождение Зевса, и в Додоне, где ему поклонялись как божеству плодородия, супругу Геи, непрерывно ее оплодотворяющему.

Миф о похищении Европы вводит это, скорее всего, первоначально локальное божество в общегреческую мифологическую систему. Почитание Европы засвидетельствовано, кроме Крита, также в Фивах.

Кроме Европы, ставшей матерью критских героев Миноса, Эака и Радаманта, это Даная, родившая от Зевса Персея, мать Елены и Полидевка Леда, мать Геракла Алкмена, а также Каллисто, родившая Аркада, и мать Эпафа Ио.

Дуб считался священным деревом Зевса. По шелесту листьев священного дуба давали предсказания жрецы знаменитейшего оракула при храме Зевса в Додоне (Эпир), одного из самых древних оракулов Эллады, упоминаемому еще Гомером. Правда, Гомер называл его пеласгийским и связывал его деятельность с жрецами-селлами, никогда не мывшими ног и спавшими на голой земле, что говорит о первоначальной принадлежности оракула не Зевсу, а богине земли.

В римской мифологии Гере соответствует Юнона, в этрусской – Уни.

О павлине как священной птице Геры говорят не только древние авторы, но и изображения на монетах и рельефах. Возможно, именно эта птица способствовала формированию в мифе характера богини – "павлиньего" тщеславия и заносчивости.

Здесь, в той же долине Алфея, где проходили Олимпийские игры в честь Зевса, раз в четыре года в интервале между Олимпийскими играми отмечались Герейи, в которые, наряду с состязаниями мужчин, входил бег девушек.

Мифологическая традиция расходится в определении имени отца Ио, но едина в том, что он был из рода царей Аргоса.

Одной из дочерей Эпафа считалась Ливия, давшая название соседней с Египтом стране. Геродот в присущей ему манере отождествлять египетских и греческих мифологических персонажей ставит знак равенства между Эпафом и египетским Аписом.

Геба, судя по имени, персонификация юности. Вместе с музами она кружилась в танце под звуки лиры Аполлона.

На самом деле Илифия – одно из древнейших божеств. Поэты говорили о нескольких Илифиях, что предполагает первоначальное существование группы родовспомогательниц.

В римской мифологии Аиду соответствует Плутон, в этрусской – Лита.

Стикс – согласно Гесиоду – дитя Океана и Тефиды, по Гигину – дочь Никты и Эреба. Как река подземного мира, она была наделена магическими свойствами. Фетида окунула Ахилла в Стикс, чтобы сделать его неуязвимым. Самой нерушимой клятвой считалась у людей и богов клятва водами Стикса.

Плутос воспринимался как хтоническое божество, ведающее урожаем, даром Деметры. В более поздних легендах Плутос был отождествлен с Аидом и стал восприниматься как обладатель несметных подземных кладовых, полных золота, серебра, драгоценных камней, и как воплощение богатства.

Обычно этот дуг локализовали в центре Сицилии близ города Энны.

В других версиях попытка дать ребенку царской четы бессмертие связывается с Триптолемом, а испуг при виде младенца в огне – отцу, а не матери.

Это характеризует Персефону как воплощение связи между двумя мирами и выхода из смерти ростками новой жизни. Равным образом шумерская богиня Инана, опустившаяся в земные глубины, возвращается к жизни по воле небесного владыки Инку. Это говорит об общности представлений древних народов о смерти и жизни, а не прямом заимствовании.

Мистерии проходили дважды в году – весной и осенью – в Элевсине (под Афинами). Содержанием Осенних (или Великих) элевсиний было похищение дочери Деметры Персефоны Аидом и ее брак с ним. Весенние (или Малые) элевсинии инсценировали возвращение Персефоны на землю и ее брак с Дионисом. Вновь посвященные допускались первоначально только к Малым мистериям. Очистившись предварительно водами протекавшей по Афинам реки Илисс, ночью мисты (как называют допущенных к участию в мистериях) с факелами и в масках отправлялись к сооружению, сложенному из пригнанных друг к другу каменных плит. Общими усилиями одна из этих плит отодвигалась и из ниши в нижнем камне доставался свиток, содержащий правила проведения мистерий. Эти правила громко зачитывались и вновь прятались в каменное убежище, после чего мисты во главе со жрецами отправлялись в храм, бывший центром культа Деметры и Персефоны. Судьба последней давала участникам мистерий надежду на возвращение к жизни после смерти. В храме посвященные приобщались к жгучей тайне потустороннего существования; они проходили из одной части святилища в другую. Временами вспыхивал яркий свет, выхватывавший из мрака тени или фигуры чудовищ подземного мира. Одновременно раздавался собачий лай, скрежет, вопли и стоны, усиленные специальными приспособлениями. После всех этих ужасов смерти перед мистами открывались помещения, полные света. Взявшись за руки, под успокаивающие звуки флейт, они исполняли ритуальный танец ликования и возвращения к жизни. Элевсинский обряд мыслился как подготовка к переходу из одного мира в другой, как наглядный урок преодоления загробных мук и приобщения к бессмертию.

Посвященному в Малые мистерии через год открывались девятидневные Великие мистерии, приходившиеся на время между жатвой и новым посевом. Очистившись, омывшись, совершив жертвоприношения богам на протяжении пяти дней, на шестой день они объединялись в праздничном шествии и в венках, с факелами, мотыгами и серпами двигались по Священной дороге в храм. Оставшиеся дни они проводили на морском берегу, видимо разыгрывая сцены из мифов о Персефоне.

О том, как в точности совершалась церемония, неизвестно. За разглашение тайны виновный подвергался смерти или изгнанию.

Элевсин был не единственным местом культа Деметры и Персефоны. Сравнительно недавно в Северной Греции обнаружен храм с обширными подземными помещениями, в которых жрецы открывали вопрошавшим тайны загробного мира. "Путешествие в Аид" сопровождалось такими искусными звуковыми эффектами, что верующий почти утрачивал сознание и в каком-то мираже узнавал мертвых, с которыми хотел встретиться.

Согласно различным вариантам мифа, Триптолем запрягал в колесницу быков, драконов, змей.

Разумеется, этот рассказ относится ко времени обострения вражды между Афинами и Пелопоннесским союзом.

В образах варварских царей, противников Триптолема, отражена вековая борьба кочевых, скотоводческих племен с оседлыми земледельческими народами.

Таково мнение Гомера. Согласно Гесиоду, Гера, поссорившись с Зевсом, родила Гефеста сама от себя, ибо богам доступно все. В отличие от этих распространенных версий на Крите считали Гефеста сыном Талоса, внуком Креса, эпонима острова, и превращали его в отца Радаманта.

В этрусской мифологии Гефесту соответствовал Сефланс, в римской – Вулкан.

По другой, приводимой Гомером версии, Гефест охромел, когда был сброшен на землю Зевсом за то, что в ссоре супругов принял сторону матери. В результате Гефест упал на о. Лемнос, где ему оказали помощь синтии, переселившееся сюда фракийское племя.

Лемнос, как место обитания Гефеста и его работы в кузнице, связан с вулканической деятельностью и выходом на острове природного газа, вызывавшего непотухающие огни, называемые лемносскими. На островной горе Мосихл, месте огней, имелся храм Гефеста, где ежегодно в его честь отмечался праздник. Гефест был богом догреческого населения острова, поэтому его имя не имеет общепринятой этимологии.

Матерью Афины считалась океанида Метида (греч. "мудрость"), которую Зевс проглотил вместе с плодом. Неординарность рождения Афины должна была подчеркнуть ее особую близость к небесному богу-отцу, выражавшуюся в таких качествах, как разумность, предусмотрительность, энергичность, воинственность. Как истинная дочь Зевса, Афина обладала боевой колесницей (атрибутом власти микенской военной верхушки) и эгидой, снабженной головой горгоны.

В этрусской мифологии Афине соответствует Менрва, в римской – Минерва.

Один из эпитетов Афины – Тритогея. Древние истолкователи объяснили его в том смысле, что рожденная Зевсом Афина была воспитана Тритоном, богом озера Тритонида в Ливии. По другому объяснению Афина называлась Тритогенеей потому, что была дочерью Посейдона от нимфы Тритониды. Немало споров вызывал и другой эпитет Афины – Паллада. Одни говорили о сводной сестре Афины Палладе, дочери Тритона, с которой Афина вместе росла и ненароком ее убила, после чего взяла в память о подруге ее имя. Другие утверждали, что прозвище произошло от упавшего с неба деревянного идола – палладия. Говорили также, что прозвище Афина получила после того, как сразила гиганта Палланта и, содрав с него кожу, обтянула ею свой щит. Современные исследователи отвергли эти истолкования и предложили свои собственные. Ясно лишь одно: что Тритогея и Паллада – эпитеты столь же древние, как и само имя Афины, засвидетельствованное в форме Атана в микенских текстах II тысячелетия до н. э.

Функция пряжи характеризует Афину как наследницу древнейшей эгейской богини Илифии. Согласно Павсанию, поэт Аллен, предшественник Гомера, называл Илифию "прекрасноткущей". Эта функция роднит Афину также с богинями судьбы мойрами.

По-видимому, имя Ares – персонификация безжалостной кровавой войны, но точной его этимологии нет. В микенскую эпоху почиталось сходное с Аресом божество Эниалий, впоследствии с ним отождествлявшееся. След этого древнего божества сохранило имя постоянной спутницы Ареса Энио, которая считается то его дочерью, то (реже) его сестрой или матерью. Аресу соответствовали этрусский бог войны Ларан и римский Марс. В искусстве он чаще всего изображается статным, сильным воином, отдыхающим после боя.

Этот крик дал основание некоторым исследователям понимать слово Ares как индоевропейское "крикун", "орущий".

Ортигия от греч. *ortix* – перепелка. Другие первоначальные названия Делоса: Астерия и Пирпела. Плиний выводит *Pirpela* от греч. *pyr* – огонь, т. е. остров, где впервые был зажжен огонь. Между тем это слово древнего языка (пеласгийского? карийского?), обозначающее ту же птицу – перепела.

Победа Аполлона над Пифоном – главное из деяний бога, выражающее его космическую сущность. Эта победа знаменует торжество религии, обращенной к свету, над темными и могущественными силами матери-земли, над старой хтонической религией, смену пещерных веков существования человечества эрой культуры. Трофеем победы Аполлона стала принадлежавшая Пифону сила пророчества, перешедшая к Аполлону вместе с пифией – в знак преемственности старого и нового она сохранила имя Пифона.

Результатом победы Аполлона стал храм, сменивший первобытную пещеру или священную рощу. Эта смена была осмыслена как цепь превращений с участием сил природы. Сначала храмом был шатер из ветвей лавровой рощи Темпейской долины, затем – своего рода улей, сооруженный пчелами из лебединых перьев или папоротника. Строителями первого, скорее всего, деревянного храма считались Трофоний и Агамед, и это событие датировалось вторым поколением до Троянской войны. На месте этого храма, уничтоженного пожаром в 548 г. до н. э., возник храм, сооруженный архитектором из Коринфа. Руины его в конце II в. н. э. видел путешественник Павсаний.

Невероятная глубина исторической памяти, связанной с Дельфами, не устояла перед историческими и религиозными переменами III-V вв. н. э. Итальянский путешественник Кириако Анконский, посетивший Дельфы в XVI в., заметил, что местные жители, обитавшие среди руин храма, ничего не знали ни о Дельфах, ни об Аполлоне. Сведения о Дельфах были извлечены из произведений античных авторов в конце XIX в. Священный город Аполлона открылся как археологический памятник с руинами храмов, стадионом, священными представительствами отдельных полисов и многими тысячами надписей, характеризующих его реальную историю.

Дельфийский храм, расположившийся в горной долине на склоне горы Парнас, пользовался в древности особенной славой благодаря оракулу, ставшему с VII в. до н. э. наиболее популярным в Элладе. Предсказания давались дельфийским оракулом девять

месяцев в году: сначала по несколько раз в месяц двумя девами-пифиями, а с I в. н. э. – одной пифией, пятидесятилетней женщиной, раз в месяц. Бессвязным выкрикам пифии, восседавшей на священном треножнике и вдыхавшей наркотический дым, жрецы придавали чаще всего форму стихотворного изречения, допускавшего разные толкования, чтобы ответственность, в случае принятия вопрошающим неправильного решения, ложилась на него самого.

С пифийским храмом Аполлона были связаны прославленные Пифийские игры, регулярно проводившиеся, начиная с 590 г. до н. э., каждые четыре года у подножия Парнаса. Первоначально состязания на Пифиадах были связаны только с искусством (состязания в исполнении посвященного Аполлону пеана первоначально в сопровождении кифары, а затем также и флейты), позднее к музыкантам добавились атлеты и наездники. Первое время победитель получал яблоки со священных деревьев Аполлона, но затем в практику прочно вошли венки из ветвей священного лавра, дерева Аполлона.

По другой версии мифа, название святилищу дал не морской зверь, а тот же дракон, называвшийся не Пифоном, а Дельфином. Его считали защитником древнего оракула Фемиды и приписывали способность давать прорицания.

Теоним Artemis не имеет надежной греческой этимологии и, скорее всего, восходит к одному из древних языков Малой Азии, откуда почитание богини перешло к древнейшим обитателям Балканского полуострова. В этрусской мифологии Артемиде соответствует Аритими, в римской – Диана.

Эта многофункциональность следствие того, что Артемида так же, как Афина (Атана), – наследница древней богини-матери, богини плодородия и владычицы зверей.

Ассимилировавшая древнюю малоазийскую богиню плодородия, Артемида Эфесская сохранила многие ее черты, противоречившие сложившемуся в балканском регионе образу девы-охотницы: здесь она изображалась как богиня-мать с многочисленными сосками по всему телу.

Этот обряд характеризует Артемиду как богиню инициации молодежи.

Не случайно Артемида почиталась в наиболее диких и горных областях Греции – кроме Спарты, в горах Тайгета, в Аркадии, в Элиде.

Актеон – беотийский герой, почитаемый в Платее и Орхомене, считался сыном Аполлона и нимфы Кирены.

Таким местом оказался город Занкле, будущая Мессена, на берегу Мессинского пролива, с ее прославленной гаванью и храмом Посейдона.

Состязание в метании диска лишний раз характеризует Артемиду как покровительницу инициаций, обряда перехода юношей в разряд мужей.

Теоним Гермес засвидетельствован уже в микенскую эпоху в форме E-ta-a. По свидетельству Геродота, до греков этого бога почитали пеласги. По одному из предположений, имя Гермес происходит от греческого *ερμαῖον* ("куча камней"). В этрусской мифологии Гермесу соответствовал Херму, или Турмс, в римской – Меркурий.

Кадуцей – жезл гонца, обвитый двумя змеями.

По другой версии, Керикс – сын Эвмолпа, учредителя элевсинских мистерий.

Согласно другой версии, изобретателем лиры был поэт Терпандр. Именно ее использовал О. Мандельштам в своем знаменитом стихотворении:

*Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет,
Лежит себе на солнышке Эпира,
Тихонько грея золотой живот.
Ну кто ее такую приласкает,
Кто спящую ее перевернет -
Она во сне Терпандра ожидает,
Сухих перстов предчувствуя полет.*

В этрусской мифологии Афродита отождествлялась с Туран, в римской – с Венерой.

Само его имя имеет финикийское происхождение и означает "господин". Он почитался на Востоке (в Финикии, Сирии, Египте) как умирающее и воскресающее божество растительности. То же значение культ Адониса имел у греков, живших на островах Кипр и Лесбос, но греческие почитатели Афродиты дополнили легенду о нем многими неизвестными их восточным соседям подробностями.

Нетрудно понять, почему объектом превращения стало такое экзотическое дерево, как мирра, а не одно из деревьев Средиземноморья. Оно было посвящено азиатской богине любви и материнства так же, как Аполлону был посвящен лавр, а Зевсу – дуб. Мирра источала благоухающую смолу, из которой изготавливались драгоценные масла. Ими умащивались те, кто хотел быть любимым.

Имелась и другая версия появления Адониса. Красота в Афродите сочеталась с ревностью к соперницам. Так, когда на Кипре у царя Кинира родилась очаровательная Смирна, богиня внушила ей преступную любовь к отцу, от которого по его неведению она и зачала ребенка. От стыда дочь скрывалась в лесах. За проступок Смирна была превращена в дерево, из которого течет благоуханная мирра. Из ствола этого дерева и родился Адонис.

Включение в круг возлюбленных Афродиты малоазийских персонажей – Анхиза и особенно Адониса – одно из свидетельств восточного происхождения богини, близкой по облику к финикийской Астарте, с культом которой культ Афродиты практически сливается на территории Сицилии в местах финикийских поселений (священной птицей Афродиты, как и Астарты, считался голубь, в знаменитом храме Афродиты на сицилийской горе Эрик имела место священная проституция).

Долгое время считалось, что появление Диониса в Греции – явление сравнительно позднее, однако расшифровка табличек линейного письма Б показала, что он был известен и получал положенные жертвы уже в микенскую эпоху. Правда, мы не знаем, что представляло собой микенское божество с этим именем, поскольку никаких мифологических (как и вообще литературных) текстов микенского времени до нас не дошло (все, что мы имеем, – это хозяйственные документы, сохранившиеся благодаря тому, что глина, на которую были занесены не имевшие особенной ценности записи, была обожжена пожаром). Диодор трактует имя бога как состоящее из двух элементов – от бога Зевса и пещеры Нисы. Ниса, известная уже Гомеру, считалась то лугом, то пещерой, то горой. Ее название стало именем нимфы, вскормившей младенца Диониса. На самом деле второй элемент имеет значение "сын". Дионис, таким образом, сын божественной пары, почитавшейся в микенскую эпоху. Замена Семелы как матери Диониса в другой версии Персефоной характеризует его как юного бога умирающей и воскресающей природы.

Двойником Диониса в Малой Азии был фригийский бог Сабазий, которого греки считали сыном Зевса и Персефоны. Поскольку последняя была богиней подземного царства, жертвоприношения и празднества Сабазия совершались под покровом ночи. Отличием Сабазия от Диониса во внешнем облике было наличие рогов, признака бога-быка, супруга великой богини-матери. Диодор считал Сабазия более древним Дионисом, а рога связывал с тем, что бог впервые запряг быков и с их помощью произвел посев. В Этрурии Дионису соответствовал Фуфлунс, в Риме – Вакх.

Имя богини Семела (Semela) фригийского происхождения и имеет поразительное сходство с русскими словами "земля", "земельный", что становится особенно ясным, если их транскрибировать латинскими буквами (semela, semelnoi). Это одно из свидетельств сходства славянских языков с древними языками Балканского полуострова, откуда фригийцы переселились в Малую Азию.

В ареале пеласгийской Додоны Дионис – сын Зевса и Дионы, воспитанный додонскими нимфами. Впоследствии Диону вытеснила Семела, фригийская богиня земли, осмысленная как дочь Кадма, т. е. смертная, чтобы сделать единственным бессмертным родителем Зевса. Однако культ Диониса был одновременно и культом Семелы, как свидетельствуют гомеровские и орфические гимны. В Лаконике существовал особый вариант мифа, согласно которому после рождения Семелой Диониса в Фивах Зевс, заподозрив ее в измене, заключил вместе с ребенком в бочку и пустил в море. Волны выбросили бочку с погибшей матерью и младенцем к месту, которое стало называться Брасами (от греч. "ekbraso" – "выбрасывать"), где Семела была похоронена, а Дионис воспитан Ино. Однако благодаря культу Диониса в Фивах и широкому распространению дифирамбической поэзии и трагедии в греческом мире, каноническим стал фиванский вариант мифа о Дионисе как сыне Зевса и Семелы.

Слово "трагедия" происходит от двух греческих слов: "tragos" – "козел" и "ode" – "песнь", означая буквально – "песнь козлов", т. е. ряженных, представлявших на празднике Диониса козлоногих сатиров. Первоначально связанный только с Дионисом, очень скоро этот сценический жанр включил также повествование о других богах и героях. В слове "комедия" "ode" соединяется с "komos" (веселое шествие селян во время праздника сельских Дионисий).

Сельские Дионисии, отмечавшиеся ежегодно в конце ноября – начале декабря, были не общегреческим, а полисным праздником Афин, связанным со сбором винограда. В период своего правления в Афинах Писистрат учредил Великие Дионисии, праздновавшиеся в конце марта – начале апреля сначала в течение пяти дней, два из которых отводилось на жертвоприношения и состязание дифирамбических хоров, три – на драматургические состязания и заключительную раздачу наград, затем количество дней было увеличено до шести с тем, чтобы отдельный день выделить для комедий. Автор трагедии получал венок из плюща, излюбленного растения Диониса, бронзовый треножник и быка, для комедиографа вместо быка полагалась корзина фиг и амфора вина. Первый актер и хорег (выборное лицо, на которое падала организация постановки) – венки из плюща.

Быка этого, однако, Минос не пожертвовал Посейдону, выбрав в своих стадах для этой цели другого. И Посейдон наслал на своего быка бешенство, дав возможность проявить мужество сразу двум героям – Гераклу и Тесею.

В некоторых версиях мифов первым законодателем Крита называли Радаманта, а Минос рассматривался как его продолжатель. К нему возводили критский обычай клясться не именами богов, а собакой, гусем и платаном. При этом Радаманта считали сыном Гефеста.

Однако гора как место дарования законов присутствует и в восточных мифологиях (см., например, дарование законов Моисею на горе в Синае).

Поздние авторы отождествляли эту Скиллу с чудовищем Скиллой (Сциллой), с которым Одиссей столкнулся в западных морях.

Миф повествует, что он убил своего племянника, странным образом носившего то же имя, что и медный великан Крита Талос. Причиной преступления назвали зависть к таланту юноши.

На основании археологических данных и свидетельств древних авторов высказано предположение, что лабиринт получил название по двойному топору лабрису, использовавшемуся как ритуальное орудие при жертвоприношениях.

Главк – имя нескольких мифологических персонажей, среди которых и морское божество, наделенное пророческим даром.

Первое упоминание о Полииде – у Гомера. Детали сообщают Аполлодор, Павсаний и Гигин.

По версии Диодора, Идомений умирает на Крите и удостоивается пышного погребения и почестей, подобающих богам.

Кикладские острова – центр культуры бронзового века, которую называют Кикладской (с 2700 г. до н. э.). На Делосе, Кеосе и Паросе обнаружены укрепленные и неукрепленные поселения и памятники религиозного искусства, не имеющие прямых параллелей за пределами Киклад. Это прежде всего мраморные фигурки, поражающие изысканной четкостью силуэта и безупречностью линий. Таким образом, легенды, связывающие Киклады с Аполлоном и его сыном Аристеом, получают научное обоснование. Возможно, Аристей – древнее божество островов, вытесненное Аполлоном и вошедшее в его круг. В нем наиболее явственны черты героя-бога, покровителя культуры. Это островной Прометей-Фороней, благодетель человечества, заслуживший свое имя ("Аристей" – греч. "наилучший").

Звезда Пес – Сириус, входящий в созвездие Пса. Восход ее, приносящий мучительную жару, наблюдался в Греции между 20 июля и 28 августа. Знание о восходе Сириуса островитяне могли получить от египтян, и, возможно, поэтому Аристия считали выходцем из Ливии.

Лахесис значит "доля".

Родосская мифология, несмотря на ее обработку греческими мифографами по стандарту критских и иных островных мифов, сохранила свои архаические черты. Осмысливая ее темную символику, мы могли бы начать изложение родосских мифов так: Родос – первый из средиземноморских островов, открывавшихся взгляду бога, управлявшего солнечной колесницей. Его имя Каф совпадает с именем солнечного божества, почитаемого этрусками. Греки отождествили его со своим Гелиосом. Как бог, чуждый олимпийской религии, он не участвовал в разделе островных владений между олимпийцами, в ходе которого Аполлону и Артемиде достались Делос, Гефесту – Лемнос, Афродите – Кифера и Кипр.

Чуждость родосской мифологии олимпийской явствуется прежде всего из рассказа о первых владыках острова – тельхинах, множестве, выполнявшем функции куретов, стражей бога-младенца, но в то же время обладавших чертами культурных героев, давших островитянам блага, которые в мифах греческого материка приписывались Афине, Деметре, Прометею, Дедалу, Паламеду. Только с оставлением тельхинами Родоса и их рассеянием перед Девкалионовым потоком, датируемым серединой II тысячелетия до н. э., остров попадает под власть Гелиоса, бога нового, ахейского населения.

Имени океаниды Кафиры нет ни в одном из перечней дочерей Океана. Оно произведено от имени бога Кафа, засвидетельствованного на этрусской гадательной печени из Пяченцы как солнечное божество. Однако сам этот теоним мог иметь карийское происхождение. Имя Кафина носила карийская дева, влюбившаяся в греческого вождя Нимфея (Plut., *De mul. virt.*, 7). Карийцы считались народом, впервые установившим господство на морях. Скорее всего, тельхины – персонажи карийской мифологии.

Пер. В. Вересаева.

Существует другая версия мифа, согласно которой Теламон был сыном Актея и Главки, дочери царя Саламина Текрея, и только саламинским героем.

Имя Кикн – по-гречески "лебедь", считавшийся священной птицей Аполлона. Кроме Кикна из Колоны, это имя носило еще четыре мифологических персонажа, один из которых был также сыном Посейдона и также связан с Троей. Кикн, почитавшийся в Северной Италии, где обитали выходцы из Малой Азии и Балканского полуострова, имел сына Купавона. Это древнейшее свидетельство праздника купалы, распространенного у народов Центральной и Южной Европы вплоть до наших дней. Множественность героев с именем Кикн говорит о распространенности культа лебедя у народов Балканского полуострова, Малой Азии и островов Эгеиды. Пересказывая их предания, греки переводили имя героя-лебедя на свой язык. Не исключено, что название одного из городов прибрежной части Малой Азии Лебед было пеласгийским или фригийским обозначением Кикна.

Топором этим был лабрис (т. е. обоюдоострый топор, предназначенный для кровавых жертвоприношений), как показывает его изображение на монетах Тенедоса. По свидетельству Павсания, тенедосцы принесли топор в дар дельфийскому Аполлону.

Лапифы, согласно Гомеру, рано исчезнувшая народность Северной Фессалии (между Олимпом и Оссой), существование которой было продолжено греческими мифами в образах благородных героев старины, прародителей родовых объединений. Таким прародителем для аттического дома Пирифедов стал лапиф Пирифой. Отражая честолюбивые претензии аристократических родов, греческие поэты архаической эпохи ничтоже сумняшеся включали лапифов и их ближайших потомков в команду аргонавтов, в число участников Троянской войны и в другие героические предприятия или переносили их из Северной Фессалии в районы, колонизованные греками. Отсутствие сведений о соседях исторических лапифов послужило основанием для изображения мифической их вражды с кентаврами, за которыми не стоит какой-либо этнографической и исторической реальности, и это полностью вывело лапифов в сферу сказки.

Необычность наказания Иксиона, равно как и его связь с облаком, позволяет видеть в нем древнее космическое божество. Скорее всего, это был догреческий солнечный бог, в пользу чего говорит один из эпитетов Аполлона – Иксий.

Пер. С. П. Кондратьева.

Рассказы о ловких грабителях сокровищниц, возможно, навеяны распространенными в Греции V в. до н. э. историями разграбления египетских гробниц.

Этот пеплос (просторное женское одеяние) и ожерелье играли роль в мифах о походе семерых против Фив.

По другой версии, Автоноя, достигнув супружеского возраста, родила царю и царице внука Актеона. Но он, уйдя на охоту, не вернулся. Семела и Ино погибли на глазах родителей. Пришлось Кадму и Гармонии на старости лет покинуть Фивы, оставив власть Пенфею, сыну Агавы.

Изложение этой и последующих глав об Эдипе строится на материале трагедий Эсхила "Просительницы" и Софокла "Эдип-царь" и "Эдип в Колоне".

Изложение дано по трагедии Софокла "Эдип-царь" в переводе Ф.Ф. Зелинского.

Гомеру известны погребальные игры в честь Эдипа, победителя кадмейцев, видимо павшего насильственной смертью. Невольное убийство отца, женитьба на матери, ослепление Эдипа и дальнейшие его страдания, очевидно, результат разработки первоначальной эпической версии аттическими драматургами.

Изложение дано по трагедии Софокла "Антигона" в переводе Ф.Ф. Зелинского. Имелась и у Еврипида трагедия "Антигона", но она утрачена.

В древнейшей легенде мать Антигоны – не Иокаста, а Эвригания из царского рода флегиев, народа Северной Беотии.

Матерью девушек считалась Аглавра, дочь царя Актея, от которого производилось название Аттики. Однако имени Актей нет ни в одном из списков царей Аттики. Пандроса (греч. "всеорошающая") – видимо, древняя богиня-покровительница растительности, почитавшаяся на священном участке Эрихтония на акрополе.

Это версия большинства авторов. По другой версии, сестер убили змеи. Согласно Овидию, Аглавра была превращена в камень Гимесом за ревность к любимой им сестре Геносее. В северной части афинского акрополя имелось святилище сестер, где отмечался праздник с песнями и плясками.

Было бы логичней считать, что этому обучил царя Посейдон, теснейшим образом связанный с культом коня, но с победой Афины над Посейдоном первоначальный миф был изменен.

Местом действия мифа наряду с Фракией считалась также Фокея (Средняя Греция), и фокейская версия является более древней.

Имморад считался сыном Эвмолпа и внуком Посейдона. Повод для принесения человеческой жертвы представляется неубедительным. Скорее всего, им могла быть обрушившаяся на Аттику эпидемия.

Креуса – распространенное имя. Известны еще три его носительницы: фессалийская наяда, дочь Земли и супруга Энея.

Версия, согласно которой Ион – сын Креусы и Аполлона, принадлежит Еврипиду и разработана им в трагедии "Ион" (passim). По другой версии, Ион – сын Креусы и Ксуфа. Согласно Страбону, Ион осуществил политические реформы, разделив Аттику на четыре филы, и возглавил афинское ополчение в войне с Элевсином.

Согласно историкам, Скирон был не разбойником, а героем, одним из потомков Посейдона или сыном царя Мегар. Как героя Скирона почитали и на острове Саламине. Синис и Скирон были превращены в разбойников мифологической традицией эпохи Писистрата, когда Афины стали претендовать на господство над Мегарами и прилегающей к ней территорией.

Керкион, считавшийся сыном Посейдона (или Гефеста) и местной нимфы, орошавшей рарийские поля, был главным элевсинским героем.

Ариадна – первоначально миноская богиня растительности, идентичная упоминаемой в табличках линейного письма Б "владычице лабиринта". Ей посвящался культовый танец, площадка для которого была раскопана археологами в столице Миноса городе Кноссе.

Пер. Н. Гнедича.

После отражения афинянами персидского нашествия в 480 г. до н. э. афинская аристократия при поддержке дельфийского оракула добилась перенесения якобы найденных останков героя вместе с его оружием с острова Скироса в Афины, установления героона и учреждения культа.

Калидон – город Этолийской равнины на берегу озера Овен в 6 километрах от моря. В ходе раскопок городища выявлены оборонительная стена и перед западными ее воротами – участок с тремя храмами, посвященными Артемиде Лафрии, Аполлону Лафрию и Дионису (эпитет Лафрий объясняется или именем художника, создавшего статуи божеств, или тем, что гнев богини со временем стал "мягче" – *elafrotera*). Два из этих храмов датируются концом VII – началом VI в., один – первой половиной IV в. до н. э. Обнаружен также героон II в. до н. э. Не исключено, что это место культа Мелеагра.

Об Ойнее и его сыне Мелеагре Гомер говорит как о героях отдаленного прошлого:

И в Калидоне каменистом и в граде Халкиде приморской

Не было больше на свете сынов браненосных Ойнея.

Мертв и сам уже был он и мертв Мелеагр светлокудрый.

("Илиада", пер. Н. Гнедича)

Алфея – дочь Фестия, царя соседнего с Калидоном города Плеврона.

Калидонская охота – излюбленный сюжет греческой поэзии и искусства, упомянута уже Гомером. Первое детальное изображение – на огромном чернофигурном кратере ок. 570 г. до н. э. (ваза Франсуа), где фигуры участников охоты и некоторых собак снабжены пояснительными надписями.

Описание праздника Артемиды Лафрии дано Павсанием, который был его свидетелем в конце II в. н. э.

Легенда о любви Орфея и Эвридики изложена римскими поэтами (подробнее всего в "Георгиках" Вергилия) и, скорее всего, восходит к эллинистической эпохе. Согласно Вергилию, Эвридика – дочь Аполлона, любви которой добивался Аристей, сын Кирены.

В этой версии содержится намек на противоестественную однополую любовь. Его любовником считали Калаида, сына Борея, говорили и о том, что после посещения Аида он основал мистерии, в которых было запрещено участвовать женщинам. Но существует и другая, романтическая версия – верность памяти Эвридики.

Сафо – великая греческая поэтесса VI в. до н. э.

Фамира так же, как Орфей и Лин, – предшественник Гомера. Ему приписывался ряд сочинений – "Теогония", "Космогония", "Титаномахия". Нередко его называли учителем Гомера.

Конечно же название этой реки составлено из двух греческих слов – "бросать" ("ballein") и "лира".

Согласно Гомеру, отцом Реса был Эйоней, а матерью, по наиболее распространенным версиям мифа, называли музу – то Клио, то Терпсихору, то Эвтерпу, то Каллиопу.

Кроме фракийской Гарпалики, известна аркадская, дочь царя Схойнея. Имея от него дочь, она подала ребенка на трапезу отцу и была им убита.

Легенду о Форонее, герое допотопного поколения Эллады, сохранили поздние авторы – Аполлодор, Гигин, Павсаний. Их сведения восходят к мифографам V в. до н. э. Акусилаю Аргосскому и Гелланику Лесбосскому.

Не путать с Ниобой, наказанной за гордыню Аполлоном и Артемидой.

Данай – герой-эпоним рано исчезнувшей народности Пелопоннеса (первоначально Фессалии) данайцев. Имя этого племени в греческой поэзии – синоним ахейцев, участников Троянской войны. В египетских текстах времен фараона Рамзеса III (XIII в. до н. э.) данайцы под именем дануна вместе с другими народами эгейского региона ("народами моря" египетских источников) были участниками неудавшегося нападения на Египет. Возможно, вместе с народом плст (филистимлянами-пеласгами) они оказались на побережье страны Ханаан, где известны Библии под названием "дан". Данай так же, как его близнец Эгипт, считался сыном египетского царя Бела и Анхиной, дочери Нила. Геродот считает обоих братьев египтянами, а Манефон пытается найти упоминание о них в египетских источниках. Традиция о Данае как внуке Ио считается более древней.

Легенда о посещении Данаем Родоса, видимо, должна была объяснить давние контакты острова с Египтом, подтверждаемые археологическими находками.

От Гиперместры Линкей имел сына Абанта, ставшего царем Аргониды. Данай скончался при нем. Внук похоронил деда и принес его щит в храм Геры.

Тиринф, расположенный в нескольких километрах от моря, – одно из древнейших поселений Аргolidy, обитаемое с раннего бронзового века и превращенное ок. 1400 г. до н. э. в неприступную крепость и (судя по раскопанному дворцу) в царскую резиденцию.

По другим вариантам, Даная была заточена в неприступную башню.

Согласно другой версии мифа, к Данае проник брат Акрисия Пройт.

Сериф – один из скалистых Кикладских островов, чье население, согласно мифу, было превращено в камни. Его достопримечательностью считались немые лягушки. Незначительность острова в древности служила предметом насмешек над его немногочисленными жителями.

Этим рыбаком был Диктис, родной брат владыки острова Полидекта, герой одноименной несохранившейся трагедии Еврипида.

Горгона – морское чудище, голова которого, изображенная на эгиде Зевса, приводила в ужас всех живущих. У Гесиода – три горгоны – Сфена (Сильная), Эвриала (Многоречивая) и Медуза (Владычествующая). Последняя считалась смертной. Согласно описаниям их изображений, в облике горгон – сочетание женщины с птицей и змеями (тело в чешуе, змеи вместо волос, птичьи крылья, разверстая пасть с клыками и высовывающимся языком).

Атлант – титан западных морей, знакомый с их глубинами и поддерживавший небесный свод.

Финей, брат Кефея, дядя Андромеды. Согласно Гигину, жених Андромеды – Агенор.

За этот год, согласно древней версии мифа, у него от Андромеды родился сын Перс, ставший родоначальником персов.

Как основатель Микен Персей почитался в герооне, находившемся на пути в Аргос. Город будто получил название по найденному на его месте грибу-дождевику (греч. "mikos"), позволившему Персею утолить жажду. В строительстве массивных стен участвовали киклопы. По другой версии, город получил имя Микены, дочери речного бога Инаха.

Телебои – мифический народ Западной Акарнании и Ионийских островов (Эхинад, Левки, Кефалении), отождествляемый с морскими разбойниками тафиями.

Гомер, "Илиада", пер. Н. Гнедича.

Согласно другой традиции, Аэропа была женой сына Атрея Плисфена.

Злодеяния братьев – излюбленный сюжет произведений аттических трагиков Софокла, Еврипида и еще тринадцати других трагических поэтов, а также латинских поэтов Энния, Акция и Вария. Впервые Атрей как "владыка народов" и Фиест как "богатый стадами" упомянуты Гомером.

Эгисф был сыном Фиеста и его же дочери Пелопии. Рожденный от случайной связи с отцом, он был брошен матерью младенцем, вскормлен дикой козой (оттуда его имя), найден и воспитан пастухами.

Правильное написание имени этого мифологического героя – Сисиф, но в русской литературной традиции, благодаря первым русским переводам с латинского, еще с XVIII в. закрепилась форма Сизиф, вошедшая даже в широко известный фразеологизм.

Именно к этой трактовке образа восходит то из преданий, которое превращает Сизифа в отца Одиссея, сделав его возлюбленным Антиклеи, дочери Автолика, в покои которой он проникает хитростью в первую же брачную ночь после ее свадьбы с Лаэртом. По другому варианту, сам Автолик привел Сизифу свою дочь, чтобы его внук унаследовал хитрость и от него.

Впервые о Сизифе как коварном корыстолюбце и посмертной его судьбе в аиде говорится у Гомера, который, однако, ничего не сообщает о причинах постигшей его душу участи; у позднейших же авторов упоминаются и другие преступления: разглашение планов богов, разбойные нападения на путешественников, насилие над женой брата. Все эти варианты, как и рассказ о соблазнении дочери Автолика Антиклей, возможно, восходят к несохранившимся трагедиям Эсхила, Софокла и Еврипида.

В знак этого происхождения Беллерофонт изображался с трезубцем. Можно думать, что Гиппоной-Беллерофонт – первоначально морское божество круга Посейдона.

Гомер дает ей имя Антея, у ряда других авторов она – Сфенобоя.

Мотив запечатанного письма, несущего гибель подателю, использован Шекспиром в трагедии "Гамлет".

Облик этого чудовища сохранила этрусская бронзовая фигура из Ареццо, выкопанная из земли в XVI в. и ныне украшающая археологический музей Флоренции.

В изложениях поздних мифографов Беллерофонт возвращается в Тиринф, чтобы наказать оклеветавшую его супругу царя Пройта.

Столь глубокая древность Ликасуры не нашла археологического подтверждения.

Ликаону приписывается от различных женщин 50 сыновей, которые основали города Аркадии. В произведениях античных мифографов названо по именам 73 сына Ликаона.

Тегея – город в Юго-Восточной Аркадии на вершине горы, в центре небольшой плодородной равнины.

На самом деле имя Телеф не образовано от греческого слова – это древнехеттское имя Телепин, распространенное в Малой Азии (в том числе и в Мизии) во II тысячелетии до н. э. Один из носителей этого имени был царем хеттов.

Алей – герой аркадян, считавшийся основателем городов Тегея и Алея. В окрестностях последнего находился знаменитый храм Афины Алейи. Софокл изложил обрушившиеся на Алея и его род несчастья в несохранившейся трагедии "Алеады". Согласно археологическим находкам, культ Афины Алейи возник в микенскую эпоху.

По другой версии мифа о Телефе, Авга стала женой Тевфранта, и он воспитал ее сына.

На Аталанту претендовали различные регионы Греции. В соответствии с этим отличались ее родословные. В Аркадии она считалась дочерью Иаса или Иасия, сына Ликурга, потомка Аркада. Для Аттики она дочь Менала, эпонима горы Менал, в Беотии – дочь Схеноя, эпонима горы Схенон, одного из сыновей Афаманта и Фемисто.

Парфенопей (дословно – "рожденный девой") в другой версии мифа не аркадянин, а аргивянин, сын Талоса и Лисимахи, брат царя Аргоса Адраста.

Тиния, ставший главным богом в этрусском пантеоне, соответствовал греческому богу-громовержцу Зевсу, имея те же функции.

Существовала также версия, что яйцо упало с луны.

Гесиод в каталоге женщин называет десятерых женихов Елены. В списке Гигина их тридцать шесть, будущих героев Троянской войны.

Пенелопа – дочь Икария и нимфы Перибей, доставшаяся Одиссею то ли за мудрый совет, то ли как награда за победу в беге. В "Одиссее" она образец супружеской верности. В поздних изложениях мифа она, напротив, изменяет мужу (см. примеч. 48).

Салмоней – один из сыновей Эола, брат Сизифа. Его относили к послепотопному поколению человечества, к потомкам Девкалиона. Восседаая на бронзовой колеснице, Салмоней метал с нее факелы, утверждая, что он Зевс, за что и был поражен молнией громовержца.

Узнаванию близнецами матери посвящена несохранившаяся трагедия Софокла "Тиро".

Не путать с его тезкой, сыном Посейдона и дочери Тиресия Хлориды, прославившимся в фиванском цикле мифов как защитник Фив.

Мелампод и Биант считались сыновьями Амифаона и Идомены, потомками Кретея и Тиро, фессалийцами, переселившимися в Пилос.

Герения считалась древними мифографами местом воспитания Нестора. Но поскольку такая местность неизвестна, можно думать, что "геренский всадник" – древний эпитет Нестора, от которого произведено название несуществующей Герении.

Античные авторы колебались в определении того, какой из Пилосов Пелопоннеса был столицей царства Нестора. Но после открытия в 1939 г. дворца в Пилосе Мессении с богатейшим дворцовым архивом не стало сомнений в том, что мессенский Пилос как центр исторической памяти микенской эпохи породил образ героя, бывшего участником стольких событий и в силу своего опыта объявленного советчиком ахейцев.

Ата (греч. "ate", от греч. "ααο" – "ослеплять") – дочь Зевса, сброшенная с Олимпа на землю для причинения вреда людям. Эсхил наделяет Ату демоническими чертами.

Желая объяснить имя Геракла, некоторые древние авторы рассказывали, что Гера дала младенцу грудь, и тот ее укусил. Разлившееся молоко образовало Млечный Путь.

Легенду о нападении змей донес беотийский поэт Пиндар. Ее подхватили другие поэты-мифографы, домыслившие живописные детали – ужас отца, блеск зажженных факелов, крики служанок. Эта сцена часто воспроизводилась на стенках краснофигурных сосудов, на монетах, на фресках.

Лин (греч. Linos) – согласно одной из генеалогий, сын Аполлона и Псамафы, имя которого связывали с музыкой. Лином называли также особый, печальный жанр песни. Плиний Старший характеризует Лина как известного композитора и кифареда.

По другой версии, он должен был служить Эврисфею двенадцать лет. Эта служба не рассматривалась как рабство.

Молорху приписывали сооружение первого алтаря Геракла. По другой версии, алтарь Гераклу впервые был сооружен отцом Патрокла Менетием, а как бог Геракл стал впервые почитаться в Афинах.

Лерна – местность в сорока стадиях (7 км) от Аргоса на реке Ронтин, образующей болото, которое считалось бездонным. Расположенная поблизости священная роща была местом почитания Деметры, Диониса и Посейдона. Юноша, совершающий подвиг, становился угодным этим богам и причастным их культу.

Большинство античных мифографов ставит победу Геракла над Эриманфским вепрем на третье место, только Аполлодор считает третьей победу над Керинейской ланью.

В Аркадии и вообще на Пелопоннесе не был гор с таким названием. В Эпире были Керавнийские горы. Возможно, название Керинейских гор образовано от основы "ker" в значении "рог".

Некоторые авторы называют зверя Керинейских гор "свирепым оленем". Высказывалось мнение, что это лось, животное, известное в древности, но для классической Греции крайне редкое.

Здесь Тайгета не одна из плеяд, а олицетворение Тайгетских гор на Пелопоннесе.

По другим генеалогиям Авгий – сын лапифа Форбанта, героя родосских легенд, или Элея, эпонима Элиды, или бога Посейдона. Он принимал участие в плавании аргонавтов вместе с Гераклом.

Пять раз встречался Геракл с дикими животными. На шестом месте стоит работа в домашней сфере – очищение от навоза двора. Грекам героической эпохи было известно употребление навоза для сельскохозяйственных нужд. Поэтому шестое деяние может быть отнесено к достаточно отдаленной исторической эпохе.

Согласно Аполлодору, этот труд не был засчитан Эврисфеем.

В определении происхождения быка, которого должен был выловить Геракл, не было единства. Некоторые отождествляли его с быком, похитившим Европу, другие – с возлюбленным Пасифай, отцом Минотавра.

Имена людоедов – Подарг, Лампон и Дем.

По другой версии, Абдер – сын Аполлона, локриец и любимец Геракла.

Впервые об амазонках упоминает Гомер, поселивший их в Ликий и полагавший, что один из холмов в Трое – могила амазонки Мирины. В примыкавшей к "Илиаде" киклической поэме "Эфиопиде" царю Трои Приаму приходит на помощь амазонка Пентефлея, которую убивает и оплакивает Ахилл. Царство амазонок первоначально локализовалось на северо-востоке Малой Азии, между будущими городами Синопой и Трапезундом. После освоения греками этого участка побережья амазонки были передвинуты в отдаленные земли скифов и сарматов, а также на побережье Каспийского моря. Кроме Геракла и Ахилла, с амазонками, согласно мифам, сражались Ясон и Тесей. Бои с ними Геракла, проникнувшего в земли амазонок, излюбленный мотив греческой керамики начиная с середины VI в. до н. э., живописи и скульптуры V-IV вв. до н. э. (рельефы Парфенона, метопы Тесейона в Афинах, храма Зевса в Олимпии, Геры в Селинунте, Галикарнасского мавзолея). Популярность этого подвига связана с основанием эгийцами и беотийцами в этом районе Гераклеи в 560 г. до н. э. и интересом к Понту Эвксинскому Афин времени Перикла.

Адмета, дочь Эврисфея, правнучка Персея, – жрица храма Геры в Аргосе, героиня Самоса. Павсаний приписал ей перенесение культа Геры из Аргоса на Самос.

Герийон считался сыном Хрисаора и Каллирои, братом Ехидны и локализовался на о. Эрифии, где паслись его коровы, охраняемые пастухом Эвритом и псом Орфом. Герийону была посвящена драма сицилийского поэта Стесихора, о нем много писали греческие и римские поэты, мифографы, историки.

Антей – сын Посейдона и Геи, локализуемый на крайнем западе Ливии. Женой его считалась Тинге, также убитая Гераклом. Ее имя получил город Мавретании Тингис (совр. Танжер).

Тиррения – часть Италии к югу от земель лигуров, заселенная тирренами (этрусками).

В мифологической традиции, восходящей к этрускам, Как – не разбойник, а союзник царя Фригии Марсия, приглашенного в Италию этрусским царем Тархоном. На этрусских памятниках Как изображается музыкантом и пророком.

Тринакрия (у Гомера – Тринакия) – древнее название Сицилии (греч. Сикелии), названной так по переселившемуся туда около XIII в. до н. э. племени сикулов (греч. сикелов).

Согласно преданию, перед боем Геракл выставил в качестве залога стадо, Эрикс – свои земли. Но Геракл не стал их брать, сказав, что пока в них не нуждается, а оставляет потомкам, если они когда-нибудь им потребуются. Эта деталь мифа призвана подчеркнуть законность захвата территории дорийскими колонистами, возвращающими принадлежащее им по праву наследство Геракла.

Сад Гесперид первоначально мыслился находящимся в Элиде. Это явствует из того, что его охранял дракон Ладон, эпоним реки, протекающей по Аркадии и Элиде. В эпоху великой греческой колонизации сад был передвинут к западным берегам Сицилии, а затем уже на запад Ливии, где находились озеро Тритона и горы Атланта (Атласа).

Геспериды - нимфы заката, первоначально дочери Ночи, позднее - Зевса и Фемиды, Форниса и Кето и, наконец, Геспера, или Атланта, и Геспериды.

Изложен один из многочисленных вариантов, другие варианты, известные по текстам и изображениям на сосудах, рельефах, бронзовых зеркалах, содержат детали, призванные то усложнить задачу героя, то облегчить ее. Так, на пути Геракла встает египетский царь сын Посейдона Бусирис, пославший против героя разбойников. Геракл не только разрушает планы царя, но убивает его вместе с сыном и спасает от Гесперид разбойников. Явным образом в этом варианте греческий миф соединен с египетским – в имени царя присутствует теоним Осирис. С другой стороны, у Геракла появляются советчики и помощники, в том числе бессмертные – нимфы, морские старцы, олимпийские боги. Порой изменяется и маршрут героя. Так, на его пути оказывается Кавказ с Прометеем, дающим ему совет.

Имя Кербер впервые встречается у Гесиода, но, возможно, это поздняя интерполяция. О псе айда без указания имени известно уже Гомеру. Кербер считался сыном Тифона и Ехидны, братом Орфа, Лернейской гидры и Немейского льва.

Местом спуска Геракла в аид считалась одна из горных пещер Пелопоннеса, чаще всего в горах Тенара.

Омфала наследовала своему супругу Тмолу или, по другой версии, была девой. Перенесение деяний Геракла в Малую Азию связано со стремлением правителей Лидии породниться со знаменитым героем. Цари Лидии Мермнады возводили свою родословную к сыновьям Геракла от мифической царицы Омфалы. Видимо, первоначально Омфала была эпонимом горы Омфалион в Эпире и никакого отношения к Малой Азии не имела.

Меонийцы – народ Малой Азии, который во II тысячелетии до н. э. занимал территорию будущей Лидии, царства, прославленного царями Гигесом и Крезом.

Переодевание в женское платье, истолкованное как унижение Геракла, – деталь распространенного в Малой Азии и на островах Крите и Самосе культа великих богинь-матерей.

Керкопы – два брата, чьи имена даются разными авторами по-разному, сыновья Тейи, одной из океанид. Первым их противником считался Мелампиг ("Чернозадый"). По одной из версий мифа, Зевс, возмущенный поведением керкопов, превратил их в обезьян и перенес на запад, где они дали название одному из островов Неаполитанского залива – "Обезьяний" (этр. Инарима, греч. Питекусса).

В соседних с царством Омфалы землях не было города Итон. Город с этим названием находился в Ахайе. Его эпонимом считался фессалийский герой Итон, сын Амфиктиона.

Ахелой (ныне Аспропотамо) – самая значительная река Древней Греции, протекающая по Этолии, но также и бог этой реки, считавшийся сыном то Океана и Фетиды, то Гелиоса и Геи. Ему приписывалась любовная связь с Мельпоменой и другими музами. Он считался отцом Кастальского источника в Дельфах, источника Дирки в Фивах и реки Каллирои – "Прекраснотекущей".

На самом деле, "Арго" – греч. "Быстрый". Название это, судя по длительности плавания, он не оправдал.

Каталог аргонавтов приводят многие авторы. Наиболее полный список дает Гигин, взявший за основу "Аргонавтику" Аполлония Родосского. Свой перечень, насчитывающий 60 имен, Аполлоний Родосский начинает с Орфея и завершает строителем корабля Аргом. Список же Гигина включает также аргонавтов, не достигших Колхиды или присоединившихся в пути. При этом большинство участников плавания не минийцы (фессалийцы), а выдающиеся герои других регионов, включение которых в каталог является проявлением локального патриотизма.

Идмон считал себя сыном Аполлона. Его смертным отцом был один из сыновей Мелампода, матерью – Астерия или Кирена.

По другой версии, Гипсипила, спасшая своего отца Фоанта, была продана лемносянками в рабство и стала кормилицей сына царя Немей Ликурга и невольной виновницей его гибели.

В качестве имени царю было дано название знаменитого города Кизик у входа в Боспор.

Сопровождавший Геракла Гилас, желая напиться, возбудил страсть нимф и был увлечен ими на дно.

Имеются и другие версии удаления Геракла. Согласно самой древней из них, которой придерживаются Гесиод, Гелланик и Геродот, герою пришлось покинуть корабль в самом начале пути: или когда он отправился на поиски Гиласа, или же потому, что "Арго", заговорив человеческим голосом, отказался нести тяжесть его могучего тела. В некоторых вариантах Геракл вообще исключается из команды аргонавтов. Все это свидетельствует об искусственном включении его в число ищущих золотое руно.

Бебрики - рано исчезнувший народ Вифинии. Упоминается только в связи с посещением их земель аргонавтами.

Согласно Диодору, Финей не был спасен аргонавтами, а за жестокое обращение с сыновьями убит Бореадами или Гераклом.

Утесы у входа в Боспор Фракийский назывались Кианеями (Синими) и Симплигадами (Сталкивающимися).

По другой версии, царем мариандинов был Лик, сын Даскила, внук Тантала, и в силу этого он питал симпатии к минийцам. Лик был союзником Геракла в войне с бебриками, убил брата царя Амика Мигдона.

Фасис – река на юго-западе Понта Эвксинского, считавшаяся границей между Азией и Европой. Сведения о ней были неточными и противоречивыми. Обычно отождествляется с рекой Риони.

Описание смятения, охватившего Медею, представляет Аполлония Родосского как поэта, которому доступно понимание женской любви. Здесь он выходит за рамки сюжета и предначертанного мифом образа Медеи, волшебницы, неожиданно захваченной неведомым ей ранее чувством.

Гименей – бог свадебных процессий, персонификация брачного гимна. Его считали сыном Аполлона от одной из муз (Каллиопы, Клио, Урании) или сыном Диониса и Афродиты, а также сыном фессалийского героя Магнеса или его сына Пиера.

Согласно Диодору, Ээт с войском настиг аргонатов близ моря и окружил их. В разгоревшейся битве он был убит, а многие аргонаты, в том числе Ясон, ранены и исцелены Медеей.

Мопс – лапиф, сын Ам픽са и Хлориды, участник Калидонской охоты и похода аргонавтов. В качестве прорицателя он сменил на борту "Арго" Идмона.

Расширение географических знаний о Европе показало невозможность маршрута во Внутреннее море через Истр и Родан, поэтому Диодор вслед за историком III в. до н. э. Тимеем намечает иной путь – по Танаису (Дону), реке Океану и оттуда через Гадир в "Наше море".

Медный великан Талос – последнее препятствие на пути к Иолку, преодоленное аргонавтами. Кажется, что их цель не столь золотое руно, сколь свобода мореплавания. Их не останавливают Симплигады, из Понта Эвксинского они находят путь в Тирренское море, пересекают Ливийскую пустыню. Не могут же мифографы допустить, чтобы они миновали Крит, закрытый для мореходов из-за допотопного чудища?

По версии Аполлодора, убить его удалось одному из аргонавтов, меткому стрелку Поеанту, сыну Тавмака. На так называемом "Кратере Талоса" из Руво (ок. 400 г. до н. э.) в уничтожении великана участвуют Диоскуры.

Из эпитета "Минойская" явствует, что Аполлоний Родосский, которому принадлежит рассказ о гибели Талоса, знал о почитании на острове Крите Афины уже во времена легендарного царя Миноса. И в самом деле, в текстах линейного письма Б, найденных на острове, упоминается богиня Атана.

Рассказом об Эгине, острове у берегов Аргolidы, где аргонавтам по местному обычаю устроили состязание в беге с кувшинами воды, завершается "Аргонавтика" Аполлония Родосского. Дальнейший путь аргонавтов описывается другими авторами.

По версии Диодора, Ясон покинул Иолк добровольно, чтобы принести в Коринфе жертву Посейдону и посвятить ему "Арго".

Гесиоду известен один сын Медеи; другие говорят о дочери Эропии; позднее у трагиков сообщается о близнецах Фере и Мермере; Диодор называет Фессала, Алкимена и Тисандра.

Мотив убийства Медеей детей вносит Еврипид в трагедии "Медея". У других авторов детей побивают камнями жители Эфиры. Согласно Диодору, один из сыновей Ясона и Медеи, Фессал, остается жив и впоследствии возвращается в Иолк, где становится родоначальником фессалийцев. Что касается Медеи, то она еще пытается пристроиться в Фивах к Гераклу, соблазнить старца Эгея в Афинах, но, потерпев неудачу, возвращается на родину.

В самофракийской версии мифа переселение Дардана в Самофракию датируется временем Девкалионова потопа и мотивируется им.

Среди сконструированных по образцу греческих героев- эпонимов фигур предков троянского царя Приама (например, от двух названий города Трои – Троя и Илион – два персонажа: Ил и Трос) Дардан занимает ключевое положение и, как предполагает Карл Роберт, в первоначально не разросшемся генеалогическом древе царя Приама он был не далеким предком, а его отцом. Не случайно в "Илиаде" Приам десять раз назван Дарданидом и только дважды Лаомедонтидом.

Имеется в виду плеяда Электра, одна из семи дочерей титана Атланта и Плеоны. Согласно наиболее распространенной версии мифа, она переправилась из Самофраки в Троаду, где стала родоначальницей троянских царей. В этрусской версии мифа Электра – жена этрусского царя Корифа, которому родила сыновей Ясиона и Дардана. Когда Электру возжелал Зевс, она отдала себя под защиту палладия.

Тевкр появился в генеалогическом древе троянских царей с голоса элегического поэта Калина. У Геродота тевкры – первоначальное население Троады, одна часть их до его времени сохранялась в Малой Азии, тогда как основная масса переправилась вместе с мизийцами через Геллеспонт, подчинила фракийцев и обосновалась в среднем течении реки Стримон. Историчность народа тевкров подтверждается древнеегипетскими текстами XIII-XII вв. до н. э., в которых они фигурируют, согласно египетской транскрипции, как ТКР, присутствуя среди "народов моря", обрушившихся на Египет.

Палладий, как говорит сам термин, – изображение Паллады, которое в "Илиаде" отождествляется с культовой статуей Афины. Некоторые считали, что палладий был из той же самой кости, которую боги использовали для восстановления поврежденного плеча Пелопса. Рассказывали также, что Дардан перенес палладий из Самофраки в Трою, что палладий был изображением Тевкра. Столь же многочисленны домыслы о судьбе палладия после падения Трои. На палладий претендовали Афины, Рим и другие города. Риму он достался по праву сильного через фиктивного героя Энея.

Фиктивность фигуры Лаомедонта подчеркивается колебаниями мифографов в выборе имени его жены, матери Приама. Это Стримона (по реке Стримон, близ которой поселились тевкры), Рео, Левкиппа или Зевксиппа.

По одной версии, Гекаба (в произношении этрусков, воспринятом римлянами, – Гекуба) – одна из дочерей царя Фригии Дима, сына (или внука) речного бога Сангария. По другой версии, ее отец – фракийский царь Киссей. Колебания между фригийскими и фракийскими корнями Гекабы исторически объясняются тем, что фракийцы и фригийцы были народами, родственными по языку. Троянцы в этническом отношении были фрако-фригийской народностью.

Нимфа Ойнона была олицетворением горной реки Кебрена.

Изложение дается по трагедии Еврипида "Ифигения в Авлиде" в переводе И. Анненского.

Все эти события, охватившие десятилетие, вынесены за временные рамки "Илиады".

Патрокл, сын Менетия, сводного брата Эака. В юности нечаянно убив одного из своих сверстников, он вместе с отцом бежал во Фтию на родину Ахилла и с тех пор был с ним неразлучен.

Имя Автомедона стало нарицательным. Так, Пушкин писал: "Автомедоны наши бойки, //
Неутомимы наши тройки".

На рельефах II тысячелетия до н. э. микенцы, в отличие от других воинов, одеты в поножи, и поэтому Гомер использует в отношении ахейцев эпитет "прекраснопоножные".

Эней – сын Анхиза и Афродиты, родственник Приама. Поздние легенды сделали его прародителем римлян.

Рисуемое Гомером бегство Гектора не согласуется с характером героя и не может быть объяснено стремлением поэта показать превосходство его противника Ахилла в моральном и военном отношениях. Для Гомера Гектор и Ахилл равновелики. Возникает вопрос: не стоит ли за этой сценой какой-то неизвестный нам магический ритуал защиты города, подобный поздним греческим агонам, когда победа достигается не силой оружия, а быстротой. Побеждает "быстроногий" Ахилл.

Власть Ахилла над ветрами может быть поставлена в связь с его трактовкой уже с V в. до н. э. как бога, владыки острова на Понте Эвксинском. В римскую эпоху Ахилл понимался как понтарх – владыка Понта.

История любви Ахилла и Поликсены обстоятельнее всего изложена в романе Диктиса Критского о Троянской войне, дошедшем в латинской версии.

По-разному говорили о судьбе души Ахилла. В "Одиссее" душа Ахилла находится в аиде и страдает, как все другие души. Но уже очень рано душу Ахилла переносят на Острова Блаженных (Елисейские поля), где он будто бы живет второй жизнью, наслаждаясь близостью Елены (или Медеи, Поликсены, Ифигении). Острова Блаженных обычно мыслились на дальнем западе, но к ним причислялся и остров Левка близ устья Истра (Дуная). Здесь имелся храм Ахилла, посещавшийся соседними племенами и мореходами.

С дальнейшим проникновением греков к северному побережью Понта Эвксинского имя Левки было перенесено на остров Борисфениду, который также стал называться Ахиллеидой. Неподалеку от этого острова располагался отходящий от Таврики полуостров – Ахиллов бег (Арабатская стрелка).

О судьбе Филоктета одноименная трагедия Софокла. Драммы Эсхила и Еврипида на эту тему не сохранились. Краткое сообщение см. у Аполлодора.

Уже у Гомера строителем деревянного коня назван Эпей, сын Панопея, принимавший участие в походе ахейцев. Согласно поздним версиям, после взятия Трои Эпей оказался в Италии и там основал города Метапонт и Пизу. Ему как мастеру приписывается также сооружение удивительной статуи Гермеса, которую почитал фракийский царь Айнос.

Впервые персонаж с этим именем появляется у Аристотеля.

Разработка легенды о Лаокооне – в "Энеиде" Вергилия. У других авторов, касавшихся этого сюжета, приводятся имена сыновей Лаокоона и змей, задушивших их вместе с отцом.

При этом сообщается, что вместо тела Гекабы оказался труп собаки. По другой версии, Гекаба превратилась в собаку на корабле, увозившем ее в плен.

Излагаемая нами версия, впервые предложенная поэтом V в. до н. э. Стесихором, противоречит версии мифа о Елене, которую принял Гомер и другие авторы, повествующие о возвращении победителей на родину, кроме Еврипида, следующего в трагедии "Елена" вслед за Стесихором.

Убежищем Менелая и Елены считался островок в западном устье Нила близ будущей Александрии. Здесь находился египетский город. Греки называли его Канопом по имени кормчего Менелая Каноба, погибшего здесь от укуса змеи. Из слез, пролитых по этому случаю Еленой, будто бы выросло целебное успокаивающее растение элений (элениум). По другим версиям, Каноб был то кормчим бога Осириса, то корабля "Арго". Ныне в блеске своих архитектурных памятников, поразивших римского императора Адриана, город Каноп обнаружен на морском дне.

Во II в. н. э. в Спарте путешественникам показывали дом, в котором жил Менелай. Тогда же его почитали как бога.

По другой версии, Электра впервые узнала своего брата на могиле отца.

Пилад, племянник Агамемнона, воспитывавшийся вместе с Орестом в доме своего отца Строфила. По отцу он потомок Фока, Эака и самого Зевса.

Эти убийства были изображены на картине, которую видел Павсаний в Афинах, заметивший по этому поводу, что "хорошо сделал Гомер, опустивший это кровавое дело".

Давн – эпоним племени давнов, занимавшего юг Адриатического побережья Италии.

Предания о странствиях Тевкра вобрали в себя воспоминания о передвижении народов XII-XI вв. до н. э., среди которых были тевкры, известные по египетским текстам этого времени. Произошло слияние двух героев – Тевкра саламинского и фракийского Тевкра. Это ясно из сообщения о троянских пленниках, т. е. фригийцах, составивших в мифе часть населения Кипра.

Марон считался потомком Диониса или даже его сыном. Слово *маго* на этрусском языке означает жреческий титул. Оно вошло в имя римского поэта этрусского происхождения Вергилия Марона.

В "Илиаде" Полифем назван воином, равным небожителям. В "Одиссее" он сын Посейдона, дикарь и людоед. В разработке образа в эллинистическую эпоху Полифем – сицилийский пастух, влюбленный в пастушку Галатею.

Впервые лестригоны появляются в "Одиссее". В римскую эпоху страну лестригонов локализовали на итальянском побережье к югу от Лация.

Остров Кирки, как это явствует из последующего изложения, помещен Гомером близ аида, т. е. на крайнем западе. Это вольность поэта. Поскольку Кирка была дочерью Гелиоса, ее территорией должен был быть Восток, место, близкое к Колхиде, страна Ээта и Медеи, сестры Кирки. Именно поэтому Диодор в главах, посвященных плаваниям аргонавтов, изображает Кирку царицей сарматов, погубившей своего мужа зельями, лишенной власти и бежавшей на запад, где она то ли завладела островом в Океане, то ли обосновалась в Италии на мысе Киркея. Такая путаница со странами света дала повод одному из современных исследователей высказать мнение, что местом действия "Одиссеи" было не Средиземное, а Черное море.

Сирены, впервые упомянутые в "Одиссее", – морские демоны, полуженщины-полуптицы. Их считали дочерьми музы Мельпомены и речного бога Ахелоя или Ахелоя и Стеропы.

Песня, вложенная Гомером в уста сирен, характеризует их не просто как обольстительниц, жаждущих гибели мореходов, а как существ, обладающих знанием, которое недоступно простым смертным. Не случайно их матерью считалась Мельпомена. В этой ипостаси сирены близки к библейскому змею, совращающему Еву и Адама, которые вкушают плоды с древа познания и изгоняются из Эдема. Знание играет роль приманки, которой пользуются враждебные людям демонические силы.

Пер. В. А. Жуковского.

По одной из версий, Калипсо – дочь Атланта и океаниды Плейоны, по другой – Гелиоса и Персиды. Ее остров Ортигию отождествляют с островком Кевта близ населенного маврузиями берега Ливии, у Геракловых столпов.

Феаки – мифический народ. Этноним объяснялся от имени героя Феака, сына Посейдона и нимфы Керкиры, правившего на острове Керкира. По мнению современных исследователей, Схерия – один из островов, не поддающихся локализации.

Демофонт – сын Тесея и Федры, брат Акаманта. Освобождение Эфры, оказавшейся в рабстве у Елены, было сюжетом одной из картин Полигнота и часто изображалось на сосудах. По одной из версий мифа, Афины обязаны Демофону палладием Трои, который он похищает у Диомеда.

На этом основании в годы Пелопоннесской войны спартанцы, разорившие Аттику, пощадили Марафон.

По Диодору, у Темена было три сына – Кисс, Фалк и Керин.

Миф об Архелаете как первом царе Македонии был изложен в несохранившейся трагедии Еврипида "Архелай". Еврипид одно время жил при дворе македонского царя Архелая, тезки основателя Эг. В основу трагедии, скорее всего, были положены местные легенды о начале династии македонских царей.

Трагедия Еврипида "Кресфонт" не дошла. Ее содержание изложено Аполлодором, Гигином и Павсанием.